

HISTORIA

ROSSICA

В. С. Измозик

**"Черные
кабинеты"**

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ
ПЕРЛЮСТРАЦИИ.
XVIII –
НАЧАЛО XX ВЕКА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Владлен Измозик

**«Черные кабинеты» История
российской перлюстрации.
XVIII – начало XX века**

«НЛО»

2015

Измозик В. С.

«Черные кабинеты» История российской перлюстрации.
XVIII – начало XX века / В. С. Измозик — «НЛО»,
2015 — (Historia Rossica)

Автор монографии — крупнейший специалист по истории российской перлюстрации. В.С. Измозик провел почти двадцать лет в архивных изысканиях, пытаясь проникнуть в самые темные уголки закулисной политики, в тайну «черных кабинетов». Читателя ждет увлекательный рассказ о режиме строжайшей секретности, способах вскрытия частной и дипломатической корреспонденции, об обнаруженных благодаря перлюстрации кознях и заговорах, а также о нелегкой жизни и службе чиновников «черных кабинетов». После перлюстрации и после архивных исследований тайное становится вдвойне явным, позволяя глубже понять события политической истории Российской империи.

© Измозик В. С., 2015

© НЛО, 2015

Содержание

Предисловие	6
Введение	11
Глава 1	41
Глава 2	119
Глава 3	179
Глава 4	196
Глава 5	243
Глава 6	346
Заключение	367
ПРИЛОЖЕНИЯ	372
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	372
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	378
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	387
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	388
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	392
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	409
Библиография	410

В.С. Измозик

«Черные кабинеты» История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века

Моей жене, Людмиле Васильевне Обуховой

Городничий: <...> Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки.

Почтмейстер: Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. <...>

<...>

Городничий: <...> Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадетя жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Н.В. Гоголь. «Ревизор»

Предисловие

С конца XIX века в Министерстве внутренних дел Российской империи существовала довольно странная для непосвященных традиция. На следующий день после назначения нового министра в его приемной появлялся чиновник в мундире почтового ведомства. Он сообщал секретарю, что о приеме у министра просит старший цензор цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте. Как правило, его тут же просили пройти в кабинет.

Представившись, он доставал из папки большой белый конверт с надписью на лицевой стороне «Его Сиятельству» и красной сургучной печатью на обороте. Получив конверт и аккуратно вскрыв его, новый министр обнаруживал там высочайше утвержденный 5 января 1895 года секретный доклад тогдашнего министра, статс-секретаря Ивана Николаевича Дурново. Текст начинался словами: «Секретно. О перлюстрации». Считалось, что только в этот момент новый министр узнавал, во всяком случае официально, о существовании в империи службы перлюстрации и знакомился с ее руководителем. Одновременно министр получал копию этого доклада и первый пакет выписок из перлюстрированной корреспонденции.

С этого дня ежедневно рано утром, в начале девятого часа, в канцелярию министра внутренних дел доставлялся большой толстый конверт листового формата, запечатанный сургучной печатью с гербом без инициалов. На нем типографским способом было напечатано: «Его Высокопревосходительству» – и далее указывались имя, отчество и фамилия очередного министра. Секретарь знал, что вскрывать этот конверт нельзя, и просто клал его на стол своего патрона. На самом деле конверт был двойным, и оба пакета были опечатаны в целях большей конспирации. Во внутренний конверт вкладывалась также справка о количестве выписок и писем, отправленных в Департамент полиции (ДП) Министерства внутренних дел. Таким образом министр знакомился с очередной порцией перлюстрации¹.

Что обуславливало столь повышенную секретность? Что вообще означает слово «перлюстрация»? Перлюстрация (от латинского *perlustro* – обзреваю) – вскрытие писем без ведома пишущих – возникла, по всей видимости, в глубокой древности, с началом почтовой переписки. В литературе можно встретить утверждение, что еще в 499 году до н.э. персидскому наместнику города Милета Аристагору, готовившему восстание ионийских городов Малой Азии против Дария I, нужно было отправить послание одному из союзников. Письмо было начертано на бритой голове раба, и раб отправился в путь, когда отросли волосы². Власть, естественно, всегда желала знать, что думают о ней дипломатические представители других государств, политические противники, истинные или мнимые, наконец, собственные подданные. Римский автор I века н.э. К.К. Руф утверждает, что Александр Македонский, заподозрив в заговоре некоторых лиц из своего окружения, прочитал перехваченное письмо полководца Пармениона к его сыновьям Никанору и Филоту. В результате Парменион и Филот были убиты³. Другой римский историк II–III веков, Юстин, пересказывая труд Помпея Трога, сообщает, что Александр Македонский, заметив недовольство воинов, предложил желающим написать письма на родину. Сданные связки писем он приказал тайно принести к нему. Те, кто написал о тяготах службы, были публично опозорены⁴.

---

¹ Государственный архив Российской Федерации [далее – ГАРФ]. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 49 об., 51, 52, 72–72 об.

² Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. Об истории возникновения и развития контроля почтовых отправлений // История государства и права. 2006. № 3. С. 22.

³ Руф К.К. История Александра Македонского. М.: МГУ, 1993. С. 131.

⁴ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» // Руф К.К. История Александра Македонского. С. 363.

Если брать Средние века, известно, что перлюстрация в Европе существовала при Людовике XI (1423–1483). Но создателем целой системы перлюстрации считают знаменитого кардинала Армана Жана дю Плесси Ришелье. В 1628 году он провел почтовую реформу, запретив пересылку писем помимо почты. Одновременно по его приказу при Парижском почтамте появилась специальная комната для тайного просмотра пересылаемой корреспонденции. Так возникло выражение «черный кабинет» – помещение, где проводилась перлюстрация. Сам Ришелье цинично называл эту операцию «размягчением сургуча» (*le ramllissement de la cire*). Детище кардинала Ришелье усовершенствовал король Людовик XIV, организовав полицейское политическое бюро⁵. С середины XVII века подобные службы появились почти во всех европейских странах.

Главной особенностью перлюстрации было то, что она проводилась строго секретно и в нарушение официально существовавшего законодательства. Секретные инструкции для чиновников-перлюстраторов были важнее законов. Государство всегда официально отрицало существование перлюстрации, иначе она потеряла бы свой смысл. Поэтому перлюстрация и все, что было с ней связано, считались одной из важнейших государственных тайн.

Сразу скажу, что отличаю перлюстрацию от официальной военной цензуры. Последняя не является перлюстрацией в полной мере, так как военная цензура вводится специальным публикуемым постановлением, на корреспонденции ставится специальный штамп «Проверено военной цензурой»; в самом тексте при необходимости делаются вымарывания. Даже в отношении XVIII века, когда специальных штампов не существовало, но обывателям объявлялось о сдаче писем для проверки, нельзя говорить о перлюстрации. Поэтому известный историк В.В. Лапин, на мой взгляд, неправоммерно употребляет данный термин, сообщая, что в 1705 году в ходе Северной войны по приказу Петра I «все жители Митавы должны были под страхом смертной казни передавать для перлюстрации любую свою переписку», чтобы лишить шведов возможности получать информацию о русских войсках в Курляндии. Представляется, что здесь необходим термин «цензура». Такая же подмена понятий у автора присутствует в рассказе о том, что из России письма пленных шведов «шли около года, поскольку подлежали неспешной процедуре перлюстрации в Посольском приказе»⁶.

Также неверна ссылка Л.В. Антоновой и Т.А. Просвировой на указ Петра I от 17 июня 1718 года как на указ о перлюстрации⁷. На деле в этом документе речь шла о том, что некоторым из арестованных по делу царевича Алексея приходят «подозрительные письма под другими конвертами». То же относилось и к шведским пленным, которым «по воинскому поведению и обычаю явная корреспонденция за отворчатою печатью... запрещена не была», но к ним «под конвертами чужестранных письма... приходят и отходят». Поэтому под страхом смертной казни и конфискации «всего... движимого и недвижимого имущества» такие письма велено было отдавать в Генеральное почтовое управление. Причем «сей указ» следовало «везде публиковать и во всех почтовых дворах прибить»⁸. Понятно, что в данном случае имелась в виду цензура, а не перлюстрация. Кроме переписки военнопленных, всегда официально контролировалась также переписка заключенных. Вскрытие корреспонденции могло производиться и на основании постановления прокуратуры или суда по представлению следственных органов в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений.

Даже добросовестных авторов подводит недостаточное знание законов Российской империи и распоряжений высших начальствующих лиц в тот или иной период ее исто-

⁵ Кениг Б.Э. «Черные кабинеты» в Западной Европе. История нарушения почтовой тайны / Пер. с нем. М., 1905. [На немецком языке первое издание – 1875 года, второе – 1899#го.] С. 10–11, 13.

⁶ Лапин В.В. Полтава – российская слава: Россия в Северной войне 1700–1721 гг. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 123, 231.

⁷ Антонова Л.В., Просвирина Т.А. История спецслужб России. М.: Дом славянской книги, 2010. С. 36.

⁸ Полное собрание законов Российской империи [далее – ПСЗ]. Собр. 1#е. Т. 5. СПб., 1830. № 3209.

рии. Например, филателист В. Калмыков считает, что штемпель «ДЦ» (дозволено цензурой) ставился на перлюстрируемых письмах в «черных кабинетах», а губернские жандармские управления употребляли свой цензурный штемпель на просмотренных письмах⁹. Автор из Иркутска В. Блануца пишет, что на конверте письма, направленного административно-ссылному А.С. Бориневичу из Одессы 9 марта 1880 года и поступившего в Иркутскую почтовую контору 17 апреля, имеются надпись «В Канц [елярии] Ирк [утского] Губ [ернатора] просмотрено» и подпись. Еще на одном конверте для того же адресата, доставленном в город Верхоленск, стоит сургучная печать «Исправника Верхоленского округа». На этом основании делается вывод, что перед нами примеры перлюстрации в канцелярии иркутского губернатора и у исправника, причем в первом случае неосторожно была сделана рукописная пометка¹⁰. Однако в действительности здесь не было факта перлюстрации. Дело в том, что в июне 1878 года генерал-губернатор Восточной Сибири барон П.А. Фредерикс направил начальникам губерний и областей предписание относительно наблюдения за перепиской «государственных преступников». Такой контроль должен был касаться «тех из них, особенное наблюдение за перепискою которых признается... необходимым» местным полицейским начальством¹¹. Поэтому местные чиновники считали себя вправе не скрывать факта просмотра корреспонденции ссыльных «государственных преступников». Аналогичную ошибку допускает известный исследователь С.Н. Жаров, когда пишет, что «первые нормы, регулирующие перлюстрацию, были изложены в циркуляре министра внутренних дел от января 1883 г.», которым устанавливался «порядок извлечения информации из переписки лиц, находящихся под гласным надзором полиции»¹². Такой контроль был гласным, и лица, ему подвергавшиеся, знали о просмотре своей корреспонденции. Поэтому его невозможно признать перлюстрацией.

Повторим, что перлюстрация – это тайное вскрытие корреспонденции в нарушение официальных законов данной страны. Вместе с тем встает вопрос о законности перлюстрации в монархической России. Многие авторы, которые пишут о перлюстрации, применяют по отношению к ней в качестве синонимов эпитеты «тайная» и «незаконная», отмечая, что «перлюстрация писем была действием незаконным»¹³. Надо признать, что и автор данной книги в ранних своих статьях не избежал этого¹⁴. Но со строго юридической позиции такой подход неверен. Ряд арестованных, которым в 1917 году предъявлялось обвинение в ведении перлюстрации и руководстве ею, в частности бывший товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий, бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков, бывший начальник Особого отдела Департамента полиции МВД Е.К. Климович, отказывались признать себя виновными на допросах, которые проводила Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Бывшие чиновники при этом ссылались на часть 1-ю статьи 340-й Уложения о наказаниях¹⁵. Данная статья гласила: «Не почитается превышением власти: 1) Когда министр или другой государственный сановник отступит в своих действиях от обыкновен-

⁹ Калмыков В. Цензурные штемпеля и печати России // Коллекционер: Сб. статей. Вып. 30. М., 1995. С. 40, 43.

¹⁰ Блануца В. «В канцелярии Иркутского губернатора просмотрено» // Филателия. 2008. № 2. С. 42–44.

¹¹ Российский государственный исторический архив [далее – РГИА]. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 298–298 об.

¹² Жаров С.Н. Обеспечение законности агентурно-розыскных мероприятий в Российской империи // Правоведение. 2001. № 5. С. 195.

¹³ Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 288; Гончарова Е.А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96; Майшев С.Е. Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России. 1880–1922 гг. Пятигорск: РИА на КМВ, 2009. С. 99; Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. С. 276 – и др.

¹⁴ См., например: Измозик В.С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей. СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 218.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 135–135 об., 151–152, 166–167.

ных правил, по особенному на сей случай или вообще на случаи сего рода данному от Верховной власти уполномочию»¹⁶. Таким образом, следует признать, что перлюстрация, проводившаяся на основе прямых распоряжений императора, являлась, как писали в секретных документах XIX века, «непроницаемой тайной», но была юридически законной с точки зрения абсолютной монархии.

Вместе с тем, как мне представляется, перлюстрация стала незаконной после издания Манифеста 17 октября 1905 года, которым российская монархия была ограничена. В этом плане любопытный обмен мнениями состоялся в ходе совещания под председательством Николая II по пересмотру Основных государственных законов в апреле 1906 года. На заседании 12 апреля обсуждалась глава «О правах и обязанностях российских подданных». В проекте Совета министров имелась статья 29#я: «Частная переписка не подлежит задержанию и вскрытию за исключением случаев, законом определенных». Председатель Государственного совета граф Д.М. Сольский задал вопрос: «Почему исключена... статья 29...?» Ему отвечал председатель Совета министров граф С.Ю. Витте: «Статья эта исключена потому, что при нынешней организации полиции, суда и сыскной части без этого нельзя обойтись». Его поддержал статс-секретарь Э.В. Фриш: «Несмотря на то, что всеми конституциями гарантирована тайна частной переписки, перлюстрация производится во всех странах, кроме, кажется, Англии». Им возражал министр юстиции М.Г. Акимов: «По-моему, этой статьи исключать не следует. Надо чтобы правительство не давало бы права на перлюстрацию. Судебные следователи сами этого не производят; на это они испрашивают разрешение суда. Во всех конституциях неприкосновенность частной переписки гарантирована и если этой статьи не будет, то скажут, что только в России такой гарантии нет». Последовала характерная реплика министра внутренних дел П.Н. Дурново: «Будет много жалоб на рваные конверты». Дискуссию прервал голос императора: «Далее». Обсуждение закончилось¹⁷. Таким образом, Основные законы ограниченной российской монархии не гарантировали соблюдения тайны переписки.

В свою очередь, перлюстрация, производившаяся на местах по соглашению жандармских офицеров и почтово-телеграфных чиновников, была всегда не только тайной, но и незаконной, хотя получала поддержку и одобрение высшего начальства, в том числе руководства Департамента полиции Министерства внутренних дел.

В результате конспиративное существование органов перлюстрации на основе секретных циркуляров, закрытость источников; стремление государства скрыть само существование этого института и нежелание упоминать о его деятельности даже в прошлом; преемственность царской и советской власти в этом вопросе – все это предопределило на протяжении длительного времени весьма ограниченное количество литературы по данной теме. До сих пор не существует ни одной монографической работы, посвященной истории «черных кабинетов» в России. Занимаясь этим сюжетом с 1996 года (первая моя публикация на данную тему, основанная на архивных источниках, была осуществлена в 1997 году), я решился предложить читателям такую книгу. Сразу отмечу, что не все сюжетные линии нашли здесь полное отражение. В частности, не удалось поработать с документами по ведению перлюстрации в Великом княжестве Финляндском до 1917 года и в Царстве Польском до 1867 года, когда «черный кабинет» в Варшаве был подчинен Петербургу. Нет сомнения, что история перлюстрации в России требует дальнейших исследований.

¹⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. и по продолжению 1912. Раздел V. О преступлениях и проступках по службе государственной. Ст. 340. Ч. 1. / Сост. В.В. Волков, товарищ прокурора СПб. окружного суда. СПб., 1914. С. 290.

¹⁷ Протокол заседаний совещания под личным Е.И.В. председательством по пересмотру Основных государственных законов. 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года. СПб., б/д. С. 75–76.

Моя искренняя благодарность редакторам И.А. Ждановой и А.В. Абашиной за помощь по превращению рукописи в готовый к изданию текст. Выражаю свою признательность за содействие и ценные указания коллегам – историкам и архивистам – А.А. Здановичу, В.А. Иванову, И.В. Лукоянову, И.С. Тихонову, В.Н. Хаустову. Буду благодарен всем, кто откликнется после прочтения книги и поделится своими замечаниями, предложениями и размышлениями.

Введение

Библиография и источники

Начну с небольшого лирического отступления. Во все времена историк опирается не только на первоисточники, но и на труды своих предшественников и современников. Многие годы, занимаясь данной темой, я полагался, в частности, на статью А.Г. Брикнера «Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II (перлюстрация)» – первую научную публикацию об истории перлюстрации в России. Эта статья практически полностью основана на дневнике А.В. Храповицкого, одного из статс-секретарей Екатерины II в 1783–1793 годах¹⁸. Брикнер в числе прочего писал: «В Записках Храповицкого, изданных в 1862 году, <...> очень часто встречается слово “перлюстрация”»¹⁹. Конечно, я знал, что записки Храповицкого впервые были опубликованы в 1820#е годы²⁰. Но был почти уверен, что из них изъяли все, относящееся до «непроницаемой тайны», как именовали перлюстрацию в официальных секретных документах. Поэтому в своих статьях я утверждал, что первые публикации о существовании перлюстрации в России появились после смерти Николая I, в условиях второй российской оттепели (первой, как известно, было вступление на престол Александра I). А наиболее ранним упоминанием о вскрытии частной переписки в России в конце XVIII века я считал записки сенатора И.В. Лопухина (1756–1816), опубликованные полностью впервые в 1860 году. Вспоминая о деле так называемых московских масонов, к которым он тогда принадлежал, Иван Владимирович отмечал, что их переписка просматривалась на Московском почтамте²¹.

Но привычка по возможности смотреть первоисточники победила. И тут меня ожидало маленькое, но замечательное открытие. Действительно, записки Храповицкого в 1820#е годы печатались с большими изъятиями, но все же двадцать один раз в четырнадцати номерах журнала прямо или косвенно упоминалось о перлюстрации²². Первая такая запись относилась к 23 января 1788 года, когда императрицей «при чтении перлюстрации сказано, что сменен рейс-эфенди [государственный канцлер и министр иностранных дел в Турции] и другой чиновник»²³. 13 июля 1788 года Храповицкий отметил, что «в перлюстрации все похваляют Грейга, отдавая честь его храбрости [речь идет о победе русского флота под командо-

¹⁸ Брикнер А. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II (перлюстрация) // Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 75–84.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Памятные записки Александра Васильевича Храповицкого // Отечественные записки. 1821. № 16. С. 127–136; № 17. С. 309–327; 1822. № 21. С. 120–140; № 22. С. 304–323; № 24. С. 76–100; № 25. С. 166–193; № 26. С. 352–378; № 28. С. 194–215; № 30. С. 61–84; № 31. С. 167–178; № 32. С. 341–358; 1823. № 33. С. 59–79; № 35. С. 327–350; № 36. С. 38–60; № 41. С. 410–427; № 42. С. 73–95; № 44. С. 368–386; 1824. № 45. С. 47–65; № 49. С. 249–267; № 50. С. 394–413; № 54. С. 224–244; № 56. С. 495–506; 1825. № 57. С. 29–48; № 67. С. 179–200; № 68. С. 340–351; 1826. № 77. С. 396–411; 1827. № 89. С. 420–438; 1828. № 93. С. 146–161.

²¹ Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И.В. Лопухина, сочиненные им самим // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 2. Ч. 2. С. 1–82. В том же году «Записки» вышли отдельным изданием в Москве, а также в Лондоне со вступительной статьей А.И. Герцена. Репринт последнего издания был опубликован в Москве в 1990 году.

²² Памятные записки Александра Васильевича Храповицкого // Отечественные записки. 1822. № 21. С. 134; № 22. С. 318; № 25. С. 173, 182, 185; № 26. С. 364, 372, 376; № 28. С. 198, 204, 210; № 30. С. 77; № 31. С. 171; № 32. С. 352; 1823. № 33. С. 61; № 36. С. 54; № 49. С. 249; № 54. С. 239; № 67. С. 180, 199; 1827. № 89. С. 425.

²³ Там же. 1822. № 21. С. 134.

ванием С.К. Грейга над шведами 6 (17) июля 1788 года у острова Гогланд]»²⁴. Последняя запись доказывала, что просмотру подвергалась почта не только иностранных дипломатов, но и российских подданных. Кроме того, из этой публикации было видно, что Екатерине II доставляли почту дипломатов даже союзных России держав. 31 августа 1788 года государыня отдала статс-секретарю «перлюстрацию с замечанием, что пребывающий здесь датский министр Сен-Сафорен врет много по финским делам и тем внушить может Двору своему ложное мнение»²⁵. Также читатель мог узнать, что сама императрица использовала перлюстрацию собственных писем иностранными «черными кабинетами» для достижения определенных целей. В частности, 20 октября 1788 года Екатерина II сказала, что «собственноручное письмо Нессельроду [граф В. Нессельроде – русский посол в Берлине при прусском дворе] для того без цифр [без шифра] по почте послано, чтоб везде его прочитали»²⁶. Таким образом, удалось установить, что первое упоминание в российской печати о практике перлюстрации произошло на тридцать восемь лет раньше, чем я предполагал.

В 1858 году о перлюстрации времен Екатерины II напомнил журнал «Библиографические записки». Здесь были помещены более полные, чем в 1820-е годы, выдержки из записок А.В. Храповицкого, посвященные Г.Р. Державину. Под датой «18 декабря 1791 года» автор отметил: «Со гневом у меня и у Турчанинова [П.И. Турчанинов – кабинет-секретарь императрицы в 1791–1793 годах] спрашивали, почему знает граф Кобенцель [Л. фон Кобенцель – в 1779–1800 годах посол Австрии в России], что Державину поручены мемории сената [Г.Р. Державин в декабре 1791 года стал статс-секретарем императрицы. Из-за болезни генерал-прокурора ему поручили просматривать кратко изложенные решения Сената и докладывать о них лично Екатерине II]. Он пишет о том в перлюстрации»²⁷. В следующем номере журнала, в статье о Н.И. Новикове упоминалось письмо архитектора В.И. Баженова из Петербурга московским друзьям, которое было доставлено государыне (в письме говорилось о добром отношении наследника престола к масонам). Автор статьи также заметил, что «письма Шрёдера [барон Ф.В. Шрёдер – основатель ордена розенкрейцеров] до Новикова не доходили»²⁸. Как я уже говорил, в 1862 году дневник личного секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого был напечатан полностью. На многих его страницах содержались упоминания о чтении императрицей чужих писем как об одном из любимых и постоянных ее занятий²⁹.

В 1870 году начал издаваться (с предисловием известного историка П.И. Бартенева) многотомный «Архив князя Воронцова». В книгах первой и второй публиковались бумаги графа М.И. Воронцова, и любознательный читатель мог найти в них немало интересного о перлюстрации при Елизавете Петровне, в частности о деле маркиза Шетарди³⁰. В 1873 году эту тему, как указано выше, продолжил историк А.Г. Брикнер. Наконец, в 1874 году в журнале «Русская старина» была напечатана переписка «московских масонов», подвергшаяся перлюстрации при Екатерине II³¹.

²⁴ Там же. 1822. № 25. С. 172, 173.

²⁵ Там же. 1822. № 28. С. 198.

²⁶ Там же. 1822. № 31. С. 172.

²⁷ Библиографические записки. 1858. № 5. С. 139.

²⁸ *Афанасьев А. Николай Иванович Новиков // Библиографические записки. 1858. № 6. С. 175.*

²⁹ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. С примечаниями Г.Н. Геннади // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 2. С. 1–176; Кн. 3. С. 177–294.

³⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870; Кн. 2. М., 1871; Кн. 4. М., 1872.

³¹ Русские вольнодумцы в царствование Екатерины II: Секретно-вскрытая переписка. 1790–1795 // Русская старина. 1874. Т. 9. № 1. С. 57–72; № 2. С. 258–276; № 3. С. 465–472.

Злую пародию на практику перлюстрации нарисовал М.Е. Салтыков-Щедрин в повести «Помпадур и помпадурши»³². Н.С. Лесков, изобразив «почтового люстратора» в повести «Смех и горе» и напомнив о нем же в газетной статье «Нескладица о Гоголе и Костомарове (историческая поправка)», эзоповым языком рассказал читателям о практике перлюстрации в Киеве в 1850-е годы³³. Сталкивался с практикой вскрытия писем при Александре I и достаточно подробно написал об этом в 1829 году друг А.С. Пушкина, поэт, впоследствии товарищ министра народного просвещения и начальник Главного управления цензуры П.А. Вяземский. Его «Записка о князе Вяземском, им самим составленная» была передана через В.А. Жуковского начальнику III Отделения и шефу Корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфу для Николая I и опубликована в 1879 году под названием «Моя исповедь»³⁴.

В 1882–1883 годах Н.Ф. Дубровин опубликовал переписку российских государственных деятелей за 1801–1829 годы, а также письма политиков, генералов и английских дипломатических агентов при русской армии в период Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов. Читатели могли найти здесь немало прямых и косвенных упоминаний о перлюстрации частной и дипломатической корреспонденции в царствование Александра I³⁵.

Упоминания о перлюстрации можно было найти и в тех письмах известных россиян, которые публиковались во второй половине XIX века в различных исторических журналах³⁶.

Роль перлюстрации в деле маркиза Шетарди, разразившемся в 1744 году, показал В.А. Бильбасов в берлинском издании «Истории Екатерины Второй» (1900), подвергнув критическому рассмотрению официальную версию этого события³⁷. Одновременно о работе «черных кабинетов» в конце XVIII – начале XIX века упомянул Н.К. Шильдер в своих монографических исследованиях о Павле I и Александре I³⁸. В последующие годы появилось еще несколько публикаций, посвященных отдельным эпизодам или сюжетам из деятельности «черных кабинетов» в России. Например, Я.Л. Барсков подробно описал дело «московских масонов», опубликовав и секретные ранее донесения московского генерал-губернатора А.А. Прозоровского, а также московского почт-директора И.Б. Пестеля о перлюстрации переписки участников кружка³⁹.

Все эти работы и публикации документов ограничивались временем до начала второй четверти XIX века и создавали иллюзию, что подобные действия власти остались лишь памятником истории. Тот же А.Г. Брикнер заканчивал свою статью о перлюстрации во времена Екатерины II фразой, что «в настоящее время такое учреждение едва ли могло бы иметь такую важность»⁴⁰. В некоторых публикациях делались лишь намеки на существование перлюстрации и в дальнейшем, например при Николае I⁴¹. Даже в своих дневниках

³² Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. М., 1969. С. 247.

³³ Лесков Н.С. Смех и горе // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М., 1989. С. 137 [впервые опубликовано в 1871 году в № 1–3, 8–16 «Современной летописи» – приложения к журналу «Русский вестник»]; *Он же*. Нескладица о Гоголе и Костомарове (историческая поправка) // Петербургская газета. 1891. 16 июля. № 192. С. 1–2.

³⁴ Вяземский П.А. Моя исповедь // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1879. С. 105.

³⁵ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882 [репринтное издание: М., 2006]; *Он же*. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). СПб., 1883 [репринтное издание: М., 2006].

³⁶ См.: Письма Д.В. Давыдова к Н.Н. Раевскому // Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 333–334; Письма митрополита Киевского Евгения (Болховитинова) к В.Г. Анастасевичу // Там же. 1889. Кн. 2. С. 385; Выписка из письма бывшего иркутского губернатора Трескина к коллежскому советнику Трескину в Москву 25 февраля 1826 г. // Русская старина. 1897. Т. 90. № 4. С. 27–28.

³⁷ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1–2. Берлин, 1900.

³⁸ Шильдер Н. Император Александр I. Т. II. СПб., 1897; *Он же*. Император Павел I. СПб., 1901.

³⁹ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII-го века. 1790–1792 гг. Пг., 1915; Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова // Русская старина. 1912. Т. 149. № 1. С. 38.

⁴⁰ Брикнер А. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II. С. 84.

⁴¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. СПб., 1898. С. 328–329; Проект графа А. Бенкендорфа об

деятели, имевшие прямое отношение к этой тайне, практически не упоминали о ней. Так, П.А. Валуев, министр внутренних дел в 1861–1868 годах, проговорился в дневнике лишь однажды – 7 марта 1868 года он записал о своем преемнике А.Е. Тимашеве, что тот «предпочитает преимущества, которые дает черный кабинет, тем многочисленным и беспрестанным неудобствам, которые связаны с делами прессы»⁴² (Тимашев стремился передать периодическую печать из ведения МВД в Министерство народного просвещения). В этом плане удивительна публикация рассказов бывшего канцлера А.М. Горчакова, записанных М.И. Семевским весной 1882 года в Ницце. Они были напечатаны в журнале «Русская старина» в 1883 году. Горчаков весьма откровенно вспоминал о практике перлюстрации при Александре II. В частности, он указывал, что особо «расположены были к перлюстрации, находя, что она вызывается государственной необходимостью», князь В.А. Долгоруков (начальник III Отделения и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1856–1864 годах) и И.М. Толстой (директор Почтового департамента МВД с 1 января 1863 года, затем, с 15 июня 1865#го по 1866 год, министр почт и телеграфов). Бывший министр иностранных дел признался, что в его ведомстве «подбирали и подыскивали все ключи к дешифрованию писем». По его словам, мысль «о бесполезности и вреде вскрытия чужих писем» отстаивали он сам и граф П.А. Шувалов (начальник III Отделения и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1866–1874 годах). Правда, воспоминания заканчивались на оптимистической ноте. Горчаков уверял, что в конце царствования Александра II «перлюстрированные письма уже не восходили до его величества», а «вслед затем, – вскрытие писем, так мне говорили, брошено и, как надо надеяться, навсегда»⁴³. Безусловно, последние фразы едва ли могли ввести в заблуждение думающего читателя.

О том, что Александр II лично читал перлюстрированные письма, упоминалось в журнале «Русская старина» в 1891 году. Генерал-майор М.Л. Дубельт, сын Л.В. Дубельта, управлявшего III Отделением в 1839–1856 годах, вспоминал о вызове к императору в 1862 году. Государь спросил его как командира Отдельного кавалерийского корпуса, каково его мнение о начальнике 4#й кавалерийской дивизии генерале С. в «политическом отношении». Дело в том, что генерал написал в письме фразу: «Все мы имеем недостатки, но у нашего государя их гораздо более, чем у кого#либо другого». В ответ на слова Дубельта, что это недоразумение, Александр II воскликнул: «Я сам читал это письмо» – и добавил, что уже приказал военному министру Д.А. Милютину снять С. с должности. Дубельт попросил дать ему возможность разобраться в происшедшем и получил согласие. В результате выяснилось, что письмо написал сын генерала, поручик Белорусского гусарского полка. Молодой офицер был уволен в отставку, а его отец продолжил командовать дивизией⁴⁴. Судя по всему, речь шла о командире 4#й кавалерийской дивизии в 1858–1875 годах, прославленном боевом генерал-лейтенанте Н.А. Столпакове⁴⁵.

Известны случаи, когда о перлюстрации упоминали газеты. Например, «Саратовский дневник» в начале 1895 года опубликовал заметку «Нижегородская жизнь». Здесь, в частности, говорилось: «...по просьбе г. начальника губернии [Н.М.] Баранова в Нижнем [Новгороде], ввиду предстоящей выставки, открыто, по примеру столиц, охранное отделение для контроля за почтовой корреспонденцией и надзора за внутренним порядком города. <...> Персонал служащих очень велик и часть его уже начала свои занятия в нижегород-

устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 105. № 12. С. 615.

⁴² Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. 1865–1876. М.: АН СССР, 1961. С. 252.

⁴³ Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 175–176.

⁴⁴ Император Александр Николаевич. Черты из его жизни // Русская старина. 1891. Т. 70. № 6. С. 723–725.

⁴⁵ Список генералам по старшинству. СПб., 1862. С. 299.

ской почтовой конторе»⁴⁶. Через три недели газета вновь обратилась к этому сюжету, сообщив, что один из обывателей Нижнего получил письмо с вложенной фотографией гусарского офицера вместо посланной ему фотографии племянницы. Одновременно в другой семье получили из другого города письмо с фото незнакомой барышни. О таком «небрежном исполнении своих служебных обязанностей чиновниками, контролирующими почтовую корреспонденцию в виду предстоящей выставки, доведено, по слухам, до их непосредственного начальства». Заканчивалась заметка многозначительной фразой: «Факты в этом роде у нас нередки»⁴⁷. Естественно, что большего подцензурная печать до 1906 года сказать не могла. И без того министр внутренних дел 15 марта 1895 года приостановил издание газеты на четыре месяца⁴⁸.

В этой связи неудивительно, что, к примеру, известный историк Н.К. Шильдер, располагая значительным числом перлюстрированных писем первой половины XIX века, использовать их в своих трудах не смог⁴⁹.

Гораздо свободнее о «черных кабинетах» в Российской империи писали зарубежные и нелегальные издания. В изданной в Париже в 1854 году книге Лакруа «*Les Mystères de la Russie*» имелся следующий пассаж:

Почтовая тайна есть чистейшая фикция. Никакая печать не священна для русской полиции. И это признается [полицией] громко, гласно, как самая простая вещь. Частные люди, даже знать, иногда прямо боятся получать письма, иначе, как по почте, именно оттого, что почта, по крайней мере, прочитывает и цензурует письма, а если получишь через посыльного, то там вдруг окажется что#нибудь неблагонадежное! Даже слуги великой княгини Елены Павловны [с 1849 года вдова великого князя Михаила Павловича] убоялись как#то принять письмо, посланное ей англичанином Рексом не по почте, а через лакея⁵⁰.

В 1858 году эта тема была затронута в газете «Колокол», издававшейся А.И. Герценом в Лондоне, – в заметке «Что значит суд без гласных»⁵¹. В 1860 году тот же «Колокол» опубликовал весьма конкретные сведения о «черном кабинете» в столице (в разделе «Смесь» появилась заметка о службе перлюстрации на Петербургском почтамте)⁵². Через несколько месяцев «Колокол» продолжил данную тему⁵³.

⁴⁶ Саратовский дневник. 1895. 20 января. № 16. С. 3. Н.М. Баранов – нижегородский губернатор в 1882–1897 годах. Всероссийская выставка проходила с мая по ноябрь 1896 года.

⁴⁷ Там же. 1895. 10 февраля. № 30. С. 3.

⁴⁸ Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание / Сост. Н.Г. Патрушева. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 207.

⁴⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [далее – ОР РНБ]. Ф. 859. К. 7. № 7. Л. 54; К. 40. № 17. Л. 49-50 об., 117, 190, 302-304.

⁵⁰ См.: *Абакумов О.Ю.* «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 14.

⁵¹ Колокол. Лист 7. 1 января 1858 // Колокол. Вып. I. 1857–1858. М.: АН СССР, 1962. С. 56.

⁵² Колокол. Прибавочные листы к «Полярной звезде». 1860. 15 июня. № 73/74. С. 620–621. **Ульрихс** Федор Юльевич. Окончил Московский университет. Служба: в МИДе с 1827 года, в Санкт-Петербургском почтамте [далее – СПб. почтамт] с 29 августа 1829 года. Цензор СПб. почтамта. Управляющий цензурой и секретной экспедицией СПб. почтамта. Действительный статский советник [далее – д.с.с.] с 16 апреля 1850 года, тайный советник (1861). **Вейраух** Федор (Фридрих-Вильгельм) Яковлевич (8 ноября 1757 года, Ревель – 1 февраля 1838#го, Санкт-Петербург). В службе с 1776 года. В почтовом ведомстве с 1782 года. С 1783 года секретарь Рижского почтамта. С 1790#го – помощник рижского почтмейстера. Рижский почтмейстер. Занимался перлюстрацией. Д.с.с. (1829). С 17 февраля 1812 года в СПб. почтамте, в 1831#м – чиновник, знающий иностранные языки, в 1860#м – старший цензор. Д.с.с. **Витте** Петр Христианович. С 1861 года – д.с.с., затем старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. **Гольмблат** Франц Юлианович – старший цензор СПб. почтамта, д.с.с. В отставке с 1 мая 1875 года. **Домбровский** Александр Михайлович – цензор, статский советник. **Маснер** Павел Францевич. В почтовой службе с 10 июня 1841 года. Д.с.с., младший цензор СПб. почтамта. В отставке с 11

В 1861 году в Париже вышла книга эмигранта князя П.В. Долгорукова «Правда о России». Касаясь интересующей нас темы, он, в частности, писал о так называемой «инициативной» перлюстрации, т. е. организуемой отдельными администраторами:

Осенью 1859 года, начальник гвардейского штаба граф Эдуард Баранов [Э.Т. Баранов – начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса в 1856–1866 годах], именем командира гвардейского корпуса генерала [Ф.С.] Панютина, тайным циркуляром предписал полковым командирам, *чтобы они наблюдали за перепискою нижних чинов с их семействами, и объявил, что ротные и эскадронные командиры будут отвечать за распространение перепискою нижних чинов каких бы то ни было ложных и вредных слухов* [курсив мой. – В.И.], т. е. требовал от генералов и офицеров гвардейского корпуса, чтобы они распечатывали письма... Если бы правительство русское одарено было разумом и истинным просвещением, то оно поняло бы, что не узнать ему истины через распечатывание писем, потому что в России одни дураки пишут истину по почте⁵⁴.

В июле 1903 года в журнале «Освобождение», выходившем в Штутгарте под редакцией П.Б. Струве, была помещена заметка «Черный кабинет и его щупальщики». Анонимный автор довольно точно описывал деятельность такого учреждения при Петербургском почтамте. Сведения, судя по их содержанию, были получены явно от кого-то из почтовых чиновников, хотя и не имевшего прямого отношения к этой деятельности⁵⁵.

Множество публикаций о перлюстрации появилось в российской печати после 1905 года – с отменой предварительной цензуры. В августе 1906 года в газете «Товарищ» была напечатана за подписью «П.Ч.» статья «Перлюстрация в России» (видимо, «П.Ч.» – это «почтовый чиновник»). Здесь сообщалась в высшей степени точная информация, а именно: что перлюстрация производится в «черных кабинетах», «действующих под вывеской цензуры иностранных газет и журналов»; что ее руководителем является старший цензор Санкт-Петербургского почтамта; давались сведения о примерном количестве сотрудников «черных кабинетов», перечислялись их официальные должности, называлось их негласное жалование; указывалось примерное количество общих выписок в течение года и представляемых министру внутренних дел. За исключением Киева, были названы все действующие пункты: Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Казань, Одесса, Тифлис, Харьков. Единственная грубая ошибка заключалась во фразе, что якобы в «черные кабинеты» передается «вся простая и заграничная корреспонденция»⁵⁶. Выскажу предположение, что автором статьи или человеком, давшим материал для нее, был Л.П. Меньщиков, знаменитый сотрудник Московского охранного отделения и Департамента полиции с 1889 года, ушедший в отставку 1 февраля 1907 года. Открыто выступать с разоблачениями провокаторов и раскрывать секретную дея-

---

марта 1877 года. **Прокофьев** Иван Кузьмич. В почтовой службе с 3 сентября 1833 года. Чиновник, знающий иностранные языки, СПб. почтамта. Надворный советник. Занимался перлюстрацией. **Шор** Владимир Федорович (? – 4 января 1886 года). Сын лютеранского пастора. Реформатского вероисповедания. Образование: Московский университет, филологический факультет (1842). Служба: канцелярский служитель СПб. почтамта с 1842 года, чиновник, знающий иностранные языки, там же с 18 декабря 1842 года, старший цензор СПб. почтамта с 19 апреля 1864 года, почт-директор СПб. почтамта с 1868 года. Руководил перлюстрацией в Российской империи. **Штер** Дмитрий Андреевич – в первой половине 1870-х годов младший цензор, статский советник. Все они занимались перлюстрацией. Замечу, что в «Адрес-календарях» 1860-х годов А.М. Домбровский, П.Ф. Мазнер (Маснер), И.К. Прокофьев и Д.А. Штер не упоминаются. Они, кроме И.К. Прокофьева, указаны в справочниках лишь начиная с 1871 года. Тем более удивляет точность информации в «Колоколе».

⁵³ Там же. 1860. 1 декабря. № 86. С. 720. А.М. Домбровский и В.Ф. Шор не оставили своих занятий, как предполагала газета.

⁵⁴ Долгоруков П.В. Правда о России. Ч. 1–2. Париж, 1861. С. 153–154.

⁵⁵ Освобождение. 1903. 2 (15) июля. № 2. С. 32.

⁵⁶ Товарищ (СПб.). 1906. 24 августа. № 43. С. 4.

тельность ДП Меньщиков начал в 1909 году, но еще осенью 1905#го он передал эсерам так называемое петербургское письмо, в котором указывал на Е.Ф. Азефа и Н.Ю. Татарова как на провокаторов. Именно Меньщиков в ДП тесно соприкасался с материалами перлюстрации⁵⁷. Тем не менее эта публикация не имела серьезного резонанса – о ней не вспоминали даже те журналисты, которые впоследствии писали на данную тему.

В 1908 году издававшийся в Париже журнал «Былое» напечатал воспоминания бывшего чиновника Департамента полиции М.Е. Бакая «О черных кабинетах в России». Здесь назывались конкретные фамилии чинов Департамента полиции и Главного управления почт и телеграфов, занимающихся этой секретной работой: И.А. Зыбина, В.Н. Зверева, П.К. Бронникова, Ф. фон Кребса, давалась психологическая характеристика Бронникова⁵⁸. Одновременно обвинения в адрес почтового ведомства в нарушении тайны переписки прозвучали на первой сессии III Государственной думы: 3 апреля 1908 года в прениях по докладам представителя бюджетной комиссии Думы К.К. Черносвитова и начальника Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянова эту тему затронули Т.О. Белоусов (социал-демократ, Иркутская губерния), Н.С. Розанов (трудолик, Саратовская губерния) и А.И. Шингарев (кадет, Воронежская губерния). Севастьянов все отрицал, клятвенно уверяя законодателей, что выемка частной корреспонденции проводится лишь на основании официально утвержденных законов. На защиту правительства встал один из лидеров правых – В.М. Пуришкевич⁵⁹.

Результатом этих дебатов в Думе и издания материалов М.Е. Бакая стала публикация статьи «Охранка и черные кабинеты» в партийном журнале социалистов-революционеров «Революционная мысль», выходившем в Лондоне. Автор статьи А. Аринов писал: «В нашем распоряжении имеется обширный материал об этом “мифе” [так назвал утверждение о существовании “черных кабинетов” М.П. Севастьянов]», но пока он готов сообщить только часть сведений. В сжатой форме было приведено немало важных фактов. Говорилось, что в Варшаве, Петербурге, Москве, Одессе перлюстрацией занимаются чиновники цензуры иностранных газет и журналов при почтамтах, что в их распоряжение еще до сортировки поступает «абсолютно вся корреспонденция». Просмотру, сообщал автор, «подвергаются как подозрительные по внешности письма, так и те, которые внесены в алфавит по предписаниям Департамента полиции, губернаторов, охранных отделений и пр. [очих] должностных лиц и официальных учреждений. С писем, заслуживающих особого внимания, снимаются копии и отсылаются в те учреждения, которых это касается и обязательно в Департамент полиции». Отмечалось, что проводится перлюстрация писем «представителей иностранных держав, государственных деятелей, любовниц высокопоставленных лиц». Наиболее успешными автор считал «черные кабинеты» в Петербурге и Варшаве и указывал, что «руководителями в первом является цензор П.К. Бронников [что было ошибкой], а во втором – [Ф.Г.] фон-Кребс».

Далее рассказывалось о работе по перлюстрации в стенах Департамента полиции, где «специалистом подделок всевозможных почерков... является чиновник... [В.Н.] Зверев», «специалистом по разбору шифров... чиновник [И.А.] Зыбин», а «общее... заведывание перлюстрацией» (в ДП) лежит «на чиновнике для поручений... [В.Д.] Зайцеве». Отмечалось, что из ДП «копии подозрительных писем рассылаются по жандармским управлениям и охранным отделениям для выяснения авторов и адресатов... и установления за ними надзора и ареста».

⁵⁷ Бакушин А.Ю. Одиссея Леонида Меньщикова, или Азеф наоборот // Отечественная история. 2004. № 5. С. 162–177.

⁵⁸ Бакай М.Е. Из воспоминаний: О черных кабинетах в России // Былое (Париж). 1908. № 7. С. 119–133.

⁵⁹ Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1908 год. Сессия 1. Ч. 2. Заседание 48#е. СПб., 1908. Стб. 1713–1715, 1720–1721, 1723, 1725, 1727.

Наконец, приводился образец так называемого открытого листа от 14 июня 1903 года за подписью начальника Главного управления почт и телеграфов. Такой лист выдавался начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений на право выемки писем и телеграмм подозрительных лиц. Надо отметить, что, несмотря на вполне понятную неполноту и отдельные неточности (утверждения, что в распоряжение «черных кабинетов» при почтамтах «еще до сортировки поступает абсолютно вся корреспонденция», что «черные кабинеты» «существуют в большинстве русских городов»), материал в целом обладал высокой степенью достоверности. Журнал публиковал обещание продолжить эту тему⁶⁰.

В последующих номерах «Революционной мысли», в так называемой «Черной книге русского освободительного движения», где приводились фамилии осведомителей и провокаторов, были названы имена В.Н. Зверева, И.А. Зыбина, П.К. Бронникова и В.И. Кривоша с указанием рода их деятельности. Например, о последнем говорилось следующее: «Кривош Владимир Иванов, цензор иностранных газет и журналов при государственной типографии в Санкт-Петербурге; – состоит постоянным переводчиком при Департаменте полиции документов, отбираемых у революционеров по обыскам»⁶¹.

В Государственной думе к этому вопросу вернулись, как обычно, при обсуждении бюджета Главного управления почт и телеграфов – на второй сессии второго созыва, 26 февраля 1909 года. Депутат М.В. Захаров 2#й, социал-демократ, цитировал свидетельства М.Е. Бакая. Его поддержали кадет К.К. Черносвитов и трудовик К.М. Петров 3#й. М.П. Севастьянов опять все отрицал⁶². История повторилась на пятой сессии Думы третьего созыва, когда 9 апреля 1912 года кадет Черносвитов обвинил почтовое ведомство в ведении перлюстрации в интересах охраны⁶³. Этому предшествовала заметка «Черный кабинет» в газете «Утро России». Здесь был описан скандал в городе Онеге Архангельской губернии. Ссылный студент Политехнического института Давидянц обвинил в присутствии свидетелей начальника почтово-телеграфной конторы Павлова в том, что тот вскрывает и читает чужие письма. Павлов обвинил студента в клевете. Дело слушалось у мирового судьи 29 февраля 1912 года. Свидетельница Худатова рассказала, что получила закрытое письмо из#за границы на двух художественных открытках без начала. На следующий день почтальон доставил ей начало письма еще на двух открытках без штемпеля и адреса. В суде говорили, что все письма, адресованные ссылкой, собирались отдельно и передавались Павлову. Судья оправдал Давидянца⁶⁴. 24 сентября того же года газета «Новости дня» (Владивосток) перепечатала информацию из газеты «Голос Москвы»:

Деятельность «черного кабинета»

В последнее время деятельность так называемого «черного кабинета» в почтовом ведомстве, занимающегося перлюстрацией писем, достигла небывалой интенсивности. «Г. [олос] М. [осквы]» сообщает, что установлено самое строгое наблюдение за корреспонденцией некоторых лиц даже из числа принадлежащих к составу только что распущенной Г. [осударственной] Думы. Полученные ими письма носят явные следы произведенной над ними перлюстрации; бесцеремонность перлюстраторов

⁶⁰ Революционная мысль. 1908. Апрель. № 1. С. 10–11. Вейраух И.Ф. (1785–?). С 5 марта 1810 года служил в Рижской почтовой конторе, с 17 февраля 1812#го – в секретной части Санкт-Петербургского почтамта. С 1 января 1831 года – чиновник, знающий иностранные языки. С 11 апреля 1849#го – старший цензор.

⁶¹ Там же. 1908. Сентябрь. № 3. С. 13; Декабрь. № 6. С. 13.

⁶² Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1909 год. Сессия 2. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 2514–2516, 2527–2528, 2532–2533, 2554–2555.

⁶³ Там же. 1912 год. Сессия 5. Ч. 3. СПб., 1912. Стб. 1636–1637.

⁶⁴ Утро России. 1912. 13 марта. № 60. С. 6.

доходит до того, что даже письма, запечатанные сургучной печатью, вскрываются, для чего попросту ломается печать⁶⁵.

На первой сессии IV Думы, 21–22 мая 1913 года, этот вопрос вновь встал при обсуждении доклада бюджетной комиссии по смете МВД. Кадет Н.А. Гладыш, в частности, сказал: «Затем является чрезвычайно характерным в нашем почтово-телеграфном ведомстве... большой интерес к тайне частной переписки, на свет не хватает денег, не развивают телеграфа и телефона, а на всевозможные усовершенствования для лучшего просмотра частной переписки – на это есть деньги...». Его поддержал прогрессист М.И. Гродзицкий. На следующий день тему продолжили социал-демократ, большевик М.К. Муранов и трудовик В.И. Дзюбинский. Муранов подчеркнул, что «Главное управление почт и телеграфов обращается, таким образом, в филиальное отделение охраны»⁶⁶. Дебаты в Думе нашли отражение в периодической печати. В частности, газета «Русская молва», сообщив о речи Муранова, тут же взяла интервью у начальника Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянова, который категорически отрицал «сам факт существования этих кабинетов»⁶⁷.

Любопытно, что полемика в Государственной думе на данную тему следовала в те годы за публикациями оппозиционной печати или даже предшествовала им. Так, через месяц с небольшим после выступления депутатов в Думе в мае 1913 года общественное мнение было взбудоражено огромной статьей в газете «Утро России» под названием «Перлюстрация»⁶⁸. Она состояла из двух частей. Первая – «Перлюстрация» – была подписана псевдонимом «Независимый» с указанием даты и места: 26 июня 1913 года, Нью-Йорк. Вторая – «Перлюстрационный список» – содержала имена более пятидесяти человек, чья переписка подлежала просмотру с 1894 года. Среди них были общественные деятели, титулованные особы и иностранцы: писатели и публицисты Н.Ф. Анненский, В.Г. Короленко, С.Н. Кривенко, С.Н. Южаков, социал-демократ и исследователь сектантского движения В.Д. Бонч-Бруевич, врачи А.А. Герцен (сын А.И. Герцена) и Ф.Ф. Эрисман, врач Л.Н. Толстого Д.П. Маковицкий, известный журналист правой газеты «Новое время» М.И. Меньшиков, историк и лидер кадетской партии П.Н. Милюков, один из бывших руководителей Департамента полиции П.И. Рачковский, известный экономист М.И. Туган-Барановский, активный деятель кадетской партии князь Д.И. Шаховской и др.

В первой части статьи давался краткий исторический обзор практики перлюстрации в России начиная с эпохи Екатерины II. Затем автор переходил к состоянию дел в этой области в начале XX века. Он констатировал, что перед ним «лежат сотни бумаг», имеющих стереотипный заголовок: например, «копия письма за подписью В.А. Маклакова Л.Н. Толстому от 15 сентября 1898 г.». Здесь же подробно рассказывалось о забавных казусах: о том, как А.А. Лопухин, будучи директором Департамента полиции, приводил в порядок бумаги убитого в 1904 году В.К. Плеве и наткнулся на копии адресованных ему же, Лопухину, писем; о факте слежки за перепиской знаменитого организатора филерской службы Е.П. Медникова – эту слежку установили по распоряжению Плеве, который желал обезопасить себя таким образом от происков уволенного С.В. Зубатова, и т. п.⁶⁹

Статья получила широкий резонанс. На нее отозвались многие крупные российские газеты: «Биржевые ведомости», «Гражданин», «День», «Дым Отечества», «Речь», «Руль», «Русская молва», «Русское слово», «Современное слово», «Сын Отечества» и др. Они сооб-

⁶⁵ Новости дня (Владивосток). 1912. 24 сентября. № 28. С. 2.

⁶⁶ Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1913 год. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1913. Стб. 1973–1974, 2011–2014, 2034–2035.

⁶⁷ Русская молва. 1913. 23 мая. № 159. С. 3–4.

⁶⁸ Утро России. 1913. 4 июля. С. 4–5.

⁶⁹ Там же. С. 4–5.

щали о содержании статьи, давали свои комментарии, приводили дополнительные сведения на эту тему. Например, князь В.П. Мещерский с обычной для него экспрессией утверждал, что «г. Независимый понятия не имеет о предмете, который он трактует», подчеркивал, что удивляться этому не надо, а «перлюстрация стара, как политическая жизнь», и в Петербургском почтамте «целый департамент этим делом занят». Он же вспоминал, что якобы его дядя, сенатор В.Н. Карамзин, в письме князю Д.А. Оболенскому допустил колкости в адрес императрицы Марии Александровны, жены Александра II. Императрица заметила Оболенскому: «Скажите Вашему другу Карамзину, чтобы он лучше говорил колкости обо мне, чем писал». В «Современном слове» напоминали о заметке от 1904 года об устройстве «черного кабинета» в Варшавском почтамте и делали общий вывод, что «без всеобщего коренного правового обновления наши письма и телеграммы будут всегда служить объектом махинаций перлюстрационного учреждения»⁷⁰. В переводе на литовский язык статья «Перлюстрация», получив название «Черные кабинеты», была опубликована в газете «Литовские известия», выходящей в Вильно⁷¹.

Начальник Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянов в новом интервью газете «Русское слово» в очередной раз пытался отрицать наличие «черных кабинетов и перлюстрационных отделений при Главном Управлении»⁷². Газета «Речь» так прокомментировала его ответ: «Опровержение это своей наивностью вызвало всеобщую веселость»⁷³. А газета «Утро России» опубликовала новую статью – «Еще о перлюстрации» – за подписью того же «Независимого»⁷⁴. Неустановленный автор ссылался, без упоминания источника, на публикацию в журнале «Освобождение» и рассказ М.Е. Бакая, приводил новые фамилии лиц, чья переписка перлюстрировалась. Список этот был весьма обширен: отслеживались письма Л.Н. Толстого жене, С.А. Толстой, режиссера В.Э. Мейерхольда – А.П. Чехову, священника и общественного деятеля Г.С. Петрова – редактору газеты «Русское слово» Ф.И. Благому, профессора С.А. Котляревского – историку В.И. Герье и т. д.

Из содержания статьи видно, что автор имел в своем распоряжении подлинники или копии секретной переписки, связанной с перлюстрацией. Например, приводился текст телеграммы начальнику Иркутского губернского жандармского управления: «Девятого отправлено в Иркутск. По адресу: дом Кузнецова, доверенному фирмы Кузнец – Рогальскому, серьезное конспиративное письмо. Примите меры к осторожному, совершенно негласному выяснению действительного получателя для учреждения неотступного наблюдения за ним». Тут же отмечалось, что в тексте слова «Иркутск» и «Рогальскому» подчеркнуты волнистой линией. Наконец, автор ссылался на дополнительные публикации в газетах «День» и «Биржевые ведомости»⁷⁵. Поиски автора, предпринятые по указанию министра внутренних дел Н.А. Маклакова, результата не дали. Подозревали В.И. Кривоша, который вынужден был после скандала, связанного с присвоением денежных сумм, подать в отставку с 1 декабря 1911 года⁷⁶. По косвенным данным можно предположить, что автором опять же был Л.П. Меньшиков. (Он, кстати, с 1911 года жил в Нью-Йорке и уехал в Париж в июне 1913#го.)

⁷⁰ Гражданин. 1913. 7 июля. № 27. С. 15; День. 1913. 6, 7, 8, 25 июля; Дым Отечества. 1913. 11 июля; Биржевые ведомости. 1913. 4 июля. № 13631. С. 2 [вечерний выпуск]; 5, 9, 10 июля [утренний выпуск]; 16 июля; Речь. 1913. 5 июля. № 180. С. 1; Русская молва. 1913. 5 июля. С. 2; 2 августа. С. 3; Современное слово. 1913. 13 июля. № 1978. С. 1.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 55.

⁷² Русское слово. 1913. 7 июля. № 156. С. 4.

⁷³ Речь. 1913. 13 июля. № 188. С. 1.

⁷⁴ Утро России. 1913. 24 июля.

⁷⁵ Там же. С. 4–5.

⁷⁶ Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007. С. 136–137.

Эта версия тогда же появилась в печати⁷⁷. Начальник Московского охранного отделения А.П. Мартынов докладывал в Особый отдел ДП 29 июля 1913 года, что, по агентурным сведениям, статья «Перлюстрация» была предложена Меньшиковым газете через А.В. Руманова (с 1907 года заведующего петербургским отделом московской газеты «Русское слово»)⁷⁸.

Публикация «Еще о перлюстрации» породила новые отклики. «Русское слово» цитировало заявление В.Л. Бурцева из Парижа, что он посылал номера журнала «Былое», издававшегося в то время за рубежом, многим высокопоставленным лицам заказными письмами, но они были возвращены ему обратно с официальной надписью о невручении как «содержащие запрещенные издания». Естественно, поставить такой штамп без вскрытия конверта было невозможно⁷⁹.

В результате на заседании бюджетной комиссии при рассмотрении сметы Главного управления почт и телеграфов на 1914 год вопрос о перлюстрации затронули три либеральных депутата: октябрист И.В. Годнев, прогрессист М.И. Гродзицкий и кадет князь С.П. Мансырев, которые ссылались на осведомленных лиц. Князь Мансырев вспомнил, что в 1910 году, когда он выступал защитником по уголовному делу, к нему обратился некий сенатор, гофмаршал двора, с просьбой информировать его о ходе процесса. Для этого сенатор сообщил Мансыреву условный адрес и шифр. Адвокат выразил удивление этой предосторожностью и услышал признание сановника: «Когда был ревизующим сенатором, то вся переписка, отправлявшаяся ко мне, подвергалась дешифровке». Еще более сенсационное заявление сделал Годнев: «Я от некоторых лиц, близко знакомых с почтовым ведомством, слышал уверения, что существует даже особый аппаратик, при помощи которого отпаривают письма и получается возможность их прочитать... Я бы желал знать, насколько заявления таких лиц, которые будто сами принимали в этом участие... верны и продолжается ли это до сих пор». Новый (с октября 1913 года) начальник Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвиснев в отличие от своего предшественника, М.П. Севастьянова, не стал голословно отрицать наличие перлюстрации, а относительно «аппаратика» заметил: «Я не сумею сказать, я его в руках не держал». От прямого ответа на повторный вопрос Годнева: «Есть [“аппаратик”] или нет?» – Похвиснев уклонился: «Не знаю. Первый раз слышу о таком аппарате»⁸⁰. Последний раз в Думе этот вопрос поднял прогрессист Гродзицкий 5 мая 1914 года при очередном обсуждении бюджета МВД по Главному управлению почт и телеграфов. Он сослался на заметку князя В.П. Мещерского, что «письма вскрываются сотнями тысяч», и сам утверждал, что перлюстрации подвергается корреспонденция, адресованная членам Государственной думы. Похвиснев в своем выступлении ничего не сказал по данному поводу, тем самым косвенно подтверждая справедливость заявления депутата⁸¹.

Не оставляли этот сюжет и российские газеты. 31 марта 1914 года газета «День» напечатала заметку «Тайны “черного кабинета”». В ней наряду с «клюквой» (якобы в комнате для просмотра писем сидят несколько агентов охранного отделения, несколько жандармских ротмистров и представители почтового ведомства) содержалось точное указание местонахождения «черного кабинета» в столице: «секретная комната» в отделении иностранной цензуры почтамта. В мае в этом же издании появилась «подвальная» статья «Швейцары,

⁷⁷ Рувль. 1913. 8 июля. № 415. С. 3.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 48; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 83 об. – 84.

⁷⁹ Русское слово. 1913. 1 августа. № 177. С. 4.

⁸⁰ Государственная дума. Четвертый созыв: Доклады бюджетной комиссии. 1913–1914 годы. Сессия 2. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Вып. 1 (№ 1–11). СПб., 1914. К № 6. С. 7–8, 18–19. Выскажу предположение, что об «аппаратике» И.В. Годнев мог узнать от его изобретателя, В.И. Кривоша, с которым контактировал в Государственной думе, – см.: *Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе. С. 64, 70–72.

⁸¹ Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1914 год. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1914. Стб. 1914–1915, 1948–1950.

или “Черные кабинеты”» за подписью «Некто», в которой был приведен абсолютно конкретный материал о ведении перлюстрации. Здесь цитировался циркуляр директора ДП от 1 февраля 1903 года, содержащий требование к начальникам охранных отделений уделять больше внимания поступавшей к ним из Петербурга перлюстрированной переписке. Указывалось, что вскрываются письма, внесенные в особый список («алфавит»), а также вызывающие подозрение. В качестве перлюстрированных упоминались письма к княгине С.Н. Голицыной, графине Е.А. Уваровой, от профессора В.А. Вагнера к Н.Л. Гондатти (генерал-губернатор Приамурской области с 1911 года), от жандармского офицера Лявданского к бывшему московскому градоначальнику А.А. Рейнботу. Отмечалось, что копии писем на имя фельдшерицы Е. Павловой (Сетунская лечебница Московской губернии) соседствуют с копией почерка их автора⁸². Поскольку в качестве примеров в основном фигурировали акты перлюстрации писем, проходивших через Московский почтамт в конце XIX – начале XX века, то источником информации мог быть Л.П. Меньщиков. Дополнительным аргументом в пользу его авторства является обнаруженное мной текстологическое совпадение по существу между данной статьей и книгой Меньщикова, опубликованной в 1925 году. В статье как пример перлюстрации упоминается передача Департаментом полиции 10 марта 1897 года Московскому охранному отделению копии письма учителя Шапошникова в слободу Велико-Михайловку Курской губернии. В книге речь идет о перлюстрации письма библиотекаря Румянцевского музея Г.Н. Шапошникова – жениха курсистки М.Ф. Ветровой, покончившей с собой в Петропавловской крепости 12 февраля 1897 года. Письмо это он послал 4 марта 1897 года родным в Курскую губернию⁸³.

В мае 1914 года газета «Речь» напечатала письмо корреспондента ряда периодических изданий Г. Семешко из Баку. В данном случае говорилось о сообщении содержания телеграмм местным властям. Журналист писал, что 9 мая был срочно вызван к помощнику градоначальника Е.И. Уманцеву. Чиновник интересовался, не является ли журналист автором корреспонденции, накануне отправленной по телеграфу за подписью «Камский» в редакцию «Биржевых ведомостей» и искажающей, по словам Уманцева, реальное положение дел. Когда Семешко отказался от авторства, его попросили не разглашать эту историю. Журналист обратился к начальнику почтово-телеграфной конторы Закржевскому за разъяснением того, как телеграмма попала в градоначальство, но никакого вразумительного ответа не получил⁸⁴.

«Наша рабочая газета» в том же месяце сообщила об обнаружении в редакции под клапаном одного из конвертов тончайшей проволоки для вскрытия. Через три недели эта же газета информировала о том, что из приходящих в редакцию конвертов стала исчезать подписная плата, вложенная марками, а иногда оторвана часть корреспонденции. На последнюю публикацию откликнулась газета «Современное слово», в ней выразили надежду на запрос в Государственной думе⁸⁵. Замечу сразу, что последние публикации на деле относились, конечно, не к профессионалам перлюстрации, а к нечистым на руку почтовым чиновникам. Замечу также, что копии большинства публикаций на эту тему собирались и хранились в делах Департамента полиции⁸⁶. В июле 1914 года газета «Русское слово» напечатала заметку «Почтовые загадки», автор которой писал не только о плохой работе почты, но и о получении

⁸² День. 1914. 31 марта. № 88. С. 3; 22 мая. № 137. С. 4. В.А. Вагнер – выдающийся зоолог и зоопсихолог; Н.Л. Гондатти – исследователь Северной и Северо-Восточной России, тобольский (1906–1908), томский (1908–1911) губернатор, генерал-губернатор Приамурской области (1911–1917); А.А. Рейнбот – московский градоначальник (1906–1907).

⁸³ Там же. 1914. 22 мая. С. 4; Меньщиков Л.П. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. Ч. 1. 1885–1898. М., 1925. С. 337.

⁸⁴ Речь. 1914. 18 мая. № 133 (2802). С. 6.

⁸⁵ Наша рабочая газета. 1914. 14 мая. № 10. С. 1; 8 июня. № 30. С. 1; Современное слово. 1914. 11 июня. № 2303. С. 1.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 8 об. – 9.

им заграничной бандероли со штемпелем «Позволено», хотя запечатанная обертка предполагала, что отправление не вскрывалось⁸⁷.

В русской художественной литературе тема перлюстрации нашла свое отражение в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836); в очерке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Мнения знатных иностранцев о помпадурках», опубликованном в 1873 году в журнале «Отечественные записки» и вошедшем затем в сатирический цикл «Помпадуры и помпадурши»; в уже упоминавшихся повести Н.С. Лескова «Смех и горе» (1871) и его газетной заметке «Нескладница о Гоголе и Костомарове (историческая поправка)»; в рассказе А.И. Куприна «Гога Веселов» (1916)⁸⁸.

Новый всплеск общественного интереса к теме перлюстрации последовал после свержения монархии в феврале 1917 года. Центральные и местные газеты писали о «черных кабинетах», рассказывали о деталях их устройства, приводили списки лиц, чья корреспонденция регулярно вскрывалась⁸⁹. Журнал «Былое» напечатал воспоминания бывшего начальника Киевского губернского жандармского управления генерал-майора В.Д. Новицкого и бывшего цензора С. Майского (псевдоним В.И. Кривоша)⁹⁰. Впоследствии эти воспоминания вышли отдельными изданиями⁹¹. Записки Майского на многие годы стали одним из основных источников для исследователей данной темы. К сожалению, до недавнего времени этот источник не подвергался целостному источниковедческому анализу. Многие историки просто переписывали и переписывают из него те или иные отрывки, даже не задаваясь вопросом, кто скрывался за этим псевдонимом – среди служащих цензуры иностранных газет и журналов С. Майского как такового никогда не существовало. К тому же наряду с действительно ценными сведениями о практике работы «черных кабинетов» здесь приводится немало недостоверных и просто выдуманных фактов. Уже в 1998 году на основании совокупности документов я подверг критике ряд утверждений Майского, а в 2007 году обосновал версию о том, что за псевдонимом «С. Майский» скрывался В.И. Кривош – один из ярчайших работников «черных кабинетов», трудившийся на этом поприще с 1893#го по 1935 год, но отличавшийся в своих рассказах и воспоминаниях необузданной фантазией⁹².

В 1918 году вышла книга С.Г. Сватикова «Русский политический сыск за границей». Автор был направлен в мае 1917 года в Париж как комиссар Временного правительства для работы в комиссии по разбору архивов Департамента полиции и ликвидации его подразделений за рубежом. Он ознакомился в Париже со многими документами и участвовал в допросах бывших секретных сотрудников. К сожалению, ведению зарубежной перлюстрации в книге Сватикова посвящено лишь два абзаца⁹³.

После прихода большевиков к власти, уже с лета 1918 года, перлюстрация входит в арсенал политического контроля с их стороны⁹⁴. Естественно, что новые руководители поли-

⁸⁷ Русское слово. 1914. 31 июля. № 176. С. 5.

⁸⁸ Гоголь Н.В. Ревизор // Гоголь Н.В. Соч. М., 1952. С. 298–299, 328; Салтыков-Щедрин М.Е. Помпадуры и помпадурши // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. С. 247; Лесков Н.С. Смех и горе. С. 137; Он же. Нескладница о Гоголе и Костомарове (историческая поправка). С. 2; Куприн А.И. Гога Веселов // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1958. С. 369–380.

⁸⁹ Киевская мысль. 1917. 2 апреля. С. 4; 6 апреля. С. 3; 8 апреля. С. 3; 16 апреля. С. 2; Утро России (М.). 1917. 8 апреля. С. 4; 13 апреля. С. 4.

⁹⁰ Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов // Былое. 1917. № 5–6 (27–28). С. 90–124; Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Там же. 1918. № 7. С. 185–197.

⁹¹ Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора. Пг.: Былое, 1922; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Прибой, 1929.

⁹² Измозик В.С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70# летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 220–221.

⁹³ Сватиков С. Русский политический сыск за границей. М.: X-HISTORY, 2002. С. 8, 31.

⁹⁴ См.: Измозик В.С. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России

тического розыска обращаются к опыту царской службы. В первой половине 1919 года в ВЧК В.Н. Зверевым, бывшим сотрудником Московского охранного отделения, был составлен секретный обзор «Перлюстрация корреспонденции при царизме и телефонные перехваты». Но надо отметить, что автор просто сделал краткий конспект воспоминаний С. Майского (В.И. Кривоша)⁹⁵.

В начале 1920#х годов к данной проблеме обратился молодой историк Р.М. Кантор. Он рассказал об одном из интереснейших эпизодов перлюстрации в царствование Александра II (о деле капитана пограничной стражи Н.А. Иванова), ввел в научный оборот ранее недоступные архивные материалы, в частности доклад от 12 июля 1913 года вице-директору ДП А.Т. Васильеву о состоянии дела перлюстрации в империи⁹⁶. Большой фактический материал об организации и ведении перлюстрации в царствование Николая II был опубликован в середине 1920#х годов в семитомном издании «Падение царского режима»⁹⁷.

Пожалуй, одной из последних научных публикаций на эту тему в тот период стала статья ленинградского историка А.В. Предтеченского «О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем)». К сожалению, она была опубликована со значительными купюрами по сравнению с рукописью⁹⁸. Полный текст был напечатан лишь в 1999 году⁹⁹. Статья содержит одиннадцать писем, которыми в 1813–1817 годах обменялись между собой министр внутренних дел Козодавлев и московский почт-директор Рунич по поводу выяснения настроений московского общества с помощью перлюстрации (четыре письма принадлежат Козодавлеву и семь писем – Руничу). Эта переписка позволяет узнать о некоторых подробностях деятельности «черных кабинетов», о, так сказать, повседневных заботах и трудностях тружеников перлюстрации.

Власть чутко охраняла население от излишних знаний об этом предмете. Достаточно отметить, что сам термин «перлюстрация» отсутствует в первом и третьем изданиях Большой советской энциклопедии¹⁰⁰. Во втором издании БСЭ, в томе, который вышел весной 1954 года, и Советском энциклопедическом словаре краткие справки о перлюстрации присутствуют. При этом информация о перлюстрации во втором издании БСЭ подытоживается лицемерным утверждением: «В СССР тайна личной переписки охраняется законом (Конституция СССР, ст. 128)»¹⁰¹. Публикации об истории российской перлюстрации почти исчезли после 1928 года.

Одновременно ряд мемуарных свидетельств о практике перлюстрации опубликовали за рубежом российские эмигранты. Некоторые из этих мемуаров были изданы в СССР¹⁰².

В обстановке Большого террора второй половины 1930#х годов в СССР была переведена в значительно сокращенном виде книга американского автора Р. Роуана «История шпионажа», изданная впервые в Лондоне в 1936 году. В условиях нагнетаемой шпиономании рас-

в 1918–1928 гг.). СПб.: СПбУЭиФ, 1995.

⁹⁵ Центральный архив ФСБ РФ [далее – ЦА ФСБ РФ]. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18. Л. 1–6.

⁹⁶ Кантор Р. Работа «черных кабинетов» // Красный командир. 1921. № 23. С. 24–25; Он же. К истории «черных кабинетов» // Каторга и ссылка. 1927. № 8 (37). С. 90–99.

⁹⁷ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. Л., 1924–1927.

⁹⁸ Предтеченский А.В. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем) // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 201–209.

⁹⁹ Он же. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем) // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 17–40.

¹⁰⁰ Большая советская энциклопедия [далее – БСЭ]. 1#е изд. Т. 40. М., 1940. С. 99; БСЭ. 3#е изд. Т. 19. М., 1975. С. 423.

¹⁰¹ БСЭ. 2#е изд. Т. 32. С. 508; Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 987.

¹⁰² Курлов П.Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов. М.; Пг., 1923; Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма – и др.

сказы о работе разведок крупнейших стран мира, в основном в первой трети XX века и в том числе и в России, оказались весьма востребованными. Роуан уверял читателей, что «государства... непрерывно потворствуют шпионажу» и «на зловещем фронте нет перемирия»¹⁰³. Масштаб издания в СССР книги этого малоизвестного зарубежного автора, наверно, почти не имеет аналогий. По сути, перевод подобранных отрывков из нее стал немаловажным элементом идеологической кампании, призванной объяснить и оправдать массовые репрессии, усилить массовый психоз поиска «шпионов». Можно лишь предполагать, что решение о запуске в широкую пропаганду текстов Роуана принималось на самом высоком уровне и, возможно, визировалось И.В. Сталиным.

Первоначально эти тексты появились в центральном органе ЦК ВКП(б) – газете «Правда». Время было выбрано не случайно. Именно в те дни, 11–12 июня, сообщалось о процессе над восемью крупнейшими военачальниками Красной Армии во главе с маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским и их расстреле. Публикации предшествовала рекламная статья журналиста Б.Р. Изакова «Международный шпионаж», а затем в течение пяти дней в газете печатались отрывки из этой «столь своевременной для советских людей книги»¹⁰⁴.

Далее материалы из книги Роуана были переизданы отдельной брошюрой во многих городах страны: Москве, Красноярске, Курске, Кустанае, Новосибирске, Оренбурге, Пензе, Пятигорске, Ростове-на-Дону и др. Только в Москве в 1937 году она вышла тремя изданиями. Тираж лишь первого из этих изданий, подписанного в печать 14 июля 1937 года, составил 350 тыс. экземпляров. Таким образом, в общей сложности было напечатано, без сомнения, несколько миллионов экземпляров¹⁰⁵. Эти очерки вошли в состав специального сборника «Шпионаж капиталистических государств». Здесь Р. Роуан оказался в соседстве с такими авторами, как бывший член коллегии ВЧК С.Г. Уралов, начальник Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области с декабря 1934#го по январь 1938 года Л.М. Заковский¹⁰⁶.

Что касается интересующей нас темы, то у Роуана наряду с компилятивными сведениями о деятельности «черных кабинетов» в России можно найти переплетение правды и выдумок о цензоре В.И. Кривоше и упоминание ложных фактов о процессе над старшим цензором киевской почтовой цензуры К.Ф. Зивертом – последний и его сотрудники якобы оказались австро-германскими шпионами¹⁰⁷.

В послевоенное время публикации об истории российских «черных кабинетов» остаются по#прежнему крайне редкими. В 1949 году эту тему затронул А.С. Нифонтов в монографии «Россия в 1848 году». Автор, рассказывая о росте масштабов перлюстрации с целью политического контроля в обстановке европейских революций, широко использовал архивы III Отделения¹⁰⁸. Но сведения о перлюстрации были ограничены рамками одного года. К тому же Нифонтов считал, что перлюстрация проводилась достаточно небрежно и касалась в первую очередь корреспонденции отдельных лиц, обративших на себя внимание III Отделения. В доказательство он приводил тот факт, что большинство документов и писем, посту-

¹⁰³ Роуан Р. Разведка и контрразведка / Сокр. пер. с англ. М., 1937. С. 19.

¹⁰⁴ Правда. 1937. 8 июня. С. 4; 9 июня. С. 2–4; 10 июня. С. 2–4; 11 июня. С. 3–5; 12 июня. С. 4–5; 13 июня. С. 4–6. Общий объем публикации составил четыре печатных листа.

¹⁰⁵ Роуан Р. Разведка и контрразведка. С. 2, 62. Впоследствии книга Роуана на русском языке издавалась еще несколько раз в таком же или расширенном варианте: Роуан Р.В. Очерки секретной службы: Из истории разведки. М., 1946; Он же. Разведка и контрразведка. Запорожье, 1991; Он же. Очерки секретной службы: Из истории разведки. СПб., 1992; Он же. Окутанный туманом: Из истории шпионажа. М., 1993; Он же. 300 лет секретных войн: История секретных служб мира. М., 2004 – и др.

¹⁰⁶ Шпионаж капиталистических государств: Сб. статей. М., 1937.

¹⁰⁷ Роуан Р. Разведка и контрразведка. С. 30–31, 55–56; Он же. Очерки секретной службы. 1946. С. 351, 354–355.

¹⁰⁸ Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М., 1949. С. 76–81.

павших в Россию на имя частных лиц и преследовавших цель революционной пропаганды, доставлялось властям не почтовой цензурой, а самими адресатами¹⁰⁹.

Даже хрущевская оттепель ничего не изменила в отношении к данной теме. Так, термин «перлюстрация» отсутствует в «Советской исторической энциклопедии» (1961–1976), как и в более поздней восьмитомной «Советской военной энциклопедии» (1976–1980)¹¹⁰. Приятным исключением стала статья тогдашнего аспиранта, а ныне известного российского историка В.Ю. Черняева «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки)», опубликованная в 1976 году и построенная на архивах Департамента полиции¹¹¹. К сожалению, работа не получила продолжения, ибо, как сказал мне Владимир Юрьевич, «старшие товарищи не рекомендовали ему заниматься этим сюжетом».

В 1967 году в Нью-Йорке была издана монография Д. Кана «Взломщики кодов», получившая огромную популярность. В 2000 и 2004 годах она вышла в разных издательствах на русском языке. В книге есть глава «Русская криптология», в которой определенное внимание уделено работе «черных кабинетов». Но это всего лишь компиляция из воспоминаний С. Майского (В.И. Кривоша), материалов книги Р. Роуана и некоторых других источников. Например, Кан уверяет, что «большинство сотрудников “черных кабинетов” были иностранцами, являвшимися подданными России»¹¹². Одно это уже говорит о весьма слабом знакомстве автора с реальным составом чиновников секретной экспедиции. Таким образом, никакой самостоятельной ценности труд Кана для истории российской перлюстрации не имеет.

В 1982 году вышла монография И.В. Оржеховского «Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.)», в которой автор, используя архивные фонды III Отделения и некоторые всеподданнейшие доклады министра внутренних дел, показал роль перлюстрации прежде всего в борьбе с инакомыслием¹¹³. Вместе с тем в книге есть фактические ошибки. Например, здесь содержится утверждение, что «III Отделение само перлюстрировало корреспонденцию “государственных преступников”, и в частности декабристов и членов их семей, а также брало под свой контроль надзор за всей корреспонденцией “политически неблагонадежных” лиц»¹¹⁴. Но дело в том, что корреспонденция декабристов, как в дальнейшем и других «государственных преступников», подлежала не перлюстрации, а официальной цензуре. Кроме того (и это я покажу далее), III Отделение в период своего существования, конечно, играло ведущую роль в контроле за корреспонденцией «политически неблагонадежных» лиц, но данные функции в отдельные периоды возлагались на военных генерал-губернаторов ряда провинций. Неверно также, что перлюстрацию осуществляли якобы особые чиновники «под непосредственным руководством III Отделения» и «назначенные с его ведома»¹¹⁵.

Резкий всплеск интереса к истории перлюстрации происходит с конца 1980#х годов – в условиях ликвидации цензуры, постепенного открытия массы ранее недоступных архивных материалов. Уже в 1986 году появляется первая статья давнего сотрудника Государственного архива Российской Федерации (бывшего Государственного архива Октябрьской рево-

¹⁰⁹ Там же. С. 224–225.

¹¹⁰ Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976; Советская военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1976–1980.

¹¹¹ Черняев В.Ю. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории: Сб. статей аспирантов и соискателей. Ч. 1. М.; Л.: 1976. С. 134–155.

¹¹² The Codebreakers. The Story of Secret Writing. N.Y., 1967; Кан Д. Взломщики кодов. М.: Центрполиграф, 2000; Он же. Война кодов и шифров: История четырех тысячелетий криптографии / Пер. с англ. Е.С. Алексева. М.: Рипол Классик, 2004. С. 101–104.

¹¹³ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982.

¹¹⁴ Там же. С. 72.

¹¹⁵ Там же. С. 73.

люции и социалистического строительства) З.И. Перегудовой¹¹⁶. Великолепный знаток фондов, прекрасно владеющая источниковедческим анализом, Зинаида Ивановна опубликовала в последующие годы несколько статей о деятельности Департамента полиции в 1880–1917 годах, в том числе и о перлюстрации как об одном из важнейших методов политического розыска¹¹⁷. Продолжением этих публикаций стала монография «Политический сыск России (1880–1917)». В этой монографии специальный параграф, насыщенный неизвестным ранее архивным материалом, посвящен перлюстрации¹¹⁸.

Одной из первых книг, в которой была затронута история «черных кабинетов», стала работа Ф.М. Лурье, затем неоднократно переиздававшаяся. В ней приводились отрывки из воспоминаний М.Е. Бакая, С. Майского, В.Д. Новицкого, А.И. Спиридовича¹¹⁹. К сожалению, здесь имелся ряд фактических ошибок: утверждение, что Александр III подписал секретный указ, позволявший вскрывать любую корреспонденцию; повторение легенды о старичке, который шестнадцать раз являлся к новому министру внутренних дел с секретным указом Александра III; отнесение к перлюстрации просмотра писем декабристов, петрашевцев и «других государственных преступников»¹²⁰. В 1993 году вышла монография Ч. Рууда и С.В. Степанова «Фонтанка, 16», посвященная истории политического розыска в России. Авторы на нескольких страницах рассказали о ведении перлюстрации, в основном в конце XIX – начале XX века, назвали ее руководителей (А.Д. Фомина и М.Г. Мардарьева), привели ряд архивных документов: доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново от 5 января 1895 года, протокол допроса старшего цензора Московского почтамта В.М. Яблочкова в Московском окружном суде весной 1917#го и т. п.¹²¹

О зарождении системы перлюстрации в середине XVIII века, технических приемах вскрытия дипломатической почты написала Т.А. Соболева (Алексеева) в книге, посвященной истории криптографической службы. К сожалению, свой рассказ о перлюстрации начала XX века она в значительной мере основывает на мемуарах С. Майского (В.И. Кривоша), излишне доверяя им¹²².

Высокой точностью и информативностью отличаются статьи саратовского автора О.Ю. Абакумова о перлюстрации в России в середине XIX века, опубликованные на рубеже XX–XXI веков. Однако в своей последней монографии – ««...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830#е – начало 1860#х гг.)» – этот автор лишь мельком касается темы перлюстрации¹²³.

О работе «черных кабинетов» в царствование Николая I (1825–1855) в сжатом, но весьма насыщенном фактическим материалом параграфе рассказал А.Г. Чукарев в моногра-

¹¹⁶ Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения (Коллекция перлюстрации ЦГАОР СССР) // Исторический опыт Великого Октября: К 90#летию академика И.И. Минца. М., 1986. С. 376–389.

¹¹⁷ Она же. Источники изучения социал-демократического движения в России: Материалы фонда Департамента полиции // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 88–100; Она же. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением // Факел: Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 197–205.

¹¹⁸ Она же. Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. С. 275–288.

¹¹⁹ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. СПб.: Час пик, 1992; Она же. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М.: Терра, 1998; Она же. Политический сыск в России. 1649–1917. М.; СПб.: Центрполиграф – Смир-Дельта, 2006. С. 100–107.

¹²⁰ Она же. Политический сыск в России. С. 100–101.

¹²¹ Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. С. 110–116.

¹²² Соболева Т.А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII – начала XX в.). М., 1994. С. 97–104, 236–240; Она же. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 287–293.

¹²³ Абакумов О.Ю. «Око земного бога» (Корпус жандармов на рубеже 50–60#х гг.: традиции и новации) // Освободительное движение в России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 18. Саратов, 2000. С. 61–78; Она же. «Самая непрогнозируемая тайна». С. 9–19; Она же. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830#е – начало 1860#х гг.). Саратов: Научная книга, 2008.

фии «Тайная полиция России»¹²⁴. К сожалению, он также не избежал отдельных ошибок. Например, он пишет, что «перлюстрация осуществлялась во всех городах России, которые были названы А.Х. Бенкендорфом в письме царю об учреждении тайной полиции». В этом письме были названы Петербург, Москва, Киев, Вильно, Рига, Харьков, Одесса, Казань и Тобольск¹²⁵. Между тем, как будет показано ниже, перлюстрация в Харькове и Казани была учреждена через несколько десятков лет. Зато при Николае I «черные кабинеты» появились в городах, не упомянутых в записке Бенкендорфа.

В 2008 году была опубликована статья Е.А. Гончаровой «Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в.». Хотя эта работа в значительной мере построена на опубликованных источниках, в ней содержатся интересные архивные материалы по ведению перлюстрации в Саратовской губернии¹²⁶.

Одними из последних по данной теме вышли книги Ф.Л. Севастьянова «Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска – к политическому розыску» и А.С. Смыкалина «Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР». Севастьянов исследует организацию политического розыска при Александре I. Автор, кроме опубликованных источников, ввел в обращение огромный архивный материал, сделав ряд интересных находок, в том числе и по вопросу организации перлюстрации¹²⁷.

В монографии А.С. Смыкалина интересующей нас теме посвящены три из четырех параграфов первой главы «У истоков оперативно-технической деятельности» и несколько страниц во второй главе «Почтовая военная цензура как средство контроля контрразведки в годы Первой мировой войны»¹²⁸. Исследователь использовал здесь достаточно широкий круг опубликованных работ по истории перлюстрации. К сожалению, иногда он некритически трактует сведения таких авторов, как С. Майский и Р. Роуан. В частности, принимает за истину рассказ Роуана о шпионаже в пользу Австрии и Германии сотрудников «черного кабинета» в Киеве во главе со старшим цензором К.Ф. Зивертом¹²⁹.

Доверчивость Смыкалина привела к появлению в книге знаменитого пассажа, особенно любимого авторами массовых изданий, о «старичке в потертом мундире», который якобы с 1880#х годов появлялся в кабинете нового министра внутренних дел с указом Александра II о праве старшего цензора М.Г. Мардарьева «руководить делом перлюстрации писем на Петербургском почтамте», а затем «его никто не видел в министерстве до следующей смены министра»¹³⁰. Здесь целый ряд ошибок. Во-первых, министру вручался, как я писал выше, конверт с докладом министра внутренних дел И.Н. Дурново от 5 января 1895 года на имя Николая II. Во-вторых, прототипом героя этой легенды мог быть А.Д. Фомин, занимавший должность старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов и одновременно управлявший секретной частью «над всеми подобными учреждениями в империи» с декабря 1891#го и до июня 1914 года. Но, родившись в 1845 году, он даже к моменту отставки не был уж столь глубоким старичком. В-третьих, действительно, за период пребывания на посту Александра Дмитриевича Фомина в империи сменилось девять министров внутренних дел: И.Л. Горемыкин, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, П.Д. Свято-

¹²⁴ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 282–295.

¹²⁵ Там же. С. 123, 386.

¹²⁶ Гончарова Е.А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96–102.

¹²⁷ Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска – к политическому розыску. СПб.: МИЭП, 2008.

¹²⁸ Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 18–82, 95–98.

¹²⁹ Там же. С. 95–96.

¹³⁰ Там же. С. 58.

полк-Мирский, А.Г. Булыгин, П.Н. Дурново, П.А. Столыпин, А.А. Макаров и Н.А. Маклаков. Но, конечно, взаимодействие старшего цензора и руководителя «особенной частью» с очередным господином министром существовало постоянно на протяжении всего времени его пребывания на посту¹³¹.

Не могу согласиться и с тезисом Смыкалина о том, что «если в конце XIX в. перлюстрация корреспонденции носила выборочный характер, то в начале XX в. она принимает всеобъемлющий, тоталитарный характер. Вся жизнь общества находилась под зорким контролем государства»¹³². «Всеобъемлющий, тоталитарный характер» перлюстрация начнет постепенно принимать уже только в советском государстве.

К сожалению, во многих работах, появившихся с начала 1990#х годов, в ситуации отсутствия цензуры и исчезновения квалифицированной редакции, приводимые сведения в основном компилятивны, не сопровождаются необходимой критикой источников, знанием структуры перлюстрационной службы и изменений, происходивших в ее подразделениях.

В огромной по объему, почти полностью компилятивной книге И.Б. Линдера и С.А. Чуркина «История специальных служб России X–XX веков» перлюстрации уделено крайне незначительное место, но и при этом авторы сумели сделать ряд грубых ошибок. Например, они пишут о работе «черных кабинетов» в начале XX века: «“Черные кабинеты” существовали во всех крупных городах... Многие из их сотрудников, особенно в столицах, знали иностранные языки...»¹³³. Но к началу XX века в Российской империи перлюстрационные пункты существовали всего в восьми городах, а знание двух-трех иностранных языков было обязательным условием для работы.

Не уступают Линдеру и Чуркину и некоторые другие авторы. И.Н. Кравцев в своей весьма сумбурной книге «Тайные службы империи» уверяет читателей, что «черные кабинеты» в начале XX века имелись в распоряжении Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел, а разница между первыми и вторыми заключалась в том, что «одни [МВД] проверяли письма внутреннего назначения, другие [МИД] курировали внешнюю переписку (включая и дипломатическую)»¹³⁴. На деле «черные кабинеты» МВД занимались всей почтовой перепиской, включая зарубежную и дипломатическую, а криптографы МИДа трудились над расшифровкой телеграфных сообщений иностранных дипломатов и разрабатывали собственные шифры.

Ю.А. Регент, ссылаясь на воспоминания С. Майского и А. Спиридовича, пишет, что в Тифлисе, Томске и Вильно «незадолго до революции “черные кабинеты” были закрыты, а в Нижнем Новгороде и Казани открывались лишь по мере надобности»¹³⁵. Между тем пункт в Вильно был закрыт еще в 1895 году, а пункт в Тифлисе (Тбилиси) после вынужденного закрытия в 1905#м вновь заработал на конспиративной основе с 1909 года. Если в Нижнем Новгороде официальная перлюстрация проводилась действительно лишь по мере надобности, то в Казани «черный кабинет» существовал до 1909 года.

Автор также не видит разницы между официальными цензорами-перлюстраторами и почтово-телеграфными чиновниками, занимавшимися вскрытием писем по просьбам местных жандармских офицеров. Наконец, известного сотрудника «черных кабинетов» В.И. Кривоша вынудили подать заявление об увольнении из петербургской цензуры иностранных газет и журналов не «за попытку предложить свои услуги Морскому ведомству», а за

¹³¹ Измозик В.С. А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев: к истории «черных кабинетов» в России. Конец XIX – начало XX в. // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 59–61; Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX века / Сост. В.С. Измозик. СПб.; М.: Нева – ОЛМА-пресс, 2002. С. 620.

¹³² Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура. С. 98.

¹³³ Линдер И.Б., Чуркин С.А. История специальных служб России X–XX веков. М.: Рипол Классик, 2004. С. 370.

¹³⁴ Кравцев И.Н. Тайные службы империи. М.: РАГС, 1999. С. 85.

¹³⁵ Регент Ю.А. Общая и политическая полиции России (1890–1917 гг.). Рязань, 2001. С. 161.

присвоение значительных сумм, которые он получал от Морского министерства. Суммы эти выделялись Кривошу на организацию перлюстрационных пунктов в провинции и для выдачи коллегам, которых он привлек к сотрудничеству в «Секретном бюро», созданном при отделе разведки Морского Генерального штаба¹³⁶.

Столь же беззаботен местами по отношению к историческим фактам Л.А. Лахин. Например, он пишет о «Сергее Ивановиче Майском», прослужившем в «черном кабинете» более десяти лет. И проблема здесь не только в том, что «С. Майский» – псевдоним. Важнее то, что на самом деле в выходных данных его публикаций расшифровка имени отсутствует, а отчество вообще никак не обозначено! Фантазирует автор и описывая знакомство с перлюстрацией В.К. Плеве, который после назначения министром внутренних дел обнаруживает в кабинете своего предшественника копии собственных писем. Во-первых, Плеве, ставший министром 4 апреля 1902 года, был директором Департамента полиции в 1881–1884 годах и товарищем министра внутренних дел с 1884 года, а потому о перлюстрации и ее деталях был прекрасно осведомлен. Во-вторых, не мог он обнаружить копию своего письма депутату Государственной думы некоему Михайлову, поскольку покойники писем не пишут. Государственная дума впервые собралась 27 апреля 1906 года, а Вячеслав Константинович был убит эсером Егором Сазоновым (Созоновым) 15 июля 1904#го. Преувеличивает автор и качество перлюстрации, указывая, что якобы после заклейки «конверт принимал прежний девственный вид». Идеализирует он и мастерство отборщиков писем, уверяя, что среди них «были такие мастера, что... даже по нескольким буквам могли безошибочно определить, кто автор письма и кому оно адресовано». Конечно, уровень вскрытия писем в целом был высоким, но и жалоб на надорванные и поврежденные конверты было немало¹³⁷.

Позволю себе привести один текстологический пример того, как работает фантазия Л.А. Лахина и ему подобных. В воспоминаниях С. Майского (В.И. Кривоша) говорится, что однажды при вскрытии мешка с дипломатической почтой перлюстратор уронил в него случайно свою золотую запонку от манжет. Далее произошло следующее: «Посольство в Петрограде, найдя эту запонку в мешке, вернуло ее со следующей почтой при письме министерству обратно. Перлюстратор, считавший свою запонку безвозвратно потерянной, очень обрадовался, когда ее нашел на следующий день во вскрытом им мешке. Он взял ее себе, а сопровождавшее ее письмо просто уничтожил, и этим инцидент был исчерпан»¹³⁸. А вот как этот случай выглядит под пером Лахина: в мешке «была записка с наивной просьбой работников посольства вернуть запонку владельцу. Только после этого сотрудник поставил начальство в известие о происшедшем»¹³⁹. Читатель сам может сделать вывод.

Малую ценность относительно интересующей нас темы представляет работа Л.В. Антоновой и Т.А. Просвировой, также не свободная от неточностей. Например, авторы уверяют, что «перлюстрация... достигла наивысшего развития к концу XVIII века, в правление Елизаветы Петровны и Екатерины II», что абсолютно неверно. Выше я уже указывал, что они путают перлюстрацию с официальной цензурой¹⁴⁰.

А.Ю. Саран, автор добротной монографии «История почты Орловского края», почему# то именуется саму почтовую цензуру «тайной службой», но тут же отмечает, что ее сотрудники имели специальную форму, утвержденную постановлением Сената¹⁴¹.

¹³⁶ Там же. С. 162–163. См.: Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 106–110.

¹³⁷ http://www.mp-centr.ru/articles/Cernyi_kabinet_s_tex.html С. 3–5.

¹³⁸ Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 284.

¹³⁹ Лахин Л. Черный кабинет // Вестник Нижегородский. 1999. 23 июля.

¹⁴⁰ Антонова Л.В., Просвирина Т.А. История спецслужб России. М.: Дом славянской книги, 2010. С. 35–36.

¹⁴¹ Саран А.Ю. История почты Орловского края. 3#е изд., доп. Орел, 2004. С. 48.

М.С. Чудакова в книге, вышедшей в свет в 2003 году, делает ряд точных замечаний о роли перлюстрации в политическом сыске начала XX века, отмечая, что «такие сведения обладали большей достоверностью, чем донесения секретных агентов». Вместе с тем исследовательница недостаточно критично отнеслась к ряду источников. Например, в книге приведена следующая цитата из воспоминаний А.И. Спиридовича: «...до самой революции 1917 г. перлюстрацией ведал один и тот же чиновник, состарившийся на своем деле и дошедший до чина действительного статского советника. Его знали министр, директор Департамента полиции и лишь немногие близкие ему лица»¹⁴². Но к 2000 году уже были опубликованы биографии последних руководителей «черных кабинетов» в России – А.Д. Фомина и М.Г. Мардарьева¹⁴³. Поэтому нетрудно было выяснить, что руководивший системой «черных кабинетов» Мардарьев к 1917 году находился в возрасте пятидесяти восьми лет, имел чин тайного советника и фамилия его была известна не только руководству МВД, но и деятелям революционной эмиграции.

Целая серия статей, в которых достаточно широко затронута тема перлюстрации, принадлежит группе авторов: А.В. Бабашу, Ю.И. Гольеву, Д.А. Ларину, Д.Е. Тришину, Г.П. Шанкину¹⁴⁴. К сожалению, в этих статьях указан лишь список литературы, но нет ссылок на источники. Поскольку авторы в архивах не работали и используют ограниченный круг источников, они также допускают грубые ошибки в рассказе о деятельности Департамента полиции и «черных кабинетов». Например, демонстрируют непонимание того, что ДП являлся составной частью МВД; последнего директора ДП А.Т. Васильева (сентябрь 1916#го – февраль 1917 года) именуют «начальником царской охраны в начале XX в.»; создание «черных кабинетов» в Петербурге, Москве, Киеве и «ряде других городов» относят к 80#м годам XIX века; опять утверждают, что А.Д. Фомин якобы руководил службой перлюстрации на протяжении тридцати лет; сообщают, что «в качестве цензоров подбирались... чиновники с высшим образованием», что «перлюстраторы самым тщательным образом исследовали книги, их переплеты и корешки в поисках возможных ключей к книжным шифрам» и т. п.¹⁴⁵ Иногда авторы не замечают, что их стремление доказать исключительно высокий уровень профессионализма перлюстраторов противоречит фактам, которые сами же авторы приводят. Например, они пишут, что «письма, прочитанные в российских “черных кабинетах”, не несли на себе сколько#нибудь заметных следов перлюстрации» и поэтому «революционерам и иностранным дипломатам не помогали никакие ухищрения: ни царапины печати, ни заделка в сургуч волоса, нитки, булавки и т. п.». Но следующая фраза все это начисто опровергает: «...в 1910 г. командир Отдельного корпуса жандармов П. [Г.] Курлов обратился к старшему цензору с просьбой, чтобы адресованные ему письма не носили явных следов вскрытия. Такая же просьба высказывалась... директором Департамента полиции

¹⁴² Чудакова М.С. Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003.

¹⁴³ Измозик В.С. А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев. С. 59–65; *Он же*. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. С. 218–225.

¹⁴⁴ Бабаш А.В., Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Шифры революционного подполья России XIX века // Защита информации. Конфидент. 2004. № 4. С. 82–87; Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 20#х – 70#х годах XIX века: успехи и неудачи // Защита информации. Инсайд. 2005. № 5. С. 90–96; Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность организаций «Земля и воля» и «Народная воля» в России в 1876–1881 гг. // Там же. 2005. № 6. С. 80–87; *Они же*. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90#е годы XIX века // Там же. 2006. № 4. С. 84–91; *Они же*. Криптографическая деятельность революционеров в России. Полиция против революционеров // Там же. 2008. № 2. С. 86–96; *Они же*. Криптографическая деятельность революционеров в России на рубеже веков (1898–1900 годы) // Там же. 2008. № 4. С. 89–96.

¹⁴⁵ Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 20#х – 70#х годах XIX века. С. 92–93; Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90#е годы XIX века. С. 91; *Они же*. Криптографическая деятельность революционеров в России. Полиция против революционеров. С. 86.

С.П. Белецким»¹⁴⁶. Понятно, что если Белецкий и Курлов обращались с подобными просьбами, то именно потому, что замечали следы вскрытия своей корреспонденции.

Иногда некритичное восприятие первоисточника одним автором приводит в итоге к тому, что эти сведения тиражируются в последующих работах как безусловно истинные. Приведу пример. В 1906 году в журнале «Русская мысль» были напечатаны воспоминания известного либерального деятеля, бывшего тверского губернского предводителя дворянства А.М. Унковского о пребывании в 1860 году в вятской ссылке, перепечатанные в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии». Он, в частности, приводил следующий рассказ вятского вице-губернатора Д.И. Батурина:

Служил я с неким Поповым в III Отделении; служба наша была распечатывание конвертов. Случилось мне разорвать один конверт. Узнал Николай Павлович [Николай I], рассердился и приказал найти средство заклеивать конверты так, чтобы не было узнано, что они были распечатаны. Долго думал я с Поповым, работал над таким средством, – нет как нет, не находим его. Наконец, Попов додумался, как ему показалось, стал пробовать уриной [мочой] распечатывать... и пошел в гору, я же остался у подошвы ее¹⁴⁷.

Этот красивый эпизод был растиражирован вятским краеведом Е.Д. Петряевым, который к тому же несколько модернизировал текст воспоминаний Батурина, не упомянув Попова и заявив, что «изобретатель был повышен в чине»¹⁴⁸. Из авторов, впоследствии приведших данный рассказ, лишь О.Ю. Абакумов высказал осторожное сомнение в его подлинности, указав, что III Отделение «занималось идейной, а не технической стороной этого процесса»¹⁴⁹. М.М. Попов действительно был видным чиновником III Отделения, но сам Батурин служил в Петербурге с марта 1835 года в Министерстве финансов, через два года был откомандирован в V Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, а в июне 1838 года по собственному желанию был переведен на службу в Рязань¹⁵⁰. Таким образом, рассказчик никогда в III Отделении не служил.

Тема перлюстрации нашла отражение и в ряде художественных произведений. Небольшая вставка о «черных кабинетах» есть в романе В.С. Пикуля «На задворках Великой империи», там, где описываются события 1905 года. Писатель опирался на воспоминания С. Майского (В.И. Кривоша), одновременно допустив ряд совершенно недостоверных литературных «красивостей». Перлюстраторы здесь «одним взглядом умели... определять ценность письма в его фискальном значении». Сортировка писем идет с сумасшедшей скоростью – «до тысячи писем в час». Главой петербургского «черного кабинета» именуется Михаил Григорьевич Мардарьев. На деле в это время Михаил Георгиевич (так!) Мардарьев был заместителем Александра Дмитриевича Фомина. При этом в романе Мардарьев самостоятельно занимается распечаткой и фотографированием писем, представляющих интерес для высшей власти¹⁵¹. Можно перечислять и другие подобные ляпы.

В 2000 году вышла в свет двухтомная книга В.Н. Балязина «Тайны “Черного кабинета”», стилизованная под записки служащего Санкт-Петербургского «черного кабинета»

¹⁴⁶ Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90-е годы XIX века. С. 91.

¹⁴⁷ Унковский А.М. Записки // Русская мысль. 1906. № 7. С. 92; Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года. Вып. I–II. Вятка, 1906. С. 90.

¹⁴⁸ Петряев Е.Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров, 1981. С. 69.

¹⁴⁹ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 15.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 160. Л. 71 об. – 74.

¹⁵¹ Пикуль В. На задворках Великой империи. Кн. 2. Белая ворона. М.: Вече – АСТ, 1998. С. 128–130.

в 1785–1828 годах Ф.Ф. Осокина¹⁵². На деле это прежде всего повествование о политической и культурной истории России конца XVIII – первой четверти XIX века. Что же касается самой темы ведения перлюстрации, то автор, безусловно, знаком с отдельными работами и мемуарами по этому предмету. В частности, он пишет о просмотре корреспонденции высших сановников империи, упоминает о перлюстрации переписки в завоеванной Финляндии во время русско-шведской войны 1808–1809 годов, а также среди военнослужащих и жителей стран Европы во время заграничного похода русской армии в 1813–1814 годах. Но поскольку это не историческое исследование, а художественное произведение, то Балязин пользуется неоспоримым правом писателя на вымысел. Так, его герой занимает должность архивариуса Секретной экспедиции, что в XVIII – первой четверти XIX века означало, что он является хранителем или управляющим архивом. Но такой должности в этом учреждении не существовало. В «черном кабинете», по мнению автора, кроме чиновников перлюстрации имелись специалисты по изготовлению фальшивых паспортов, фальшивомонетки и карточные шулера, трудившиеся в интересах тайной политической полиции, что абсолютно не соответствует действительности. Из мемуаров С. Майского (В.И. Кривоша), относящихся к концу XIX – началу XX века, взята и перенесена в конец XVIII века история о шкафе, маскировавшем вход в помещение «черного кабинета». Создание Секретной экспедиции приписано Петру I, что неверно. Изготовитель поддельных печатей употребляет слово «негатив», которое возникло лишь с появлением фотографии¹⁵³. Понятно, что подобные труды далеки от подлинной истории «черных кабинетов» в России.

При написании настоящей монографии я использовал весь доступный для меня круг источников. Во-первых, это уже известные, опубликованные работы. Часть из них была рассмотрена выше. Во-вторых, это материалы десяти центральных и местных архивов: Архива внешней политики Российской империи, Архива Государственного Эрмитажа, Архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Карелия, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

В Архиве внешней политики Российской империи мной были изучены дела в шести фондах [далее – ф.]: ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел, ф. 6 (Секретнейшие дела (перлюстрация)), ф. 15 (Дела о почтах в России), ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел), ф. 138 (Секретный архив министра), ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив). В архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области я внимательно изучил так называемое «Дело чернокабинетчиков» 1929 года. В архиве Государственного Эрмитажа меня интересовал ф. 2 (Собственные библиотеки и арсеналы). В Государственном архиве Российской Федерации работа шла с делами семи фондов: ф. 102 (Департамент полиции МВД), ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии), ф. 111 (Охранное отделение при Санкт-Петербургском (Петроградском) градоначальнике), ф. 571 (Мезенцев Н.В.), ф. Р1074 (Революционный трибунал при Петроградском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц), ф. 1717 (Собственная канцелярия шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа). В Национальном архиве Республики Карелия я смотрел дела из двух фондов: ф. 19 (Олонекское губернское жандармское управление), ф. 536

¹⁵² Балязин В.Н. Тайны «Черного кабинета»: Записки архивариуса. Кн. 1–2. М.: ОЛМА-пресс, 2000.

¹⁵³ Там же. Кн. 1. С. 7, 125, 129, 140–141; Кн. 2. С. 17, 88, 93, 269, 289.

(Петрозаводская губернская почтовая контора). В отделе рукописей Российской национальной библиотеки – дела из четырех фондов: ф. 124 (Собрание П.Л. Вакселя), ф. 152 (К.А. Военский), ф. 781 (И.И. Толстой), ф. 859 (Н.К. Шильдер). В Российском государственном архиве древних актов я обратил внимание на ф. 5 (Переписка высочайших особ с частными лицами). В Российском государственном военно-историческом архиве смотрел дела семи фондов: ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба), ф. 846 (Каталог Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба), ф. 1343 (Штаб Петроградского военного округа), ф. 1859 (Штаб Варшавского военного округа), ф. 14373 (Полевое управление почт и телеграфов при начальнике военных сообщений. 1904–1906), ф. 14014 (Главный штаб 1-й армии. 1830–1862), ф. 14414 (Главный штаб 1-й армии. 1814–1835). Большое внимание было уделено документам, хранящимся в Российском государственном историческом архиве, – здесь я изучил 137 дел в четырнадцати фондах: ф. 468 (Кабинет Его Императорского Величества), ф. 576 (Фонд Государственного контроля), ф. 728 (Т.И. Филиппов), ф. 779 (Центральный комитет иностранной цензуры), ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета), ф. 1263 (Комитет министров. 1802–1906), ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), ф. 1284 (Фонд Министерства внутренних дел), ф. 1289 (Главное управление почт и телеграфов), ф. 1292 (Управление по делам о воинской повинности МВД), ф. 1328 (Управление дворцового коменданта Министерства императорского дворца), ф. 1349 (Коллекция формулярных списков), ф. 1393 (Ревизия сенатора Н.П. Гарина московских уставлений и учреждений военного ведомства), ф. 1642 (А.Н. Куломзин). В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота я пользовался делами ф. 406 (Послужные и формулярные списки чинов Морского ведомства) и ф. 418 (Морской Генеральный штаб), а в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга – делами трех фондов: ф. 14 (Петроградский университет), ф. 1209 (Управление Петроградского почтово-телеграфного округа) и ф. 1543 (Петроградский почтамт). Таким образом, всего было изучено 303 дела в сорока восьми фондах десяти различных архивов. Надеюсь, любой профессиональный историк согласится, что данная книга опирается на прочную источниковую основу.

Вместе с тем обязательным условием при работе с любого рода источниками была их критика. Историк, знакомясь с теми или иными документами, обязан ставить перед собой несколько обязательных вопросов: кто готовил этот документ? для кого он его готовил? какова цель этого документа? насколько информация этого документа совпадает с другими источниками?

При работе над данной темой мне весьма пригодился опыт, приобретенный во время подготовки совместно с А.А. Здановичем книги об одном из выдающихся деятелей «черного кабинета» – В.И. Кривоше. Дело в том, что этот талантливейший перлюстратор и криптограф обладал непомерным тщеславием. В результате он всячески старался приукрасить свою биографию, приписывая себе окончание Венской дипломатической школы и двух факультетов Петербургского университета; работу в качестве помощника заведующего или даже заведующего императорской библиотекой в Зимнем дворце; написание (при минимальном редактировании Лениным) обращения советского правительства к послам Антанты, т. е. создание первого документа советской внешней политики, и т. д. и т. п. В результате в книгах и статьях словацких авторов, неоднократно писавших о нем с излишней доверчивостью, присутствует много ошибок¹⁵⁴.

Особую ценность представил комплект документов, изъятых из дел Департамента полиции следователем Чрезвычайной следственной комиссии П.Г. Соловьевым в июне – июле 1917 года, а также протоколы допросов лиц, связанных с деятельностью «черных кабинетов». Ценно то, что допросы проводились не только в Петрограде, но и в городах, где

¹⁵⁴ См.: Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе.

располагались перлюстрационные пункты. Допросы вели следователи и прокуроры судебных палат. Эти материалы находятся на хранении в ГАРФе¹⁵⁵, а часть их опубликована в уже упоминавшемся мной семитомном издании «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства»¹⁵⁶.

Вместе с тем и здесь соблюдался принцип «критики источников». Дело в том, что бывшие руководители перлюстрации, сообщая на допросах в 1917 году много интересного и важного, одновременно пытались преуменьшить свое участие в этих делах или прямую роль Николая II. Например, министр внутренних дел в 1913–1915 годах Н.А. Маклаков уверял на допросе 20 сентября 1917 года, что якобы доклады о пенсиях и о награждении чиновников, работавших по секретной части, «никогда государем не обсуждались» и «в самих докладах слово “перлюстрация” не упоминалось», что было неправдой¹⁵⁷. Министр внутренних дел в 1911–1912 годах А.А. Макаров, товарищ министра П.Г. Курлов, директор ДП Н.П. Зуев уверяли, что никогда не давали указаний о задержании или просмотре чьей-либо корреспонденции. По словам Макарова, он якобы «никогда не докладывал государю о перлюстрации и выписках», что опровергается документами¹⁵⁸. Бывший вице-директор ДП С.Е. Виссарионов на допросе 26 августа 1917 года заявил, что «в перлюстрационных кабинетах никогда не бывал и с порядком производства вскрытия и просмотра писем не знаком». Это было откровенной ложью, ибо именно Виссарионов в феврале 1910 года провел подробную ревизию трех перлюстрационных пунктов¹⁵⁹. Столь же малоправдоподобным представляется утверждение бывшего директора ДП и товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого на допросе в августе 1917 года, что до 1910 года он «о существовании перлюстрации... и не подозревал»¹⁶⁰. При этом в ходе допроса Белецкий проговорился, что имел отношение к многоходовой комбинации по восстановлению в январе 1909#го «черного кабинета» в Тифлисе¹⁶¹.

Руководитель «черных кабинетов» Российской империи с 1914 года, занимавшийся перлюстрацией с 1882#го, М.Г. Мардарьев на допросе 19–20 июня 1917 года говорил, что якобы «никаких директив» по вопросу отбора писем не давалось и «в то время в частной переписке шифров и “химических чернил” не было», что противоречит фактам. Также Мардарьев уверял, что «как была организована перлюстрационная часть в остальных местностях России», он не знает. Это тоже было неправдой. Вместе с тем он признался, что в первые же дни после свержения монархии в феврале 1917 года уничтожил свои черновые записи о ведении перлюстрации за 1916 год¹⁶². Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов, говоря о своем знакомстве с «заведывавшим перлюстрационным бюро Мардарьевым», упомянул, что тот «уже тридцать лет вел это дело», что было абсолютно неверно¹⁶³. Возможно, именно так зародилась уже знакомая нам легенда, кочующая по компилятивным публикациям, о старичке, который на протяжении десятилетий являлся к новым министрам внутренних дел с сообщением о ведении перлюстрации.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000–1002.

¹⁵⁶ Падение царского режима. Т. 1–7. М.; Л., 1924–1927.

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 153.

¹⁵⁸ Там же. Л. 176, 180 об. – 181, 184.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 126–126 об.; Д. 1001. Л. 16–25 об.

¹⁶⁰ Там же. Д. 1000. Л. 135 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 138 об.; Д. 1001. Л. 37–37 об., 40–40 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2035. Л. 43.

¹⁶² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 44, 47 об., 48 об. – 49.

¹⁶³ Падение царского режима. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 110.

Очень важными и интересными оказались материалы дела бывших сотрудников петербургского «черного кабинета» и помогавших им почтовых чиновников Петербургского почтамта, привлеченных к дознанию в ноябре 1929 года Полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе. Всего было допрошено девятнадцать человек. Восемь человек было арестовано, одиннадцать находились под подпиской о невыезде. Среди них пятеро – Л.Х. Гамберг, Л.П. Григорьев, М.М. Милевский, Ф.Г. Тизенгаузен и Р.В. Швейер – трудились в цензуре иностранных газет и журналов Санкт-Петербургского почтамта, занимаясь перлюстрацией. Четверо были сторожами при цензуре и выполняли также разовые поручения по доставке отобранной корреспонденции из почтамта в «черный кабинет», от перлюстраторов в Департамент полиции. Десять человек были особо доверенными почтовыми чиновниками – они осуществляли отбор корреспонденции для последующего просмотра. К моменту ареста старшему из привлеченных было семьдесят лет, младшему – тридцать семь.

Информационный отдел ОГПУ указал своим ленинградским коллегам на необходимость в ходе следствия «особенно заострить внимание на выявление непосредственных чиновников “черных кабинетов” и на установление методов работы его». Поэтому допрашиваемые достаточно откровенно и подробно вспоминали о своих сослуживцах конца XIX – начала XX века, рассказывали о принципах привлечения к секретной работе, размерах неофициального денежного вознаграждения, отборе корреспонденции, методах ее вскрытия, связях с дипломатическим ведомством, военно-морской разведкой, Департаментом полиции и т. п. Например, И.И. Кудряшов, служивший в цензуре иностранных газет и журналов с 1894 года и в 1906#м переведенный в экспедицию городской почты, где координировал всю работу по отбору корреспонденции, в ходе допроса назвал двадцать одну фамилию сотрудников цензуры и пятнадцать фамилий почтовых чиновников, сотрудничавших с «черным кабинетом». Служащий почтамта А.Т. Тимофеев перечислил тринадцать фамилий сослуживцев, работавших по отбору корреспонденции. Л.П. Григорьев, выполнявший в «черном кабинете» обязанности секретаря-машиниста, назвал двадцать одного сотрудника цензуры иностранных газет и журналов. За исключением отдельных неизбежных ошибок памяти (к примеру, тот же Кудряшов среди революционных деятелей, чья переписка просматривалась, назвал М.А. Бакунина, умершего в 1876 году), вся информация, имеющаяся в деле, достоверна, точна и интересна. Это подтверждается сопоставлением протоколов допросов с другими архивными и опубликованными источниками¹⁶⁴.

Если к протоколам допросов я отношусь с высоким доверием, поскольку они проводились в 1929 году и показания давали девятнадцать человек, что позволяет в основном их сопоставить и перепроверить, то при работе с мемуарами я старался сохранять особую настороженность. Во-первых, они, как правило, пишутся спустя много лет после описываемых событий, а память человека избирательна и несовершенна. Во-вторых, автор мемуаров почти всегда старается представить себя с положительной стороны и подчеркнуть свое знание скрытых пружин «высокой политики». Приведу один пример. Историки частенько используют мемуары жандармского генерал-майора В.Д. Новицкого, занимавшего многие годы должность начальника Киевского губернского жандармского управления. В них, безусловно, немало интересного, но они требуют проверки. В частности, Василий Демьянович, ссылаясь на слухи («как говорили»), рассказывает, что одной из причин «ненависти и нерасположения» цесаревича Александра Александровича к графу П.А. Шувалову, главе III Отделения и шефу Корпуса жандармов, было то, «что одно из частных писем наследника

¹⁶⁴ Архив Управления ФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 1–281.

содержанием своим сделалось известным Государю через перлюстрацию писем на почте». Наследник же был убежден, что делом перлюстрации руководит граф Шувалов¹⁶⁵.

Если анализировать данный эпизод в контексте биографии Александра III, речь здесь может идти о событиях лета 1865#го – весны 1866 года. В это время великий князь был глубоко увлечен княжной Марией Мещерской, фрейлиной императрицы Марии Александровны. Решительное объяснение между ними произошло 19 июня 1865 года. Но в связи со смертью старшего сына императора, Николая Александровича, 12 (24) апреля 1865 года Александр Александрович стал наследником престола, и выбор им будущей жены оказался делом государственной важности. Родители, Александр II и Мария Александровна, хотели, чтобы сын женился на невесте умершего Николая, датской принцессе Дагмаре.

Дневник Александра Александровича в полной мере передает те муки сердца, которые испытывал двадцатилетний молодой человек, разрываясь между чувством первой любви и чувством долга будущего монарха. На рубеже 1865–1866 годов состоялись разговоры сына с родителями о женитьбе на принцессе Дагмаре. Цесаревич дал свое согласие. Но забыть любимую девушку он не мог. В его дневнике 15 марта 1866 года есть запись: «Я ее [Марию] не на шутку люблю, и если бы был свободным человеком, то непременно бы женился...». В апреле 1866 года одна из французских газет напечатала статью об увлечении русского цесаревича княжной Мещерской. Заметку перепечатал ряд европейских изданий, в том числе в Дании. Необходимо было окончательное решение. 29 мая княжна Мария выехала во Францию. В этот день произошло ее прощальное свидание с наследником престола. В Париже она вышла замуж за князя П.П. Демидова и умерла летом 1868 года при родах. В свою очередь, Александр Александрович стал мужем принцессы Дагмары (Марии Федоровны), и их брак в личном плане оказался очень счастливым¹⁶⁶.

Из этого видно, что перлюстрация письма Александра Александровича, если таковое существовало, могла произойти до конца мая 1866 года. Но в то время влюбленные находились рядом и посылать письма по почте не было необходимости. Граф П.А. Шувалов же был назначен начальником III Отделения и шефом Корпуса жандармов лишь 10 апреля 1866 года, будучи до этого генерал-губернатором Прибалтики (Остзейского края). В результате эпизод, рассказанный В.Д. Новицким, представляется недостоверным.

Откровенно лживым является утверждение Новицкого, что якобы со времени Александра III перлюстрация писем «практиковалась чрез особых доверенных почтовых цензоров, которые *никакого отношения и сношения с чинами корпуса жандармов никогда не имели* [курсив мой. – В.И.]»¹⁶⁷. Это опровергается огромным количеством документов, доказывающих непосредственное сотрудничество тружеников перлюстрации со служителями политической полиции.

Интересный источник – воспоминания бывших руководителей политического сыска России начала XX века: А.Т. Васильева, А.В. Герасимова, В.Ф. Джунковского, П.П. Заварзина, А.П. Мартынова¹⁶⁸. Но и здесь необходимо соблюдать все принципы работы с мемуарами. Например, вице-директор и директор Департамента полиции МВД в 1913#м – феврале 1917 года А.Т. Васильев, вспоминая о перлюстрации, писал, что «у законопослушных граждан не было никакого основания бояться почтовой цензуры, так как частными делами она в принципе не занималась»¹⁶⁹. Товарищ министра внутренних дел в 1913–1915 годах В.Ф.

¹⁶⁵ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М.: МГУ, 1991 [репринт издания 1929 года]. С. 72–73.

¹⁶⁶ Боханов А.Н. Император Александр Третий. М.: Вече, 2007. С. 57–73.

¹⁶⁷ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. С. 73.

¹⁶⁸ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М.: Изд-во им. братьев Сабашниковых, 1997; «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

¹⁶⁹ Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. С. 384.

Джунковский утверждал, что он «наистрожайше запретил всякую перлюстрацию, помимо “штатных”, хотя и совершенно секретных “черных кабинетов”»¹⁷⁰. Это также, как увидит читатель, неверно.

Я уже говорил о необходимости крайне осторожно использовать воспоминания С. Майского (В.И. Кривоша) и проверять их другими источниками. Так, он пишет о приказании внимательно следить за перепиской великой княгини Марии Павловны, а кроме того, снимать фотографии с переписки великого князя Михаила Александровича с дочерью предводителя дворянства одной из южнорусских губерний и «дешифровать детски наивный шифр, коим они думали скрыть свои планы на будущее», в частности «намерение уехать в Англию, чтобы там обвенчаться»¹⁷¹. Эту информацию можно в принципе считать достоверной, за исключением намерения наследника престола уехать с любимой именно в Англию. Дело в том, что великая княгиня Мария Павловна-старшая (1854–1923), супруга, а затем вдова великого князя Владимира Александровича, урожденная великая герцогиня Мекленбург-Шверинская, действительно находилась в оппозиции к Николаю II и Александре Федоровне. Известно также об увлечении великого князя Михаила Александровича, родного брата Николая II и наследника престола в 1899–1904 годах, дочерью предводителя дворянства одной из южнорусских губерний.

В других случаях сведения Майского (Кривоша) являются эксклюзивными. Например, об отношении к перлюстрации Николая II он пишет следующее:

Наконец, осталось еще сказать несколько слов о причастности к перлюстрации царя. Когда какое#нибудь письмо представляло собою исключительный интерес, то, кроме отправления выписки из него по назначению министру внутренних дел, или иностранных дел, начальнику Генерального штаба, или в Департамент полиции, дубликат ее представлялся царю, а иногда, смотря по содержанию письма, выписка представлялась только ему одному. С этой целью такие выписки, чисто напечатанные на пишущей машинке, в особом большом конверте с напечатанным на нем адресом царя, одним из секретных чиновников, пользовавшимся исключительным доверием царя, относились лицу, служившему и жившему во дворце и имевшему без особого доклада доступ к царю. Через это же лицо царь передавал приказания следить за перепиской кого#либо из приближенных, или даже членов царской фамилии, подозреваемых им в каких#либо неблагоприятных поступках. Так, по сличению почерков, благодаря перлюстрации, удалось узнать фамилию лица, сообщавшего за границу разные нежелательные с точки зрения придворной этики сведения, или имя автора анонимно изданной в Лондоне на английском языке книги с изложением тайн петроградского двора, каковым оказался пользовавшийся особым расположением царя барон. <...> Отношение царя к перлюстрации было весьма своеобразным. Он ею, по#видимому, очень интересовался, ибо когда дней 8–10 не получал конверта с выписками, то спрашивал, почему ему ничего не присылают, а когда получал хорошо ему знакомый по наружному виду конверт, то оставлял дело, коим занимался, сам вскрывал конверт и принимался тотчас же за чтение выписок. Несмотря на это, однако, он не принимал никаких мер согласно данным, черпаемым из выписок; так, например, он не удалил от себя барона, автора английской книги с тайнами дворца, и ничем не дал понять лицу, сообщавшему за границу

¹⁷⁰ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 274.

¹⁷¹ Майский С. «Черный кабинет» // Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 287–289.

нежелательные сведения, то, что он осведомлен об его неблагонадежности. <...> То же замечалось и тогда, когда деятельность какого-либо министра критиковалась всеми, и в письмах прямо приводились не только его промахи, но и злоупотребления. Царь все это читал, иногда приказывал «привести более точные и подробные данные», а любимец-министр продолжал себе благодушествовать на своем посту и набивать карманы, пока совсем не оскандалится.

Насколько царь интересовался деятельностью «черного кабинета», видно еще из того, что он однажды собственноручно отобрал 4 золотые и серебряные с гербами и бриллиантами портсигара в качестве царских подарков и передал их секретному чиновнику, пользовавшемуся его исключительным доверием, для раздачи сослуживцам в виде поощрения за полезную деятельность¹⁷².

Эти сведения, безусловно, весьма красочны и любопытны, но насколько они достоверны? Насколько историк может им доверять? Я уже писал выше, а еще более подробно – в монографии, посвященной персонально В.И. Кривошу, что Владимир Иванович был очень осведомленным человеком, но одновременно и крайне тщеславным, любившим устраивать различного рода мистификации с целью придания своей персоне более высокой значимости¹⁷³. Попробую проанализировать вышеприведенный отрывок с учетом всех известных мне сведений.

Прежде всего, кто этот «секретный чиновник, пользовавшийся особым доверием царя» и кто то лицо, которое имело «без особого доклада доступ к царю»? Понятно, что «секретный чиновник» – это не А.Д. Фомин и не М.Г. Мардарьев (руководители дела перлюстрации при Николае II). К моменту первой публикации воспоминаний Майского (Кривоша) Фомин уже умер, а имя Мардарьева дважды открыто названо в тексте мемуаров. Напрашивается мысль, что под этим таинственным чиновником Майский (Кривош) имеет в виду самого себя, особенно если вспомнить, что еще в 1907 году он подал на высочайшее имя (через князя В.Н. Орлова, начальника Военно-походной канцелярии Николая II) проект создания сверхсекретной службы придворной перлюстрации при библиотеке Зимнего дворца. К тому же после вынужденного скандального ухода из «черного кабинета» 1 декабря 1911 года Владимир Иванович с января 1912 года по август 1914-го, кроме других мест, трудился вне штата в библиотеке Зимнего дворца. В сентябре 1917 года бывший директор Департамента полиции и бывший товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий утверждал, что Кривош «организовал при содействии... князя Орлова особую придворную перлюстрацию, освещавшую группу лиц, близких ко Двору», включая вдовствующую императрицу Марию Федоровну и сестру Николая II Ксению Александровну¹⁷⁴. Тем не менее я должен подчеркнуть, что ни подтвердить, ни опровергнуть эти отрывки из воспоминаний Майского (Кривоша) достаточных оснований пока нет. Остается принять их как версию.

Своими особенностями в данном случае отличалась и работа в архивах. Так, у каждого чиновника Российской империи имелся послужной список (формуляр), в который вносились все его перемещения по службе, награды, размер жалованья и т. п. Но формуляры чиновников «черных кабинетов» не отражают ни их подлинных занятий, ни реального размера жалованья (ибо до двух третей выплат производились из секретных сумм). Поэтому подлинное знание возникает лишь в результате использования комплекса документов, в том числе секретной переписки.

¹⁷² Там же. С. 287–288.

¹⁷³ Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 18–20, 30–35, 118–126, 185–187.

¹⁷⁴ Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 112–125.

В книге речь идет именно об истории перлюстрации почтовых отправлений. Однако лишь частично освещена история «черных кабинетов» в Царстве Польском и крайне скудно – в Великом княжестве Финляндском. Дело в том, что «черный кабинет» в Варшаве до 1867 года находился в ведении наместника и эти материалы хранятся в польских архивах. Перлюстрация в Финляндии в силу автономного положения княжества вообще не подчинялась российскому руководству и имела с аналогичной российской службой лишь отдельные точки соприкосновения, о которых я далее упоминаю.

К сожалению, мне не удалось разыскать достаточный комплект документов, позволяющий судить о перлюстрации телеграфных отправлений. Здесь в нашем распоряжении имеются лишь отрывочные сведения. С.П. Белецкий, вице-директор ДП (июль 1909#го – февраль 1912 года), директор ДП (февраль 1912#го – январь 1914 года), товарищ министра внутренних дел (сентябрь 1915#го – февраль 1916 года), на допросе 13 сентября 1917 года говорил, что, будучи товарищем министра внутренних дел, предполагал организовать перлюстрацию телеграфной корреспонденции. Но тогдашний руководитель «черных кабинетов», старший цензор Санкт-Петербургского почтамта М.Г. Мардарьев сообщил Белецкому, что заведующий телеграфной частью Главного управления почт и телеграфов инженер П.С. Осадчий не подходит для этого по своим политическим убеждениям. В результате планы остались без исполнения¹⁷⁵. Вместе с тем знаменитый специалист, начальник шифровального отделения Департамента полиции И.А. Зыбин, служивший в ДП с августа 1887#го, показал на допросе в июне 1917 года, что Главное управление почт и телеграфов выдавало губернским жандармским управлениям на право выемки телеграмм особые именные открытые листы (о таких листах я уже упоминал)¹⁷⁶. Наконец, начальник телеграфа железнодорожной станции города Тулы Грудман рассказал председателю следственной комиссии Тульского губернского временного исполнительного комитета А.И. Рязанову 30 июня 1917 года, что на станции с 1906#го по 1914 год стоял особый тайный телеграфный аппарат с возможностью приема и перлюстрации телеграмм от Москвы до Курска. Такие же аппараты, по его словам, имелись на станциях Москвы, Курска и Нижнего Новгорода¹⁷⁷. Отсюда можно заключить, что эта сюжетная линия достойна быть предметом дальнейших исследований.

---

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 232. Ч. 2. Л. 139; Д. 1000. Л. 145 об. – 146. П.С. Осадчий (1866–1943) – сотрудник, помощник начальника Главного управления почт и телеграфов (1893–1915); профессор (с 1898 года), директор Петроградского электротехнического института (1918–1924), заместитель председателя ГОЭЛРО и Госплана РСФСР и СССР (1921–1929). Был осужден 18 марта 1931 года по делу «Промпартии» на десять лет заключения, освобожден в 1935#м. Реабилитирован в 1989 году.

¹⁷⁶ Там же. Д. 1000. Л. 35 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 57–58.

Глава 1

«Неприкасаемая тайна». Официальная служба перлюстрации в Российской империи: возникновение и развитие в XVIII–XIX веках

1. Частная переписка в законодательстве Российской империи

С появлением регулярной почтовой связи возникла необходимость в охране почтовых отправлений, их неприкосновенности. В России впервые такое требование было представлено в указе Петра I от 12 ноября 1698 года «О сборе в сибирских и поморских городах таможенных пошлин». Там, где речь шла об учреждении сибирской почты, указывалось: «Отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотреть»¹⁷⁸. Затем тайну переписки подтвердила Екатерина II. Высочайшее повеление в январе 1782 года, направленное губернаторам генерал-прокурором А.А. Вяземским, гласило: «Дабы должное к почтам доверие не токмо сохраняется, но и далее распространяемо было и вследствие того, чтобы никакая власть или начальство или кто бы то ни был, не дерзали открывать писем на почтах, пересылаемых внутри империи или же их удерживать»¹⁷⁹. Взойдя на престол, Александр I уже 12 апреля 1801 года повелел главному директору почт Д.П. Трошинскому дать секретное предписание местным почтовым начальникам, чтобы «корреспонденция, производимая между частными людьми, была неприкосновенна и вообще изъята от всякого осмотра и открытия»¹⁸⁰. Когда в 1819 году Санкт-Петербургский военный губернатор М.А. Милорадович и губернское правление обратились в Санкт-Петербургский почтамт с требованием о выемке пакета на имя купца Лагутина, Комитет министров постановил, что такое действие было бы противно почтовым правилам и могло бы поколебать доверие публики к почте¹⁸¹. В 1823 году, «в видах вящего поддержания доверия публики к почтам», последовало высочайшее повеление, «чтобы заведывающие разными частями отдельных управлений не обращались к почтовым местам с требованиями о выдаче им с почты корреспонденции частных лиц, или о непринятии от кого#либо вовсе корреспонденции на почту»¹⁸². Николай I 23 января 1827 года по докладу главноначальствующего над Почтовым департаментом князя А.Н. Голицына распорядился, чтобы «казенные места и лица, управляющие различными частями, отнюдь не делали требований об удержании чьей#либо корреспонденции или непринятии таковой от находящихся под присмотром или арестом, исключая тех случаев, когда бы последовало на сие Высочайшее повеление; в случае же необходимой в том надобности представляли бы об оном министрам или главным своим начальникам, которых обязать будет испросить на то Высочайшее повеление»¹⁸³. Циркуляр главноначальствующего над Почтовым департаментом В.Ф. Адлерберга от 27 апреля 1844 года напоминал почтовым служащим об особом

¹⁷⁸ ПСЗ. Собр. 1#е. Т. 3. СПб., 1830. № 1654.

¹⁷⁹ Письмо генерал-прокурора князя А.А. Вяземского 10 января 1782 г. // Русский архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 397.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 109–109 об.

¹⁸¹ С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству // Журнал Юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете. 1895. Кн. 3. С. 90.

¹⁸² РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 135 об.

¹⁸³ С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству. С. 90.

высочайшем повелении, коим подтверждалось издавна существующее правило о неприкосновенности частных писем¹⁸⁴.

В докладе главноначальствующего над Почтовым департаментом Ф.И. Прянишникова в 1859 году Александру II отмечалось, что «Почтовое управление, охраняя неприкосновенность письменных сношений, как не подлежащих оглашению, <...> постоянно отказывало... не только в выдаче с почты частных писем в посторонние руки, но и вообще в доставлении каких#либо относительно этой корреспонденции сведений. Изъятия допущены в этом отношении только для корреспонденции банкротов, которая, по закону, передается в учреждаемые над ними конкурсы». На подлиннике этого доклада Прянишников сделал пометку, что 30 июля 1859 года Александр II «повелел руководствоваться и впредь правилами о неприкосновенности частной корреспонденции»¹⁸⁵.

24 апреля 1868 года Почтовый департамент МВД отправил во все подчиненные ему учреждения циркуляр. Он вновь подтверждал «правило о неприкосновенности частных письменных сношений, в силу которого никакие требования присутственных и судебных учреждений не только относительно частной корреспонденции, но и сведений о ней, не подлежат исполнению со стороны почтовых учреждений»¹⁸⁶.

Судебное законодательство Российской империи предусматривало уголовную ответственность за незаконное вскрытие почтовой корреспонденции. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденном 15 августа 1845 года, статья 379#я гласила: «За распечатание с намерением казенной или принадлежащей частному лицу или надписанной на имя оною бумаги, без особенного на то права или предписания <...> виновный приговаривается: к строгому выговору, или к вычету от трех до шести месяцев из времени службы, или к отрешению от должности, смотря по обстоятельствам...»¹⁸⁷. Но если эта статья касалась тайны переписки лишь косвенно, то статья 153#я прямо говорила об ответственности почтовых служащих: «Почтовый чиновник или служитель, распечатавший, хотя бы из одного только любопытства, отданное для отправления с почтою или полученное по почте письмо, адресованное на имя другого лица, подвергается за сие удалению от должности. Буде же сие учинено им для сообщения содержания письма кому#либо другому, то он приговаривается: почтовый чиновник к исключению из службы, а почтальоны к определению в военную службу рядовыми»¹⁸⁸. Таким образом, почтмейстер Иван Кузьмич Шпекин, герой комедии «Ревизор», рисковал потерей службы с грозной записью в формуляре.

В последующем наказания за подобные проступки лишь ужесточались. Согласно указу «Об изменении некоторых статей Свода законов» от 22 марта 1860 года, почтовый чиновник мог за подобные действия получить уже от шести месяцев до одного года заключения в смирительном доме¹⁸⁹. Поскольку указом от 24 апреля 1884 года смирительные и работные дома были ликвидированы, то Уложение о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 года в статье 1104#й устанавливало за нарушение тайны почтовой корреспонденции, «хотя бы из одного только любопытства», удаление от должности и заключение в тюрьму на срок от четырех до восьми месяцев. Статья 1102#я карала почтового чиновника, почтальона или иного служителя почты за передачу кому#либо письма, адресованного другому человеку, «без дозволения последнего» лишением всех прав состояния и заключением в тюрьму на

¹⁸⁴ Сборник постановлений и распоряжений по почтово-телеграфному ведомству. Ч. 1. Почтовая. СПб., 1885. Ст. 758.

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 508. Л. 27–27а.

¹⁸⁶ Сборник постановлений и распоряжений по почтово-телеграфному ведомству. Ч. 1. Ст. 758.

¹⁸⁷ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1846. № 19283.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. Т. 35. Ч. 1. № 35588.

срок от восьми месяцев до года и четырех месяцев¹⁹⁰. Наконец, Уголовное уложение, утвержденное Николаем II 22 марта 1903 года, касалось этой проблемы в статьях 542#й и 680#й. В статье 542#й объявлялось, что «виновный в самовольном вскрытии заведомо чужих письма, депеши или иной бумаги наказывается арестом на срок не выше одного месяца» или штрафом не свыше 100 руб. Если же вскрытие почтовой корреспонденции или телеграммы из корыстных побуждений совершал служащий почтово-телеграфного ведомства, то он, согласно статье 680#й, подлежал тюремному заключению. То же наказание предусматривалось и в случае допуска к таким действиям другого служащего или иного лица¹⁹¹.

Действительно, когда поступала информация о незаконных действиях почтово-телеграфных чиновников, проводилось служебное расследование. Например, в августе 1867 года управляющий Петрозаводской губернской почтовой конторой П.И. Ломачевский сообщил в Министерство почт и телеграфов, что, по имеющимся сведениям, «каргопольский почтмейстер [Ф.В. Елошин] позволяет себе читать проходящие через вверенную ему почтовую контору не принадлежащие ему письма». Управляющий министерством Н.И. Лаубе распорядился провести секретное дознание и, если сведения подтвердятся, сделать «строжайшее внушение», предупредив, что «в случае повторения будет уволен от службы». Но почтмейстеру удалось опровергнуть обвинение¹⁹².

Неприкосновенность частной переписки внешне ограничивалась лишь специальными законами или распоряжениями императора. В Артикуле воинском, утвержденном Петром I 26 апреля 1715 года, имелся параграф 124, в котором объявлялось: «Никто из пленных да не дерзает письма свои сам запечатывать... и тайным образом оныя пересылать. Но должен, не запечатав, коменданту вручить»¹⁹³. Согласно Уставу о банкротах, принятому 19 декабря 1800 года, их письма должны были пересылаться до учреждения конкурса в судебное место, а по учреждении конкурса – в конкурс и распечатываться при банкроте и его кредиторах¹⁹⁴. Постановление Комитета министров от 26 февраля 1818 года предусматривало получение страховых отправок нижними чинами через полковое начальство. Особый случай представляла переписка «политических преступников». В 1826 году, после восстания декабристов, Николай I повелел, чтобы вся корреспонденция для отправленных на каторгу и в ссылку «была выдаваема им и принимаема от них на почту через начальников губерний». Для этого из МВД в Почтовый департамент присылались списки сосланных «государственных преступников»¹⁹⁵.

После польского восстания 1830–1831 годов, а именно в 1833 году, появилось секретное повеление Николая I, чтобы командиры воинских частей «не позволяли нижним чинам из поляков самим отдавать письма на почту и проезжающим лицам, но требовали оные к себе и ежели, по рассмотрении не окажется в них ничего противного порядку, то отправляли бы их по принадлежности». Вновь это повеление было восстановлено в декабре 1863 года в связи с новым восстанием в Польше и Литве¹⁹⁶.

Положение об устройстве почтовой части, высочайше утвержденное 22 октября 1830 года, разрешало почтовым служащим «при подозрении о недозволенном вложении в письмо денег или вещей требовать от посылателя вскрыть его». Если подозрение подтверждалось, должна была следовать конфискация этих денег и вещей при передаче одной четвертой

¹⁹⁰ ПСЗ. Собр. 3#е. Т. 4. СПб., 1884. № 2172; Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1857. Ст. 33, 1102, 1104.

¹⁹¹ ПСЗ. Собр. 3#е. Т. 23. Ч. 1. СПб., 1903. № 22704.

¹⁹² Национальный архив Республики Карелия [далее – НАРК]. Ф. 536. Оп. 3. Д. 21. Л. 65, 69–70.

¹⁹³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. С. 356.

¹⁹⁴ ПСЗ. Собр. 1#е. Т. 26. № 19692. Отделение IV. П. 24.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 11–11 об.

¹⁹⁶ НАРК. Ф. 536. Оп. 3. Д. 45. Л. 24.

части недозволенного вложения открывателю и трех четвертых частей – в казну. Также предусматривалось, что не полученные в срок рестовые (отправленные до востребования) письма через месяц вскрываются для обнаружения адреса отправителя¹⁹⁷. Циркуляр Почтового департамента от 13 сентября 1834 года извещал о соглашении главноначальствующего над Почтовым департаментом князя А.Н. Голицына и министра юстиции Д.В. Дашкова в том, что получение арестантами писем, денег и посылок будет производиться через прокурорский надзор¹⁹⁸. По сути, возможность нарушения неприкосновенности тайны частной переписки предусматривалась статьей 369#й Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: «Не почитается превышением власти: 1) когда министр или другой государственный сановник отступит в своих действиях от обыкновенных правил по особенному на сей случай или вообще на случай сего рода данному от верховной власти уполномочию»¹⁹⁹.

Александр II 26 апреля 1863 года утвердил положение Комитета министров «О надзоре за лицами, обнаружившими вредные политические стремления». Во исполнение этого документа МВД издало инструкцию полиции. В параграфе 7 указывалось, что почтовая переписка лиц, «обнаруживших вредные политические стремления», «оставаясь неприкосновенною, должна обращать на себя внимание начальника полиции, по отношению к лицам, с которыми производится, и к местностям, куда направляется». Поэтому почтовые конторы должны были «по требованию полиции, словесно или письменно сообщать, кому и куда посылаются письма от отданного под надзор лица, если это имя известно и, во всяком случае, должны извещать о том, из каких местностей получают адресованные на его имя письма»²⁰⁰. 2 января 1864 года император утвердил доклад министра внутренних дел П.А. Валуева «О подчинении наблюдению лиц, сосланных в разные губернии» – о просмотре корреспонденции лиц, высланных из Царства Польского и Западного края Российской империи во внутренние губернии²⁰¹. Дальнейшим шагом стал секретный циркуляр Валуева губернаторам от 5 февраля 1865 года, предписывавший уже письма всех политических ссыльных иностранным дипломатам и за границу направлять в III Отделение²⁰². В том же году был поднят вопрос о праве «политических преступников» переписываться между собой. Александр II утвердил мнение о праве их на переписку и о необходимости просмотра этих писем начальниками губерний Западной и Восточной Сибири. Но одновременно делалась многозначительная оговорка: «Переписку их [политических ссыльных] следует допускать в известном ограниченном размере»²⁰³.

Именным указом по докладу министра внутренних дел А.Е. Тимашева 24 февраля 1868 года Александр II дал согласие, чтобы «в видах содействия возможно большему раскрытию преступных деяний» судебные учреждения, «в случаях особой важности», обращались с требованиями сведений о частной почтовой и телеграфной корреспонденции в Министерство юстиции и получали через министерство эти сведения²⁰⁴. В июне 1872 года последовал циркуляр Тимашева о «надлежащем просмотре» переписки всех без исключения «поднадзорных <...> по политической неблагонадежности, а равно и осужденных по

¹⁹⁷ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1831. № 4020.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 11–11 об.; С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству. С. 91.

¹⁹⁹ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1846. № 19283.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 18–18 об.

²⁰¹ Там же. Л. 32–34.

²⁰² Там же. Л. 145–145 об.

²⁰³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 151–153.

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 562. Л. 1 об.

приговорах судов политических преступников» и объявлении им об этом²⁰⁵. 27 апреля 1873 года Александр II повелел «просмотр почтовой и телеграфной корреспонденции высланных по политическим причинам из Западного края и Царства Польского поляков, находящихся ныне под надзором полиции в Европейской России, прекратить». Но на запрос ярославского губернатора И.С. Унковского, касается ли это бывшего варшавского архиепископа Сигизмунда-Феликса Фелинского, последовал ответ из Министерства внутренних дел, что циркуляр «ни в каком случае на Фелинского и его свиту не распространяется» и вообще не распространяется на лиц, высланных «особым Высочайшим повелением» или «о надзоре за коими имеется особая переписка с Министерством». Касается же циркуляр «лишь общей массы... высланных за политическую неблагонадежность». В результате олонецкий губернатор Г.Г. Григорьев сообщал в МВД, что, по его мнению, в губернии имеется лишь один ссыльный поляк, переписка которого может быть освобождена от просмотра²⁰⁶.

В декабре 1875 года начальник III Отделения и шеф Корпуса жандармов А.Л. Потапов обратился к министру внутренних дел Тимашеву (почтовое ведомство в это время входило в состав МВД), указывая «на крайнюю необходимость в быстром и своевременном задержании на почте корреспонденции лиц, привлекаемых к делам политического характера, так как эта корреспонденция часто служит единственным вещественным доказательством преступных замыслов ее авторов и указывает их соучастников». Потапов просил, чтобы «изъятие из правил о неприкосновенности частной корреспонденции, допущенное для Министерства юстиции», допустить также и для начальника III Отделения.

А.Е. Тимашев учел аргументацию Потапова при подготовке доклада императору, и 3 января 1876 года такое право шефу жандармов и начальнику III Отделения было предоставлено. В соответствии с утвержденным положением процедура получения сведений оказалась весьма долгой и предполагала существенные ограничения. Губернские жандармские управления (ГЖУ), чтобы «иметь сведения о чьей#либо политически преступной корреспонденции, должны были обращаться к Шефу жандармов. Последний запрашивал министра внутренних дел. Министр, в свою очередь, должен был секретно предписать управляющим почтовой частью в губерниях словесно сообщать местным начальникам жандармских управлений те сведения, которые им необходимы относительно корреспонденции лиц, указанных Шефом жандармов, не касаясь ее содержания, долженствующего оставаться неприкосновенным». Задержка же корреспонденции и ее выдача начальникам ГЖУ допускались «лишь относительно тех лиц, которые арестованы и то с соблюдением общих почтовых правил о выдаче корреспонденции ценной и заказной, за которую материально отвечает почтовая казна». Телеграммы должны были доставляться арестованным в места их заключения через «лиц, которым поручено иметь за ними надзор»²⁰⁷.

В 1874–1875 годах при Министерстве юстиции работала комиссия из представителей министерств внутренних дел, юстиции, военного, морского, а также II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, почтового и телеграфного ведомства «для разработки вопроса о неприкосновенности частной переписки» и внесения его в Государственный совет в законодательном порядке. В конечном счете Государственный совет принял закон «Об осмотре и выемке корреспонденции лиц, против которых возбуждено уголовное преследование». Он был утвержден Александром II 30 октября 1878 года. В соответствии с ним судебные следователи могли требовать предоставления им сведений о корреспонденции лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Но осмотр и выемка такой корреспонденции могли производиться лишь по постановлению окружных судов. Для просмотра корреспонденции лиц,

²⁰⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 242.

²⁰⁶ Там же. Л. 244, 246–247, 253–253 об.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 122–122 об.

заподозренных «по преступлениям государственным и по делам о противозаконных сообществах», чинам Корпуса жандармов достаточно было предъявить на почте запрос шефа жандармов, согласованный с министерствами внутренних дел и юстиции. Члены Судебной палаты, производившие следствие по таким делам, имели право осмотра и выемки корреспонденции без запроса окружных судов²⁰⁸. Высочайшим повелением 19 июня 1880 года данный порядок был распространен на военных следователей Военного и Морского министерств с обращением их в военно-окружные суды²⁰⁹.

В реальной жизни, конечно, эти законы толковались весьма расширительно. Так, в июне 1878 года генерал-губернатор Восточной Сибири барон П.А. Фредерикс направил начальникам губерний и областей предписание относительно наблюдения за перепиской «государственных преступников». Здесь указывалось, что такой контроль должен касаться «тех из них, особенное наблюдение за перепискою которых признается... необходимым» местным полицейским начальством²¹⁰. Наконец, 12 марта 1882 года было высочайше утверждено «Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению полицейских властей». Пункт 29#й устанавливал право министра внутренних дел «в каждом отдельном случае воспрещать поднадзорному непосредственное получение <...> частной почтовой или телеграфной корреспонденции». Поднадзорный был обязан всю предполагаемую им к отправке корреспонденцию предоставлять на просмотр уездному исправнику или начальнику жандармского управления²¹¹.

Согласно секретному разъяснению начальника Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянова от 11 апреля 1905 года, министр внутренних дел В.К. Плеве в мае 1903 года предоставил начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений право самостоятельно производить осмотр и выемку телеграфной корреспонденции по особым открытым листам, выданным Главным управлением. Осмотр и выемка почтовой корреспонденции чинами Корпуса жандармов должны были производиться в порядке, установленном статьей 1035#й Устава уголовного судопроизводства в новой редакции, т. е. по соглашению производящего дознание с прокурором, наблюдающим за таковым²¹². 7 июня 1904 года Государственный совет утвердил замену статьи 1035–7 Устава уголовного судопроизводства издания 1892 года статьей 1035–11, которая гласила: «В случае необходимости осмотра или выемки почтовой или телеграфной корреспонденции [при производстве следствия] таковые осмотры или выемки предпринимаются по соглашению производящего дознание с наблюдающим за оным лицом прокурорского надзора»²¹³. На этом основании Севастьянов издал 28 июля 1904 года циркуляр о том, что «о случаях задержания, осмотра и выемки корреспонденции чинами Жандармского управления доносить Главному управлению почт и телеграфов не следует»²¹⁴.

²⁰⁸ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 53. Ч. 2. СПб., 1880. № 58967.

²⁰⁹ Там же. Т. 55. Ч. 1. № 61111, 61113.

²¹⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 298–298 об.

²¹¹ ПСЗ. Собр. 3#е. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1886. № 730.

²¹² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга [далее – ЦГИА СПб.]. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 15. Л. 89.

²¹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1904. Отдел 1. № 98. Ст. 966.

²¹⁴ Почтово-телеграфный журнал. Отдел официальный. 1904. № 31. С. 589–590.

2. Зарождение и развитие службы перлюстрации в России до конца XVIII века

Итак, появилась и развивалась регулярная почтовая связь. Но одновременно с ней возникла и секретная служба перлюстрации, т. е. тайного вскрытия корреспонденции. Первоначально перлюстрация рассматривалась как инструмент внешней политики. Особо доверенные почтовые чиновники вскрывали, стараясь не оставлять следов, переписку иностранных дипломатов и копировали ее. Целью этих действий было проникновение в планы иностранцев, определение их мнений и степени осведомленности по тем или иным вопросам. Постепенно «черными кабинетами» обзавелись все европейские державы. Так, Антиох Кантемир, российский поэт и дипломат, будучи послом в Лондоне (1732–1738), сообщал в 1733 году в Петербург: «Обыкновенно всех чужестранных министров письма распечатывают и имеют искусных людей разбирать цыфири [шифры] на всяком языке». Сам Кантемир, чтобы сохранить тайну своих донесений, посылал нарочного из Лондона в Голландию отправить письма в Россию. Впоследствии, став послом во Франции (1738–1744), он отправлял свою почту через Брюссель²¹⁵. В XIX веке образцовой считалась перлюстрация, проводившаяся в австрийских «черных кабинетах».

По поводу методов перлюстрации существует немало красивых мифов. Есть рассказ о том, что однажды к Джону Терло, главе секретной службы при Оливере Кромвеле в 1653–1659 годах и руководителю перлюстрации, явился незнакомец. Пришедший сказал: «Сэр, вы теряете очень много времени в “черном кабинете”. Вскрыв письма, вы снимаете копии с них, и это обходится вам дорого в смысле расходов на служащих и затраты времени. Между тем, если вы оставите меня одного с письмом, через минуту я вручу вам его точную копию. Через несколько часов письменные знаки копии пропадут, но вы за это время сможете прочесть ее». Терло принял предложение незнакомца. В результате он избавил Кромвеля от необходимости вскрыть отравленное письмо из Франции. При Карле II (1660–1688) Д. Терло удалился на покой, и тайна такой перлюстрации осталась неразгаданной. Писатель Ж. Бертье, опубликовавший эту историю, приводит мнение неназванных английских специалистов, что «это была своего рода фотография без гипосульфитного фиксажа», почему «снимки не сохранялись». Сам Бертье выдвигал предположение, что незнакомец открыл вещество, которое «не было светочувствительным, оно, вероятно, изменяло окраску при соприкосновении с чернилами, причем на несколько часов. Неизвестный, видимо, пропитывал этим веществом листы бумаги, которыми пользовался»²¹⁶. Мне же вся эта история представляется очередным мифом, не имеющим под собой реального содержания.

В России следы перлюстрации обнаруживаются с XVI века. Прежде всего она относилась к дипломатической переписке. Одной из важнейших задач дипломатов во все времена являлся и является сбор информации о стране пребывания, оценка политики властей, при которых они аккредитованы. По сути, это разведывательная деятельность. Таким образом, перлюстрация, в свою очередь, была средством контрразведки. Немецкий путешественник Сигизмунд Герберштейн, прибывший в Москву в 1526 году в качестве посла Священной Римской империи, автор знаменитых записок, так рассказывал о слухах вокруг опалы князя Василия Шемячича: «Говорят, что причина его пленения была следующая: он написал письмо польскому королю, что хочет передаться ему, и послал это письмо киевскому

²¹⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. СПб., 1998. С. 328.

²¹⁶ Бертье Ж. Промышленный шпионаж. М., 1971. С. 40–41.

наместнику. Тот распечатал его и, узнав оттуда об его злом умысле против своего государя, немедленно переслал письмо государю московскому»²¹⁷.

Резидент Швеции в Москве в 1647–1650 годах Карл Поммеренинг, активно занимавшийся разведывательной деятельностью, в свою очередь жаловался 23 мая 1648 года на то, что его письма в Стокгольм были перехвачены и вскрыты в Новгороде князем Ф.А. Хилковым и дьяком Савином Завесиным. Служебное расследование показало, что дипломат вручил почту московскому ямщику Ивану Осипову. Тот передал ее своему двоюродному брату, ямщику Кузьме Дмитриеву, и велел отвезти к новгородскому переводчику Михаилу Сахарникову. Последний передал почту своему начальству. В результате новгородскому воеводе велено было впредь не допускать подобного самоуправства и пропускать почту шведского резидента «безо всякого задержанья»²¹⁸.

Официальное извинение перед шведским дипломатом и выговор новгородскому воеводе означали скорее не реальное запрещение перлюстрации, а требование проводить подобные операции, не оставляя видимых следов. То, что перлюстрация переписки иностранцев в это время на Московской Руси была уже делом достаточно обычным, подтверждается содержанием газеты «Вести-куранты». Это была рукописная газета, составлявшаяся в Посольском приказе на протяжении XVII века, доступная государю и узкому кругу его приближенных. Например, в 1643–1645 годах в Москве шли переговоры о женитьбе датского королевича Вальдемара на царевне Ирине Михайловне. В номерах газеты за 1644 год имеются переводы писем от 29 августа 1644 года датским послам в Москве О. Пасбергу и С. Биллу от их людей из Королевца (Кенигсберга), писем датскому королевичу Вальдемару и послу О. Пасбергу от 14 октября того же года из Вильно²¹⁹.

В 1644 году были также опубликованы переводы писем из Москвы в Гамбург и Гданьск от неких П. де Ладала, Г. Ракса и Д. Рютца. В них говорилось о торговых делах и о последних событиях в Москве. При этом де Ладал, в частности, писал: «...грамотки под Давыдов [ой] оберткою Рютца посылаю». Такая фраза, на мой взгляд, безусловно доказывает вскрытие почтового пакета и перлюстрацию его содержимого²²⁰.

Подобная практика сохранялась и в последующие годы. В 1645–1646 годах в газете были помещены переводы-пересказы писем разных лиц с вестями о событиях в Европе, Бразилии, Московском государстве и других местах. Например, был перевод письма рижанина Ефима Бека к немцу Ягану фон Стадену в Псков. В 1652 году можно было прочесть переводы писем из Лондона и городов Германии (Гамбурга, Мюнхена, Регенсбурга), Франции (Монмеди). В 1659 году письмо из Лондона рассказывало о событиях в Англии, Ирландии, Шотландии²²¹. Заметим, что соседи России действовали подобными же методами. Письма русского резидента в Варшаве В.М. Тяпкина в 1674–1676 годах читались властями. Король Ян Собеский в одну из встреч бросил ему упрек, что он писал письма «сорные и затейные [написанные тайнописью]»²²².

По инициативе боярина А.Л. Ордин-Нащокина в 1666 году была организована регулярная почта для пересылки государственных бумаг и частной переписки торговых людей. В 1668 году начал действовать почтовый тракт Москва – Вязьма – Дорогобуж через Смоленск

²¹⁷ Герберштейн С. Записки о московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 97. Шемячич Василий Иванович (?–1529) – князь Новгород-Северский и Рыльский. В 1500 году он перешел со своим уделом из Литвы к Ивану III. В 1523 году был обвинен в тайных сношениях с Литвой. С 1525 года находился в заключении.

²¹⁸ Сообщено А.С. Лавровым.

²¹⁹ Вести-куранты. 1642–1644 гг. М.: Наука, 1976. С. 191–196.

²²⁰ Там же. С. 209–210.

²²¹ Вести-куранты. 1645–1646, 1648 гг. М.: Наука, 1980. С. 39–44, 64–66; Вести-куранты. 1648–1650 гг. М.: Наука, 1983. С. 178–180; Вести-куранты. 1651–1652, 1654–1656, 1658–1660 гг. М.: Наука, 1996. С. 90–93, 130–131.

²²² Вигилев А.Н. История отечественной почты. Ч. 1. М.: Связь, 1977. С. 134.

на Вильно, столицу Литвы. Поскольку Речь Посполитая (объединение Польши и Литвы) на протяжении ряда веков была одним из главных соперников Московской Руси, то с 1690 года, как утверждает один из авторов, в Смоленске вскрывались все письма, идущие за границу²²³. Правда, если судить по документам, это все#таки была не перлюстрация, а цензура. Дело в том, что 28 апреля 1690 года думный дяк Е.И. Украинцев направил в Смоленск воеводе князю Ф.И. Шаховскому следующую грамоту:

Если смоленские жители, шляхта или мещане, и иных чинов люди, будут писать письма за рубеж, и будут приносить эти письма переводчику Ивану Кулбацкому, который заведует приемом и отпуском почты, то этот последний, прежде отсылки их по назначению, должен предъявить их воеводе. Письма должны быть не запечатаны, чтобы без ведома воеводы никто ни о чем за границу не осмеливался писать. Если же кто о каких#нибудь делах своих или о каких#нибудь вестях будет писать за границу без ведома воеводы с какими#нибудь ездоками или с почтою, то корреспонденты и переводчик будут в ответе и, смотря по содержанию письма, могут даже подвергнуться жестокому наказанию²²⁴.

Но тот же автор, который опубликовал эту грамоту, сообщает о причине ее появления: заграничная почта, направлявшаяся в Польшу, и в том числе письма польского резидента в Москве, была возвращена в Смоленск, и Е.И. Украинцев требовал почту, кроме писем польского посланника, прислать в Посольский приказ. Недаром, например, известный шотландец на русской службе Патрик Гордон сообщал сыну в Шотландию о мерах предосторожности при посылке писем в Москву²²⁵.

В годы правления Петра I практика эта отразилась в деле царевича Алексея. В июле 1718 года голландского резидента барона Якова де Би вызвали в Коллегию иностранных дел и под угрозой ареста фактически допросили канцлер Г.И. Головкин и вице-канцлер П.П. Шафиров. Предметом допроса стало содержание отправленных бароном в Гаагу депеш об обстоятельствах смерти Алексея Петровича, а также источники секретных сведений голландского дипломата. Оказалось, что письма де Би в Голландию на петербургской почте вскрывались и читались. За эти «ругательные реляции (коих на почте несколько одержано)» он по указу Петра I был выслан²²⁶. Надо сказать, что для российской власти само писание писем было делом подозрительным. В этом отношении характерен указ Петра I от 18 августа 1718 года «О запрещении всем, кроме учителей церковных, писать в запертых покаях письма, и о доносе на тех, которые против сего поступят»²²⁷.

Но системный характер тайное вскрытие почтовой переписки приобрело с середины XVIII века. Эпоха дворцовых переворотов после смерти Петра усиливала недоверие очередного государя к окружающим. Вокруг трона шла подковерная борьба различных политических групп, как правило, пользовавшихся поддержкой тех или иных европейских дворов. Вступившая на престол 25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота Елизавета Петровна, при всем внешнем увлечении балами и развлечениями, не забывала, что сама

²²³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVа. СПб., 1898. С. 801.

²²⁴ Шедлинг М. Русская почта с древних времен до начала XIX века // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1915. № 4. С. 325. Здесь М.Ю. Шедлинг, безусловно, модернизировал текст конца XVII века.

²²⁵ Он же. Русская почта с древних времен до начала XIX века. С. 326; Он же. Очерки по истории мировой почты. Ч. 2. М., 1926. С. 229–231.

²²⁶ Анисимов Е.В. Политический розыск и тайная полиция в XVIII в. // Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX века / Сост. В.С. Измозик. СПб.; М.: Нева – ОЛМА-пресс, 2002. С. 187; Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870. С. 459.

²²⁷ ПСЗ. Собр. 1#е. Т. 5. № 3233.

имела тайные сношения с послами Франции и Швеции в Петербурге. В этот момент власть более всего интересовалась перепиской иностранных дипломатов.

Как отмечает Т.А. Соболева, из найденных ею архивных материалов следует, что перлюстрация переписки иностранных дипломатов была организована при деятельном участии вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина в начале 1742 года, в марте которого он стал главным директором почт. Непосредственное осуществление перлюстрации дипломатической корреспонденции почтовый директор поручил Фридриху Ашу, которого он назначил на должность почт-директора в Петербурге. Сохранились русские копии писем 1742 года: от «голландского в Швеции министра Пехлина к находящемуся в Санкт-Петербурге обер-маршалу голштинскому [О.Ф.] Бриммеру [Брюммеру]», от «голландского в Санкт-Петербурге резидента Шварца к Генеральным штатам, к графине Фагель в Гаагу, к пансионерному советнику фон дер Гейму и пр.», от «австро-венгерского в Санкт-Петербурге резидента Гогенгольца к великому канцлеру графу Ульфельду и к графу Естергазию, а также [от] секретаря его Бослера к маркизу Вотте», от «английского в Санкт-Петербурге министра Вейча к милорду Картерсту в Ганновер и к герцогу Ньюкастльскому», а также копии некоторых других документов²²⁸.

В Коллегию иностранных дел 18 марта 1742 года по инициативе кого-то из ее руководителей (то ли канцлера Карла фон Бреверна, то ли А.П. Бестужева-Рюмина) был зачислен ученый-математик Х. Гольдбах – в качестве специалиста по дешифровке дипломатической переписки. Копированием корреспонденции как знаток иностранных языков занимался по совместительству библиотекарь и советник канцелярии Академии наук И.И. Тауберт²²⁹. Первых успехов в дешифровке Гольдбах достиг спустя примерно год. 30 июля 1743 года он представил Бестужеву-Рюмину пять дешифрованных писем, 2 августа – также пять писем, 10 августа – два письма, 20-го – пять писем, 27-го – два письма, 30 августа – два письма. Только за июль – декабрь 1743 года было дешифровано 61 письмо «министров прусских и французских дворов»²³⁰. В Архиве внешней политики сохранились перлюстрированные материалы переписки иностранных посланников, находившихся в российской столице: английских, французских и шведских – с 1742 года, австрийских, голландских, датских, прусских – с 1743-го, саксонских – с 1744-го, польских – с 1749-го, турецких – с 1750 года²³¹. Секретные чиновники регулярно информировали начальство о корреспонденции иностранных дипломатов, проходившей через Выборгский, Московский, Петербургский почтамты, и краткое ее содержание. С 19 мая по 31 июля 1749 года было подано сорок таких реестров²³².

В ряде случаев императрица отдавала прямые распоряжения о перлюстрации переписки тех или иных иностранцев, находившихся при российском дворе. Неудивительно, что 20 июня 1745 года, за два месяца до свадьбы наследника Петра Федоровича (будущего Петра III), вице-канцлер М.И. Воронцов получил от императрицы Елизаветы Петровны следующую записку: «Друг мой Михайла Ларивонович. Прикажете... накрепчайше смотреть письма Принцесины [будущей Екатерины II] и Брюмеровы [Отто Фридрих Брюммер – обер-гофмаршал великого князя Петра Федоровича], также и Королевского Высочества Шведского, какие они интриги имеют»²³³. Из перлюстрированных писем Елизавете стало известно, что мать Екатерины, княгиня Иоанна-Елизавета, приехавшая в 1744 году с доче-

²²⁸ Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 110.

²²⁹ Христиан Гольдбах (1690, Кенигсберг – 1764, Москва) находился в России с 1725 года, с 18 марта 1742-го служил в Коллегии иностранных дел, академик Санкт-Петербургской академии наук. См.: Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724–1802): Краткая биографическая хроника // Вопросы истории, естествознания и техники. 1999. № 4. С. 19, 20; Соболева Т.А. История шифровального дела в России. С. 117.

²³⁰ Новик В.К. Академик Франц Эпинус. С. 19; Соболева Т.А. История шифровального дела в России. С. 117.

²³¹ Архив внешней политики Российской империи [далее – АВПРИ]. Ф. 6. Оп. 6/2. Подсчитано до описи перлюстраций.

²³² Подсчет по: АВПРИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 97. Л. 3–58.

²³³ Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 10–11.

рю в Россию, согласилась быть осведомителем короля Пруссии Фридриха II. В результате принцессе Ангальт-Цербстской с трудом удалось оправдаться, а матушку ее выпроводили домой.

Еще одной громкой историей, основанной на перлюстрации, стало в те же годы дело маркиза Шетарди. Французский посланник в России, впервые приехавший в Санкт-Петербург 15 декабря 1739 года, считался личным другом императрицы. Он поддерживал Елизавету, когда она, дочь Петра Великого, жила под постоянным страхом опалы при дворе сначала Анны Иоанновны, а затем младенца Ивана Антоновича. Реальная претендентка на престол могла бояться ссылки, насильственного пострижения в монахини или заключения. Именно Шетарди наряду со шведским послом Э.М. Нолькеном с конца 1740 года через личного врача цесаревны Иоганна Лестока вступил в переговоры с Елизаветой, обещая ей поддержку в борьбе за престол. И хотя переговоры эти были не слишком результативными, а сам переворот 25 ноября 1741 года оказался для французского посланника сюрпризом, Шетарди поспешил представить себя чуть ли не душой заговора. Он действительно стал своим человеком в Зимнем дворце. При отъезде Шетарди из России в сентябре 1742 года Елизавета Петровна наградила его орденом Андрея Первозванного, табакеркой со своим портретом, щедро изукрашенной драгоценными камнями, а также перстнем с бриллиантами²³⁴. В декабре 1743 года маркиз вновь появился в столице России в качестве чрезвычайного посланника. Ему было поручено добиваться заключения союза с Россией против Австрии. Главное препятствие он усматривал в позиции руководителя внешней политики страны – Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. С помощью Лестока и уже упомянутого Брюммера Шетарди стал плести интриги против российского канцлера. Но в результате в эти сети попал он сам.

Оказалось, что с начала 1744 года все донесения Шетарди в Париж тщательно перлюстрировались. Не спасли даже шифры, которыми велась переписка. Криптограф Х. Гольдбах в январе 1744 года писал Бестужеву-Рюмину:

Милостивый государь мой! Принося Вашему сиятельству первые плоды третьяго цифирного ключа, надеюсь, что вместо нареkania мне какого#либо в том медления, паче моей поспешности удивляться причину иметь будут, ежели когда#нибудь соизволено будет сличать самой ключ с разобранными письмами и когда усмотрится, что потребно было каждое число или каждую цифру весьма прилежно свидетельствовать, нежели возможно было познать содержание хотя б одного письма. Но понеже сия работа уже сделана, то я в состоянии нахожусь, в день по одной пиесе разобрав, отдавать, ежели я, однако ж, другими делами от того отторгнут не буду. Что же касается до четвертого и пятого ключей, от которого я еще несколько штук [писем] в руках имею, то оныя ключи несравненно труднее первых нахожу...

20 марта того же года было направлено новое донесение:

Понеже я в четвертой цифире успех возымел, того ради я в состоянии буду вашему сиятельству не токмо по пиесе [письму] на день из тех, которая с оною сходство имеют, возвращать. <...> А ныне я разбираю пятую цифирь, которая по всему виду гораздо важнейшие пиесы откроет; но всепокорно ваше сиятельство прошу мне по меньшей мере две недели сроку дать, дабы

²³⁴ Пекарский П.П. Маркиз де-ла-Шетарди в России. 1740–1742 годы. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1862. С. V, XVI.

я себя в состояние привести мог вам такой опыт представить, который бы вашей апробации достоин был²³⁵.

Всего Гольдбах дешифровал 69 донесений министру иностранных дел Франции д'Алиону и ответов на них, а также письма Шетарди генералу Тейлю.

Между тем Шетарди, видимо, был настолько уверен в своем положении и невозможности прочесть его шифр, что ничего подозрительного не замечал. В донесениях в Париж он, раздосадованный отсутствием каких-либо успехов своей миссии, начал все чаще критически отзываться не только о советниках императрицы, но и о ней самой, ее привычках и образе жизни. Например, 24 декабря 1743 года он писал: «...и так она лень по делам имеет, что для избежания труда думать, она лучше любит пореже ее министров принимать». 22 марта 1744 года маркиз сообщал в Париж: «...любовь [к] самая безделицы, услаждение туалета четырежды или пятью на день повторенное и увеселение в своих внутренних покоях всяким сбродом... все ее упражнение сочиняют [составляют]». Одновременно он неоднократно высказывал надежду на устранение вице-канцлера. В частности, в одном из писем Шетарди сообщал: «Пункт о низвержении вице-канцлера еще в состояние не приведен, но мы много надеемся»²³⁶.

Однако трудность состояла не только в дешифровке. Дипломаты свои письма обычно пересылали в конвертах, которые прошивались ниткой и опечатывались. Письмо могло содержаться и в двойном конверте, также прошитом и опечатанном. О трудностях перлюстрации можно судить по письмам петербургского почт-директора Ф. Аша А.П. Бестужеву-Рюмину. Аш рапортовал 29 февраля 1744 года:

Покорнейше доношу, что я не премину списываемые унтер-библиотекарем Таубертом копии с оригинальными письмами прилежно сличать и находящиеся иногда погрешности в письме или цифири переправлять... Не меньше ж я и пробу хотя делал, возможно ли заклеенные письма вскрыть, не повредя приметным образом куверта. Чего ради я подобно тот куверт сам заклеивал и оно, паки высушешши наперед, паки вскрыть старался, но как без мочения до того достигнуть нельзя, то бумага не токмо зело замаралась, но и со всякою удобовымышленною subtilностью [предосторожностью] однако ж таким образом вскрыть возможно не было, чтоб оной куверт по некоторым местам не изодрался. И тако по сей мне неудачной пробе заключать можно, что таковые заклеенные куверты без подания о том явных знаков вскрывать нельзя...

В другом письме Аш подробно описывал процесс перлюстрации трех пакетов, один из которых был отправлен прусским посланником бароном А. фон Мардефельдом в Берлин, другой – секретарем посольства Варендорфом в Кенигсберг и третий – сотрудником посольства Латдорфом к брату в Ангальтенбург. Руководитель перлюстрации докладывал:

Последние два письма без трудности распечатать было можно, чего ради и копии с них при сем прилагаются. Тако же де куверт в придворный почтовый амт [почтамт] в Берлин легко было распечатать, однако ж два в оном письме, то есть к королю и в кабинет, такого состояния были, что, хотя всякое... старание прилагалось, однако ж... отворить невозможно было <...>: куверты не токмо по углам, но и везде клеем заклеены, и тем клеем обвязанная под кувертом крестом на письмах нитка таким образом

²³⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 463; *Пекарский П.П.* Маркиз де-ла-Шетарди в России. С. 463.

²³⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 463; АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/1. Д. 49. Л. 1–8 об.; *Черкасов П.* Персона нон грата, или Конец одиссеи маркиза де Ла Шетарди в России // Родина. 2009. № 8. С. 82.

утверждена была, что оный клей от пара кипятка, над чем письма я несколько часов держал, никак распуститься и отстать не мог. Да и тот клей, который под печатями находился (коли хотя я искусно снял), однако ж не распустился. Следовательно же, я к превеликому моему соболезнованию никакой возможности не нашел оных писем распечатать без совершенного разодрания конвертов²³⁷.

Кроме умения вскрыть конверты, не повредив их, требовалось после снятия копий придать им первоначальный вид: заклеить, прошить ниткой, опечатать такими же печатями, чтобы не навлечь подозрения адресата. Поскольку дипломаты пользовались множеством печатей – личных и государственных, нужен был мастер по их подделке. В эти годы им был некий Купи. От него требовали высокого профессионализма. Например, в марте 1744 года А.П. Бестужев-Рюмин в связи с получением от Ф. Аша образца изготовленной Купи печати австрийского посла в России барона Нейгауза указывал: «Рекомендую... резчику Купи оные печати вырезать с лучшим прилежанием, ибо нынешняя нейгаузова не весьма хорошего мастерства»²³⁸. По сведениям С. Майского (В.И. Кривоша), в это время способ производства поддельных печатей был следующим: печатка отливалась из свинца по форме, снятой гипсом с воскового негатива оригинальной печатки. По его мнению, этот способ был «довольно сложен, вследствие четырехкратного снимания оттиска (негатива – воском, позитива – гипсом, снова негатива – свинцом и, наконец, позитива уже на самом письме сургучом)», а также «давал недостаточно резкие отпечатки»²³⁹.

Императрица Елизавета Петровна, как и подобает самодержавному монарху, лично вникала во все детали столь щекотливого дела. Об этом говорит следующий документ:

В Санкт-Петербурге. 12 февраля 1745 года пополудни при докладе происходило: <...> Ея Императорское Величество о потребности в сделании печатей для известного открывания писем рассуждать изволила: что для лучшего содержания сего в секрете весьма надежного человека и ежели возможно было, то лучше из российских такого мастера или резчика приискать, и оного такие печати делать заставить не здесь, в Санкт-Петербурге, дабы не разгласилось, но разве в Москве или около Петербурга, где в отдаленном месте, и к нему особый караул приставить, а по окончании того дела все инструменты и образцы печатей у того мастера обыскать и отобрать, чтоб ничего у него не осталось, и сверх того присягою его утвердить надобно, дабы никому о том не разглашал²⁴⁰.

Умение российских перлюстраторов вскрывать дипломатические пакеты, оставляя минимум следов, и дешифровать тексты сделало свое дело. Последнее из писем Шетарди было прочитано 4 июня 1744 года. Накопив компромат на французского дипломата, А.П. Бестужев-Рюмин в эти дни, когда двор находился в Москве, нанес тонко продуманный удар. Императрице 5 июня был представлен доклад о поведении маркиза с подробными выписками из перехваченных донесений. Расчет оказался верным. Оскорбленная Елизавета тут же подписала уже подготовленный указ главе Тайной канцелярии А.И. Ушакову: «...повелеваем вам к французскому бригадиру маркизу Шетардию немедленно поехать и ему именем нашим объявить, чтобы он из нашей столицы... в сутки выехал». На следующий день,

²³⁷ *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. С. 112, 122.

²³⁸ Там же. С. 113–114.

²³⁹ *Майский С.* «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007. С. 276.

²⁴⁰ *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. С. 114–115.

6 июня, в половине шестого утра в дом Шетарди приехала целая компания: А.И. Ушаков, камергер П.М. Голицын, представители Коллегии иностранных дел И.П. Веселовский, А.И. Неплюев, П.П. Курбатов в сопровождении офицера Семеновского полка и двух унтер-офицеров. Когда Шетарди разбудили, то «секретарь Курбатов <...> читал все экстракты [выписки] из его Шетардиевых писем, а он Шетарди за ним смотрел, и ничего не оспорил, ниже оригиналов смотреть хотел, хотя его подпись к последнему письму к Дютейлю [письмо от 24 мая 1744 года одному из руководителей французской дипломатии – дю Тейлю] ему показана была»²⁴¹.

Алексей Петрович ликовал. В письме М.И. Воронцову в этот же день он так описывал поведение Шетарди в момент предъявления тому обвинения и указа императрицы: «...такой в Шетардии конфузии и трусости никогда не ожидали... стоял потупя нос и во все время сопел, жалуясь немалым кашлем... По всему видно, что он никогда не чаял, дабы столько противу его доказательств было собрано, а когда оныя услышал, то еще больше присмирел, а оригиналы, когда показаны, то своею рукой закрыл и отвернулся, глядеть не хотел»²⁴². Победа А.П. Бестужева-Рюмина была полной. Думается, не случайно Х. Гольдбах 26 июля 1744 года получил чин действительного статского советника. Кстати, письма Шетарди от 6 июня в Париж, Берлин и Копенгаген также были перлюстрированы²⁴³.

В Париж курьер доставил российскому временному поверенному в делах Г.И. Гроссу именной рескрипт. Им поручалось российскому дипломату довести до сведения Людовика XV все обстоятельства неблаговидного поведения «бригадира де Ла Шетарди», якобы организовавшего в Петербурге «антиправительственный заговор». Особо подчеркивалось, что «непозволительно он персону Нашу в письмах своих поносил и облыгал». Французские власти арестовали секретаря Шетарди, Депре, и год держали в Бастилии, обвинив его в передаче «цифирных ключей» английскому послу в России, поскольку и мысли не допускали о возможности дешифровки донесений силами российских специалистов. Маркиз де Ла Шетарди умер 1 января 1758 года²⁴⁴.

Статский советник Х. Гольдбах столь же успешно занимался дешифровкой переписки и других иностранных представителей в Петербурге: барона Нейгауза из Австрии, барона фон Мардефельда из Пруссии. Надо отметить, что это не было тайной для иностранных дипломатов. Но все#таки они недооценивали способности Гольдбаха даже после истории с Шетарди. Барон Аксель фон Мардефельд после возвращения в Берлин в конце 1746 года составил по приказу короля Фридриха II инструкцию своему преемнику в российской столице – «Записку о важнейших персонах при Дворе Русском». Здесь он, в частности, писал:

Статский советник Гольдбах... человек честный и отечеству своему весьма преданный. Обладает достоинствами и познаниями, особенно в математике,... употребляем канцелярией для писания писем латинских и французских в ответ на те, какие от дворов иностранных поступают. Употребляют его также для дешифровки донесений посланников иностранных, что, однако же, удается ему, лишь если зашифрованы они без надлежащего тщания. <...> У графа [А.П.] Бестужева проживают в доме трое секретарей Императрицы: Симолин, Иванов и Юберкампф. Последний совместно с почт-директором Ашем все письма, в Петербург прибывающие

²⁴¹ Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 615–616.

²⁴² Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1871. С. 4–5.

²⁴³ Новик В.К. Академик Франц Эпинус. С. 20.

²⁴⁴ Черкасов П. Персона нон грата. С. 82–83.

и из Петербурга отбывающие, распечатывает. Подкупить его было бы полезно, но трудно сделать²⁴⁵.

Еще одним громким делом, связанным с перлюстрацией, стал арест в ноябре 1748 года И.#Г. Лестока. Французский дворянин, живший в России с 1713 года, один из активнейших участников переворота в пользу Елизаветы Петровны 25 ноября 1741 года, лейб-медик императрицы, удостоенный в 1743 году графского титула, пытался активно влиять на внешнюю политику. После изгнания Шетарди Лестоку было запрещено вмешиваться в иностранные дела. Но он продолжал поддерживать связь с прусским двором, желая «свалить» канцлера Бестужева. Главной уликой против него стала перлюстрация писем прусского посланника Карла Вильгельма Финкенштейна. Бывшего друга императрицы обвинили в подготовке заговора с целью возвести на трон великого князя Петра Федоровича и его супругу Екатерину Алексеевну. Казнь была заменена битьем кнутом, конфискацией имущества и ссылкой в далекий Охотск. В марте 1762 года Петр III вернул Лестока в Петербург, восстановив его чины и дворянство. Екатерина II пожаловала ему пенсию и поместье²⁴⁶.

В 1750#е годы продолжалась перлюстрация переписки великой княгини Екатерины Алексеевны, супруги наследника престола, великого князя Петра Федоровича. Тем не менее, по мнению компетентного исследователя, вступивший на престол 25 декабря 1761 года Петр III получил службу перлюстрации в состоянии полного развала. Уже 8 января 1762 года новый император «...изволил... сам изустно секретарю Петру Бакунину [П.В. Бакунин-меньшой] ... повелеть, дабы... все письма французского министра... Бретеля... распечатываемы и списываемы были...». Бакунин адресовался к почт-директору Ф. Ашу, «...но... он в разсуждении старости и немощи своей отозвался, что без помощника копии списывать не в состоянии...». К Ашу был послан секретарь Синявин, который, как можно полагать, стал восприемником утраченных традиций²⁴⁷.

При «просвещенной государыне» Екатерине II практика перлюстрации успешно продолжалась и развивалась. Но сначала следовало обновить и омолодить состав руководителей секретной службы. В апреле 1764 года Ф. Аша на посту директора Санкт-Петербургского почтамта сменил М.М. фон Экк, руководивший этим учреждением и перлюстрацией до 1789 года включительно. В это же время серьезно заболел Х. Гольдбах. Он скончался 20 ноября 1764 года. Секретным указом 22 марта 1765 года главой шифровальной службы с жалованьем 3 тыс. руб. в год был назначен воспитатель великого князя Павла Петровича академик Франц Эпинус. Дешифровкой текстов он занимался сам с помощником, выходцем из обрусевших немцев Иваном Ивановичем (Иоганном-Георгом) Кохом (1739–1805). Кох начал свою карьеру в 1762 году копиистом в Академии наук и был извлечен оттуда Эпинусом в Коллегию иностранных дел. В дальнейшем Иван Иванович вошел в историю России как первый директор Педагогического института в Санкт-Петербурге, позднее преобразованного в Петербургский университет²⁴⁸. Перлюстрация в то время была важнейшим, наряду с сообщениями платных зарубежных агентов, источником информации для принятия внешнеполитических решений. Перлюстрировалась вся зарубежная корреспонденция вне зависимости от положения получателя и отправителя. Зачастую Екатерина II читала дешифрованные депеши иностранных дворов к послам в Санкт-Петербурге ранее, чем сами послы.

²⁴⁵ Мардефельд А. фон. Записка о важнейших персонах при Дворе Русском // Лиштенан Ф.#Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М.: ОГИ, 2000. С. 280.

²⁴⁶ Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 13. СПб., 1902. С. 344–345; Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 249.

²⁴⁷ Новик В.К. Академик Франц Эпинус. С. 21.

²⁴⁸ Там же. С. 18, 21–22.

Масштабы перлюстрации дипломатической почты значительно выросли. В 1762 году началась перлюстрация переписки принца Нассау-Зигена и курляндских представителей. С 1763 года – представителей Гамбурга, Данцига, Любека. С 1764#го – испанских дипломатов. С конца 1770#х годов появляются перлюстрированные письма североамериканских, венецианских, гелуэзских, мальтийских, неаполитанских, португальских, сардинских и других иностранных представителей. Эта практика продолжалась и при Павле I. Всего же к концу XVIII века российские чиновники «черных кабинетов» перлюстрировали переписку иностранных дипломатов тридцати государств²⁴⁹. Читалась и почта, шедшая через Россию транзитом. Например, была сделана выписка из послания на французском языке от правителя персидского города Решт Папе Римскому²⁵⁰. В 1771 году число перехваченных депеш только прусского посла составляло 150 (125 отправленных и двадцать пять полученных), писанных разными шифрами. В 1780 году австрийский посол использовал восемь типов шифров, объемы цифровых текстов достигали пятнадцати страниц (перехвачено около 140 депеш). Текущую дешифровку осуществляли «канцелярские служители» по ключам, найденным Эпинусом, перекупленным или выкраденным. С 1792 года основную работу по дешифровке в связи с преклонным возрастом Ф. Эпинуса вел И.И. Кох²⁵¹.

Екатерина II нередко лично давала указания почт-директору Петербургского почтамта. Вот одно из ее писем: «Я весьма любопытно узнать образ мыслей вюртембергской фамилии [возможно, имеются в виду герцог Карл-Евгений и его брат Людвиг-Евгений]. Если вы можете достать оригинальные мысли обоих, то пришлите ко мне. Я говорю об обоих, потому они весьма часто в своих мнениях <...> разнствуют, так что если одному что захочется, то другому не нравится»²⁵². По отношению к письмам иностранцев, которые ей не нравились, она была настроена крайне решительно. Например, одна из ее записок гласила: «Мое мнение, чтобы все французские письма, в коих бестолково о Московской истории пишут [Чумной бунт в Москве 15–17 сентября 1771 года] и кои из Москвы сюда присланы с сегодняшней почтою, отправились в ваш камин»²⁵³.

Кроме переписки иностранных дипломатов, императрица уделяла немалое внимание настроениям остзейского (прибалтийского) дворянства. 25 марта 1764 года она написала записку (пунктуация полностью сохранена):

Секретнейшее. Господин почт-директор [М.М.] Экк прикажите раскрывать письма двух регирунсратов [по Табели о рангах – чин восьмого класса] Кампенгаузена [возможно, Бальтазар Кампенгаузен, впоследствии секретарь для иностранной переписки при Г.А. Потемкине] и Фитингофа [возможно, И.Ф. Фитингоф, советник губернского правления] и те кои отсель к ним адресуются, также бывшего маршала Лифляндского дворянства Будберга и пришлите под адрес Сергея Матвеевича Кузмина [статс-секретарь императрицы] копии с сих писем прямо ко мне и содержите сии операции [в] строжайшем секрете ото всех без изъятия²⁵⁴.

Перлюстрация писем этих и других прибалтийских дворян продолжалась на протяжении ряда лет. Так, в августе 1767 года были сняты копии с писем барона Будберга к генерал-фельдцейхмейстеру (начальнику артиллерии) А.Н. Вильбоа, уже находившемуся в отставке, и к шталмейстеру (заведующему придворными конюшнями) Меку (фон Мекку). В

²⁴⁹ Подсчет по: АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Подсчитано до описи перлюстраций.

²⁵⁰ АВПРИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 175. Л. 2, 8–9.

²⁵¹ Новик В.К. Академик Франц Эпинус. С. 22, 31.

²⁵² Российский архив древних актов [далее – РГАДА]. Ф. 5. Оп. 1. Д. 100. Л. 44 об.

²⁵³ РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 100. Л. 44 об.

²⁵⁴ Там же. Л. 56.

это же время просматривалась корреспонденция более двадцати представителей лифляндского дворянства. Среди них – ландрат барон фон Менден, граф Х.А. Миних, генерал-майор Рейнгольд-Людвиг Паткуль и др.²⁵⁵

С 1770#х годов Екатерина II внимательно следила за корреспонденцией фрондирующих аристократов и, конечно, своего нелюбимого сына Павла Петровича. Дневник личного секретаря императрицы А.В. Храповицкого полон заметок о чтении государыней перлюстрированных писем. Например, 27 февраля и 22 марта 1787 года Храповицкий отмечал, что были «показываны» письмо цесаревича (будущего Павла I) к графу (А.Г.?) Чернышову. Нередко чтение перлюстрации сопровождалось комментариями императрицы. 14 ноября 1787 года при разборе почты она заметила в адрес княгини Н.А. Шаховской, называя ее «Пассековой» (первым мужем Шаховской был Н.И. Стрешнев, вторым – Ф.Б. Пассек): «Она бы при императрице Анне высечена была кнутом, а при императрице Елисавете сидела бы в Тайной [канцелярии]; есть такие письма, кои надлежало сжечь и не можно было отдать Шешковскому [С.И. Шешковский – глава Тайной экспедиции в 1762–1794 годах]». 31 августа 1788 года государыня «отдали письмо с замечанием, что пребывающий здесь датский министр... врет много по делам финансовым и тем внушить может Двору своему ложное мнение»²⁵⁶. В другой раз просмотр донесения того же датского посла Екатерину встревожил. Оказалось, что дипломат знает о ее инструкциях графу Мусину-Пушкину, русскому послу в Швеции. Подозрение пало на «комнатных лакеев»²⁵⁷. Весьма эмоционально реагировала императрица, если обнаруживала в перлюстрации высказывания, недоброжелательные к ней лично или к управляемой ею стране. Прочитав в донесении австрийского посла в России принца де Линя, посетившего Яссы во время русско-турецкой войны, что русские армии «многочисленны только больными и ранеными», Екатерина оценила это как злобу «к нам принца». В январе 1789 года она сделала собственноручную надпись на перлюстрированном донесении французского посла Луи де Сегюра: «Никогда еще не попадались депеши, кои более доказывают злостное расположение Франции противу России»²⁵⁸. Императрица любила даже иногда щегольнуть перед тем или иным иностранным дипломатом знанием содержания его переписки. Так, по воспоминаниям того же посла Франции в России в 1784–1789 годах Л.#Ф. де Сегюра, Екатерина однажды сказала ему: «Напишите от меня вашей супруге, что она может вперед пересылать через мои руки все, что хочет. По крайней мере, тогда можете быть уверены, что ваших писем не станут распечатывать». На деле этому любезному предложению доверять не стоило – 26 апреля 1787 года государыня с интересом прочла письмо жены де Сегюра²⁵⁹.

С именем Екатерины II связано и учреждение постоянной службы перлюстрации в Российской империи. Этой датой можно считать 1779 год, когда императрица повелела доставлять ей с Санкт-Петербургского почтамта секретно вскрытую корреспонденцию²⁶⁰. Постепенно все более расширялся круг лиц, чья переписка попадала под наблюдение. Этому способствовали и события в Европе. Общее внимание с 1789 года было приковано к революции во Франции. Свержение монархии, арест и казнь королевской четы, кровавый террор под аккомпанемент непрерывно работавшей гильотины, разорение католических храмов, бегство тысяч дворян за границу вызывали ужас, страх и ненависть к революционерам

²⁵⁵ АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/1. Д. 188. Л. 1–2.

²⁵⁶ Памятные записки А.В. Храповицкого // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 2. С. 22, 24, 43, 100, 147, 160.

²⁵⁷ Там же. С. 118.

²⁵⁸ Там же. С. 147, 160.

²⁵⁹ Сегюр Л.#Ф. Записки о пребывании в России // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 389; Памятные записки А.В. Храповицкого. С. 28.

²⁶⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. С. 329.

у всех монархически настроенных и просто консервативных людей. В России такое отношение к событиям во Франции усиливалось памятью о «пугачевщине» и боязнью ее повторения. Поэтому под подозрение попадало все казавшееся необычным и таинственным.

Перлюстрация того времени – это не только извлечение из писем сведений о настроениях различного рода обывателей, не только отслеживание высказываний иностранных дипломатов. Вскрытие корреспонденции имело также целью не допустить нелегальную пересылку денег. В частности, секретным указом от 26 апреля 1788 года на имя главного директора почт князя А.А. Безбородко требовалось «иметь наблюдение за перепискою из иностранных земель с почтами получаемую, в предостережение ввоза с нею банковских ассигнаций». При обнаружении таковых предлагалось передавать их генерал-губернаторам соответствующих губерний, уведомляя и Безбородко, чтобы тот мог сделать донесение императрице²⁶¹. Практика перлюстрации продолжалась и в правление Павла I (1796–1801), о чем будет сказано далее.

3. Организация перлюстрации в первой четверти XIX века

В ночь на 12 марта 1801 года Павел I был убит. На престол взошел Александр I. Началась «либеральная весна», которая коснулась и ведения перлюстрации. Уже 12 апреля главный директор почт Д.П. Трощинский сообщил московскому почт-директору Ф.П. Ключареву, чтобы согласно распоряжению нового императора «внутренняя корреспонденция, производимая между собою частными людьми и особенно обитателями Империи здешней была отнюдь неприкосновенна и изъята от всякого осмотра и открытия, а что лежит до внешней переписки, в перлюстрации оной поступать по прежним предписаниям и правилам без отмены»²⁶². Итак, официально перлюстрация сохранялась лишь для дипломатической и частной зарубежной переписки.

Каковы же к тому времени были правила перлюстрации? Где и как она проводилась? Вернемся на несколько лет назад. В 1795 году Россия, Австрия и Пруссия произвели третий раздел Польши. Речь Посполитая на 123 года перестала существовать как самостоятельное государство. В состав Российской империи вошли обширные области с несколькими миллионами жителей. Власть не испытывала доверия к новым подданным. Волынский губернатор генерал-поручик Т.И. Тутолмин докладывал о дошедших до него известиях «о вредной для Государства переписке обывателей возвращенных губерний за границу». Поэтому согласно высочайшему секретному указу от 18 апреля 1794 года и по предписанию главного директора почт князя А.А. Безбородко 25 июня 1795 года были учреждены «секретные экспедиции» в губернских городах Минске и Изяславле (центр созданной Волынской губернии; ныне – город в Хмельницкой области на Украине). К малороссийскому почт-директору Г.П. Милорадовичу были направлены четыре чиновника, «знающие искусство перлюстрации», а также «отпущены из С.Петербургского почтамта нужные для сего дела инструменты и материалы». Одним из четырех знатоков «искусства перлюстрации» был двадцатипятилетний коллежский регистратор Х.Х. Кантер²⁶³.

Главные указания состояли в следующем: пакеты, идущие в Петербург, «отправлять в тамошний почтамт, не касаясь к оным»; прочие же письма следовало перлюстрировать, «сняв с них копии или же сочиня Экстракты, и те копии и Экстракты доставлять правившему должность генерал-губернатора». Наиболее важный материал следовало направлять «Главному директору почт для донесения Ее Императорскому Величеству». Под «Екс-

²⁶¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 110. Л. 45–45 об.

²⁶² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 109–109 об.

²⁶³ Там же. Л. 111 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 277. Л. 62 об. – 63.

трактами» понималось краткое изложение содержания подозрительной корреспонденции – говоря современным языком, конспект. При этом получаемую информацию о различного рода коммерческих делах перлюстраторы должны были сохранять в тайне «под страхом незаконного взыскания». Соответствующих должностных лиц следовало извещать о контрабанде, финансовых операциях («ввозе ассигнаций») и обо «всем том, что вредно узаконениям и Государству вообще и частно», дабы «могли быть взяты надлежащие меры»²⁶⁴.

В 1796 году по инициативе литовского губернатора генерал-фельдмаршала Н.В. Репнина такие же тайные экспедиции были организованы при пограничных почтовых контролах в Бресте, Гродно, Радзивилове (город на границе с Австрией; с конца 1939 года – Червоноармейск, с конца 1991#го – Радивилов, Украина), а также в Вильно. Зато «яко уже не нужные» были ликвидированы службы перлюстрации в Минске и Изыславле²⁶⁵. В декабре 1800 года по распоряжению Павла I опытный чиновник Ф.А. Ган был направлен в местечко Паланген (Паланга) под предлогом наблюдения за «окуриванием приходящих из#за границы почт, эстафет и курьерских депеш», а на деле «для секретного наблюдения за всей идущей из Западной Европы корреспонденцией»²⁶⁶. Таким образом, к началу XIX века служба перлюстрации существовала в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Бресте, Вильно, Гродно, Палангене (Паланге) и Радзивилове – в восьми населенных пунктах империи. Выписки и копии писем при Екатерине II и Павле I представлялись на высочайшее рассмотрение директором Санкт-Петербургского почтамта. Когда в июне 1799 года И.Б. Пестель с поста Санкт-Петербургского почт-директора был назначен на должность президента Главного почтового правления, то указ Павла I предписал передать «секретную и газетную экспедиции» в ведение нового почт-директора Н.И. Калинина²⁶⁷.

Иногда почтовое начальство сталкивалось со стремлением местных властей проводить перлюстрацию по своему усмотрению. 19 ноября 1800 года новгородский гражданский губернатор С.Ф. Оболянинов, получив предписание, видимо, заваленного жалобами генерал-прокурора А.А. Беклешева об осмотре корреспонденции «отставных лиц и исключенных со службы», а также староверов, потребовал от Новгородской почтовой конторы «пакеты, приносимые людьми <...> подозрительными, <...> или 1) осматривать и если найдет что#либо подозрительное, доставлять в СПб. почтамт; 2) посылать в другие почтамты, куда идут письма, особые рапорты». Новгородский губернский почтмейстер доложил об этом директору Петербургского почтамта, а тот в свою очередь направил рапорт директору Почтового департамента Ф.В. Ростопчину²⁶⁸.

Между тем, несмотря на либеральные мечтания Александра I, государственные интересы самодержавной монархии требовали как можно более полных сведений о настроениях самых различных групп населения. Во-первых, это касалось фрондирующих сановников и даже членов императорской семьи. Память о дворцовом перевороте 11–12 марта 1801 года не могла исчезнуть бесследно из сознания молодого императора. Дело было не только в боязни повторения подобного, но и в стремлении не допустить утечки за границу какой#либо нежелательной информации. Немецкий автор в работе о правлении Николая I утверждал, что Александр I «до конца жизни приказывал подвергать ее [Марии Федоровны, вдовы Павла I и матери Александра I] переписку перлюстрации и именно ее письма к племяннику принцу Евгению Вюртембергскому»²⁶⁹.

²⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 111 об. – 112.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 112.

²⁶⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 43 об. – 44; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 490. Л. 133 об.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 118 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–3 об., 7.

²⁶⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 112. Л. 144–145 об., 147.

²⁶⁹ См.: Предтеченский А.В. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем) // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 20.

Во-вторых, необходимо было держать под наблюдением недовольных новой ситуацией представителей элит только что присоединенных к империи регионов. Например, после смерти грузинского царя Георгия XII и присоединения Восточной Грузии к России было решено для предотвращения смуты выслать в Россию всех членов царствовавшего дома. К 1803 году в Тифлисе оставалась с детьми вдова Георгия XII Мария Георгиевна. 18 апреля она заколола кинжалом представителя императора генерал-майора И.П. Лазарева, который явился во дворец царицы с воинским отрядом для ее насильственного выдворения. Ее дочь Тамара одновременно покушалась на жизнь тифлисского полицмейстера. В результате Александр I повелел выслать бывшую грузинскую царицу в Белгород, в женский монастырь. Тридцатичетырехлетнюю царицу доставили туда с шестью детьми (четырьмя сыновьями и двумя дочерьми) и свитой 21 июня 1803 года. Министр внутренних дел В.П. Кочубей на основании высочайшего повеления указал белгородскому почтмейстеру на обязанность просматривать переписку Марии Георгиевны с царевичами Михаилом и Давидом, поселенными в Петербурге, с царевичем Багратам в Москве, с матерью в Тифлисе, с духовником Никифором в Петербурге. Правда, уже 27 августа Кочубей сообщил курскому губернатору, что «по затруднениям, каковые встретились при наблюдении за письмами, и по неудобности сыскать на месте верных переводчиков, государь повелел оставить переписку царицы без дальнейшего внимания»²⁷⁰.

В-третьих, власть опасалась настроений обывателей, особенно в беспокойных районах империи. Поэтому, хотя либерального указа о запрещении читать внутрироссийскую переписку никто формально не отменял, на деле появились «исключения». Уже 5 декабря 1803 года секретным указом императора от Д.П. Трошинского потребовали «иметь крайнее наблюдение» за перепиской с заграницей жителей западных губерний, перлюстрируя «все иностранные письма», проходящие через почтамты в Вильно, Гродно, Брест-Литовске и Радзивилове. В свою очередь Трошинский 11 декабря направил секретные предписания литовскому почт-директору Н.Д. Каховскому, а также почтмейстерам и чиновникам, занимавшимся в этих городах секретной частью, чтобы «все иностранные письма непременно перлюстрированы [были] и сумнительные из оных в списках, а судя по важности и оригинальные без малейшего потерянния времени к нему доставляемы были»²⁷¹.

Подозрительными письмами должно было считать «все те, которые заключают в себе какое#либо свободное и не позволительное суждение на счет Правительства, изъявляемое на него неудовольствие, злоумышленные сношения с иностранцами, условия или соглашения к скопам [т. е. возмущениям] потаенных партий, словом все то, что имеет вид склонности к возмущению тишины и безопасности государственной»²⁷². Затем высочайшим секретным указом от 12 июля 1804 года Трошинскому было предписано учредить секретную экспедицию в Подольской пограничной почтовой конторе (город Каменец-Подольск; ныне – Каменец-Подольский в Хмельницкой области на Украине), чтобы иметь «наблюдение за корреспонденцией как иностранною, так и тех из жителей тамошних, поведение коих привлекло на себя внимание Правительства». Туда был направлен специальный чиновник. При образовании в 1808 году Белостокской губернии по докладу министра внутренних дел князя А.Б. Куракина Александр I высочайше разрешил перлюстрировать в Белостокской почтовой конторе иностранные письма²⁷³.

²⁷⁰ Танков А.А. Грузинская царица в Белгороде // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 3. С. 1035, 1038, 1042. В 1804 году два сына царицы были взяты на воспитание в Петербург, а в 1811 году ей разрешили с семьей переехать в Москву.

²⁷¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 112–112 об.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же. Л. 112 об.

Наконец, в Петербурге всегда с настороженным вниманием присматривались и прислушивались к разговорам и пересудам во второй столице – в Москве. М.Л. Магницкий писал Александру I в 1808 году:

Письма, в Москву отправляемые, и приезжие из Петербурга непрестанно наполняют ее слухами, для правительства вредными. Слухи же сии, невзирая на нелепость их, с жадностью внимаются и распространяются с чрезвычайной быстротой в обширном городе, составленном по большей части из людей праздных или отставных и дворян недовольных... В древней столице сей, куда каждую зиму съезжается со всех концов России богатейшее дворянство, гибельная мода порицать правительство переходит в провинции²⁷⁴.

5 сентября 1805 года, перед отъездом в действующую армию, император утвердил записку Н.Н. Новосильцева о создании на время своего отсутствия секретного Комитета высшей полиции в составе военного министра, министров юстиции и внутренних дел для обеспечения «всеобщего спокойствия». Из одиннадцати пунктов инструкции членам Комитета два были особо выделены карандашом государя – третий и девятый. Третий пункт гласил: «Через сношение с Дирекциею почт Комитет должен получать немедленные и верные сведения о подозрительных переписках». Девятый пункт также был характерен: «Само собою разумеется, что существование сего Комитета, равно и... сношения с полицией и Дирекцией почт должны сохраняемы быть в совершенной тайне»²⁷⁵. К 1807 году этот орган уже прекратил свою деятельность. Но 13 января 1807 года на основе новой записки все того же Новосильцева появился указ об учреждении на постоянной основе и во всероссийском масштабе нового межведомственного органа «высшей полиции» – Комитета охранения общей безопасности, или, как его стали называть, Комитета 13 января 1807 года, с контрольно-надзорными и координационными функциями. В записке Новосильцева опять имелся пункт о получении через министра внутренних дел сведений «о подозрительных переписках», открываемых «по Дирекции почт». Естественно, что в именном указе об этом не упоминалось. Перлюстрация оставалась строжайшей тайной²⁷⁶. В делах Комитета 13 января сохранилось перлюстрированное письмо неизвестного автора из Москвы, в котором тот резко отзывался о Тильзитском договоре, вынужденно подписанном Александром I с Наполеоном Бонапартом 25 июня 1807 года.

По примеру своих предшественников Александр I сам занимался делами перлюстрации. Лишь на время своего отсутствия в столице он поручал просмотр перлюстрированной корреспонденции кому-то из ближайшего окружения. Например, 31 августа 1808 года император «по случаю отбытия из Санкт-Петербурга соизволил оставить гг. министрам для должного исполнения» ряд пунктов. В пункте двенадцатом, в частности, предлагалось министру внутренних дел в случае получения сведений и копий «с перлюстрированных подозрительных писем» сообщать «оним тотчас занимающему первое место [председателю Комитета министров]». Такое же распоряжение было отдано 22 марта 1812 года министру внутренних дел О.П. Козодавлеву – о доставке копий перлюстрированных писем председателю Комитета министров, а также о доставке главнокомандующему в столице тех копий, «коих содержание особенно до вверенной ему части относиться будет»²⁷⁷. Императору Александру I пер-

²⁷⁴ Предтеченский А.В. О перлюстрации писем в начале XIX в. С. 23.

²⁷⁵ Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: От тайного сыска к политическому розыску. СПб.: МИЭП, 2008. С. 76–77, 284–286; Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. II. СПб., 1897. С. 363.

²⁷⁶ Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 81–83, 289, 290–291.

²⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 110; ПСЗ. Собр. 1#е. Т. 30. СПб., 1830. № 23262.

люстрированную корреспонденцию доставлял директор Санкт-Петербургского почтамта, а затем – министр внутренних дел²⁷⁸.

Одновременно министр внутренних дел В.П. Кочубей в связи с предполагаемым «нашествием французских агентов» обратил особое внимание на безопасность Петербурга и западных приграничных губерний, «присоединенных от Польши». Соответствующие указания были даны «главноуправляющему в столице» С.К. Вязмитинову, а также военным губернаторам А.М. Римскому-Корсакову в Вильно и М.И. Голенищеву-Кутузову в Киеве (будущий фельдмаршал занимал эту должность фактически с ноября 1806#го по апрель 1808 года, но юридически – вплоть до 1810 года). Предлагалось «всеми способами» установить надзор за подозрительными иностранцами. Для этого, в частности, виленскому почт-директору А.С. Лавинскому (и, видимо, его киевскому коллеге) предписано было сообщать «господину военному губернатору все сведения, какие по обыкновенному наблюдению над перепискою в литовском почтамте открыться могут»²⁷⁹. В июле 1809 года уже Александр I предписал министру внутренних дел князю А.Б. Куракину восстановить перлюстрацию в Минской губернской почтовой конторе, «обратив меру сию особенно на тех жителей губернии, кои наиболее привлекают на себя примечание Правительства»²⁸⁰.

В ходе русско-турецкой войны 1806–1812 годов, когда российская армия вошла на территорию Дунайских княжеств, 6 сентября 1810 года по секретному указу государя была учреждена секретная почтовая экспедиция в Яссах. Было приказано отправить туда двух чиновников из Московского почтамта, «нужные к сему способности имеющих», снабдив их «потребными для секретной части вещами и надлежащим наставлением»²⁸¹.

Все эти годы особое внимание придавалось сохранению тайны перлюстрации. Когда в 1806 году военный подольский губернатор генерал-лейтенант И.Н. Эссен потребовал от Почтовой конторы в Каменец-Подольске «вскрытия некоторых писем», в дело вмешался министр внутренних дел граф В.П. Кочубей. Он представил Эссену и литовскому почт-директору правила ведения этих тайных операций. В частности, перлюстрацией должны были заниматься не почтмейстеры, а особо доверенные чиновники²⁸².

Еще одним важным объектом наблюдения при проведении перлюстрации, о котором нам известно с конца XVIII века, были части российской армии, участвовавшие в военных действиях, а также жители занимаемых территорий. В январе 1799 года, в период подготовки к войне с Францией, в корпуса российской армии были направлены помощниками полевых почтмейстеров чиновники, имевшие опыт перлюстрации. Например, в Отдельный корпус князя С.Ф. Голицына был направлен помощником полевого почтмейстера служивший в Петербургском почтамте Ф.И. Маснер. 15 сентября 1799 года под Цюрихом, во время тяжелого поражения корпуса, которым командовал уже А.М. Римский-Корсаков, Маснер попал в плен. Любопытно, что если полевой почтмейстер Н. Сытин, также оказавшийся в плену, был освобожден уже 27 сентября, то Маснера французский генерал А. Массена «отправил в завоєванную местность». После возвращения в августе 1800 года в Петербург Маснер продолжил службу в почтамте. В мае 1805 года по высочайшему именному повелению именно он был командирован в Яссы «для исправления особых дел»²⁸³. Одновременно 17 января 1799

²⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 118 об.

²⁷⁹ *Севастьянов Ф.Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 247–248.

²⁸⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 112 об. – 113.

²⁸¹ Там же. Л. 109 об. – 110.

²⁸² Там же. Л. 113 об.

²⁸³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 110. Л. 104; Д. 112. Л. 2–2 об.; Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 83 об. – 84. Маснер Франц Иванович (1778–?). Сын придворного музыканта «немецкой нации». Копиист в Главном почтовом правлении с 31 января 1798 года, канцелярист – со 2 ноября 1798#го. Помощник полевого почтмейстера в походе 1799 года (с 17 января). 15 сентября 1799#го, будучи в корпусе А.М. Римского-Корсакова, попал в плен к французам, где пробыл шесть месяцев. С 30 сентября 1799

года в корпус Б.П. де Ласси и в корпус А.Г. Розенберга помощниками почтмейстера были командированы коллеги Маснера из Главного почтового правления Е.И. Киммель и А.П. Штер²⁸⁴. Как докладывал Николаю I главноуправляющий Почтовым департаментом князь А.Н. Голицын после смерти Штера, тот находился в Главной квартире фельдмаршала А.В. Суворова «для секретного наблюдения за перепискою, проходившею чрез Полевой почтамт нашей армии»²⁸⁵.

Во время заграничного похода русской армии 1805–1807 годов также были созданы полевые почтамты, почтмейстеры которых выполняли и функции перлюстраторов. В частности, опытный перлюстратор Х.Х. Кантер был командирован из Литовского почтамта 5 декабря 1806 года в корпус генерала Ф.Ф. Буксгевдена, а затем служил до ноября 1807 года под началом командующего русской армией Л.Л. Беннигсена²⁸⁶.

Еще до начала русско-турецкой войны 1806–1812 годов, 16 августа 1806 года, последовало распоряжение Александра I Санкт-Петербургскому почт-директору откомандировать к командующим армиями М.И. Голенищеву-Кутузову и И.И. Михельсону полевому почтмейстеру с помощником «с нужным наставлением <...> так и по секретной части» и по два почтальона. В армию Голенищева-Кутузова были направлены коллежский советник Е.И. Киммель и губернский секретарь П. Шишмарев, а в армию Михельсона – титулярный советник К.И. Гомгольц и губернский секретарь А.Е. Баскаков. После соединения войск в начале 1807 года Киммель и Шишмарев были отозваны в столицу. При этом Киммель продолжил службу в особой экспедиции почтамта, а Шишмарев, оставленный в штате Полевого почтамта «впредь до надобности», употреблялся «в экспедиции приходящих иностранных почт»²⁸⁷.

9 февраля 1808 года началась очередная и последняя русско-шведская война. За несколько дней до этого, 31 января, командующий русской армией Ф.Ф. Буксгевден направил письмо министру внутренних дел князю А.Б. Куракину. В нем сообщалось об указании императора создать при Главной квартире полевую почту для приема и отправки не только казенных пакетов, но и партикулярных (частных) писем. Уже 2 февраля Куракин ответил, что дал распоряжение Санкт-Петербургскому почт-директору «избрать опытных и надежных чиновников с нужным числом почтальонов». 11 февраля Санкт-Петербургский почт-директор Н.И. Калинин доложил министру о назначении полевым почтмейстером титулярного советника А. Гибнера, его помощником – титулярного советника Шишмарева (уже знакомого нам испытанного труженика секретного дела) и о снабжении их всем нужным для работы Полевого почтамта, а «равно и вещами для секретного употребления [курсив мой. – В.И.]», а также об их отправке к Буксгевдену с двумя почтальонами 8 февраля²⁸⁸.

6 февраля Буксгевден обратился к Куракину с новым посланием. «Для благоуспешного достижения сопряженной с <...> учреждением» Полевого почтамта цели он предлагал «предписать Фридрихсгамской [город Фридрихсгам; ныне – Хамина, Финляндия], Вильманstrandской [город Вильманstrand; ныне – Лаппеенранта, Финляндия] и Нейшлотской [город Нейшлот (Нюслот); ныне – Савонлинна, Финляндия] почтовым экспедициям», чтобы

года был причислен к дирекции Санкт-Петербургского почтамта, с 29 августа 1800#го определен в Санкт-Петербургский почтамт, «доколе не найдется в нем надобности быть при той же должности». По высочайшему именному повелению с 31 мая 1805 года был командирован в Яссы «для исправления особых дел». С 1 февраля 1808#го возвращен в Санкт-Петербургский почтамт. С 29 января 1815 года уволен по болезни. Вновь был зачислен в Санкт-Петербургский почтамт с 28 марта 1816 года.

²⁸⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1014. Л. 1–3; Оп. 4. Д. 70. Л. 55–60 об.

²⁸⁵ Там же. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 43 об.

²⁸⁶ Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 277. Л. 59 об., 62 об. – 63 об.

²⁸⁷ Там же. Оп. 21. Д. 161. Л. 51–54. Е.И. Киммель еще много лет служил в секретной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта, специализируясь на вскрытии конвертов и пакетов.

²⁸⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–2, 8.

они «как получаемые из заграницы, так и все поступающие в оные для отправления за границу и во внутри России письма, *не оглашая таковое постановление* [курсив мой. – В.И.], присылали в вышеупомянутый Почтамт для доставления оных в места назначения». В докладе Куракина государю это мотивировалось возможностью «удобнейшего и ближайшего за нею [заграницей] надзора». Предложение было одобрено Александром I. Правда, соблюсти желаемую секретность полностью не удалось. Вильманstrandский экспедитор уже 24 февраля доложил петербургскому почт-директору, что после того, как стал отсылать письма в Полевой почтамт, «некоторые корреспонденты изъявили удивление, что долго не получают из Выборга ответа на их письма, которые получаемы были там по отпращивании почты на другой день»²⁸⁹.

В эти же дни, 3 марта, выборгский губернский почтмейстер Цагель доложил Санкт-Петербургскому почт-директору, что получил от Фридрихсгамского почтмейстера три письма, которые не прошли Полевой почтамт, ибо были непосредственно вручены почтальону в местечке Ловиза. К рапорту были приложены копии двух перлюстрированных писем, а третье, «как незначущего содержания», было оставлено без копии. Автором этих писем являлся шведский подданный, представитель весьма разветвленного дворянского рода Кноррингов. Одно письмо, на шведском языке, было адресовано в Выборг доктору Мелартину; другое, по-французски, – генералу от инфантерии русской армии Б.Ф. Кноррингу. Хотя содержание писем было абсолютно пророссийским (в письме к доктору была фраза: «Финляндия взята, и Александр есть Государь наш»), министр внутренних дел доложил об этих письмах императору и получил высочайшее повеление «письма эти отправить по надписи». Одновременно последовало распоряжение запретить почтальонам «брать самовольно письма» в обход Полевого почтамта²⁹⁰.

По мере занятия русской армией шведских владений в Финляндии объем корреспонденции, проходившей через Полевой почтамт, быстро нарастал, поскольку шведские почтмейстеры тоже должны были теперь присылать в него почту. Поэтому уже 14 марта 1808 года Ф.Ф. Буксгевден просил А.Б. Куракина командировать еще одного чиновника для Полевого почтамта. Он также указал на то, что письма, которые подаются на почту во Фридрихсгаме, Вильманстранде и Нейшлоте и адресованы в российские города, «могли бы всего лучше осматриваемы быть в Санкт-Петербургском почтамте, через который они идут», ибо «хотя небольшое принесено было [бы] здесь облегчение». В результате в Полевой почтамт из Петербурга был направлен канцелярист Павел Эттер, «по знанию им иностранных языков»²⁹¹.

Наконец, когда в российскую столицу в ноябре 1808 года прибыли финские сословные депутаты для переговоров, они жаловались в том числе на то, что жители «затруднены в торговых сношениях, так как все письма проходят Полевой почтамт и только потом рассылаются по принадлежности». На основании доклада товарища министра иностранных дел графа А.Н. Салтыкова император дал указание Куракину как министру внутренних дел решить вопрос об учреждении почтовой связи с Финляндией на общих основаниях. Но вопрос решался крайне медленно, и в конце ноября «старейший из депутатов Новой Финляндии» – барон Карл Эрик Маннергейм, прадед будущего маршала, – подал ноту «о крайней необходимости учредить обыкновенное почтовое сообщение» между Финляндией и Петербургом. В такой ситуации Александр I распорядился направлять корреспонденцию из Финляндии через Выборгскую почтовую контору. Однако это не означало отмены контроля за перепиской. «По случаю особенного поручения выборгскому почт-директору касательно

²⁸⁹ Там же. Л. 9–10 об., 16–16 об., 33 об.

²⁹⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 161. Л. 21, 22, 24–26.

²⁹¹ Там же. Л. 41, 66.

корреспонденции идущей из Новой Финляндии» Санкт-Петербургский почт-директор отозвался о Х.И. Цагеле, что он «заслуживает всякое от начальства доверие»²⁹².

Организация перлюстрации почты, идущей через Великое княжество Финляндское, и впоследствии оставалась в поле внимания российских властей. Непосредственным организатором перлюстрации являлся финляндский почт-директор Ладо. Еще в 1808 году, когда он был директором канцелярии графа Ф.Ф. Буксгевдена, ему было приказано прибыть из Або (Турку) в Петербург «для обстоятельнейшего донесения о своих занятиях». В результате он сделался известным государю, который сохранял доверие к нему многие годы. Министр внутренних дел О.П. Козодавлев 1 октября 1811 года сообщил финляндскому почт-директору высочайшую волю о производстве перлюстрации в Финляндском почтамте. 23 декабря 1811 года Александр I повелел Ладо «о всех делах чрезвычайных и тайне подлежащих» доносить непосредственно ему. В день ссылки государственного секретаря М.М. Сперанского, 12 марта 1812 года, за его подписью в Финляндский почтамт ушла бумага, в которой сообщалось о благоволении государя «за бдительность» и предлагалось «и впредь тем же путем доводить до сведения все заслуживающее внимания». Через месяц, 10 апреля, Козодавлев вновь объявил почт-директору «монаршее удовольствие» и «Высочайшую волю», чтобы «он доносил министру внутренних дел не только по делам перлюстрации, но вообще и обо всех секретных своих наблюдениях». Почт-директору разрешалось при необходимости посылать пакеты прямо государю, делая на них надпись «В собственные руки Его Величеству», в конверте на имя министра внутренних дел. Таким образом, министр служил лишь «каналом» для пересылки секретной корреспонденции. 18 мая последовал приказ «наблюдать строжайше за перепискою» шведских комиссаров, прибывших в Финляндию. 7 августа 1812 года из Петербурга извещали о возможном прибытии императора в Або (Александр I находился в Або с 12 (24) августа и возвратился в столицу 24 августа) и его встрече с почт-директором Ладо, чтобы «в особенности донес подробно о перлюстрации и лицах, до коих она касается». При этом о производстве перлюстрации и других секретных поручениях почт-директору не должны были знать высшие чиновники Княжества Финляндского – генерал от инфантерии Г.М. Армфельд, статс-секретарь барон Р.Х. Ребиндер и генерал-губернатор Ф.Ф. Штейнгель²⁹³.

В 1812 году, за несколько месяцев до вторжения Наполеона в Российскую империю, также начали создаваться полевые почтамты. 24 февраля военный министр Барклай-Детолли секретным письмом сообщил министру внутренних дел О.П. Козодавлеву о распоряжении императора «избрать двух достойнейших чиновников для занятия мест почт-директоров при армиях». Уже на следующий день последовал ответ, что в штаб 2-й армии предлагается коллежский советник и кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени С.П. Ямпольский, состоявший ранее почтмейстером при Константинопольской миссии. Для 1-й армии министр запросил литовского почт-директора А.И. Бухарского, ибо «сей последний служил при обоих моих предшественниках и даже при бывшем Главном директоре почт [Д.П.] Трощинском по секретной части, и совершенно все то, что по оной в подобных сему случаях наблюдать нужно [знает] [курсив мой. – В.И.]»²⁹⁴.

В последующие несколько дней произошли новые назначения. В Луцк, в распоряжение командующего 2-й армией П.И. Багратиона были направлены С.П. Ямпольский, помощником его – титулярный советник Гоменович, канцелярским служителем – чиновник по фамилии Рубец и два почтальона. В Полевой почтамт 1-й армии в Вильно почт-директором 3

²⁹² Там же. Л. 115–116 об., 120–120 об., 127 об. В фондах Российского государственного военно-исторического архива [далее – РГВИА] до 1935 года хранилось дело «Выписки из разных секретных писем 1808–1809. Письма офицеров и солдат» (Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3252). В 1935 году оно выбыло без указания адреса.

²⁹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 49 об. – 51 об., 53–54.

²⁹⁴ Там же. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 257. Л. 1–3 об.

апреля 1812 года был назначен испытанный специалист перлюстрации коллежский асессор Х.Х. Кантер, помощником его – кобринский почтовый экспедитор, губернский секретарь С.Н. Мина, канцелярским служителем – коллежский регистратор Либельт и два почтальона. Литовский почт-директор Бухарский доложил министру внутренних дел Козодавлеву, что при подготовке инструкций для почт-директоров учитывал распоряжения, на основании которых организовывались полевые почтамты в 1805, 1806 и 1809 годах. В результате «снабжены они будут потребными для сих Почтамтов вещами, как то: печатями, книгами, сумками и чемоданами, да для *особого секретного употребления нужными материалами* [курсив мой. – В.И.]». В инструкции Полевому почтамту, составленной Бухарским, пункт 21#й гласил: «Секретные поручения командующего армией обязаны вы выполнять с совершенной скромностью и верностью по присяжной должности и коль служба и обязанность ваша того требует»²⁹⁵. Кстати, в 1815 году Х.Х. Кантер, назначенный почт-директором Полевого почтамта Южной армии, вернувшейся в Россию после заграничного похода, запросил Почтовый департамент о присылке «необходимых материалов и принадлежностей». Ответ от департамента был следующим: если «разумеет по секретной части, то Кантер снабжен ими при начальном отправлении его в Полевой почтамт»²⁹⁶.

При этом А.И. Бухарский в отдельных случаях принимал в отношении чиновников решения, противоречившие пожеланиям министра. Например, О.П. Козодавлев 29 февраля сообщал в Литовский почтамт, что, по его данным, А.Ф. Трефурт просит назначить его полевым почтмейстером и он, министр, будет на это согласен, если Бухарский, «по известным <...> способностям г. Трефурта», изберет его на эту должность. Но литовский почт-директор писал 6 марта министру, что «поскольку все назначения уже сделаны, то Трефурт не менее полезен будет здесь [в Вильно] по опытности его в секретной части и по недостатку людей к сему». Одновременно в письме к другому адресату Бухарский просил его извинить, что не исполнил приказания министра, поскольку Х.Х. Кантер более опытен, чем Трефурт, имеет опыт во время войны 1806–1807 годов, а А.Ф. Трефурт может быть полезнее здесь по секретной части²⁹⁷.

Между тем из армии поступали все новые просьбы о присылке почтовых чиновников, служителей и почтальонов. В этой ситуации литовский почт-директор А.И. Бухарский, докладывая О.П. Козодавлеву о направлении почтмейстера в корпус П.Х. Витгенштейна в город Шавли, отмечал, что у него уже нет свободных людей, кроме тех, которые «заняты в пограничных почтовых конторах <...> особыми известными Вашему Превосходительству поручениями»²⁹⁸. Тем не менее в мае 1812 года из Белостокской почтовой конторы в Полевой почтамт 2#й армии был направлен канцелярист Шульц, знавший немецкий язык. Почт-директор 2#й армии С.П. Ямпольский утверждал, что в таком чиновнике существует «крайняя надобность». Поэтому к направлению новых чиновников в полевые почтамты были привлечены Малороссийский и Финляндский почтамты²⁹⁹. В результате, как сообщал Бухарский в декабре 1819 года главноначальствующему над Почтовым департаментом князю А.Н. Голицыну, к 1813 году «в самом Литовском почтамте оставался для перлюстрации только один чиновник» – «по совершенному недостатку в способных к тому и благонадежных людях за раскомандированием таковых по Высочайшим повелениям в полевые почтамты»³⁰⁰. Указание о снабжении финляндского полевого почтмейстера материалами для

²⁹⁵ Там же. Л. 19–19 об., 21 об., 23–23 об., 24, 32 об.

²⁹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 277. Л. 14 об.

²⁹⁷ Там же. Д. 257. Л. 11, 35–36 об.

²⁹⁸ Там же. Оп. 21. Д. 257. Л. 43, 46, 52, 64–64 об.

²⁹⁹ Там же. Л. 49, 74–75 об., 100, 110–112, 116.

³⁰⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 113.

производства перлюстрации было послано финляндскому почт-директору из Петербурга 2 июля 1812 года³⁰¹.

Во время военных действий 1812 года сотрудники службы перлюстрации читали письма сановников, военных. Можно отметить, что уже в это время появлялись зачатки «алфавита», т. е. постоянного контроля за перепиской некоторых лиц на протяжении ряда лет. Так, длительная слежка была установлена за обменом посланиями иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина с генерал-губернатором Сибири И.Б. Пестелем, находившимся постоянно в Петербурге; дипломата графа А.И. Маркова с жившим в его доме в Москве надворным советником Кристином, швейцарцем по происхождению. Переписка последних просматривалась по моим данным, с 1812#го и по меньшей мере, по 1826 год³⁰². В эти и последующие годы главным надзирателем за ведением перлюстрации и хранителем особо секретных выписок являлся А.А. Аракчеев. Например, министр внутренних дел О.П. Козодавлев в сентябре 1812 года писал всевысшему министру: «На вскрытие двух пакетов на имя английского посла [У.Ш. Кэткарта] от г. Вильсона [Вильсон Р.Т. – британский представитель при русской армии в 1812–1813 годах] ожидаю приказания Вашего». На выписке из письма И.Б. Пестеля к Н.И. Трескину от 10 сентября 1817 года Аракчеев пометил: «Получено от государя в Москве 2 октября 1817 года»³⁰³.

Во время заграничного похода русской армии 1813–1814 годов встала задача контроля за перепиской не только военнотружущих, но и жителей государств, через которые проходили войска. Общее руководство перлюстрационной деятельностью во время заграничного похода осуществлял полевой инспектор почт полковник Ф.О. Доливо-Добровольский. В декабре 1814 года он рапортовал, что, заведя «почтовой секретной частью в Саксонии и прочих местах», направил чиновников Полевого почтамта в Лейпциг, Дрезден, Познань, Бромберг [Быдгощ], Плоцк и «другие значительные города» для наблюдения за перепиской. Уже 1 февраля 1813 года Доливо-Добровольский ставил вопросы о направлении в Варшаву и другие крупные города российских почтмейстеров и о необходимости иметь при Главной квартире еще одного чиновника, «совершенно знающего секретную почтовую часть»³⁰⁴. 23 мая 1813 года был утвержден новый штат Полевого почтамта, в котором официально числился «чиновник по секретным поручениям». Одним из таких чиновников был А.Е. Баскаков, занимавшийся перлюстрацией еще в ходе русско-турецкой войны³⁰⁵. В результате в Петербург поступали, например, выписки из писем о положении дел во Франции, которые тщательно изучались: некоторые фразы подчеркивались в тексте, отчеркивались сбоку и т. п.³⁰⁶

В целом же война с Наполеоном, последующий поход русской армии в Европу, огромный рост международного авторитета России не только не остановили дела перлюстрации, но, напротив, способствовали его расширению. Одновременно в «секретное дело» стремились вмешаться другие правительственные структуры. Видимо, в начале 1813 года главнокомандующий русской армией фельдмаршал М.И. Кутузов «предписал начальникам губерний требовать от почтовых мест, чтобы письма, подаваемые пленными и подозрительными людьми, были доставляемы к министру полиции». Он также просил министра внутренних дел О.П. Козодавлева «сделать по почтовой части распоряжение». Последний немедленно

³⁰¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 51 об.

³⁰² РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 585. Л. 2; Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3593. Л. 3.

³⁰³ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 7. № 7. Л. 48, 54, 55; картон 19. № 2. Л. 210–210 об.

³⁰⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 260. Л. 281, 314.

³⁰⁵ Там же. Д. 277. Л. 7 об., 21 об.

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 67. Л. 6–57.

выполнил просьбу фельдмаршала³⁰⁷. Это встревожило опытных специалистов перлюстрации, увидевших здесь угрозу нарушения ее тайны. Исполнявший обязанности директора Московского почтамта Д.П. Рунич, который к тому времени выехал из занятой французами Москвы в Нижний Новгород, обратился к Козодавлеву. Он, в частности, отмечал:

Освидетельствование корреспонденции и наблюдение за оною производилось всегда чрез один только почтамт посредством особых чиновников, при перлюстрации употребляемых, и сие делалось так тайно и толикою осторожностью, что самые экспедиции разбора и отправления почт не ведали того, чья именно корреспонденция наблюдается и какие письма перлюстрации подвергаются. В доказательство того, что операция сия весьма скрытно производилась, представить можно то, что в течение многих лет самые перлюстрированные письма получавшим оные не подавали малейшего повода к сомнению или подозрению, и правительство чрез внушенную в публике доверенность к почтовому департаменту имело в руках своих средства к таким открытиям, которые при самых усерднейших исследованиях оставались иногда скрытыми. По уважению сих истин и быв удостоверен, что поручение о наблюдении за корреспонденцией, сделанное почтовым конторам, совершенно подорвать может издавна утвердившуюся доверенность публики к почтовому департаменту, ибо губернские конторы ни средств для сего потребных не имеют, да и самое выполнение почтмейстерами предписаний господ губернаторов подвергнуться может огласке, и, следовательно, тех лиц, за коими наблюдение производиться будет, сделает осторожными, я имею справедливый повод думать, что под сим предлогом и непозволительное даже злоупотребление вкрасться может³⁰⁸.

В свою очередь сам О.П. Козодавлев 11 апреля 1813 года направил секретную записку императору. Докладывая о выполнении указания главнокомандующего, он в образцово-бюрократическом стиле писал:

...если Министерство полиции желает сим средством знать, какие тайны или о каких предположениях пишут по почте пленные, то оно в расчете своем ошибется, ибо никто без сомнения ничего тайного не напишет, зная, что письма отбирает губернское начальство. Прежде сего письма от пленных были в почтовых местах принимаемы и отсылаемы секретно в те места, где установлена перлюстрация; турецкие же письма отсылались от министра внутренних дел к Государственному канцлеру и по переводу были представляемы Вашему Величеству; а когда содержание их оказывалось несомнительным, тогда отсылались для доставления по адресу. Все сие оставалось в совершенном секрете, и пленные и подозрительные люди писали свободно, думая, что их письма не вскрываются.

Напротив же, по нынешнему положению сделалось самое секретнейшее дело перлюстрации публичным, и потому теперь и ожидать нельзя, чтобы кто-либо стал писать по почте какие тайны: чрез почту не можно уже будет открыть ничего тайного. Сверх того люди недовольные губернским начальством, как пленные, так и другие, по почте не осмелятся

---

³⁰⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН [далее – СПб. филиал Архива РАН]. Ф. 100. Оп. 1. Д. 126. Л. 1. Самого документа мне, к сожалению, разыскать пока не удалось.

³⁰⁸ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Воениздат, 1992. С. 202.

уже писать жалоб или неудовольствия своего на тех, у коих, как кажется, все во власти находится. Наверное полагать можно, что... и обмана известного Соковнина [Р.М. Медокса] не случилось бы, ежели бы чуждое почте начальство не имело права требовать себе с почты пакетов. Дерзкий преступник Соковнин без сомнения ведал, что адъютант министра полиции, яко преважная в губернии особа, может, а особенно с помощью коменданта или губернского начальства, брать с почты пакеты, и потому сие исполнил, а простяк [так в тексте] Кавказский почтмейстер, основываясь на введенном ныне постановлении, вдался в обман³⁰⁹.

Я бы думал, что ежели Министерство полиции желает знать вообще, что пишут пленные и люди находящиеся под надзором, то всего приличнее и удобнее было бы постановить, чтобы таковые люди отдавали письма свои не на почту, а тем начальникам, кои имеют над ними надзор, и в таком случае почтовым местам можно запретить принимать от них письма. Тогда пленные и находящиеся под надзором лица без сомнения не могут иметь какой#нибудь вредной, или подозрительной корреспонденции, ибо она будет открытая, на что Правительство имеет право, яко над людьми, лишенными свободы, подозрительными и состоящими под надзором полиции.

По такому рассмотрению почтовая тайна осталась бы неприкосновенною. Перлюстрированные письма в копиях или смотря по обстоятельствам и подлинные отсылались бы по#прежнему к министру Внутренних Дел, который бы представлял оные Вашему Величеству или же сообщил бы Министру Полиции, сказав сему последнему токмо, что до него дошло сведение и прочее. Ежели бы Министру Полиции нужно было непременно узнать что#либо через почту, то и тогда он может отнестись к Министру Внутренних Дел и дело будет и лучше и вернее исполнено и останется в порядке и в тайне. Даже Петербургский почт-директор, как я стороною слышал, отписывает ныне перлюстрированные письма прямо, куда ему приказано, не чрез меня и, не давая мне об оном знать; однако ж зная его, я уверен, что он присылает или письма совсем не важные, или очень мало. Ежели он ведет перлюстрацию по личным видам и уважениям, то ему таковое отступление от порядка очень выгодно и приятно, ибо изгибов сердец почтовых чиновников никто, кроме начальствующего над ними Министра Внутренних Дел, открыть и обратить их на истинный путь не может. Неоднократно я уже представлял Вашему Величеству на сие доказательства. [Каков министр! Каков намек на угрозу утратить контроль над перлюстрацией! – В.И.]

По усердию моему к службе Вашего Величества и не имея никаких других видов кроме пользы Вашей, довожу я все без разбору до Вашего сведения, а потому долгом поставил и сию бумагу представить Высочайшего Вашего Величества воззрению³¹⁰.

³⁰⁹ Министр имеет здесь в виду авантюриста Романа Медокса, приехавшего на Кавказ в 1812 году под видом адъютанта министра полиции якобы с целью набора ополчения для войны с Наполеоном. Пользуясь доверием командующего на Кавказской линии генерал-майора С.А. Портнягина, Медокс потребовал от почтмейстера города Георгиевска (тогдашнего административного центра Северного Кавказа) выдавать ему для просмотра всю официальную корреспонденцию. Был арестован 6 февраля 1813 года. См.: *Штрайх С.Я.* Роман Медокс: Похождения русского авантюриста XIX века. М.: Федерация, 1929 [есть ряд переизданий].

³¹⁰ СПб. филиал Архива РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–2.

Через два дня, 13 апреля, министр представил Александру I доказательства того, что губернаторы осматривают не только подозрительные письма, но также «сей участи подвергается» и масса частной корреспонденции. В заключение Козодавлев замечал: «Не смею судить, какие следствия от сего произойти могут, но опасуюсь токмо, чтоб частные люди в России по старине не стали [бы] посылать писем своих с ходоками»³¹¹.

Судя по дальнейшим действиям высшей власти, сражение за контроль над перлюстрацией министр внутренних дел выиграл.

28 декабря 1813 года он пишет тому же Д.П. Руничу (уже управляющему Московским почтамтом), сочтя необходимым преподать ему «некоторые правила к наблюдению относительно перлюстрации, кои частью по всеподданнейшему докладу <...> удостоены были Высочайшего утверждения, частью же при предместниках моих с Высочайшей воли последовали». Иными словами, в этом послании представлены инструкции, сложившиеся за ряд десятилетий. Главное требование – перлюстрацию «производить самым секретным образом, не подавая даже вида, чтобы она существовала». Это необходимо, «чтоб никто не боялся сообщать чрез почту мысли свои откровенным образом, дабы в противном случае почта не лишилась доверия, а правительство сего верного средства к узнанию тайны». Поэтому предлагается:

... все удерживаемые письма, кои отдавать по адресу будет запрещено, также снимаемые с писем копии или делаемые из них выписки, ордера и рапорты по оным, по окончании надобного им употребления, должны быть истребляемы, так чтобы и следов сих дел не оставалось. Оныя письма и выписки действительно и не нужны более ни на что впоследствии; но напротив могут быть разглашаемы, или, по крайней мере, приходиться в известность излишнему числу людей. Оставляя для хранения следует те только копии, выписки и бумаги, кои принадлежат к производству какого#либо дела, составляют необходимую в оном связь, и нужны потому для справок³¹².

Здесь же напоминается о необходимости соблюдать предписание бывшего главного директора почт Д.П. Трощинского от 12 апреля 1801 года и не забывать, что «из внутренней переписки... подлежат перлюстрации письма только тех лиц, о коих до сего были особые предписания от предместников моих и от меня, или впредь будут». Но далее министр лукаво пишет:

Посему доставляться мне должны выписки из таких писем, коих содержание относится наиболее до какого#либо суждения и слухов о правительстве и лицах в оном находящихся, до вреда и пользы Г о с у д а р с т в е н н о й [разрезано в документе], до притеснения кому#либо из частных лиц, до открытия злоупотреблений и тому подобного. Впрочем, представляю собственному вашему благоразумию и усердию к службе, делать пристойные замечания о проходящей чрез ваши руки корреспонденции, и буде что найдете вновь достойное внимания, то мне о том доносить, и испрашивать приказаний моих на произведение перлюстрации³¹³.

Вместе с тем естественно, что летом 1812 года в ходе наступления наполеоновской армии перлюстрация была прекращена в почтовых конторах на западной границе: в Бело-

---

³¹¹ Там же. Л. 3.

³¹² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 110–110 об.

³¹³ Там же. Л. 110 об. – 111.

стоке, Бресте, Вильно, Гродно, Минске, Радзивилове. После изгнания Наполеона встал вопрос о ее восстановлении в этих городах. Этому мешал недостаток «в способных к тому и благонадежных людях». В Белостоке новому почтмейстеру Пигу не решились доверить секретные операции «по неизвестности о способностях его к сему делу». В Минской конторе «особый чиновник» «по слабости здоровья испросил увольнение от службы», а заменить его оказалось некем³¹⁴. Поэтому в некоторых случаях допускалось отступление от общих правил. «По уважению благонадежности <...> и верности к службе» Козодавлев доверил проводить перлюстрацию подольскому губернскому почтмейстеру, почтмейстерам в Гродно, Брест-Литовске, Радзивилове. В последнем из этих городов, «по обширности иностранной корреспонденции», к секретным делам пришлось допустить и помощника почтмейстера³¹⁵.

После окончания войны с Наполеоном и передела границ к традиционным объектам политического наблюдения добавились новые российские подданные, к которым власть не питала доверия. Это, конечно, прежде всего относилось к уроженцам польских и литовских губерний. По высочайшему повелению опытные перлюстраторы были направлены в распоряжение В.С. Ланского, назначенного в 1813 году генерал-губернатором и президентом Верховного временного совета по управлению бывшим Великим герцогством Варшавским³¹⁶. Не довольствуясь этим, главнокомандующий русской армией М.Б. Барклай#де-Толли 22 марта 1815 года направил «отношение» литовскому и белорусскому военным губернаторам. В нем говорилось: «Как Польских войск офицеры и нижние чины <...> весьма в значительном количестве уволены от службы и отправлены в дома свои, состоящие не только в Герцогстве Варшавском, но и в других российских присоединенных губерниях от Польши, то по уважению настоящих обстоятельств нахожу я нужным иметь за поведением их бдительный секретный надзор». Вслед за этим белорусским военным губернатором принцем А. – Ф.#К. Вюртембергским или его подчиненными было проявлено чиновничье усердие, не знающее пределов и не считающееся со здравым смыслом.

За подписью принца 13 апреля 1815 года было предписано витебскому гражданскому губернатору: «Также не излишним считаю, дабы Ваше Превосходительство известили по секрету почтовые конторы и экспедиции о сих людях [бывших военнослужащих польских частей наполеоновской армии], дабы письма их прежде отправления вскрываемы были, и если бы открылось в них какое сомнение... брать под арест тех, кои оказались подозрительными». Указание это далее было спущено с нарастающим идиотизмом губернскому почтмейстеру: «Чтобы прежде отправления писем от кого бы то ни было польской нации в заграничные места или в присоединенные от Польши губернии или же в Курляндию вскрывали на оных печати».

Растерянный витебский почтмейстер Л.С. Бордаков 18 апреля 1815 года обратился к своему прямому начальнику, литовскому почт-директору А.И. Бухарскому, за разъяснениями «о новом обращении с корреспонденциею; ибо когда подача простой корреспонденции бывает, нельзя тот час всякого подавателя узнать, какой он нации, и от себя или кого другого подает письмо, а также и означенных офицеров корреспонденции заметить, когда они через кого стороннего будут подавать, да и их самих каким образом узнавать, кто из них где служил, не имевши к тому случаев особых». В данном случае здравый смысл рассуждений почтмейстера был воспринят начальством. В результате переписки между министром внутренних дел О.П. Козодавлевым и управляющим Министерством полиции С.К. Вязми-

³¹⁴ Там же. Л. 113.

³¹⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 113 об.

³¹⁶ Там же. Л. 113.

тиновым из столицы последовало указание белорусскому военному губернатору, в котором отмечалась невыполнимость его требований³¹⁷.

Подобным же образом, когда находившийся в Бухаресте российский генеральный консул Л.Г. Кирико по предписанию российского посла в Константинополе потребовал от тамошнего почт-экспедитора Российской почтовой конторы проводить перлюстрацию «некоторых лиц», О.П. Козодавлев 28 мая 1815 года доложил императору, что экспедитор не мог исполнить такого требования по ряду причин: перлюстрация учреждается по особым высочайшим повелениям; Бухарестская почта не имеет перлюстрации, ни знаний о том, как она производится, ни нужных для этого материалов. Поэтому министр предлагал командировать в Бухарест «знающих сие дело и надежных чиновников из Московского почтамта», отпустив необходимую сумму из доходов почтового ведомства. 16 июня это предложение было утверждено Александром I³¹⁸.

Обстановку перлюстрации этих лет прекрасно характеризует уже упоминавшаяся переписка министра внутренних дел О.П. Козодавлева с управляющим Московским почтамтом Д.П. Руничем³¹⁹. Особенно прелестна здесь некая патриархальность поведения двух высоких чиновников. Министр не то чтобы требует от подчиненного ему чиновника большего объема сведений, а апеллирует к его опыту, дружеским чувствам и призывает к большей инициативе. В одном из первых посланий, в сентябре 1813 года, Осип Петрович мягко напоминал, что «выписки, доставляемые вами ко мне всякую почту, без сомнения интересны, <...> но их переписка перлюстрируется по моему предписанию и открыта при вашем предшественнике». Далее он восклицал: «Неужели и любезный мой Дмитрий Павлович не может по соображениям своим обратить внимание на чью#нибудь переписку? <...> Что до политических рассуждений касается, то полезно ведать, как об них у нас, а не в чужих краях рассуждают. Я бы желал, чтобы вы обще с г [осподино] – м Рушковским³²⁰ обратили на сие самое строжайшее и деятельнейшее внимание». Одновременно министр успокаивал своего подчиненного в отношении сохранения тайны: «Тайна, и самая непроницаемая тайна, долженствует быть наблюдаема; все таковые выписки у государя предаются огню, а также и у меня, а потому и следов никаких не остается. Разве бы случилось, что нужно такую выписку оставить для справок, что однако ж весьма и весьма случается редко, то таковая огню не предается; отпусков никаких не оставляется. Все сие для соблюдения верной тайны и вам делать надлежит». В заключение он предлагал, чтобы «по первому зимнему пути» И.А. Рушковский приехал в столицу и лично обговорил с ним все необходимые вопросы³²¹.

В свою очередь Рунич жаловался начальству на трудности выполнения «деликатной работы». Тут и осторожность многих москвичей, не доверяющих почте, и пересылка в огромном пакете на имя кого#либо из чиновников ряда писем разным лицам, и необходи-

³¹⁷ *Севастьянов Ф.Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 259–260.

³¹⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 111.

³¹⁹ **Козодавлев** Осип Петрович (29 марта 1754#го – 24 июля 1819 года). Действительный тайный советник, член Государственного совета (1810), член Российской академии наук (1783). С 1769 года слушал лекции на философском и юридическом факультетах Лейпцигского университета. В службе находился с 1774 года. Автор проекта учреждения в России университетов (1787). Управляющий Министерством внутренних дел, министр (31 марта 1810#го – 24 июля 1819 года), одновременно министр юстиции (в 1816 году), министр народного просвещения (в 1818 году). Автор комедий, переводчик Гете. **Рунич** Дмитрий Павлович (1779–1860). Сын сенатора П.С. Рунича. С 1797 года служил в Коллегии иностранных дел. Помощник московского почт-директора с 1805 года, московский почт-директор с 10 августа 1812#го. В 1816 году был причислен к Почтовому департаменту. С июня 1821 года стал попечителем Петербургского учебного округа. Был уволен в отставку 25 июня 1826 года и находился под следствием за «беспорядочное расходование казенных сумм». Князь П.А. Вяземский писал о нем: «Человек с ограниченным умом, с большой долей нахальства, с весьма шаткими понятиями о нравственности и без всякого понятия о гражданской чести» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819 / Под ред. и с прим. В.И. Саитова. СПб., 1899. С. 579).

³²⁰ Рушковский И.А. – помощник Д.П. Рунича по Московскому почтамту.

³²¹ *Предтеченский А.В.* О перлюстрации писем в начале XIX в. С. 26–27.

мость «снимать несколько оберток и делать слепки со многих печатей» при невозможности долго задерживать корреспонденцию на почте, а в результате «самомалейшее остается на перлюстрацию время». Тем не менее он заверял своего покровителя, что не оставит «всех усилий» своих, чтобы «соответствовать... желаниям вашего превосходительства». В последующем письме он предлагал министру для удобства проведения перлюстрации издать распоряжение по Петербургскому и Московскому почтамтам о запрещении почтовым чиновникам пересылать в своих пакетах «многие десятки писем», и тогда «никакое уже письмо не укроется от надлежащего наблюдения»³²².

Через пару лет министр опять просил «любезного Дмитрия Павловича» «обратить самое живейшее внимание» на перлюстрацию. Министра особенно интересовало в тот момент, что и как говорят в Москве об иезуитах (за три недели до этого был издан указ Александра I о высылке иезуитов из обеих столиц), а также «и о других разглагольствованьях»³²³.

Тут же почтмейстеру протягивался «пряник» в виде обещания показать его письмо вместе с перлюстрацией государю, ибо, подчеркивал министр, «мое правило есть все подобное доводить» до его сведения. А далее Осип Петрович «отворял» подчиненному свое сердце, преисполненное любви к императору: «Сверх того, что я ему предан и люблю его от всего сердца, почитаю я для него нужным все знать, что говорят и как рассуждают»³²⁴. Как тут не вспомнить, что О.П. Козодавлев был не только важным чиновником, но и довольно известным литератором. Замечу также, что наряду с перлюстрацией министр просил Д.П. Рунича сообщать ему для государя, о чем в Москве «говорят и как рассуждают». Московский почт-директор, как видно из переписки, охотно выполнял и это пожелание³²⁵.

Власть теперь интересовали главным образом суждения и слухи «о правительстве и лицах в оном находящихся», а также факты злоупотреблений и притеснения частных лиц. Так перлюстрация приобретала некий благородный оттенок. В обстановке, когда воровство чиновников было обыденным делом, когда в салонах цитировали лаконичное описание Н.М. Карамзиным положения в стране – «Воруют#c!», люди, вскрывающие чужие письма, могли успокаивать свою совесть сознанием важности и нужности этого занятия.

Министр вновь напоминал о сугубой секретности перлюстрации. «Надобно, – писал он, – чтоб никто не боялся сообщать через почту мысли свои откровенным образом, дабы в противном случае почта не лишилась доверия, а правительство сего верного средства к узнанию тайны». Для этого предлагалось все задержанные письма, копии и выписки, а также «рапорты по оным», когда надобность в них исчезнет, уничтожать, «так чтобы и следов сих дел не оставалось»³²⁶. Впоследствии, 31 января 1827 года, главноначальствующий над Почтовым департаментом князь А.Н. Голицын вновь просмотрел все секретные бумаги, касающиеся перлюстрации, сохранив только те из них, «кои признаны были еще нужными для справок, руководства и исполнения», остальные же были «преданы огню»³²⁷.

Таким образом, перлюстрация все больше становилась инструментом политического розыска и политического контроля. Правительство по мере формирования общества, отделяющего себя от государства, все более желало знать, о чем действительно думают его подданные. Поэтому первой заботой было сохранение строжайшей тайны секретного учреждения. Даже высокие сановники, получив в свое подчинение дело перлюстрации, были вынуждены выяснять у своих подчиненных правовые основы этого занятия. Например, личный друг

³²² Там же. С. 28–29, 31–32.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же. С. 35–36.

³²⁵ Там же. С. 32–35, 36–38.

³²⁶ *Предтеченский А.В.* О перлюстрации писем в начале XIX в. С. 32–35, 36–38.

³²⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 114.

Александра I князь А.Н. Голицын, добавив в 1819 году к своим многочисленным постам должность главноуправляющего Почтовым департаментом, просил литовского почт-директора А.И. Бухарского сообщить ему, «с которого времени, по каким предписаниям и на каком основании и правилах» перлюстрация производится в подведомственных тому учреждениях. Подобное же донесение составил для князя петербургский почт-директор К.Я. Булгаков³²⁸.

Из записки Булгакова от 12 февраля 1820 года князю Голицыну известно, что к этому времени секретная экспедиция перлюстрировала присылаемые от министра иностранных дел К.В. Нессельроде «все письма без изъятия», «иностранные письма до востребования к приезжим из#за границы и к людям, коих имена первый раз встречаются», вскрывала большие пакеты, «в которых заключаться могут книги», просматривала пакеты с газетами и «вложениями других писем, из коих могут быть и к иностранным министрам», вела наблюдение «за перепискою иностранных министров и агентов здесь пребывающих, исключая шведского посланника». Чтение писем всех иностранных купцов, предусмотренное еще распоряжением графа Ф.В. Ростопчина, не осуществлялось³²⁹. К этому времени количество секретных экспедиций сократилось. Они были закрыты в Гродно, Минске, Белостоке, Изяславле и продолжали свою деятельность в обеих столицах, в Вильно, Бресте и Радзивилове.

Именно К.Я. Булгаков, ставший почт-директором Санкт-Петербургского почтамта в конце 1819 года, придал новый энергичный импульс делу перлюстрации. Человек по натуре своей весьма деятельный, не довольствовавшийся привычным ходом дел, он писал брату Александру 9 января 1820 года: «Между нами сказать, много мне здесь будет работы; многое надобно переменить...; все идет тихо, слабо, а это мне очень не по нутру»³³⁰. 21 октября 1821 года Константин Яковлевич подал большую записку А.Н. Голицыну о состоянии дел с почтовой цензурой иностранных изданий и в секретной экспедиции, где проводилась перлюстрация. Здесь, в частности, указывалось, что в прошлом в секретной экспедиции «все корреспонденции иностранных миссий, на каком бы языке они ни писались, переводились <...> и представлялись на французском языке», но это постепенно «отменилось по недостатку в чиновниках». К тому же объем работ по перлюстрации должен был неизбежно увеличиться после заключения с Пруссией нового почтового соглашения, по которому иностранная почта должна была ходить не два, а три раза в неделю. Чтобы секретная экспедиция имела возможность выполнять «с совершенным успехом все лежащие на ней обязанности», отмечал почт-директор, «нужно бы дать новое ей образование, прибавить несколько чиновников и определить им оклады, более сообразные их занятиям». Для «скорейшего производства дела» предлагалось вместо двух иметь трех перлюстраторов, чтобы в случае болезни, «коим, по занятиям своим, сии чиновники подвержены бывают, не могло воспоследовать остановки». Конкретно штат секретной экспедиции намечался состоящим из экспедитора, занимающегося отбором корреспонденции, а также переводчиков «с немецкого, английского, гишпанского, португальского и итальянского языков на французский... и с немецкого, грузинского и греческого на российский язык», трех перлюстраторов, чиновников для переписки бумаг и двух сторожей.

Поэтому, подчеркивал Булгаков, отпускаемая для секретной экспедиции сумма в 10 тыс. руб. «недостаточна <...> даже в настоящем ее положении, в коем, по мнению моему, оставаться ей невозможно» из#за той поспешности, «с каковою дела в оной производятся должны, дабы не задерживать раздачи и отправления писем». Необходимую для секретной экспедиции сумму петербургский почт-директор определял в 22 тыс. руб. Записка была

³²⁸ Там же. Л. 111 об. – 113 об., 114–115 об.

³²⁹ Там же. Л. 114–114 об.

³³⁰ Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру // Русское обозрение. 1902. Кн. 3. С. 344.

включена во всеподданнейший доклад, состоявшийся 26 ноября 1821 года и утвержденный «во всех отношениях»³³¹.

Кроме постоянной перлюстрации в нескольких почтовых конторах, производилось вскрытие писем по высочайшему разрешению и в случае необходимости по конкретным поводам. Так, в конце 1821 года новороссийский губернатор и градоначальник Одессы граф А.Ф. Ланжерон потребовал от одесского почтмейстера доставлять ему письма людей, подозревавшихся в соучастии в деле фальшивомонетчиков. С помощью этих писем граф надеялся обнаружить место пребывания главаря шайки. Почтмейстер отказал и доложил малороссийскому почт-директору, а тот – князю А.Н. Голицыну. В результате во время всеподданнейшего доклада 8 января 1822 года последовало повеление «требуемые письма отсылать графу Ланжерону»³³².

Еще одной проблемой стала пересылка в почтовых пакетах иностранных газет. В марте 1823 года радзивилловский почтмейстер доложил о получении пакетов, адресованных шведскому консулу в Одессу и графу А.С. Потоцкому в Умань и содержавших, как обнаружилось, иностранные газеты. По этому случаю Александр I повелел 21 марта петербургскому, московскому и литовскому почт-директорам, «удостоверяясь чрез перлюстрацию тех пакетов, которые содержат газеты заграничные, потом заделать оные, призвать получателя, объявить, что... по подозрению... в сем пакете... находятся недозволенные газеты» и что пакет нужно вскрыть при экспедиторе или почтмейстере. Если получатель откажется от вскрытия, то пакет отправить обратно. Если согласится, тогда взыскать деньги за пересылку, выдав ему газеты³³³.

В начале 1825 года Александр I отдал распоряжение, чтобы чиновники «черных кабинетов» каждый раз после просмотра почты отправляли А.Н. Голицыну «реестр [список] всех писем ими перлюстрированных». Целью этого, видимо, было установить реальную нагрузку перлюстраторов. Эксперимент был прекращен 15 января 1827 года, когда Николай I согласился с доводом Голицына, что это требование «отнимает чрезвычайно много времени у чиновников Секретной экспедиции»³³⁴.

4. Николай I и служба перлюстрации

14 ноября 1825 года в Таганроге умер Александр I. Согласно закону о престолонаследии, императором 27 ноября был провозглашен цесаревич Константин Павлович. Здесь впервые мы имеем документ, официально раскрывавший новому государю тайну перлюстрации. 29 ноября главноначальствующий над Почтовым департаментом князь А.Н. Голицын направил ему в Варшаву донесение:

В некоторых почтамтах и пограничных почтовых конторах производится перлюстрация. Копии или выписки с писем всех лиц, дипломатический корпус составляющих и иностранных консулов, равно и переводы, если оные случаются, с писем грузинских царевичей и находящегося в Калуге султана Арунгазы, доставляются к управляющему Министерством иностранных дел; с прочих же писем, как заграничных, так и внутренних, вскрываемых по особым повелениям, подносятся мною копии и переводы блаженной памяти государю императору. О находящихся ныне у меня таковых бумагах приемлю смелость

³³¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 7–9 об.

³³² Там же. Л. 11–11 об.

³³³ Там же. Л. 23–23 об.

³³⁴ Там же. Л. 68.

испрашивать высокомонаршего разрешения Вашего Императорского Величества, благоугодно ли будет указать мне, хранить их у себя до прибытия Вашего, всемилостивейший государь, в столицу или отправить к Вашему Императорскому Величеству³³⁵.

После двух недель междуцарствия 14 декабря на престол взошел Николай I. При новом императоре внимание к перлюстрации не только сохранилось, но и значительно усилилось. Этому, конечно, способствовало восстание декабристов 14 декабря 1825 года и осознание властью необходимости реорганизации всей системы политического розыска. По сути, речь шла о переходе от политического сыска к политическому контролю. Весной 1826 года граф А.Х. Бенкендорф, будущий начальник III Отделения и шеф Корпуса жандармов, представил Николаю I проект «Об устройстве высшей полиции». Здесь был и абзац, посвященный перлюстрации: «Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при том самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно иметь лишь в некоторых городах почтмейстеров, известных своею честностью и усердием. Такими пунктами являются Петербург, Москва, Киев, Вильна, Рига, Харьков, Одесса, Казань, Тобольск»³³⁶. При этом, как представляется, Бенкендорф видел задачу перлюстрации не только в прямом выявлении злоумышленников и нарушителей законности, но и в определении градуса общественных настроений. Он писал: «Общественное мнение для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией»³³⁷. Это, кстати, совпадало и с мыслями ряда общественных деятелей. Известный поэт, друг А.С. Пушкина П.А. Вяземский по этому поводу отмечал, что всегда писал откровенно «в надежде, что правительство наше, лишенное независимых органов общественного мнения, узнает через перехваченные письма, что есть, однако же, мнение в России, что посреди глубокого молчания господствующего на равнине нашего общежития есть голос бескорыстный, укорительный, представитель мнения общего»³³⁸.

Уже 26 декабря 1825 года Николай I обсудил с А.Н. Голицыным запрос радзивиловского почтмейстера К.К. Гирса: надо ли ему перлюстрировать почту, идущую за рубеж из Петербурга, Москвы и Вильно. Было принято во внимание мнение литовского почт-директора А.И. Бухарского, что в Радзивилов письма из обеих столиц доставляются экстрапочтой и немедленно отправляются за границу. Поэтому почтмейстеру и его помощнику «в почтовые дни весьма мало остается времени для перлюстрирования писем». Чтобы не вызвать подозрений у публики, приходится проводить просмотр писем «ночью по большей части». Иностранная же корреспонденция, приходящая в Радзивилов, перлюстрируется в Вильно³³⁹.

31 августа 1826 года особый комитет при правительстве разработал специальные правила по осуществлению перлюстрации. Определяющим было подтверждение двух традиционных условий: сохранение перлюстрации в величайшей тайне и то, что она должна быть сосредоточена в одном управлении, т. е. в почтовом ведомстве³⁴⁰. Напомню: на всем протяжении XIX века перлюстрация в официальных документах именовалась «непроницаемой тайной». В июне 1917 года старший цензор М.Г. Мардарьев показал на допросе, что

³³⁵ Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). М., 2006. С. 454–455. Арунгазы Абдулгазиев (1786? – 1833, Калуга) – один из султанов казахского Младшего жуза с 1815 года. В связи с враждебными отношениями с хивинским ханом был вызван в 1821 году в Петербург под предлогом утверждения его ханом и там задержан. Затем был поселен в Калуге, где и умер. См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Алма-Ата, 1949. С. 237–240.

³³⁶ Русская старина. 1900. Т. 104. № 12. С. 615.

³³⁷ Андреева Т.В. Русское общество и 14 декабря 1825 года // Отечественная история. 1993. № 2. С. 154.

³³⁸ Там же.

³³⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 43–43 об.

³⁴⁰ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 282.

издавна существовало распоряжение «уничтожить все документы, касающиеся перлюстрации, в случае народных волнений и беспорядков»³⁴¹. То же относилось и к монополии почтового ведомства на проведение перлюстрации. Показательный в этом плане случай произошел еще в 1758 году. 15 января 1758 года наварский почтмейстер Шмит подал рапорт, что генерал-аудитор-лейтенант Исаков (помощник руководителя главы армейской судебной системы) потребовал задерживать отходящую почту, «пока он письма просмотрит». На другой день Исаков был срочно привезен в Петербург и допрошен. Он все отрицал. Тогда императрица велела канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину (накануне его опалы) срочно затребовать обстоятельные показания почтмейстера³⁴².

Однако теперь если сохранение тайны перлюстрации неуклонно соблюдалось, то со вторым принципиальным условием ее осуществления происходили на практике значительные изменения. В эту тайную сферу охотно вмешивалось военное начальство, как в столице, так и на местах. Копии писем и выписки из них в Петербурге шли прямо на стол начальнику Главного штаба И.И. Дибичу или дежурному генералу, которые уже в свою очередь докладывали о них императору или сами определяли дальнейшего адресата. Характерно письмо главнокомандующего 1#й армией Ф.В. Остен-Сакена от 9 января 1826 года Дибичу:

Для преследования при теперешних обстоятельствах злонамеренных людей и благовременного открытия их замыслов, я почел необходимым поверять партикулярные письма чрез почту пересылаемые. Посему я требовал от некоторых почтмейстеров, чтобы они допустили доверенных от меня чиновников к раскрытию и чтению писем, но они отзываются, что имеют повеление от своего начальства, по коему требования моего выполнить не могут. Хотя мера сия может показаться строгою, но при настоящих обстоятельствах она необходима, ибо много способствует наблюдению за действием злонамеренных. А потому я покорнейше прошу Ваше Превосходительство испросить Высочайшее соизволение, дабы Почтмейстеры поставлены были в обязанность выполнять требования мои по сему предмету³⁴³.

В результате 28 января Дибич отвечал Остен-Сакену, что по высочайшему повелению предложено «отправить в Могилев чиновника, знающего сие дело... чтоб сие рассматривание производилось в одном Могилеве на Днепре». Через три дня, 31 января, Дибич сообщил А.Н. Голицыну, что император разрешил «допустить в Белорусском Могилеве секретное рассматривание подозрительных партикулярных писем» и предлагал отправить туда «известного Вам чиновника, знающего сие дело». На документе имеется сбоку приписка, что «Нач. [альник] штаба лично объяснился по сему предмету с князем Голицыным. 5 февраля»³⁴⁴. Таким образом, вопрос о новом перлюстрационном пункте был решен без непосредственного участия главноуправляющего Почтовым департаментом.

Одновременно 7 января по распоряжению Николая I для производства перлюстрации в Киев был направлен опытный чиновник В.К. Поль, находившийся там до мая. Но отобранные письма и выписки он передавал теперь старшему адъютанту штаба 1#й армии гвардейскому капитану В.С. Сотникову и готов был оказать ему профессиональную помощь. Дело в том, что Сотников был прислан в Киев в декабре 1825 года для наблюдения за командиром 4#го пехотного корпуса А.Г. Щербатовым, его штабом и настроениями в городе. В

³⁴¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 48 об.

³⁴² Архив князя Воронцова. Кн. 4. М., 1872. С. 100–103.

³⁴³ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 74. Л. 1.

³⁴⁴ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 74. Л. 4, 5.

апреле 1826 года Сотников решил задержать письмо некой статской советницы Стефани сыну, поручику Густаву Стефани, как содержащее недопустимые слухи. Но пропажа письма могла породить среди обывателей нежелательные подозрения в чтении их корреспонденции. Тогда Поль предложил гвардии капитану следующую комбинацию: для сохранения доверия к почтам он сам пустит в здешней публике слухи – сначала, что сумка с деньгами и простой корреспонденцией, отправленная в Петербург, за Черниговым потеряна, а потом, что та сумка военным начальством отыскана и пропало только несколько писем, но некоторые из писем найдены раскрытыми³⁴⁵.

В ходе доклада А.Н. Голицына 6 февраля 1826 года Николай I распорядился, чтобы финляндский почт-директор Ладо доставлял перлюстрированную корреспонденцию не только в Петербург, но и генерал-губернатору Финляндии А.А. Закревскому³⁴⁶. В октябре того же года И.И. Дибич писал великому князю Константину Павловичу в Варшаву: «Государь император поставил себе правилом сообщать Вашему высочеству все доходящие до Его Величества сведения», относящиеся до Царства Польского³⁴⁷.

После создания в июле 1826 года III Отделения Главный штаб стал препровождать перлюстрированные выписки его начальнику – А.Х. Бенкендорфу³⁴⁸. Только за неделю, с 21 по 29 декабря 1826 года, ему было прислано двадцать выписок, в том числе из письма П. Араповой из Москвы адъютанту самого Бенкендорфа С.Н. Муханову, копии писем одному из братьев графов Вильегорских, секретарю киевского губернатора П.А. Жандру, В.Л. Пушкину в Москву, двух писем издателя журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньина генерал-лейтенанту Д.Д. Шепелеву в Москву, писем бывшего иркутского губернатора Н.И. Трескина, копия письма адъютанту новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова князю В.М. Шаховскому в Москву³⁴⁹. Затем уже копии перлюстрированных писем стали поступать в III Отделение прямо из секретной экспедиции почтового ведомства. По усмотрению руководства III Отделения по этим выпискам делались соответствующие распоряжения. Таким образом, при Николае I, в отличие от его предшественников, произошло определенное разделение ответственности за дело перлюстрации. Всеподданнейшие доклады об организации перлюстрации, создании новых «черных кабинетов» или закрытии некоторых из них, их финансовом обеспечении, наградах чиновникам делал главноуправляющий Почтовым департаментом. Процессом перлюстрации по-прежнему занимались почтовые чиновники, а выписки и копии писем непосредственно докладывались государю начальником III Отделения³⁵⁰.

Один из высших чиновников III Отделения, А.К. Гедерштерн, возражая против возвращения 365 выписок из перлюстрированных писем руководителю Почтового департамента, писал графу А.Ф. Орлову в ноябре 1844 года: «Если почтовое начальство печется о сохранении в тайне переписки, о чем мы разделяем его попечение, то с другой стороны и мы должны содержать в тайне наши по выпискам распоряжения. Наконец почтовое начальство не должно... знать, какое Его Величество даст направление представляемым выпискам из писем»³⁵¹. Но 31 декабря 1844 года по решению императора эти выписки были переданы новому главноуправляющему Почтовым департаментом – В.Ф. Адлербергу. Впоследствии

³⁴⁵ Там же. Л. 6, 12–13 об.; *Киянская О.И.* Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820-х годов. М.: РГГУ, 2005. С. 401.

³⁴⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 49.

³⁴⁷ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 481. Л. 12 об.

³⁴⁸ Там же. Д. 488; Оп. 5. Д. 111 и др.

³⁴⁹ Там же. Оп. 4. Д. 488. Л. 3–39.

³⁵⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237–243.

³⁵¹ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19. Д. 212. Л. 2–2 об.

такие выписки возвращались в почтовое ведомство более или менее регулярно вплоть до марта 1856 года³⁵².

В результате по перлюстрированной переписке, докладывавшейся императору, возникли так называемые меморандумы, т. е. таблицы, имевшие четыре графы: порядковый номер, от кого и кому письмо, содержание письма, что сделано³⁵³.

Особой заботой стал контроль за перепиской декабристов, отправленных на каторгу в Сибирь и сосланных на Кавказ. По соглашению Почтового департамента, III Отделения и министра внутренних дел в 1826 году император повелел, чтобы вся корреспонденция лиц, отправленных в Сибирь и состоявших под гласным надзором полиции, «была выдаваема им и принимаема от них на почту через начальников губерний». Для этого из Министерства внутренних дел в Почтовый департамент присылались списки сосланных «государственных преступников»³⁵⁴. Таким образом, чтение данной корреспонденции не являлось перлюстрацией, а относилось к цензуре. Но одновременно вставали вопросы: как быть с письмами, которые могли быть отправлены через знакомых? как быть с письмами людей, привлеченных по делу 14 декабря, но в отношении которых последовали административные меры – разжалование в рядовые, отправка в действующую армию на Кавказ и т. п.?

Еще до завершения суда над декабристами, в апреле 1826 года, Николай I повелел организовать наблюдение за «перепиской государственных преступников, переведенных в Кавказский корпус и другие места солдатами». А.Х. Бенкендорф 19 апреля сообщил А.Н. Голицыну, что Главный штаб подготовил список подобных лиц, а государь указал «сделать по Почтовому ведомству распоряжение о наблюдении за частною перепиской тех лиц». В случае несогласия с высочайшим повелением единственной возможностью для главноуправляющего Почтовым департаментом представить свои возражения был всеподданнейший доклад. И Голицын 2 мая 1826 года такой возможностью воспользовался.

Он указал, что на тот момент перлюстрация производилась в Петербурге, Москве, Вильно, Брест-Литовске, Гродно, Каменец-Подольске и Радзивилове. Список же лиц, чья переписка должна наблюдаться, включает 178 человек, которые «рассеяны по всему государству». Отсюда встает ряд практических вопросов. Во-первых, должны ли так называемые почтовые места присылать письма этих лиц только в Санкт-Петербург или и в другие пункты, где производится перлюстрация? Во-вторых, наблюдение за перепиской требует просмотра не только писем к этим лицам, но и от них, так как «сие последнее еще важнее». Но в последнем случае «нет возможности узнать, что письмо, подаваемое на почту для отправления, идет от лица, состоящего под таковым надзором», ведь письмо может подать на почту «другой, а если и сам подает, то почтовые чиновники лично знать всякого из них никак не могут». В-третьих, при сообщении имен этих лиц в почтовые места «по пребыванию или жительству их, встретится величайшее затруднение наипаче о состоящих на военной службе» – местонахождение военных указано в полках 1#й, 2#й армий или Отдельного корпуса, но это «может иногда относиться к некоторому пространству, на коем тот полк или команда расположены», а движение полков и воинских команд почтовым местам не известно. Наконец, отставные чиновники, помещики и иные лица могут посылать письма через другие почтовые места или менять место жительства.

Поэтому князь предлагал послать данный список только туда, где проводится перлюстрация, и приказать наблюдать за корреспонденцией, «которая до них [перлюстрационных пунктов] доходить будет». В результате император одобрил его мнение³⁵⁵.

³⁵² ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19. Д. 212. Л. 1–53.

³⁵³ Там же. Л. 8, 15, 20.

³⁵⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 11–11 об.

³⁵⁵ Там же. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 55–57.

Кроме того, московский почт-директор А.Я. Булгаков 16 ноября 1826 года предложил для контроля за перепиской в Сибири учредить перлюстрацию в Тобольске, через который шел основной почтовый тракт. 21 ноября эту мысль одобрил император. В результате на основании обсуждения петербургским и московским почт-директорами было разработано и 16 декабря 1826 года утверждено Николаем I «Положение для учреждения при Сибирском почтамте Секретной экспедиции» «для наблюдения за перепискою сосланных в Сибирь государственных преступников и их жен». Штат секретной экспедиции состоял из четырех человек: старший чиновник, его помощник и два младших исполнителя. Руководителем был назначен «служащий по такой же экспедиции в Москве титулярный советник [А.И.] Бан». Остальных предлагалось подобрать в Сибирском почтамте с условием, что Бан их обучит. Булгаков подготовил для Бана особое наставление³⁵⁶. Сравнивая данные «Адрес-календарей» 1826 и 1828 годов, выскажу осторожное предположение, что помощниками Бана могли стать состоявшие «при разных должностях» Ф.И. Зеленцов, Д.Н. Капустин, Н.Я. Каргопольцев. Кстати, А.И. Бан к 1828 году из титулярного советника (девятый класс) стал уже асессором (восьмой класс)³⁵⁷.

Еще два «черных кабинета» в Сибири были созданы повелением императора от 5 июня 1834 года в Тюмени и Иркутске. Дело в том, что в конце 1833 года последовало донесение томского губернского почтмейстера М.М. Геденштрама «об открывшемся покушении поляков произвести бунт под руководством государственного преступника [О.#Ю.В.] Граббе-Горского». Обязанности перлюстраторов были возложены на почтмейстеров. Например, томскому почтмейстеру было дано указание, чтобы «получаемые в Томске и оттуда отправляемые письма, кои заключают в себе зловерные умыслы или вообще такие дела, для отвращения коих необходимо принятие скорейших мер на месте, были доводимы до сведения томского гражданского губернатора». Губернатору Е.П. Ковалевскому последовало наставление, чтобы «ни в каком случае никому объявляемо не было, что таковые сведения получают от Почтового ведомства». В конце 1835 года губернатором назначили генерал-майора Н.А. Шленева, и в ходе всеподданнейшего доклада 26 января 1836 года было дано согласие ввести его в курс секретного дела³⁵⁸.

Новый толчок к расширению службы перлюстрации дали восстание в Польше 1830–1831 годов и положение на Кавказе, который также стал местом ссылки для многих «неблагонадежных». Рост перлюстрации шел по двум направлениям. Во-первых, увеличение объема просматриваемой корреспонденции. Первоначально высочайшим повелением литовскому и московскому почт-директорам было предписано направлять всю корреспонденцию из Царства Польского в Санкт-Петербургский почтамт. Директор почтамта должен был по рассмотрении этих писем в секретной экспедиции представлять главноначальствующему над Почтовым департаментом реестр по нескольким позициям: (1) письма, подлежащие уничтожению, «как содержащие в себе что#либо сомнительное или вредное»; (2) письма по коммерческим делам, с деньгами (их следовало опять запечатать и доставить по адресам). Письма из России в Царство Польское должны были доставляться в один из трех почтамтов: Санкт-Петербург-

³⁵⁶ Там же. Л. 60, 61–62 об.

³⁵⁷ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1828 год. Ч. 2. СПб., 1828. С. 664.

³⁵⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 238. Л. 85–86; Д. 239. Л. 5. О. – Ю.В. Граббе (Грабя) – Горский (1766–1848, Омск) – отставной статский советник, в 1819–1822 годах кавказский вице-губернатор. Случайный участник восстания на Сенатской площади. Арестован в ночь на 15 декабря 1825 года. Находился в Петропавловской крепости, затем в военном госпитале. По высочайшему распоряжению от 5 марта 1827 года был сослан в Березов, в 1831 году переведен в Тобольск, затем находился в городах Тара и Омск. В Таре попал под следствие, которое продолжалось несколько лет, и был оправдан. По мнению историка И.В. Пороха, «известен как обманщик и авантюрист». См.: Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 196–203, 483.

ский, Литовский и Московский. После просмотра письма, не содержавшие «ничего сомнительного», должны были доставляться по назначению.

Затем по соглашению генерал-фельдмаршала И.И. Дибича, возглавившего подавление польского восстания с конца 1830 года, с главноуправляющим Почтовым департаментом А.Н. Голицыным и с высочайшего разрешения литовскому почт-директору А.И. Бухарскому было дано предписание просматривать всю корреспонденцию из Царства Польского. Копии или выписки «из тех писем, кои относятся до связей жителей губерний, состоящих в военном положении, с жителями Царства Польского и заключают сведения о настоящем положении дел в сем Царстве», должны были доставляться графу Дибичу. Главнокомандующий получил право оставлять у себя при желании и оригиналы писем. При учреждении Полевого почтамта все ближайшие почтовые места должны были доставлять туда всю корреспонденцию из Царства Польского и обратно. Десятки копий с писем, в том числе на польском, французском и немецком языках, из Варшавы, в Варшаву и в другие города доставлялись в 1831 году военному министру А.И. Чернышеву³⁵⁹.

При этом служба перлюстрации столкнулась с неожиданным затруднением, о чем Голицын поспешил известить А.Х. Бенкендорфа. 12 декабря 1830 года князь сообщал: «Полученные в здешнем и Московском почтамтах три письма на еврейском языке, будучи по здешним обстоятельствам открыты для просмотра, не могут быть переведены по неимению переводчиков с сего языка». Далее следовала просьба перевести эти письма на русский язык и вернуть их почтовым перлюстраторам. 20 декабря в III Отделение было направлено еще тридцать шесть таких писем. Но тамошние специалисты не торопились с их переводом, что взволновало князя. 4 января 1831 года он писал Александру Христофоровичу:

...долговременное задержание на почте не может долго быть укрываемо, так как многие из... сих писем, по связям дел торговых и других, заставляют получателей здешних непрестанно справляться в Почтамте о получении их; тем более, что иные из них с документами. <...> Сверх того получено вслед за ними... еще гораздо более еврейских писем, кои все удержаны... чтобы по возвращении от Вас прежде посланных, препроводить и сии для перевода. <...> Скорое доставление всех сих писем... необходимо для укрытия по возможности производимого за ними надзора.

Поэтому Голицын просил «для сокращения труда и времени» переводить только те письма, «кои содержат в себе что#либо подозрительное»³⁶⁰. В итоге к началу мая 1831 года было перлюстрировано 210 писем «на еврейском языке» (очевидно, на идише), отправленных из Царства Польского³⁶¹.

В свою очередь временный военный губернатор Подольской и Волынской губерний генерал-лейтенант Я.А. Потемкин потребовал, чтобы корреспонденция из Царства Польского, княжества Познанского и Галиции доставлялась на рассмотрение подольского гражданского губернатора. Но в данном случае Николай I велел эту корреспонденцию доставлять по#прежнему в Санкт-Петербург. А к военному губернатору разрешалось доставлять «письма к людям подозрительным или уже избличенным» с правом их «просто распечатывать»³⁶².

Во-вторых, были созданы новые «черные кабинеты» – в Минске, Киеве и Тифлисе (Тбилиси). Перлюстрация в Минске существовала непродолжительное время во время поль-

³⁵⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 5114. Л. 32–48, 102–157.

³⁶⁰ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1830. Оп. 5. Д. 403. Л. 1, 10, 18–18 об.

³⁶¹ Там же. Л. 1–83. Подсчет мой.

³⁶² РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 242. Л. 7 об. – 10.

ского восстания³⁶³. Вопрос о необходимости расширения перлюстрации поставил в письме к А.Х. Бенкендорфу от 25 марта 1831 года новый подольский и волынский генерал-губернатор В.В. Левашов. Он указывал на замечаемое «волнение умов здешних жителей» и что главнейшее средство «узнавать все их между собою сношения» есть «перлюстрация писем». Поэтому он просил высочайшего повеления главноуправляющему Почтовым департаментом командировать «опытного и сведущего по сей части чиновника для перлюстрации приходящей в здешнюю [Киевскую] губернскую почтовую контору корреспонденции». Также Левашов просил, чтобы этот чиновник действовал при нем, иначе, указывал он, «не могу ручаться и о успехе его занятий». После этого началась ведомственная переписка между Бенкендорфом и А.Н. Голицыным. Главноуправляющий Почтовым департаментом без особого энтузиазма отнесся к предложению Левашова, явно расценивая его как попытку ограничить полномочия своего ведомства. В письме главе III Отделения князь сообщал, что «за корреспонденцией в присоединенных к России губерниях со стороны Почтового ведомства имеется уже надлежащий надзор, и все заслуживающее внимания сообщается гг. военным губернаторам». Поэтому он не видел «особенной надобности распространять сию меру далее на переписку всех вообще жителей». К тому же «сия часть поручается весьма малому числу почтовых чиновников, дабы сколько возможно сохранять производство оной в совершенной тайне», и если другие военные губернаторы также пожелают иметь такого чиновника, то это будет невозможно³⁶⁴. Все#таки в Киев в 1831 году в связи с опасениями за положение в западных губерниях был направлен для ведения перлюстрации опытный чиновник из Вильно. При этом он был подчинен командующему 1#й армией графу Ф.В. Остен-Сакену. Последнему было дано право решать все вопросы, связанные с перлюстрированными письмами в Царство Польское и обратно³⁶⁵.

Особое внимание к переписке поляков сохранялось и после подавления восстания. В частности, в ноябре 1832 года наместнику Царства Польского И.Ф. Паскевичу было доложено об отказе ксендза Э. Андрашку принять письмо из Гейдельберга от эмигранта ксендза К. Пулавского. В связи с этим отмечалось, что «письма, получаемые на почте из#за границы, не обращают на себя особенного внимания тех чиновников, кои имеют поручение по сему предмету». Генерал-фельдмаршал приказал передать эту записку генерал-майору графу Ф.К. Нессельроде, начальнику 3#го округа Корпуса жандармов³⁶⁶. 16 мая 1833 года А.Х. Бенкендорф уведомил князя А.Н. Голицына о повелении императора отдать приказ, чтобы во всех почтовых конторах западных губерний письма, приходящие из Франции, где было большое число польских эмигрантов, а также туда направляемые, доставлялись к главноуправляющему Почтовым ведомством. Одновременно встал вопрос о судьбе этих писем. В результате некоторой дискуссии было принято решение после просмотра вручать их адресатам. III Отделение обосновывало данное решение следующим образом: «Через это высшее правительство, не оставаясь в безвестности о таких лицах, к которым эти письма адресованы, имело бы в то же время возможность судить по прикосновенности тех лиц к вредным замыслам, смотря по тому, будут ли означенные письма от них представлены правительству или сокрыты от него»³⁶⁷.

Вопрос о создании «черного кабинета» в Тифлисе возник в 1831 году в связи с проектом наместника Кавказа фельдмаршала И.Ф. Паскевича об образовании секретной военной полиции на Кавказе. Свой проект Паскевич направил Бенкендорфу 23 мая. Николай I,

³⁶³ Там же. Д. 239. Л. 7 об.

³⁶⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 167. Л. 1–4 об.

³⁶⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 238. Л. 87 об.; Д. 242. Л. 8 об. – 9.

³⁶⁶ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 5. Л. 20–22.

³⁶⁷ Чукарев А.Г. Тайная полиция России. С. 290–291.

ознакомившись с предложением, сделал ряд замечаний. К доработке проекта был привлечен А.Н. Голицын. Последний 29 июня заручился согласием императора и сообщил Бенкендорфу свои замечания. Главноуправляющий Почтовым департаментом предлагал перлюстрированную переписку представлять только самому главнокомандующему на Кавказе или исполняющему его обязанности, они же, не открывая источника, будут эти сведения использовать, «как... признают нужным». Саму перлюстрацию Голицын предложил возложить на полевого почт-директора при Отдельном Кавказском корпусе И.Ф. Васильковского, которому «дело сие известно и который снабжен всеми нужными наставлениями и материалами для производства секретного дела». 24 июля 1831 года государь исправил Положение в соответствии с пожеланиями Голицына. В декабре 1837 года Закавказская секретная полиция была преобразована в 6-й округ жандармов, а полевой почт-директор Васильковский еще несколько лет выполнял свои обязанности³⁶⁸.

В ходе всеподданнейшего доклада А.Н. Голицына 2 февраля 1836 года Николай I выразил желание учредить перлюстрацию при почтовой конторе в Одессе, а «если почтмейстер окажется к тому неспособным, то назначить другого». В связи с этим для императора была подготовлена справка, в которой, в частности, отмечалось, что для ведения перлюстрации в Одессе необходимо знание особенно греческого и итальянского языков. Но «чиновников, способных на такое дело и изведенной скромности», почтовое ведомство не имело. К тому же высказывалось опасение, что «появление нескольких новых лиц при Почтовой конторе даст повод к подозрению». Поэтому предлагалось, подобно тому, как это было в Тифлисе и Киеве, командировать одного чиновника из секретной экспедиции Петербургского почтамта в распоряжение новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, «который имеет все способы поручить известным ему людям делать переводы с иностранных языков и копии с писем». Копии с депеш консулов и частных писем, «закрывающих в себе обстоятельства особой важности», должны были доставляться Голицыну для последующей передачи первым вице-канцлеру К.В. Нессельроде, а вторых – государю. Была даже названа кандидатура конкретного чиновника для секретной операции³⁶⁹.

Но уже через месяц ситуация изменилась. 8 марта 1836 года при очередном докладе Голицын объяснил императору, что в петербургской секретной экспедиции свободных чиновников нет, а по обсуждении ситуации с Нессельроде они пришли к мысли об учреждении перлюстрации в Константинополе при Российской почтовой конторе (об этом сюжете я подробно расскажу в следующей главе). Пока же было решено усилить перлюстрацию в Радзивилове, направив туда чиновника со знанием английского и итальянского языков³⁷⁰.

В это же время произошло важное усовершенствование в самом процессе перлюстрации. Одной из наиболее трудоемких и сложных операций было изготовление поддельных печатей, которые следовало ставить на вскрытые почтовые пакеты после просмотра. Я уже говорил, что в XVIII веке этим занимался резчик, использовавший воск, гипс и свинец. Тот же автор – С. Майский (В.И. Кривош) – указывал, что «способ производства поддельных печаток из серебряного порошка с амальгамой» был изобретен около 1880 года. По его мнению, «способ очень прост и скор, и печати получаются резкие, но сами печати непрочны, так как они мягки и от малейшего прикосновения к ним они портятся, а от неосторожности надавливания и совсем разваливаются». Он также считал, что именно этот способ изготовления поддельных печаток практикуется «в Австрии до сих пор [это было написано весной 1918 года] ... обманным образом полученный от прежнего начальника “черного кабинета”

³⁶⁸ ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. 1831. Оп. 6. Д. 395. Л. 1–12, 19–20 об., 75–76.

³⁶⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 238. Л. 87, 88–89.

³⁷⁰ Там же. Л. 95, 103–106.

Карла Карловича Вейсмана, ездившего в Вену [в 1888 году] на свидание с начальником австрийского “черного кабинета” бароном Брауном»³⁷¹.

На деле уже в начале XIX века была создана специальная масса, изготавливавшаяся на Московском почтамте, откуда ее, в частности, доставляли в Петербург. Петербургский почт-директор с 1835 года Ф.И. Прянишников решил, что массу необходимо изготавливать в Петербурге – «как в главном месте перлюстрации». Император разрешил А.Н. Голицыну отправить двух чиновников в Москву «для изучения». Но выяснилось, что возможно «узнать сей секрет в Петербурге» – от действительного статского советника Ф.Я. Вейрауха, сотрудника секретной экспедиции. Федор Яковлевич овладел этим секретом в Риге в начале века, когда был губернским почтмейстером. На предложение открыть секрет своему сыну, чиновнику той же экспедиции, и коллеге П.А. Штеру ветеран, которому шел семьдесят девятый год, «охотно согласился». В результате Прянишников доложил Голицыну в начале 1836 года «об успехах работы, представил и слепки с печатей из массы», сделанной двумя чиновниками под руководством Вейрауха-старшего. К тому же масса оказалась «тоньше и нежнее московской, а сверх того... обходится несравненно дешевле, <...> не дороже 30 руб. фунт», в Москве же фунт массы стоил 75 руб. Об этих успехах Голицын доложил императору 9 февраля 1836 года. Николай I дал соизволение на награждение ветерана. Через три года финляндский почт-директор А.Е. Вульфферт обратился с просьбой разрешить ему использовать у себя данный способ перлюстрации и командировал в Петербург для обмена опытом аборского почт-инспектора подполковника Тамеландера. Государь 5 августа 1839 года дал на это согласие³⁷². В 1838 году состоялся обмен опытом с венским «черным кабинетом». Австрийцам были переданы сведения о составе массы для снятия оттисков с печатей, а русская служба получила подробное описание процесса перлюстрации в Вене³⁷³. Добавлю лишь, что работа с секретным составом была опасна для здоровья, поскольку он содержал ртуть, о чем подробнее будет рассказано в четвертой главе.

К этому времени произошли изменения в официальном статусе сотрудников «черных кабинетов». До 1829 года их должности были скрыты под различными официальными наименованиями. Например, в Санкт-Петербургском почтамте, где в закрытых бумагах упоминалась секретная экспедиция, некоторые ее труженики официально числились «цензорами Государственной коллегии иностранных дел», другие – «чиновниками, находящимися при особых должностях»³⁷⁴. При этом их руководителями считались почт-директора соответствующих почтамтов, а также главноначальствующий над Почтовым департаментом. Директор Почтового департамента официально никакого отношения к этим делам не имел, что создавало немало затруднений при письменных сношениях³⁷⁵. Но 22 апреля 1828 года был принят новый Цензурный устав, согласно которому «Иностранные периодические сочинения всякого содержания, привозимые из#за границы по почте, <...> подлежат рассмотрению Отдельной цензуры, учрежденной при Почтовом ведомстве»³⁷⁶. Одновременно предполагались изменения в управлении почтами, в частности объединение в одном лице должностей директора Почтового департамента и санкт-петербургского почт-директора.

Все это стало основанием для секретного доклада князя А.Н. Голицына летом 1829 года Николаю I «Об устройстве Секретной части». Здесь предлагалось непосредственное руководство перлюстрацией возложить на директора Почтового департамента, а «чиновни-

³⁷¹ Майский С. «Черный кабинет». С. 277.

³⁷² РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 238. Л. 91–92 об.; Д. 239. Л. 86–86 об.

³⁷³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 25.

³⁷⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 28, 31 об. – 32.

³⁷⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 508. Л. 19.

³⁷⁶ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 3. СПб., 1830. № 1979.

ков, по секретной части употребляемых», распределить под другими наименованиями гласных должностей: цензоров, переводчиков или служащих в экспедиции рестовых (отправляемых до востребования) писем. В Петербургском почтамте число цензоров увеличивалось с пяти до восьми, вводилась должность переводчика, а число сотрудников экспедиции рестовых писем возрастало с трех до восьми. В Московском почтамте учреждались должности четырех цензоров, одного переводчика и добавлялись три человека в экспедицию рестовых писем. В Виленской губернской почтовой конторе, создаваемой вместо Литовского почтамта, планировалось иметь трех цензоров и одного переводчика. Их руководителем должен был быть почтмейстер. Сибирский почтамт заменялся Тобольской губернской почтовой конторой, а четырех чиновников, занимавшихся перлюстрацией, намечалось ввести «в штат гласных... чиновников» под «надзором почтмейстера». Одновременно предлагалось «всем чиновникам, употребляемым по секретной части, производить жалованье из положенных по оной сумм, сверх того, какое по гласным своим должностям или местам будут иметь открыто». На все эти предложения последовало высочайшее соизволение, данное «на Елагином острове 11 августа 1829 г.». Таким образом, всего теперь «чиновников, по секретной части употребляемых» насчитывалось тридцать три человека, из них семнадцать – в Санкт-Петербурге³⁷⁷. Кроме того, в Иркутске, Томске и Радзивиловке перлюстрация была поручена почтмейстерам с прикомандированием в помощь к ним опытных чиновников. В Тифлисе перлюстрацией ведал полевой почтмейстер Отдельного Кавказского корпуса И.Ф. Васильковский³⁷⁸.

Поскольку именно почтовой цензуре с этого момента предстояло стать официальным прикрытием «черных кабинетов», то следует хотя бы кратко сказать о ее организации и основных функциях. Почтовая цензура появилась в России в конце XVIII – начале XIX века. Одним из важнейших факторов ее появления был страх перед «заразой» Французской революции. Первоначально предварительный просмотр иностранных газет и журналов осуществляли лично Екатерина II, вице-канцлер и Санкт-Петербургский почт-директор. Незадолго до смерти, 16 сентября 1796 года, Екатерина II издала указ «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец цензуры в городах Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивиловской таможене». Пункт седьмой этого указа предписывал главному директору почт А.А. Безбородко установить надзор за соблюдением правил цензуры относительно «выписываемых чрез почтамты журналов и других периодических сочинений»³⁷⁹. В указе от 22 октября 1796 года «О составлении цензур» главному директору почт напоминалось, чтобы пункт седьмой предыдущего указа был исполнен в точности³⁸⁰. Эта линия была продолжена Павлом I. 11 февраля 1798 года появился указ «Об учреждении цензуры при Радзивиловской таможене» (она открылась 8 февраля 1799 года), а 4 апреля 1799 года был высочайше утвержден доклад Сената о штатах Радзивиловской цензуры. 17 мая 1798 года был подписан указ «О устройении цензуры при всех портах, о не пропуске без позволения оной привозных книг и о наказании за непредставление Цензорам полученных книг или иных периодических сочинений и за пропуск вредных книг». Один из пунктов указа гласил, что относительно почтамтов обеих столиц, как и относительно пограничных почтамтов, даны предписания князю А.А. Безбородко. Правда, во изменение этого указом от 16 апреля 1799 года цензура была учреждена лишь в портах Кронштадта, Ревеля, Выборга, Фридрихсгама (Хамины) и Архангельска. Ввоз книг, газет и других сочинений из#за рубежа в другие порты был запрещен. В тот же день, 16 апреля 1799

³⁷⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 508. Л. 19–21 об.

³⁷⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 238. Л. 87–87 об.

³⁷⁹ ПСЗ. Собр. 1#е. Т. 23. № 17508; Министерство внутренних дел: Исторический очерк (1802–1902). СПб., 1901. С. 117.

³⁸⁰ ПСЗ. Собр. 1#е. Т. 23. № 17523.

года, был утвержден штат Почтового департамента. Для чтения и рассмотрения иностранных газет и других периодических сочинений в Петербургском и Московском почтамтах вводились должности двух цензоров в каждом; в Малороссийском, Литовском, Тамбовском и Казанском почтамтах – по одному³⁸¹. 30 июня 1799 года Санкт-Петербургский гражданский цензор Ф.О. Туманский просил Ф.В. Ростопчина доставить в цензуру реестр всех изданий, выписываемых через почтамты, а также передавать в цензуру один экземпляр из удержанных на почте³⁸².

В Уставе о цензуре, принятом 9 июля 1804 года, пункт девятый относился к почтовой цензуре. Здесь говорилось, что «журналы и другие периодические сочинения, выписываемые чрез Почтамты из чужих краев, рассматриваются в особенно учрежденной при оных цензуре»³⁸³. В Цензурном уставе от 10 июня 1826 года почтовая цензура вообще не упоминалась. Окончательно оформление почтовой цензуры произошло по Цензурному уставу от 22 апреля 1828 года. Цензоры не должны были пропускать издания, запрещенные к ввозу в Россию. Они просматривали содержание разрешенных изданий, вымарывая отдельные статьи и заметки, которые не соответствовали цензурным правилам. При этом, хотя цензоры состояли на службе в почтовом ведомстве, они в отношении своей официальной деятельности подчинялись вице-канцлеру, министру иностранных дел в 1814–1856 годах К.В. Несельроде³⁸⁴.

Число просматриваемых изданий постоянно росло: в 1820#е годы через почтамты и почтовые конторы проходило 66 иностранных газет и журналов, в 1839 году – 150, в 1865#м – 480, в 1882#м – 490, в 1895 году – 3397. От цензуры были освобождены специальные научные издания, а также журналы на малораспространенных языках и наречиях, адресованные в редакции русских газет и журналов. Например, в 1888 году из 578 иностранных газет и журналов, на которые принималась подписка, цензуре подлежало 563 издания. Из них выходило на немецком языке 237, на французском – 156, на английском – 103, на славянских языках – тридцать восемь, на итальянском – девятнадцать и на греческом – десять³⁸⁵.

С начала существования почтовая цензура входила в состав почтового ведомства, которое также претерпевало многочисленные реорганизации. Если говорить о почтовом ведомстве начиная со времени появления регулярной перлюстрации, то в 1727 году был создан Генеральный почтамт, руководивший деятельностью почтовых контор по всей России. С 1742 года почтами управлял канцлер А.П. Бестужев-Рюмин. 15 февраля 1758 года, после его опалы, появился Почтовый департамент Публичной экспедиции Коллегии иностранных дел. Все дела Генерального почтамта были переданы в распоряжение Санкт-Петербургского почт-директора Ф. Аша. В марте 1782 года Почтовый департамент был выделен из Коллегии иностранных дел и стал особым государственным учреждением, именуясь Главным почтовых дел правлением. Его первым президентом стал граф А.А. Безбородко, сохранявший эту должность до своей смерти 6 апреля 1799 года³⁸⁶. В 1802 году управление почтами вошло в Министерство внутренних дел, но фактически сохраняло свою самостоятельность под руководством Д.П. Трошинского. После отставки Трошинского их реальным руководителем стал министр внутренних дел. По именному указу от 9 ноября 1819 года был создан Почтовый департамент МВД. Его главноуправляющим до 27 марта 1842 года был князь А.Н. Голицын. В 1830 году Почтовый департамент стал самостоятельной структурой на правах мини-

³⁸¹ Там же. Т. 25. № 18367, 18524, 18938–18939; Т. 44. Ч. 2. К № 18922, к № 18938.

³⁸² РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 110. Л. 12 об.

³⁸³ ПСЗ. Собр. 1#е. Т. 28. № 21388.

³⁸⁴ Там же. Собр. 2#е. Т. 1. СПб., 1830. № 403; Т. 3. СПб., 1830. № 1979; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 19.

³⁸⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 112. Л. 3; Министерство внутренних дел: Исторический очерк. С. 118, 119.

³⁸⁶ *Вигилев А.Н.* История отечественной почты. М.: Радио и связь, 1990. С. 297–299.

стерства. 15 июня 1865 года было образовано Министерство почт и телеграфов. Но 9 марта 1868 года Почтовый и Телеграфный департаменты опять вошли отдельными подразделениями в состав МВД. Затем 6 августа 1880 года вновь было образовано Министерство почт и телеграфов, но просуществовало оно менее года и было ликвидировано 16 марта 1881 года. Почтовый и Телеграфный департаменты вошли в состав МВД. Таким образом, с 1881 года в связи с передачей почтового ведомства в состав МВД «черные кабинеты» окончательно, вплоть до 1917 года, оказались в прямом подчинении министра внутренних дел. Наконец, 22 мая 1884 года было образовано Главное управление почт и телеграфов МВД, просуществовавшее до марта 1917 года. Но все эти годы в рамках почтового ведомства существовала почтовая цензура, а внутри нее – «черные кабинеты». В 1886 году была сделана попытка выделить почтовую цензуру под управлением старших цензоров в самостоятельную структуру. Но 23 мая 1896 года почтовая цензура была включена в штат Главного управления почт и телеграфов³⁸⁷.

В конце 1860#х – начале 1870#х годов со стороны Комитета цензуры иностранной неоднократно звучали предложения о присоединении к нему почтовой цензуры либо о просмотре всей периодики на почтамтах и в почтовых конторах. Аргументировалось это тем, что официальная нагрузка на почтовых цензоров была несравнимо меньше, чем на чиновников Комитета цензуры иностранной. Но почтовому ведомству эти бюрократические атаки удавалось успешно отбивать.

На основе доклада А.Н. Голицына, утвержденного императором 11 августа 1829 года, 22 октября 1830 года был издан указ «О новом устройстве Почтовой части». Были упразднены губернские почтамты Малороссийский, Литовский, Казанский, Тамбовский, Сибирский. В этих городах – Чернигове, Вильно, Казани, Тамбове, Тобольске – создавались губернские почтовые конторы. Но уже 23 декабря 1830 года появился рескрипт Николая I Голицыну о сохранении «до времени» Литовского почтамта в Вильно³⁸⁸. Лишь 29 января 1832 года Литовский почтамт был окончательно закрыт и в Вильно была учреждена Губернская почтовая контора второго класса³⁸⁹. Сохранялись почтамты в Петербурге и Москве. Однако преобразования проходили и в столичном почтамте. С 22 октября 1831#го по 11 ноября 1835 года должности директора Санкт-Петербургского почтамта и директора Почтового департамента были объединены в одном лице – санкт-петербургского почт-директора К.Я. Булгакова. После смерти Булгакова, последовавшей 29 октября 1835 года, эти должности были разделены. Указом от 11 ноября 1835 года директором Почтового департамента был назначен Е.Л. Кривошапкин, а санкт-петербургским почт-директором – Ф.И. Прянишников. 30 ноября 1841 года Николай I утвердил предложение А.Н. Голицына вновь соединить эти должности, назначив Прянишникова, который занимал данный пост до 1857 года включительно³⁹⁰.

В связи с рассказом о почтовом ведомстве пора сказать и о том, кто осуществлял руководство работой «черных кабинетов». Общее руководство перлюстрацией на протяжении десятилетий принадлежало главному директору почт, президенту Главного почтового правления и главноначальствующему над Почтовым департаментом, министру внутренних дел и министру почт и телеграфов. Это, в частности: правитель Главного правления почтовых дел А.А. Безбородко (1782–1799); главные директора почт И.Б. Пестель (июнь 1799#го – апрель 1800 года), Ф.В. Ростопчин (24 апреля 1800#го – 20 февраля 1801 года), Д.П. Трощинский

³⁸⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 303. Л. 2 об. – 3; Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 60–61 об.; Почтовая цензура и почтово-телеграфные сберегательные кассы // Министерство внутренних дел: Исторический очерк. С. 117–119; ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 10. Ч. 2. СПб., 1836. № 8561.

³⁸⁸ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1831. № 4211.

³⁸⁹ Там же. Т. 7. СПб., 1833. № 5119.

³⁹⁰ Там же. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1831. № 4019.

(1801–1806); главноначальствующие над Почтовым департаментом А.Н. Голицын (1819–1842), В.Ф. Адлерберг (1842–1857), Ф.И. Прянишников (1857#й – 1 января 1863 года); директор Почтового департамента МВД И.М. Толстой (1 января 1863#го – 1865 год); министры почт и телеграфов И.М. Толстой (15 июня 1865#го – 1867 год), А.Е. Тимашев (1867–1868); министры внутренних дел А.Б. Куракин (1807–1810), О.П. Козодавлев (31 марта 1810#го – 24 июля 1819 года), А.Е. Тимашев (1868–1878), Л.С. Маков (1878–1880), М.Т. Лорис-Меликов (1880–1881), Н.П. Игнатъев (1881–1882), Д.А. Толстой (1882–1889), И.Н. Дурново (1889–1895), И.Л. Горемыкин (1895–1899), Д.С. Сипягин (1899–1902), В.К. Плеве (1902–1904), П.Д. Святополк-Мирский (1904–1905), А.Г. Булыгин (20 января – 22 октября 1905 года), П.Н. Дурново (1905–1906), П.А. Столыпин (1906–1911), А.А. Макаров (1911–1912), Н.А. Маклаков (1912–1915), Н.Б. Щербатов (5 июля – 26 сентября 1915 года), А.Н. Хвостов (1915–1916), Б.В. Штюрмер (3 марта – 7 июля 1916 года), А.А. Хвостов (7 июля – 16 сентября 1916 года), А.Д. Протопопов (18 сентября 1916#го – 27 февраля 1917 года). Вместе с тем надо учитывать, что – особенно в начале XX века, с учетом «министерской чехарды», – реально «черными кабинетами» ведали те товарищи министра, в подчинении которых находились Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов.

Непосредственное же руководство перлюстрацией в течение ряда лет осуществляли почт-директора: в Санкт-Петербурге – Ф.Ю. Аш (1724–1764), М.М. фон Эрк (1766–1789), А.И. Ган (1789–1799), Н.И. Трескин (16 апреля – 21 августа 1799 года), Н.И. Калинин (1799–1820); в Москве – Б.В. Пестель (1763–1789), И.Б. Пестель (1789–1798), Ф.П. Ключарев (1801–1812), Д.П. Рунич (1812–1816) и др.; в Вильно – А.И. Бухарский, А.И. Трефурт и др. Указом от 11 августа 1829 года повседневное руководство «Особой частью» в империи было возложено на директора Почтового департамента. Поскольку, как указывалось выше, с 22 октября 1831#го по 11 ноября 1835 года и с 30 ноября 1841#го по 14 июня 1868 года должности директора Санкт-Петербургского почтамта и директора Почтового департамента были объединены в одном лице, то именно этот человек на протяжении ряда десятилетий непосредственно руководил перлюстрацией. Данную должность занимали Ф.И. Прянишников (1841–1857) и Н.И. Лаубе (1857–1868). С ноября 1835#го по ноябрь 1841 года директором Почтового департамента был Е.Л. Кривошапкин. После окончательного разделения должностей директором Почтового департамента был назначен барон И.О. Велио (1868–1880), а петербургским почт-директором – В.Ф. Шор (14 июня 1868#го – 4 января 1886 года), на которого и было возложено «заведывание всей почтовой цензурой и секретной почтовой частью». Но еще при жизни последнего всеми вопросами повседневной деятельности «черных кабинетов» занимался управлявший санкт-петербургской секретной экспедицией старший цензор санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов К.К. Вейсман³⁹¹.

После смерти Шора 4 января 1886 года руководство почтовой цензурой и секретной частью было возложено на старшего цензора санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов. Он формально именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов и одновременно напрямую подчинялся министру внутренних дел. Эту должность в течение тридцати лет, с 1886#го по 1917 год, занимали три человека: К.К. Вейсман (4 января 1886#го – 6 декабря 1891 года), А.Д. Фомин (6 декабря 1891#го – 2 июня 1914 года) и М.Г. Мардарьев (11 сентября 1914#го – май 1917 года)³⁹².

³⁹¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 46. Л. 2–3; Д. 51. Л. 3–4; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3а. Д. 508. Л. 43 об.; ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 10. Ч. 2. СПб., 1835. № 8561; Т. 43. СПб., 1873. № 45972.

³⁹² Измозик В.С. Семья Вейсманов на службе в почтовом ведомстве // Из глубины времен. Вып. 13. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 308–309; Он же. А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев: К истории «черных кабинетов» в России. Конец XIX – начало XX в. // Там же. Вып. 9. СПб., 1997. С. 60–62. Мардарьев вступил во «временное заведывание цензурой иностранных газет и журналов» 2 июня 1914 года, но только 11 сентября министр внутренних дел Н.А. Маклаков повелел ему «принять управление цензурой иностранных газет и журналов и особою при ней частью в империи».

Вопросы организации перлюстрации и сведения, полученные этим путем, докладывали монарху в разные периоды разные чиновники. При Елизавете Петровне и Петре III это делал канцлер, ибо перлюстрации подвергалась прежде всего дипломатическая переписка. Екатерина II поддерживала прямой контакт с директорами Санкт-Петербургского почтамта Ф.Ю. Ашем и М.М. Эчком. Такое, по словам князя А.Н. Голицына, случалось по временам и в царствование Александра I, когда перлюстрация «представляема была прямо от С. Петербургского Почт-Директора на Высочайшее рассмотрение». Например, 18 мая 1808 года Александр I писал непосредственно Санкт-Петербургскому почт-директору Н.И. Калинину: «...все письма, на чье бы имя оныя ни были, которые от министра иностранных дел графа [Н.П.] Румянцева будут к вам присылаемы для перлюстрирования, вы, в силу сего, имеете перлюстрировать, и потом к нему с таковых писем доставлять точные копии»³⁹³. С мая 1782 года, с назначением А.А. Безбородко правителем Главного правления почтовых дел, именно этот человек стал главным докладчиком монарху о деятельности «черных кабинетов». После отставки Д.П. Трощинского и присоединения Почтового управления к Министерству внутренних дел все дела о перлюстрации проходили через министра внутренних дел. Но, как докладывал Николаю I А.Н. Голицын, «император Александр Павлович воспользовался первым случаем – смертью Министра Внутренних Дел [О.П.] Козодавлева, чтобы почтовая часть была по#прежнему отдельным Управлением»³⁹⁴. С образованием 9 ноября 1819 года Почтового департамента обязанности докладывать монарху о перлюстрации перешли к главноначальствующему над Почтовым департаментом.

С воцарением Николая I эти секретные дела, как я уже говорил, были разделены на две части. Организационные вопросы – о преобразовании «черных кабинетов», учреждении новых, награждении чиновников секретных экспедиций и т. д. и т. п. – решались императором преимущественно в ходе всеподданнейших докладов руководителя Почтового департамента. Сообщение же государю перлюстрированной корреспонденции (выписок, подлинников писем) и розыска по ней стало обязанностью начальника III Отделения и шефа жандармов. Надо отметить, что к А.Х. Бенкендорфу генерал-губернаторы обращались и с просьбами предоставить им право на перлюстрацию. Но в подобных случаях Александр Христофорович до доклада императору согласовывал свою позицию с главноначальствующим над Почтовым департаментом³⁹⁵.

При Александре II руководство перлюстрацией было сохранено за главноначальствующим над Почтовым департаментом. Пакеты с перлюстрированной перепиской теперь представляли императору как начальник III Отделения, так и главноначальствующий над Почтовым департаментом. Об этом говорит записка для памяти Ф.И. Прянишникова, главноначальствующего над Почтовым департаментом, от 8 января 1859 года. На вопрос, кто должен на время командировки Прянишникова в Москву на четырнадцать дней представлять императору «известные выписки», Александр II повелел посылать ему «пакеты с перлюстрацией настоящим порядком чрез меня [Ф.И. Прянишникова]», руководствуясь этими правилами и «на будущее время»³⁹⁶.

В период с 15 июня 1865#го по 9 марта 1868 года и с 6 августа 1880#го по 16 марта 1881 года, когда существовало Министерство почт и телеграфов, секретные вопросы почтового ведомства докладывал монарху соответствующий министр. С 9 марта 1868 года по 6 августа 1880#го и с 16 марта 1881 года в связи с передачей почтового ведомства в состав МВД «черные кабинеты» сначала временно, а с марта 1881 года – окончательно, вплоть до

³⁹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 109 об., 118.

³⁹⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 118–119.

³⁹⁵ Там же. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 167. Л. 1–6.

³⁹⁶ Там же. Д. 508. Л. 27а–28; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 119.

1917 года, оказались в прямом подчинении министра внутренних дел. При этом с марта 1881 года именно он докладывал государю все вопросы перлюстрации, включая предоставление на высочайшее усмотрение выписок, копий просмотренных писем или их подлинников, за исключением телеграфной дипломатической почты, которой занималось Министерство иностранных дел, о чем будет рассказано в третьей главе³⁹⁷.

В 1830-е годы перед перлюстраторами возникла новая проблема: пересылка из-за рубежа реальных или мнимых антиправительственных воззваний. В первую очередь это опять же было связано с Царством Польским. Поскольку многие польские эмигранты обосновались в Париже, Николай I 15 декабря 1832 года распорядился о просмотре всех писем, приходящих из столицы Франции, – чтобы те из них, при которых окажутся «возмутительные от польского Комитета к российскому народу прокламации, были доставляемы к Бенкендорфу». Главноуправляющий Почтовым ведомством А.Н. Голицын сообщил это повеление местным почтмейстерам. В результате виленский губернский почтмейстер А.Ф. Трефурт вскоре доложил Голицыну, что в пакете из Парижа, адресованном вице-маршалу (предводителю местного дворянства) Г. Костровицкому, оказалось тринадцать «мятежнических сочинений», изданных во Франции. 12 января 1833 года витебский гражданский губернатор Н.И. Шредер сообщил А.Х. Бенкендорфу, что почта обнаружила письмо из французского города Анвера от 25 декабря 1832 года на имя губернского казенных дел стряпчего (советника прокурора, истца по казенным делам) Зайковского. В письмо была вложена прокламация на французском языке с призывом к российскому народу поддержать борьбу поляков за независимость. В ходе расследования, проведенного по распоряжению царя, выяснилось, что в Витебской губернии подобные письма из города Безансона были получены в почтовой конторе Динабургской крепости³⁹⁸. В этой ситуации новый гражданский губернатор, князь Н.Н. Хованский, проявил инициативу, предложив губернскому почтмейстеру Немятову «остановить рассылкою впредь до разрешения всех получаемых из Франции писем». Одновременно секретным образом губернатор известил почтмейстеров Митавской и Брест-Литовской почтовых контор, чтобы они всю получаемую из Франции корреспонденцию, адресованную в Витебскую губернию, отправляли «по секрету в собственные руки» почтмейстеру Немятову. О своих решениях Хованский доложил в рапорте Бенкендорфу. Тот в свою очередь обратился к князю Голицыну – с указанием, что «мятежники, в чужих краях пребывающие, пользуясь... свободой писать в Россию, могут продолжать рассылать в письмах своих зло повсеместно», и с уведомлением, что о предложении Хованского он доложил государю. Последний повелел сообщить об этом Голицыну – «для соответствующего распоряжения». Со своей стороны, Голицын заверил главу III Отделения, что еще в январе 1833 года приказал направлять через Петербург зарубежную корреспонденцию, идущую в Витебскую, Могилевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. И хотя ни одного письма «с мятежным воззванием» в этих губерниях более не обнаружено, тем не менее наблюдение продолжается³⁹⁹.

13 июня 1837 года А.Н. Голицын доложил императору, что в Вильно и Петербурге получены воззвания на немецком языке, адресованные старшинам израильских обществ в Астрахани, Бендерах, Киеве, Оренбурге, Тобольске и Хотине. Бумаги эти содержали призыв к евреям и «ко всем друзьям человечества о возобновлении Иерусалимского храма» и приглашение вступать в Сионское общество. Николай I распорядился копии воззваний отослать Бенкендорфу и министру внутренних дел Д.Н. Блудову, а сами воззвания уничтожить, уведомив при необходимости почтовое начальство в Варшаве о подобных же действиях. И хотя, по сведениям российского посланника в Саксонии А.А. Шредера, там не существовало ника-

³⁹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237–246.

³⁹⁸ Чукарев А.Г. Тайная полиция России. С. 290.

³⁹⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1832. Оп. 7. Д. 463. Л. 15 об. – 16, 19–23, 30.

кого Сионского общества (ни явного, ни тайного), а воззвания к евреям – «творение свечного фабриканта в Герлице Ф. Зейферта», под удар попал бердичевский почтмейстер С.Н. Мина. Согласно докладу киевского, волынского и подольского генерал-губернатора А.Д. Гурьева от 25 мая 1837 года, именно почтмейстер выдал пакет с воззваниями еврею М. Флитерману. После расследования Голицын доложил государю, что Мина двадцать пять лет «был исправным и ревностным чиновником», не знает немецкого языка и, наконец, не знал еще о распоряжении от 13 июня. Тем не менее Николай I распорядился перевести бердичевского почтмейстера во внутренние губернии⁴⁰⁰.

13 декабря 1857 года уже Александру II было доложено, что в Петербурге и Вильно задержаны два письма одинакового содержания, адресованные Санкт-Петербуржскому и Новоград-Северскому предводителям дворянства на тему освобождения крестьян. Копия письма была представлена императору. Последовало распоряжение письма уничтожить⁴⁰¹. Так же поступали и с теми изданиями А.И. Герцена, которые посылались из Лондона и обнаруживались чиновниками секретных экспедиций. Но 15 марта 1858 года Александр II повелел выдавать подобную литературу всем министрам, шефу жандармов, товарищу министра народного просвещения, шталмейстеру И.И. Толстому и в 3-ю экспедицию Министерства иностранных дел⁴⁰².

Что касается перлюстрации в Сибири, то уже к 1837 году выяснилось – никаких важных сведений она не доставляет. Поскольку письма «государственных преступников» официально просматривались в III Отделении, тобольский почтмейстер доставлял в Петербург лишь выписки из переписки старообрядцев, «не заслуживавших никакого внимания». Из Томска и Иркутска, кроме выписок из некоторых частных писем «незначительного содержания», ничего «по предмету заговора» доставлено не было. Поэтому на докладе у императора 13 апреля 1837 года А.Н. Голицын сделал вывод, что «перлюстрация в сибирских губерниях не приносит никакой пользы в отношении главной и даже единственной цели ее – наблюдение за корреспонденцией государственных преступников» и «может сделаться вредною по трудности скрыть ее долгое время в малых городах». Николай I это мнение утвердил⁴⁰³.

На изменение сети перлюстрации влияли также транспортные новации. В мае 1837 года была учреждена экстрапочта между Одессой и Варшавой. Поэтому наместник в Царстве Польском И.Ф. Паскевич и генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии М.С. Воронцов высказались за то, чтобы корреспонденция из южных губерний России в ряд иностранных государств отправлялась через Варшаву, а не через Радзивилов. В связи с этим, по мнению князя Голицына, доложенному 9 октября 1838 года в Царском Селе, возникала деликатная проблема: почтовые отправления «выходили из#под надзора российской перлюстрации, а Варшавская заменить ее не может, ибо производится будет вне пределов Российской империи [странное утверждение в устах русского сановника, поскольку Царство Польское было юридически и фактически частью империи], где в видах пользы государственной должно сосредотачиваться все, относящееся до благосостояния собственно России». В случае же если государь будет уверен, что «перлюстрация в Варшаве достаточно может обеспечить надзор корреспонденции», то предлагалось войти в переговоры с почтовыми ведомствами Царства Польского и Пруссии для обсуждения конкретных вопросов нового маршрута перевозки почты⁴⁰⁴.

⁴⁰⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 8, 23–26 об.

⁴⁰¹ Там же. Д. 244. Л. 71.

⁴⁰² Там же. Д. 245. Л. 11.

⁴⁰³ Там же. Д. 239. Л. 5–6 об.

⁴⁰⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 57–59.

В развитие данного сюжета 16 апреля 1839 года высочайше было утверждено представление о направлении корреспонденции из южнорусских и ряда других губерний в Вену через Варшаву. Это давало возможность доставлять почту из Вены в Санкт-Петербург вместо четырнадцати – семнадцати дней за восемь с половиной суток. В новой ситуации терял смысл «черный кабинет» в Радзивилове. Было решено «в видах пользы государственной... чтобы корреспонденция, которая пойдет через Варшаву, подвергнута была наблюдению в одном из центральных ее пунктов в империи, независимо от того надзора, который установлен для нее в Варшаве». Таким пунктом был определен Житомир, «куда будет стекаться вся корреспонденция... на Варшаву из южных губерний России». Туда из Радзивилова перевели двух чиновников для занятия «секретным делом независимо от нынешнего ее [почтовой конторы] состава»⁴⁰⁵.

Создание новых «черных кабинетов» определялось и внешнеполитическими интересами. В частности, в конце 1830#х – начале 1840#х годов усиливается внимание к ситуации в Дунайских княжествах (Молдавии и Валахии). Напомним, что с XV века они находились в зависимости от Османской империи. Но в ходе русско-турецких войн здесь росло влияние Российской империи. Уже в 1800 и 1801 годах были учреждены российские заграничные почтовые конторы в Бухаресте и Галаце. По Бухарестскому миру 1812 года Турция лишалась права держать войска в княжествах. По Адрианопольскому миру 1829 года – отказалась от вмешательства во внутренние дела княжеств. В 1829–1834 годах Валахией и Молдавией управлял российский генерал П.Д. Киселев. Вместе с тем с 1826 года в каждом из княжеств избирались господами с утверждения России. Постепенно в Молдавии и Валахии росло национальное движение под лозунгами объединения в единое государство и достижения полной независимости. К тому же здесь сталкивались интересы ряда крупнейших государств: Австро-Венгрии, Великобритании, России, Турции, Франции.

Выше я уже упоминал о создании службы перлюстрации в Бухарестской почтовой конторе в 1815 году. В ноябре 1839 года А.Х. Бенкендорф сообщил А.Н. Голицыну повеление государя «учредить бдительнейший надзор за заграничной перепиской, проходящей через г. Одессу и Бессарабской области местечко Рени». На докладе 19 ноября Голицын представил императору два варианта исполнения этого повеления. Согласно первому, предлагалось «учредить в Одессе и Рени надзор за корреспонденцией, поступающей и отправляемой в иностранные земли». Препятствием здесь являлась трудность найти чиновника со знанием языков греческого, молдавского и валахского (одно из наречий румынского языка). Вторым вариантом предусматривал пересылку корреспонденции для «надзора» в Киев, Житомир, Вильно и Москву. Но это означало существенное замедление прохождения почты. Николай I согласился с мнением князя о предпочтительности первого варианта. Было решено учредить перлюстрацию в Одессе и Рени при почтовых конторах, назначив туда по два чиновника «для секретного дела», ибо найти специалиста со знанием всех языков, на которых в этих местностях шла переписка, было крайне трудно. Особое внимание предлагалось обратить на корреспонденцию, идущую через Одессу в Дунайские княжества, Турцию и обратно⁴⁰⁶. Почти через месяц, 12 декабря, Голицын получил «Высочайшее разрешение обратиться к генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии М.С. Воронцову с просьбой о приискании надежных чиновников, владеющих греческим и молдаво-валахским языками». И только 10 марта 1840 года Голицын доложил государю о готовности начать перлюстрацию в Одессе и Рени.

В ходе этого доклада встал весьма конкретный вопрос: как проводить перлюстрацию с бумагами, представляемыми для окуривания в карантин Одессы и Рени? Дело в том, что

⁴⁰⁵ Там же. Л. 67–69, 71.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 90–93 об.

начиная с 1823 года Россия пережила в XIX веке восемь эпидемий холеры: в 1823, 1829, 1830, 1837, 1847, 1852, 1865 и 1892 годах. При этом пять раз заболевание приходило с юга. Каждая эпидемия продолжалась ряд лет. Лучшим средством для недопущения холеры в новые регионы до 1860-х годов считались карантинные пункты. В них проводилось окуривание людей и вещей серой. В карантинных пунктах Одессы и Рени в это время часто проводилось окуривание важных дипломатических бумаг. Поскольку карантин не зависел от почтовой конторы, то эти бумаги оставались бы вне секретного надзора. Выход был найден с помощью барона Ф.Ф. Стурта, чиновника секретной экспедиции, знакомого с устройством карантинных пунктов. От него А.Н. Голицын узнал, что перлюстрацию можно производить в так называемой практической комнате, куда никто не допускается без особого разрешения директора карантинного дома. Бумаги же находятся в курительных ящиках в карантинной комнате двадцать четыре часа, хотя для производства окуривания достаточно и тридцати минут. Поэтому уже окуриванные бумаги можно перенести в практическую комнату для снятия копий⁴⁰⁷.

Через несколько лет, 27 декабря 1843 года, было принято решение учредить в данном регионе дополнительно «черный кабинет» в Галаце с учетом пребывания в этом городе консулов почти всех европейских стран. Объектом для перлюстрации должна была стать корреспонденция, идущая через Галац из Константинополя и Бухареста на Рени в Россию и обратно. В Галац для «секретного дела» решили направить чиновника «под гласным именем» переводчика, каковых штат заграничных почтовых контор не предусматривал⁴⁰⁸.

Постоянной головной болью для верховной власти оставался польский вопрос. Во всех секретных докладах и после подавления восстания 1830–1831 годов отмечалось стремление большинства польского населения к восстановлению независимости. Поэтому одной из важных задач перлюстрации был контроль за перепиской поляков. В этой связи в ходе всеподданнейшего доклада В.Ф. Адлерберга 2 декабря 1847 года обсуждался вопрос об усилении «черного кабинета» в Одессе. Руководитель почтового ведомства доложил, что находящиеся в Турции, Болгарии, Сербии выходцы из Польши с английскими и французскими паспортами «могут стараться заводить сношения с пребывающими в Одессе их соотечественниками». Но одесский почтмейстер перегружен, поэтому необходимо при почтовой конторе иметь еще одного чиновника «для секретного надзора за перепиской и в особенности между поляками». Было решено учредить в одесской почтовой конторе должность цензора иностранных газет и журналов, который совмещал бы свои прямые обязанности с перлюстрацией⁴⁰⁹.

Появление в империи новых органов политического розыска и политического контроля – III Отделения в 1826 году и Корпуса жандармов в 1827-м – поставило перед высшей властью вопрос об их взаимодействии с «черными кабинетами». С одной стороны, переписка жандармских офицеров была объявлена неприкосновенной для перлюстраторов. С другой стороны, на этой почве возникали конфликты. Весной 1838 года начальник 4-го жандармского округа генерал-майор Дробуш «отнесся доверенным образом» к окружному почт-инспектору 5-го округа А.О. Имбергу в отношении наличия сведений, что «местное почтовое начальство имеет секретное предписание вскрывать письма, следующие лицам, занимающим по службе значительные посты». Иными словами, Дробуш намекал на перлюстрацию секретной переписки своих подчиненных. В связи с этим управляющий Почтовым департаментом князь А.Н. Голицын 20 апреля 1838 года сообщал начальнику III Отделения и шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, что всем учреждениям, где производится перлюстрация, «строжайше воспрещено вскрывать пакеты, адресуемые на имена офицеров Корпуса

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 5–6, 10–12 об.

⁴⁰⁸ Там же. Д. 241. Л. 28–28 об., 29 об.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 101–102.

жандармов» и «ныне же строжайше подтверждено <...> виленскому губернскому почтмейстеру, чтобы переписка вверенного Вашему сиятельству корпуса оставалась неприкосновенною»⁴¹⁰.

Но претензии генерал-майора Дробуша к почтовым чиновникам не прекратились. 26 августа 1838 года он направил донесение Бенкендорфу о вскрытии в Аккерманской почтовой конторе трех секретных пакетов с приложением трех поврежденных почтовых оболочек. На двух из них «печати совершенно гладки, не имея никакого вида», а под третьей «подклеен лоскуток другой бумаги». Особую важность этому происшествию придавало то, что в данных пакетах содержалась секретная переписка Дробуша с жандармским подполковником Бемом по делу умершего действительного статского советника Петрова. Последний неоднократно обращался в Петербург, обвиняя в злоупотреблениях чиновников соляного промысла и чинов земской полиции. Существовало подозрение, что жалобы Петрова в Петербург вскрывались в почтовой конторе, с ними знакомили заинтересованных лиц или «по общему совету уничтожали». Было предположение, что и смерть Петрова была насильственной. Секретные пакеты с поврежденными печатями, по словам генерал-майора, также поступали к нему из Житомира и Гродно. В результате А.Н. Голицын сообщил начальнику штаба Корпуса жандармов А.Н. Мордвинову 16 сентября 1838 года, что была проведена экспертиза этих трех конвертов на Петербургском почтамте. Относительно двух конвертов было сделано заключение, что «в жаркое время года весьма часто получаются пакеты с подобными печатями, в особенности же случается сие с пакетами, запечатанными хорошим сургучом, каковым были запечатаны два вышеупомянутых куверта». Лоскуток бумаги был подклеен, чтобы сургучная печать не приклеилась к вложенной в конверт бумаге. Таким образом, претензии жандармского генерала были формально отвергнуты⁴¹¹.

Но жаловались на вскрытие писем не только жандармские штаб-офицеры и генералы. Сам А.Х. Бенкендорф 9 февраля 1840 года обратился к князю Голицыну не с требованием, а с просьбой, чтобы пакеты на его имя из Грузии и с Кавказа, особенно от генералов, штаб- и обер-офицеров корпуса жандармов, не распечатывались. Граф мотивировал это тем, что тогда чины Корпуса жандармов знали бы, что их донесения не станут известны никому, кроме их начальника, и могли бы писать «с должной откровенностью». В свою очередь князь заверил Александра Христофоровича, что дал предписание о нерассмотрении пакетов на имя начальника III Отделения и шефа Корпуса жандармов из Грузии и с Кавказа местным почтовым начальством⁴¹².

Еще одной важной проблемой деятельности «черных кабинетов» было определение ответственности управляющих структур за ведение перлюстрации. Выше я уже писал, что 31 августа 1826 года секретный комитет выработал специальные правила осуществления перлюстрации: «1) чтобы вскрытие почтовых отправок сохранялось в величайшей тайне; 2) перлюстрация должна быть сосредоточена в одном управлении, т. е. в почтовом ведомстве». Но попытки нарушить монополию почтового ведомства в этом деле предпринимались неоднократно. Губернаторы, генерал-губернаторы, жандармские офицеры пытались требовать от почтмейстеров доставления им корреспонденции или копий писем, затрагивающих местные проблемы. Например, в 1827 году оренбургский военный губернатор П.К. Эссен пытался воспользоваться делом англичанина Сандерсона (о котором я расскажу в шестой главе), чтобы добиться собственного контроля над ведением перлюстрации. Он писал в Петербург 23 ноября 1827 года:

⁴¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1838. Оп. 13. Д. 104. Л. 1–1 об.

⁴¹¹ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1838. Оп. 13. Д. 104. Л. 2–10 об.

⁴¹² Там же. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1840. Оп. 15. Д. 48. Л. 1–2.

Строжайшая неприкосновенность к корреспонденции подозрительных людей, подтвержденная отношением ко мне генерала от инфантерии графа [П.А.] Толстого [председатель Департамента военных дел Государственного совета] от 11 февраля 1827 г. <...>, лишает всякой возможности проникать в их намерения. Настоящий случай вновь оправдывает мнение мое, сообщенное генералу графу Толстому 12 и 29 апреля... чтобы начальнику губернии был разрешен осмотр переписки тех людей, на коих сильное подозрение падать может; с тем, однако, чтобы Главноначальствующий над Почтовым департаментом был извещаем каждый раз, когда и чья переписка таковому осмотру подвергается⁴¹³.

Как я уже говорил, в столице и некоторых регионах в первые годы после вступления на престол Николая I роль военных в контроле деятельности «черных кабинетов» значительно усилилась. Чиновник, занимавшийся перлюстрацией в Киеве с 1831 года, непосредственно подчинялся командующему 1-й армией. Усилению роли военных генерал-губернаторов при проведении перлюстрации способствовало восстание в Польше в 1830–1831 годах. Например, в ноябре 1830 года Николай I отдал распоряжение литовскому почт-директору доставлять виленскому и гродненскому военному губернатору М.Е. Храповицкому всю производившуюся в Вильно перлюстрацию «и исполнять его требования относительно наблюдения за перепиской». В 1832 году государь дал распоряжение А.Н. Голицыну представлять на усмотрение начальника Виленского края «письма с преступными замыслами». Голицын 26 декабря 1837 года попытался задать императору вопрос: продолжать ли посылать военному губернатору копии перлюстрированных писем или отправлять их только в Петербург? Государь «нашел нужным оставить сие дело в нынешнем положении»⁴¹⁴. В апреле 1833 года граф В.В. Левашов, ставший уже киевским военным губернатором, а также подольским и волынским генерал-губернатором, вновь настаивал перед Бенкендорфом на необходимости, «дабы усилить способы к благовременному уничтожению вредного на умы влияния, могущего проистекать из тайных сведений, впускаемых из#за границы», командировать к нему из почтового ведомства «чиновника для перлюстрации писем» и указать, чтобы «письма, адресованные на известные имена» доставлялись в Киев, откуда после просмотра они будут возвращены по назначению. Эта просьба получила высочайшее одобрение⁴¹⁵. В 1831 году ведение перлюстрации на Кавказе было возложено на полевого почтмейстера Отдельного Кавказского корпуса И.Ф. Васильковского. Таким образом, верховным руководителем перлюстрации в данном регионе в течение ряда лет являлся военный министр А.И. Чернышев.

Руководство «черными кабинетами» стремилось тщательно охранять свою монополию на перлюстрацию, не желая допускать в эту сферу представителей других секретных служб. Надо отметить, что и А.Х. Бенкендорф не старался в данном случае «тянуть на себя одеяло». В 1830-е годы внутренняя и зарубежная переписка евреев Волынской губернии некоторое время доставлялась для просмотра в III Отделение. Но по соглашению Голицына и Бенкендорфа в декабре 1837 года было решено, что все еврейские письма, поступающие в Радзивилловскую почтовую контору, будут присылаться петербургскому почт-директору. В результате Николай I 26 декабря 1837 года дал согласие зачислить в секретную экспедицию крещеного еврея Я. Липса, «знающего древний и новый еврейский язык»⁴¹⁶.

⁴¹³ РГВИА. Ф. 36. Оп. 5. Д. 150. Л. 14.

⁴¹⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 13–14; Д. 241. Л. 23.

⁴¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3а. Д. 167. Л. 9–10.

⁴¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 9–10.

Характерна также история с жандармским майором Ломчевским. Последний 3 июня 1839 года обратился к минскому губернскому почтмейстеру И.К. Коваленкову, требуя доставить ему срочно и негласно сведения обо всех получаемых жителями Минска заграничных письмах, особенно из Швейцарии и Франции. Дело в том, что, по его словам, некоторые обыватели сами доставляли жандармам полученные из#за границы письма «для отвращения подозрения в неблагонамеренных сношениях их с живущими в иностранных государствах здешними выходцами». Но поскольку такие письма приносили весьма редко, «и то большею частью распечатанными», то жандармский офицер не находил «в этом ни малейшей пользы». Поэтому он желал знать, «кто предъявляет мне заграничные письма и кто не находит сего нужным». В результате А.Н. Голицын 21 июня 1839 года обратился к А.Х. Бенкендорфу, напомнив, что «наблюдение за перепиской подозрительных лиц производится по повелению Его Высочества или сообщениям Вашего Сиятельства», а «требование Ломчевского может дать повод штаб-офицерам и других губерний просить реестры всех писем и тем возбудить недоверенность к почте». В итоге по указанию Бенкендорфа Ломчевскому было объявлено строгое замечание с предупреждением на будущее не вступать в переписку без приказа начальства⁴¹⁷.

Попытки нарушить монополию почтового ведомства на процесс перлюстрации предпринимались и представителями других властных структур, в частности губернаторами. Так, 1 декабря 1862 года министр внутренних дел П.А. Валуев отправил начальнику III Отделения князю В.А. Долгорукову обращение казанского губернатора генерал-лейтенанта П.Ф. Козлянинова. Тот просил дать разрешение «почтовым конторам доставлять по требованию правительственных мест и лиц, сведения о лицах, ведущих заграничную корреспонденцию с обозначением времени получения писем и места, откуда посланы, а также о времени отправления письма за границу и куда именно». Через несколько дней министру ответил начальник штаба Корпуса жандармов генерал А.Л. Потапов. По его мнению, «удовлетворение такого пожелания <...> было бы весьма полезно, но сомнительно, чтобы к тому не встретил препятствия Почтовый департамент»⁴¹⁸.

Однако в начале 1840#х годов Голицыну при поддержке Бенкендорфа удалось упрочить свои полномочия по ведению «секретного дела». 26 марта 1840 года начальник III Отделения и шеф Корпуса жандармов направил императору специальную записку. В ней говорилось:

Не получая в прошедшие годы никаких жалоб от тамошних [Закавказского края] жителей на злоупотребления или притеснения со стороны местного начальства, я не мог однако верить совершенному благосостоянию того Края по доходившим иногда до меня косвенным путем отголоскам противного. Появление В[ашего] И[мператорского] В[еличества] за Кавказом <...> обнаружив долго гнездившееся зло, предоставило жителям возможность безбоязненно излить справедливые свои жалобы на претерпеваемые насилия и разорения⁴¹⁹. С учреждением на Кавказе... 7 округа Корпуса жандармов, хотя и устранена прежняя совершенная безызвестность Правительства о действиях местного начальства, и о недостатках существующего порядка управления, но

⁴¹⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1839. Оп. 14. Д. 168. Л. 1–3.

⁴¹⁸ Там же. 1862. Оп. 37. Д. 536. Л. 1–2.

⁴¹⁹ Имеется в виду посещение Николаем Закавказья, и в частности Грузии, в октябре 1837 года во время путешествия на Юг России. Ревизия обнаружила злоупотребления князя А.Л. Дадияни, командира Эриванского полка, зятя командира Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющего гражданской частью барона Г.В. Розена. Дадияни был отправлен в Бобруйск для предания военному суду, лишившему его чинов и орденов. Барон Розен в ноябре 1837 года был заменен генерал-лейтенантом Г.Е. Головиным.

цель сего учреждения не достигнута еще вполне, ибо жандармские офицеры, подобно жителям, затрудняются в искреннем сообщении мне своих замечаний и доходящих до них жалоб по следующей причине. До учреждения в 1831 году... Военной секретной полиции в Закавказском крае, не существовало там насчет переписки никакого исключительного правила, но [согласно] § 9 Положения об означенной полиции вся подозрительная переписка рассматривалась Полевым почтмейстером Отдельного Кавказского корпуса и сообщается Главному командиру. Неизбежным последствием сего бывает, что в случае какой-либо возникающей жалобы на злоупотребления, местное начальство немедленно узнает об оной и предупреждает доведение жалобы до Высочайшего сведения, и что самые жандармские офицеры, будучи уверены, что чрез каждый невыгодный отзыв о настоящем порядке вещей, они навлекут на себя нерасположение местных властей, скрывающих по таковому предварению все средства к узнанию истины в случае исследования, не решаются доверять откровенные свои донесения почте. Хотя по ходатайству моему, Главноначальствующий над Почтовым Департаментом предписал, чтобы все вообще следующие на имя мое из Грузии и с Кавказа пакеты от кого бы то ни было и в особенности генералов, штаб и обер-офицеров Корпуса жандармов отнюдь не были рассматриваемы местным почтовым начальством, но предписание это, по замечаниям моим, не исполняется с должной совестливостью.

Нет сомнения, что Начальник отдаленного края, облеченный Высочайшею доверенностью, может чрез перлюстрацию открывать и предупреждать разные беспорядки; но с другой стороны, взвешивая выгоды сего учреждения с происходящим от оногo вредом чрез безгласность и безнаказанность противозаконных действий подчиненных Главноуправляющему лиц, противу коих единственная защита угнетенных есть право приносить жалобы высшему начальству и Государю, я полагаю бы за лучшее для пользы Закавказского края, где за приведенным в исполнение преобразованием Гражданского устройства все уже должно войти в надлежащий порядок, освободить от влияния Главноуправляющего перлюстрацию всей переписки, отправляемой в Санкт-Петербург, и вообще в Россию, оставя по-прежнему рассмотрение переписки из Грузии в Турецкие и Персидские владения; первую же предоставить на основании общего порядка непосредственному ведению Главноначальствующему над Почтовым Департаментом.

В подкрепление сего мнения моего осмеливаюсь повергнуть на Высочайшее Вашего Величества воззрение мысли мои о перлюстрации: Перлюстрация есть Государственная тайна, принадлежащая собственно Императорскому Величеству. Посредством наблюдения за корреспонденцией и преследованием всего того, что может клониться ко вреду благосостояния Государства, перлюстрация есть одно из главнейших средств к открытию истины; представляя таким образом способ к пресечению зла в самом его начале она служит также указателем мнений и образа мыслей публики о современных происшествиях и о разных Правительственных мерах и распоряжениях. Для верного и постоянного достижения сей двоякой цели необходимы два условия: 1. чтобы перлюстрация сохранялась в величайшей тайне, потому что для открытия

злонамеренных умыслов и злоупотреблений, совершаемых в тайне, нужны и средства тайные и что малейшая огласка, поселая недоверчивость в публике, может совершенно уничтожить приносимую перлюстрацией пользу; и 2#е она должна быть сосредоточена в одном управлении коего Главный Начальник, облеченный Высочайшей доверенностью, повергает на Высочайшее воззрение почерпаемые чрез перлюстрацию сведения. Эти же два условия смогут быть выполнены только чрез поручение наблюдения за перепискою Почтовому Управлению, которое находясь, так сказать, вне круга общей правительственной системы, есть ближайший и беспристрастнейший хранитель такой корреспонденции. Посему изъятия из сего правила, основанные на причинах политических или других обстоятельствах, должны быть распространяемы на кратчайший, по возможности, срок.

Если Ваше Величество, Высочайше изволите найти уважительными выше приведенные мною доводы, к устранению всей из Грузии и с Кавказа посылаемой в Россию переписки от наблюдения Главноуправляющего в Грузии, то всеподданнейше испрашиваю разрешение сообщить Высочайшее на сие соизволение Главноначальствующему над Почтовым Департаментом к надлежащему исполнению.

К сему долгом поставляю всеподданнейше присовокупить, что в Киеве с 1831 г. перлюстрация равномерно состоит при тамошнем Военном Губернаторе. По миновании же ныне и там политических обстоятельств, служивших основанием сей исключительной меры, можно бы, по мнению моему, и Киевскую перлюстрацию предоставить вновь Почтовому Управлению, но для скорейшего доведения до сведения местного начальства могущих открыться через переписку каких#либо новых замыслов жителей того края, сравнить положение перлюстрации в Киеве с перлюстрацией Виленской, которая производится при Почтовой конторе, а выписки из оной сообщаются и Виленскому военному губернатору.

На сие мое заключение испрашиваю Высочайшего Вашего Величества повеления. Генерал-адъютант граф Бенкендорф⁴²⁰.

Как мне представляется, данный документ сыграл важную роль в восстановлении монополии почтового ведомства в деле ведения перлюстрации. В течение апреля 1840 года А.Х. Бенкендорф, А.Н. Голицын и военный министр А.И. Чернышев обменивались письмами по поводу выработки окончательного соглашения по данному вопросу. В результате высшие сановники договорились по следующим пунктам: переписка жандармских генералов и офицеров со Штабом корпуса должна оставаться неприкосновенной; выписки из перлюстрации должны предоставляться главноначальствующему над Закавказским краем, главноуправляющему Грузией и командиру Отдельного Кавказского корпуса, чтобы они могли «получать своевременно сведения о вкрадывающихся беспорядках и действовать безотлагательно»; но все эти лица должны были «впредь доставляемые им пакеты с перлюстрацией распечатывать лично и принимать все необходимые меры для сохранения перлюстрации в строгой тайне»⁴²¹. Повелением императора 21 июня 1840 года И.Ф. Васильковский, прослуживший в почтовом ведомстве тридцать три года, был уволен в отставку, а «секретный

⁴²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 221. Д. 75. Ч. 1. Л. 95–102 об.

⁴²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 221. Д. 75. Ч. 1. Л. 7–9 об., 11–13 об., 18.

досмотр частной корреспонденции» был возложен на почтмейстера Тифлиса Ф.Ф. Буринского с выплатой ему «за этот труд по триста пятидесяти руб. в год»⁴²².

В данной ситуации III Отделение, не участвуя в самом процессе перлюстрации, оставляло за собой выдачу почтовому ведомству указаний о корреспонденции, требующей наблюдения и просмотра. В 1831 году был установлен контроль за перепиской курляндского губернатора И.Х. Бреверна. В ноябре 1839 года III Отделение, опасаясь активизации «польских эмиссаров» в южных областях России, предписало Главному управлению почт учредить «бдительнейший надзор» за заграничной перепиской в районе Одессы и Бессарабии. В результате с 16 марта 1840 года там была введена перлюстрация всей корреспонденции с целью, как отмечал шеф жандармов, «благонадежнейшего очищения, в предотвращение внесения в пределы России чумной заразы». В 1848 году Киевская почтовая контора получила указание начальника III Отделения А.Ф. Орлова проводить перлюстрацию всех писем в адрес студентов местного университета и выписки «из замечательных почему#либо писем» представлять его ведомству⁴²³.

30 ноября 1841 года Николай I ознакомился с докладом А.Н. Голицына, управлявшего Почтовым департаментом уже двадцать три года. Само появление этого документа, судя по содержанию, было вызвано какими#то проектами переустройства почтового дела и перлюстрации. В соответствии с идеологическими потребностями времени здесь содержался настоящий панегирик секретной службе почтовых чиновников:

Перлюстрация имеет... целью доводить до сведения Вашего Императорского Величества о злоупотреблениях, совершаемых в разных частях государственного управления, как подчиненными, так и начальственными лицами, о полезном или вредном влиянии распоряжений министров; о хороших или дурных качествах чиновников, находящихся в составе разных ведомств. <...> тайна перлюстрации есть исключительная принадлежность Царствующего. Она освещает Императору предметы там, где формы законов потемняют, а страсти и пристрастия совершенно затмевают истину. Ни во что не вмешиваясь, она все открывает. Никем не видимая, на все смотрит; чрез нее Государь узнает сокровенные чувства подданных и нужды их; слышит и вопль невинного и замыслы злодея⁴²⁴.

Как в любой важной чиновничьей бумаге, здесь был еще и скрытый подтекст. Восхваление перлюстрации сочеталось с убежденностью – чтобы быть успешной, перлюстрация «должна действовать свободно, безбоязненно, следовательно, быть отделена от других министерств»⁴²⁵.

Отражением новой ситуации стала изменившаяся реакция императора на продолжавшиеся попытки генерал-губернаторов контролировать ведение перлюстрации. Так, в феврале 1843 года московский военный губернатор А.А. Закревский приказал московскому почт-директору А.Я. Булгакову доставлять ему переписку задержанного иностранца Зермана. Выяснилось, что Зерман был мошенником, который выдавал себя за капитана австрийской службы, лишённого австрийского подданства за участие в восстании в городе Болонья. Новый главноначальствующий над Почтовым департаментом с 1842 года В.Ф. Адлерберг доложил императору, что дело вело III Отделение, а сообщение переписки Зермана москов-

⁴²² Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 124; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 38–40 об.

⁴²³ Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880). М.: Мысль, 1982. С. 72–73.

⁴²⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 118.

⁴²⁵ Там же.

скому военному губернатору считает излишним. Было повелено «исполнить по заведенному порядку», т. е. доставлять переписку подследственного лишь А.Х. Бенкендорфу⁴²⁶.

Другой характерный случай: новый виленский и гродненский генерал-губернатор Ф.Я. Миркович осенью 1843 года приказал губернскому почтмейстеру А.Ф. Трефурту доставлять ему все письма, на которых вместо реального числа отправления стоит позднейшее. По мнению начальника края, это был условный сигнал, означающий дату встречи. Если же число подчеркнуто, то это дата готовящегося «возмущения». Естественно, почтмейстер обратился к Адлербергу. Последний заручился поддержкой Бенкендорфа в том, что почта должна предоставлять генерал-губернатору лишь копии подозрительных писем. Об этом было сообщено Мирковичу. Тот в свою очередь заявил главе III Отделения, что ему нужны подлинники. В результате Адлерберг 10 октября 1843 года доложил об этой ситуации государю, указав, что в случае доставления в канцелярию генерал-губернатора подлинников писем «тайна может сделаться известной даже посторонним лицам», ибо письма на польском языке придется давать для перевода полякам. Николай I вынес решение: предоставлять генерал-губернатору копии писем, направляемых для всеподданнейшего доклада⁴²⁷.

В начале 1847 года дворянка Антонина Гуторович после возвращения из#за границы была определена под надзор курской жандармерии «за безнравственность свою и за сочинения, исполненные клеветами против России». Вскоре к В.Ф. Адлербергу обратился курский гражданский губернатор А.П. Устимович о доставлении ему ее писем и посылок, «передающих за границу превратные о России сведения». Руководитель почтового ведомства губернатору отказал. Затем к Адлербергу обратились с просьбой о доставлении шефу жандармов письма, которое А. Гуторович собирается отправить австрийской императрице. 20 апреля 1847 года последовало повеление императора о доставлении переписки Гуторович Адлербергу⁴²⁸. В июне 1850 года саратовский гражданский губернатор М.Л. Кожевников, ссылаясь на секретные постановления МВД от 29 июня и 14 ноября 1839 года, велел губернскому почтмейстеру доставлять ему на рассмотрение письма и посылки, адресованные на имя лиц, высланных в Саратов под надзор полиции за «прикосновенность к тайным злоумышленным обществам». Тот доложил Адлербергу. Последний в свою очередь обратился к начальнику штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельту. Дубельт ответил, что Положение 1839 года не распространяется на лиц, «находящихся под надзором полиции в настоящее время». Поэтому для просмотра их переписки губернатор должен обратиться в III Отделение и получить особое разрешение⁴²⁹.

Вместе с тем революции 1848 года в Европе и опасения проникновения «заразы» в Россию, особенно в западные ее губернии, способствовали не только новому витку повышенного внимания к перлюстрации, но и укреплению роли генерал-губернаторов в ее проведении. «Застрельщиком» выступил киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков. 17 марта 1848 года он обратился к шефу жандармов А.Ф. Орлову с предложением учредить строжайшее наблюдение «на счет заграничной корреспонденции и доставлении [так в документе] ему присылаемых из#за границы подозрительных писем». В Петербурге вспомнили о практике 1830 года. 28 марта 1848 года Николай I повелел предписать почтмейстерам Вильно, Гродно, Житомира, Киева, Одессы и Радзивилова всю зарубежную корреспонденцию в зависимости от адресата отправлять соответственно генерал-губернаторам Д.Г. Бибиикову (Киевская, Волынская и Подольская губернии), Ф.Я.

⁴²⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 241. Л. 12–13. В Интернете есть упоминания о том, что некий австрийский подданный Зерман, судимый в ряде стран за мошенничество, в 1861 году был выдвинут от штата Нью-Йорк в армию северян в качестве офицера.

⁴²⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 241. Л. 21–24 об.

⁴²⁸ Там же. Л. 84–85 об.

⁴²⁹ Чукарев А.Г. Тайная полиция России. С. 294.

Мирковичу (Виленская, Гродненская, Митавская губернии) или А.М. Голицыну (Витебская, Могилевская, Смоленская губернии). 23 апреля 1848 года это распоряжение было распространено на новороссийского генерал-губернатора П.И. Федорова, ибо, по мнению В.Ф. Адлерберга, ему «полезно было бы иметь своевременные сведения о подозрительных письмах». Затем такую же информацию получал командующий русскими войсками в Дунайских княжествах генерал-лейтенант А.Н. Лидерс⁴³⁰.

2 мая 1848 года государь дал согласие на восстановление перлюстрации в Радзивилове, поскольку через здешнюю почтовую контору проходила корреспонденция из Галиции. Главный город Галиции, Лемберг (Львов), был одним из важнейших центров польского национального движения⁴³¹. Осенью 1848 года назначенный «для управления и занятия секретной частью» в Бухарестскую почтовую контору К.П. Майет сообщил, что почти вся корреспонденция между Дунайскими княжествами и Константинополем ведется на валахском и молдавском языках, которых он не знает. Между тем «корреспонденция эта, по теперешним обстоятельствам, заслуживает особенного внимания». 12 ноября 1848 года император одобрил назначение в Бухарест переводчика⁴³².

При изучении истории «черных кабинетов» в России обязательно встает вопрос о количестве перлюстрированных писем и сделанных выписок. К сожалению, до середины XIX века по этому вопросу имеются лишь отрывочные данные. В ноябре 1844 года III Отделение возвратило В.Ф. Адлербергу 365 выписок из перлюстрированных писем, представлявших на высочайшее имя. При этом было отмечено, что в ряде случаев «выписки от Его Величества обратно не поступали»⁴³³.

16 апреля 1850 года граф Адлерберг впервые, по моим сведениям, доложил Николаю I сводные данные «О действиях Секретной экспедиции и Цензуры иностранных газет и журналов в течение 1848–1849 гг.». За два года в Санкт-Петербургском почтамте было вскрыто и прочитано 42 080 писем и дипломатических депеш. С учетом того, что в год через Почтамт в это время проходило около 200 тыс. официальных отправок и простых писем, перлюстрировалось около 10 % корреспонденции. В итоге Адлербергу и канцлеру К.В. Нессельроде было представлено 1250 выписок. Это означает, что выписки делались из 3 % писем. Многие из них «признаны были достойными представления на Высочайшее воззрение». Особо подчеркивалось, что «вследствие смятений и переворота во Франции, волнений в Германии» был установлен «бдительнейший надзор за получаемой в России иностранною, и в особенности из Галиции и Познани, а также из Царства Польского корреспонденцией; с распространением сего же надзора и по корреспонденции в княжествах Молдавии и Валахии». Тут же приводились самые значимые достижения: обнаружение переписки ушедших из Венгрии в Турцию в 1849 году польских легионеров; выявление сношений профессора Московского университета К.К. Гофмана с корреспондентами в Германии «по предмету составления им проекта Германской имперской конституции», в результате чего Гофман был выслан из России⁴³⁴. Далее был пассаж, подчеркивающий, что служба «черных кабинетов» стоит на страже порядка и стабильности: «Перлюстрация тщательно следит и открывает сношения заграничных раскольников с находящимися в России единоверцами их; ведет собственное наблюдение за перепискою студентов [Киевского] университета Св. Владимира; славя-

⁴³⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 242. Л. 7, 22–22 об., 111. Русские и турецкие войска летом 1848 года были введены в Дунайские княжества.

⁴³¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 242. Л. 24–24 об.

⁴³² Там же. Л. 44–45 об.

⁴³³ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19. Д. 212. Л. 1.

⁴³⁴ Профессор греческого языка в Московском университете К.К. Гофман был арестован и выслан за границу.

нофилов и разных других лиц, которые находятся на замечании правительства, в том числе и жительствовавшего в Воронеже графа Потоцкого»⁴³⁵.

Поскольку ситуация в Европе к тому моменту стабилизировалась и ожидаемых крупных волнений в Царстве Польском и других регионах империи не произошло, на докладе у государя 23 марта 1852 года было решено отказаться от исключительных мер по заграничной корреспонденции, принятых в 1848 году. Тем более что участились сетования на медленность доставки почтовых отправок⁴³⁶. Но такое положение сохранялось недолго.

4 октября 1853 года началась Крымская война (1853–1856). 21 июня русские войска вступили в Молдавию и Валахию. В марте 1854 года войну России объявили Англия и Франция. Летом 1854#го русские войска под давлением Австрии были вынуждены покинуть территорию Дунайских княжеств. Поэтому прекратили свою деятельность, в том числе и перлюстрационную, Бухарестская (18 июля) и Ясская (29 августа) российские почтовые конторы. Они были восстановлены только после окончания Крымской войны, в 1857 году, но из#за убыточности содержания преобразованы в январе 1860#го в почтовые экспедиции⁴³⁷. В связи с этим снова встал вопрос об усиленном наблюдении за заграничной перепиской жителей Российской империи, а также иностранцев, находившихся в России, и иностранных дипломатов.

Как обычно, в первую очередь это коснулось жителей западных губерний. Генерал-губернатор Киевской, Волынской и Подольской губерний князь И.И. Васильчиков обратился к В.Ф. Адлербергу с просьбой принять необходимые меры по Почтовому управлению. 12 января 1854 года император одобрил предложения Адлерберга: усилить надзор за заграничной корреспонденцией; все подозрительные письма в эти губернии и из них направлять генерал-губернатору, а копии – Адлербергу; пограничным почтовым конторам при отсутствии собственной перлюстрации всю корреспонденцию, адресованную в эти губернии, отправлять в Киевскую почтовую контору. В феврале того же года император повелел все письма из Ревеля (Таллина) в Англию и Гамбург пересылать из Ревельской почтовой конторы в Петербург, там просматривать и отсылать обратно в Ревель для отправления по назначению. В марте военный министр А.И. Чернышев сообщил Адлербергу высочайшую волю: следовало организовать вместе с МВД наблюдение за перепиской иностранных подданных, проживающих в южных приморских городах (Одессе, Мариуполе, Ростове, Таганроге и др.), со своими соотечественниками. Опасения вызывало то, что эти люди поддерживали постоянную почтовую связь с иностранными торговыми домами и могли извещать их о российских военных приготовлениях. 24 марта Николай I утвердил распоряжение Почтового департамента почтовым конторам городов на побережье Черного и Азовского морей направлять такую корреспонденцию в Одессу, «где будут усилены способы перлюстрации»⁴³⁸. Для наблюдения за корреспонденцией английского и французского консулов в Риге в Почтовую контору города Таурогена (Таураге) были специально командированы чиновники из Петербурга. Но уже 22 июня решено было отозвать их в столицу, поскольку консулы к тому времени успели покинуть Ригу⁴³⁹. Главным же центром перлюстрационной деятельности в эти годы был Московский почтамт⁴⁴⁰.

Почтовое начальство, однако, противилось безграничному расширению перлюстрации. Например, в марте 1847 года начальник III Отделения А.Ф. Орлов объявил В.Ф. Адлер-

⁴³⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 242. Л. 110–112; *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 76.

⁴³⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 243. Л. 45–45 об.

⁴³⁷ Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 972. Л. 27, 74, 225; Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 5–7 об.

⁴³⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 243. Л. 61–62, 65–65 об.; Д. 244. Л. 12–12 об.

⁴³⁹ Там же. Д. 243. Л. 84.

⁴⁴⁰ Там же. Д. 246. Л. 34 об.

бергу о повелении императора задерживать деньги, посылаемые старообрядцами в старообрядческий монастырь у города Серета (Буковина). В свою очередь министр внутренних дел Л.А. Перовский и тот же Орлов при личном свидании с Адлербергом сошлись во мнении, что староверы найдут способ «пересылать деньги и письма помимо почты» и лишь уйдут от наблюдения. Поэтому на докладе 20 апреля граф Адлерберг убедил Николая I дать староверам посылать письма по#прежнему, а «за перепиской их будет усугублен секретный надзор»⁴⁴¹. Летом того же года Адлерберг получил через Орлова распоряжение наблюдать за перепиской лиц, растративших казенные деньги, и их соучастников. И опять, на докладе 9 июля 1847 года, главноуправляющий Почтовым департаментом сформулировал свою позицию следующим образом: «Когда разные начальники будут сообщать мне о учреждении по Высочайшему повелению надзора за перепискою лиц, не подозреваемых в политических преступлениях, доносить о том предварительно Вашему величеству». Государь с этим согласился⁴⁴².

В конце 1854 года генерал от кавалерии Н.А. Ред, командир Кавказского корпуса и управляющий гражданской частью на Кавказе и в Закавказье, поднял вопрос о контроле за перепиской сектантов, высланных из Самарской губернии и живших в Шемахинской губернии (часть Азербайджана). В «отношении» председателю Кавказского комитета и военному министру А.И. Чернышеву от 29 ноября генерал утверждал, что последователи учения М.А. Попова (акинфиевцы) поддерживают «письменные сношения со своими единомышленниками во внутренних губерниях России» и даже через посредника писали в Англию. Вследствие этого он поддержал предложение шемахинского военного губернатора объявить сектантам, что почтовые конторы будут принимать от них письма лишь в случае, «если будет удостоверение местного начальства о неимении к тому препятствий». Из Кавказского комитета 20 января 1855 года Адлербергу сообщили, что Николай I повелел вновь назначенному наместнику Кавказа генерал-адъютанту Н.Н. Муравьеву следующее: «...предписать местному полицейскому начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы... последователи Акинфиева учения не имели никаких сношений с своими односектаторами [так в тексте документа] в России и за границею», вменив в обязанность «сообщать почтовым местам сведения о тех лицах, на имя которых производится переписка, <...> дабы почтовые места не пересылали оной, но передавали местному начальству». Император также указал «объявить поселенным за Кавказом сектаторам, что если кто из них будет замечен в <...> переписке с последователями Акинфиевой ереси... в России и за границей, то будет подвергнут самому суровому наказанию»⁴⁴³.

И опять почтовое ведомство повело тихую интригу по отмене этого повеления, нарушавшего все официальные законы. 25 марта Муравьев сообщил Адлербергу, что предписал начальникам Шемахинской, Тифлисской и Эриванской губерний, а также управляющему почтовой частью на Кавказе и в Закавказье исполнять высочайшее повеление. Но одновременно Муравьев известил Кавказский комитет о возможности следующего затруднения: «... полицейское начальство, не имея полных сведений о всех лицах, на имя которых производится переписка... не в состоянии будет сообщить эти сведения почтовому начальству и следовательно цель совершенного прекращения переписки между сектаторами не может быть достигнута». А потому наместник Кавказа предлагал, чтобы «почтовое начальство не принимало от русских поселенцев никакой корреспонденции без заверения местного начальства,

⁴⁴¹ Там же. Д. 241. Л. 82–83.

⁴⁴² Там же. Л. 96–97.

⁴⁴³ Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 1008. Л. 1–3, 7.

что к отправлению оной нет препятствия»⁴⁴⁴. Такое предложение ясно говорило о стремлении Муравьева возложить всю ответственность на Почтовый департамент.

В ответ В.Ф. Адлерберг направил в Кавказский комитет свое «отношение», указывая, что мнение наместника Кавказа представляется неудобным, «ибо <...> для этого сектаторы должны быть им [почтовым местам] лично известны, <...> и потому еще, что для пересылки своей корреспонденции лица эти могли бы отсылать свои письма на почту через посторонних людей». Отзыв Адлерберга был доложен государю. В результате копию этой бумаги велено было отправить Муравьеву с невнятным указанием, что император «предоставляет собственному усмотрению Вашему <...> принятие действительных мер к пресечению письменных сношений поселенных в Шемахинской губернии раскольников с их односектаторами во внутренних губерниях России и за границею»⁴⁴⁵. Почтовое ведомство в очередной раз одержало победу в бюрократических играх.

Но «ухо приходилось держать остро». Уже в мае 1855 года военный министр А.И. Чернышев сообщил новому государю Александру II, что из Кронштадта посылаются письма некоему англичанину в Берлин со сведениями о принимаемых мерах для обороны крепости. Чернышев получил приказание «войти в сношения» с Адлербергом «для принятия самых деятельных мер для усугубления секретного надзора за заграничною перепискою и преимущественно из губерний, объявленных на военном положении». В ходе доклада 21 мая 1855 года Адлерберг доложил императору, что дал распоряжение о бдительном наблюдении за частной перепиской из Кронштадта. Вместе с тем он указал, что направлять в имеющиеся «черные кабинеты» корреспонденцию всех прибалтийских губерний было бы «весьма затруднительно по отдаленности и замедление это не ускользнет от внимания публики и приведет к неминуемой огласке правительственной секретной меры, долженствующей оставаться тайною». Он также напомнил, что просмотр писем из Ревеля в Англию и Гамбург в Петербурге «не привел ни к каким важным в политическом отношении открытиям». Неприемлемым представлялся и вариант учреждения особых перлюстрационных пунктов в Прибалтийских губерниях. Ведь их следовало бы организовать в шести городах – Ревеле, Риге, Митаве (Елгаве), Либаве (Лиенае), Пернове (Пярну) и Таурогене, а это «создало бы величайшие затруднения в подборе сотрудников». В итоге государь согласился с предложением оставить перлюстрацию «в тех границах, в которых она производится»⁴⁴⁶.

Тем не менее лишь 25 марта 1856 года Александр II разрешил прекратить пересылку в Петербургский почтамт писем из Ревеля, адресованных в Англию и Гамбург. Оказалось, что за два года из 626 просмотренных писем не было сделано ни одной выписки – из-за отсутствия «каких-либо вредных замыслов». Между тем такая практика возбуждала ропот и жалобы ряда ревельских торговых домов, что угрожало сохранению тайны перлюстрации⁴⁴⁷. 26 мая 1856 года было повелено прекратить особые меры наблюдения за перепиской жителей Волынской и Подольской губерний, введенные в январе 1854 года, а 16 декабря 1856-го – прекратить секретное наблюдение за частной корреспонденцией иностранцев в южных приморских городах, которая отсылалась для просмотра в Одессу⁴⁴⁸.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 10–10 об., 12.

⁴⁴⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 1008. Л. 13–13 об., 15–16.

⁴⁴⁶ Там же. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 243. Л. 95–97 об.

⁴⁴⁷ Там же. Д. 244. Л. 12–13.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 22–23, 47–48.

5. Служба перлюстрации во второй половине XIX века

Николай I скорпостижно ушел из жизни 18 февраля 1855 года. На престол взошел Александр II. Началось, как писали современники и историки, время оттепели, гласности, великих реформ. Но «черные кабинеты» своей деятельности не прекратили. Наоборот, дело перлюстрации продолжалось и разрасталось. Новый император, как и его отец, уделял ей немалое внимание. О его отношении к перлюстрации говорит письмо от 2 августа 1862 года младшему брату Константину Николаевичу, управлявшему Царством Польским. Рассуждая об устройстве высшей полиции, император подчеркивает, что она должна быть непременно в руках наместника, а не в ведении А.И. Велепольского (в 1861–1863 годах помощника наместника Царства Польского по гражданской части и вице-председателя Государственного совета), «иначе до тебя будет доходить только то, что он заблагорассудит, чтобы было доведено до твоего сведения». «Ты должен действовать самостоятельно, – советовал старший брат, – что весьма трудно, когда слышишь только одну сторону. Хорошим противостоянием для этого может быть, до некоторой степени, перлюстрация, и я надеюсь, что ты ею пользуешься. Массон [А.П. Массон – варшавский почт-директор с 1841 года и начальник почтового округа Царства Польского в 1858–1866 годах], сколько мне известно, человек благородный, не принадлежащий ни к какой партии, и потому на беспристрастие его можно надеяться»⁴⁴⁹.

По словам генерал-адъютанта М.И. Черткова, приводимым В.Д. Новицким, ежедневно в одиннадцать часов утра министр внутренних дел А.Е. Тимашев, занимавший этот пост в 1868–1878 годах, доставлял перлюстрированные письма государю в особом портфеле, заправшемся на секретный замок. Александр II просматривал содержимое, некоторые письма тотчас же сжигал в камине, «на других собственноручно излагал заметки и резолюции и вручал их шефу жандармов для соответственных сведений и распоряжений по ним секретного свойства, надзора, наблюдения и установления авторов писем и указываемых в них лиц»⁴⁵⁰. В апреле 1872 года князь Д.А. Оболенский, управлявший в это время Министерством государственных имуществ, отмечал в дневнике со слов графа П.А. Шувалова, главы III Отделения и шефа Корпуса жандармов, что по пути из Крыма государь показывал ему «новую толстую тетрадь пересматриваемых писем». По этому поводу Оболенский, касаясь своих отношений с императором, заметил, что чувствует себя совершенно беззащитным «перед человеком, который во все уже утратил веру, кроме доносов и перлюстрированных писем»⁴⁵¹. Правдивость этих мемуарных свидетельств подтверждается многочисленными пометками императора на подлинниках или копиях перлюстрированной корреспонденции⁴⁵². Можно отметить, что кроме общих проблем государь немало времени уделял решению частных вопросов, связанных с перлюстрацией. Например, 25 июня 1861 года ему доложили, что при секретном досмотре в Виленской почтовой конторе в пакете, адресованном статс-даме княгине Екатерине Дмитриевне Долгоруковой, были обнаружены брошюра Петра Долгорукова («Правда о России» – на французском языке, первое издание⁴⁵³) и статья из «Колокола» о государственном бюджете. Последовало разрешение послать пакет по адресу. 1 февраля 1862 года обсуждался вопрос, как поступать с экземплярами «Колокола», присылаемыми в

⁴⁴⁹ Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем // Дела и дни. Кн. 2. Пб., 1922. С. 134.

⁴⁵⁰ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Прибой, 1929. С. 73.

⁴⁵¹ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 300, 301.

⁴⁵² ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1862. Оп. 37. Д. 259. Л. 1, 21, 66; Оп. 3а. Д. 464. Л. 3, 6, 12 об., 48, 51, 53 и др.

⁴⁵³ Dolgorukov P. La verite sur la Russie. Paris, 1860. Князь П.В. Долгоруков (1816–1868) – эмигрант с 1859 года. Первое издание книги на русском языке: Долгоруков П.В. Правда о России. Ч. 1–2. Париж, 1861.

редакцию газеты «Северная пчела» (издавалась при Министерстве внутренних дел). Александр II согласился с предложением всю иностранную корреспонденцию, адресованную в «Северную пчелу», отсылать к министру внутренних дел, чтобы не раскрывать перед редакцией тайну осмотра корреспонденции⁴⁵⁴.

Выше я указывал, что руководство перлюстрацией было сохранено за Главным начальствующим над Почтовым департаментом. Но, как известно, не бывает правил без исключений. Таким исключением оказался, конечно, польский вопрос. 25 июня 1862 года Ф.И. Прянишников обратился к императору за разъяснением, имеет ли право вступивший в должность киевского военного губернатора, подольского и волынского генерал-губернатора генерал-лейтенант П.И. Гессе «делать распоряжения по наблюдению за корреспонденцией вверенных ему губерний и требовать представления себе выписок из оной». На это последовала резолюция Александра II: «По состоянию края нахожу это необходимым». Такие же права имели виленский и финляндский генерал-губернаторы⁴⁵⁵. Во время восстания в Польше новый главный начальствующий над Почтовым департаментом И.М. Толстой 17 июня 1863 года дал указание суражскому уездному почтмейстеру Черниговской губернии исполнять приказания генерал-губернатора Северо-Западного края и Виленской губернии М.Н. Муравьева относительно контроля за корреспонденцией⁴⁵⁶. При назначении нового генерал-губернатора или по случаю его временного отъезда требовалось высочайшее согласие на сохранение права получать сведения по перлюстрации. Например, 30 апреля 1864 года государь дал разрешение на доставление выписок помощнику виленского генерал-губернатора генерал-лейтенанту Н.А. Крыжановскому в связи с отъездом Муравьева⁴⁵⁷.

Естественно, что другие генерал-губернаторы стремились воспользоваться этими прецедентами и получить такие же полномочия. Летом 1865 года генерал-губернатор новороссийский и бессарабский П.Е. Коцебу передал одесскому почтмейстеру Н.Д. Саржинскому список лиц, имеющих недозволенные заграничные газеты и книги. Почтмейстеру было предложено наблюдать за их корреспонденцией, а в случае подозрения о ее «неблагонадежном» характере – немедленно уведомлять об этом. В ходе всеподданнейшего доклада 31 августа 1865 года И.М. Толстой напомнил, что последний раз только предшественник Коцебу – П.И. Федоров во время Крымской войны имел право требовать сведения по частной переписке. Вместе с тем, как отмечал Толстой, ранее в этом не было надобности, ибо население Одессы «было всегда далеко от всякой политической деятельности и общественное мнение, как из результатов учрежденной там перлюстрации оказывалось, весьма редко проявлялось относительно дел внутреннего управления». В настоящее же время, с учреждением там университета (он был открыт в 1864 году), «нет сомнения, что умы одесских жителей от деятельности меркантильной обратятся к деятельности ученой, с которой связано стремление к анализу; кроме того, уроженцы Царства Польского и западных губерний, составляющие немалую часть одесского населения, требуют ныне столь бдительного за собою надзора, что содействие секретной почтовой части распоряжениям генерал-губернатора может быть совершенно необходимо». В итоге Александр II одобрил предложение предоставить Коцебу права, дарованные генерал-губернаторам виленскому и киевскому⁴⁵⁸.

9 августа 1865 года И.М. Толстой доложил государю о действиях нового генерал-губернатора Северо-Западного края К.П. фон Кауфмана. Ранее, в январе того же года, Речицкий уездный суд Минской губернии в связи с рассмотрением уголовного дела затребовал справку

⁴⁵⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 56–57, 76–76 об.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 94, 136.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 191–192.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 174.

⁴⁵⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 140–141.

из книг Речицкой уездной почтовой конторы о двух заемных письмах, направленных из Минска в Речицу в конце 1861#го или начале 1862 года. Суд интересовало, на какую сумму были эти письма, когда и кому были выданы. Минский губернский почтмейстер Л.Н. Урбасевич запросил Почтовый департамент, который запретил выдавать такую информацию. Тогда Кауфман предписал губернскому почтмейстеру «немедленно доставить требуемые сведения». После заявления почтмейстера, что он не вправе это сделать, генерал-губернатор удалил статского советника от должности. При этом Кауфман ссылался на дозволение, данное И.М. Толстым М.Н. Муравьеву относительно контроля над перепиской в Суражском уезде. В свою очередь Толстой отмечал, что это было «в разгар польского мятежа и в делах особой политической важности». В итоге Александр II предписал назначить уволенного почтмейстера в другой губернский город и согласился, что отступления от почтовых правил могут происходить лишь по высочайшему повелению⁴⁵⁹.

Подобные конфликты между местными администраторами и почтовым ведомством не были редкостью. В том же 1865 году такое столкновение произошло в Москве. В феврале III Отделение получило сведения о возможном опускании в ящики городской и иногородней почты в Москве и Петербурге пакетов с революционными воззваниями. Было организовано наблюдение и в результате задержано некоторое число конвертов с прокламациями. В Москве в это дело вмешалась полиция. Был отдан приказ об аресте тех, кто будет опускать в почтовый ящик более одного конверта. 19 февраля на Кузнецком мосту задержали поляка Павловского, опустившего в ящик городской почты два письма. Ящик также опечатали и взяли в полицию.

Московский почт-директор Н.С. Кожухов потребовал ящик возвратить. Частный пристав сделать это отказался. Тогда почт-директор обратился к московскому военному генерал-губернатору П.А. Тучкову. Тот в присутствии правителя канцелярии и полицмейстера заявил, что «все это одни формальности, проволочки, парализующие его действия к открытию важных политических преступлений». Полицмейстер Г.К. Крейц добавил, что ящик будет в полиции вскрыт, письма рассмотрены, а почтовое начальство может протестовать.

Глава Почтового департамента И.М. Толстой, приехав в конце февраля 1865 года в Москву, встретился с Тучковым. При свидании он пытался объяснить военному губернатору, что желаемой цели можно было «достигнуть проще». Достаточно было предложить почт-директору, чтобы он эти нераспечатанные конверты представил лично Тучкову. «Тогда как гласное вмешательство полиции: 1. нарушает основное правило тайны корреспонденции; 2. лишает почту общественного доверия; 3. уменьшает почтовые доходы». Поэтому Толстой просил Тучкова в дальнейшем «в случае государственной необходимости лично давать московскому почт-директору, без посредников, надлежащие указания».

Но вскоре Тучков заявил почт-директору Н.С. Кожухову, что с мнением Толстого не согласен, что начальник III Отделения и шеф Корпуса жандармов В.А. Долгоруков якобы одобрил его действия по арестованию почтовых ящиков и в будущем он, Тучков, намерен поступать по#прежнему. В результате Толстой доложил о ситуации императору, подчеркнув, что «от столичных военных генерал-губернаторов перлюстрация содержится в совершенной тайне». 14 марта 1865 года Александр II в ходе доклада Толстого наложил резолюцию: «Снести с князем [В.А.] Долгоруковым, чтобы уведомил генерал-адъютанта Тучкова о совместных действиях с почтовым начальством в Москве»⁴⁶⁰.

Тем не менее Тучков по#прежнему стремился расширить свои полномочия в отношении контроля над почтовой корреспонденцией, используя рост антиправительственного движения. Поводом к подковерной борьбе стал арест в июле 1865 года на Николаевской

⁴⁵⁹ Там же. Л. 187–192.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 133–136.

железной дороге капитана Владимирского пехотного полка Ивана Шацкого, вступившего в общение с политическими преступниками, перевозимыми в том же вагоне. При обыске у него нашли фальшивый заграничный паспорт на имя штабс-капитана Екатеринбургского пехотного полка Александра Дейнерта. В ходе следствия выяснилось, что Шацкий просил Лондонский почтамт все письма для него доставлять в Петербург на имя А. Дейнерта. Тучков обратился к министру внутренних дел П.А. Валуеву с просьбой о передаче ему корреспонденции, адресованной А. Дейнерту, хотя в тот момент почтовое ведомство не входило в состав МВД. И.М. Толстой, узнав об этом от Валуева, немедленно предписал петербургскому и московскому почт-директорам исполнить желание Тучкова.

Но затем Тучков в обход Толстого, получив высочайшее разрешение, потребовал 24 августа и 6 сентября 1865 года от петербургского почт-директора доставлять ему также письма на имя Ивана Дейнерта, Елизаветы Шацкой, студента Медико-хирургической академии Виленского, а от московского почт-директора – на имя Екатерины Малютиной. Все эти письма были оглашены в следственном деле. Толстой напомнил Валуеву, что «уклонения» от неприкосновенности частной корреспонденции допускаются только на основании всеподданнейших докладов главноначальствующего над Почтовым департаментом, а также по высочайшему повелению, объявленному министром внутренних дел или шефом жандармов. В свою очередь Тучков заявил Валуеву, что император 9 августа 1865 года велел ему «в необходимых случаях действовать по праву, присвоенному званию генерал-адъютанта».

При всеподданнейшем докладе 26 ноября И.М. Толстой поставил перед государем вопрос: «Должно ли почтовое ведомство безусловно исполнять, все без изъятия, требования генерал-адъютанта Тучкова, хотя бы они состояли в прямом противоречии с высочайше утвержденным <...> 20 июня 1865 г. моим всеподданнейшим докладом, чтобы никакие военные и гражданские начальства не простирали административных притязаний на вверяемую почте частную корреспонденцию помимо министра внутренних дел и шефа жандармов?» В итоге появилась резолюция Александра II: «Дать право Тучкову указывать московскому почт-директору ту частную корреспонденцию, которая подлежит наблюдению по поводу производимого следствия, административных распоряжений относительно лиц, подозреваемых в антиправительственной деятельности», но «почт-директор обязан предоставлять выписки по заведенному порядку» главе почтового ведомства, «сообщая копии генерал-губернатору»⁴⁶¹. Можно констатировать, что схватка сановников в данном случае закончилась вничью.

Вообще местная администрация считала, что в решении стоящих перед ней задач перлюстрация может помочь. Например, старший чиновник особых поручений Решетилов в связи с поручением выяснить, кто именно подстрекал крымских татар к переселению в Турцию, рапортовал таврическому губернатору 10 августа 1874 года: «...есть и такие из татар, которые приобрели турецкие паспорта, ведут постоянно переписку со своими собратьями в Константинополе, но все это, а также неблагонамеренных лиц подстрекающих татар с целью приобрести за бесценок имущество, фактически можно обнаружить лишь следствием и *при дозволении вскрывать письма, отправляемые в Константинополь и получаемые из Константинополя татарами* [курсив мой. – В.И.]»⁴⁶².

Однако по отношению к менее значимым чиновникам, пытавшимся в провинции требовать информацию о корреспонденции, руководство почтового ведомства занимало гораздо более жесткую позицию. 27 апреля 1863 года И.М. Толстой писал В.А. Долгорукову:

Получил вчера от вятского губернского почтмейстера [Ф.И. Мацулевича] телеграмму о требовании тамошнего жандармского обер-

⁴⁶¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 142–146.

⁴⁶² Там же. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 654. Л. 112.

офицера, по поручению губернатора, чтобы ему предъявлялись частные письма на разные имена, я немедленно приказал по телеграфу же отвечать, что вверяемая почте корреспонденция неприкосновенна... и что требования жандармского обер-офицера исполнить нельзя. Обязанностью считая о том уведомить ваше сиятельство, имею честь покорнейше просить о принятии зависящих мер, дабы ведомство III Отделения <...> во избежание опрометчивости подчиненных лиц всякое требование секретных почтовых сведений заявляло мне известным вашему сиятельству порядком, ибо только непосредственные между нами сношения могут обеспечить тайну распоряжений, составляющих отступления, по особенно важным государственным причинам, от общеустановленных почтовых правил⁴⁶³.

В последующие годы Министерство внутренних дел, которому с марта 1868 года (за исключением краткого периода с августа 1880#го по март 1881#го) подчинялось почтовое и телеграфное ведомство, все более добивалось успеха в этой внутриведомственной борьбе. В самой организации перлюстрации почтовой корреспонденции шел процесс централизации. Хотя уже с 20 января 1851 года почтовое управление Царства Польского было подчинено главноначальствующему над Почтовым департаментом, но лишь 29 января 1867 года государь утвердил предложение министра почт и телеграфов графа И.М. Толстого о передаче перлюстрации в Варшаве в ведение министерства. «Черный кабинет» в Варшаве находился до этого «в полном распоряжении Наместника в Царстве Польском» и теперь передавался в ведение министерства, чтобы ввести «в Варшавскую перлюстрацию новый элемент наблюдения за проявлениями общественного мнения относительно последних коренных реформ в Царстве и [чтобы она] обнаружила бы степень искренности и действительного успеха, сопровождающих слияние Царства с Империей; ибо трудно предположить, чтобы между здешними и тамошними общественными деятелями, как явными, так и скрытыми, не существовал обмен мыслей, могущий интересовать высшее правительство»⁴⁶⁴.

Эту линию продолжил министр внутренних дел А.Е. Тимашев. Дело в том, что 22 сентября 1867 года было удовлетворено ходатайство наместника Царства Польского фельдмаршала графа Ф.Ф. Берга выделять ежегодно «в его безотчетное распоряжение на усиление Секретной экспедиции в Варшаве» 4700 руб. Причина была в том, что при преобразовании почтовой части были упразднены должности двух чиновников особых поручений при Управлении Западного почтового округа, которые занимались перлюстрацией. Так что на эти деньги содержались те же чиновники, освобожденные от других обязанностей. Но 11 февраля 1874 года наместничество в Царстве Польском упразднилось, заменяясь Варшавским генерал-губернаторством. Вместо Берга был назначен П.Е. Коцебу.

Тимашев, опытный бюрократ, воспользовался данной ситуацией. 1 февраля 1874 года он обратил внимание императора на то, что от этих чиновников поступает «очень незначительное количество выписок». Поэтому предложил: установить в Варшаве штаты секретной экспедиции, общие с другими перлюстрационными пунктами; передать 4700 руб. в ведение МВД, ибо выписки в других пунктах «обходятся правительству несравненно дешевле»; наконец, в связи с заменой наместника Царства Польского генерал-губернатором «секретное почтовое дело подчинить <...> министру внутренних дел». Теперь выписки вообще не должны были предоставляться генерал-губернатору. Ему предполагалось оставить только право лично (не через подчиненных) сообщать управляющему почтовой частью сведения

⁴⁶³ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 14.

⁴⁶⁴ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 26. Ч. 1. СПб., 1856. № 24853; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 120–120 об.

о лицах в Царстве Польском, «за которыми надо иметь наблюдение». Все эти предложения получили высочайшее одобрение⁴⁶⁵.

Менее чем через семь месяцев Тимашев одержал победу над другим генерал-губернатором. Предлогом стала смена генерал-губернатора Виленского края. Вместо А.Л. Потапова 22 июля 1874 года был назначен П.П. Альбединский. Через четыре дня, 26 июля, Тимашев на докладе у государя, ссылаясь на прецедент с Царством Польским, предложил «в видах единства и полноты перлюстрационной деятельности» распространить этот пример на генерал-губернаторства Виленское и Киевское «по мере перемены тамошних главных начальников края» и сделать это немедленно относительно Вильно. Александр II надписал: «Исполнить»⁴⁶⁶. Таким образом, к концу 1870#х годов Министерство внутренних дел стало формальным монополистом в деле осуществления тайного контроля за перепиской, шедшей через российское почтовое ведомство. Существование с 6 августа 1880#го по 16 марта 1881 года самостоятельного Министерства почт и телеграфов, которое возглавлял бывший министр внутренних дел Л.С. Маков, почти не нарушило этого влияния.

К тому же для сохранения тайны перлюстрации другие государственные структуры к делам почтового ведомства допускались все более ограниченно. Данная проблема возникла, когда с 1 января 1868 года так называемая ревизия по следам действий, состоявшая в проверке по документам получаемой и отправляемой корреспонденции, перешла от почтовых чиновников в ведение Государственного контроля. В ответ А.Е. Тимашев, на тот момент еще министр почт и телеграфов, подал записку императору, где указывал, что это грозит сделать дело перлюстрации известным «посторонним почтовому ведомству лицам, а такая огласка неминуемо парализует деятельность секретных экспедиций». Поэтому он считал необходимым «установить для всей иностранной (приходящей и отходящей) корреспонденции и для простой внутренней (приходящей и отходящей) корреспонденции, чтобы ревизия по следам действий оставалась, по#прежнему, на обязанности Почтового ведомства». 1 апреля 1868 года появилась резолюция: «Государь Император Высочайше повелел исполнить»⁴⁶⁷.

Одновременно руководство почтового ведомства и службы перлюстрации готово было оказать помощь другим властным структурам. В сентябре 1866 года петербургский обер-полицмейстер Ф.Ф. Трепов обратился к почт-директору Н.И. Лаубе с просьбой: «С политической точки зрения необходимо мне знать, из каких почтовых ящиков вынимаются письма на мое имя» – и просил распорядиться, чтобы городская почта предоставляла ему такие сведения. В ответ Лаубе сообщил, что это будет делаться⁴⁶⁸.

В феврале 1880 года военный губернатор столицы И.В. Гурко обратился к почтмейстеру Кронштадта А.И. Сухоцкому с просьбой переписку студента И.Г. Польского и мастера-вог И.П. Бондина передавать кронштадтскому полицмейстеру. Почтмейстер запросил указаний у петербургского почт-директора и руководителя службы перлюстрации В.Ф. Шора. Последовала резолюция: «Если будет письмо, тотчас предоставить его мне»⁴⁶⁹. Таким образом, в дело перлюстрации были вовлечены и надежные начальники почтово-телеграфных контор. В феврале 1886 года, видимо в связи с кончиной Шора, начальник Кронштадтской почтово-телеграфной конторы просил указаний у начальника Санкт-Петербургского почтово-телеграфного округа, продолжать ли контроль над корреспонденцией двенадцати человек, в том числе девяти офицеров. Тот в свою очередь запросил начальника Главного управления почт и телеграфов. Наконец, 7 мая последовал ответ, что надобности «в дальнейшей

⁴⁶⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 241–243.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 253–254.

⁴⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 120 об.

⁴⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 11. Д. 3. Л. 5, 7.

⁴⁶⁹ Там же. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 1. Л. 1–2 об.

выемке и осмотре в Кронштадтской почтовой конторе корреспонденции на имя указанных лиц... не представляется»⁴⁷⁰.

Государственные интересы требовали расширения контроля за частной перепиской. Начавшийся процесс превращения аграрного общества в раннеиндустриальное, рост городов, строительство железных дорог, открытие все новых и новых учебных заведений повышали «температуру» общественной жизни. Проблески будущих социальных потрясений уже различались в российской действительности. Почтово-телеграфная связь в новых условиях становилась важнейшим средством общения членов нелегальных организаций. Одновременно урбанизация России, а следовательно, рост почтовой связи, рост уголовной и политической преступности, заставляла власть допускать, пока еще секретными указами, к тайне почтовой переписки другие ведомства, прежде всего судебные, о чем шла речь выше. По докладу министра юстиции 24 февраля 1868 года государь повелел, чтобы судебные учреждения за получением сведений о переписке и телеграфных сообщениях обращались в Министерство юстиции. В свою очередь министр юстиции после этого должен был «снести» с министром внутренних дел⁴⁷¹.

В то же время новое законодательство создавало неудобства для розыскной деятельности III Отделения и Корпуса жандармов. Начальник Московского ГЖУ 21 ноября 1873 года писал управляющему III Отделением А.Ф. Шульцу, что он обратился к московскому почт-директору С.С. Подгорецкому с просьбой сообщить, откуда и от кого поступали деньги на имя студента (Н.П.) Цахни и дворянина (Л.А.) Дмоховского. В ответ он получил разъяснение, что «ввиду Высочайшего повеления о неоглашении частной переписки» такая информация может быть предоставлена только через МВД с особого высочайшего разрешения⁴⁷².

Поэтому 22 декабря 1875 года начальник III Отделения и шеф Отдельного корпуса жандармов А.Л. Потапов направил записку министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. Он доказывал «необходимость быстрого и своевременного задержания корреспонденции лиц, привлекаемых к делам политического характера, так как часто эта корреспонденция служит единственным вещественным доказательством преступных замыслов авторов ее и указывает на их соучастников». Потапов просил «дать право начальнику Третьего отделения <...> по предварительному соглашению с министром внутренних дел получать как самую корреспонденцию частных лиц, так и сведения о таковой». 3 января 1876 года на основании доклада Тимашева император дал на это принципиальное согласие. Но задержка корреспонденции и выдача ее начальникам ГЖУ разрешалась только по отношению к арестованным. При формальном ограничении (в соответствии с резолюцией императора) права жандармов на ознакомление с перепиской подозрительных лиц одновременно шефу жандармов предлагалось указывать тех, за чьей перепиской следовало бы «иметь в перлюстрационных пунктах самое строгое секретное наблюдение», а выписки сообщать через министра внутренних дел. Сведения «о подозрительных телеграфных сношениях» было предписано собирать через директора телеграфов от начальников станций «без объяснения причин» в виде копий депеш, передаваемых министром внутренних дел шефу жандармов⁴⁷³.

Таким образом, главными «заказчиками» на перлюстрацию корреспонденции являлись III Отделение (с 1880 года – Департамент государственной полиции), Корпус жандармов и затем охранные отделения. К примеру, в 1859 году почтовые чиновники получили указание

⁴⁷⁰ Там же. Оп. 22. Д. 2108. Л. 20–24.

⁴⁷¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 508. Л. 38.

⁴⁷² Там же. Д. 561. Л. 1–1 об.

⁴⁷³ Там же. Д. 508. Л. 32, 38–40; Д. 562. Л. 3–8; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 122–122 об.

установить наблюдение за письмами, адресованными лондонскому банкиру Вильямсу, так как подозревалось, что через него ведется переписка с А.И. Герценом⁴⁷⁴.

Еще одним направлением сотрудничества политических спецслужб и «черных кабинетов» оставался перехват пересылаемой по почте антиправительственной литературы. В сентябре 1861 года в распоряжение главы III Отделения П.А. Шувалова был откомандирован управляющий экспедицией центральной и городской почты Санкт-Петербургского почтамта Ф.Е. Чесноков «для содействия... в задержании рассылавшихся... возмутительных воззваний и для указания, по возможности, на лиц, опускавших такие листки в ящики городской почты». Ему в награду было выдано 2 тыс. руб.⁴⁷⁵ В целом эффективность этой деятельности удовлетворяла в 1860-е годы руководство политического розыска. В одной из служебных записок 1861 года отмечалось, что из 21 имеющегося у них пакета «только шесть писем прошли по почте незамеченными. Что весьма легко могло случиться, потому что при ежедневном отправлении нескольких тысяч писем нет никакой возможности всех их без изъятия вскрывать». Миновать перлюстрацию, по мнению автора записки, могли письма, опущенные «в наружные ящики при железной дороге, при которой перлюстрация производится не может»⁴⁷⁶.

Вместе с тем противники правительства, находившиеся в эмиграции, стремились использовать для пересылки революционной литературы некоторые либеральные послабления. 13 августа 1862 года министр народного просвещения А.В. Головин объявил руководителю Почтового департамента Ф.И. Прянишникову высочайшее повеление о разрешении редакторам газет получать помимо цензуры выходящие за границы на русском и иностранных языках книги, брошюры и периодические издания. Но уже 30 ноября того же года на имя редактора «Северной пчелы» П.С. Усова из Лондона поступили брошюры «Солдатские песни» и «Обращение Центрального народно-политического комитета в Варшаве», о чем И.М. Толстой поставил императора в известность. 14 марта 1863 года последовало высочайшее повеление запретить редакциям журналов получать недозволенные заграничные издания⁴⁷⁷.

Службы политического розыска обращались к руководству «черных кабинетов» и за различными справками. Дело в том, что хранение материалов в III Отделении было налажено весьма неудовлетворительно. Сенатор И.И. Шамшин, проводивший ревизию этого учреждения летом 1880 года, отмечал, что дела хранились часто «без весьма важных бумаг, на которых было основано все производство». И в дальнейшем в Департаменте полиции наведение справок требовало много времени. Только 1 января 1907 года в ДП был создан регистрационный отдел с центральным справочным аппаратом. Во вновь созданную структуру были переданы девятнадцать отдельных именных картотек с полутора миллионами именных карточек. Через несколько месяцев все они были сведены в единую картотеку⁴⁷⁸. Поэтому, например, в 1858 году III Отделение просило сообщить адрес получателя ранее перлюстрированного письма. Здесь выручала профессиональная память почтовых чиновников: «Письмо, сколько помнится, было адресовано так: его высокоблагородию Никарду Ник. <...> Рашевскому на Васильевском острове (линию и дом не помним) для передачи Ник. Петр. Зубову»⁴⁷⁹.

⁴⁷⁴ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 12.

⁴⁷⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 99.

⁴⁷⁶ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 13.

⁴⁷⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 137.

⁴⁷⁸ См.: Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. С. 47–48; Она же. Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880–1917) // Жандармы России. С. 279.

⁴⁷⁹ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 13.

За шестнадцать лет резко вырос сам объем читаемой корреспонденции. За 1858–1859 годы во всех «черных кабинетах» империи, кроме Варшавы, было вскрыто и прочитано более 106 тыс. писем и дипломатических депеш, за 1862–1863 годы – более 151 тыс., за 1864–1865#й – более 146 тыс. В среднем в день читалось более 200 писем. При этом подчеркивалось, что результат надзора «действителен в высшей степени и представляет осязательные результаты»⁴⁸⁰.

Еще одной новой проблемой стало широкое использование революционерами различных видов шифрованной переписки. По моим данным, одним из первых проявлений внимания со стороны власти к этой проблеме стало донесение российского посла в Париже о симпатических чернилах, употребляемых польскими эмигрантами, которое К.В. Нессельроде в декабре 1836 года переслал А.Х. Бенкендорфу. Через шестнадцать лет, в августе 1852 года, генеральный консул в Париже Эбелинг прислал одному из руководителей III Отделения, А.А. Сагтынскому, коробочку с двумя склянками черных чернил, употребляемых якобы теми же «зловредными» польскими эмигрантами. Эбелинг утверждал, что в склянке под номером 1 содержатся бесцветные чернила, которыми пишут текст, а затем поверх них пишут обыкновенными чернилами. В склянке под номером 2 содержался раствор, которым можно было удалить обычные чернила и прочесть тайное послание. К коробочке были приложены и рецепты этих жидкостей. К сожалению, у меня нет данных о перехвате таких писем, но граф А.Ф. Орлов 22 июня 1853 года отдал распоряжение управляющему III Отделением Л.В. Дубельту выдать Сагтынскому 16 руб. 30 коп. серебром или 63 франка 75 сантимов для отправки Эбелингу в возмещение понесенных им расходов по приобретению двух склянок⁴⁸¹.

Затем в «черных кабинетах» стали обнаруживать шифрованные письма. Поэтому III Отделение с 1869 года привлекло к сотрудничеству Л.П. Иессена, руководителя дешифровальной службы при Министерстве иностранных дел (о Людвиге Петровиче Иессене я подробнее расскажу в третьей главе). К маю 1872 года он разобрал четырнадцать шифров, за что получил 2500 руб. В 1874 году ему выдали 800 руб., в 1876#м – 500 руб., в 1878#м – 1 тыс. руб. В частности, он помог расшифровать письма из Швейцарии в Москву; разобрал две записки, найденные при аресте у П.А. Кропоткина 22 марта 1874 года; с 1 августа 1874#го по 1 августа 1875 года дешифровал четыре письма⁴⁸². За расшифровку записок Кропоткина Иессен получил 800 руб., хотя начальник III Отделения и шеф жандармов П.А. Шувалов первоначально запрашивал своих подчиненных, не слишком ли велико будет вознаграждение за разбор двух кратких записок. Управляющий III Отделением в 1871–1878 годах А.Ф. Шульц писал Иессену 9 ноября 1878 года, незадолго до своей отставки: «Милостивый государь Людвиг Петрович! Оставляя в самом непродолжительном времени занимаемый мною пост, я счел своим долгом довести до сведения г. Главного начальника 3#го Отделения <...> о тех услугах, которые Ваше Превосходительство оказали 3#му Отделению в течение последних месяцев», – и сообщал о поручении начальника III Отделения А.Р. Дрентельна передать 1 тыс. руб. наградных. Хотя некоторые шифры раскрыты так и не удалось. Например, в 1870 году не были дешифрованы четыре письма из Одессы, а в 1871#м – одно письмо из Херсона⁴⁸³.

⁴⁸⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 13 об., 114–114 об., 157–157 об.

⁴⁸¹ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1836. Оп. 11. Д. 296. Л. 1, 7–9 об., 14.

⁴⁸² Сам П.А. Кропоткин утверждал, что была расшифрована лишь одна его короткая записка товарищам в Москву – о посылке им двух чистых паспортов, которые следовало заполнить на определенных лиц. Причем дешифровка была сделана якобы после находки ключа при аресте П.И. Войнаральского (*Кропоткин П.А. Записки революционера*. М.: Недра, 1925 [на внутренней странице – 1924]. С. 281–282). Но Войнаральский был арестован в июле 1874 года, а Л.П. Иессен расшифровал записки Кропоткина в мае того же года.

⁴⁸³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 560. Л. 1, 2, 12, 16–17, 20, 22 об., 29.

Как я уже говорил, после смерти в начале января 1886 года почт-директора В.Ф. Шора министр внутренних дел Д.А. Толстой по представлению начальника Главного управления почт и телеграфов возложил управление цензурой иностранных газет и журналов во всей империи и службой перлюстрации на старшего цензора цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте Карла Карловича Вейсмана⁴⁸⁴.

Экономико-социальное развитие страны продолжало менять географию перлюстрационных пунктов. 21 декабря 1859 года вновь было решено упразднить перлюстрационный пункт в Радзивилове, поскольку через Почтовую контору шла лишь местная корреспонденция близлежащих городов. Служивший там чиновник фон Лайминг был переведен в Житомир⁴⁸⁵. В свою очередь, к середине 1870#х годов «вследствие неблагоприятного для него направления железных дорог» Житомир потерял прежнее значение, «доставляя слишком мало материала для выписок, которые сверх того не представляют интереса». 14 июня 1878 года государь дозволил перевести «занимающегося там чиновника» в Киев и посвятить «управляющего почтовой частью в Киевской губернии в тайну перлюстрационного дела» по причине необходимости «усилить надзор за местною частной корреспонденцией по обстоятельствам настоящего времени»⁴⁸⁶.

К сентябрю 1878 года «вследствие особенного возбуждения умов преимущественно в университетских центрах» возникла необходимость наладить перлюстрацию в Харькове. 6 сентября император утвердил решение направить туда двух чиновников, причислив их к Министерству внутренних дел, и «посвятить в секретное дело управляющего почтовой частью в Харьковской губернии». Для организации «черного кабинета» в Харьков командировали «управляющего С. Петербургской секретной экспедицией коллежского советника [К.К.] Вейсмана и одного из опытных и способных чиновников [Л.Л. Чернай] ... для первоначальной тамошней деятельности, т. е. до назначения туда других лиц и до изучения последними всех приемов секретного дела». На расходы предполагалось 5 тыс. руб. в год⁴⁸⁷.

В мемуарах С. Майского (В.И. Кривоша) есть любопытный пассаж о том, что якобы министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев стал единственным на этом посту, кто «лично побывал в петроградском “черном кабинете”, присутствовал во время работы и интересовался ею»⁴⁸⁸. Другие источники об этом не упоминают. Насколько верны данные сведения? Н.П. Игнатьев занимал пост министра внутренних дел очень недолго: с 4 мая 1881#го по 30 мая 1882 года. Кривош свидетелем указанного события быть не мог, так как поступил на службу в петербургскую цензуру иностранных газет и журналов в 1892 году. С другой стороны, он действительно был знаком с графом Игнатьевым и мог знать об этом событии от него самого. Наконец, о таком случае Кривошу могли рассказывать его коллеги, служившие в «черном кабинете» в начале 1880#х годов: В.М. Адлерберг, А.А. Бюлье, Г.Н. Люби, М.Г. Мардарьев, Е.К. Самусьев. Поэтому оценим данный эпизод как любопытную версию.

30 января 1886 года было решено закрыть перлюстрационный пункт в Тифлисе, так как начальник почтовой конторы, занимавшийся этим делом по совместительству, был не в силах исполнять официальные и секретные обязанности, а необходимых 6 тыс. руб. «на устройство вполне организованного перлюстрационного пункта» не имелось. Но, поскольку «рациональное секретное наблюдение за стремлениями народонаселения» в этом крае было признано крайне важным, деньги начиная с 1887 года все же нашлись, и 11 декабря 1886

⁴⁸⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 93. Л. 1; Отчет начальника Главного управления почт и телеграфов за 1884–1887 гг. СПб., 1888. С. 53.

⁴⁸⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 245. Л. 82–83.

⁴⁸⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 122 об. – 123.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 123.

⁴⁸⁸ Майский С. «Черный кабинет». С. 286–287.

года последовало высочайшее согласие на устройство такого пункта. 26 октября 1889 года по высочайшему повелению был учрежден перлюстрационный пункт в Казани «для секретного надзора за сибирской корреспонденцией» с расходом 6870 руб. в год. Через год в связи с изменением «хода сибирских почт» встал вопрос о переносе пункта в Тюмень или Томск. Но министр внутренних дел И.Н. Дурново считал, что «просмотр собственно сибирской корреспонденции не дает достаточно значительных результатов, тогда как Казань, как университетский и вообще учебный центр, представляет сам по себе, в отношении перлюстрации, обширный материал». В результате 29 ноября 1890 года Александр III дал согласие на прекращение секретного просмотра сибирской корреспонденции и на учреждение в Казани постоянного перлюстрационного пункта⁴⁸⁹.

В связи с проведением Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде «и вообще значительности этого торгового центра» Александр III 12 мая 1894 года дал согласие «на открытие временной перлюстрации в этом городе». Сюда в 1895 году были командированы два чиновника из Вильно⁴⁹⁰. Начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов 9 мая 1894 года предложил А.Д. Фомину обсудить вопрос об учреждении официальной цензуры иностранных газет и журналов в Варшаве. До этого перлюстрация в Варшаве проводилась в рамках секретной экспедиции при Варшавском почтамте. После долгого обсуждения было решено закрыть цензуру иностранных газет и журналов в Вильно с переводом ее сотрудников в Варшаву. В конечном счете цензура иностранных газет и журналов при Варшавском почтамте официально начала работу с 1 января 1897 года. По приказу министра внутренних дел Д.С. Сипягина от 1 июня 1901 года ее штат был усилен «двумя чиновниками для секретной переписки»⁴⁹¹.

С этими изменениями было связано и высочайше утвержденное 23 мая 1896 года мнение Государственного совета. Оно отменяло то положение Устава о цензуре и печати 1890 года, согласно которому цензура выписываемых из-за границы через Варшавский почтамт повременных изданий относилась к ведению Варшавского цензурного комитета. Штаты чиновников цензуры иностранных газет и журналов в Санкт-Петербургском, Московском почтамтах, Виленской, Рижской и Одесской почтовых конторах переводились в состав Главного управления почт и телеграфов. Наконец, министр внутренних дел получал официальное право распределять чинов цензуры иностранных газет и журналов по почтовым учреждениям⁴⁹². Надо иметь в виду, что вплоть до 1917 года цензура иностранных газет и журналов формально существовала лишь в Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе и Риге. В других городах, где она имелась, ее официально не существовало. Но теперь министр мог направлять этих чиновников туда независимо от штатного расписания.

В конце 1893 года министр внутренних дел И.Н. Дурново признал необходимым увеличить количество секретных чиновников в Казани, Харькове и Тифлисе – на одного в каждой из перлюстрационных частей⁴⁹³.

Рост активности революционной эмиграции потребовал организации специальной службы российской политической полиции за рубежом. В ноябре 1882 года в Париж был командирован вице-директор ДП Жуков для переговоров с правительством Франции о совместной борьбе с русскими революционными эмигрантами. Он был принят президентом Гриви, и ему была предоставлена возможность посмотреть архив французской тайной полиции. В результате была подготовлена «Записка» с указанием, в частности, адресов, по кото-

⁴⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 29. Л. 91–91 об.; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 124–125.

⁴⁹⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 249. Д. 12. Л. 1086; Оп. 267. Д. 35. Л. 6; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 125 об. – 126.

⁴⁹¹ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 86; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 145. Л. 1, 6–7, 9.

⁴⁹² ПСЗ. Собр. 3#е. Т. 16. Ч. 1. СПб., 1899. № 12992. П. 1–2.

⁴⁹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 125–125 об.

рым вел переписку с Россией автор книги «Отщепенцы» Н.В. Соколов⁴⁹⁴. В июле 1883 года в Париже было создано специальное подразделение российского Департамента полиции – Заграничная агентура, которая вошла в историю как «Заграничная охранка». Летом 1884 года ее руководителем был назначен П.И. Рачковский⁴⁹⁵. Получив столь ответственный пост, этот еще молодой человек активно берется за организацию работы. Одна из задач, поставленных перед ним директором ДП П.Н. Дурново, – выяснение адресов, «по которым ведутся, через посредство Веры Засулич, сношения русской эмиграции с представителями революционного движения на юге России». 9 (21) апреля 1885 года Рачковский представил подробный доклад об организации контроля за перепиской революционных эмигрантов. С очевидным самолюбованием он, в частности, писал:

...желание Его Превосходительства может быть выполнено лишь при условиях систематического контроля за перепиской этой последней [В.И. Засулич]. Впрочем, установление подобного контроля имеет существенно важное значение не только в отношении Засулич, но и в отношении некоторых других выдающихся эмигрантов, которые, живя в Швейцарии, убедились в возможности вести конспиративную переписку по своим собственным адресам, как, например, представители Тихомировского кружка <...> думают, что для перлюстрации их переписки наше правительство даже не может располагать такими благоприятными средствами, как в Париже, где по их мнению, не только парижская префектура делает все возможное, но и представители русской полиции нашли способы добывать их переписку путем подкупа консьержей и проч. Таким образом, считая себя, вопреки парижской эмиграции, вне правильного контроля русской полиции, женеvские эмигранты организовали по своим адресам правильные центры для конспиративных сношений, которые до сих пор действительно не эксплуатировались и не могли эксплуатироваться, несмотря на политическую важность. <...> восполнение столь значительного убытка может быть достигнуто назначением специальных средств, которые дали бы мне возможность отправиться на некоторое время в Швейцарию (с двумя наиболее опытными агентами) для организации там правильного контроля за эмигрантской перепиской и не на удачу, как это делается [А.] Барлэ в Париже [подчеркнуто читателем доклада], а по адресам, имеющим действительную революционную важность. Несмотря на известную неподкупность не только швейцарских почтальонов, но и квартирохозяев, из которых многие, кроме того, принадлежат к членам бывшего интернационала и социалистам; несмотря, наконец, вообще на крайние затруднения, которые необходимо должны встретиться в этом случае, я тем не менее, смею думать, что мои усилия не останутся без существенных результатов и Департамент полиции

⁴⁹⁴ Кантор Р.М. Французская охранка о русских эмигрантах (Неизданные материалы) // Каторга и ссылка. 1927. № 31 (44). С. 87. Н.В. Соколов (1832 – 1889, Париж) – подполковник русской армии, совместно с В.А. Зайцевым автор книги «Отщепенцы». Рукопись книги была арестована в апреле 1866 года. В 1866–1872 годах Соколов находился в заключении и ссылке. В 1872#м бежал за границу.

⁴⁹⁵ Перегудова З.И. Деятельность русской политической полиции за рубежом (Заграничная охранка 1883–1917 годов) // Жандармы России. С. 314–317. П.И. Рачковский (1851–1911) служил в ДП МВД с мая 1883 года. Руководил зарубежной агентурой в 1884–1902 годах. Вице-директор ДП (4 июля 1905#го – 11 января 1906 года). Находился в отставке с июня 1906 года.

получит возможность располагать значительным количеством новых и при том очень веских данных документального характера⁴⁹⁶.

П.И. Рачковский стал регулярно сообщать в Петербург адреса, по которым вели переписку с Россией Л.А. Тихомиров, члены группы «Освобождение труда». Присылал копии с писем, получаемых революционными эмигрантами. Через несколько лет он добился нового серьезного успеха в деле перлюстрации. В докладе Александру III от 28 июня 1889 года министр внутренних дел И.Н. Дурново сообщил, что Рачковским достигнуто соглашение с французскими властями, «благодаря коему переписка всех проживающих в Париже русских эмигрантов будет подвергаться просмотру... и копии всех писем будут доставляться в Россию для рассмотрения в Департаменте полиции. Такое распоряжение имеет первостепенную важность ввиду чрезвычайной трудности проникнуть в среду наших парижских эмигрантов и необходимости, вследствие сего, довольствоваться одним лишь наружным наблюдением, которое не может, разумеется, дать особенно существенные результаты»⁴⁹⁷.

В докладе министру внутренних дел от 30 июня (12 июля) 1898 года сообщалось о получении Г.В. Плехановым письма из России о создании социал-демократической партии с приложением «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии». Приводился отрывок из переписки двух революционных эмигрантов, А.Д. Гнатовского и Л.Э. Шишко, о переговорах с В.Л. Бурцевым относительно издания журнала «Народоволец». В 1902 году пересылается копия письма из Швейцарии от М.А. Стахович в имение Пальна Елецкой губернии с обсуждением положения в России⁴⁹⁸.

В сентябре 1902 года главой Заграничной охраны стал начальник Особого отдела ДП Л.А. Ратаев, а с августа 1905#го – А.М. Гартинг. Его в свою очередь на короткое время сменил в апреле 1909 года жандармский ротмистр Долгов. С ноября 1909#го до 1917 года Заграничным секретным бюро в Париже руководил чиновник особых поручений при МВД статский советник А.А. Красильников⁴⁹⁹. Все они продолжали практику добывания с помощью швейцаров и консьержек переписки революционных эмигрантов, проводя ее перлюстрацию и в необходимых случаях фотографирование. Агент Ратаева Г.И. Рабинович в ноябре 1903 года попался на добывании писем в Швейцарии и был приговорен к тюремному заключению⁵⁰⁰. Но сама эта практика продолжалась. Например, Красильников 5 (18) апреля 1910 года направил в Особый отдел ДП 32 копии писем, адресованных в Женеву или из Женевы. Через два дня от него поступило еще девять копий⁵⁰¹. По словам С.П. Белецкого, перлюстрация такого рода производилась во Франции, Италии, Швейцарии, Австро-Венгрии. Агенты Красильникова входили в соглашения с консьержками, а по недостатку времени письма переводились на кальку и в таком виде присылались в ДП⁵⁰².

Перемены на троне требовали вводить в курс секретных дел нового государя. Поэтому в архивах сохранились доклады о положении с перлюстрацией в империи, датированные июнем 1882#го и январем 1895 года. Они рисуют задачи столь деликатного дела, его орга-

⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 68. Л. 27–28. Л.А. Тихомиров (1852–1923) – народник, член исполкома «Народной воли»; в 1882–1888 годах – эмигрант; отрекся от революционных убеждений, вернулся в 1889 году в Россию, стал монархистом. Александр Барлэ был первоначально приглашен в качестве заведующего службой наружного наблюдения парижской агентуры ДП.

⁴⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 29. Л. 71–71 об.

⁴⁹⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 68. Л. 38–38 об., 54а – 63, 68–73, 88 об. – 96, 141 об., 149–150 об., 152 об., 160–160 об., 187–191, 198. М.А. Стахович (в замужестве Рыдзевская) (1866–1923) – близкая знакомая семьи Л.Н. Толстого.

⁴⁹⁹ *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 146–150.

⁵⁰⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 65 об. – 66.

⁵⁰¹ Там же. Д. 1002. Л. 131.

⁵⁰² Там же. Д. 1000. Л. 146.

низацию и роль в поддержании политической стабильности в государстве. В докладе от 5 июня 1882 года, в частности, говорится:

Учреждение перлюстрации, или тайного досмотра частной корреспонденции, пересылаемой по почте, имеет целью представление Государю Императору таких сведений о происшествиях, таких заявлений общественного мнения относительно хода дел в империи... и такой оценки действий влиятельных лиц, какие официальным путем не могли бы дойти до Его Величества. Достижение этой цели обусловливается полною независимостью перлюстрационной деятельности от каких бы то ни было властей, кроме императорской, ибо в представлении Государю копий или выписок из корреспонденции, согласно Высочайшей воле, не стесняются *никаким лицом* [курсив документа], как бы ни было оно высоко поставлено... и как бы оно ни было близко Особе Его Величества. <...> Производство перлюстрации... поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно дознаны: 1) безграничная преданность Особе Государя 2) безусловное сочувствие и повиновение установленному образу правления 3) полное беспристрастие к родственным или общественным связям 4) постоянная готовность к труду и к совершенному отчуждению себя не только от светских развлечений, но даже и от всякого общежития [т. е. общения], если служба того требует 5) скромность, необходимая для ограждения перлюстрации от всякого оглашения перед лицами, не посвященными в тайну ее существования, составляющую тайну Царствующего и, наконец, 6) нравственность, умственное развитие и образование, соответственные важной обязанности освещать перед монархом те случаи и обстоятельства, которые, про каким#либо соображениям государственных властей и отдельных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества.

Здесь же отмечалось, что в это время ежегодно просматривалось около 380 тыс. конвертов, из которых делалось в среднем 3600 копий и выписок⁵⁰³.

---

⁵⁰³ Там же. Д. 1001. Л. 14–15 об.

Глава 2

Служба перлюстрации в конце XIX – начале XX века

1. Организация работы в «черных кабинетах» в конце XIX – начале XX века

21 октября 1894 года на престол вступил последний российский император Николай II. Через два с половиной месяца, 5 января 1895 года, ему был представлен доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново «О перлюстрации». В основном текст был переписан с доклада 1882 года. В ряду новых моментов указывалось, что «на обязанности перлюстрационной части лежит также задержание пересылаемых по почте прокламаций и листов противоправительственного и революционного содержания, а равно старание раскрывать деятельность и замыслы революционеров и других, подозрительных в политическом отношении личностей, и вообще доставление Департаменту полиции сведений, дающих ему возможность успешно бороться с революционным движением в России»⁵⁰⁴.

Одновременно министр подчеркивал крупнейшие достижения службы перлюстрации в охране порядка за последние пятнадцать лет: «...открытие в зародыше военного заговора в Киеве; ...открытие целых правильно организованных шаяк иностранных военных шпионов в Западном крае; предупреждение имевшегося в виду крушения пассажирского поезда (дело Турчанинова) и, наконец, самое выдающееся... – открытие заговора и предупреждение покушения на жизнь покойного государя императора Александра III»⁵⁰⁵.

Самим чиновникам «черных кабинетов» внушалось, что с их помощью «правительство преследует цель получения точных сведений с мест о настроениях высших должностных лиц и местной интеллигенции, об их отношении к проводимым в жизнь государства реформам», что якобы «в переписке общественных деятелей... порой излагались такие мысли, которыми правительство могло воспользоваться в целях лучшего управления государством». Руководитель «черного кабинета» в Киеве действительный статский советник К.Ф. Зиверт, посвятивший этому занятию более тридцати лет, в марте 1917 года говорил, что его учреждение приносило России большую пользу: «...прочитывались мысли образованных, умных людей... и этими мыслями... пользовались для блага России»⁵⁰⁶. Один из почтовых чиновников, причастный к перлюстрации в Киеве, А. Тихановский сказал в те же дни: «Высшее начальство... желало знать, чем “дышит” каждое высокопоставленное лицо в провинции»⁵⁰⁷.

Поэтому перлюстрация по#прежнему считалась «непроницаемой тайной», сведения о которой не могли выходить за пределы узкого круга доверенных лиц. Когда в феврале 1913 года председатель Совета министров В.Н. Коковцов, получавший выписки из перлюстрированных писем, указал, что одна из выписок передана им в Департамент железнодорожных дел, министр внутренних дел Н.А. Маклаков имел с ним личное объяснение. В справке Особого отдела Департамента полиции (ОО ДП) для министра отмечалось, что «способы при-

---

⁵⁰⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 12–13.

⁵⁰⁵ Там же. Д. 1002. Л. 126 об. Подробнее об этих делах, которые руководители перлюстрации считали своими самыми значительными достижениями с 1879 года, рассказано в шестой главе. К сожалению, мне не удалось найти документы о деле Турчанинова, обвиненного в намерении организовать крушение пассажирского поезда.

⁵⁰⁶ Киевская мысль. 1917. 2 апреля. С. 4.

⁵⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 8.

обретения вышеупомянутых документов составляют государственную тайну» и при необходимости ДП представит «сообщение в форме исключаяющей малейшее подозрение об источниках их получения». В результате премьер «обещал в будущем пользоваться услугами ДП в этом отношении»⁵⁰⁸.

Сначала секретные чиновники сами занимались и отбором писем, подлежащих перлюстрации. Например, в Петербурге с 1900 года это было обязанностью И.И. Кудряшова, служившего в цензуре иностранных газет и журналов с 1892 года в качестве технического работника. Он отбирал корреспонденцию по спискам Департамента полиции «и вообще по подозрению». Однако расширение масштабов работы потребовало привлечения особо надежных почтово-телеграфных служащих. В Санкт-Петербурге такую практику стали применять с 1902 года, в Харькове – с 1907#го, в Киеве и других пунктах – с 1908#го. Тот же Кудряшов был переведен в почтамт для координации этой работы. К концу 1915 года таких косвенных участников, как их называли, по всем перлюстрационным пунктам насчитывалось около шестидесяти человек. Из них около половины находились в Петербурге. Здесь доверенные чиновники были в каждой экспедиции почтамта: городской почты, международной корреспонденции, доставки высочайшей корреспонденции⁵⁰⁹. Занимавшийся подбором этих сотрудников в столице и руководивший отборкой писем Иван Иванович Кудряшов говорил с некоторой гордостью на допросе в ГПУ Ленинграда в декабре 1929 года, что «отказов от этой работы ни от одного из намеченных не было». Каждый из привлеченных представлялся старшему цензору и тоже давал подписку о неразглашении⁵¹⁰. О деятельности «черных кабинетов» на местах всегда знали также начальники этих почтовых контор и почтово-телеграфных округов, за что и получали соответствующие вознаграждения – как правило, дважды в год⁵¹¹.

Бывший чиновник Варшавского охранного отделения М.Е. Бакай связывал резкий рост объема перлюстрации с назначением С.В. Зубатова заведующим ОО ДП: «Начиная с [октября] 1902 года, когда дело политического розыска по всей России перешло к Зубатову, перлюстрированных писем начало поступать так много, что стало необходимо завести для успешного ведения дела целый штат чиновников [видимо, речь идет о почтовых чиновниках, занимавшихся отбором корреспонденции]»⁵¹². (Сам Бакай к службе в охранке приступил в том же году под руководством Зубатова, а с 1907 года стал писать разоблачительные статьи.)

К началу XX века в империи на постоянной основе существовало восемь официальных секретных перлюстрационных пунктов – в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Казани, Киеве, Одессе, Тифлисе и Харькове. «Черные кабинеты» прятались под вывеской цензуры иностранных газет и журналов при Петербургском и Московском почтамтах, при почтовых конторах в Варшаве, Киеве, Одессе, а также действовали под видом секретных экспедиций при почтовых конторах Казани, Тифлиса и Харькова. Во второй половине 1908 года перлюстрационный пункт в Казани был закрыт⁵¹³. В ряде случаев чиновники «черных кабинетов» выезжали в командировки в связи с поездками по стране Николая II. Например, в мае 1910 года временный перлюстрационный пункт был учрежден в Риге – визит императора с семьей в этот город состоялся 3–5 июля. В Ригу были направлены цензоры из Петербурга, которые

⁵⁰⁸ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 123–123 об.; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 110.

⁵⁰⁹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 209 об.; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 110–110 об.

⁵¹⁰ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 210.

⁵¹¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 10; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 219. Л. 14.

⁵¹² Бакай М.Е. Из воспоминаний: О черных кабинетах в России // Былое [Париж]. 1908. № 7. С. 122.

⁵¹³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 228. Л. 20; Д. 249. Л. 35; Оп. 267. Д. 38. Л. 6. Вместе с тем надо отметить, что секретные выплаты почтальону Сидоркину, многие годы сотрудничавшему с «черным кабинетом» в Казани, продолжались до 1911 года из расчета 10 руб. в месяц (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1910. Д. 333. Л. 9–9 об.).

«занимались в губернаторском доме вскрытием и просмотром доставляемой туда почтовой корреспонденции» с целью охраны государя⁵¹⁴.

Осенью 1905 года из-за боязни захвата секретных документов революционными толпами был закрыт перлюстрационный пункт в Тифлисе. В мае 1908 года было решено, что, поскольку «в течение трех лет ДП был лишен источника сведений столь необходимого для политического розыска и освещения подпольной работы, действующих на Кавказе», «черный кабинет» там надо восстановить. После принятия этого решения была разработана многоходовая комбинация. Прежде всего была составлена смета расходов на 10 720 руб., включавшая годовое жалованье заведующему пунктом – 3200 руб., переводчику с армянского и грузинского языков – 1800 руб., двум почтовым чиновникам – по 1200 руб., одному – 600 руб., двум другим – по 300 руб., сторожу – 300 руб.; на фотографирование и «секретные материалы» – 500 руб., на наем помещения – 1 тыс. руб., отопление и освещение – 200 руб., канцелярские расходы – 120 руб. Кроме этого, пришлось истратить на обстановку помещения 400 руб. и на приобретение фотографических и технических принадлежностей 300 руб. Надо отметить, что жалованье перлюстраторов и причастных к «секретному делу» здесь значительно превышало подобные расходы в других провинциальных пунктах. К тому же деньги шли прямо за счет ДП. В распоряжение А.Д. Фомина ДП отпустил 10 526 руб. 67 коп.

Для руководства тифлисским пунктом был подобран коллежский секретарь В.К. Карпинский. Молодой и энергичный, Владимир Константинович с апреля 1903 года служил в цензуре иностранных газет и журналов, занимаясь перлюстрацией в Киеве и Одессе. Поскольку пункт в Тифлисе было решено сделать абсолютно секретным, то встал вопрос о легализации Карпинского. Директор ДП Н.П. Зуев в январе 1909 года просил начальника Главного управления по делам печати А.В. Бельгарда зачислить Карпинского в Тифлисский комитет по делам печати, хотя бы без содержания. Но Бельгард сообщил Зуеву, что определение на службу на Кавказе зависит от заместителя. В результате переписки начальника Особого отдела ДП Е.К. Климовича и тогдашнего начальника Тифлисского ГЖУ А.М. Еремина было решено, что «на председателя и членов комитета [по делам печати] надежды мало и прикомандирование к нему... может повести к провалу дела». Еремин предложил направить Карпинского в Тифлис под предлогом «изучения восточных языков». В итоге товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов провел неофициальные переговоры с министром народного просвещения П.М. Кауфманом. После этого вице-директор ДП С.Е. Виссарионов 16 июня 1909 года направил официальное письмо директору Департамента общих дел Министерства народного просвещения Н.В. Вестману с просьбой причислить Карпинского к данному министерству без содержания и с откомандированием в Тифлис для «изучения восточных языков». Согласие немедленно последовало. Замечу попутно, что по официальным справочникам Карпинский в 1910 году еще продолжал числиться младшим цензором Одесской почтовой конторы⁵¹⁵. Это лишний раз напоминает, насколько осторожен должен быть историк даже в работе с документами.

В действительности уже в январе 1909 года Карпинский был на месте. 21 января начальник Тифлисского ГЖУ Еремин сообщил в ДП телеграммой: «Дело устроено». Одновременно из Петербурга в Тифлис для помощи в организации «черного кабинета» был направлен на период с 13 января по 1 февраля 1909 года В.И. Кривош. «Любитель восточных языков» при содействии руководителей местного жандармского управления подыскал удобную квартиру недалеко от почтамта, подобрал надежных помощников из почтово-телеграфных служащих и приступил «к полезной и нужной работе». Для «особо важных случаев» И.А. Зыбин в ДП разработал Карпинскому специальный шифр. Также для большей

⁵¹⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 89.

⁵¹⁵ Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1910 год. Одесса, 1910. С. 94.

конспирации Карпинский обзавелся псевдонимами. В ГЖУ он был известен как Василий Иванович Колосовский. С Петербургом вел переписку под именем Петра Петровича Миловинова (ввиду того, что в почтовой конторе были люди, сочувствующие революционерам). При этом просил столичное цензурное начальство важные официальные бумаги направлять через начальника Тифлисского ГЖУ И.И. Пастрюлина, вкладывая в пакет конверт «для Миловинова». Сам же он, как правило, свои письма и выписки для Петербурга вручал начальнику ГЖУ, который отправлял их в ДП МВД. Оттуда пакеты с надписью «Его превосходительству С.В. Соколову» передавались М.Г. Мардарьеву. Если же Карпинский предназначал свои сообщения для ДП, то фамилию Соколова дважды подчеркивал цветным карандашом и крестообразно перечеркивал конверт. Для большей конспирации называл в письмах И.А. Зыбина – Александровым, а другого сотрудника шифровального отдела, С.И. Жабчинского, – Игнатьевым. В ноябре 1915 года В.К. Карпинский был официально возвращен в число чиновников МВД⁵¹⁶.

При этом Владимир Константинович неоднократно предлагал меры по улучшению работы. 6 апреля 1912 года он писал Мардарьеву о целесообразности организовать перлюстрацию на Тифлиском вокзале. Для этого следовало его помощника П.П. Якубянца назначить на место умершего помощника начальника отделения по перевозкам почт по железным дорогам. Объясняя свое предложение, Карпинский замечал: «Я готов с удовольствием работать больше, чем теперь, лишь бы результаты досмотра были лучше настоящих, когда чуть ли не вся революционная переписка проходит, к сожалению, мимо нас». Было ли реализовано это предложение в тот момент – пока, увы, неясно. Но 6 ноября 1915 года товарищ министра внутренних дел утвердил смету расходов, включавшую выплату 600 руб. в год чиновнику, занимающемуся досмотром корреспонденции на вокзале. Во время Первой мировой войны на основании записки от 20 ноября 1915 года дополнительные 2400 руб. в год были специально выделены пункту в Тифлисе для перлюстрации писем двоюродного дяди царя, великого князя Николая Николаевича-младшего (с августа 1915 года наместника Кавказа и командующего Кавказским фронтом), а также писем его окружения. С этой целью был составлен особый список лиц, чья переписка подлежала просмотру. К ним относились князья В.Х. Голицын, Д.П. Голицын, П.Б. Щербатов, граф Д.Г. Менгден, И.И. Балинский, М.Е. Крупенский и др. К досаде сотрудников ДП и перлюстраторов, почту Николая Николаевича дважды в неделю возили в Петроград офицеры-фельдъегеря⁵¹⁷. Поэтому 29 декабря 1915 года Карпинский обратился к руководству с предложением: «Не лучше ли мне явиться к князю [В.Н.] Орлову [с ноября 1915 года помощник наместника Кавказа по гражданской части] и предложить свои услуги. Само собой разумеется, что я только кое-что буду представлять в копиях во дворец [Николая Николаевича], самое же интересное, особенно выписки из писем свиты и самого Николая Николаевича будут представляться исключительно в Петроград». Согласие на такую комбинацию было дано товарищем министра внутренних дел С.П. Белецким⁵¹⁸.

Пора рассказать о том, как проходил сам процесс перлюстрации. Как отбирались письма для вскрытия? Согласно секретным правилам, ни при каких условиях нельзя было вскрывать письма трех человек в Российской империи: государя императора, министра внутренних дел, начальника III Отделения, а после его упразднения – директора Департамента полиции. Корреспонденция всех остальных подданных, в том числе и членов императорской фамилии, при необходимости могла быть прочитана. Иногда новый министр внутренних

⁵¹⁶ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2035. Л. 2 об. – 3, 43; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 34 об. – 35, 37–38 об., 39 об. – 40 об., 45.

⁵¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 78; Оп. 316. Д. 1000. Л. 139; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 29, 35; Д. 1001. Л. 34–50.

⁵¹⁸ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 114 об. – 116.

дел мог обнаружить в кабинете предшественника копии своих собственных писем предыдущих лет⁵¹⁹. Р.В. Швейер, работавший в петербургском «черном кабинете» с 1890 года, на допросе 6 ноября 1929 года вспоминал: «Читались письма преимущественно высокопоставленных лиц, интеллигенции (студенты, адвокаты, профессора, члены Думы) и по специальным поручениям Департамента полиции... читались письма всем министрам, членам Государственного совета, и одно время читались письма бывшего в то время наследником престола Николая II к [М.Ф.] Кшесинской и обратно, губернаторам и вице-губернаторам»⁵²⁰.

О перлюстрации своих писем в начале XX века упоминал известный русский историк великий князь Николай Михайлович. По утверждению одного из руководителей МВД, С.П. Белецкого, Николай II распорядился перлюстрировать корреспонденцию своего брата Михаила, находившегося в тот момент за границей и собиравшегося жениться на Н.С. Вульфферт (Шереметьевской)⁵²¹. Другой пример: в сентябре 1908 года управляющий двором великой княгини Ольги Александровны и принца Петра Александровича Ольденбургского С.Н. Ильин обратился с письмом в Главное управление почт и телеграфов по поводу получения вдовствующей императрицей Марией Федоровной писем от своей дочери Ольги Александровны со следами вскрытия. Вице-директор ДП С.Е. Виссарионов поручил А.Д. Фомину расследовать жалобу. В результате 24 октября был представлен акт, в котором утверждалось, что вскрытия не было, а была лишь плохая заклейка конвертов. Но Ольга Александровна распорядилась акт не подписывать, поскольку заклеивала эти письма сама⁵²². Тот же Белецкий на допросе 12 мая 1917 года рассказал о происшествии (судя по обстоятельствам – периода 1913–1914 годов), когда письмо императрицы Марии Федоровны не дошло адресату в Тобольск. По ее поручению начальник дворцовой охраны А.И. Спиридович явился к Белецкому «с просьбой отдать это письмо, если я [т. е. он, Белецкий] его взял». Последний доложил министру внутренних дел, вызвал М.Г. Мардарьева, министр заверил Николая II, что служба перлюстрации к этому не причастна. Но, по словам Белецкого, подозрения у Марии Федоровны остались и она жаловалась сыну, «будто на одном письме нашла отпечаток пальца». Государь рассказал об этом министру внутренних дел Н.А. Маклакову, вновь был вызван Мардарьев, который «клятвенно... божился [С.П. Белецкому], что им эти письма никогда не вскрываются»⁵²³. Также Белецкий вспоминал, что сделался объектом подозрений и со стороны императрицы Александры Федоровны, после того как одно из ее писем к Г.Е. Распутину оказалось перехвачено путем перлюстрации (письма императрицы к Распутину были найдены у иеромонаха Илиодора в 1912 году)⁵²⁴. Основания для таких подозрений, безусловно, существовали.

Вместе с тем возможно, что в некоторых подобных случаях происходила так называемая «инициативная» перлюстрация, т. е. инициированная отдельными почтовыми чиновниками. «Во избежание нареканий на Особую часть» старший цензор и руководитель секретной части в империи М.Г. Мардарьев 20 января 1916 года направил в ДП докладную записку о том, что в пути или в местах отправления корреспонденции (Умань, Ростов-на-Дону) неумело вскрываются письма, большинство которых адресовано лицам, состоящим в последнем перечне Департамента полиции⁵²⁵.

⁵¹⁹ Там же. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1861. Д. 97. Ч. 2. Л. 112.

⁵²⁰ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 102 об. – 103.

⁵²¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 138; Литературное наследство. Т. 37–38. М.: АН СССР, 1939. С. 304.

⁵²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 333. Л. 46–47 об.

⁵²³ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 232. Ч. 1. Л. 75.

⁵²⁴ Белецкий С. Григорий Распутин // Святой черт. Тайна Григория Распутина. М.: Книжная палата, 1990. С. 34.

⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 94.

Это приводило иногда к любопытным казусам. Не возражая против самой практики перлюстрации своих писем, товарищ министра внутренних дел и командир Корпуса жандармов П.Г. Курлов, а также С.П. Белецкий (в тот момент директор Департамента полиции) жаловались Фомину и Мардарьеву на небрежное обращение с конвертами⁵²⁶. В частности, в ноябре 1910 года Курлов заметил, что адресуемые ему письма приходят «в очень плохо заклеенных конвертах», и поручил директору ДП Н.П. Зуеву обратиться к Фомину со следующей просьбой: «если письма его [Курлова] подвергаются перлюстрации», сделать так, чтобы «они не носили явных признаков вскрытия»⁵²⁷. Белецкий 12 декабря 1913 года поручил сотруднику ОО ДП С.И. Жабчинскому «переговорить по поводу небрежного наблюдаемого мною вскрытия моих писем». Жабчинский переговорил лично с Мардарьевым⁵²⁸. Бывший вице-директор ДП С.Е. Виссарионов на допросе 26 августа 1917 года утверждал, что сам неоднократно замечал – «доставляемые [ему] письма подвергались вскрытию»⁵²⁹. Московский градоначальник с января 1906#го по ноябрь 1907 года А.А. Рейнбот (Резвый) сообщил на допросе 29 июля 1917 года, что однажды ему позвонил старший цензор Московского почтамта В.М. Яблочков и извинился за то, что одно из писем к градоначальнику было повреждено при вскрытии⁵³⁰. А.А. Хвостов, занимавший пост министра внутренних дел в июле – сентябре 1916 года, говорил на допросе 12 июля 1917 года, что нашел среди перлюстрированных писем свои собственные, а также письма своего брата, сенатора А.А. Хвостова, обер-прокурору Синода (30 сентября 1915#го – 7 августа 1916 года) А.Н. Волжину⁵³¹.

В таких условиях создавалась возможность на протяжении многих лет использовать перлюстрацию в личных целях. Слушая 10 июля 1917 года допрос бывшего государственного секретаря С.Е. Крыжановского, А.А. Блок, тогда сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц, отметил в записной книжке: «Перлюстрация в видах полицейских и в видах любознательности. Столыпин ставил под надзор даже своих родственников»⁵³². Как показывал на допросе, а затем вспоминал Крыжановский, при П.А. Столыпине перлюстрация «обнимала не только всех политических деятелей, даже тех, с которыми Столыпин дружил в данную минуту, не только всех сотоварищей по правительству, даже и самых близких к нему, как например, Кривошеина, но распространялась и на членов его семьи, особенно [на] брата Александра [А.А. Столыпин – известный журналист] и на брата жены, Алексея Нейгардта [А.Б. Нейгардт – член Государственного совета в 1906–1915 годах]»⁵³³. Эта история имела свое продолжение. После гибели Столыпина в сентябре 1911 года для разбора его бумаг была создана специальная комиссия в составе директора Департамента общих дел МВД А.Д. Арбузова, И.Г. Григорианца, товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского, товарища министра финансов Е.Д. Львова, управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве, А.А. Столыпина и А.Б. Нейгардта. Комиссия обследо-

⁵²⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1000. Л. 101; Д. 1001. Л. 91.

⁵²⁷ Там же. 1910. Д. 333. Л. 59.

⁵²⁸ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 91.

⁵²⁹ Там же. Д. 1000. Л. 127 об.

⁵³⁰ Там же. Л. 80 об.

⁵³¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 5. Л., 1926. С. 471, 473.

⁵³² Блок А. Последние дни императорской власти / Сост. С.С. Лесневский, З.И. Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 223.

⁵³³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 108 об. – 109. Нейгардт Алексей Борисович (1863–1918) – брат О.Б. Столыпина, действительный статский советник, камергер. Нижегородский губернский предводитель дворянства (24 января 1897#го – 15 апреля 1904 года), екатеринославский губернатор (19 марта 1904#го – 6 января 1906 года). Был расстрелян 6 ноября 1918 года по постановлению Нижегородской ЧК. Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925) – российский журналист, поэт. Брат П.А. Столыпина. С 1904 года был сотрудником газеты «Новое время», активный деятель партии «Союз 17 октября».

вала кабинеты Столыпина в Елагинском дворце и в квартире на набережной реки Фонтанки, а также изучила документы, доставленные из его имения Колноберже⁵³⁴. По словам Крыжановского, они вместе с Арбузовым, Александром Столыпиным и Алексеем Нейгардтом разбирали в одном из кабинетов покойного его бумаги. Внезапно в одном из ящиков письменного стола Сергей Ефимович увидел кипу списков с писем шурина премьера, А.Б. Нейгардта. Ситуация складывалась крайне неловкая, но Крыжановскому вместе с Арбузовым удалось незаметно сунуть «компромат» в кучу бумаг, подлежащих возвращению в МВД⁵³⁵.

Иногда информация о перлюстрации вызывала возмущение министров. Такой эпизод произошел на заседании Совета министров 13 сентября 1915 года. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов с возмущением заявил: «Цензура вскрывает письма даже [Ж.М.] Палеолога [посол Франции в России]! Его частную переписку!» Министр земледелия А.В. Кривошеин обратился к председателю Совета министров И.Л. Горемыкину: «Вы, Ив [ан] Лог [инович], превыше всех властей. Доложите императорскому величеству, что это безобразие»⁵³⁶.

Вся перлюстрация делилась на «алфавит» и случайную выборку. Если перлюстрированное в результате случайной выборки письмо представляло интерес с точки зрения органов политического розыска, могли быть приняты различные меры: выявление личности автора и адресата, если таких данных в тексте не было; решение о взятии данного корреспондента под негласный надзор, установление контроля за его перепиской на какой-то срок с целью выявления знакомств и намерений.

Например, перлюстрированная копия письма от 16 ноября 1883 года из Одессы к студенту математического факультета Киевского университета Л. Гаевскому была подписана «Твой Григорий». Резолюция гласила: «Нельзя ли определить автора, адресата и лиц упоминаемых»⁵³⁷.

Письмо Михаила Степановича Яковлева из Харькова от 10 ноября 1883 года на станцию Тосно воспитаннику Лесного училища Николаю Николаевичу Костомарову вызвало подозрения своим содержанием. В тексте были подчеркнуты следующие места:

Скажу тебе, что жизнь моя полна содержанием. <...> Работы по Университету страсть! Если хочется читать, то все легальное и нелегальное – к твоим услугам. Если к этому добавить, что 3 и 4 раза в неделю приходится бывать на чтениях, дебатах и т. [ому] под. [обном], заседать в комиссиях и проч. [ее], то отсюда вполне будет, что свободного времени у меня очень мало. <...> Владеешь ли ты рубанком, пилой и проч. [им] и есть ли у тебя время приготовить мне кое-что?

Понятно, что читавший усмотрел здесь намек на какую-то нелегальную деятельность. Резолюция гласила: «Установлено ли наблюдение над этим Яковлевым?»⁵³⁸

19 сентября 1895 года директор ДП Н.Н. Сабуров направил записку А.Д. Фомину с просьбой учредить надзор за перепиской активного участника социал-демократического кружка А.И. Бронина, выехавшего из Нижнего Новгорода в Ростов-на-Дону. 4 октября последовала просьба перлюстрировать корреспонденцию, отправляемую преимущественно из Москвы и Воронежа в Харьков на имя студента Харьковского университета Николая Андреевича Ряховского. 7 октября в цензуру пришла информация о враче Эрнестине (Эсфири) Вульфовне Соскис, сестре эмигранта М.Д. Соскиса, проживающей в Варшаве. По

⁵³⁴ Столыпин П.А. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 12.

⁵³⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 29–30.

⁵³⁶ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записки заседаний и переписка). СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 272.

⁵³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 8. Л. 50.

⁵³⁸ Там же. Л. 36–37.

сведениям ДП, эта женщина «ведет переписку с каким-то близким ей лицом, находящимся в Харькове, имя и отчество или фамилия которого начинается буквами И.О.». Записка заканчивалась просьбой, «буде представится возможность», установить личность «И.О.» и «о последнем не оставить уведомлением». 5 ноября ДП распорядился учредить наблюдение за корреспонденцией на имя студента Киевского университета Семена Иванова Нилова. В одном из задержанных пакетов с революционными воззваниями был обнаружен конверт из Цюриха на имя профессора римского права Харьковского университета Андрея Николаевича Стоянова с вложением номера 25 «Летучего листка», напечатанного в Лондоне. В связи с этим предлагалось установить наблюдение за внутренней и заграничной перепиской Стоянова⁵³⁹. Директор ДП Н.Н. Сабуров 21 января 1896 года просил санкт-петербургского почт-директора Н.Р. Чернявского безотлагательно доставлять ему все письма, особенно городские, адресованные до востребования на имя Николая Петровича Смирнова. Однако выяснилось, что еще 31 мая 1894 года ДП просил о доставлении писем, адресованных на похожее имя – Петра Николаевича Смирнова. В результате последовало указание «выполнять и то, и другое»⁵⁴⁰. 11 декабря 1895 года директор ДП Н.Н. Сабуров просил А.Д. Фомина учредить наблюдение за перепиской будущего главы Польши И.И. Пилсудского и его отца, И.П. Пилсудского⁵⁴¹. В это время уже применялось и фотографирование переписки. Так, 24 ноября 1895 года Фомин направил Сабурову фотоснимок с письма на имя Ольги Клосен⁵⁴².

Иногда руководство ДП предпочитало давать указания о перлюстрации неофициальным путем. Например, 11 января 1911 года появилось распоряжение Совета министров, отменявшее автономию университетов и возлагавшее ответственность за студенческие беспорядки в стенах того или иного университета на его администрацию. Во исполнение этого распоряжения циркуляр Министерства народного просвещения предписал начальникам высших учебных заведений «не допускать в [их] стенах [...] публичных и частных студенческих собраний, за исключением собраний научного характера»⁵⁴³. Это вызвало массовое возмущение студенчества и профессорско-преподавательского состава. В ответ последовали репрессии. Достаточно сказать, что по распоряжению министра Л.А. Кассо из Московского университета были изгнаны около тысячи студентов. В знак протеста об отставке заявили 130 профессоров, приват-доцентов и ассистентов. Ушел в отставку и ректор Московского университета А.А. Мануйлов (в 1917 году министр народного просвещения во Временном правительстве). 28 января 1911 года А.Д. Фомину было направлено частное письмо из ДП с предложением «установить наблюдение за перепиской профессоров всех университетских городов (и Ярославля) на время данного момента, переживаемого высшими учебными заведениями». Были составлены списки университетских профессоров и приват-доцентов на предмет перлюстрации их корреспонденции. В их число попали крупнейшие ученые: В.Р. Вильямс, Е.Н. Трубецкой и А.Ф. Фортунатов в Москве, В.Э. Грабарь и М.И. Ростовцев в Дерпте, С.П. Вологдин в Новочеркасске, Н.Я. Новомбергский в Томске и многие другие⁵⁴⁴.

В случае использования телефона указание о проведении перлюстрации могло даваться устно, при этом сообщались фамилия и адрес объекта слежки. Министры внутренних дел в начале XX века предпочитали давать устные указания. Например, по распоряже-

⁵³⁹ Там же. Д. 1167. Л. 210–211, 224, 226–226 об., 256, 258. А.Н. Стоянов (1830–1907) – видный ученый-юрист. В 1876–1886 годах был деканом юридического факультета Харьковского университета, в 1870–1884#м – ординарный профессор по кафедре истории законодательств, в 1884–1887#м – на кафедре энциклопедии права, с 1887 года был профессором по кафедре римского права.

⁵⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 11. Д. 4. Л. 1 об. – 2.

⁵⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1168. Л. 3.

⁵⁴² Там же. Л. 310.

⁵⁴³ Особые журналы Совета министров. 1909–1917. 1911 г. М., 2002. С. 19.

⁵⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1162. Л. 11, 37–45.

нию П.А. Столыпина и А.А. Макарова проводилась перлюстрация корреспонденции Г.Е. Распутина и его кружка, по распоряжению А.А. Хвостова – корреспонденции обер-прокурора А.Д. Самарина, военного министра А.А. Поливанова, князя Н.Б. Щербатова (будущего министра внутренних дел в июне – сентябре 1915 года). По признанию С.П. Белецкого, он в конце 1915#го – начале 1916 года передал М.Г. Мардарьеву список примерно на 50 человек. В этом списке были министры, в том числе Б.В. Штюрмер (председатель Совета министров с 20 января по 10 ноября 1916 года, министр внутренних дел с 3 марта по 7 июля 1916 года), чины придворного ведомства, члены Государственной думы и Государственного совета, командир Преображенского полка с конца ноября 1915 года А.А. Дрентельн⁵⁴⁵.

При случайном отборе опытные почтовые работники обращали внимание на объем письма, почерк, адрес корреспондента и отправителя. Особый интерес вызывали письма, направленные в центры зарубежной революционной эмиграции (Женева, Цюрих, Льеж, Париж, Прагу и т. п.), адресованные до востребования, написанные так называемым «интеллигентным» почерком или на пишущей машинке. Существовало понятие «нюха», приобретаемого годами практики. Почтовые чиновники Киевской конторы показывали в 1917 году, что старший цензор К.Ф. Зиверт требовал доставлять ему письма, адресованные «их высокопревосходительствам» и «превосходительствам»⁵⁴⁶.

Позволю себе привести большой отрывок из воспоминаний С. Майского (В.И. Кривоша) – настоящий гимн искусству отбора писем по адресу и почерку:

Письма «по подозрению» вынимали из почты, руководствуясь местом подачи или назначения письма (из Жeneвы, Парижа, Брюсселя, Лондона, или в эти и другие города, где находились штаб-квартиры левых организаций), или, главным образом, почерком адреса. У разборщиков писем с течением времени вырабатывался удивительный «нюх» определять содержание письма по его наружному виду или по почерку адреса. Дело в том, что каждый класс людей, каждая специальность, принадлежность к секте, к партии и пр. [очему] кладут известный отпечаток на почерк данного лица. Разница между мужским и женским, детским и взрослым, мужицким и интеллигентным почерками очевидна всякому, но кроме этого и аристократ пишет не тем почерком, что бюрократ; его почерк нервно крупный, остроконечный (в готическом стиле), тогда как почерк последнего круглый, уверенный и резкий; литераторы пишут бисерным и четким почерком; коммерсанты – каллиграфическим почерком; революционеры – неотделанным, почти ученическим почерком, а почерк анархистов отличается грубостью и несуразностью, напоминая почерк малограмотных людей тяжелого физического труда.

Среди разборщиков писем петроградского «Черного кабинета» были такие знатоки почерков, что зачастую они по одному адресу письма безошибочно определяли принадлежность его автора к шулерам, к фальшивомонетчикам, к каким#либо антиморальным сектантам, педерастам и пр [очим]. Неспециалисту, конечно, никогда не уловить сходства между собою таких почерков, как, например, издателей-редакторов [А.С.] Суворина, [В.В.] Комарова и князя [В.П.] Мещерского или генералов [А.Н.] Куропаткина, [А.А.] Брусилова и [В.А.] Сухомлинова, или сановников [И.Л.] Горемыкина, [Б.В.] Штюрмера и [В.К.] Саблера и т. д., а

⁵⁴⁵ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 137 об. – 138.

⁵⁴⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 9, 44, 46 об.; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 57, 63 об., 102 об., 127 об., 212 об.

на самом деле «профессиональное» сходство между этими почерками прямо бьет в глаза, несмотря на своеобразный отпечаток в каждом из них в зависимости от характера, наклонностей, их пороков и пр [очего]. Долголетние разборщики писем «черного кабинета» становились отличными графологами, определявшими по почерку весь духовный облик человека⁵⁴⁷.

«Алфавит» означал список лиц, чья корреспонденция подлежала обязательному просмотру. Этот список составлялся в основном министром внутренних дел и Особым отделом Департамента полиции. По стране в разные годы он насчитывал от 300 до 1 тыс. фамилий и адресов. В него входили деятели революционных, либеральных, монархических партий, редакторы газет и общественные деятели, депутаты Государственной думы, члены Государственного совета, придворные и т. д. В провинциальных «черных кабинетах» указания по «алфавиту» получали от старшего цензора Санкт-Петербургского почтамта, руководившего всей службой перлюстрации⁵⁴⁸. В Санкт-Петербургском почтамте после привлечения почтовых чиновников к отбору писем списки с адресами лиц, попавших в «алфавит», имелись, например, у заведующего иностранным отделом А.В. Богуславского и его заместителей В.И. Мартынова и М. Трейблата. Любопытно, что в ходе обыска в ноябре 1929 года у Богуславского была изъята записная книжка, в которой имелся список лиц в алфавитном порядке, «на коих отбирались письма по заданиям цензуры»⁵⁴⁹. К сожалению, эта книжка, как и фотографии чинов цензуры и доверенных лиц почтамта, была уничтожена после завершения дела.

Конкретный характер составления «алфавита» можно проследить по переписке Департамента полиции МВД с руководством службы перлюстрации. С одной стороны, решение о включении в «алфавит» того или иного лица могло быть продиктовано его активной общественной или политической деятельностью. Например, 11 апреля 1882 года директор ДП В.К. Плеве распорядился установить «особое наблюдение за корреспонденцией личного состава» редакции журнала «Русская мысль». 10 декабря 1882 года было предложено сделать то же самое относительно переписки известного революционера-народника П.Г. Заичневского⁵⁵⁰. Директор ДП Н.Н. Сабуров 23 октября 1895 года передал А.Д. Фомину распоряжение министра внутренних дел И.Л. Горемыкина о контроле за перепиской И.С. Проханова, активного участника движения евангельских христиан, уехавшего в 1895 году в Англию. Уже 24 октября Фомин представил Сабурову два подлинных письма Проханова на имя жителей Петербурга Берникова и Вальдгрубе⁵⁵¹. Иногда включение в «алфавит» было результатом просьбы того или иного ведомства. Например, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Харузин 27 апреля 1911 года писал директору ДП Н.П. Зуеву, что по поручению П.А. Столыпина от 8 апреля в связи с интенсивной деятельностью римско-католического духовенства просит установить наблюдение за перепиской десяти нижеуказанных лиц, в том числе петербургского епископа Стефана Денисевича, архиепископа могилевского Викентия Ключинского, камергера Папского двора в Риме Адама Сапегги. Через два дня был подан дополнительный список на одиннадцать человек из римско-католического духовенства и близких к ним⁵⁵².

⁵⁴⁷ Майский С. «Черный кабинет». М., 2007. С. 279–280.

⁵⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9.

⁵⁴⁹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 72–72 об.

⁵⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1. Л. 15, 25.

⁵⁵¹ Там же. Д. 1167. Л. 234–235. И.С. Проханов (1869 – 1935, Берлин) – религиозный и политический деятель. С конца 1886 года был активным участником движения баптистов, а затем евангельских христиан. В 1895–1900 годах учился в Англии, в Берлинском и Парижском университетах. В 1908–1928#м был руководителем Всероссийского союза евангельских христиан. С 1928 года находился в эмиграции.

⁵⁵² Там же. Д. 1162. Л. 88–89, 90–90 об.

Вместе с тем решение о постоянном контроле переписки того или иного лица могло стать результатом случайной выборки. Например, 7 ноября 1883 года директору Санкт-Петербургского почтамта В.Ф. Шору, руководившему всей службой перлюстрации в империи в тот период, было доложено о перлюстрированном письме из Вильно без подписи в Лозанну (Швейцария) госпоже Клер. В нем сообщалось, что в Цюрих отправлены два письма Исидору Гесслеру, что арестованы поднадзорный Лазарь Рабинович и солдат-наборщик военной типографии по обвинению в организации типографии, и содержалась просьба прислать несколько экземпляров «Календаря» и номер 3 журнала «На Родине». В наложенной на письмо резолюции предлагалось организовать перлюстрацию корреспонденции по адресу Клер и Гесслера⁵⁵³.

Представленная в это же время выписка из письма за подписью «Твой Иван» студенту медицинского факультета Киевского университета Алексею Тимофеевичу Ерофееву имела результатом указание: сообщить в 5#е делопроизводство ДП для взятия Ерофеева под негласный надзор⁵⁵⁴.

Крайне подозрительной показалась следующая выписка из письма А. Рудановского от 20 ноября 1883 года студенту Одесского университета Василию Григорьевичу Турчанинову: «Когда, наконец, поймут, что государство для народа, а не народ для государства. Когда поймут, что мы, отдельные лица, не подданные Государя, а Государь – слуга государства, высшее должностное лицо и только; что Он должен присягать в верности народу, или государству, но не мы Ему». 2 декабря было предложено собрать сведения о Рудановском и Турчанинове и «за ними... иметь наблюдение»⁵⁵⁵.

Иногда основанием для последующего контроля корреспонденции становился запрос подозрительного лица в адресное бюро. В сентябре 1895 года в московский адресный стол обратился некий Цорн с просьбой сообщить ему адреса Инны Неофитовны Калининой и ее матери, Каролины Федоровны Калининой. ДП было известно, что во время пребывания за границей И.Н. Калинина поддерживала отношения с известными революционными эмигрантами В.К. Дебогорием-Мокриевичем и И.И. Добровольским. Поэтому директор ДП Н.Н. Сабуров просил А.Д. Фомина установить примерно на два месяца наблюдение за перепиской «как ее, так и матери ее... в особенности из#за границы»⁵⁵⁶.

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся, в частности, несколько дел, именуемых «Алфавит по наблюдению за корреспонденцией»⁵⁵⁷. Дело № 168 представляет собой толстую алфавитную книгу размером 22,5 на 36 сантиметров и объемом 459 страниц, из которых заполнена 451. Каждая страница разделена на две части. Слева – фамилия, имя и отчество, дата, когда учреждено наблюдение, когда оно снято. Справа – данные о том, почему и по чьей инициативе введено наблюдение за перепиской, номера перлюстрированных писем. Всего в книге имена 247 человек, переписка которых перлюстрировалась с 1895 года. Последние даты прекращения наблюдения относятся к маю 1899 года⁵⁵⁸.

Приведем для примера записи о двух лицах. Запись первая. Слева: «Бердяев Н.А. Киев, Липки, Институтская, 23. Для “Николая Моисеевича”. Учреждено 15.12. [18] 95». Справа:

30 ноября [18] 95 за № 275 подполковник Будзиловский уведомил, что жена Якова Колмансона Анна <...> в письме к мужу в Софию от 20 ноября

⁵⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 8. Л. 9.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 14. 5#е делопроизводство ДП готовило доклады для Особого совещания, решавшего вопросы административной высылки.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 75.

⁵⁵⁶ Там же. Д. 1168. Л. 217.

⁵⁵⁷ Там же. Оп. 271. Д. 168–169.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 1–225 об. Подсчет мой.

сообщала <...> о получении ею 200 руб. из Киева и 200 руб. из Батума, добавляя, что сообщить ему всего не может, так как это рискованно; в конце письма была <...> фраза «мы собираемся, и ты туда можешь писать: Липки, Институтская, 23, у Н.А. Бердяева, для Николая Моисеевича». Вследствие чего было учреждено наблюдение за корреспонденцией по этому адресу и послан запрос генералу [В.Д.] Новицкому [начальнику Киевского ГЖУ] о личности адресата.

Запись вторая. Слева: «Языкова Софья Иннокентьевна. Одесса, Ямская ул., д. 37, кв. 13. Наблюдение учреждено 6.03. [18] 95». Справа:

Начальник Киевского ГЖУ <...> 1.02. [18] 95 препроводил в Департамент [полиции] добытое им негласным путем письмо Софьи Языковой от 28 января из Одессы, адресованное в Киев на имя Иеронима Трушковского, в котором Языкова просила <...> сообщить, когда и почему арестованы студенты Киевского университета братья Аносовы... По справке из Одессы оказалось, что Софья Языкова <...> слушательница Высших женских курсов, состоящая в замужестве со студентом СПб. Технологического института А. Языковым, учителем пансиона Агишевой в Одессе, ведет знакомство с людьми неблагонадежными. Вследствие чего Департамент просил учредить самое тщательное наблюдение за корреспонденцией, преимущественно заграничной, отправляющейся в Одессу на имя Языковой.

Слева красными чернилами: «Учтено 55 номеров [писем]».

В этом списке среди 247 человек кроме Н.А. Бердяева представлены и другие известные лица: писатели Н.Ф. Анненский и П.В. Засодимский, врач Л.Н. Толстого Душан Маковицкий, общественные деятели Ф.И. Родичев и С.Н. Южаков, будущий президент Польши Ю. Пилсудский, социал-демократы князь Г.Г. Кугушев и слушательница Цюрихского университета Розалия Люксембург, будущий эсер и личный секретарь А.Ф. Керенского в 1917 году Д.В. Соскис⁵⁵⁹.

Конечно, «алфавит» не был неизменным. Например, директор ДП Н.Н. Сабуров 17 сентября 1895 года направил А.Д. Фомину список из 105 лиц, наблюдение за корреспонденцией которых он считал нужным прекратить. Обстоятельства такого решения могли быть разными. Так, в этом списке есть фамилии сына отставного генерал-майора, кандидата естественных наук Петербургского университета Б.А. Витмера, его жены О.К. Витмер и Н.К. Крупской. Перлюстрация корреспонденции Витмеров началась 4 октября 1893 года. 17 ноября супружеская пара была арестована за участие в революционных кружках под руководством Р.Э. Классона. В ходе допросов выявилось знакомство с Классоном гимназической подруги О.К. Витмер – Н.К. Крупской. Поэтому с 11 февраля 1894 года был установлен контроль и за ее перепиской⁵⁶⁰. Но из-за слабости доказательств дознание было прекращено, супругов Витмер освободили. На время ДП потерял к ним интерес. Напомню, что Крупская была арестована по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в августе 1896 года.

Указания о перлюстрации корреспонденции тех или иных лиц поступали от ДП к руководству «черных кабинетов» и все последующие годы. Например, в январе 1908 года по просьбе начальника Владивостокского охранного отделения, переданной через ДП, было установлено наблюдение в столице за адресами: Петербургская сторона, ул. Б. Зеленина,

⁵⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1162. Л. 3, 19 об., 45 об., 60, 66, 77 об., 93, 95 об., 109 об., 131, 132.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 207–208.

д. 9/4, кв. 25, Матвею Ивановичу Семенову (для Тани) и Петербургская сторона, Большой проспект, д. 9/28, кв. 87, для Тани. Временное, в течение трех месяцев, наблюдение следовало вести по адресу: Петербургская сторона, ул. М. Пушкарская, д. 28, кв. 8, Илье Давидовичу Виленскому для Аллы. И.А. Зыбин передавал П.К. Бронникову просьбу директора ДП о временном наблюдении за перепиской студента Политехнического института Александра Константиновича Палеолога, проживавшего в Ломанском переулке, д. 7/5, кв. 38. В январе 1909 года последовало указание о наблюдении за перепиской члена Государственной думы, социал-демократа Н.Г. Полетаева. В феврале 1909 года начальник Финляндского ГЖУ направил начальнику ОО ДП Е.К. Климовичу список адресов для перлюстрации. 21 апреля 1909 года в связи с сообщением Климовичу от агента «Жака» из Парижа о деятельности В.Л. Бурцева (известного «охотника» за агентами ДП и провокаторами) последовала резолюция П.А. Столыпина: «Надо принять все меры к выяснению сношений Бурцева. Обратит внимание на перлюстрацию». На этом основании уже Климович написал: «Прошу учредить просмотр по всем адресам, упоминаемым в переписке Бурцева». 5 июня 1909 года поступила информация, что переписка эсеров с Иркутском ведется, в частности, по адресу: Иркутск, угол Большой и Тихвинской улиц, магазин товарищества Мордухович и Ерманович, Сергею Михайловичу Самарину. Тут же следовало предупреждение: адресат – лицо вымышленное, а тексты будут шифрованные, по первой главе поэмы «Евгений Онегин». В июле 1909#го отмечалось, что Московская окружная организация РСДРП получает корреспонденцию по адресу: Москва, Городская управа, Лидии Андреевне Львовой⁵⁶¹. По моим подсчетам, только за январь 1908 года Департамент полиции направил цензорам Санкт-Петербургского почтамта просьбы об установлении наблюдения за перепиской по тридцати двум новым адресам в двадцати четырех городах империи, в том числе в Петербурге, Астрахани, Батуме, Киеве, Москве, Одессе, Харькове и т. д.⁵⁶²

Почтово-телеграфные служащие, привлеченные к отбору писем, передавали их в «черные кабинеты» через одного из отборщиков или через доверенных сторожей. Особая ситуация на протяжении ряда лет была в Петербурге. Здесь отобранные письма сосредотачивались в экспедиции международной корреспонденции. Рядом с ней находилась небольшая комната, куда несколько раз в день в определенное время приходил дежурный по «черному кабинету». В капитальную стену, разделявшую эти помещения, был встроен особый шкаф. Он открывался при помощи специального железного «кнута», расположенного у самого пола и выходившего в оба помещения. В условленное время шкаф открывался с обеих сторон. В одну половину клали письма, передаваемые для перлюстрации, в другую – корреспонденцию, уже обработанную в цензуре. За несколько лет до революции экспедиция переехала в другое помещение, и обмен теперь происходил при помощи особых пакетов, которые носили сторожа цензуры. По показаниям в ноябре 1929 года А.Т. Тимофеева (одного из таких доверенных почтовых служащих с 1908 года), в день он откладывал для перлюстрации двадцать – тридцать писем. Другой почтовый чиновник, В.И. Мартынов, говорил, что сторожа цензуры приходили за письмами раз шесть-семь в день. Вместе с тем А.П. Фадеев, работавший в отделе доставки высочайшей корреспонденции лишь с июля 1916 года и также привлеченный к отбору писем для перлюстрации, вспоминал на допросе в ноябре 1929 года: «В одной из комнат нашего отдела <...> в стенке смежной с “кабинетом” имелось специальное окно-шкаф, куда и складывал я корреспонденцию для “черного кабинета”. С этого же окна я брал уже обработанную “кабинетом” корреспонденцию и отдавал ее на сортировку, бросая

⁵⁶¹ Там же. Д. 1160. Л. 4, 41–42 об., 76, 107, 127; Д. 1172. Ч. 1. Л. 3, 11, 14.

⁵⁶² Там же. Д. 1172. Л. 1–21.

в общую массу»⁵⁶³. Возможно, речь идет об устройстве, которым пользовались доверенные лица разных экспедиций.

Сам «черный кабинет» в столице располагался в главном здании Санкт-Петербургского почтамта, который начал функционировать в сентябре 1785 года. Здесь в начале XX века на третьем этаже официально находилась цензура иностранных газет и журналов. Вход в нее был со стороны Почтамтского переулка. В 1894 году А.Д. Фомин обратился со служебными записками к начальнику Главного управления почт и телеграфов Н.А. Безаку и руководителю Санкт-Петербургского почтамта Н.Р. Чернявскому. Александр Дмитриевич просил предоставить цензуре за счет газетной экспедиции «хотя бы одну светлую и поместительную комнату». Позднее он указывал на необходимые переделки: пробить арку для соединения двух комнат, поставить перегородку и оштукатурить ее с обеих сторон, настлать пол паркетом, поставить камин или голландскую печь, установить электрическую лампочку в полученной комнате и т. п. В 1911 году уже М.Г. Мардарьев просил заведующего электрической станцией Главного управления почт и телеграфов установить в отремонтированных комнатах две потолочные лампы «с конусообразным отражением». Однако далеко не всех удобств удавалось добиться от хозяйственников. Распорядительная экспедиция почтамта уведомила 5 мая 1907 года цензуру иностранных газет и журналов, что «в указанной комнате <...> по техническим соображениям нельзя поставить умывальника с трубой для спуска грязной воды; если умывальник с ведром удовлетворит потребностям цензуры и не будет подмачиваться пол и потолок нижележащей Экспедиции, то такой умывальник может быть поставлен». Пришлось вместо водопровода соглашаться на умывальник с ведром⁵⁶⁴.

Помещение цензуры делилось на две части. В первой половине, из шести комнат, прихожей и кухни, занимались цензурой иностранных газет и журналов. Отсюда можно было войти в кабинет главного цензора. За его спиной имелся встроенный в стену большой шкаф казенного типа. Это и был замаскированный проход в секретную часть цензуры. Она состояла из четырех комнат, где работали в начале XX века примерно пятнадцать чиновников-перлюстраторов. Другой вход в секретную половину был возможен через кухню, где также имелся в стене подобный шкаф и постоянно дежурили несколько доверенных сторожей. Сами чиновники цензуры иностранных газет и журналов названия «черный кабинет» не употребляли, заменяя его выражением «другая половина»⁵⁶⁵.

Любопытно, что при всем внимании верховной власти и органов политического розыска к перлюстрации «черный кабинет» в столице с июня 1903 года в течение более шести месяцев практически не работал. Это произошло вследствие перестройки здания Санкт-Петербургского почтамта, на время которой пришлось ограничиться «лишь сведениями из иногородних секретных пунктов»⁵⁶⁶. Руководитель «секретного дела» в Харькове К.П. Свяцкий также сообщал начальству, что поскольку с 25 сентября 1907 года в помещении цензуры начинается ремонт, то на некоторое время «занятия приостановлены»⁵⁶⁷.

По вполне понятным причинам у нас есть лишь отрывочные сведения о том, как проходила повседневная работа в «черных кабинетах». Например, в мае 1861 года обсуждалось предложение генерального почт-директора Пруссии отправлять почту из Берлина в Петербург вечерним поездом. Но, как докладывал Ф.И. Прянишников Александру II, это мешало бы нормальной работе секретной экспедиции. Дело в том, что разбор писем и «тща-

⁵⁶³ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 59 об., 63 об., 70–70 об., 72, 94, 102 об., 148 об. – 149.

⁵⁶⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 136. Л. 6–9; Д. 219. Л. 22; Д. 249. Л. 28.

⁵⁶⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 56; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 93 об., 141 об.

⁵⁶⁶ Былое. 1918. № 2 (30). С. 191.

⁵⁶⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 219. Л. 26.

тельный осмотр» в секретной экспедиции требовали «по меньшей мере, три часа времени». Прибытие же поезда на Варшавский вокзал в 18:30 вместо 8:45 привело бы к тому, что иностранные дипломатические агенты смогли бы получать адресованные им депеши «не ранее 12-го часа ночи». Это потребовало бы двух смен работников и возбудило бы «неблагоприятные толки». В результате решили в данный момент предложение отклонить и согласиться с ним после окончания строительства Ковенско-Динабургского участка железной дороги⁵⁶⁸.

В начале XX века, по утверждению неизвестного автора, скрывшегося в 1917 году под псевдонимом «отставной почтовый чиновник М-ко», в Санкт-Петербургском почтамте работа перлюстраторов шла с десяти часов утра до пяти-шести часов вечера с дежурством по ночам⁵⁶⁹. По словам сторожа санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов Н.У. Спадара, состоявшего здесь на службе с 1908 года, в «черном кабинете» трудились ежедневно с девяти часов утра до девяти-десяти часов вечера⁵⁷⁰. Естественно, на протяжении десятилетий рос объем перлюстрации. В начале XX века каждый день в официальных «черных кабинетах» вскрывалось от 100 до 500 писем при почтамтах Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Харькова, Тифлиса и от 2 тыс. до 3 тыс. писем в Петербурге. Поступившую корреспонденцию надо было вскрыть, прочитать, при необходимости сделать выписки (так называемый меморандум), сфотографировать, проявить скрытый «химический» текст, расшифровать (если текст был зашифрован), снова вложить в конверт, заклеить и вернуть на почтамт для дальнейшего следования по назначению. Очень редко письма задерживались и конфисковывались. В таких случаях на выписке делалась отметка о задержании письма до особого распоряжения. Вся эта работа предполагала теснейшее сотрудничество с Особым отделом Департамента полиции. Разделение обязанностей не зависело от официальных чинов, а определялось приобретенной квалификацией. Например, Роберт Швейер и барон Федор Тизенгаузен специализировались на вскрытии и заклеивке конвертов. Тот же Тизенгаузен и Е.К. Самусьев осуществляли обработку дипломатической почты: вскрытие и замену печатей, фотографирование. Принимали участие в этом и другие чиновники, например О.К. Вейсман, который выполнял и обязанности казначея. Как отмечал Ф.Г. Тизенгаузен, «при наличии неясностей в том или ином письме, содержание письма, искание скрытого смысла, отдельных выражений проходило через <...> других, рядом работавших цензоров. Письма, содержавшие в себе сведения, могущие быть использованы в выписках, складывались всеми цензорами в определенное место... выписки из них делались наиболее опытными цензорами»⁵⁷¹. Чтением писем в Санкт-Петербургском почтамте, по словам С. Майского (В.И. Кривоша), были заняты четыре человека. Это означает, что в среднем один человек читал в день около 250 писем. Эту цифру как среднюю подтверждают работники военной цензуры и перлюстрации последующего времени. Например, подполковник А.И. Будагоский, помощник начальника Вятского ГЖУ и по совместительству военный цензор в годы Первой мировой войны, писал в докладной: «Одно лицо, занимаясь 8–9 часов в день, в состоянии лишь просмотреть не более 250 писем (эта цифра крайняя и точно мной проверена), так как кроме просмотра тратится время еще на расклейку и заклеивку писем». Правда, в «черном кабинете» вскрытием и заклеивкой чтецы не занимались⁵⁷². Уже в годы советской власти начальник отдела политконтроля ОГПУ И.З. Сурта 12 декабря 1924 года докладывал Ф.Э. Дзержинскому, что «полная обработка писем доведена до 250 штук в день на одного чело-

⁵⁶⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 53–55 об.

⁵⁶⁹ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 3а – 32.

⁵⁷⁰ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 78.

⁵⁷¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 33–34, 46 об.; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 108, 111, 112, 141 об., 145 об., 146, 212.

⁵⁷² Майский С. «Черный кабинет». С. 277; Хранилов Ю.П. «Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто». Военная цензура Вятской губернии в борьбе за победу над германцами // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 24.

века»⁵⁷³. Сотрудник отделения политконтроля МГБ СССР в городе Чите в конце 1940#х – начале 1950#х годов Л. Авзегер вспоминал, что норма на одного цензора составляла около 200 писем в день⁵⁷⁴.

В Одессе с лета 1908 года цензорам обычно с девяти до четырнадцати часов корреспонденцию приносил почтово-телеграфный чиновник Иосиф Юрченко, испытанный и надежный помощник. Иногда эту обязанность выполняли два других «посвященных»: Былинский и Дубровский. Обычно писем в течение дня было до 500, иногда и больше. Затем старший цензор Ф.Б. Гольмблат разбирал письма, откладывая те, которые подлежали вскрытию в первую очередь. Вскрытием писем занимались практически все сотрудники. Обязанности секретаря-машиниста выполнял В.Ф. Курганов. Копии шифрованных писем делал Н.А. Шейман, служивший с 1911 года. В столице выписки и копии сторожа в специальных пакетах возили в Департамент полиции⁵⁷⁵.

Сама техника вскрытия корреспонденции также претерпевала изменения. Продолжались деловые контакты со службами перлюстрации европейских государств. В 1871 году за границу «по делам службы» выезжал старший цензор П.Х. Витте, в 1888 году руководитель секретной экспедиции К.К. Вейсман осмотрел «черные кабинеты» в Берлине, Вене, Париже, Риме, городах Швейцарии и Бельгии. В результате последовали некоторые изменения в технике вскрытия писем⁵⁷⁶. В конце XIX – начале XX века конверты вскрывались особыми косточками, отпаривались паром, отмачивались в ванночках. В частности, небольшим костяным ножичком подрезывался удобный для вскрытия клапан письма. Затем под клапан конверта цензор вводил тонкую круглую отполированную палочку размером с вязальную спицу, расщепленную примерно до половины, разрезом захватывал письмо, наматывал его на палочку и извлекал из конверта, не оставляя после себя каких-либо видимых повреждений⁵⁷⁷.

К 1908 году два важных изобретения в технике перлюстрации сделал неоднократно упоминавшийся выше Владимир Иванович Кривош. Во-первых, он предложил новый способ вскрытия писем – с помощью специального аппарата наподобие электрического чайника. Теперь цензор в левой руке держал конверт несколько секунд над струей пара, а в правой – тонкую иглу с деревянной ручкой или металлическую спицу, которой осторожно отгибал клапаны. Иногда конверт накрывали смоченной промокательной бумагой и клали под пресс. С письма, представлявшего интерес, снималась копия на пишущей машинке или из него делалась выписка. В провинциальных «черных кабинетах» копия или выписка делалась в двух экземплярах: один экземпляр оставался на месте, другой отправляли в Петербург. Если подпись была неразборчива, то ее переводили на кальку и прикладывали к копии письма. Для последующей заклейки конвертов имелись специальные кисточки⁵⁷⁸. О том, что для вскрытия конвертов паром использовали примус и специальные кастрюли, говорил на допросе в ноябре 1929 года бывший сторож петербургского «черного кабинета» Н.У. Спандар⁵⁷⁹.

⁵⁷³ Измозик В.С. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг.). СПб.: СПбУЭиФ, 1995. С. 112–113.

⁵⁷⁴ Авзегер Л. Я вскрывал ваши письма. Из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ // Время и мы. Нью-Йорк; Тель-Авив; Париж. 1980. № 55. С. 248, 250.

⁵⁷⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 133–133 об.; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 78.

⁵⁷⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 8 об.; Д. 1003. Л. 25; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 13. Л. 1.

⁵⁷⁷ Майский С. «Черный кабинет». С. 275–276.

⁵⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 7 об., 9–9 об.; Д. 1003. Л. 24 об.; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 102 об.

⁵⁷⁹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 77 об.

Кстати, поссорившись с непосредственным начальством и будучи вынужден уйти со службы в конце 1911 года, тот же Кривош летом 1913 года поучал по доброте душевной одну из своих знакомых, сотрудницу библиотеки Зимнего дворца А.А. Ханькову: «Письма заделывайте покрепче. <...> Приклейте синдетиконом бумажки под клапаны конверта внутри, а снаружи на конверте черным карандашом напишите свой адрес на карманах клапанов, от пара карандаш посинеет, можно скорее избежать вскрытия письма»⁵⁸⁰. Парадокс заключался в том, что именно это письмо было перлюстрировано, а данная выписка стала дополнительной уликой против Кривоша, которого подозревали в передаче сведений о перлюстрации в прессу.

Но пока Кривош служил, он рационализировал также технику изготовления состава для печатей, которые наносились особенно часто на дипломатическую почту. Все тот же барон Ф.Г. Тизенгаузен, считавшийся лучшим специалистом по вскрытию дипломатической почты, вспоминал на допросе, что «до 1908 г. при манипуляциях с подделками печатей практиковался состав серебряной амальгамы, а после по предложению Кривоша была введена медная амальгама, которая была и удобнее, и дешевле»⁵⁸¹. За эти новации в 1908 году Кривош получил орден Св. Владимира 4-й степени с формулировкой «за выдающиеся отличия»⁵⁸². При этом он умудрился снять и сохранить у себя фотокопию с подлинника всеподданнейшего доклада о своем награждении. Между тем, по словам А.Д. Фомина, там было «неосторожно упомянуто о способах вскрытия корреспонденции» и, кроме того, имелась собственноручная помета Николая II «согласен». Действительно, во всеподданнейшем докладе было сказано следующее:

Коллежский ассессор Владимир Кривош <...> приносит неоценимую пользу секретному делу. <...> Изобретения его в области секретного дела, примененные во всех секретных пунктах империи, дали на практике блестящие результаты, а именно: способ делания твердых металлических печатей, имеющего все преимущества перед применявшимся до сих пор способом делания таковых, <...> и изобретение прибора для вскрытия писем посредством пара; с помощью этого прибора письма вскрываются очень быстро с безукоризненной чистотой и без малейших следов вскрытия⁵⁸³.

На безукоризненности вскрытия и заделки писем в российских «черных кабинетах» настаивал в своих мемуарах и сам В.И. Кривош. Он, в частности, писал: «Письма, перлюстрированные в России, как бы они хитро заделаны ни были, не сохраняют на себе ни малейшего следа вскрытия даже для самого пытливого взгляда, даже опытный взгляд перлюстратора зачастую не мог уловить, что письмо уже было однажды вскрыто»⁵⁸⁴. То же показывал на допросе в ноябре 1929 года и Ф.Г. Тизенгаузен: «... работа <...> в целом была очень тщательной и не вызывала никаких подозрений и установка <...> заключалась в работе на качество, а не на количество. Последующей перепроверки работы цензоров ни с какой стороны не производилось <...> каждый был заинтересован в результатах работы». Но С.И. Карпов, чиновник Санкт-Петербургского почтамта, сотрудничавший с «черным кабинетом» с 1905 года, говорил на допросе в ноябре 1929 года: «Корреспонденция, возвращаемая из цензуры, имела явные следы вскрытия, так например, имелись морщины, клапаны не сходились, были

⁵⁸⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 83 об. – 84.

⁵⁸¹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 142.

⁵⁸² Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. С. 116; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 221. Л. 66.

⁵⁸³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 456. Ч. 1. Л. 25; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 89–89 об.

⁵⁸⁴ Майский С. «Черный кабинет». С. 285.

следы постороннего клея и прочее»⁵⁸⁵. Наверно, истина, как это часто бывает, лежит посередине: стопроцентного качества заделки вскрытой корреспонденции, естественно, не было.

Методику работы с перлюстрированными письмами после их вскрытия хорошо описал киевский журналист в апреле 1917 года:

...архив кабинета <...> содержался в изумительном порядке. Каждая копия была занумерована и содержала отметку: кем, кому, когда, откуда и куда письмо писано. Если на письме имелась неразборчивая подпись, то подпись эта на кальке с поразительной точностью и большим мастерством копировалась и такое факсимиле в размере подлинника приклеивалось к копии письма. Если в тексте <...> встречалось неразборчивое или непонятное слово, то <...> и с этих слов делались на кальке отпечатки и вклеивались в соответствующих местах⁵⁸⁶.

Большинство писем после вскрытия задерживалось в «черном кабинете» не более двух часов. Содержавшие интересные сведения откладывались для снятия копий отмеченных мест. В среднем на сто вскрытых конвертов делалась одна выписка. Такие выписки или копии, как я уже говорил, назывались меморандумами. Просмотренные письма после всех манипуляций заклеивались, а чтобы не подвергать письмо вторичной перлюстрации, в одном из уголков или на ребре ставился условный знак – точка (так называемая «мушка»). Отборщики писем не должны были знать о «мушке». Копий или выписок в делах цензуры в 1880–1890#е годы не оставляли. Собранные за день выписки, обычно семь-восемь (по другим сведениям – от трех до двадцати), немедленно отправляли с курьером на квартиру министра внутренних дел. Курьером был обычно один из сторожей «черного кабинета». Позднее пакет доставлялся в канцелярию министра. Старший цензор вел специальные записи для составления годового отчета⁵⁸⁷. С.П. Белецкий считал, что в среднем министру внутренних дел ежедневно направлялось двадцать – двадцать пять выписок и лишь иногда – более сорока. Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов говорил на допросе, что ему ежедневно представляли шесть-семь писем, редко – десять – пятнадцать⁵⁸⁸.

Директору ДП направляли другой экземпляр выписок из писем, задержанных по указанному им списку или показавшихся подозрительными. Большинство таких писем отправляли в ДП в подлинниках. М.Г. Мардарьев даже заявил на допросе, что учет возвращенных из ДП писем не велся. Письма с «химическим» текстом или с шифром фотографировались либо отправлялись в Особый отдел Департамента полиции. В среднем, по показанию Белецкого, в ДП доставлялось десять – пятнадцать выписок. Нередко такие письма возвращались для отсылки адресату⁵⁸⁹. Например, 5 февраля 1913 года в ДП было отправлено писем с «химическим» текстом – четыре, с зашифрованным текстом – одно, подозрительных выписок и копий – одиннадцать, подлинников подозрительных писем – девять, закрытых конвертов с нелегальными изданиями – один. Итого – двадцать шесть⁵⁹⁰.

Копии писем, доставлявшихся в ДП, печатались в начале XX века на отдельных полуплистах плотной белой бумаги. При этом прежде всего отмечалось, что данная копия или выписка снята с письма, адресованного такому#то лицу, указывались место отправления письма, почтовый штемпель на конверте и подробное наименование отправителя⁵⁹¹. По

⁵⁸⁵ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 57 об., 108.

⁵⁸⁶ Киевская мысль. 1917. 6 апреля. С. 3.

⁵⁸⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 44, 47.

⁵⁸⁸ Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 295–296.; Т. 4. Л., 1926. С. 111.

⁵⁸⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 47 об., 88 об., 109 об., 140 об.

⁵⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 124.

⁵⁹¹ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 136.

показаниям И.А. Зыбина, главного специалиста шифровального дела, служившего в ДП с августа 1887 года, выписки и письма, доставленные в ДП, просматривались министром внутренних дел, товарищем министра, директором ДП. Затем их передавали в «архив секретных сведений, доставленных цензурой». Здесь они регистрировались и разбирались для занесения в карточный алфавит. Одна из копий оставалась в ДП, другую направляли в соответствующее охранное отделение «для соображений по розыску». Для проявления писем со скрытыми знаками был организован специальный кабинет, где после прочтения «вновь восстанавливался химический текст». Не имеющие значения подлинные письма возвращали в почтамт, а не подлежащие выдаче – оставляли в ДП. Часть писем копировали, фотографировали и затем передавали на почту. Например, 31 июля 1906 года цензору Санкт-Петербургского почтамта П.К. Бронникову сообщали из ОО ДП, что по приказанию директора ДП просят отправить задержанное цензурой письмо за подписью «Ко...» от 23 июля по назначению – в Харьков, Сумская, 73, Милевич для О. 9 апреля 1907 года заведующий ОО ДП А.Т. Васильев писал цензору Л.Х. Гамбергу о разрешении отправить полученное 8 апреля письмо в Одессу, Дмитрию Бузкову. Кроме того, ДП делился с перлюстраторами данными, обнаруженными в результате исследования доставленных ими писем. И.А. Зыбин 2 января 1908 года сообщал тому же Бронникову, что в зашифрованном «химическом» тексте был найден адрес для конспиративных сношений: Санкт-Петербург, Морская, 37, страховое общество «Россия», Эдуарду Ивановичу Тальвику (внутри – для Сергея Петровича). Подразумевалось, что письма на этот адрес должны перлюстрироваться⁵⁹². Иногда в почтовую цензуру поступало распоряжение об уничтожении задержанного письма, копия которого побывала в Департаменте полиции. Например, 10 августа 1906 года Зыбин писал Бронникову: «По приказанию Директора ДП осмелюсь покорнейше просить Ваше высочородие не отказать в зависящем распоряжении об уничтожении задержанного цензурой письма с подписью “Соня” из Харькова от 4 сего августа к М.Г. Козьмину для М.Н. Козьминой»⁵⁹³.

Вся поступающая перлюстрация сосредотачивалась в V отделении Особого отдела ДП. Журналы по простым письмам и «химическим» велись отдельно. Регистрация «химических» писем была более подробной (в сведениях о них указывалось, от кого письмо, к кому, иногда краткое содержание, движение письма, т. е. остается ли оно в Департаменте или возвращается в цензуру для отправки адресату). Фамилии, упоминаемые в письмах, заносились в карточный алфавит. Именные карточки составлялись на автора письма, получателя, на все имена и фамилии, упоминаемые в тексте. Однако так подробно расписывались только письма революционных деятелей. Письма государственных и общественных деятелей проходили подобную обработку лишь при наличии соответствующей резолюции министра. Они, как правило, не регистрировались, подшивались в отдельные дела, формировавшиеся по хронологии. В ряде случаев перлюстрация от министра внутренних дел в Департамент полиции не поступала. После первичной разработки и копирования перлюстрационные материалы шли в другие отделения Особого отдела, где велась разработка по партиям. Копии писем, касавшиеся деятельности эсеров, анархистов, террористических организаций, направлялись во II отделение Особого отдела, социал-демократов – в III отделение, национальных партий – в IV отделение. Здесь шла дальнейшая разработка этой переписки – уже розыскного плана. Если перехваченные письма не могли быть отнесены к каким-либо партиям, но их разработка представляла интерес для ДП, копии писем откладывались в общих делах⁵⁹⁴.

⁵⁹² Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1170. Л. 1, 6; Д. 1172. Ч. 1. Л. 1; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 32 об. – 33 об., 127, 140 об.

⁵⁹³ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1171. Л. 3.

⁵⁹⁴ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. С. 280, 284.

Попадая в ДП, революционная корреспонденция не только оседала в архивах. Сама перлюстрация нередко была лишь началом розыскной работы. Зачастую письменный текст был написан симпатическими чернилами или содержал шифр. По воспоминаниям вице-директора и директора ДП А.Т. Васильева, письма, содержавшие тайнопись, представляли особую проблему:

Охрана оказывалась перед дилеммой: либо проявить невидимый текст или оставить все как есть и доставить адресату письмо непрочитанным. Естественно, сделать видимыми симпатические чернила – задача не очень сложная; все, что надо чаще всего сделать – это протереть бумагу лимонным соком, хлорированной водой или молоком или слабо нагреть. Если, однако, такое секретное послание проявить, то содержащее его письмо уже нельзя отправить. С другой стороны, очень сложно принять решение не читать сообщение, возможно, имеющее огромное политическое значение. Решение этой головоломки нашел капитан Г.Г. Мец, жандармский офицер, прикомандированный к Департаменту полиции. Будучи весьма сообразительным и интеллигентным человеком, к тому же страстным фотографом, он предложил метод дешифровки этих писем фотографическим способом, который не оставлял ни малейшего следа на письме. С этого момента стало возможным читать невидимые сообщения так, что адресаты не догадывались, что их письма прочитаны⁵⁹⁵.

Если же текст содержал шифр, то письмо поступало к специалистам-криптографам из Департамента полиции. В начале XX века наибольшей известностью в качестве такого специалиста пользовался уже упоминавшийся мной Иван Александрович Зыбин. Любопытно, что если вообще в отношении начальников и коллег по службе мнения мемуаристов очень часто значительно расходились, то фигура Зыбина вызывала лишь восторженные оценки самых разных чинов политического розыска. Вот как писал о нем директор ДП в конце 1915# го – начале 1916 года К.Д. Кафафов:

Это был в полном смысле маг и чародей. Он возвращал письма после вскрытия в таком виде, что решительно никто не мог бы догадаться, что они были вскрыты. <...> главной его специальностью было расшифрование всевозможных шифров. <...> не было шифра, которого он не мог бы прочесть, но он никогда и никому не открывал своего секрета⁵⁹⁶.

С таким же восхищением вспоминал о нем А.Т. Васильев:

Он имел несомненный талант к угадыванию и восстановлению текста, мог найти ключ к самым сложным шифрам. В Севастополе после небольшого террористического акта во время обыска дома нашли листок бумаги с большим числом цифр и без единой буквы. Когда этот документ пришел в Департамент полиции, я отдал его Незлобину [т. е. Зыбину]. Воспоминания Васильева были впервые изданы в 1930 году, поэтому он указал, что настоящее имя этого человека «по разным причинам... не хотел бы называть». И.А. Зыбин в эти годы находился в СССР и служил в Спецотделе ОГПУ] с просьбой немедленно приступить к расшифровке. На следующий день Незлобин позвонил мне и предложил телеграфировать в Севастополь, чтобы оттуда прислали список книг, которые были найдены

---

⁵⁹⁵ *Васильев А.Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 384.

⁵⁹⁶ *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 82–83.

при обыске. <...> я поступил по его желанию и сразу же получил подробный отчет со списком совершенно безобидных книг. Через короткое время Незлобин положил передо мной расшифрованный текст. На мой вопрос он ответил, что ключ к шифру содержала тридцать вторая страница повести Куприна «Поединок». Цифры означали строку и номер буквы на каждой строке этой страницы. Таким образом, каждая пара цифр указывала букву, и текст удалось прочесть. Я восхищался гениальностью или интуицией Незлобина <...> и добился для него ордена и денежного вознаграждения⁵⁹⁷.

Яркий пример работы И.А. Зыбина с перлюстрированным письмом приводит в мемуарах начальник Московского охранного отделения в 1910–1912 годах П.П. Заварзин. В июне 1911 года в письме из Финляндии в Москву был обнаружен «химический» текст, зашифрованный дробями и настолько сложный, что пришлось вызвать из Петербурга Зыбина. Далее – отрывок из мемуаров:

Зыбин, явившись ко мне и едва поздоровавшись, тотчас спросил о письме. Ему подали копию, но она его не удовлетворила. На ответ, что подлинник уже отправлен обратно на почтовую контору, он, не вникая ни в какие слова, бросился без шапки, как был, на улицу с явным намерением отправиться на почту. Выход его был так стремителен, что, только когда он уже садился на извозчика, удалось запыхавшемуся курьеру остановить его, буквально схватив за рукав, и объяснить, что письмо уже вытребовано с почты по телефону и находится на пути в отделение. Зыбин вернулся и, схватив копию, начал сосредоточенно рассматривать тот ряд дробей, под которыми для меня скрывалась, по всей вероятности, серьезная работа революционеров, а для этого оригинала хитроумная загадка, возбуждающая его пытливость. Задав Зыбину несколько вопросов, на которые он почти что не ответил, я оставил его в своем кабинете и отправился с докладом к градоначальнику. Возвращаюсь через часа полтора и застаю Зыбина сидящим за моим столом, в моем кресле, теперь уже с подлинником письма в одной руке и карандашом – в другой, которым он беспощадно расписывал какими-то знаками и фигурами обложки разложенных на столе моих дел. Он не заметил моего прихода, и мне пришлось дважды окликнуть его, прежде чем он поднял на меня блуждающий взор...

– Идемте обедать! – сказал я. Он что-то пробормотал и хотел опять углубиться в созерцание листка, но я настойчиво повел его к себе. С письмом и карандашом он не расстался, сел за стол и, быстро проглотив поставленную перед ним тарелку супа, оттолкнул ее, перевернул одну, другую тарелку из бывших на столе и стал писать на их скользком дне. Это не удавалось; тогда он нетерпеливым жестом вытянул свой манжет и продолжал работу на нем. На хозяев он не обращал никакого внимания. Я пробовал вовлечь его в разговор, но тщетно. Вдруг он вскочил и буквально заревел: «Тише едешь, дальше будешь, да, да!»

Ошеломленные, жена и я воззрились на него. Он продолжал стоять и уже более тихо повторял: «Тише едешь, дальше будешь. Ведь “ш” вторая буква с конца и повторяется четыре раза. Это навело меня на разгадку. Вот дурак! “На воздушном океане без руля и без ветрил” было куда труднее». Тут он очнулся, опять сел и продолжал обед уже как вполне уравновешенный

⁵⁹⁷ Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция. С. 385.

человек, вышедший из какого-то транса, сказавши добродушно: «Теперь можно отдохнуть». Оставалось одно лишь радостное возбуждение еще раз одержанной победы. Он заявил, что за всю свою жизнь не расшифровал только одного письма по делу австрийского шпионажа, но это было давно. «Теперь я и с ним не провалился бы!» – заключил он.

В результате удалось установить, что автором письма был известный боевик К.А. Мячин, и перехватить транспорт с революционной литературой⁵⁹⁸.

Об этом человеке знали представители революционного движения. Например, эсеровская газета «Революционная мысль» сообщила в сентябре 1908 года: «Зыбин Иван Александрович (Пантелеймоновская, 9) – единственный [что было неверно] специалист по расшифровке писем»⁵⁹⁹.

Охранка предпринимала все усилия, чтобы не дать подпольщикам заподозрить, что их письма регулярно разрабатывают в «черных кабинетах». Но как это можно было сделать практически? Ведь после обычного проявления «химического» письма уже невозможно было вернуть ему прежний вид. Помимо изобретений вроде описанного выше «фотографического способа» капитана Г.Г. Меца, существовал более простой и одновременно, наверно, более сложный, требующий особого «мастерства» выход из положения. Вот что писал об этом научный сотрудник Центрального партийного архива (ныне – Российский государственный архив социально-политической истории) В.Н. Степанов:

Зачастую в интересах политического сыска переписка Особым отделом не прерывалась. «Специалисты» по подделке почерков изготавливали копию письма, воспроизводившую все его мельчайшие особенности, которая и посылалась адресату. Широко практикуя подделку писем, полиция получала возможность контролировать через «черные кабинеты» переписку лиц, попавших в поле ее зрения, и тем самым быть в курсе дел, как отдельных членов партии, так и той или иной организации в целом.

В штате Департамента полиции был В.Н. Зверев, выходец из Московского охранного отделения, подлинный виртуоз по подделке любых почерков. В документах указаний на такую практику можно найти множество. Например: «Все подобные письма калькируются, воспроизводятся химическим способом и отправляются по назначению» – это о письмах К.И. Захаровой. А вот о переписке «Северного рабочего союза»: «Означенное письмо было воспроизведено и отправлено по назначению». Поэтому нет ничего удивительного, что в архиве Н.К. Крупской запросто можно обнаружить подделки, выполненные в полиции, – оригиналы этих писем остались для разработки в Петербурге⁶⁰⁰.

Часть выписок из перлюстрированных писем Департамент полиции для дальнейшей работы по ним направлял в губернские жандармские управления и охранные отделения. При этом источник сведений, как правило, не указывался, а именовались они агентурными или полученными агентурным путем. Если же все-таки источник сообщался, то следовало строжайшее предупреждение о его неразглашении. Например, в связи с установлением наблюдения за священником И. Сокологорским начальник ОО ДП полковник А.М. Еремин 15 ноября 1912 года сообщал своему однофамильцу, ротмистру П.В. Еремину, что направляет ему копию заказного письма от 7 ноября из Полтавы в Петербург на имя Татьяны Федоровны Сокологорской. Полковник предупреждал, что делает это «совершенно доверительно,

⁵⁹⁸ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. С. 91–99.

⁵⁹⁹ Революционная мысль. 1908. № 3. С. 13.

⁶⁰⁰ Цит. по: Синельников А.В. Шифры и революционеры России. Гл. 3 // Politazbuka.ru/ biblioteka/115#texts/541#sinelnikov-a-v-shifty-i-revolucionery-rossii.html.

исключительно для личных соображений при производстве <...> розыска», так как данная копия «не может быть предъявлена посторонним лицам, не взирая на занимаемое ими служебное положение и естественно не должна быть приложена к дознаниям или переписке, производящимся в порядке Положения о государственной охране»⁶⁰¹.

Это требование соблюдали и чины политической полиции на местах. 26 ноября 1914 года начальник Саратовского ГЖУ выговаривал ротмистру Кононову, своему помощнику в Балашовском уезде:

В записке Вашей от 18#го сего ноября за № 53, а не в рапорте, как это требуется циркуляром штаба Отдельного корпуса жандармов от 10 минувшего октября за № 131, слово «Перлюстрация» незашифровано. Между тем... слово это, как термин, определяющий известный розыскной прием и притом весьма серьезный, не должно писать открыто и даже в тех случаях, когда в какой бы то ни было переписке нужно указать на обстоятельство, определяющееся этим словом, не зашифровывая, таковое должно заменяться фразой «совершенно секретный документ». Поставляя Вам это на вид, предписываю на будущее время принять к строгому исполнению это преподанное мною указание⁶⁰².

В провинциальных «черных кабинетах» выписки делались в двух экземплярах. Один направлялся старшему цензору в Петербург, второй – на имя генерал-губернатора. В столице из этих выписок делался отбор для министра. Остальное уничтожалось⁶⁰³. До 1906 года выписки направлялись в специальном конверте. Например, 18 октября 1894 года А.Д. Фомин сообщал в Москву старшему цензору К.А. Келеру, что «с сегодняшнего дня на Ваше имя будет отправляться конверт для министра № 663»⁶⁰⁴. Министр внутренних дел часть выписок, по словам А.Д. Протопопова, «представлял на обозрение царя и царицы». Государю он вручал выписки лично или посылал со всеподданнейшим докладом. Александре Федоровне – отдавал лично или передавал через А.А. Вырубову. Много выписок посылалось дворцовому коменданту В.Н. Воейкову. Если верить Протопопову, Николай II «не любил перлюстрации... и ею почти не интересовался», зато государыня «просила сообщать ей выписки, касавшиеся Распутина». Но одновременно бывший министр противоречил сам себе, отмечая, что «наиболее интересовавшие государя выписки оставались им у себя»⁶⁰⁵. Об особом интересе императрицы к перлюстрации вспоминал и С.П. Белецкий. Он, в частности, писал:

Из бесед с [А.А.] Вырубовой я выяснил себе, кто из тех или иных лиц, в какой степени и в силу каких соображений интересуется императрицу. И сообразно с этим я прибег к помощи перлюстрации, составив для... [М.Г.] Мардарьева соответствующий список лиц, корреспонденция которых подлежала просмотру. Этот список был дополнен фамилиями лиц, которыми интересовался также и [А.Н.] Хвостов. Материал, почерпнутый из вскрытых писем, а также и сведения из других источников, служили темой для докладов Вырубовой.

⁶⁰¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1163. Л. 168.

⁶⁰² *Воронежцев А.В.* Из истории военной цензуры в период Первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2005 г.). Саратов: Архитектор-С, 2006. С. 19.

⁶⁰³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 45.

⁶⁰⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 136. Л. 23.

⁶⁰⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 158–158 об.

Например, из пары перлюстрированных писем настоятеля Царскосельского Феодоровского собора, духовника государя и государыни с февраля 1914 года, воспитателя цесаревича Алексея – отца А. Васильева, который подозревался в том, что «не является сторонником императрицы», было усмотрено «несколько отрицательное его отношение к Распутину». Копия одного из писем отца Александра была передана Вырубовой⁶⁰⁶. Судя по контексту, этот эпизод относится ко времени совместной службы министра внутренних дел А.Н. Хвостова и товарища министра С.П. Белецкого, с октября 1915 года до февраля 1916#го.

После 1905 года особое внимание уделялось секретности пересылки материалов из провинции в Санкт-Петербург А.Д. Фомину или М.Г. Мардарьеву. Действительно, если до начала XX века сотрудники «черных кабинетов» в своей деятельности чувствовали себя неприкосновенными и охраняемыми высшей властью, то после 1905 года ситуация изменилась. По словам старшего цензора в Киеве К.Ф. Зиверта, в 1905 году на местах было получено устное указание «уничтожить немедленно весь архив в случае серьезных беспорядков, народных волнений и т. п.»⁶⁰⁷ Одновременно был изменен порядок пересылки из провинциальных «черных кабинетов» в Санкт-Петербург копий или выписок из перлюстрированных писем, представлявших интерес. Многие годы они посылались в одном конверте на имя старшего цензора Санкт-Петербургского почтамта. 14 июля 1906 года на места был направлен циркуляр за подписью Фомина о новом порядке пересылки копий и выписок в столицу. Во-первых, к ним теперь надо было прилагать реестр, написанный на простой бумаге с указанием числа, месяца, года и номера по следующему образцу: «На имя Солодовникова с текстом (вместо – с химическим текстом); На имя Солодовникова на усмотрение». Во-вторых, предлагалось после вложения в пакет запечатать его чьей#либо частной печатью и указать фамилию адресата. Затем следовало этот пакет вложить в другой пакет со следующим отношением: «Число, месяц, год. Прилагаемый пакет представляется для препровождения по принадлежности. Имя и фамилия заведующего данным пунктом», запечатать его и на пакете сделать надпись: «В Санкт-Петербургскую цензуру иностранных газет и журналов». Наконец, все это нужно было поместить в третий пакет, адресованный «В канцелярию Санкт-Петербургского почт-директора». Притом второй и третий конверты надлежало запечатывать личной печатью местного старшего цензора⁶⁰⁸. «Матрешка» из Варшавы делалась немного по#другому: на первом конверте была надпись «Передать по принадлежности», и он вкладывался в конверт с адресом «В Санкт-Петербургскую цензуру иностранных газет и журналов», помещаемый в свою очередь в конверт «В отдел доставки высочайшей корреспонденции»⁶⁰⁹.

Но даже такой сложный конспиративный порядок казался не очень надежным. К.Ф. Зиверт 14 марта 1907 года обратился из Киева к столичному руководству с письменным сообщением о том, что начальник почтового округа предупредил его о необходимости «при отправке пакетов от Киевской цензуры соблюдать крайнюю осторожность». Он советовал Зиверту, во#первых, сдавать пакеты на почту с надписью «От начальника Киевской почтовой конторы» (в этом случае они вместе с корреспонденцией «Высочайших особ», в особом пакете, будут ежедневно отправляться «простым порядком» по адресу «В канцелярию Санкт-Петербургского почт-директора»). Во-вторых, иногда отправлять пакеты с надписью «с документом», но тоже от имени начальника конторы (эта почта шла как заказная корреспонденция). Наконец, он рекомендовал «по возможности избегать подписи и цензурной печати». В результате Зиверт предлагал следующий механизм пересылки выписок и задер-

⁶⁰⁶ Белецкий С. Григорий Распутин. С. 38, 47; Падение царского режима. Т. 4. С. 263.

⁶⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 10 об.

⁶⁰⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 219. Л. 13.

⁶⁰⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 85 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 219. Л. 10–11, 13.

жанных писем: начальный конверт адресовать в санкт-петербургскую цензуру иностранных газет и журналов, но без указания отправителя и с печатью Киевской почтовой конторы; его вкладывать в следующий конверт с препроводительной бумагой, но без подписи Зиверта, с частной печатью на конверте; все это помещать в третий конверт, адресованный в канцелярию санкт-петербургского почт-директора от имени начальника Киевской почтовой конторы. Кроме этого, предлагалось в секретных бумагах на имя А.Д. Фомина ограничиться словами «Ваше Превосходительство», не упоминая его фамилии, имени и отчества. На письме Зиверта имеется резолюция – по приказанию Фомина написано, «чтобы поступал, как предлагает»⁶¹⁰. Спустя десять лет, в марте 1917 года, в ходе обыска в помещении «черного кабинета» в Киеве были обнаружены конверты двух форматов: внутренние, с надписью «В отдел иностранных газет и журналов», и большие, верхние – «В отдел доставки высочайшей корреспонденции»⁶¹¹.

Был и другой вариант конспиративной переписки с петербургским начальством. Копии и выписки вкладывались в конверт с надписью «Его превосходительству С.В. Соколову» (имя этого давно умершего чиновника цензуры использовалось как псевдоним М.Г. Мардарьева). Данный конверт помещался во второй – с печатным адресом «В отдел доставки высочайшей корреспонденции», после чего письмо отправляли в Санкт-Петербург, обычно от имени начальника местной почтовой конторы⁶¹². Особый вариант связи, как я указывал выше, существовал для «черного кабинета» в Тифлисе.

Подобные же меры предосторожности принимались при доставке выписок в Министерство внутренних дел. Один из секретарей министра рассказывал: «Ежедневно в кабинет министра подавался мною большой толстый конверт листового формата, запечатанный сургучной печатью с неизвестным мне гербом без инициалов. Сам я приходил на службу в девятом часу утра и уже находил этот пакет у себя на столе». На этом конверте типографской краской была напечатана фамилия министра. Секретарь был предупрежден, что вскрывать этот конверт он не имеет права. На деле внутри первого конверта имелся еще один – с короткой надписью «Его Сиятельству»⁶¹³. По показаниям А.Д. Протопопова, он получал два экземпляра выписок и один из них пересылал, по заведенному ранее порядку, председателю Совета министров. Но сам же при этом замечал, что «иногда посылал не полный набор, вынимая те письма, которые не хотел ему сообщать, например те, в которых меня особенно бранили». С выписок, представлявших интерес для других министров, снимались копии и отправлялись им⁶¹⁴.

Естественно, особое беспокойство испытывали в провинциальных «черных кабинетах». К.П. Свяцкий из Харькова писал А.Д. Фомину 23 марта 1907 года: «С прекращением личной соприкосновенности по просмотру корреспонденции желательно было бы уйти из помещения, смежного с простым отделом». По договоренности с начальником почтово-телеграфного округа С.С. Ивановым он предлагал поставить перед руководителем Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьяновым вопрос о том, чтобы при предполагаемом расширении простого отдела включить в него помещение цензуры. Квартиру же начальника телеграфной конторы из пяти комнат поделить между цензурой (две комнаты) и квартирой чиновника Мацевитова, занимавшегося отбором корреспонденции для просмотра. В свою очередь начальнику телеграфной конторы выплачивать квартирные деньги на съем жилья. «Занятие секретной частью этого помещения очень желательно: вход с улицы совер-

⁶¹⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 219. Л. 10–10 об.

⁶¹¹ Киевская мысль. 1917. 2 апреля. С. 4.

⁶¹² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9 об., 33 об., 47.

⁶¹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 72.

⁶¹⁴ Падение царского режима. Т. 4. С. 110.

шенно отдельный, а для чиновника Мацевитова будет всегда предлог ходить домой, чтобы доставлять нам корреспонденцию»⁶¹⁵. В июле 1913 года М.Г. Мардарьев обратился в ДП с просьбой выделить 2 тыс. руб. в год для переустройства секретного отделения в Харькове, находящегося при местном почтамте. Ибо «в виду последних статей в русских газетах, а также и происходящих дебатов в Государственной думе, существование в Харькове отделения в том виде, как оно существует с прежних времен – немыслимо». Предлагалось обустроить проведение перлюстрации на съемной квартире⁶¹⁶.

Старший цензор одесской цензуры иностранных газет и журналов Ф.Б. Гольмблат в большом частном письме Мардарьеву 10 марта 1909 года просил принципиального согласия на устройство небольшого элеватора для механической передачи отобранной к просмотру корреспонденции из экспедиции в секретную часть. В качестве целей такой рационализации он указывал:

...1) освободить чиновника [И.] Юрченко от многократных посещений цензуры, которые, в конце концов, могут навлечь внимание прочих чинов и вызвать подозрение; 2) чтобы дать возможность Юрченко выигранное время утилизировать для более полезной работы – просмотра им же к-ии [корреспонденции] для нашей цензуры. Юрч. [енко] наиболее способный из всех четырех чиновников и отвлекать его многократным посещением цензуры от существенной работы не следовало бы. <...> Пользоваться таким внутренним закрытым тайным элеватором можно будет во всякое время; его можно будет устроить в трубе вентиляционной, начинающейся в той комнате, где сидят за нашей работой четыре почтовых чиновника и проходящей через мой кабинет на чердак; придется поставить особые шкафы, прикрывающие как в экспедиции, так и в цензуре отверстие для элеватора. Технические подробности со всякими усовершенствованиями разрабатывают Юрченко и [И.А.] Почобут [15 октября 1909 года переведен в Варшаву, умер 11 декабря того же года].

Сооружение элеватора Гольмблат обещал провести «домашним способом»⁶¹⁷.

Чиновники «черных кабинетов» весьма болезненно реагировали на неуклюжие действия местных властей, ненароком раскрывающих свои тесные взаимоотношения с перлюстраторами. Например, в 1907 году градоначальником Одессы стал бывший начальник Киевского ГЖУ В.Д. Новицкий, и министр внутренних дел П.А. Столыпин разрешил старшему цензору Одесской почтовой конторы Гольмблату «войти с ним [Новицким] в служебные сношения по секретной части». Но в том же году Новицкий умер. Его преемником в начале декабря 1907 года был назначен генерал-майор И.Н. Толмачев. Одним из первых распоряжений Толмачева на новом посту стало утверждение расписания приемных часов градоначальника, в котором во вторник открыто предусматривался прием цензора при Одесской почтовой конторе. Гольмблат немедленно доложил об этом А.Д. Фомину. Последний обратился к Столыпину. Резолюция министра от 24 декабря 1907 года гласила: «Директору ДП [М.И. Трусевичу]. Видимо, Толмачев не отдает себе отчета в секретном характере перлюстрации. Об этом деле писать неудобно. Он будет в Петербурге <...> переговорите с ним лично по этому делу». Распоряжение было исполнено 28 декабря⁶¹⁸.

⁶¹⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 219. Л. 14.

⁶¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 77–77 об., 80; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 183; Д. 1001. Л. 50.

⁶¹⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 221. Л. 159–159 об.

⁶¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1293. Л. 7–9.

Примерно тогда же, 31 октября 1907 года, Фомин доложил директору ДП Трусевичу, что, согласно желанию последнего, установлено наблюдение за корреспонденцией, адресованной в Петербург на предъявителя кредитных билетов рублевого достоинства № 18903 и трехрублевого – № 77797. Но при этом приложил официальную бумагу с той же просьбой из охранного отделения от 29 октября, указывая, что «столь открытое сношение Охранного отделения с Цензурою иностранных газет и журналов может безусловно и серьезно повредить секретному делу»⁶¹⁹.

На основе материалов перлюстрации для императора в ДП ежегодно составляли обзоры государственной жизни России. Программа таких отчетов иногда давалась министром внутренних дел. Один экземпляр отчета направляли государю, другой сохраняли в ДП МВД. Общим правилом было снабжение перлюстрационными сведениями председателя Совета министров. По словам С.П. Белецкого, в 1909–1915 годах сведения давали также министру юстиции И.Г. Щегловитову и военному министру В.А. Сухомлинову, но без предоставления выписок⁶²⁰.

Перлюстрационные пункты в начале XX века трудились на несколько ведомств одновременно. Первое место в этом ряду занимал Департамент полиции МВД. Но также получателями информации были министерства иностранных дел, военное и морское, их больше всего интересовала дипломатическая корреспонденция. Например, часть выписок из дипломатической почты шла начальнику отдела иностранной статистики (разведки) Морского Генерального штаба с 1909 года М.И. Дунину-Барковскому. Из Военного министерства для вскрытия дипломатических баулов и пакетов были присланы копии ключей. С важных документов делались фотографические снимки. Один из старейших (с 1887 года) сотрудников петербургского «черного кабинета» Л.Х. Гамберг показал на допросе 18 декабря 1929 года, что частенько по вечерам в «черный кабинет» заходил небезызвестный М.С. Комиссаров и присутствовал при вскрытии мешков с дипломатической почтой. Он же доставлял перлюстраторам пломбы и щипцы для запечатывания таких мешков⁶²¹. Судя по биографии Комиссарова, подобное могло происходить в 1904–1908 годах, когда он был руководителем контрразведки при Санкт-Петербургском ГЖУ, а затем помощником начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. Посещал перлюстрационный пункт в столице, по его собственному признанию, и знакомый нам И.А. Зыбин – гений дешифровального дела⁶²².

По воспоминаниям С. Майского (В.И. Кривоша),

⁶¹⁹ Там же. Оп. 267. Д. 40. Л. 2, 3.

⁶²⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 143 об.

⁶²¹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 102 об., 108–108 об., 193 об.; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 50–50 об. М.И. Дунина-Барковский (1878–?) – из дворян Черниговской губернии, с отличием окончил в 1898 году Морской корпус. Служил руководителем разведки Морского Генерального штаба до конца июня 1918 года, когда это разведывательное отделение было упразднено. Затем с 9 февраля 1919 года стал первым начальником морского агентурного отделения Регистрационного (Разведывательного) управления Полевого штаба РККА (*Каримов О.В.* Советская военно-морская разведка в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 132). В начале 1919 года Дунина-Барковский оказался под следствием по делу бывшего лейтенанта морского флота, финского подданного Р.А. Окерлунда. Последний возглавил весной 1918 года организацию «ОК», связанную с английскими спецслужбами, и установил связь с офицерами Морского Генштаба (*Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. 1914–1920. М.: Крафт, 2004. С. 108). Дело слушалось в Верховном трибунале 8–10 апреля 1919 года. Обвинителем выступал Н.В. Крыленко. Р.А. Окерлунд, начальник военно-морского контроля А.К. Абрамович и один из сотрудников, А.Д. Иванов, были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 12 апреля. Дунина-Барковского обвиняли в отправке в Стокгольм бывшему морскому агенту Шашевскому четырнадцати зашифрованных телеграмм, содержащих секретные сведения. Михаил Иосифович доказывал, что приписки в некоторых телеграммах мог делать без его ведома шифровальщик А.И. Богданов, скрывшийся от следствия и суда. Защиту Дунина-Барковского осуществлял известный адвокат А.С. Тагер. Трибунал постановил дело Михаила Иосифовича выделить и направить к рассмотрению для установления подлинности радиотелеграмм. 30 апреля 1919 года Верховный трибунал обвинил Дунина-Барковского в служебных упущениях и недостаточном наблюдении за подчиненными. Он был приговорен к заключению в концлагерь «до прекращения гражданской войны» (*Известия ВЦИК.* 1919. 9 апреля. С. 3; 10 апреля. С. 3; 12 апреля. С. 3; 1 мая. С. 3). Дальнейшая судьба М.И. Дунина-Барковского неизвестна.

⁶²² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 31.

... в секретной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печаток как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Петрограде и Министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров; с помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку, без малейшего следа вскрытия, не представляло никаких затруднений; <...> имелись шифрованные коды всех стран, [с] помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в «черном кабинете», а в другом однородном с ним учреждении при Министерстве иностранных дел, куда попадали и копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм⁶²³.

Хотя здесь есть определенные преувеличения, о чем будет подробнее рассказано в следующей главе, но в целом этому пассажи можно доверять.

Тот же Кривош, настаивавший в мемуарах на том, что «никогда в мире “черный кабинет” не работал так чисто, как в России, и... особенно... в Петрограде», признавал, что «с дипломатической корреспонденцией, вследствие спешки и связанной с ней нервности работы, часто происходили такие курьезы, благодаря которым провал угрожал всему делу перлюстрации»⁶²⁴. Был эпизод (я упоминал о нем вскользь во введении), когда чиновник, производивший перлюстрацию, уронил в дипломатический баул золотую запонку с монограммой «О.В.», не заметив этого. Почта была вновь запечатана поддельными печатями и отправлена по назначению. Каковы же были удивление чиновника и его радость, когда через некоторое время, опять вскрыв этот баул, следовавший в обратном направлении, он обнаружил свою запонку в целости и сохранности! Возможно, получатели корреспонденции решили, что запонку потерял один из дипломатов, отправлявший почту. Перлюстратор с облегчением и удовольствием вернул драгоценный предмет на его законное место, уничтожил сопровождавшее его письмо и поставил на баул новые поддельные печати⁶²⁵. Решусь расшифровать инициалы «О.В.» и назвать имя этого чиновника: одним из тех, кто специализировался на вскрытии дипломатической почты, был Отто Карлович Вейсман (1866–?), сын бывшего руководителя «черных кабинетов» К.К. Вейсмана. Вейсман-младший занимался перлюстрацией в Санкт-Петербургском почтамте с 11 марта 1887 года и до ее ликвидации в 1917 году. Числясь младшим цензором, он стал действительным статским советником с 6 декабря 1910 года⁶²⁶.

Были и другие подобные случаи. Однажды заделали и сдали конверт без вложения письма, которое осталось незамеченным среди других бумаг на столе чтецов. В другой раз чтецы перепутали вложения двух конвертов, отправив в Нидерландское посольство бумаги на испанском языке из Министерства иностранных дел в Мадриде. По словам Кривоша, согласно поднятой по данным делам переписке, «все это приписывалось австрийскому или германскому “черным кабинетам”, через каковые страны корреспонденция шла транзитом и “черные кабинеты” которых в дипломатических сферах пользовались неважной репутацией из-за небрежности работы, оставлявшей на письмах довольно грубые следы вскрытия». Ф.Г.

⁶²³ Майский С. «Черный кабинет». С. 282.

⁶²⁴ Там же. С. 285.

⁶²⁵ Он же. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора. Пг.: Былое, 1922. С. 14; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 115.

⁶²⁶ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 102 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 725. Л. 1–6.

Тизенгаузен вспомнил о случае, когда перепутали конверт перлюстрированного письма на имя члена Государственного совета Н.А. Хвостова⁶²⁷.

Общий штат сотрудников, непосредственно занимавшихся перлюстрацией, в начале XX века менялся незначительно. Если в 1908 году он составлял, по моим данным, тридцать девять человек, то в июле 1913 года – сорок два человека, а к концу 1916#го – сорок шесть человек. Подробнее об этом я расскажу в четвертой главе⁶²⁸. Кроме того, к процессу перлюстрации были причастны руководители почтамтов и почтовых контор, а также особо доверенные сотрудники почтовых экспедиций, занимавшиеся отбором корреспонденции для последующего просмотра, и сторожа при помещениях «черных кабинетов». Ранее я уже говорил, что если примерно до 1902 года на Петербургском почтамте отбором писем занимались с помощью экспедиторов сами сотрудники «черных кабинетов», то затем в связи с огромным ростом масштабов почтовой переписки к этой операции пришлось привлекать значительное число почтовых чиновников. К ноябрю 1915 года количество так называемых косвенных участников составляло, по моим подсчетам, восемьдесят девять человек: двадцать четыре сторожа, семь руководителей почтамтов и почтовых контор и пятьдесят восемь сотрудников почтовых экспедиций. Из них тридцать пять человек (в том числе девять сторожей) – служащие Санкт-Петербургского почтамта, пятнадцать (четыре сторожа) – Московского почтамта, соответственно десять (четыре сторожа), семь (один сторож), шесть (один сторож), три человека (один сторож) и тринадцать (четыре сторожа) – сотрудники Варшавской, Киевской, Тифлисской, Харьковской губернских почтовых контор и Одесской пограничной почтовой конторы⁶²⁹. Отметим попутно, что сторожа, например, в Петербурге не только охраняли помещение цензуры, но также использовались для доставки пакетов в МВД и другие учреждения⁶³⁰. Одновременно на местах чины жандармских управлений и охранных отделений производили «инициативную» перлюстрацию, устанавливая доверительные отношения с чиновниками почтово-телеграфных контор.

Между тем с начала XX века резко возрос сам объем почтовых отправок. В 1885 году он составлял 281,7 млн. В 1900#м – 2132,9 млн, в том числе 88,3 млн открыток, 365 млн простых и 34,8 млн заказных писем, 93,4 млн бандеролей и 5,9 млн посылок. В 1913 году уже было 455 млн открыток, 1299 млн простых и 94 млн заказных писем, 265,3 млн бандеролей и 19,4 млн посылок. Рос объем и международной корреспонденции. Если в 1900 году она составила 89,7 млн писем (36,8 млн отправленных и 52,9 млн полученных), то в 1913 году – 143,9 млн писем (59,9 млн отправленных и 84 млн полученных) и 51,8 млн бандеролей (16,3 млн отправленных и 35,5 млн полученных)⁶³¹. Естественно, количество перлюстрированной корреспонденции также увеличивалось – см. таблицу 1.

Таблица 1

Объем перлюстрированной корреспонденции в начале XX века^{*632}

⁶²⁷ Майский С. «Черный кабинет». 2007. С. 285; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 142. Н.А. Хвостов (1844–1913) – член Государственного совета в 1908–1913 годах.

⁶²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 74–78 об., 110, 130–131.

⁶²⁹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 74–78 об., 110, 130–131; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 63. Л. 16, 17; Д. 219. Л. 14; Д. 221. Л. 101–101 об., 113, 159 об., 160; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 22–23 об.; Измозик В.С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70#летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 218–225.

⁶³⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 264. Л. 3.

⁶³¹ Двадцатипятилетие почтово-телеграфного ведомства. 1885–1910. СПб., 1910. С. 19; Почтово-телеграфная статистика за 1900 год. СПб., 1902. С. XXX, XXXII, 6. Подсчет мой; Почтово-телеграфная статистика за 1913 год. Пг., 1917. С. I, 8–9, 15–16.

⁶³² Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 279; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003; Д. 1001. Л. 87.

Год	Число простых писем, с которых сняты копии или из которых сделаны выписки	Число «химических» и шифрованных писем, с которых сняты копии	Число писем, прошедших перлюстрацию по требованию МВД, с которых сняты копии	Число выписок в среднем за месяц	Итого
1	2	3	4	5	6
1900	Н.с.	Н.с.	Н.с.	457	5481
1901	Н.с.	Н.с.	Н.с.	607,5	7291
1902	Н.с.	Н.с.	Н.с.	651	7848
1903	Н.с.	Н.с.	Н.с.	673	7360
1904	Н.с.	Н.с.	Н.с.	720	8642
1905	Н.с.	Н.с.	Н.с.	848	10 182
1906	Н.с.	Н.с.	Н.с.	919	11 033
1907	10 618	904	Н.с.	1785	14 221
1908	7242	1029	Н.с.	832	9986
1909	4579	2280	112	609	7240
1910	3197	4260	478	567	6803
1911	3066	1396	1196	574	6885
1912	2454	5039	3146	1182 (из расчета за 9 месяцев)	10 639
1913	1875	2777	1276	517 (из расчета за 9 месяцев)	4655
1914	1593	1538	2231	596 (из расчета за 9 месяцев)	5362

* В графах 2–4 приведены сведения за январь – сентябрь. В графе 5 для 1900–1911 годов приведены сведения за весь год, а для 1912–1914 годов – за январь – сентябрь.

** Н.с. – нет сведений.

Из данных, приведенных в таблице, видно, что наибольшее количество выписок приходится на 1907 год (14 221), затем идет спад до 1910 года, а потом – опять некоторый подъем. Одновременно растет количество шифрованных и «химических» писем, а также писем, перлюстрированных по требованию министра внутренних дел⁶³³.

2. Планы реформирования службы перлюстрации после Первой российской революции (1905–1907 годов)

Российская революция 1905–1907 годов показала неподготовленность органов политического сыска к борьбе с антиправительственным движением такого размаха. Поэтому уже в ходе революции началась работа по перестройке политических спецслужб, создавались планы их реформирования⁶³⁴. Поскольку перлюстрация являлась одним из направлений политического розыска, то деятельность «черных кабинетов» также оказалась в поле внимания руководства МВД и Департамента полиции. Прежде всего вставал вопрос об организации новых перлюстрационных пунктов и об улучшении работы уже существовавших.

По приказу министра внутренних дел П.А. Столыпина старший цензор Санкт-Петербургского почтамта М.Г. Мардарьев (заместитель руководителя всей службы перлюстрации в Российской империи А.Д. Фомина) был направлен 29 мая 1908 года в Киев и Одессу «для переустройства секретного дела на новых началах». 14 июня 1908 года Мардарьев подал Фомину рапорт о результатах поездки. В частности, он отметил, что теперь в этих пунктах, как и в Петербурге и Москве, «корреспонденция будет отбираться и передаваться для досмотра приученными к делу, испытанной верности долгу почтовыми чиновниками при отправлении ими своих прямых служебных обязанностей». Причем «как отборка, так и пере-

⁶³³ См.: Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 279.

⁶³⁴ См.: Там же. С. 41–57, 87–105, 121–136, 351–366.

дача в цензуру писем, смею думать, замаскированы будут довольно удачно, и поэтому толки о досмотре Цензурою частной корреспонденции должны прекратиться»⁶³⁵. Кстати, при представлении Мардарьева в январе 1909 года к награждению орденом Св. Станислава 1#й степени было отмечено, что поручение министра внутренних дел Столыпина о преобразовании цензурных пунктов в провинции «им было блестяще выполнено»⁶³⁶.

В феврале 1910 года вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов провел ревизию трех перлюстрационных пунктов и представил доклад по результатам ревизии. В связи с этим в Департаменте полиции в феврале 1913 года состоялось специальное совещание о постановке перлюстрационной работы в империи⁶³⁷. Естественно, эти материалы следует рассматривать как часть общих попыток реформировать органы политического розыска в данный период. В 1911–1912 годах тот же Виссарионов ревизовал охранные отделения в Варшаве, Киеве, Москве, ГЖУ Волынской и Московской губерний⁶³⁸. В конце ноября – начале декабря 1912 года состоялся съезд руководителей политического сыска. Под руководством Виссарионова была создана рабочая группа в целях переработки и совершенствования нормативных документов⁶³⁹.

Поездка Виссарионова в феврале 1910 года состоялась по указаниям министра внутренних дел П.А. Столыпина и товарища министра П.Г. Курлова, ведавшего политическим розыском в империи. Вице-директор ДП посетил Москву, Варшаву и Саратов, пытаясь получить ответ на три вопроса: по чьим директивам проводится перлюстрация? насколько широки ее пределы? почему при сравнительно больших затратах отдача от «секретного дела» оказывается незначительной? В результате 3 апреля 1910 года он представил отчет товарищу министра Курлову.

В Москве Виссарионов имел беседы с московским почт-директором В.Б. Похвисневым, старшим цензором Московского почтамта В.М. Яблочковым, а также с начальником 1#й экспедиции почтамта, в которой проводился отбор корреспонденции для перлюстрации, Н.Г. Пезе#де-Корвалем⁶⁴⁰. В Варшаве его собеседниками были начальник Варшавского почтово-телеграфного округа М.К. Богуцкий, помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части К.К. Утгоф, начальник Варшавского охранного отделения К.И. Глобачев и старший цензор варшавской цензуры иностранных газет и журналов А.Ф. Шлиттер. Поскольку Глобачев был назначен на этот пост незадолго до приезда Виссарионова, то последний получил также материалы от бывшего начальника Варшавского охранного отделения П.П. Заварзина. В Саратове ревизор из Петербурга получил информацию от начальника Саратовского ГЖУ полковника В.К. Семигановского и начальника Саратовского охранного отделения ротмистра А.П. Мартынова.

Выяснилось, что руководители почтовых учреждений Богуцкий и Похвиснев заботятся о предоставлении цензорам необходимых условий для работы, но не входят в существо этой деятельности. Указания по отбору корреспонденции для просмотра поступали от руководителя «секретной», или «особой», части при цензуре иностранных газет и журналов в империи А.Д. Фомина или его заместителя М.Г. Мардарьева из Петербурга, от начальника Московского охранного отделения, от помощника варшавского генерал-губернатора

⁶³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Год 1910. Д. 333. Л. 13.

⁶³⁶ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 221. Л. 150 об.

⁶³⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 16–26 об.

⁶³⁸ См.: Там же. Ф. 102. Оп. 316. Год 1911. Д. 202, 352; Год 1912. Д. 202.

⁶³⁹ *Пережудова З.И.* Политический сыск России. С. 210–211.

⁶⁴⁰ Николай Генрихович Пезе#де-Корваль (1864–?) в 1890–1898 годах занимался перлюстрацией в Казани и Москве. Был уволен в сентябре 1898 года после драки с отставным поручиком Титовым. Вновь был принят в Московский почтамт в 1907 году. Служил исполняющим обязанности экспедитора (с 10 апреля 1909 года) и экспедитором Московского почтамта (с 26 августа 1910#го).

по полицейской части Утгофа на основании докладов начальника Варшавского охранного отделения, а также (по вопросам контрразведки) от начальника штаба Варшавского военного округа. Кроме этого, вскрытие переписки осуществлялось по собственной инициативе Яблочкова и Шлиттера – с учетом местной политической жизни. Обследование заказной и денежной корреспонденции производилось на основании распоряжения московского почт-директора и начальника Варшавской почтово-телеграфной конторы. Из Петербурга в начале каждого года поступал так называемый «алфавит», т. е., как уже известно читателю, список лиц, чья корреспонденция подлежала перлюстрации. Этот перечень затем дополнялся по инициативе руководителей местной цензуры. В Москве в течение года в него обыкновенно вносилось до 300 адресов. Из них на следующий год по распоряжению из Петербурга переходило около семидесяти, а остальные исключались⁶⁴¹.

Определенным откровением для С.Е. Виссарионова стало то, что чины московской цензуры трудились также для министерств военного, морского, иностранных дел и Министерства двора. Перлюстрация дипломатической переписки консулов производилась и в Варшаве. Все копии, снятые в Москве и Варшаве, направлялись в Петербург – А.Д. Фомину и М.Г. Мардарьеву. После 1905 года для их пересылки были приняты особые конспиративные меры. Пакет с секретными бумагами адресовался Василию Ивановичу Матушкину (что означало – Фомину или Мардарьеву). Этот пакет вкладывался в другой, с надписью «В Отдел Высочайшей корреспонденции». Уже в Петербурге производилось распределение полученного материала по ведомствам: министру внутренних дел, товарищу министра, управлявшему политическим сыском, директору Департамента полиции, в МИД и в Военное министерство. В частности, распределением бумаг, полученных из Варшавы, ведал В.И. Кривош⁶⁴². Кроме этого, при необходимости копии передавались в Охранное отделение в Москве и К.К. Утгофу для Охранного отделения в Варшаве. О перлюстрации для Министерства двора начальник первой экспедиции Московского почтамта Н.Г. Пезе#де-Корваль, руководивший отбором писем, сказал Виссарионову: «Здесь такие лица замешаны, что от страха назвать их пятки трясутся», а потому фамилии этих лиц он готов назвать лишь П.Г. Курлову лично⁶⁴³. Как тут не вспомнить о подозрениях вдовствующей императрицы Марии Федоровны и ее дочери Ольги Александровны? Тем более что С.П. Белецкий признавался: «... когда нужно было *передать распоряжение* [курсив мой. – В.И.], вызывался Мардарьев, которому говорилось лично», «если же интересовала переписка партийных лиц... посылался чиновник, и фамилии передавались из рук в руки, чтобы не было лишней переписки»⁶⁴⁴. Таким образом, здесь речь идет не об обычном «алфавите», который сообщался в письменном виде. Под «распоряжением» явно понимается указание о перлюстрации в отношении очень высокой особы или лиц, чтение переписки которых могло вызвать общественный скандал. Например, тот же Белецкий 16 сентября 1917 года заявил, что в 1913 году получил указание министра внутренних дел Н.А. Маклакова о просмотре всей корреспонденции защитников М. Бейлиса, в том числе родного брата министра, В.А. Маклакова⁶⁴⁵.

Сравнивая работу двух «черных кабинетов» – в Москве и Варшаве, С.Е. Виссарионов весьма негативно оценил деятельность цензуры в Москве и дал высокую оценку работе перлюстрационного пункта в Варшаве. Главную причину неудовлетворительного состояния дел в Москве ревизор видел в личности старшего цензора Яблочкова:

⁶⁴¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 16–17, 18 об., 20–20 об., 23, 24 об.

⁶⁴² О В.И. Кривоше см.: *Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша*. М.: Кучково поле, 2007.

⁶⁴³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 19 об.

⁶⁴⁴ Там же. Д. 232. Ч. 1. Л. 76.

⁶⁴⁵ Там же. Д. 1000. Л. 150.

В.М. Яблочков – почтенный уже человек свыше 70#ти лет от роду [на самом деле ему шел 64#й год]. При собеседовании с ним я вынес впечатление, что у него очень слабое представление о программах революционных партий; он не обладает никакими сведениями о партийной жизни, о новейших течениях, спорах, [на] строениях; напр. [имер,] он оказался совершенно неосведомленным о группе инициативного меньшинства партии социалистов-революционеров, о ликвидаторах среди партии социал-демократов и т. п. При таких условиях довольно трудно выделять из обширного материала наиболее интересное и необходимое для политического розыска. <...> Являясь по своему возрасту, по отсутствию энергии и должной осведомленности, человеком совершенно неподходящим для того дела, которое на него возложено <...> по заявлению Пезе# де-Корваля и Похвиснева, распустил своих подчиненных и стал даже в материальную зависимость от них, занимая у них денежные суммы⁶⁴⁶.

В результате Виссарионов отмечал следующие главные недостатки в работе московского «черного кабинета». Во-первых, слабая трудовая дисциплина цензоров, работают всего лишь с одиннадцати до четырнадцати часов, поэтому большая часть отобранных в экспедиции писем остается непросмотренной – иногда из шестидесяти писем просматривают только десять. Во-вторых, «Переписка лиц, получивших видное назначение, привлечших к себе общественное внимание, переписка членов политических партий подвергается просмотру без особой системы». В-третьих, слабый надзор со стороны Яблочкова за работой первой экспедиции. В-четвертых, беспорядочность в ведении делопроизводства и «полное отсутствие всякой системы в наблюдении за корреспонденцией»: нет «алфавитов» авторов писем, нумерации, копий писем. Невозможно установить, были ли обнаружены письма того или иного лица, один раз или неоднократно, когда именно, от кого были получены директивы «по установке цензуры за тем или иным лицом». В-пятых, серьезные упущения в самом процессе перлюстрации: за неделю в Московское охранное отделение доставляется всего пятнадцать – двадцать писем, копии изготавливаются на шапирографе (копировальном аппарате – усовершенствованном гектографе), а не печатаются; не прилагаются фотоснимки с писем и конвертов; не прикладываются переводы писем; копии писем не нумеруются и «не снабжаются отметками... к какой революционной партии принадлежит автор и адресат, и проходили ли они ранее через цензуру». Из всего этого был сделан вывод: «...цензурная работа в Москве носит характер скорее механический: надо дать несколько десятков писем в месяц, и письма даются, но без всякого плана, без стремления добыть ценный материал». В итоге «некоторое освещение внутренней организационной деятельности революционной партии иногда получается, но зато совершенно отпадает помощь в розыском отношении...»⁶⁴⁷.

В отличие от Москвы Виссарионов высоко оценил постановку дела в варшавском «черном кабинете», подчеркнув заслугу «энергичного, преданного и отлично понимающего дело старшего цензора А.Ф. Шлиттера». В день из экспедиции поступало к цензорам 3–4 тыс. единиц отобранной корреспонденции. С дипломатической почты, в том числе шифрованной, снимались копии. Вскрытие производилось «наиболее усовершенствованными способами при помощи игл и сухого пара». Для «опечатавания и обвязывания дипломатической почты изготовлялись заранее необходимые слепки печатей и вязки». «Химический» текст проявлялся на месте с помощью лакмусовой бумаги. Для получения образцов почерка в необходимых случаях производилось фотографирование писем и конвертов, а также калькиро-

⁶⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 232. Л. 17 об. – 18 об. В.М. Яблочков (1846–?) – старший цензор Московского почтамта в 1906–1917 годах.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 18–18 об., 20–21.

вание почерков. Образцы почерков регистрировались. Велся реестр, в который заносились все копии писем или выписки. Он состоял из следующих граф: порядковый номер; указание, от кого письмо, куда и кому; краткое содержание. Номер имел вид дроби: числитель – номер по порядку поступления, знаменатель – номер по порядку отправления копии генералу К.К. Утгофу. В выписках всегда делалась отметка о переводе: «с польского языка», «с еврейского жаргона». В случае повторного поступления писалось: «представляется в дополнение к прежней переписке того же автора» – с указанием номеров писем и выписок. Если была установлена принадлежность того или иного лица к определенной партии, то в копии делалась соответствующая отметка.

Кроме реестра в Варшаве велся также «алфавит адресатов и авторов», причем напротив каждой фамилии или клички делалась ссылка на номер реестра, под которым зарегистрирована копия или выписка. Имелся и реестр директив, получаемых из Петербурга. Каждому адресу давался отдельный номер, а в случае поступления по такому адресу корреспонденции в специальной графе отмечался номер, под которым эта копия занесена в реестр. К реестру был приложен «алфавит» (перечень фамилий лиц, подлежащих наблюдению).

А.Ф. Шлиттер, помимо исполнения директив, также проявлял, по мнению начальства, полезную инициативу. «Наблюдая за перепиской того или иного лица и в силу профессионального навыка», он выявлял его связи и вводил «их в число подцензурных». Кроме этого, «следя за политической жизнью края, он сам бесконтрольно намечает тех или иных лиц, переписку коих и подчиняет цензуре». Весь материал, добытый в Варшаве, также пересылался в Петербург. В целом с 1 января по 10 февраля 1910 года в Варшаве было сделано 183 выписки. Из них 137 были переданы К.К. Утгофу. Не предоставлялись ему «те копии, которые имеют значение в общегосударственном смысле, а не в узко-розыском». Наконец, одно время цензура в Варшаве работала и по заданиям ревизии сенатора Н.П. Гарина (директора ДП с 29 июня по 9 ноября 1905 года).

В результате такой налаженной перлюстрационной работы, по мнению ревизора, был достигнут ряд серьезных успехов. В качестве примеров он отметил захват австрийского шифра, раскрытие дела немецкого агента Розова-Германа в 1907 году, арест типографии «революционной фракции Польской социалистической партии» и т. п.

Поэтому Виссарионов предлагал «ввиду исключительных заслуг г. Шлиттера» выдать ему 500 руб., начальнику отдела по перевозке почт Федотову «назначить к празднику Св. Пасхи» 200 руб. и начальнику Варшавской почтово-телеграфной конторы Н.В. Васильеву увеличить регулярные наградные с 300 до 400 руб. Также он признал обоснованными претензии цензоров в Москве и Варшаве, связанные с несправедливым распределением наград и денежных поощрений, когда «львиную долю оставляет себе петербургская цензура»⁶⁴⁸.

Ознакомившись с постановкой перлюстрации в Саратове, вице-директор ДП указал, что, хотя «Саратов является одним из видных пунктов революционного движения, здесь цензура никогда не имела организованного характера». Один из бывших филеров здесь зачислен почтальоном, он и двое его сослуживцев разбирают корреспонденцию – «то, что заслуживает интереса», доставляют в ГЖУ и в Охранное отделение. Также если наружное наблюдение отмечает опускание письма в почтовый ящик, то при посредстве начальника Почтово-телеграфной конторы данное письмо передается начальнику ГЖУ. За эту помощь трем

⁶⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 232. Л. 21–24. О деле Розова-Германа см.: *Старков Б.А.* Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. СПб.: Питер, 2006. С. 160–163. «Революционная [или Боевая] фракция Польской социалистической партии» образовалась в результате раскола партии в 1907 году. Активно использовала террор. Ревизия сенатора Н.П. Гарина: Н.П. Гарин – директор ДП с 29 июня по 9 ноября 1905 года, затем сенатор. С декабря 1907 года провел ревизию в Москве. По ее результатам московский градоначальник А.А. Рейнбот был снят с должности, а затем отдан под суд. 20 мая 1909 года Гарину была поручена ревизия учреждений и установлений военных округов.

почтальонам выдается 50 руб. в месяц, и «приблизительно в такую же сумму обходится поддержание добрых отношений с начальником почтово-телеграфной конторы»⁶⁴⁹.

Эти сведения можно дополнить воспоминаниями тогдашнего начальника Саратовского охранного отделения А.П. Мартынова. По его словам, обычно письмо содержало в себе самые безобидные фразы. Но от секретного сотрудника он знал, что в письме есть скрытый, написанный лимонной кислотой текст, что он – между чернильными строчками, а потому эти последние несколько шире расставлены. Знал он и что шифр, которым написан частями скрытый текст письма, составлен по известной, легально изданной брошюре. Один экземпляр этой брошюры находится в руках автора письма, т. е. в Саратове, а другой лежит в квартире одного из членов ЦК партии социалистов-революционеров, проживающего на положении эмигранта в Париже.

Остается лишь подогреть все письмо над стеклом обыкновенной керосиновой лампы, и тогда зашифрованный текст, написанный лимонным соком, проявляется весьма просто. Расшифровка – при наличии книжки-ключа – дело совсем простое. Первые две цифры означают страницу. Дальше следуют группы по четыре цифры: первые две означают строку, а последующие две – место буквы в данной строке. Значительно труднее точно воспроизвести разрушенное подогреванием и проявлением оригинальное письмо. Надо подобрать точно такую же бумагу, переписать, старательно подделывая почерк, оба текста, явный и секретный, и, что весьма важно, привести конверт в такой вид, чтобы он не возбуждал ни малейших подозрений. Короче говоря, то письмо, которое в Париже получит член центрального комитета [партии социалистов-революционеров], написано не саратовским революционером, но начальником Саратовского охранного отделения. А подлинник остается в архивах⁶⁵⁰.

В целом же С.Е. Виссарионов пришел к следующим выводам: (1) «результаты, получаемые от цензуры, представляются довольно слабыми, в сравнении с теми затратами, которые делаются на нее»; (2) причины этого «заключаются в полной бесконтрольности петербургской цензуры и неудачном подборе лиц на местах».

Поэтому он внес ряд предложений по реформированию «черных кабинетов». Первое – поставить руководство делом перлюстрации в империи под прямой контроль директора ДП МВД или товарища министра. Второе – открыть новые перлюстрационные пункты «в местах наиболее сильного революционного проявления»: в Вильно, Ростове-на-Дону, Саратове, Екатеринославе. Третье – «освежить личный состав»: уволить в отставку «с надлежащей пенсией» В.М. Яблочкова (род. в 1846 году) и К.Ф. Зиверта (старший цензор киевской почтовой цензуры, род. в 1843 году) по причине их возраста. Четвертое – «прикомандировать к Варшавской и Петербургской цензуре молодых благонадежных чиновников, которых надлежит учить цензурной технике, с тем, чтобы они образовали кадр, из коего затем и пополнять отдельные пункты». Пятое – «оборудовать все пункты последними усовершенствованиями цензурной техники (... в Одессе и Киеве нет даже фотографических аппаратов)». Шестое – «обязать чинов цензуры ознакомиться с программами революционных партий, напр. [имер] в объеме изданных Департаментом полиции обзоров». Седьмое – «завести делопроизводство наподобие Варшавской цензуры». Восьмое – «командировать периодически с инструкторскими целями сведущих лиц в отдельные пункты для улучшения дела».

⁶⁴⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 232. Л. 24–24 об.

⁶⁵⁰ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 226–227.

Девятое – «распределение наград производить по представлению местных старших цензоров»⁶⁵¹.

Но далее события развивались по другому сценарию. На тексте доклада Виссарионова есть следующие пометки: слова «Это лишнее» – напротив пожелания сохранять копии перлюстрированных писем и «вещь недопустимая» – напротив упоминания о работе цензоров для ревизии сенатора Н.П. Гарина⁶⁵². Таким образом, к основным положениям доклада читавший (видимо, П.Г. Курлов) своего отношения не высказал. Реакция руководства вообще оказалась крайне неспешной и не очень понятной. В этом плане показательна история с проектом открытия вновь перлюстрационного пункта в Вильно, закрытого в 1895 году. 13 февраля 1910 года был подготовлен документ об отпуске А.Д. Фомину 6 тыс. руб. на его создание. 19 февраля П.А. Столыпин наложил резолюцию «Согласен». 3 марта Фомин сообщил начальнику ОО ДП А.М. Еремину, что деятельность цензуры иностранных газет и журналов начнется в Вильно 15 марта. Но неожиданно на докладе Еремина 5 марта П.Г. Курлов «приказал приостановить это дело впредь до особого распоряжения» министра. И тот же Курлов 15 апреля докладывает Столыпину о записке Виссарионова и его предложениях, указывая «на крайнюю необходимость возможного развития этого дела ввиду заметного ослабления центральной агентуры после дела Азефа».

К данному вопросу вернулись в конце 1910 года. Еще в конце 1909#го А.М. Еремин запросил ряд начальников ГЖУ об их отношениях с руководителями почтово-телеграфных контор на предмет ведения перлюстрации, о чем подробно будет рассказано ниже. В конце ноября ответы начальников ГЖУ на запрос Еремина были доложены Курлову. Последний приказал составить смету расходов на открытие новых перлюстрационных пунктов. М.Г. Мардарьев предложил направить в Иркутск цензора В.Е. Лоренсона из Харькова, а в Ростов-на-Дону и Саратов – соответственно Прошкина и В.С. Верескуна (доверенных лиц из Варшавы с многолетним опытом работы), указав их примерное жалованье. Михаил Георгиевич предлагал сделать их чиновниками особых поручений при губернаторах и как таковых представить к соответствующим чинам и награждению орденами. Относительно сметы указывалась необходимость иметь средства на съем конспиративной квартиры, наем помощника, на жалованье почтовым сотрудникам, на канцелярские материалы, покупку фотоаппарата и пишущей машинки, выдачу прогонных и подъемных. В декабре 1910 года была составлена новая смета и на открытие перлюстрационного пункта в Вильно. В январе 1911#го она была представлена П.Г. Курлову, который ее утвердил. А.Д. Фомин доложил о готовности начать работу с 1 февраля того же, 1911 года. Но вновь последовала отмена принятого решения, и 28 февраля Фомин возвратил Еремину уже полученные 2125 руб.⁶⁵³ В июле 1913 года в бумагах ОО ДП формальной причиной неоткрытия пункта в Вильно было названо то, что якобы Фомин ошибочно докладывал Столыпину о необходимости особого высочайшего повеления на такой шаг. Здесь же отмечалось, что ошибку необходимо исправить⁶⁵⁴. Но это не было ошибкой! Как показано выше, все перлюстрационные пункты (кроме Тифлисского в 1909 году) открывались и закрывались по повелению императора.

Наконец, в феврале 1913 года в Департаменте полиции под председательством его директора С.П. Белецкого состоялось совещание по вопросу цензуры почтовой переписки. Резолюцию совещания, по#видимому, готовил С.Е. Виссарионов, поскольку текст ее в основной части совпадает с отчетом от 3 апреля 1910 года. Из существенных отличий можно отметить предложения «сделать цензуру... подчиненной одному лицу – Директору Депар-

⁶⁵¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 24 об. – 25.

⁶⁵² Там же. Л. 25 об.

⁶⁵³ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 35. Л. 40–40а, 49–50, 62, 64, 74–75 об., 78.

⁶⁵⁴ Там же. Д. 42. Л. 77.

тамента полиции», а также организовать не четыре, а двенадцать новых пунктов перлюстрации: в Вильно, Риге, Белостоке, Саратове, Казани, Ростове-на-Дону, Томске, Иркутске и в пограничных пунктах Вержболове, Александрове, Подволочиске и Унгенах. И опять никаких конкретных действий не последовало. Сложно понять, каковы причины этого – нехватка денежных средств или боязнь публичных скандалов в ситуации после 1905 года? На то, что такая боязнь существовала, указывает резолюция, адресованная директору ДП Н.П. Зуеву в марте 1910 года в связи с планами открытия «черного кабинета» в Вильно: «К чему это? В провинции более чем опасно злоупотребление этим». Позже, 30 сентября 1917 года, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Зуев скажет, что П.А. Столыпин «считал распространение перлюстрации нецелесообразным, опасаясь огласки и общественного возбуждения»⁶⁵⁵. В том же 1913 году, в конце июля, М.Г. Мардарьев, как отмечалось выше, поставил вопрос перед руководством ДП о перемещении перлюстрационного пункта в Харькове из местной почтовой конторы на частную квартиру⁶⁵⁶.

Еще одно доказательство в пользу того, что боязнь публичных скандалов могла быть сдерживающим моментом, имеется в переписке начальника Витебского ГЖУ полковника А.Р. Шульца с ОО ДП. 31 августа 1913 года он писал, что если раньше перлюстрация в Витебске велась с помощью 18 почтальонов, то затем предыдущий начальник ГЖУ генерал-лейтенант Загоскин якобы получил указание командира Корпуса жандармов и товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова прекратить эту практику. Шульц просил разрешить ведение перлюстрации «с соблюдением всесторонней конспирации и в более ограниченных рамках». Эту просьбу он вновь повторил в письмах 23 октября и 23 декабря 1913 года. Наконец 4 января 1914 года ему был направлен ответ, что товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский отложил рассмотрение вопроса на неопределенное время. И только 30 мая Шульц сообщил в ДП, что при проезде Джунковского через Витебск вопрос был решен «в утвердительном смысле». При этом товарищ министра дал указание пользоваться данным приемом розыска (перлюстрацией) «при соблюдении полной осторожности и в исключительных случаях»⁶⁵⁷.

Как я писал выше, тема перлюстрации регулярно поднималась также на сессиях III и IV Государственной думы в 1908, 1909, 1912, 1913 и 1914 годах. Одиннадцать депутатов – социал-демократы, трудовики, кадеты, октябрист и прогрессист – не только рассуждали о «черных кабинетах», но и приводили вполне конкретные примеры их деятельности. Наконец, настоящий скандал разразился, когда в 1913 году в ряде газет появились публикации на эту тему. В такой ситуации старший цензор М.Г. Мардарьев 6 августа 1913 года писал С.П. Белецкому, что «разоблачения за последнее время в русских газетах страшно взволновали и даже напугали служащих. Из всех пунктов присылаются вырезки с подобными статьями и спрашивают, что делать»⁶⁵⁸.

Вообще публикации в газетах после фактической отмены предварительной цензуры в 1906 году весьма волновали ДП. С февраля 1912 года по октябрь 1914#го в Департаменте было заведено специальное дело «Переписка о черных кабинетах», где фиксировались все выступления печати по этому вопросу⁶⁵⁹. Руководство ДП даже пыталось действовать на опережение. Однако осенью 1914 года в ДП и у руководителей «черных кабинетов» возник новый повод для беспокойства. 23 февраля 1914 года двадцатидвухлетний чиновник Санкт-Петербургского почтамта А.Ф. Гольшев в пьяном виде застрелил своего отца, сторожа сек-

⁶⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 35. Л. 50; Д. 42. Л. 77–77 об., 80; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 183–184.

⁶⁵⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 77, 80.

⁶⁵⁷ Там же. Д. 35. Л. 81, 83, 89, 90, 92.

⁶⁵⁸ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 83 об., 84.

⁶⁵⁹ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 1–62.

ретной экспедиции почтамта Ф. Гольшева. В августе к его вдове А. Гольшевой пришел неизвестный. Он спрашивал ее, не говорил ли ей муж о «секрете» того места, где он служил. Незнакомец предлагал ей 25 руб. или больше, сказав, что зайдет снова через полтора – два месяца. Вдова сообщила об этом сослуживцу мужа, сторожу Ф. Зырину. В результате директор ДП В.А. Брюн де Сент-Ипполит направил в сентябре официальное отношение начальнику Охранного отделения в Петрограде с указанием установить наблюдение за квартирой Ф. Гольшева и арестовать неизвестного при его появлении⁶⁶⁰. Но история эта не имела продолжения. Можно лишь предположить, что неизвестный был, скорее всего, газетным репортером.

Появление Государственной думы с ее правом контроля бюджета также создало определенные неудобства для чиновников цензуры иностранных газет и журналов, в том числе в плане назначения секретных пенсий. В 1906 году министр внутренних дел П.А. Столыпин и министр финансов В.Н. Коковцов заключили соглашение о том, что пенсии чинам цензуры будут теперь назначаться на общем основании, с ведома министра финансов. Но в 1913 году при рассмотрении вопроса о назначении пенсии чиновнику варшавской цензуры Э.Я. Вейценбрейеру Департамент государственного казначейства обратился к начальнику Главного управления почт и телеграфов с запросом об участии Вейценбрейера в секретной части. В этой ситуации министр внутренних дел Н.А. Маклаков рекомендовал «по соображениям государственного значения» вернуться к прежнему порядку назначения таких пенсий специальными всеподданнейшими докладами. В свою очередь министр финансов Коковцов 26 июня 1913 года предложил проводить предварительные личные переговоры директора Государственного казначейства и начальника Главного управления почт и телеграфов⁶⁶¹. На деле же, например, назначение пенсии «вне правил» в размере 4 тыс. руб. в год старшему цензору А.Д. Фомину в мае – июне 1914 года проходило путем договоренности между министрами внутренних дел и финансов, а также посредством всеподданнейшего доклада о назначении Фомину «добавочной пенсии из сумм почтово-телеграфного ведомства» в размере 1 тыс. руб. в год⁶⁶².

В ситуации нарастающих скандалов вокруг деятельности «черных кабинетов» руководитель почтово-телеграфного ведомства с октября 1913 года по март 1917#го В.Б. Похвиснев был не прочь избавиться от службы перлюстрации и передать ее в подчинение прокуратуре. На допросе в Москве 11 октября 1917 года он говорил, что делал доклад на эту тему П.А. Столыпину. Столыпин якобы сказал, что сам интересовался устройством перлюстрации на законном основании и ее упорядочением. Если это верно, а не верить Похвисневу оснований нет, то такой разговор мог произойти в период, когда Владимир Борисович был почт-директором Московского почтамта (февраль 1906#го – октябрь 1913 года). По его же словам, доклад об удалении почтовой цензуры из почтамтских зданий он делал Б.В. Штюмеру (министр внутренних дел с 3 марта по 7 июля 1916 года). Эти мысли, как он говорил, поддерживали В.Ф. Джунковский (товарищ министра внутренних дел с 25 января 1913#го по 19 августа 1915 года) и Н.Б. Щербатов (министр внутренних дел с 5 июля по 26 сентября 1915 года)⁶⁶³. Нельзя исключать и финансовую проблему, о которой подробнее будет сказано ниже.

Одновременно руководство службы перлюстрации стремилось показать повышение эффективности своей деятельности. 18 апреля 1911 года директор ДП Н.П. Зуев ознакомился с запиской о мерах по усилению контроля за поступающей и отправляемой иностранной кор-

⁶⁶⁰ Там же. Оп. 267. Д. 40. Л. 144, 158–159.

⁶⁶¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 110–110 об.

⁶⁶² РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 5122. Л. 33, 34, 36, 37.

⁶⁶³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 210–211.

респонденцией. В записке сообщалось, что в Петербурге дано указание доставлять в почтамт с Варшавского вокзала всю корреспонденцию из Поволжья и Сибири, идущую за границу, в почтамте просматривать всю переписку с Францией, Швейцарией, Бельгией и Италией (слово «Италия» вписано синим карандашом – видимо, это начальственное добавление). То же самое предполагалось делать в отношении данной корреспонденции в Москве, Одессе, Киеве, Харькове и Варшаве. Что касается почты, сданной на Варшавском вокзале и на пути от Петербурга до Вильно, то предлагалось получить указание Главного управления почт и телеграфов, чтобы вся корреспонденция во Францию, Швейцарию, Бельгию и Италию, кроме коммерческой, отбиралась в почтовом вагоне и направлялась в отдельном мешке в Варшавскую почтовую контору для «надлежащего просмотра». Заканчивалась записка напоминанием, что проект новых штатов сотрудников был разработан в ДП еще три года назад, но до сих пор вопрос не решен. На записке имеется резолюция о ее представлении товарищу министра П.Г. Курлову для доклада П.А. Столыпину⁶⁶⁴.

Министерская чехарда в годы Первой мировой войны создавала и некоторые коллизии в деятельности «черных кабинетов». Министром внутренних дел с 3 марта по 7 июля 1916 года являлся Б.В. Штюрмер. Затем он занял пост председателя Совета министров, а министром стал А.А. Хвостов. Поскольку ситуация была необычной, а от Штюрмера никаких указаний не поступало, М.Г. Мардарьев не поспешил, как было положено, с докладом к новому министру. Через три дня Михаил Георгиевич решился позвонить Штюрмеру. Тот велел первые экземпляры выписок передавать Хвостову, а вторые – ему. Когда Мардарьев явился к Хвостову, то получил замечание за то, что не пришел в первый же день. К тому же новый министр заявил, что вторые экземпляры выписок будет передавать Штюрмеру сам⁶⁶⁵. В этом эпизоде, безусловно, проявилась та подковерная борьба, которую вели между собой высшие сановники империи.

Наконец, проявлением общего кризиса управления в стране, на мой взгляд, стала немыслимая ранее ситуация в системе перлюстрации, когда чиновник «черных кабинетов» В.И. Кривош (который, как я уже говорил, по требованию начальства был вынужден подать 1 декабря 1911 года прошение об увольнении) пытался на протяжении ряда лет пробить «в верхах» идею создания особой службы перлюстрации при дворцовом ведомстве. В 1911–1912 годах Владимир Иванович вел секретные переговоры с несколькими действующими перлюстраторами – В.К. Карпинским, В.Е. Лоренсоном, В.И. Пироговым – об их будущем участии в этом деле. В результате ДП подготовил письмо от имени министра внутренних дел на имя дворцового коменданта В.А. Дедюлина, дав крайне отрицательную характеристику личным качествам Кривоша. В свою очередь министр А.А. Макаров решил лично переговорить на эту тему с дворцовым комендантом. Несмотря на неудачу проекта Кривоша, его «союзники» продолжали службу в «черных кабинетах»⁶⁶⁶.

В годы Первой мировой войны независимо от создания официальной военной цензуры «черные кабинеты» продолжали свою деятельность. Два чиновника секретной части – Н.В. Яблочков из Петербурга и Э.К. Зиверт из Киева – были призваны в армию, но на их должности набрали новых сотрудников. 15 августа 1914 года был назначен военным цензором служивший в Варшаве В.Ф. Курганов. Военными цензорами стали также не причастные к перлюстрации А.Ф. Аракин и К.Р. фон Гартман⁶⁶⁷. С августа 1915 года, после освобождения великого князя Николая Николаевича от поста главнокомандующего русской армией и

⁶⁶⁴ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 38. Л. 20–20 об.; Оп. 316. Год 1910. Д. 333. Л. 20–20 об.

⁶⁶⁵ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 52–52 об.

⁶⁶⁶ См. подробнее: *Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе. С. 110, 112–115, 127–129.

⁶⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 42. Л. 130–131; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 7; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2454. Л. 4 об. – 5; ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 6. Д. 1611. Л. 36.

перевода его на должность наместника Кавказа, резко возросла активность перлюстрационного пункта в Тифлисе. В связи с наступлением немецкой армии и потерей Варшавы руководитель «черного кабинета» А.Ф. Шлиттер и его сотрудники 22 июля 1915 года выехали из города. 25 августа, после командировок в Киев и Харьков, Шлиттер приступил к «занятиям» в Петрограде. Его сотрудники Й.#Г. Вальдман, В.В. Гузендер и М.Ф. Шульц были направлены в Киев, Б.Ф. Курганов – в Москву, а Нейман и Л.К. Стоббе – в Одессу. Четырех сторожей перевели в Москву⁶⁶⁸. В дальнейшем Шлиттера также направляли в командировки. Например, с 1 августа по 1 ноября 1916 года он находился в Одессе в связи с болезнью старшего цензора Ф.Б. Гольмблата⁶⁶⁹.

Руководство «черных кабинетов» почти до конца существования Российской империи продолжало выдвигать планы по расширению и активизации их деятельности. Летом 1915 года М.Г. Мардарьев подготовил краткую записку о необходимости выделить 720 руб. в год, чтобы привлечь трех новых лиц из числа служащих Петроградского почтамта во исполнение указания «относительно улучшения и улучшения Особого отдела в Петрограде»⁶⁷⁰.

Характерен также доклад Мардарьева от 21 июля (копия доклада датирована 22 июля) 1916 года. В нем предлагалось расширить досмотр дипломатической корреспонденции, «как внутренней (донесения и сообщения пребывающих в России иностранных консулов и их агентов), так и в особенности заграничной (переписка посольств и миссий), не исключая и такой дипломатической корреспонденции, каковая пересылается в двойных “запломбированных” и закрытых на замки мешках, а иногда даже в запаянных металлических ящиках, вложенных в эти мешки». Для реализации данного плана было бы необходимо иметь лиц, знающих кроме европейских языков также японский, китайский, персидский, арабский, турецкий, румынский, «маньчжурские и славянские наречия», «специалистов по дешифровке и для технической части (вскрытие мешков и ящиков)». Проводить такую расширенную перлюстрацию предлагалось в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе и Варшаве (после ее освобождения). Приобретение фотоаппаратов с принадлежностями и необходимых инструментов должно было обойтись в 2 тыс. руб. Содержание личного состава требовало бы 8–10 тыс. руб. в месяц. По предположению Мардарьева, появление «такого досмотра» дало бы возможность сообщить членам комиссий Государственной думы «совершенно доверительно» о существовании досмотра дипломатической корреспонденции и тем самым прекратить запросы в Думе о перлюстрации. Записка была доложена товарищу министра внутренних дел А.В. Степанову и директору ДП А.Т. Васильеву. В результате 14 декабря 1916 года было принято решение вопрос «ввиду военного времени и действия военной цензуры <...> оставить без дальнейшего движения»⁶⁷¹.

Таким образом, на деле, кроме некоторого увеличения финансовых расходов, система перлюстрации не была реформирована. На своих постах оставались до марта 1917 года В.М. Яблочков и К.Ф. Зиверт. Не были созданы новые «черные кабинеты», а в практике работы существующих не произошло серьезных изменений. С другой стороны, в ситуации министерской чехарды в годы Первой мировой войны началось нарушение строгих традиций, связанных с охраной тайны перлюстрации. 5 сентября 1915 года пакет с перлюстрацией не был принят секретарем министра внутренних дел ввиду его отсутствия, а курьеру было указано передать пакет товарищу министра князю В.М. Волконскому. В результате курьер вернул пакет старшему цензору М.Г. Мардарьеву. Михаил Георгиевич 8 сентября писал министру князю Н.Б. Щербатову, что «не имея на то распоряжения Вашего Сиятельства, я оставлял

⁶⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 130–131; ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 6. Д. 1611. Л. 52–53.

⁶⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 6. Д. 1611. Л. 60–60 об., 67, 82.

⁶⁷⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 278. Л. 51.

⁶⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 126–127; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 113.

пакеты у себя, каковые, за четыре дня, имею честь представить...»⁶⁷². При последнем министре внутренних дел Российской империи А.Д. Протопопове впервые не министр, а его секретарь по распоряжению начальника вскрыл традиционный утренний конверт из службы перлюстрации⁶⁷³. Все это вместе отражало нараставший кризис политической системы в целом.

3. Бюджет службы перлюстрации

Любое дело, как известно, требует денег, денег и еще раз денег. Секретное дело требует денег еще больше. Не были исключением и «черные кабинеты». Секретные расходы на содержание «черных кабинетов» включали ряд статей: негласное содержание чиновников перлюстрации, вознаграждение в конце года, прибавки в связи с пятилетними выслугами, негласные пенсии чиновникам цензуры, их вдовам и детям; «стипендии» на воспитание и обучение детей; единовременные выплаты за «особые услуги», на командировки, канцелярские расходы; денежные награды чинам цензуры и косвенным участникам (почтово-телеграфным чиновникам, оказывавшим содействие в проведении перлюстрации) к Рождеству и к празднику Пасхи (обычно раз в два года) и т. п. Денежные премии к Рождеству выдавались из сэкономленных сумм ежегодных расходов и поэтому были небольшими. В число косвенных участников входили почт-директора, их помощники, начальники почтовых округов и почтовых контор, экспедиторы и почтово-телеграфные чиновники. Кстати, суммы наград косвенным участникам в целом были довольно значительными. Например, в 1908 году на раздачу наградных сорока двум чиновникам цензуры иностранных газет и журналов и двадцати четырем нижним служащим (сторожам) было запланировано 8050 руб., а начальникам почтовых округов, контор и другим косвенным участникам – 9900 руб.⁶⁷⁴

Эти затраты на столь нужную государству деятельность всегда имели формулировку «на известное Его Величеству употребление». Так, в 1799 году Почтовый департамент получил на секретные расходы 27 тыс. руб.⁶⁷⁵ К концу 1821 года на секретное употребление по почтовой части отпускалось всего 53 745 руб. и 300 талеров в год. Из них дирекции Петербургского почтамта выделяли 17 050 руб. и 300 талеров, распределявшихся следующим образом: 10 тыс. руб. шло Петербургскому почтамту, 3 тыс. – финляндскому почт-директору, 2450 руб. – по четырем повелениям дополнительно для чиновников секретной части (400 руб. оставались без употребления), 1600 руб. ассигнациями и 300 талеров (последние также оставались без употребления) – в разные подведомственные почтовые конторы. В другие почтамты отпускалось 32 300 руб. в год, в том числе Московскому – 12 тыс. руб., Малороссийскому – 2 тыс. руб., Литовскому – 14 300 руб., Тамбовскому и Казанскому – по 2 тыс. руб. Почтовым конторам выделялось 4395 руб. Из них: Николаевской, Таганрогской и Феодосийской портовыми конторам – по 100 руб., Черкасской портовой – 500 руб.; пограничным конторам: Брестской – 225 руб., Кавказской – 400 руб., Ковенской и Радзивилловской – по 100 руб., Дубосарской – 200 руб.; губернским почтовым конторам: Астраханской, Гродненской, Минской, Подольской, Херсонской – по 400 руб.; городским конторам: Ставропольской – 220 руб., Моздокской – 200 руб., Кизлярской – 100 руб. и Александровской почтовой экспедиции – 50 руб. в год.

Но, как отмечал А.Н. Голицын в записке Александру I, на деле перлюстрация проводилась только в Петербургском, Московском, Литовском почтамтах, а также в Брестской и

⁶⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 169.

⁶⁷³ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 73.

⁶⁷⁴ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 12, 13.

⁶⁷⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 112. Л. 34.

Радзивилловской пограничных конторах. При докладе императору 18 декабря 1821 года князь Голицын просил впредь отпускать на секретное употребление 53 350 руб., распределяя их следующим образом: Петербургскому почтамту – 27 050 руб. (на 5 тыс. руб. больше, чем было утверждено 26 ноября 1821 года), включая 3 тыс. руб. финляндскому почт-директору; Московскому почтамту – 12 тыс. руб., Литовскому – 14 300 руб., в том числе Брестской пограничной конторе – 225 руб. и Радзивилловской – 100 руб. в год. Из этих цифр видно, что перлюстрация в пограничных конторах в значительной мере потеряла свое значение.

Одновременно Голицын предложил в дальнейшем прекратить открытое требование сумм на секретное употребление по почтовой части, а отпускать их из почтовых доходов «на известное употребление». Эти предложения были одобрены Александром I с вводом их в действие с 1 января 1822 года⁶⁷⁶. Для еще более надежного сохранения тайны 12 июля 1824 года император утвердил предложение Голицына, чтобы на рескрипты о выделении почтамтам сумм на перлюстрацию даты выставлялись разные, «одно после другого, для выдачи сих рескриптов и производства отпуска денег по ним не вдруг, но через некоторое время; ибо с сих рескриптов обязываюсь я сообщать копии и министру финансов для сведения его об употреблении сих денег из почтовых доходов»⁶⁷⁷.

Такая практика продолжалась и при Николае I. Для организации «черного кабинета» в Тобольске в 1826 году были предусмотрены единовременные расходы в 7375 руб. Из них 4500 руб. – четырем чиновникам в виде подъемных, 1500 руб. – на обустройство секретной экспедиции и 1375 руб. – «единовременно на заготовление массы для перлюстрации и других материалов». Кроме того, поскольку гласные оклады этих чиновников были «крайне ограничены и даже недостаточны для содержания в Сибири», предусматривалось выдавать им дополнительно 2350 руб.: старшему – 750, его помощнику – 600 и двум младшим – по 500 руб. В результате на 1827 год было отпущено на секретные расходы по перлюстрации 59 725 руб., в том числе Санкт-Петербургскому почтамту – 24 050 руб., Московскому – 12 тыс. руб., Литовскому – 14 300 руб., Финляндскому – 3 тыс. руб., Сибирскому – 5 тыс. и «на изготовление потребных материалов» – 1375 руб.⁶⁷⁸

В связи с созданием новых перлюстрационных пунктов в 1830#е годы расходы на «черные кабинеты» значительно выросли. 10 января 1837 года Николай I утвердил смету на 1837 год в размере 75 050 руб. Из них Санкт-Петербургскому почтамту выделялось 24 050 руб., Московскому – 17 тыс. руб., Финляндскому – 3 тыс. руб.; почтовым конторам: Виленской (в 1832 году Литовский почтамт был преобразован в Виленскую почтовую контору) – 14 300 руб., Тобольской – 5 тыс. руб., Томской и Иркутской – по 3 тыс. руб., А.Ф. Маснеру в Константинополе – 3500 руб. и помощнику радзивилловского почтмейстера – 2200 руб. При выписывании рескриптов почему#то было добавлено 300 руб., так что общая сумма составила 75 350 руб.⁶⁷⁹ На 1838 год расход снизился до 64 350 руб., поскольку были закрыты «черные кабинеты» в Тобольске, Томске и Иркутске. Но уже 9 января 1838 года император утвердил дополнительный расход в размере 1500 руб. из секретных сумм радзивилловскому почтмейстеру С.Д. Шаржинскому, который «почти с каждой почтой присылает выписки»⁶⁸⁰. На 1839 год было отпущено 68 850 руб. – за счет добавки Санкт-Петербургскому почтамту 3 тыс. руб.⁶⁸¹

⁶⁷⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 115–116 об.; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 7, 10–10 об.

⁶⁷⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 28, 38.

⁶⁷⁸ Там же. Л. 61–63 об.

⁶⁷⁹ Там же. Д. 239. Л. 1–1 об.

⁶⁸⁰ Там же. Л. 15–15 об., 19–19 об.

⁶⁸¹ Там же. Л. 63–63 об.

На 1840 год секретные расходы были исчислены не в ассигнациях, а серебром и составили 19 672 руб. По тогдашнему курсу это равнялось тем же 68 852 руб.⁶⁸² В дальнейшем расходы продолжали расти. На 1841 год было отпущено 24 729 руб. серебром, т. е. 86 551,5 руб. ассигнациями; на 1842 год – 26 516 руб. серебром, т. е. 92 806 руб. ассигнациями. В последнем случае в расходы было включено 686 руб. серебром (2401 руб. ассигнациями) – секретное жалованье чиновника перлюстрации в Киеве К.Ф. Блюма, которое ранее выплачивалось из других «особых Высочайше предоставленных сумм». Это означает, что приведенные мной показатели расходов за предшествующие годы могут быть неполными⁶⁸³. С 1843 года вместо ассигнаций появились кредитные билеты, обеспеченные золотом и серебром. На 1843 год было отпущено 77 256 руб., на 1844-й – 78 666 руб., на 1845–1847 годы – по 78 166 руб. серебром. С 1843 года в эту сумму включалось и содержание чиновников для осмотра почтовых мест и станций⁶⁸⁴. В 1848–1854 годах на «секретное употребление по почтовой части» выделялось 79 170 руб. серебром в год, в 1855–1856 годах – 81 170 руб.⁶⁸⁵

В 1857–1858 годах на секретное употребление «в Империи, Царстве Польском, Великом княжестве Финляндском, а также в Придунайских княжествах и в Константинополе» отпускалось 85 500 руб. в год. В 1859 году эта сумма выросла до 87 500 руб., в 1860–1866 годах – до 89 500 руб.⁶⁸⁶ Затем до 1882 года на «негласное жалованье» и небольшие канцелярские расходы отпускалось 92 тыс. руб. в год. Александр III утвердил секретный бюджет в 107 тыс. руб. 7 января 1893 года министр внутренних дел получил от государя следующую резолюцию: «Иван Николаевич. Повелеваю Вам принять из Главного казначейства сто семь тысяч рублей на известное мне употребление. Пребываю к вам навсегда благосклонным Александр»⁶⁸⁷.

11 ноября 1893 года последовало высочайшее соизволение императора о выделении по докладу И.Н. Дурново на перлюстрацию с 1 января 1894 года еще 8 тыс. руб. «из секретных сумм, отпускаемых Департаменту полиции». Министр внутренних дел обосновывал это необходимостью «не изменяя существующего штата почтовой цензуры, определять в секретную почтовую часть» лиц с причислением к МВД и «производством им лишь одного негласного содержания из секретных сумм». Указывалось, что штат в связи с постоянным усилением перлюстрационной деятельности надо увеличить на три человека: по одному в Казань, Тифлис и Харьков. Их содержание должно было составить 5400 руб. в год: каждому по 1200 руб. жалованья и 600 руб. квартирных. Еще 2600 руб. в год были запланированы на различные расходы. Отмечалось также, что «ходатайству этому не может предшествовать предварительное сношение с министром финансов, по невозможности сообщить ему уважений, на которых такое основывается»⁶⁸⁸.

С начала XX века расходы продолжали расти. С 1901 года по просьбе А.Д. Фомина на содержание перлюстрационного отделения в Варшаве было дополнительно выделено 3 тыс. руб.⁶⁸⁹ С 1 января 1905 года на 5 тыс. руб. увеличились расходы на Санкт-Петербургскую секретную экспедицию. По докладу 19 апреля 1908 года было добавлено еще 5 тыс. руб., а

⁶⁸² Там же. Д. 240. Л. 1–1 об.

⁶⁸³ Там же. Л. 48, 67–67 об.

⁶⁸⁴ Там же. Д. 241. Л. 1, 30, 55–55 об., 59, 74.

⁶⁸⁵ Там же. Д. 242. Л. 1–1 об., 48–48 об., 91; Д. 243. Л. 1, 23, 47, 57, 87; Д. 244. Л. 2.

⁶⁸⁶ Там же. Д. 244. Л. 52; Д. 245. Л. 1, 39; Д. 246. Л. 1, 37, 65, 111, 147, 198.

⁶⁸⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 125.

⁶⁸⁸ Там же. Ф. 102. Оп. 249. Д. 12. Л. 68 об.; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 125–125 об.

⁶⁸⁹ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 86.

через месяц, 19 мая 1908 года, – снова 5 тыс. руб. В результате общий расход в столичном «черном кабинете» составил 26 тыс. руб.⁶⁹⁰

Вместе с тем руководители цензуры иностранных газет и журналов неоднократно ходатайствовали о повышении легального содержания своих подчиненных. Дело в том, что штаты цензуры не пересматривались с 1867 года. Однако никаких решений не принималось⁶⁹¹. Единственным выходом из положения было увеличение секретного жалованья. Хотя к 1910 году к обычным на начало XX века 115 тыс. руб. в год добавилось еще 20 тыс. руб. из сумм ДП, но даже эта сумма представлялась недостаточной. В том же рапорте А.Д. Фомину от 14 июня 1908 года М.Г. Мардарьев указывал, что «состав служащих в провинциальных цензурах крайне малочислен» и «в провинции оклады содержания служащих настолько малы (1050–1800 р. [руб. в год]), что не только не представляется возможным находить достойных людей, на такие ответственные во всех отношениях места, но даже удерживать ныне служащих от перехода их на более выгодную службу в другие учреждения, что может повести к полному распаду столь серьезного и полезного дела, как секретное»⁶⁹².

В итоге Фомин уже 24 июня 1908 года докладывал министру внутренних дел П.А. Столыпину о «недостаточности содержания секретных чиновников в провинции» с приложением трех подробных таблиц: «Существующая смета Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов», «Существующая смета провинциальных чиновников цензуры иностранных газет и журналов» и «Сравнительная ведомость содержания провинциальных и столичных чиновников цензуры иностранных газет и журналов». В частности, подчеркивалось, что наградные к Рождеству регулярно получает только старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, управляющий всей «Особой частью в империи». Остальным сотрудникам эти суммы выдаются лишь при наличии неизрасходованных сумм к концу года. Главным было предложение увеличить содержание провинциальных чиновников на 50 %. По подсчетам М.Г. Мардарьева, это повысило бы расходы ДП на 14 287 руб. в год⁶⁹³. Далее началась длительная работа по обоснованию и согласованию предлагаемого увеличения. Она шла в тесном сотрудничестве цензуры иностранных газет и журналов и Департамента полиции. Непосредственно этой работой занимались Мардарьев от цензуры и И.А. Зыбин от ДП. 23 ноября 1909 года Михаил Георгиевич писал Зыбину: «Многоуважаемый Иван Александрович! Возвращаю с благодарностью Вашу ведомость. <...> Посылаю проверенную ведомость с тремя проектируемыми цифрами содержания. <...> Спасибо Вам за все большое»⁶⁹⁴. Тем не менее вопрос так и не был решен.

18 февраля 1910 года А.Д. Фомин подал доклад о финансовом положении службы перлюстрации. Он отмечал, что на текущий год на пособия и непредвиденные расходы вместо 6 тыс. руб. имеется всего 1786 руб. Из этой суммы уже израсходовано на пособия 580 руб., предстоит выдать за занятия по составлению секретных и цензорских отчетов 450 руб., на содержание двух косвенно участвующих в «секретном деле» почтовых чиновников и одного сторожа требовалось 527 руб. 50 коп., а всего – 1557 руб. 50 коп. Остаток составлял 228 руб. 50 коп. Между тем к празднику Пасхи предстояло выдать причастным к «секретному делу» почтовым чиновникам и сторожам 1500 руб. Кроме этого, о пособии просила вдова цензора И.А. Почобута, скончавшегося в декабре 1909 года. И хотя ДП в конце 1909 года дал дополнительно 4 тыс. руб. на пособия секретным чиновникам, суммы в 107 тыс. руб. явно было недостаточно. Поэтому Фомин просил увеличить расходы на секретную часть

⁶⁹⁰ Там же. Д. 1001. Л. 98 об.

⁶⁹¹ Там же. Ф. 102. Оп. 248. Д. 96. Л. 76.

⁶⁹² Там же. Оп. 316. Год 1910. Д. 333. Л. 13 об. – 14.

⁶⁹³ Там же. Оп. 267. Д. 38. Л. 3–6.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 7, 15–15 об.

на 28 тыс. руб.⁶⁹⁵ 28 февраля 1910 года на его докладе появилась резолюция: «Эта часть сильно хромает, а требования растут непомерно». 10 марта 1910 года министру была направлена новая служебная записка, в которой руководство «черных кабинетов» вновь доказывало необходимость дополнительного выделения 28 тыс. руб. Из них 18 тыс. планировалось потратить на увеличение содержания чиновников провинциальных «черных кабинетов», 5036 руб. – на повышение пособий вдовам, сиротам и на экстренные выдачи косвенным участникам, 1070 руб. – на выдачу выслужившим установленные пятилетние пенсионные сроки, 650 руб. – на систематические выдачи косвенным участникам, 725 руб. – на содержание двух привлеченных чиновников Одесской почтовой конторы и 2519 руб. – на непредвиденные расходы⁶⁹⁶.

Требовали дополнительных ассигнований и пункты в провинции. Так, с 1 сентября 1907 года на содержание «черного кабинета» в Москве и вознаграждение чиновников было отпущено дополнительно 5 тыс. руб., которые с 1 сентября 1908 года были включены в постоянные расходы. 20 марта 1914 года было одновременно выдано 900 руб. для московского отделения цензуры и 400 руб. для чиновников московской экспедиции городской почты. С 1 мая 1908 года расходы на перлюстрацию в Киеве и Одессе были увеличены до 5 тыс. руб. в год⁶⁹⁷. Кроме этого, появлялись непредвиденные расходы. Например, при восстановлении перлюстрационного пункта в Тифлисе 11 февраля 1909 года был выделен специальный кредит – 10 720 руб. Вообще же смета на содержание этого пункта составила 6300 руб. Она включала годовую зарплату заведующему – 2400 руб., переводчику – 1500 руб., чиновнику, знающему иностранные языки, – 600 руб. На наем помещения предусматривалось 1200 руб., на канцелярские нужды – 300 руб., на выплаты косвенно причастным к перлюстрации почтовым чиновникам и сторожам – также 300 руб. Еще 800 руб. были предусмотрены на меблировку помещения и обзаведение (600 и 200 руб. соответственно)⁶⁹⁸.

С начала XX века, с появлением постоянных помощников из числа почтовых чиновников, занимавшихся отбором корреспонденции, им, например, в Петербурге ежемесячно платили от 5 до 30 руб.⁶⁹⁹ Существовали и непостоянные расходы. В 1910 году в связи с пребыванием императора в Прибалтике в Ригу были командированы на срок с 20 мая по 20 июля три сотрудника из петербургского «черного кабинета». Командировочных было начислено 1100 руб. из расчета суточных руководителю группы Г.Ф. Мартинскому – по 3 руб. в день, двум техникам – по 2 руб. 50 коп. в день, на проезд («прогонных») – 270 руб., на приобретение необходимых материалов – 50 руб. Кроме этого, было решено поощрить начальника Рижской почтово-телеграфной конторы и его помощника, выдав им соответственно 150 и 80 руб. Всего же израсходовали 1330 руб.⁷⁰⁰ В связи с пребыванием царской семьи в Крыму и выездом туда чиновника-перлюстратора 7 августа 1913 года М.Г. Мардарьеву было выдано 500 руб. на «совершенно секретные надобности по Ялте»⁷⁰¹. Одним из «техников», выезжавшим в Ригу и Ялту «для усиления работы», был доверенный человек, служащий Петербургского почтамта В.И. Мартынов⁷⁰².

Росли расходы и на поощрение чиновников. До 1907 года ОО ДП к Рождеству выдавал старшему цензору А.Д. Фомину 1500 руб., а с 1907 года – 2 тыс. руб. Из них 700 руб.

⁶⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 16–16 об.

⁶⁹⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 316. Год 1910. Д. 333. Л. 4 об., 8, 12.

⁶⁹⁷ Там же. Л. 12; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 100.

⁶⁹⁸ Там же. Д. 1293. Л. 10; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 98 об.

⁶⁹⁹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 60, 63 об., 71.

⁷⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 10. Л. 32–33.

⁷⁰¹ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 99 об.

⁷⁰² Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 64–64 об.

причиталось лично Фомину, а 1300 руб. он мог выдать по своему усмотрению «ближайшим сотрудникам»⁷⁰³. 6 мая 1910 года Александр Дмитриевич просил у вице-директора ДП С.Е. Виссарионова выдать 600 руб. М.Г. Мардарьеву и 400 руб. Л.Х. Гамбергу в связи с заграничным отпуском «на лечение»⁷⁰⁴.

В июле 1911 года Фомин подал очередную докладную, прося, в частности, увеличить годовое содержание служащих в провинции старших цензоров – 3600 руб., младших цензоров – 2400 руб., переводчиков – 1800 руб., чиновников, знающих иностранные языки и причисленных к МВД, – 1600 руб. Одновременно повторялись просьбы, заявленные в марте 1910 года. 15 июля 1911 года П.Г. Курлов с согласия П.А. Столыпина утвердил выделение дополнительно 30 338 руб. на содержание секретных отделений. Эта сумма включала 19 722 руб. на увеличение жалованья чинам цензуры, 1930 руб. на добавочные выплаты выслужившим в 1911–1912 годах пятилетний срок, 786 руб. прибавки на выплаты почтовым чиновникам, 6 тыс. руб. на пособия вдовам, сиротам и косвенным участникам, 725 руб. двум чиновникам Одесской почтовой конторы и 1175 руб. на непредвиденные расходы⁷⁰⁵.

В условиях Первой мировой войны, начавшейся 1 августа 1914 года, встал вопрос о повышении зарплаты государственных служащих. Первоначально это коснулось лишь районов военных действий. 13 марта 1915 года императором были подписаны «Временные правила о дополнительных из казны пособиях служащим в учреждениях гражданского ведомства в районах военных действий». Здесь предусматривалось, что квартирное пособие должно составлять 20 % месячного оклада всего содержания, а также устанавливалась выдача суточных денег в зависимости от так называемой классной должности: третьего класса – 5 руб., четвертого – 4 руб., пятого – 2 руб. 50 коп., шестого – 2 руб., седьмого и восьмого классов – 1 руб. 75 коп., девятого – 1 руб. 25 коп. Это касалось чиновников варшавской цензуры иностранных газет и журналов⁷⁰⁶.

Кроме этого, А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев постоянно просили о дополнительных выплатах в качестве наградных, добавочного содержания и т. п. Например, 18 сентября 1914 года Мардарьев, официально возглавивший «секретное дело» с июня 1914 года, просил отпустить 280 руб. для выплат ряду сотрудников «за усиленные труды в течение пяти дней». 20 августа 1915 года товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский удовлетворил ходатайство Мардарьева выдать двухмесячный оклад девяти сотрудникам варшавской цензуры в связи с их эвакуацией. В конце ноября того же года Мардарьев просил выделить деньги с 1 декабря из расчета 720 руб. в год в связи с необходимостью «привлечь к означенному делу трех новых лиц из числа служащих в Петроградском почтамте». В результате было выделено даже 900 руб. 15 января 1916 года Михаил Георгиевич получил согласие товарища министра С.П. Белецкого выделить с 1 января того же года 1500 руб. в год для оплаты работы новых лиц (из экспедиции отходящих почт), привлеченных к разборке писем⁷⁰⁷.

Как-никак, дело было общее, и ДП денег на чтение частной корреспонденции старался не жалеть. К концу 1915 года общие учтенные негласные расходы на перлюстрацию составляли 174 052 руб. в год. Из них 119 098 руб. шло на содержание личного состава и канцелярско-почтовые затраты, 24 914 руб. – на вознаграждение косвенных участников (почтово-телеграфных служащих), 9 тыс. руб. – на премиальные чиновникам перлюстрации по

⁷⁰³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 99.

⁷⁰⁴ Там же. Ф. 102. Оп. 249. Д. 10. Л. 31.

⁷⁰⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 16, 100; Д. 1001. Л. 110; Д. 1002. Л. 114 об. – 115; Ф. 102. Оп. 267. Д. 38. Л. 26; Д. 42. Л. 78.

⁷⁰⁶ Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1915. Отдел первый. № 90. Ст. 760.

⁷⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 38. Л. 63, 65; Д. 42. Л. 101, 111, 118.

итогам года, 10 300 руб. полагалось раздать в конце года косвенно причастным и еще 10 746 руб. шло на секретные добавочные пенсии, пособия вдовам и сиротам сотрудников этой секретной службы⁷⁰⁸.

Наконец, 30 января 1916 года директору Департамента полиции К.Д. Кафафову поступила докладная М.Г. Мардарьева от 12 января. В ней Михаил Георгиевич настаивал на серьезном пересмотре официального денежного содержания чиновников цензуры иностранных газет и журналов в сторону увеличения. Он утверждал, что штаты подведомственной ему службы не пересматривались с 1867 года и в результате чиновник, знающий иностранные языки, в провинции получает жалованья меньше, чем почтальон, «несмотря на громадную разницу в требованиях, предъявляемых к умственному развитию и образованию каждого из них». Он предлагал приравнять должности старшего цензора, младшего цензора и чиновника, знающего иностранные языки, к должностям председателя, старшего и младшего цензора Центрального комитета иностранной цензуры при Главном управлении по делам печати. При принятии такого подхода это означало бы увеличение гласного содержания для вышеуказанных должностей в два – пять раз⁷⁰⁹. Приводимые Мардарьевым цифры, безусловно, были верны, но они не отражали выданных из «секретных сумм».

С продолжением войны росла инфляция. В этой ситуации Николай II 11 мая 1916 года подписал постановление «О добавочном довольствии чинов правительственной службы по случаю вздорожания жизни», опубликованное 14 мая. Оно не касалось уже получивших прибавки по закону от 13 марта 1915 года и распространялось на имевших не более 2400 руб. годового содержания или не более 1900 руб. при пользовании казенной квартирой. Добавочные выплаты ставились в зависимость от размера жалованья и от района страны (первый район: Петроградская, Московская, Подольская губернии и город Одесса; второй район – все прочие местности). Вводились они с 1 января 1916 года. Размер этих надбавок указан в таблице 2.

Таблица 2

Размер добавочных выплат⁷¹⁰

№	Жалованье в год (руб.)	Надбавки в первом районе (% от жалованья)	Надбавки во втором районе (% от жалованья)
1	До 600	30	25
2	600–1200	25	20
3	1200–1800	20	15
4	1800–2400	15	12,5

Поскольку инфляция нарастала высокими темпами, 22 октября 1916 года было подписано и 27 октября опубликовано постановление «О некоторых дополнениях и изменениях Высочайше утвержденных 11 мая 1916 года Временных правил о процентных добавках к содержанию правительственных служащих по случаю вызванного войной вздорожания жизни». На территории империи теперь выделялись четыре района. Города, где размещались перлюстрационные пункты, попали в первый (Одесса, Харьков) и второй (Киев, Тифлис) районы. Вне районного деления находились Петроград и Москва. На новую процентную прибавку могли рассчитывать в Петрограде и Москве чиновники с жалованьем не более 9 тыс. руб. в год (имевшие казенную квартиру – с жалованьем до 7200 руб. в год), во всех остальных местностях – до 6 тыс. руб. в год (имевшие казенную квартиру – до 4800 руб.).

⁷⁰⁸ Там же. Д. 42. Л. 110; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 100; Д. 1001. Л. 110.

⁷⁰⁹ Там же. Ф. 102. Оп. 248. Д. 96. Л. 76–79.

⁷¹⁰ Собрание Указаний и Распоряжений Правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1916. Отдел первый. № 129. Ст. 990.

Процентные надбавки не должны были превышать 2 тыс. руб. для Петрограда, Москвы и городов первого района, 1700 руб. – для второго района, 1200 руб. – для третьего района и 900 руб. в год – для четвертого района. Эти решения представлены в таблице 3.

Таблица 3

Размер добавочных выплат с учетом принятых дополнений и изменений⁷¹¹

№	Жалованье в год (руб.)	Надбавки в Петрограде и Москве (%)	Надбавки в первом районе (%)	Надбавки во втором районе (%)	Надбавки в третьем районе (%)	Надбавки в четвертом районе (%)
1	До 600 включительно	90	75	65	51)	30
2	Более 600 и до 1200 включительно	75	65	55	40	25
3	Более 1200 и до 1800 включительно	65	55	45	30	20
4	Более 1800 и до 2400 включительно	55	45	35	25	15
5	Более 2400 и до 3600 включительно	40	35	25	20	12,5
6	Более 3600	30	25	20	15	10

Понятно, что такой размер надбавок формально значительно увеличивал оклады чиновников и общие расходы на цензуру иностранных газет и журналов. Каковы были эти надбавки в конкретном выражении и общие выплаты к 1917 году в рублях в год (с учетом постановления от 22 октября 1916 года), видно из таблицы 4.

Таблица 4

Общие расходы на цензуру иностранных газет и журналов к 1917 году⁷¹²

⁷¹¹ Там же. № 297. Ст. 2350.

⁷¹² Итоговый подсчет мой. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 248. Д. 96. Л. 78; Оп. 267. Д. 42. Л. 78 об., 130–131 (Ведомость процентным прибавкам и единовременным пособиям, причитающимся чинам Цензуры иностранных газет и журналов на основании закона от 22 октября 1916 г. в рублях в год); Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 22–23 об., 25; Д. 1001. Л. 36, 44 об., 102.

№	Город Должности	Количество сотрудников (чел.)	Содержание (руб.)		Пособия (руб.)		Процентная прибавка в год (руб.)		Всего расходов (руб.)
			по цензуре	из особых сумм	по цензуре	из особых сумм	по цензуре	из особых сумм	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	<i>Петроград</i>								
	Старший цензор	1	2000	3000	250	150	500	250	6150
	Старший цензор	1	2000	2200	250	150	500	130	5230
	Младшие цензоры	3	1860	1700	232,5	167,5	465	247	4672 каждому; 14016 на всех
	Младший цензор	1	1500	2300	187,5	212,5	450	120	4770
	Младший цензор	1	1500	1700	187,5	212,5	450	190	4240
	Младший цензор	1	1210	1550	151,25	193,75	363	189	3657
	Чиновники, знающие иностранные языки	5	735	1350	91,87	168,75	304	217,25	2866,87 каждому; 14334,35 на всех
	Прикомандированный к МВД	1	600	1350	75	168,75	300	187,5	2681,25
	Прикомандированный к МВД	1	558	600	69,75	75	279	184,2	1765,95
	Сторожа	9	4140	3300	517,5	412,5	2070	906	11 306 на всех
	Итого	15 + 9							68 150,55
	Косвенные участники*	26							12 644
	Всего в Петрограде								80 794,55
2	<i>Москва</i>								
	Старший цензор	1	1286,64	2314	160,83	289,25	836,31	243,69	5730,72
	Младший цензор	1	1210,72	1400	151,34	175	908,42	136,24	3981,72
	Младшие цензоры	2	1000,72	1400	125,9	175	750,54	569,85	4022,01 каждому; 8044,02 на всех
	Переводчик	1	630,93	1215	78,87	151,87	473,19	726,6	3276,46
	Чиновник, знающий иностранные языки	1	600	1350	75	168,75	540	532,5	3266,25
	Чиновники, знающие иностранные языки	2	557,28	1172	69,66	146,5	501,55	622,48	3069,47 каждому; 6138,94 на всех
	Прикомандированный к МВД	1	480	360	60	45	432	198	1575
	Сторожа	4	–	720	–	90	–	648	1458 каждому; 5832 на всех
	Итого	9 + 4							37 845,11
	Косвенные участники*	11							3540
	Всего в Москве								41 385,11
3	<i>Киев</i>								
	Цензор	1	1210	2000	151,25	250	302,5	98,75	4012,5
	Цензор	1	720	1400	90	175	180	138	2703
	Чиновник, знающий иностранные языки	1	555	1150	69,37	143,75	166,5	174,5	2259,12
	Сторож	1	–	240	–	30	–	72	342
	Итого	3 + 1							9316,62
	Косвенные участники*	6							1620
	Всего в Киеве								10 936,62
4	<i>Одесса</i>								
	Старший цензор	1	1543,96	2314	192,99	289,26	853,77	106,48	5300,46
	Цензор	1	600	1400	75	175	450	450	3150
	Чиновник, знающий иностранные языки	1	540	1150	67,50	143,75	405	524,5	2830,75
	Чиновник, знающий иностранные языки	1	450	1150	56,25	143,75	337,5	542,5	2680
	Прикомандированный к МВД	1	450	1150	56,25	143,75	337,5	542,5	2680
	Прикомандированный к МВД	1	–	800	–	100	–	520	1420
	Сторожа	4	–	580	–	72,5	–	435	1087,5 на всех
	Итого	6 + 4							19 148,71
	Косвенные участники*	9							2940
	Всего в Одессе								22 088,71
5	<i>Харьков</i>								
	Прикомандированный к МВД	1	1000	1700	125	212,5	650	195	3882,5
	Прикомандированный к МВД	1	1000	1400	125	175	650	430	3780
	Сторож	1	–	120	–	15	–	90	225
	Итого	2 + 1							7887,5
	Косвенные участники*	2							960

* Данные на ноябрь 1915 года.

** Несмотря на то что 23 июля 1915 года Варшава была занята немцами, жалование косвенным участникам перлюстрации здесь продолжало выдаваться.

*** Расходы на «черный кабинет» в Тифлисе или из сумм ДП отдельной строкой.

**** В Риге цензоры не занимались перлюстрацией. Сумма указана без учета надбавок по закону от 22 октября 1916 года.

***** При подсчете окончательной общей суммы жалование, указанное в графе 10, если его получало несколько чиновников, умножалось на число этих лиц. Например, в Петрограде пять чиновников, знающих иностранные языки, должны были получать в год 14 334,35 руб. ($2866,87 \times 5 = 14\,334,35$), а четыре сторожа из Варшавы, переведенные в Москву, должны были получать в год 5508 руб. ($1377 \times 4 = 5508$).

Но и эта сумма, более 240 тыс. руб., не была окончательной. Директор ДП А.Т. Васильев 3 декабря 1916 года, откликаясь на очередную просьбу М.Г. Мардарьева о дополнительных пособиях «по случаю вызванных [так в документе] военными обстоятельствами усиленной деятельности», распорядился выдать в январе 1917 года 2260 руб., из них 1400 руб. – чинам петроградской цензуры и 860 руб. – чинам московской цензуры⁷¹³. Таким образом, общие расходы должны были составить 245 347 руб. 98 коп. Вместе с тем положенные по закону выплаты уже не означали их безусловной выдачи. В ноябре 1916 года Мардарьев, представляя подробную ведомость жалования, указывал, что чины московской цензуры имеют право на прибавки по закону от 11 мая 1916 года, но их не получают⁷¹⁴.

Совершенно неожиданные заботы возникли у цензоров «черных кабинетов» в конце 1916#го – начале 1917 года. 27 февраля 1917 года Мардарьев направил служебную записку экспедитору экспедиции перевозки почты со следующей просьбой: «В виду невозможности для служащих цензуры иностранных газет и журналов становиться у лавок в очередь для получения хлеба, за недостатком свободного от служебных занятий времени, цензура... покорнейше просит включить ниже поименованных чинов цензуры в число лиц, коим хлеб отпускается из Почтамта», и далее дал список из трех цензоров и девяти сторожей и почтальонов⁷¹⁵. Но именно этот день стал днем свержения самодержавия, которому усердно служили чиновники «черных кабинетов».

Еще некоторое время, до 1 мая 1917 года, чиновники по инерции приходили на службу, однако никаких указаний от новых властей они не получали. Встал вопрос, что делать с различными материалами, имевшими гриф «Секретно» и хранившимися в помещении цензуры иностранных газет и журналов на Петербургском почтамте. Часть выписок секретного характера старший цензор М.Г. Мардарьев в первые дни революции передал, по его словам, на хранение М.И. Дунину-Барковскому, начальнику разведки Морского Генерального штаба, с которым имелись давние и прочные служебные связи. После первого допроса Мардарьева, проведенного 19 июня следователем Чрезвычайной следственной комиссии П.Г. Соловьевым, Михаил Георгиевич взял их обратно и сдал в четырех запечатанных пакетах Врасскому, секретарю Д.М. Щепкина – товарища министра внутренних дел. Об этом Мардарьев сообщил следователю 26 июня. Уже на другой день Соловьев получил в МВД эти четыре пакета и доставил их в следственную комиссию. В пакетах находились официальные документы, связанные с ведением перлюстрации с конца XVIII века. Среди них были рескрипты, секретные высочайшие повеления, всеподданнейшие доклады за период 1802–1900 годов⁷¹⁶.

⁷¹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 101 об. – 103.

⁷¹⁴ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 130–131; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 102.

⁷¹⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 287. Л. 6–6 об.

⁷¹⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 53, 56; Д. 1002. Л. 107–130; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и

10 июля 1917 года последовал приказ по Министерству почт и телеграфов, которым с 16 марта того же года увольнялись от должности тридцать восемь сотрудников цензуры иностранных газет и журналов, в том числе: шестнадцать чиновников петроградской цензуры, девять – московской, шесть – варшавской, три чиновника – киевской и четыре – одесской цензуры. Из них пятеро работали в цензуре по совместительству. Из тридцати восьми уволенных перлюстрацией занимались тридцать два человека⁷¹⁷. В списке уволенных нет ряда чиновников, занимавшихся перлюстрацией в Харькове, Тифлисе, поскольку они были официально прикомандированы к Министерству внутренних дел. Зато в список попал Э.К. Зиверт, ушедший на фронт и находившийся с июня 1915 года в австро-венгерском плену⁷¹⁸.

4. Неофициальная, или «инициативная», перлюстрация

Несколько пунктов официальной перлюстрации в условиях развития почтовой связи, конечно, могли контролировать лишь небольшую часть переписки подданных империи. Между тем чтением писем российских обывателей на протяжении ряда столетий занимались многие почтово-телеграфные служащие. Подобную перлюстрацию мы называем неофициальной или «инициативной». Она действительно была абсолютно незаконной.

Происходила «инициативная» перлюстрация по разным причинам. Во-первых, из простого любопытства. Все, наверно, помнят почтмейстера И.К. Шпекина из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Ему принадлежит следующая реплика: «...это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение»⁷¹⁹. Кстати, сам этот образ появился у Гоголя, возможно, и на основе личного опыта. Писатель 22 ноября 1833 года, благодаря мать за посылку старинной тетради с текстами песен, сообщал ей: «Жаль очень, что почтмейстер [полтавский почтмейстер, коллежский советник И.А. Ротмистров] был так нагл, что распечатал письма <...> Мою посылку он имеет право вскрыть, но вашу только здесь, в Петербурге должны распечатывать. И потому стороною предостерегите его; если он еще это делает, то я буду жаловаться директору Почтового департамента [К.Я.] Булгакову, с которым я знаком»⁷²⁰.

Во-вторых, местные власти во все времена стремились не допустить утечки нежелательной информации, первыми узнать о возможных жалобах обывателей вышестоящему начальству. В той же сцене городничий просит почтмейстера: «...нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, <...> этак немножко распечатать и прочитывать: не содержится ли в нем какого#нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное. <...> Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадет жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте»⁷²¹. Как все мы помним, именно благодаря таким действиям почтмейстера стало известно, что Хлестаков не ревизор, за которого его от страха приняли, а обычный проезжий чиновник, к тому же промотавшийся в дороге.

Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 146, 147 об.

⁷¹⁷ Почтово-телеграфный журнал. 1917. № 28–29. 22 июля. Отдел официальный. С. 272.

⁷¹⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 7.

⁷¹⁹ Гоголь Н.В. Соч. М., 1952. С. 298.

⁷²⁰ Он же. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 285.

⁷²¹ Он же. Соч. С. 298–299.

В-третьих, задачи развивающегося политического розыска, требования начальства выявлять «крамолу», стремление отличиться в борьбе с политической оппозицией обуславливали использование перлюстрации жандармскими офицерами на местах.

Следы «инициативной» перлюстрации можно обнаружить с XVII века. Некий Федор Качанов писал в конце XVII века из Красноярска своему корреспонденту С.Г. Лисовскому: «Только в грамотке московской не пиши, что не угодно судье читать, а [то] Антон Васильевич через почту кажет письма Андрею Андреевичу». Автор другого письма Ф. Зиновьев 7 сентября 1697 года сообщал Ф.Т. Вындомскому, что посылать ему весточку с церковной почтой опасается, ибо «Михайло Денисов здесь насматривает и наслушивает». Поэтому лучше всего было передавать письма с оказией. В том же письме Зиновьев просил: «Отпиши ко мне обо всем через почту, а будет князь Дмитрий Мещерский на Москве, отпиши все с ним или с кем надежным, чтобы поскорее с ним дошло»⁷²².

По воспоминаниям Л.Н. Энгельгардта, почтмейстер города Шклова в 1792 году счел подозрительной личностью находившегося в городе французского эмигранта графа де Монтегю. Граф остановился в Шклове по пути к месту службы – он был нанят на Черноморский флот. В Шклове граф стал получать иностранную почту из Риги. Почтмейстер распечатал его корреспонденцию и, «осматривая с прилежанием, заметил, что на одном листке шероховато, а когда поднес к огню, оказалось написанное и открылось, что Монтегю был якобинец, и ему было поручено сжечь наш Черноморский флот. Сего Монтегю отправили за караулом в С.Петербург, впоследствии на эшафоте изломали над ним шпагу и сослан он был в Сибирь, в работу»⁷²³. Хотя Энгельгардт передает эту историю не совсем точно, о чем будет сказано ниже, но в главном его рассказ верен – именно «инициативная» перлюстрация привела в данном случае к раскрытию группы иностранных разведчиков.

В ходе заграничного похода русской армии в 1813–1814 годах познанский областной начальник Миклашевич рапортовал 25 августа 1813 года генерал-губернатору Герцогства Варшавского В.С. Ланскому, что получил на свое имя уже кем-то вскрытый пакет с предписанием от генерал-губернатора. При этом вместо сломанной генерал-губернаторской печати стояла печать Варшавского почтамта, а в пакете не оказалось указанного в предписании приложения⁷²⁴.

В такой местной самодеятельности были заинтересованы многие. Губернаторы, руководители жандармских управлений, охранных отделений, розыскных пунктов привлекали к сотрудничеству начальников местных почтово-телеграфных контор для просмотра корреспонденции своих возможных конкурентов, «неблагонадежных» и подозрительных лиц. Начальник почтово-телеграфной конторы в Кронштадте 1 ноября 1888 года докладывал начальнику Санкт-Петербургского почтово-телеграфного округа, что накануне в контору зашел жандармский обер-офицер с просьбой, «нельзя ли будет когда-либо предъявить ему список писем, хранящихся <...> до востребования». Начальник конторы попросил «выждать более удобного случая» и решил запросить начальство⁷²⁵.

Ранее я уже упоминал, что в мае 1903 года вышло распоряжение министра внутренних дел В.К. Плеве о выдаче так называемых открытых листов за подписью руководителя Главного управления почт и телеграфов начальникам ГЖУ и охранных отделений. Текст такого листа гласил: «Предъявителю сего <...> [указывались должность, звание, фамилия] производить осмотр и в случае необходимости выемку подлинных телеграмм, отправленных

⁷²² Саран А.Ю. История почты Орловского края. 3#е изд., доп. Орел, 2004. С. 12–13.

⁷²³ Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 36.

⁷²⁴ Попруженко И.Г. Из архива Н.Н. Новосильцева: О российских фальшивых ассигнациях, выпущенными [выпущенных] французами в 1812 году в Варшаве // Русский архив. 1911. Кн. 3. № 9. С. 136.

⁷²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 3. Л. 32.

из почтово-телеграфных и телеграфных учреждений. Причем... если произведена выемка, то должен быть составлен акт за подписью начальника учреждения <...> [указывались должность, звание, фамилия]». С появлением в 1907 году районных охранных отделений (РОО) эта практика была распространена и на них. Например, в апреле 1909 года начальник Поволжского РОО полковник А.П. Критский писал директору ДП Н.П. Зуеву: «...встречая надобность иногда в осмотре почтово-телеграфной корреспонденции наблюдаемых лиц в городе Самара, прошу ходатайства Вашего Превосходительства о высылке мне <...> открытого листа». В эмигрантской печати, правда, отмечалось, что обычно никаких протоколов о выемке корреспонденции не составляется. Но все#таки даже само появление открытых листов можно расценить как попытку поставить перлюстрацию на местах под какой#то контроль со стороны высшего начальства, ввести ее в определенные рамки⁷²⁶.

На практике использование открытых листов повлекло расширительное их толкование и пренебрежение правилами конспирации. В феврале 1909 года начальник Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянов обратил внимание директора ДП М.И. Трусевиича на то, что «некоторые начальники Охранных отделений требуют предъявления им всей телеграфной корреспонденции, как материала, в котором может быть усмотрено что#либо преступное», хотя по правилам право осмотра и выемки касается лишь «корреспонденции отдельных лиц, дела о которых производятся в Охранных отделениях». Это ведет к невозможности сохранить в тайне использование перлюстрации, что вызывает «нарекание на несоблюдение почтово-телеграфным ведомством Высочайшего повеления о тайне частной корреспонденции». В ряде случаев начальники охранных отделений перепоручали просмотр корреспонденции своим подчиненным, не имевшим именного открытого листа. Возникали и конфликтные ситуации, когда представители охранных отделений находили неудобным и нежелательным присутствие при осмотре телеграмм чинов почтово-телеграфного ведомства, мотивируя это тем, что «Телеграмма, остановившая на себе чем#либо внимание... может быть замечена находящимся в той же комнате чиновником»⁷²⁷.

В итоге директор ДП Трусевиич 20 марта 1909 года, за несколько дней до своей отставки, направил начальникам охранных отделений циркуляр со следующими требованиями:

...чтобы в интересах конспирации соблюдалась особая осторожность при пользовании правом осмотра корреспонденции в местном почтово-телеграфном установлении; чтобы с требованиями об осмотре являлись в названные установления те именно чины Отделения, на имя которых выданы открытые листы; чтобы осматривавшие облекали свои требования в более определенную форму относительно необходимых для Отделения телеграмм и чтобы самый же осмотр и выемка корреспонденции производилась, во всяком случае, в присутствии начальника установления или чина, его заменяющего⁷²⁸.

Результатом же было то, что на местах чиновники политического розыска весьма часто не утруждали себя даже получением открытых листов, не желая заморачивать голову бюрократическими процедурами. И на деле такую практику поощрял Департамент полиции. Начальник шифровального отделения ДП И.А. Зыбин, тесно связанный со службой перлюстрации, говорил на допросе в июне 1917 года, что там, где не было «черных кабинетов», «перлюстрация <...> была оставлена на усмотрение местных жандармских управлений, от инициативы которых зависело входить в сношения с чинами почтовых отделений

⁷²⁶ Гончарова Е.А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 97; Революционная мысль. 1908. Апрель. № 1. С. 11.

⁷²⁷ Гончарова Е.А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. С. 97.

⁷²⁸ Там же. С. 98.

и контор и через них добывать нужные письма или копии их». Это подтверждали на допросах в 1917 году и бывший вице-директор ДП С.Е. Виссарионов, и бывший директор ДП С.П. Белецкий. Виссарионов отмечал, что «такого рода перлюстрация практиковалась очень широко и по мотивам иногда личного характера»⁷²⁹. По словам Белецкого, на учрежденных при ДП курсах для жандармских офицеров им преподавались сведения о порядке производства перлюстрации, о технике вскрытия писем и калькирования почерков. Одновременно тех чиновников почтово-телеграфных контор, которые сопротивлялись и противодействовали перлюстрации, переводили при содействии Главного управления почт и телеграфов в другие места и конторы, заменяя их более лояльными сотрудниками⁷³⁰. В 1909 году в Департаменте полиции было заведено дело о незаконных действиях могилевского губернатора К.С. Нолькена. Генерал-майор Корпуса жандармов П.Н. Шабельский рапортовал министру внутренних дел П.А. Столыпину, что Нолькен завел собственную перлюстрацию – поручил полицмейстеру Я.В. Родионову перехватывать письма вице-губернатора С.А. Шидловского и жены бывшего губернатора Д.Ф. Гачмана. При посещении в Петербурге члена III Государственной думы от Могилевской губернии епископа Митрофана жандармский генерал увидел у него письмо могилевского архиепископа Стефана с условными знаками о перлюстрации на конверте⁷³¹. Но если действия губернатора вызвали неудовольствие высшего начальства за вторжение в запретную сферу, то инициативы руководителей розыскных органов встречали полную поддержку.

Рост антиправительственной активности ставил среди прочего вопрос об организации новых перлюстрационных пунктов и об улучшении работы уже существующих. В ноябре 1902 года начальник Виленского розыскного отделения направил письмо директору ДП А.А. Лопухину. Он, в частности, писал: «В заботах об успешном выполнении возложенных на меня задач политического розыска по г. Вильне, я имел в виду устроить перлюстрацию почтовой корреспонденции в местной почтово-телеграфной конторе при содействии служащих там лиц. <...> Я просил начальника Виленского почтово-телеграфного округа оказать мне посильное в этом содействии, но просьба моя не имела успеха». Начальник почтово-телеграфного округа рекомендовал действовать официальным путем. Поэтому в письме содержалась просьба восстановить перлюстрационный пункт в Вильно, тем более что помещение кабинета осталось неприкосновенным⁷³². В апреле 1908 года начальник Иркутского ГЖУ писал новому директору ДП М.И. Трусевичу, что «неотложно необходима организация в г. Иркутске центрального перлюстрационного кабинета <...> представляется необходимым командирование для этой цели двух вполне надежных почтовых чиновников из Европейской России». Руководство ДП поддерживало эти предложения. В 1902 году в резолюции по поводу Вильно А.Д. Фомину предлагалось обсудить данный вопрос с министром внутренних дел В.К. Плеве. В апреле 1908 года директор ДП М.И. Трусевич на письме начальника Иркутского ГЖУ надписал: «Снести с <...> Фоминым словесно и если можно, то ассигновать средства». В конце мая 1910 года Фомин представил руководству ДП записку старшего цензора Одесской почтовой конторы Ф.Б. Гольмблата, предлагавшего создать секретное отделение при цензуре иностранных газет и журналов в Риге. Свое предложение Гольмблат обосновывал необходимостью «...выяснения в деталях деятельности, политического сгедо и нравственного уровня местного чиновничества; ...выяснения политического настроения балтийского поместного дворянства, <...> а равно и настроения лютеранского духовенства... немецкой интеллигенции; <...> осведомления о революционном движении в при-

⁷²⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 35, 127–127 об., 144.

⁷³⁰ Там же. Л. 144–144 об.

⁷³¹ Там же. Д. 1003. Л. 52–54 об.

⁷³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 35. Л. 2–3 об.

балтийских губерниях вообще, а в Рижском фабричном районе... в частности», поскольку «в умах латышей далеко не улегся революционный фанатизм». К записке был приложен ряд вырезок из газет «Голос социал-демократа», «Правда», «Социал-демократ» за 1909 год. Но все эти ходатайства и намерения остались, как я отмечал выше, без удовлетворения⁷³³.

Выход искали и в налаживании неофициального регулярного сотрудничества начальников ГЖУ и охранных отделений с почтово-телеграфными чиновниками на местах. В марте 1909 года начальник Саратовского охранного отделения А.П. Мартынов направил письмо руководителю Поволжского РОО А.П. Критскому с информацией о том, что кандидат в телеграфисты станции Саратов-3 Максимов предложил свои услуги в деле перлюстрации. По мнению Мартынова, такой человек мог бы иметь особую ценность, поскольку «лица преступных партий часто пользуются ж/д [железнодорожным] телеграфом для передачи условных и с преступными целями телеграмм». Максиму было назначено жалование «по 15 рублей в месяц, каковое, смотря по результативности доставляемых сведений, может быть увеличено до 25 рублей в месяц». Помощник начальника Саратовского ГЖУ в Царицынском уезде 28 января 1910 года завербовал почтальона К.Ф. Степанова за вознаграждение в размере 25 коп. за письмо и 1 руб. – за «установку пересылки по почте нелегальной литературы». В 1913 году в Саратовское ГЖУ с обязанностью доставлять письма для вскрытия были приняты на службу два почтальона из города Вольска – М.Т. Филипенко с окладом 8 руб. в месяц и Н.Г. Сурутин, сам предложивший свои услуги⁷³⁴.

В декабре 1909 года начальник Особого отдела ДП А.М. Еремин направил письма начальникам Виленского, Иркутского, Ковенского, Минского, Могилевского, Саратовского, Томского ГЖУ и Екатеринославского охранного отделения с просьбой сообщить о политической благонадежности руководителей почтовых учреждений и оказании ими секретных услуг органам политического сыска. В целях большей секретности Еремин просил сделать это, «не снимая копии [с письма Еремина] и не оставляя себе черновиков и направив его [ответ] заказным [письмом] непосредственно на мое имя»⁷³⁵.

Начальник Виленского ГЖУ генерал-майор И.И. Гноинский сообщал в ответ в январе 1910 года, что от руководителя Виленского почтово-телеграфного округа Л.К. Даниловича «получались полезные для политического розыска сведения». Аналогичные сведения давал заведующий Антокольским почтово-телеграфным отделением в городе Вильно по фамилии Стирна. В Белостоке ранее такого рода содействие оказывал жандармскому ротмистру Фуллону чиновник Сильницкий, к 1910 году уже умерший. Начальник почтово-телеграфной конторы на вокзале станции Вильно С.С. Ковалевский согласился оказывать Гноинскому «все необходимые для политического розыска услуги по занимаемой должности». Начальник ГЖУ считал это весьма ценным, поскольку вся прибывающая корреспонденция «первоначально сортируется на вокзале»⁷³⁶.

Начальник Могилевского ГЖУ доложил, что руководитель почтово-телеграфной конторы Н.И. Блинов, «человек безусловно правого направления», «охотно оказывает» все мелкие услуги. Одновременно через трех вспомогательных сотрудников этой конторы «получается все, что требуется для розыска». Такие же сотрудники есть «почти во всех пунктах губернии, представляющих розыскной интерес»⁷³⁷.

Начальник Минского ГЖУ информировал, что руководитель почтово-телеграфной конторы Т.И. Кравчук и подчиненные ему чиновники «оказали и оказывают мне услуги по

⁷³³ Там же. Л. 7, 8, 33–39.

⁷³⁴ Гончарова Е.А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. С. 100.

⁷³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 35. Л. 12–12 об.

⁷³⁶ Там же. Л. 10, 11.

⁷³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 35. Л. 16–16 об.

доставлению секретным путем сведений, весьма полезных». Из Саратовского ГЖУ писали, что начальники почтово-телеграфной конторы И.К. Виль и П.Я. Токарев оказывают «всякое содействие». В Ковно руководитель почтовой конторы А.Ф. Белянко «всегда оказывает всякое содействие», а на постоянном жалованье состоит почтальон-сортировщик А. Марегольц, «доставляющий для просмотра корреспонденции на имена лиц, интересующих в каком-либо отношении Управление». В Иркутске «всегда идут навстречу и оказывают полное содействие» начальник почтово-телеграфной конторы В.П. Жарков и чиновник К.Г. Парфенов.

Лишь из Томска начальник Охранного отделения ротмистр А.А. Гинсбург писал, что руководитель Томской почтово-телеграфной конторы А.М. Иванов «никаких услуг в деле политического розыска <...> не оказывал», но это терпимо. Ибо без его ведома оказывают необходимые услуги чиновники, обладающие «высокими нравственными качествами»: заведующий отделом заказной корреспонденции Ф.И. Литвинов – с 1903 года, бывший заведующий отделом простой корреспонденции, а ныне заведующий телеграфом И.К. Абражаев – с февраля 1907 года и заведующий отделом простой корреспонденции В.А. Моисеенко – с октября 1909 года⁷³⁸.

В свою очередь руководители политического розыска на местах стремились поощрить своих помощников, нарушавших официальные законы. Начальник Нижегородского охранного отделения в ноябре 1908 года писал директору Департамента полиции М.И. Трусевичу: «Вступив в исполнение должности в феврале сего года, я тогда же обратился с просьбой об оказании мне содействия в деле политического розыска к начальнику местной почтово-телеграфной конторы № 1 <...> Сергею Петровичу Орлову, который... оказывает мне весьма ценные услуги, как по перлюстрации, так и по выяснению других секретных сведений», прося о выдаче чиновнику денежного пособия. Было выделено 300 руб. Начальник Иркутского ГЖУ в конце 1908 года просил наградить (по представлению руководителя охранного отделения города) двух чиновников за «их особые выдающиеся заслуги, оказанные в течение нескольких лет»: начальника Иркутской почтовой конторы В.П. Жаркова – орденом Св. Владимира 4-й степени и почтово-телеграфного чиновника К.Г. Парфенова – первым классным чином. Поскольку начальник Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянов сообщил, что Жарков может быть представлен в 1909 году лишь к ордену Св. Анны 2-й степени, а вопрос о Парфенове не был решен, то ходатайство было возобновлено в октябре 1910 года. В результате Парфенов к Рождеству, 6 декабря 1910 года, «за выдающиеся отличия» получил чин коллежского регистратора⁷³⁹. В мае 1909 года руководитель Одесского охранного отделения сообщал о помощи со стороны начальника Одесской почтовой конторы И.Н. Никифорова. В ноябре того же года руководитель Читинского охранного отделения просил наградить орденом Св. Владимира 4-й степени начальника Читинской почтово-телеграфной конторы В.Н. Стразова – «за труды, понесенные во время русско-японской войны». Начальник Воронежского ГЖУ в январе 1910 года просил о награждении почтового чиновника Н.А. Соловьева, «при посредстве которого получают секретно для просмотра письма, идущие по указанным ему заранее адресам и через него же ведется наблюдение за лицами почтового ведомства». В результате Соловьев был представлен к ордену Св. Анны 3-й степени⁷⁴⁰.

Начальник почтово-телеграфной конторы № 1 в Нижнем Новгороде С.П. Орлов не только сам помогал жандармам, но и привлекал к этой деятельности других служащих конторы. Так, в марте 1908 года с несомненным участием Орлова были завербованы для отбора корреспонденции двое его подчиненных, получившие клички «Почтовый 1» и «Почтовый

⁷³⁸ Там же. Л. 20 об. – 21, 22–23 об., 24 об., 25 об., 26 об. – 27.

⁷³⁹ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 66–68 об.

⁷⁴⁰ Там же. Л. 68 об. – 70.

2». Они извлекали нужные письма, вскрывали их и направляли руководителям Нижегородского охранного отделения (НОО). Здесь письма фотографировались и копировались. Вознаграждение этих двух сотрудников составляло соответственно 30 и 5 руб. в месяц. Правда, с такими помощниками случались и казусы. Например, почтово-телеграфный чиновник из той же конторы А.Н. Федоров оказывал услуги НОО по изъятию революционной литературы, пересылаемой через почту. Но после забастовки почтово-телеграфных служащих в ноябре 1905 года стал всем рассказывать, что «местное охранное отделение перлюстрирует письма граждан». Отдельные возмущенные граждане обратились с жалобами в МВД. Руководство ДП направило в НОО следующее письмо:

Препровождая при сем копию полученного агентурным путем письма за подписью «Твоя Юля», по штемпелю из Москвы, судя по содержанию письма из Н. Новгорода, Департамент полиции считает необходимым обратить Ваше внимание на излагаемые в этом письме жалобы по поводу перлюстрируемых Вами в Н. Новгороде писем, присовокупляя при этом, что жалобы подобного рода попадают и в других письмах из Н. Новгорода. За директора С. [Е.] Виссарионов.

В результате начальник НОО ротмистр Н.В. Трещенков в донесении от 23 декабря 1905 года на имя вице-директора ДП П.И. Рачковского просил о переводе Федорова в какую-либо другую почтово-телеграфную контору⁷⁴¹.

В ноябре 1910 года уже упомянутый руководитель Саратовской центральной почтово-телеграфной конторы П.Я. Токарев обратился к начальнику Саратовского ГЖУ полковнику В.К. Семигановскому с просьбой ходатайствовать за него, так как Главное управление почт и телеграфов предложило ему выйти в отставку, а он хотел продолжить службу, чтобы дать образование детям. Семигановский в тот же день направил ходатайство «об оставлении его [Токарева] на службе ввиду выдающихся заслуг, оказанных им делу политического розыска и не возможности скорой замены его другим подходящим лицом»⁷⁴². В ноябре 1907 года начальник Охранного отделения в городе Николаеве ротмистр В.А. Ерандаков обратился к директору ДП М.И. Трусевичу с просьбой о поощрении начальника Николаевской почтово-телеграфной конторы В.В. Иванова. В рапорте отмечалось, что, «придавая громадное значение в деле розыска перлюстрации», Ерандаков после прибытия в город установил хорошие отношения с Ивановым. Тот в свою очередь отказался от ежемесячного вознаграждения в 30 руб., заявив, что помогает «по долгу совести». Но сейчас, в связи с болезнью своей и жены, просит единовременную денежную помощь. Было велено выдать 200 руб. В июне 1908 года преемник Ерандакова сообщал в ОО ДП, что выдает Иванову 50 руб. в месяц, но просит и единовременного пособия. Было выдано 300 руб. Наконец, 100 руб. разрешил выдать Иванову 3 июня 1913 года товарищ министра В.Ф. Джунковский⁷⁴³.

В городе Вольске Саратовской губернии помощником начальника Саратовского ГЖУ (СГЖУ) был завербован в 1910 году чиновник почтово-телеграфной конторы Е.П. Кондратьев. Во время разбора писем он незаметно для своих коллег брал их, «клат в конверт с надписью “Жандармскому вахмистру Григорьеву” со штемпелем помощника начальника СГЖУ в Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах, заклеивал и бросал в <...> почтовый ящик № 8 при конторе [помощника начальника СГЖУ]». Вахмистр приносил письма на просмотр, а затем к трем часам дня в запечатанном виде вновь бросал в тот же ящик. Связь с агентом осуществлялась посредством записок с «печатными буквами». За это время от него посту-

⁷⁴¹ *Осинов А.В.* Портрет Нижегородского охранного отделения в интерьере политической полиции Российской империи // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. III. М.: Кучково поле, 2007. С. 201–202, 209.

⁷⁴² *Гончарова Е.А.* Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. С. 100.

⁷⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 656. Л. 1–1 об., 7–13.

пило 784 письма. В дальнейшем агент стал выпивать, потерял осторожность, и 25 ноября 1912 года у него заметили чужое письмо. Полиция сделала обыск в доме, нашла письма частных лиц и тридцать два конверта на имя жандармского вахмистра. По словам помощника начальника СГЖУ, конфликт удалось замять. Начальник Вольской почтово-телеграфной конторы отдал жандармам протокол и изъятые конверты, протокол был переписан, сведения о конвертах были из него выброшены. Агент уволился, полиция обещала молчать – тайна была сохранена⁷⁴⁴.

18 февраля 1917 года, накануне краха режима, в ДП поступило письмо почтово-телеграфного чиновника Николаева из города Острогожска Воронежской губернии. Николаев напоминал, что с 1906#го по 1911 год, являясь секретным сотрудником и служа в Ростовской почтово-телеграфной конторе, отбирал нужную корреспонденцию, чем «оказал много услуг правительству в борьбе с революцией и в ущерб своей службе». Поэтому просил «замолвить слово перед начальником Главного управления почт и телеграфов» о повышении по службе. Из справки ДП видно, что проситель действительно состоял секретным сотрудником с июля 1907#го по ноябрь 1911 года, получая 30 руб. в месяц⁷⁴⁵.

В июне 1917 года в ходе разбора дел политических спецслужб председателем следственной комиссии Тульского губернского временного исполкома А.И. Рязановым был установлен факт многолетнего сотрудничества почтово-телеграфного чиновника Серебрякова с местным охранным отделением. Чиновник получал за это 30–35 руб. в месяц⁷⁴⁶. В Калужском ГЖУ почтовый чиновник за каждое «имеющее значение» выявленное письмо получал по 3 руб. Правда, руководство управления постепенно склонялось к мысли сократить «гонорар» до 1 руб., поскольку серьезной информации там, как правило, не содержалось⁷⁴⁷. Бывало, что жандармские офицеры в провинции производили самостоятельные вскрытия, видимо, не надеясь на способность почтовых чиновников верно оценить важность содержащейся информации. Так, начальник Дмитровского жандармского отделения Московского ГЖУ докладывал, что лично просмотрел переписку некоторых членов общества взаимопомощи и выявил их связи со ссыльными⁷⁴⁸. В городе Ельце Орловской губернии в 1910 году ГЖУ завербовало работника местной почтовой конторы для ведения перлюстрации⁷⁴⁹. Подобные примеры можно было бы приводить и далее.

Нередко еще до официального уведомления из Департамента полиции о просмотре корреспонденции того или иного политического ссыльного эта почта перлюстрировалась местной полицией и жандармерией. В Олонецкой губернии пудожский уездный исправник 20 апреля 1904 года послал начальнику ГЖУ выписку из заказного письма ссыльного князя В.А. Кугушева А.Д. Цюрупе в город Вытегру, сообщая, что «подлинное письмо сдано обратно на почту для отправки по адресу». 27 апреля уездный исправник послал начальнику ГЖУ еще три выписки из писем Кугушева, а также фотографии, которые были приложены к одному из писем. 7 мая, посылая в ГЖУ две копии с писем и телеграмм, адресованных Кугушеву, пудожский полицейский надзиратель отмечал, что они получены частным образом с земской почты. Между тем бумага из ДП о просмотре корреспонденции Кугушева была доставлена олонечкому губернатору лишь 26 апреля 1904 года⁷⁵⁰.

⁷⁴⁴ *Воронежцев А.В.* Из истории военной цензуры в период Первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии). С. 18–19.

⁷⁴⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 103 об.

⁷⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 57.

⁷⁴⁷ *Регент Ю.А.* Общая и политическая полиция России (1890–1917 гг.). Рязань, 2001. С. 162.

⁷⁴⁸ Там же.

⁷⁴⁹ *Гулярян А.Б.* Революционеры и жандармы в российской провинции. На материале Орловской губернии. 1894–1914 гг. Орел: Изд-во Орловского ГАУ, 2011. С. 108.

⁷⁵⁰ НАРК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 26/27. Л. 3, 6, 8–9, 79.

В Олонецкой губернии летом 1908 года работала этнографическая экспедиция сотрудников Александровского университета из Гельсингфорса. Губернатор разрешил магистру философии Куйола, кандидату философии Сальминену и шведскому ученому Хальстрому беспрепятственное передвижение и производство фотоснимков. Одновременно губернатор поручил местным властям учредить «негласное бдительное наблюдение» за членами экспедиции. Кроме опросов местных жителей и наружного наблюдения использовалась и перлюстрация корреспонденции⁷⁵¹.

Иногда в случае языковых трудностей при проведении перлюстрации привлекались эксперты из числа местной интеллигенции. Например, Вятское ГЖУ в начале 1917 года для перевода переписки с татарского языка обратилось к профессору Казанского университета Н.Ф. Катанову, уплатив ему 100 руб. В другом случае экспертизу письма провел учитель чистописания из вятской гимназии⁷⁵².

Существовала и профессиональная взаимопомощь. Например, в начале XX века вятские жандармы при чтении зашифрованных писем социал-демократов пользовались «ключом», который получили от жандармов Урала⁷⁵³. Начальник Кронштадтского жандармского управления доносил 22 ноября 1912 года в ДП, что учительница из Либавы М. Шапир, поддерживающая связь с матросами, ведет переписку при помощи фенолфталеина:

На внутренней стороне конверта или между строками обычного содержания письма <...> пишется, совершенно чистым мягким пером, разведенным фенолом истинное содержание, который высыхая не оставляет никаких следов. Для проявления достаточно слегка провести по письму нашатырным спиртом, после чего сначала получается багровый след, а затем постепенно выступает написанное, уже в темных красках⁷⁵⁴.

Можно предположить, что такое детальное указание было основано на личном опыте.

Одобрив и поддерживая ведение перлюстрации жандармскими управлениями и охранными отделениями, Департамент полиции и министр внутренних дел требовали лишь, чтобы она проводилась без явных следов вскрытия. Например, 24 декабря 1911 года вице-директор ДП С.Е. Виссарионов сообщал «совершенно доверительно» начальнику Иркутского ГЖУ М.И. Познанскому, что в ДП доставлено письмо от 23 ноября из Иркутска в Геную, «задержанное на почте вследствие имеющихся на оболочке грубых следов вскрытия», и предлагал «принять все меры к недопущению <...> столь небрежного обращения с корреспонденцией, подвергаемой просмотру»⁷⁵⁵. Этому вопросу была посвящена и справка от 28 ноября 1912 года, направленная М.Г. Мардарьевым в ОО ДП. Фактически уже руководивший деятельностью «черных кабинетов», Михаил Георгиевич указывал, что постоянные жалобы на вскрытие писем обратили внимание господина министра внутренних дел (А.А. Макарова), приказавшего «раз навсегда покончить с этим вопросом». Между тем, как отмечал Мардарьев, в большинстве случаев неумелое вскрытие – это результат распоряжения жандармских властей. Наибольшее количество таких «промахов» происходит в Сибири и южных губерниях. Самое неумелое и небрежное вскрытие писем проводят главным образом в Пензенском РОО. Часто вскрытие производится из простого любопытства. В результате это создает угрозу лишить органы политического розыска «возможности добывать и этим

⁷⁵¹ Белоусов К.Ф. Олонецкие «люди оружия» // Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. С. 21.

⁷⁵² Коваленко В.В. Основные приемы и методы работы вятских жандармов в конце XIX – начале XX веков // Из истории вятских спецслужб. Киров, 1997. С. 32–33.

⁷⁵³ Там же. С. 32.

⁷⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1163. Л. 182–182 об.

⁷⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 77.

путем иногда действительно ценные сведения». Итак, все сентенции данной справки свелись к рекомендации проводить перлюстрацию «осторожно и умело, чтобы адресат даже не мог подозревать произведенной манипуляции». Предлагалось использовать пар (изобретение В.И. Кривоша), ибо «как все, так и технические приспособления во всех отраслях идут вперед, поэтому и в этой области необходимы нововведения»⁷⁵⁶.

Попытки осуществления перлюстрации предпринимались и сторонними структурами. Например, 29 января 1913 года в МВД обратился начальник Томского ГЖУ, информируя о попытке сотрудника Разведывательного бюро Генерального штаба организовать цензуру переписки и возражая со своей стороны против такой самодеятельности. В результате товарищ министра С.П. Белецкий 17 февраля направил письмо первому обер-квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба Н.А. Монкевицу, руководителю военной разведки и контрразведки, в котором объяснял невозможность основания перлюстрации при посредстве низших агентов контрразведки. В свою очередь Монкевиц 2 марта информировал Белецкого о распоряжении проводить почтовую цензуру в военных округах «исключительно через начальников контрразведывательных отделений, их помощников и чинов для поручений»⁷⁵⁷.

Вместе с тем были случаи, когда некоторые почтово-телеграфные чиновники отказывались от сотрудничества с чинами охранки и даже не выполняли циркуляры о задержании антиправительственной литературы. Директор ДП С.П. Белецкий 29 октября 1915 года направил письмо начальнику Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвисневу с просьбой о задержании и конфискации речи Зигеля. 29 декабря Белецкий уведомлял Похвиснева, что, несмотря на распоряжение начальника Ростовского почтово-телеграфного округа вскрывать и просматривать всю еврейскую корреспонденцию из Америки для обнаружения речи Зигеля, начальник Острогской почтово-телеграфной конторы Рубинский ее не вскрывает⁷⁵⁸.

---

⁷⁵⁶ Там же. Л. 99–99 об.

⁷⁵⁷ Там же. Л. 118–120 об.; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 89 об. – 90.

⁷⁵⁸ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 145.

Глава 3

Служба перлюстрации и дешифровки дипломатической почты в XIX – начале XX века

Зарождение особой службы перлюстрации дипломатической переписки можно датировать началом XIX века. В 1803 году в Министерстве иностранных дел появился «для сочинения по секретной части» Х.И. Миллер, ставший впоследствии действительным статским советником. Высочайшим повелением 7 ноября 1804 года управляющим «цифирной частью» был назначен действительный статский советник А.И. Граудер, а Миллер являлся его помощником. Их задачей были дешифровка иностранной дипломатической переписки и разработка собственных ключей⁷⁵⁹. Для руководства всей этой деятельностью в МИДе был создан Цифирный комитет, в который входили руководители министерства. Цифирный комитет заседал под председательством товарища министра, рассматривал и обсуждал составленные и раскрытые шифры, определял вознаграждение за данные работы. Всей деятельностью по перлюстрации дипломатических депеш ведал канцлер Российской империи (министр иностранных дел).

Для помощи дешифровщикам дипломатической переписки привлекались и другие ведомства. В частности, 6 ноября 1800 года Павел I утвердил создание «Тайной полицейской экспедиции». Среди ее задач предусматривались расходы «на пенсии швейцарам у иностранных министров», а в одной из дополнительных бумаг отмечалось: начальника нового учреждения «наградить должно тем, что он потребует, если б скрал цифры у какого иностранного министра»⁷⁶⁰. Вместе с тем по-прежнему использовались способности секретных чиновников Петербургского почтамта. 18 мая 1808 года Александр I направил предписание петербургскому почт-директору Н.И. Калинину: «Все письма, на чье бы имя оные ни были, которые от министра иностранных дел графа Румянцева будут к вам присылаемы для перлюстрирования, вы, в силу сего, имеете перлюстрировать... и потом к нему с таковых писем доставлять точные копии»⁷⁶¹. Перлюстрация дипломатической почты в Петербургском почтамте, как отмечалось в предыдущей главе, продолжалась и в последующие десятилетия. Приведу один пример. С 14-го по 26 августа 1856 года проходила коронация Александра II (согласно традиции – в Москве). При этом уже 21 мая в ходе всеподданнейшего доклада главноуправляющего Почтовым департаментом В.Ф. Адлерберга было решено по случаю предстоящего переезда в Москву двора и дипломатического корпуса «откомандировать под благовидным предлогом» трех чиновников секретной экспедиции Петербургского почтамта, поскольку московские перлюстраторы дипломатической почтой не занимались. Один из откомандированных являлся опытным перлюстратором, двоим другим поручалось заниматься переводом дипломатических депеш, перепиской их и шифров. Ехать в Москву эти чиновники должны были «под видом отпуска». Соответственно, деньги на проезд, наем жилья и проживание были им отпущены из секретных сумм⁷⁶².

Как и полагается в чиновничьем мире, организация этого секретнейшего занятия подвергалась постоянным реорганизациям. В 1828 году в МИДе три секретные экспедиции – шифровальная, дешифровальная и газетная (служба перлюстрации) – были объединены в

⁷⁵⁹ АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел [далее – ДЛСиХД]. Оп. 481. Д. 293. Л. 20 об.

⁷⁶⁰ *Севастьянов Ф.Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением: От тайного сыска – к политическому розыску. СПб.: МИЭП, 2008. С. 65–66.

⁷⁶¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 109 об.

⁷⁶² РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 244. Л. 18–21.

Департамент внешних сношений. В 1833 году «цифирная часть» была разделена на три экспедиции. По «Высочайшему докладу» 30 апреля 1838 года они были реорганизованы в две экспедиции: первая – «для сочинения ключей», вторая – «для их разбора». Председателем цифирной части и одновременно управляющим второй экспедицией был тайный советник Х.А. Бек. В экспедиции трудились четыре чиновника⁷⁶³.

В 1846 году секретные службы в МИДе получили название Особой канцелярии, а ее управление непосредственно подчинялось министру иностранных дел. В 1852 году действительный статский советник барон Г.Е. Дризен подал докладную записку о соединении двух экспедиций. В результате он был назначен управляющим обеими экспедициями, сначала на временной, а с 1 декабря 1856 года – на постоянной основе. 21 апреля 1862 года было принято Положение о цифирной части. Цифирная часть вновь была разделена на две экспедиции. Первая состояла из бывших двух цифирных и занималась составлением ключей. Второй поручались перлюстрация и дешифровка дипломатической корреспонденции. Для ведения работы в дешифровальном отделении и руководства им были учреждены должности старшего и младших чиновников⁷⁶⁴.

По докладу министра иностранных дел Н.К. Гирса 1 ноября 1886 года Александр III утвердил новое Положение о цифирной части. Были расширены штаты: к трем чиновникам добавили еще двух. Увеличено было и поощрение чиновников – «с целью удержания их как можно долее при их специальных занятиях и вознаграждения за малую подвижность их служебной карьеры»⁷⁶⁵.

В 1907 году в МИДе была учреждена комиссия по реорганизации министерства под председательством товарища министра, тайного советника К.А. Губастова. Управляющий первой экспедицией действительный статский советник барон К.Ф. Таубе 24 мая 1907 года предложил сосредоточить цифирную деятельность в одном подразделении. В ответ старший чиновник А.А. Долматов, руководитель второй экспедиции, представил докладную записку от 28 июня, в которой категорически возражал против соединения всех отделений, имеющих дело с шифрами, в одно. Он патетически заявлял, что «отделение старшего чиновника, благодаря духу соревнования, материальным выгодам и отсутствию рутин, продолжает самостоятельно и успешно работать, несмотря на чрезвычайные затруднения», в то время как первая экспедиция «живет трудами посторонних лиц», ее цель – изготовление шифров и с политикой ничего общего не имеет. Вопрос обсуждался на заседании подкомиссии 27 июля 1907 года, и проект Таубе вызвал ряд возражений. В свою очередь, барон Таубе направил 19 сентября новую докладную Губастову, доказывая, что объединение будет хорошо для всех цифирных отделений – ведь важно знать все части шифровального дела. Он предлагал иметь три экспедиции: первую – для изготовления шифров, вторую – для дешифровки иностранных дипломатических кодов и третью – для шифрования и дешифрования всех текущих бумаг. Одновременно Таубе и Долматов были едины в своем пожелании увеличить штаты первой экспедиции и повысить оклады ее чиновникам⁷⁶⁶. В результате второе отделение (оно же – вторая экспедиция) сохранило свою самостоятельность, продолжая заниматься дешифрованием дипломатических кодов.

В 1914 году в МИДе были созданы первый политический отдел и канцелярия министра. При отделе имелись цифирное отделение, занимавшееся созданием кодов, которое про-

⁷⁶³ Рыбаченок И. Такие разные ключи: Шифровальная экспедиция МИД // Родина. 2003. № 9. С. 54.

⁷⁶⁴ Басенко Ю.В., Волкова О.Ю. Министерство иностранных дел России в 1802–1899 годах // Дипломатический вестник. 2001. № 4; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1862–1863 год. Ч. I. СПб., 1863. С. 260.

⁷⁶⁵ Басенко Ю.В., Волкова О.Ю. Министерство иностранных дел России в 1802–1899 годах.

⁷⁶⁶ АВПРИ. Ф. ДЛСиХД. Оп. 481. Д. 293. Л. 1–3, 6 об., 8, 18, 19–20, 35–38 об.

должал возглавлять К.Ф. Таубе, и отделение старшего чиновника А.А. Долматова, ведавшее дешифровкой⁷⁶⁷.

Таким образом, с начала XIX века официальные послания иностранных дипломатов проходили через «черный кабинет» Санкт-Петербургского почтамта, а затем поступали в российское Министерство иностранных дел. Телеграфными шифрованными донесениями занимались в дешифровальном отделении МИДа России. В архиве сохранились выписки из корреспонденции выдающихся иностранных дипломатов того времени: из переписки канцлера Австрии в 1809–1848 годах князя К. фон Меттерниха с послами в России, министра иностранных дел Франции в 1840–1848 годах Ф. Гизо с Огюстом Казимиром-Перье, австрийского дипломата графа К.#Л. Фикельмона, английского министра иностранных дел Г. Пальмерстона и т. д. Только за 1841 год было перлюстрировано 310 писем⁷⁶⁸.

Одновременно с 1815 года была налажена перлюстрация дипломатической почты в русской почтовой конторе в Бухаресте. Этим весьма усердно занимался почтмейстер И.П. Яковенко. Здесь прежде всего снимались копии с переписки молдавского господаря, сербского князя, английского и французского консулов. При этом Яковенко направлял перлюстрацию как своему непосредственному начальнику, главноуправляющему Почтовым департаментом князю А.Н. Голицыну, так и канцлеру К.В. Нессельроде. Игнатий Павлович не просто занимался перлюстрацией, но позволял себе проявлять разнообразную инициативу. Например, в январе 1838 года в связи со сведениями, что «князь Милош [Обренович] склоняется к внушениям иностранных агентов» и «уверен в неизбежности войны Англии, Франции, Австрии против России», почтмейстер советовал канцлеру отправить в Сербию российского консула. Последний мог бы «смотря по обстоятельствам, приводить иногда князя сего в чувства здравого рассудка» или же «дать уже тогда свободу преданным к нам сербам принять самые меры решительные».

И все же в большей степени инициативность И.П. Яковенко касалась дела перлюстрации. В феврале 1839 года, посылая Нессельроде копию с письма французского консула Дюкло, назначенного в Сербию, Яковенко сопроводил ее собственным советом. По его мнению, российский консул в Сербии мог бы предложить французу «со всею должною осторожностью свое для пересылки бумаг его посредство» – это позволило бы гораздо успешнее осуществлять вскрытие писем. В марте неутомимый почтмейстер сообщал Нессельроде, что французский посланник в Константинополе требует от французского генерального консула в Бухаресте писать шифрами. В связи с этим Яковенко «на всякий случай снял копию» и просил указания «надо ли далее доставлять шифрованные копии или сей труд будет излишним?»

Игнатий Павлович не скрывал и неудач. В том же месяце он извещал, что партикулярное (частное) письмо английского посланника английскому консулу было написано «по# английски так дурно, что никак нельзя было прочитать оное и не предстояло возможности списать с него и копию потому, что надобно было непременно отослать поскорее для избежания всякого подозрения». 6 апреля 1839 года Яковенко докладывал, что не смог прочесть письмо поверенного в делах молдавского господаря при «Порте Оттоманской» – «за неимением помощника, знающего греческий язык». С этим была связана и просьба прислать из Петербурга или Одессы «одного верного и испытанного в скромности помощника, знающего языки: новый греческий, французский и, если можно, и английский», поскольку «одному мне никак невозможно успевать производить и [почтовую] операцию, и списывать копии». Кроме этого, Игнатий Павлович просил у канцлера деньги «на два стола, два шкафа с секретными задвижками для всякого здесь за границую случая и на другие расходы, которые

⁷⁶⁷ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1915 год. Ч. I. С. 1219.

⁷⁶⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 147. 1841 г. Л. 2–180.

производил я до сего времени по одному моему усердию из собственного недостаточного моего жалованья». Он также предупреждал Нессельроде, что письма к нему будет теперь адресовать «под кувертом Санкт-Петербургского почт-директора, чтобы и в управляемой мною почтовой конторе не была приметна переписка моя с Вашим Сиятельством»⁷⁶⁹.

В начале 1836 года встал вопрос об открытии перлюстрационного пункта в Одессе. Одновременно Яковенко из Бухареста донес, что заметил «особое внимание [дипломатических] агентов Англии и Франции к своей переписке». Он предлагал установить наблюдение за перепиской «сих лиц и ряда бояр», а «в особенности за перепискою Господаря». Также он просил, чтобы российский генеральный консул выделил ему в помощь чиновника, знающего язык. А.Н. Голицын обсудил эти предложения с вице-канцлером К.В. Нессельроде. Последний отметил, что «переписка тех агентов» идет через австрийские почтовые конторы, что «задержки в раздаче писем и пакетов вызовут подозрения у обывателей» и они начнут «пересылку писем другим способом». Поэтому вице-канцлер предложил организовать перлюстрацию при российской почтовой конторе в Константинополе. Заметим, что между Одессой и Константинополем существовало регулярное пароходное сообщение и 30 июня 1831 года были утверждены правила перевозки почтовой корреспонденции между этими городами.

8 марта данная ситуация обсуждалась во время всеподданнейшего доклада. А.Н. Голицын доложил государю, что в секретной экспедиции Петербургского почтамта нет свободных чиновников для перлюстрационного пункта в Одессе, и сообщил о предложении К.В. Нессельроде. Также он представил справку о том, что константинопольская контора отправляет корреспонденцию лишь в Молдавию, Валахию и Россию, а письма в европейские государства отдаются австрийской почте. Кроме этого, он указал, что российский посланник в Османской империи А.П. Бутенев в письме Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору М.С. Воронцову от 20 мая 1835 года обращал внимание на следующее: «командировка почтового чиновника в Константинополь для присутствия при отправлении и получении писем представляет некоторые неудобства», поскольку там почти постоянно свирепствует чума и невозможно принимать необходимые предосторожности.

В свою очередь, Голицын, поддержав предложение Нессельроде, рекомендовал: обойтись без учреждения перлюстрации в Одессе; наблюдать переписку одесских консулов в Радзивилове, куда командировать чиновника со знанием английского и итальянского языков; производить прием и раздачу корреспонденции в константинопольской почтовой конторе, направив в Константинополь одного чиновника. Николай I дал на все это «высочайшее согласие»⁷⁷⁰. В Константинополь был направлен коллежский регистратор А.Ф. Маснер, специалист перлюстрации во втором поколении, «знающий весьма хорошо производство сего дела». Чтобы исключить «всякое стороннее любопытство», была осуществлена «операция прикрытия»: Маснера уволили из Почтового департамента, причислили к Азиатскому департаменту МИДа и направили в Константинополь⁷⁷¹. Одновременно А.П. Бутеневу была направлена обширная инструкция, предлагавшая русскому дипломату «блюсти за перепискою, приходящею в почтовую вверенной Вам миссии экспедицию и отходящею чрез оную в Молдавию, Валахию и Одессу».

Министр иностранных дел К.В. Нессельроде рассчитывал в результате на ознакомление с перепиской турецких сановников, сотрудников иностранных миссий, польских эмигрантов и всех других потенциально враждебных Российской империи лиц. При этом рус-

⁷⁶⁹ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 233. Д. 1. Ч. I. Л. 22–23, 46–47, 64, 65, 67–67 об., 90–90 об.

⁷⁷⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 238. Л. 95–106; ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 6. № 4680.

⁷⁷¹ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 233. Д. 3. Л. 2–4 об. А.Ф. Маснер, который всю жизнь занимался перлюстрацией, был официально возвращен в почтовое ведомство с 4 апреля 1863 года – см.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 251.

скому послу отводилась важная роль: по инструкции он должен был в реестре всех писем отмечать подлежащие вскрытию, затем, просмотрев их, указывать Маснеру, «с которых необходимо снять копии или сделать выписки». В ответ Бутенев выдвинул серьезные возражения. Он напомнил, что миссия на срок от шести до восьми месяцев покидает Стамбул, переезжая из Пера (Бейоглу) в район резиденции султана Бююк-Дере (Бююкдере), и быстрая связь с почтовой конторой в данный период будет невозможна. А кроме того, на эти занятия нет времени ни у него, ни у его чиновников. В итоге из Петербурга поступило уточнение ограничиться надзором за корреспонденцией главным образом иностранных посольств, в особенности – за перепиской посольств французского и английского с их агентами в Одессе или княжествах Валахии и Молдавии.

Через год А.П. Бутенев вновь доложил директору Азиатского департамента К.К. Родфиникину, что опыт перлюстрации на протяжении четырех месяцев подтвердил: «...нигде не оказалось ни политических, ни каких-либо других суждений особой важности». Тем не менее А.Ф. Маснер оставался в Константинополе до начала Крымской войны в 1853 году⁷⁷².

Таким образом, на протяжении десятилетий сохранялось ведомственное и персональное сотрудничество Особой канцелярии МИДа с «черными кабинетами» Главного управления почт и телеграфов, а также с чиновниками III Отделения, а затем Департамента полиции. Занимавшиеся перлюстрацией чиновники цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте П.Х. Витте, М.М. Михайлов, Ф.Ю. Ульрихс, Э.К. Цирлейн, А.О. Чиколени одновременно многие годы служили секретарями и переводчиками в Министерстве иностранных дел⁷⁷³. Руководители Министерства внутренних дел в начале XX века регулярно направляли министру иностранных дел с пометкой «совершенно доверительно» расшифрованные телеграммы или добытые агентурным путем копии писем и донесений иностранных дипломатов. 2 июня 1905 года начальнику Главного морского штаба А.А. Вирениусу из ДП отправили переводы двух писем морского атташе Великобритании в Петербурге капитана Кальтропа. 8 июня директору ДП С.Г. Коваленскому представили переводы писем британского посла Ч. Гардинга и секретаря британского посольства. Копия первого письма была доложена государю, а обе копии – министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу. В дальнейшем Николаю II представлялись донесения британского посла по поводу потопления английского парохода русскими крейсерами в июне 1905 года, о беспорядках в Лодзи и Киеве; выписка из частного письма британского посла от 7 июля и т. д.⁷⁷⁴ 26 октября 1905 года в МИД были направлены копии шести телеграмм из американского посольства, трех – из китайского, два донесения из греческого посольства и одно – из румынского⁷⁷⁵.

В ноябре 1904 года из Департамента полиции во второе отделение поступили три японских кода, добытые в Париже агентами ДП. По этому поводу 24 ноября старший чиновник В.В. Сабанин писал товарищу министра князю В.С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому:

Что же касается части фотографированного шифрованного ключа, то находящиеся в распоряжении экспедиции листки представляют собой не подлинные фотографические оттиски части японского ключа, присланные из Парижа Департаменту полиции, но сделанные, по распоряжению А.А. Лопухина, для экспедиции фотографические копии. Копии эти крайне нам

⁷⁷² АВПРИ. Ф. 161. Оп. 233. Д. 3. Л. 1–2, 5–10, 12–16а, 26, 38–40, 101.

⁷⁷³ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Р.Х. 1828. Ч. I. СПб., 1828. С. 354–355; Месяцеслов... на 1835. Ч. I. СПб., 1835. С. 625; Месяцеслов... на 1840. Ч. I. СПб., 1840. С. 400, 692–693; Адрес-календарь. Общий штат Российской империи. 1850. Ч. I. СПб., 1850. С. 95–96, 176; Там же. 1860–1861 год. Ч. I. СПб., 1861. С. 273, 274.

⁷⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 4. Л. 1, 9, 16, 39, 53, 65.

⁷⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 123. Л. 1–2 об., 8–10 и др.

необходимы. <...> при помощи одних этих листков разбор соответствующих телеграмм невозможен, ибо на них помещено лишь 20 700 знаков из числа 100 000, составляющих ключ.

Далее Сабанин просил обратиться в ДП с просьбой прислать остальную обещанную часть японского ключа⁷⁷⁶.

В отчете за 1907 год старший чиновник А.А. Долматов сообщал о сотрудничестве с сухопутным и морским генеральными штабами: «...нам доставляются случайно добытые дипломатические депеши разного рода, из которых многие оказались весьма интересными и полезными. Те из этих депеш, разбор которых удастся, в русском переводе возвращаются агенту Генерального Морского штаба г. [В.И.] Кривошу, который доставляет нам оригиналы»⁷⁷⁷.

Нередко российские послы, добывавшие ту или иную дипломатическую переписку, обращались во второе отделение Особой канцелярии с просьбой об их расшифровке. Так, российский посол в Турции И.А. Зиновьев писал 30 ноября 1901 года управляющему МИДа В.Н. Ламздорфу: «Нахожу необходимым приобретать по временам копии как с отправляемых [германским] посольством... в Берлин, так и с получаемых оттуда... телеграмм». К письму были приложены две серии телеграмм и высказывалась просьба сообщить их содержание. Через две недели от Зиновьева поступили две новые серии германских телеграмм⁷⁷⁸.

Вообще с развитием технических средств связи расшифровка посланий, передававшихся по телеграфу, приобретала все большее значение. Во всеподданнейшем докладе А.М. Горчакова 29 октября 1856 года отмечалось, что распространение телеграфного сообщения «дает обширное поприще деятельности цифирных экспедиций и уже теперь удесятыв их работу, может дойти впоследствии до чрезвычайных, еще невообразимых размеров»⁷⁷⁹. Это создавало новые проблемы и трудности – см. таблицу 5.

Таблица 5

Показатели деятельности второго отделения за 1873–1902 годы⁷⁸⁰

	1873–1882 годы	1883–1892 годы	1893–1902 годы
Количество входящих телеграмм	21 107	39 524	65 450
Количество разобранных телеграмм	8062	12 431	23 643
Процент разобранных телеграмм	38	31	36
Среднее число служащих	3,3	4	5,7
Среднее число разобранных телеграмм на одного служащего	2442	3107	4146

Из таблицы видно, что при росте индивидуальной нагрузки на одного сотрудника две трети телеграмм оставались непроцезенными – следствие извечной войны между создателями новых кодов и дешифровщиками.

Для успешной работы дешифровщикам в первую очередь необходимо было иметь как можно больше материала, т. е. депеш, зашифрованных данным ключом. В.В. Сабанин 5 января 1905 года докладывал товарищу министра В.С. Оболенскому: «...разбор французских телеграмм действительно встретил большие затруднения. Над преодолением их работает ныне А.А. Долматов, которому передается соответствующий шифрованный материал

⁷⁷⁶ АВПРИ. Ф. 107. Оп. 470. Д. 107. Л. 279.

⁷⁷⁷ Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 30 об. О В.И. Кривоше см.: *Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе. М., 2007.

⁷⁷⁸ АВПРИ. Ф. 107. Оп. 470. Д. 107. Л. 197, 200–200 об.

⁷⁷⁹ Там же. Ф. ДЛСиХД. Оп. 481. Д. 293. Л. 18 об.

⁷⁸⁰ *Рыбаченок И.* Такие разные ключи. С. 56.

и коммуникации»⁷⁸¹. Шифрованные телеграммы поступали в отделение МИДа с телеграфа. В этой связи показательна записка В.В. Сабанина директору канцелярии МИДа А.А. Савинскому от 10 мая 1905 года:

Доставка английских телеграмм из Тегерана крайне желательна. Мы прежде ежедневно получали их через Одессу и имели таким образом всю переписку С [ент] Жемского кабинета [Сент-Джемский кабинет – обозначение английского правительства, происходящее от названия дворца Св. Джемса (Джеймса), резиденции английских королей в 1698–1809 годах] между Лондоном и Тегераном. Телеграммы эти имели для нас большое значение... и по своей технике, так как Лондон употреблял для Тегерана те же ключи, как и для Петербурга. <...> С 1903 года эти телеграммы больше не доставляются.

Почти через год, 4 января 1906 года, последовал официальный рапорт В.В. Сабанина по тому же адресу. Старший чиновник докладывал, что

[С] 5/18 мая 1905 г. прекратилась доставка телеграфной переписки между великобританским послом в Константинополе и Лондонским кабинетом... Отсутствие этого материала значительно затруднило разбор английских ключей. МИД Великобритании ныне [использует] систему введения новых ключей по сериям. Сила сопротивления каждого из этих ключей в отдельности постепенно увеличивается... Возможно полное прекращение разбора английских ключей. <...> утратили доставлявшуюся из Одессы телеграфную переписку [между] английской миссией в Тегеране и лондонским кабинетом, между индийским вице-королем и статс-секретарем по делам Индии.

В результате 18 января 1906 года в Главное управление почт и телеграфов было направлено письмо с просьбой о присылке копий телеграфных сообщений, проходящих через Одессу⁷⁸².

Судя по донесениям старшего чиновника А.А. Долматова, к 1908 году удалось справиться с английским шифром дипломатической переписки Лондона с Константинополем и Тегераном. Заслуга в этом принадлежала прежде всего К.В. Циглеру. В течение 1908 года было расшифровано 180 телеграмм, включавших переписку между Э. Греем (министр иностранных дел Великобритании), О'Конором (статс-секретарь английского МИДа) и английскими послами в Турции и Персии⁷⁸³.

Та же самая проблема – большого количества телеграмм для расшифровки, только уже относительно турецкого и японского шифров, обсуждалась в 1911 году. Русский посол в Турции Н.В. Чарыков 29 марта сообщил товарищу министра А.А. Нератову о возможности получения в Стамбуле некоторых подлинных шифрованных телеграмм военного министра и великого визиря. К донесению он приложил четыре телеграммы на турецком языке, прося в случае расшифровки сообщить об их содержании, «чтобы судить о политическом значении нового источника». Через несколько дней от него поступило еще пять телеграмм. А.А. Долматов 8 апреля информировал Нератова, что присланные четыре телеграммы набраны различными ключами, «по#видимому по системе прежних известных нам ключей, но требуется много материала».

---

⁷⁸¹ АВПРИ. Ф. 107. Оп. 470. Д. 107. Л. 291.

⁷⁸² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 2–2 об., 4; Ф. 107. Оп. 470. Д. 107. Л. 293–293 об.

⁷⁸³ Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 6–24, 29. (Подсчет мой.)

Относительно японских телеграмм Долматов докладывал о расшифровке содержания «насколько это возможно, ввиду того, что при новизне шифра специальные вопросы не поддаются пока расшифрованию». В результате из МИДа было направлено отношение начальнику Управления городских телеграфов в Санкт-Петербурге А.И. Коузову с указанием, что доставляемые Долматову копии шифрованных телеграмм иностранных государств нередко содержат большое количество ошибок. Особые претензии предъявлялись 28-му отделению связи, сотрудники которого часто пропускали телеграммы без снятия копий и допускали много ошибок. В ответ руководство телеграфа сообщило, что дано распоряжение «об аккуратном и правильном доставлении шифрованных телеграмм старшему чиновнику Долматову». Одновременно было указано, что телеграммы японского посла в России идут в Токио через Иркутск и Владивосток⁷⁸⁴.

В целом же, судя по отчету А.А. Долматова за 1912 год, на расшифровку иностранных дипломатических ключей требовалось примерно от полугода до двух с половиной лет. Были, конечно, и исключения. Например, французский ключ номер 205 находился в употреблении с 16 декабря 1909 года, но к 1913 году еще не был раскрыт российскими дешифровщиками⁷⁸⁵.

В такой ситуации особое значение имел, безусловно, подбор кадров. Число дешифровщиков было, как отмечалось выше, весьма невелико. Они должны были обладать уникальными дарованиями, иметь способность многие часы напряженно работать и уметь хранить доверенные им тайны. Например, летом 1891 года готовилось важное соглашение между Россией и Францией. Оно означало резкий поворот во внешней политике России от многолетней ориентации на союз с Германией и стало первым шагом на пути к созданию Антанты. Секретность данного маневра была настолько высока, что Александр III просил министра Н.К. Гирса скрыть информацию о будущем соглашении даже от товарища министра Н.П. Шишкина, управлявшего министерством в отсутствие самого министра. Государь также приказал, чтобы «только один старший перлюстратор г. [К.А.] Битепаж был допущен к расшифровке французских телеграмм, касающихся этих переговоров»⁷⁸⁶.

Руководитель дешифровального отделения до ноября 1888 года тайный советник Л.П. Иессен, занимавшийся этой работой с 1863 года, писал в январе 1883-го, что обязательной чертой криптографа является «в эпохи критические... непрестанная напряженность всех умственных сил и способностей, усидчивость вполне антигигиеническая, денно и ночью». И далее вспоминал эпизод из собственной биографии в период франко-прусской войны 1870 года, когда он «с Иванова дня [24 июня] по ноябрь месяц работал... без исключения одного дня, по 14 часов в сутки», что «не преминуло ускорить во мне проявление признаков поколебленного здоровья»⁷⁸⁷. Аналогичную мысль – что «о пользе, приносимой нашим делом, надо судить... по годам критическим, как минувший отчетный год [1912] ... или как 1908/09» – высказывал в отчете за 1912 год старший чиновник А.А. Долматов⁷⁸⁸.

Поэтому каждый принимаемый на службу давал особую подписку:

...я, нижеподписавшийся, по случаю допущения моего к занятиям по Цифирной экспедиции Министерства иностранных дел, дал сию подписку в том, что я сим торжественно обязуюсь предмет занятий оной экспедиции никогда никому не разглашать, и всякие вверенные мне начальством сведения, почитая их за Государственные тайны, крепко хранить, и вся

⁷⁸⁴ Там же. Д. 65. Л. 16–16 об., 17, 18, 23, 33, 37.

⁷⁸⁵ Там же. Ф. ДЛСиХД. Оп. 481. Д. 369. Л. 6–7.

⁷⁸⁶ Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.: Academia, 1934. С. 172. Действительный статский советник К.А. Битепаж руководил отделением перлюстрации в 1889–1892 годах.

⁷⁸⁷ АВПРИ. Ф. ДЛСиХД. Оп. 481. Д. 3. Л. 20.

⁷⁸⁸ Там же. Д. 369. Л. 4 об.

строгость законов да падет на меня как на Государственного изменника, если я обещание сие нарушу⁷⁸⁹.

Этот текст впоследствии, видимо в первое десятилетие XX века, был несколько изменен, но суть его осталась прежней⁷⁹⁰.

Такая работа требовала, безусловно, видимых материальных льгот. В Положении о цифирной части от 30 апреля 1838 года вторая экспедиция имела преимущества, так как служба в ней «сопряжена с большею трудностью». Если оклады жалованья чиновникам первой экспедиции составляли 2 тыс. руб. в год, то чиновникам второй экспедиции – 2500 руб. в год; помощникам управляющих первой экспедицией – 3 тыс. руб., а помощникам управляющих второй экспедицией – 5 тыс. руб. Было постановлено обеспечить чиновников казенными квартирами, хотя в действительности, кроме управляющих экспедициями и их помощников, никто квартир не получал.

Новое Положение было утверждено 21 апреля 1862 года, но по докладу А.М. Горчакова от 4 ноября 1867 года в него были внесены дополнения и изменения. Обязанностью старшего и младшего чиновников при канцелярии МИДа, руководивших вторым отделением, являлся «разбор депеш и других бумаг, писанных секретным ключом, открытие которого составляет главнейшую их задачу». Людям, занимавшим эти должности, следовало быть специалистами в данном вопросе. Положение подчеркивало, что, поскольку «работа эта требует совершенно особых способностей, <...> никто не может быть окончательно утвержден в должности старшего и младшего чиновников... не доказав положительно своих способностей к этого рода занятиям... открытием лично полного иностранного ключа»⁷⁹¹.

В материальном отношении за каждые пять лет службы им полагалась прибавка 100 руб. в год до истечения двадцати лет. За каждые последующие пять лет службы выдавался единовременно годовой оклад жалованья с прибавками. За каждый вновь открытый ключ иностранной державы чиновник получал вознаграждение, определяемое Цифирным комитетом. Должность старшего чиновника была отнесена ко второму разряду Пенсионного устава: за тридцать пять лет службы – 857 руб. 70 коп. в год, за двадцать пять – 571 руб. 80 коп. Должность младшего чиновника (помощника старшего) была отнесена к третьему разряду первой степени: за тридцать пять лет службы – 571 руб. 80 коп. в год, за двадцать пять – 381 руб. 20 коп. Должность младшего чиновника второй степени – к третьему разряду второй степени: за тридцать пять лет службы – 428 руб. 85 коп. в год, за двадцать пять – 285 руб. 90 коп. Тем же, кто прослужил в этих должностях более двадцати лет, в пенсию включалось все получаемое ими содержание с пятилетними прибавками. Если они занимали эти должности менее двадцати лет, то каждые четыре года в должностях старшего и младшего чиновников засчитывались за семь лет общей гражданской службы и усилением пенсии заслуженными пятилетними прибавками.

Относительно жилищного вопроса шестой пункт Положения гласил: «Принимая во внимание, что занятия старшего и младших чиновников... требуют уединения и совершенного отвлечения от посторонних влияний, им назначаются квартиры в здании Министерства и, по возможности, всем в одном и том же доме»⁷⁹².

Кроме этого, за каждый отдельно разобранный дипломатический шифр полагалось вознаграждение, которое в 1860–1880-е годы составляло от 200 до 800 руб. Сумму вознаграждения

⁷⁸⁹ Там же. Д. 45. Л. 1.

⁷⁹⁰ Там же. Д. 369. Л. 1.

⁷⁹¹ Там же. Д. 3. Л. 27–27 об.

⁷⁹² АВПРИ. Ф. ДЛСнХД. Оп. 481. Д. 3. Л. 28–29 об.

граждения определял секретный Цифирный комитет, куда выполненная работа представлялась во всех подробностях⁷⁹³.

Через двадцать лет, в 1886 году, началось обсуждение нового положения о цифирной части. Старший чиновник Л.П. Иессен предлагал установить для младших чиновников пятилетнюю прибавку в 20 % от жалованья, мотивируя это тем, что «через 15 или 20 лет деньги еще удешевятся, а жизнь неминуемо настолько же вздорожает». Он также подверг критике предложение решать вопрос о размере вознаграждения за разбор иностранного шифра, исходя из его важности в данный момент. Иессен напомнил, что когда его предшественник, барон Г.Е. Дризен, представил на вознаграждение португальский шифр, то встал вопрос о бесполезных шифрах. Но в конечном счете, «несмотря на скупость покойного канцлера [А.М. Горчакова] на трату казенных денег», пришли к выводу, что «не полезность шифра, а трудность разбора его должна служить мерилom вознаграждения», ибо «на этой системе постоянных поощрений зиждется успех сего многотрудного дела»⁷⁹⁴. В результате 1 ноября 1886 года Александр III утвердил новое Положение о цифирной части МИДа. В нем предусматривалась доплата старшему, младшим чиновникам и помощникам младших чиновников за каждые пять лет в означенных должностях 15 % штатного оклада, «присвоенного должности, которую они занимают в день выслуги этой надбавки»⁷⁹⁵.

Каков мог быть единовременный годовой оклад с пятилетними прибавками, видно в случае со старшим чиновником Л.П. Иессеном. Он умер 6 ноября 1888 года, прослужив к 23 августа 1888 года двадцать пять лет, и должен был получить в качестве вознаграждения 4400 руб. По всеподданнейшему докладу министра иностранных дел Н.К. Гирса 23 ноября 1888 года император дал согласие на выдачу этой суммы вдове⁷⁹⁶. Можно также указать, что по смете на 1907 год оклад вице-директоров канцелярии МИДа, Первого и Второго департаментов, Департамента личного состава и хозяйственных дел составлял 5 тыс. руб. в год, а старшего чиновника при канцелярии – 4 тыс. и 1500 руб. добавочных⁷⁹⁷. Вместе с тем в начале XX века обострилась проблема «причисленных к занятиям по цифирной части». С ростом объемов дешифровки число таких сотрудников составляло от двух до трех человек. Их жалованье было гораздо меньше, иногда им подолгу приходилось ждать штатного места, они не имели прав на пенсию. Например, К.В. Циглер был допущен к секретным занятиям с 16 ноября 1895 года. Испытательный срок закончился через месяц. С 13 января 1896 года ему было установлено жалованье 50 руб. в месяц. 22 августа того же года его назначили младшим чиновником при канцелярии и с 31 июля установили жалованье 125 руб. в месяц⁷⁹⁸.

Вообще, как правило, чиновники второго отделения служили по многу лет. В 1820 – 1830#е годы среди криптографов выделялся знаменитый ученый, изобретатель электромагнитного телеграфа барон П.Л. Шиллинг фон Канштадт, член-корреспондент Академии наук с 1828 года. С 1817 года он заведовал цифирной частью, а в 1835 году был назначен старшим советником по Департаменту внешних сношений и состоял при «третьей особой экспедиции»⁷⁹⁹. В 1830 – 1910#е годы в дешифровальном отделении трудились, в частности, Х.А. Бек (1831–1853), К.А. Битепаж (15 января 1877#го – 1892 год), И.В. Бланкенгаген (1830–?), А.В. Быков (1837–1839), В.А. Велецкий (1860–1864), В.Е. Гепель (1860–1889), А.А. Долматов (7 января 1887#го – 1917 год), барон Г.Е. Дризен (1835–1862), Л.П. Иессен (23 августа

⁷⁹³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 560.

⁷⁹⁴ АВПРИ. Ф. ДЛСнХД. Оп. 481. Д. 3. Л. 13 об. – 14, 17–18.

⁷⁹⁵ Там же. Л. 2.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 1.

⁷⁹⁷ Там же. Д. 293. Л. 37.

⁷⁹⁸ Там же. Д. 23. Л. 96–97, 108; Д. 345. Л. 9.

⁷⁹⁹ Месяцеслов... на 1835. Ч. I. СПб., 1835. С. XXIII. Прибавление; Месяцеслов... на 1836. Ч. I. СПб., 1836. С. 395.

1863#го – 6 ноября 1888 года), К.А. Кавос (1864–1883), С.В. Литвин (20 сентября 1905 года –?), А.Е. Ловягин, Г.Н. Мандельштам (10 июня 1893 года –?), Е.Ф. Маттей (16 ноября 1895 года –?), Е.К. Напьерский (1 февраля 1895#го – 1917 год), М.Н. Рамминг (22 марта 1913 года –?), А.А. Реландер (1860–1866), Я.И. Рут (1853–1864), В.В. Сабанин (1 декабря 1885 года –?), А.О. Струве (10 августа 1907 года –?), Э.К. Феттерлейн (3 мая 1897#го – 1917 год), К.В. Циглер (16 ноября 1895#го – 1917 год)⁸⁰⁰.

Должность руководителя дешифровальной службы (начальника второй экспедиции, официально – старшего чиновника при канцелярии МИДа) занимали А.И. Градер (1804–?), П.Л. Шиллинг фон Канштадт (1817–1835), И.В. Бланкенгаген (1836–?), Х.А. Бек (?–1853), барон Г.Е. Дризен (1853–1862), Я.И. Рут (1862–1864), Л.П. Иессен (1864 год – 6 ноября 1888#го), К.А. Битепаж (1889–1892), В.В. Сабанин (1 июня 1893#го – май 1907 года), А.А. Долматов (2 июня 1907#го – 1917 год). После смерти Л.П. Иессена в ноябре 1888 года должность старшего чиновника при канцелярии МИДа несколько лет была вакантной⁸⁰¹.

Как можно судить по документам, атмосфера в маленьком чиновничьем коллективе была достаточно ровной. Но все же иногда возникали конфликты. Например, в 1903 году испортились отношения между старшим чиновником В.В. Сабаниным и младшим чиновником А.А. Долматовым. Сабанин 8 марта обратился к начальнику канцелярии министерства А.С. Волкову с предложением назначить Долматова на одну из консульских вакансий. Тот якобы «давно уже ходатайствует о назначении за границу» и при этом отличается низкой работоспособностью – «за последние четыре года расшифровал только 391 телеграмму». (В действительности за 1899–1902 годы В.В. Сабанин расшифровал 3175 телеграмм, Е.К. Напьерский – 2164, Е.Ф. Маттей – 1594, Э.К. Феттерлейн – 1195, К.В. Циглер – 784.) Вывод Сабанина был таков: уход Долматова «не только бы не нарушил правильного строя... работы, но наоборот устранил бы довольно серьезные ненормальные стороны настоящего положения вещей в экспедиции»⁸⁰². Однако начальство этого предложения не поддержало. Сабанину и Долматову пришлось работать вместе до июня 1907 года, когда последний возглавил отделение⁸⁰³. Надо также отметить, что для чиновников цифирной экспедиции, как и в цензуре иностранных газет и журналов, должности не имели классности. Поэтому младший чиновник мог иметь чин статского советника⁸⁰⁴.

Работа дешифровальщиков дипломатической почты являлась постоянным соревнованием с криптографическими службами крупнейших европейских, азиатских и американских государств, и успех доставался попеременно то одной, то другой стороне. Например, действительный статский советник К.А. Битепаж 28 августа 1892 года представил Цифирному комитету семь работ своего отделения: генеральный шифр правительства Великобритании для сношений с посольствами в Санкт-Петербурге, Тегеране и Константинополе, действовавший с 8 (20) декабря 1890 года; сербский шифр для связи правительства в Белграде с

⁸⁰⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 107. Л. 241; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1831–1849 гг. Ч. I. СПб., 1831–1849; Адрес-календарь. Общий штат Российской империи на 1850–1916 гг. Ч. I. СПб., 1850–1916. Ловягин Александр Евграфович, последнее место службы – генеральный консул в Христиании (Осло) с 1909 года.

⁸⁰¹ АВПРИ. Ф. 107. Оп. 470. Д. 107. Л. 253; Ф. 133. Оп. 470. Д. 65. Л. 47; Д. 70. Л. 29 об.; Ф. ДЛСиХД. Оп. 481. Д. 3. Л. 3; Д. 23. Л. 7, 10, 14, 25–25 об., 39, 43–43 об., 61, 87, 96–96 об., 105; Месяцеслов и общий штат Российской империи. Ч. I; Адрес-календарь. Общий штат Российской империи на 1850–1916 гг. Ч. I.

⁸⁰² АВПРИ. Ф. 107. Оп. 470. Д. 107. Л. 242, 243.

⁸⁰³ В 1913 году А.А. Долматов пережил тяжелую семейную трагедию. Его сын, А.А. Долматов, окончивший Училище правоведения и служивший с декабря 1911 года в МИДе, стал азартным игроком. В конце 1912 года Долматов-младший был уволен из министерства. 6 февраля 1913 года он был арестован за убийство госпожи М.Л. Тиме, которое совершил 12 января из корыстных побуждений вместе с другом, бароном В.В. фон Геймаром. Похитили они при этом золотое кольцо с бриллиантом и рубином. В результате Долматов-младший был приговорен к семнадцати годам каторги (Русская молва. 1913. 25 мая. С. 4; 26 мая. С. 6; 28 мая. С. 4; 29 мая. С. 4; 31 мая. С. 4).

⁸⁰⁴ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1890 г. Ч. I–II. СПб., 1890. С. 256.

сербской миссией в Санкт-Петербурге, действовавший со 2 (14) июня 1889 года; французский генеральный шифр, которым с 18 (30) мая 1883 года четыре года пользовались Военное и Морское министерства в сообщениях с экспедицией адмирала Курбе в Китай; три немецких генеральных шифра для переписки правительства Германии с посольствами в Санкт-Петербурге и Константинополе, а также с консулами в России (черный шифр был в употреблении с 3 (15) апреля 1889 года, красный – с 23 апреля (5 мая) 1889#го, синий – с 10 (22) мая 1890#го); французский специальный шифр, который с 13 (25) декабря 1890 года использовало правительство Греции для связи с греческой миссией в Петербурге. Каждый из этих шифров имел свои особенности. Так, сербский состоял из 10 тыс. знаков, переставляющихся посредством перемен в нумерации страниц. Лексикон французского генерального шифра имел 6 тыс. знаков, переставлявшихся двумя тысячами различных способов. Немецкие шифры имели 35 тыс. знаков и отличались тем, что каждое слово выражалось двумя знаками вместо одного. Французский специальный шифр состоял из 10 тыс. знаков, по пяти в группе, из которых один выбрасывался в начале, в середине или в конце группы. За эту работу Цифирный комитет постановил выдать: К.А. Битепажу – 2400 руб. (по 400 руб. за три немецких шифра и по 600 руб. за шифр Курбе и греческий шифр), В.В. Сабанину – 800 руб. (за английский шифр), А.А. Долматову – 600 руб. (300 руб. за сербский шифр и по 100 руб. за каждый немецкий шифр), Е.И. Ловягину (профессору греческого языка Санкт-Петербургской духовной академии) – 300 руб. (за участие в разборе сербского шифра)⁸⁰⁵.

Вместе с тем наряду с успехами второе отделение встречало и серьезные трудности, а порой даже терпело серьезные неудачи. К примеру, 2 декабря 1895 года В.Н. Ламздорф, на тот момент первый советник министра иностранных дел и председатель Цифирного комитета, записал в дневнике:

Послушать наших перлюстраторов, так они делают в самом деле просто чудеса, однако количество чиновников, занимающихся этим благородным ремеслом, недостаточно... и целую массу телеграмм подвергнуть дешифрованию не удастся. Шифры всех великих держав и большей части других стран вскрыты; один лишь австрийский шифр не поддается усилиям наших перлюстраторов, и... поэтому... никогда не удавалось читать секретную переписку венского кабинета⁸⁰⁶.

С началом в январе 1904 года русско-японской войны выявилась невозможность чтения японской дипломатической почты. 15 ноября того же года В.В. Сабанин сообщал товарищу министра внутренних дел К.Н. Рыздзевскому, что русский посланник прислал из Пекина девятнадцать копий телеграмм, отправленных японскими властями из Тяньцзиня (город и порт в Китае) и добытых нелегальным путем. Тринадцать из этих телеграмм зашифрованы и подлежат переводу с японского языка. Далее старший чиновник объяснял, что у него «не имеется сотрудников, знакомых с этими языками: японским и китайским». А потому он просит передать указанные тринадцать копий в Департамент полиции для расшифровки и перевода с последующей отправкой посланнику в Пекине. И впоследствии Сабанин неоднократно докладывал, что «все зашифрованные телеграммы не могут быть разобраны». 26 января 1905 года он сообщал о возвращении по этой причине тридцати девяти телеграмм, доставленных из Пекина⁸⁰⁷. Только позднее в отделении появился чиновник Литвин, занимавшийся японскими шифрами⁸⁰⁸.

⁸⁰⁵ АВПРИ. Ф. ДЛСиХД. Оп. 481. Д. 3. Л. 3–4; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1890 г. С. 239. Ловягин Евграф Иванович (1822–1909) – профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедрам математики и греческого языка.

⁸⁰⁶ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896 гг. М.: Международные отношения, 1991. С. 338.

⁸⁰⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 123. Л. 276, 282–283 об., 288–289.

Естественно, все державы имели целый ряд ключей, постоянно их обновляя. В отчете за 1909–1910 годы старший чиновник А.А. Долматов указывал, что

за последние годы иностранные правительства... уделяют все большее внимание своим дипломатическим шифрам, которые становятся более сложными и объемистыми, и значительно чаще заменяются новыми. Английский посол, который раньше сообщал тексты полученных им телеграмм дословно, теперь передает их нашему министерству в совершенно измененной редакции. Французский посол недавно телеграфировал в Париж, прося не пользоваться больше одним из ключей, потому что в нем уже второй раз передается текст, известный русскому правительству. Германское правительство, ранее менявшие ключи только один раз в год, совершенно неожиданно ввело еще один новый ключ. Японское правительство заменило свои маленькие ключи чрезвычайно объемистыми и следовательно весьма трудными для разбора новыми кодами на японском языке. Новые ключи введены и австрийским, греческим, сербским и другими правительствами⁸⁰⁹.

В этой ситуации чиновники отделения имели некоторую специализацию. Например, А.А. Долматов занимался ключами Бельгии и Испании; Е.К. Напьерский – Германии, Италии и Турции; Э.К. Феттерлейн – Баварии, Болгарии, Дании, Франции, Персии и Турции, а в конце 1904 года «нашел теорию австрийских ключей»; К.В. Циглер – Баварии, Франции, Греции; Е.Ф. Маттей – Франции и Японии⁸¹⁰.

Таким образом, российские дешифровальщики в целом успешно справлялись со своими обязанностями и предоставляли политическому руководству страны огромный фактический материал для анализа и последующей выработки оптимальной внешней политики.

В годы Первой мировой войны их опыт был востребован и на театре военных действий. В частности, весной 1915 года у мыса Шпитгамн (Спитгам) на территории Эстляндской губернии начала действовать радиостанция особого назначения (РОН) Балтийского флота. Она занималась перехватом и расшифровкой депеш неприятельских судов. В своем позднейшем донесении начальник РОН капитан 2#го ранга В.П. Пржиленцкий отмечал, что со 2 марта 1916 года немцы ввели новую сигнальную книгу для радиотелеграфных сообщений, главным образом для радиопереговоров со сторожевыми и разведывательными судами. В этой ситуации из Петрограда на станцию 5 мая 1916 года прибыл Э.К. Феттерлейн. Далее события развивались, по докладу Пржиленцкого, следующим образом:

Недели через три Феттерлейном шифр был уже найден, а затем еще недели через три им же был разгадан общий план книги и установлены все 13 отделов, составленные вне алфавитного порядка и разбросанные на пространстве всей книги для того, чтобы затруднить разгадывание смысла депеши. Благодаря отлично усердной и умелой работе этого исключительно искусного специалиста имеемая в нашем распоряжении в настоящее время сигнальная книга заключает в себе уже около 15 тысяч разгаданных буквенных сочетаний, притом именно тех, которыми неприятелю для выполнения своих повседневных военных задач приходится наиболее часто пользоваться. Все отделы этой книги развиты теперь уже в такой степени,

---

⁸⁰⁸ Там же. Ф. ДЛСиХД. Оп. 481. Д. 345. Л. 6–7.

⁸⁰⁹ Там же. Л. 8–8 об.

⁸¹⁰ Там же. Ф. 107. Оп. 470. Д. 107. Л. 241–241 об., 268–268 об.; Ф. ДЛСиХД. Оп. 481. Д. 369. Л. 2–3; Рыбаченок И. Такие разные ключи. С. 55.

что практически она может считаться законченной... Удачу станции... я должен приписать прежде всего и главным образом... статскому советнику Феттерлейну, а посему прошу ходатайства... о награждении его орденом св. Владимира 3#й степени⁸¹¹.

Известно, что Э.К. Феттерлейн, занимавший должность помощника младшего чиновника в цифирном отделении, после 1917 года бежал с женой в Англию на борту шведского корабля. Там он вскоре стал главой русской секции британской военной дешифровальной службы. Его коллеги рассказывали, что он был «лучшим по книжным шифрам и другим кодам, расшифровка которых требовала широких познаний». Бывший сотрудник российского МИДа, теперь он занимался дешифровкой советской дипломатической почты для англичан⁸¹². О Карле Циглере сегодня напоминают две книги («География Японии» и второй том «Истории древнего мира») с его экслибрисом в фондах Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского⁸¹³. К сожалению, о судьбе других сотрудников после 1917 года я не имею даже таких отрывочных сведений и буду благодарен всем, кто сможет их предоставить.

Деятельность дешифровального отделения МИДа, безусловно, имела серьезное значение для формирования российской внешней политики. Расшифрованные телеграммы регулярно докладывались императорам. Например, великий князь Константин Николаевич записал в своем дневнике 21 февраля 1848 года: «В 11 часов работал Папа [Николай I] с [К.В.] Нессельродом. <...> Вдруг приносят с почты пакет к Нессельроде, в котором между многими не важными бумагами пакет с надписью – весьма важное. Он распечатал. Это депеша от французского посланника в Париже к господину Мерсие [секретарь французского посольства в Петербурге]». Сообщение содержало сведения о волнениях в Париже, об отречении Луи-Филиппа⁸¹⁴. В своих дневниках за 1886–1887, 1889–1892 и 1894–1896 годы В.Н. Ламздорф (первый советник министра иностранных дел в тот период и особо доверенное лицо министра Н.К. Гирса в 1886–1894 годах) около шестидесяти раз упоминает о доложенных Александру III и Николаю II материалах перлюстрации и резолюциях государей на них⁸¹⁵. В частности, это переписка английского, германского, итальянского, сербского, турецкого, французского, японского послов в России со своими правительствами; обмен телеграммами английского посла в Персии с министром иностранных дел Великобритании, немецкого посла в Турции с Берлином, между Берлином и Парижем и т. д.⁸¹⁶ В результате работы дешифровщиков правительство имело достаточно ясное представление о реальной позиции иностранных дипломатов в Петербурге по отношению к тем или иным действиям России.

Например, тот же Ламздорф 25 ноября 1890 года отмечал, что «перлюстрации телеграмм турецкого посла [Гусни-паша] убедили нас в том, что он имеет несчастную привычку представлять своему правительству все происходящее в совершенно ложном свете» и «всегда хочет внушить ему, что все в том лучшем из миров [в Османской империи] идет наилуч-

⁸¹¹ Биккенин Р.Р., Глуценко А.А., Партала М.А. Очерки о связистах Российского флота (Краткая история создания и развития службы связи ВМФ в период 1900–1930#х гг.). СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 178, 183.

⁸¹² Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1916 год. Ч. I–II. СПб., 1916. С. 1183; Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 96.

⁸¹³ Сведения получены от библиографа М.И. Арефьевой.

⁸¹⁴ Нифонтов А.С. Россия в 1848 г. М., 1949. С. 45.

⁸¹⁵ Подсчет мой: Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). М.; Л., 1926; Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892; Он же. Дневник. 1894–1896 гг.

⁸¹⁶ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). С. 3–4, 31, 131, 138, 139, 151, 168, 173, 188, 193, 214–215, 234, 236, 260, 268, 348; Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892. С. 31, 46, 51, 59, 63, 84, 126, 142, 157, 160, 262, 265, 282, 287, 330, 332; Он же. Дневник. 1894–1896 гг. С. 99, 102, 136, 148, 192–193, 198–199, 202, 209, 212–213, 241, 244–245, 258, 296, 318, 320, 330, 353, 355, 358, 361–362, 367, 389–390, 391, 397–398, 402 и др.

шим образом»⁸¹⁷. Перлюстрация позволяла выяснить, насколько точно иностранные дипломаты информируют свое руководство о собственных официальных беседах в Петербурге и даже о содержании разговоров российских послов с иностранными министрами. К тексту перлюстрированной телеграммы о беседе с Николаем II, посланной графом Х. фон Мольтке кайзеру Вильгельму II 18 (30) сентября 1895 года, Ламздорф сделал примечание: поскольку государь «вернул эту перлюстрацию без всякой пометы», то «как видно, доклад Мольтке о состоявшейся аудиенции... является точным»⁸¹⁸. В том же дневнике Ламздорфа 28 февраля и 5 марта 1891 года отмечено, что из перлюстрации телеграмм министра иностранных дел Франции А. Рибо его послу в России А. Лабулэ стало ясно – посол России во Франции А.П. Моренгейм прочел французскому министру официальное письмо министра Н.К. Гирса и «личную собственноручную записку, которую г. Гирс послал ему 19 февраля». В связи с этим старший советник министра заметил, что «Моренгейм отнюдь не был на это уполномочен... и его поступок мне сразу показался по меньшей мере бесполезным». Со своей стороны Гирс на тексте перлюстрированной французской телеграммы сделал помету: «Хотя и не поручал барону Моренгейму прочесть мое письмо г. Рибо, но, может быть, он недурно сделал, решившись на такое сообщение». Здесь же помета Александра III «Да»⁸¹⁹. Таким образом, этот шаг российского дипломата получил высочайшее одобрение. Регулярно интересовался дипломатической перлюстрацией и Николай II. Директор канцелярии МИДа П.Л. Ваксель 20 декабря 1902 года направил В.В. Сабанину записку от руки, в которой сообщал: «Государь написал, что особенно интересные телеграммы [германские] должно представлять ему в русском переводе» и просил передать об этом А.А. Долматову⁸²⁰.

Перлюстрация дипломатической почты иногда использовалась МИДом, чтобы заставить императора скорректировать отношение к некоторым фигурам и событиям российской политики. Например, в апреле 1887 года Л.П. Иессен представил перлюстрированные сообщения немецкого дипломата О. Бюлова в Берлин. В них давалась резко негативная характеристика известного консервативного публициста М.Н. Каткова и его единомышленника профессора И.Ф. Циона. Дело в том, что в это время Катков и Цион выступали с крайне антигерманских позиций и настаивали на сближении с Францией, критикуя министра Н.К. Гирса и стремясь оказать влияние на Александра III. По просьбе императора В.Н. Ламздорф на основании перлюстраций составил ему «записку для памяти». Любопытно, что в данном случае Иессен не только расшифровал текст, но и представил министру собственное письмо – с фантастическими обвинениями Каткова в стремлении стать президентом «Всероссийской Республики» (оно также было послано государю).

В свою очередь, Александр III вручил Гирсу записку Каткова, полную, по мнению Ламздорфа, гнусных обвинений в адрес МИДа. Записка сопровождалась пометкой Александра: «На прочтение для вас одних и немедленного возвращения... писаную для меня одного, а не для чужих». На посланных же перлюстрациях император сделал пометку: «Страшно немцы не любят Каткова, впрочем, оно и понятно»⁸²¹.

Иногда путем перлюстрации выявлялись случаи, когда дипломаты той или иной страны догадывались или даже получали от кого-то намек на то, что их шифры не представляют секрета для российского Министерства иностранных дел. Например, 6 июня 1895 года князь Г. Радолин, германский посол в России, телеграфировал статс-секретарю МИДа Германии барону А. Маршалю фон Биберштейну: «Использую этот шифр из осторожности, так

⁸¹⁷ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). С. 348.

⁸¹⁸ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896 гг. С. 244–245.

⁸¹⁹ Он же. Дневник. 1891–1892. С. 59, 63–65.

⁸²⁰ АВПРИ. Ф. 107. Оп. 470. Д. 107. Л. 193.

⁸²¹ Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892. С. 80–82.

как предыдущий употреблялся слишком часто и у меня появились основания для недоверия. Меня предупредили, прошу о новом шифре». В.В. Сабанин приложил к данной перлюстрации письмо министру иностранных дел князю А.Б. Лобанову-Ростовскому, обращая внимание на недопустимость таких «предупреждений». Ламздорф считал, что «проболтаться в данном случае» могли сам министр или товарищ министра Н.П. Шишкин – при «разговорах с дипломатами или же с министром финансов и его агентами»⁸²². Иногда попадались важные сведения относительно деятельности иностранных разведок. Например, в апреле 1890 года была перехвачена телеграмма германского военного агента (военного атташе) в Петербурге М.Л. Йорка фон Вартенбурга в Берлин – о том, что он добыл мобилизационное расписание российской армии. Петербургскому градоначальнику генерал-лейтенанту П.А. Грессеру поручили организовать наблюдение за прибывающим немецким курьером и за Йорком фон Вартенбургом⁸²³.

Вместе с тем было бы неверно забывать, что допущение перлюстрации дипломатической почты порой могло быть и заранее продуманным шагом со стороны переписывающихся – с целью произвести желательное впечатление на постороннего, но заранее известного читателя. Так, в 1895 году было составлено письмо министра Лобанова-Ростовского послу в Берлине графу Н.Д. Остен-Сакену, которое касалось подготавливавшегося русско-китайского займа (он вызвал сильное возбуждение у великих держав). Размышляя об этом письме, тот же Ламздорф записал 1 июня в дневнике: «...я могу лишь согласиться с мастерскими формулировками данного документа и даже с уместностью послать его по почте, поскольку его перлюстрация могла бы принести нам лишь пользу»⁸²⁴.

Хотя, как я и стремился показать в настоящей главе, с начала XIX века основная масса дипломатической почты проходила перлюстрацию в МИДе, тем не менее этим делом занимались также служащие цензуры иностранных газет и журналов, а при необходимости и чиновники Департамента полиции. В июне 1917 года старший цензор М.Г. Мардарьев признавался, что вся поступающая на имя послов и консулов и отправляемая ими почта в баулах и пакетах поступала в «черный кабинет» Петербургского почтамта, где эти баулы и пакеты вскрывались. Из Военного министерства были присланы для отпираания баулов специально подобранные ключи. С устного разрешения министра внутренних дел с начала XX века проводилось фотографирование важных документов для Военного и Морского министерств⁸²⁵.

В конце 1915 года в Россию из Австро-Венгрии вернулась княжна М.А. Васильчикова. Она привезла императрице Александре Федоровне и великой княгине Елизавете Федоровне письмо от их брата, герцога Гессенского Эрнста Людвига. Одновременно она направила Николаю II свое письмо, пытаясь убедить государя в необходимости мира с Германией. Интересно, что, прежде чем письмо дошло до адресата, с ним поработали в ДП. С.П. Белецкий, бывший в тот момент товарищем министра внутренних дел, вручил конверт директору ДП К.Д. Кафафову и распорядился, чтобы И.А. Зыбин сделал копию письма. «Приблизительно через час, – пишет Кафафов, – зашел ко мне Зыбин и передал мне обратно запечатанный конверт и лист писчей бумаги, на котором на машинке был напечатан текст письма. <...> Я повез письмо и копию с него Белецкому»⁸²⁶.

⁸²² *Он же*. Дневник. 1894–1896 гг. С. 213.

⁸²³ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). С. 306–307.

⁸²⁴ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896 гг. С. 201.

⁸²⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 50–50 об.

⁸²⁶ *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 82. М.А. Васильчикова (1859–1934), фрейлина с 1880 года, после возвращения в Россию и направления писем Николаю II была выслана под надзор полиции в Черниговскую губернию.

Таким образом, можно заключить, что российская служба перлюстрации и дешифровки дипломатической корреспонденции в целом справлялась со своими задачами и не уступала основным внешнеполитическим партнерам того времени.

Глава 4

Чиновники «черных кабинетов»

Люди, занимавшиеся делом перлюстрации, всегда находились в поле особого внимания высшего начальства. Это прослеживалось даже в официальных документах. Например, по указу от 6 июня 1858 года определение на службу цензоров, а также чиновников, знающих иностранные языки, и переводчиков, их перемещение и увольнение являлись делом самого главноуправляющего Почтовым департаментом. После передачи почтово-телеграфного ведомства в состав Министерства внутренних дел перечисленные функции указом от 13 сентября 1868 года были возложены на министра внутренних дел⁸²⁷. Руководители почтового дела и МВД, посвященные в тайну «черных кабинетов», не только хорошо знали этих специалистов, но и всячески заботились о них перед вышестоящим начальством и лично перед императором.

Например, в декабре 1824 года иностранные почты начали приходить в столицу три раза в неделю совместно с одесской экстрапочтой, через которую отправлялась и получалась «корреспонденция австрийская, итальянская, константинопольская». В этой связи почт-директор Санкт-Петербургского почтамта К.Я. Булгаков в записке, адресованной князю А.Н. Голицыну 30 декабря 1824 года, подчеркивал – «труды чиновников Секретной экспедиции» настолько умножились, что «иногда и ночь проводят в Экспедиции»⁸²⁸. Настоящий гимн чиновникам «черных кабинетов» пропел многолетний директор Почтового департамента и директор Санкт-Петербургского почтамта Ф.И. Прянишников в докладной, поднесенной Александру II 18 марта 1858 года. В частности, Прянишников писал, что, будучи девятнадцать лет свидетелем их занятий, может дать следующую характеристику работы этих специалистов:

...быстрота в исполнении, точность и отчетливость в действиях, постоянно напряженное внимание; осторожность, скромность, нераздельная с строгим сохранением глубокой тайны государственной; труды усидчивые, преимущественно в зимние вечера, физически действующие на здоровье, удаляя сих чиновников от всякого общежития [общения]; безусловно и исключительно сосредотачивают все силы их и способности лишь на службу⁸²⁹.

Через восемь лет тот же Прянишников вновь подчеркивал, что труд по разборке писем, «писанных большей частью мелким, неразборчивым почерком, а иногда условным шрифтом», требует «постоянного, напряженного внимания», но вверенный этим чиновникам «надзор за общей оценкой политических событий и фактов административных действителен в высшей степени и представляет осязательные результаты»⁸³⁰.

В самом деле, некоторые чиновники являлись живым примером многолетней верности службе. В апреле 1864 года на восьмидесятом году жизни на пенсию уходил Иван Федорович Вейраух, начавший службу в секретной экспедиции Петербургского почтамта в 1812 году. Представляя доклад о нем Александру II, Прянишников назвал Вейрауха «рабом своих обязанностей». В докладе подчеркивалось, что этот человек «вел жизнь совершенно отшельническую, не заботясь ни о чем, кроме службы». За пятьдесят два года не был ни одного дня

---

⁸²⁷ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 33. Ч. 1. № 33261; Т. 43. Ч. 2. № 46260.

⁸²⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 32–32 об.

⁸²⁹ Там же. Д. 245. Л. 12 об.

⁸³⁰ Там же. Д. 246. Л. 114 об.

в отпуску. Был одним из главных специалистов по перлюстрации дипломатических депеш, чтение и переписывание которых «до устройства в России железных дорог» должно было производиться днем и ночью. Особая незаменимость Вейрауха проявлялась во время войн 1812–1814, 1828–1829, 1831, 1849 и 1853–1856 годов⁸³¹.

О численности чиновников секретных экспедиций на протяжении ряда десятилетий до 1830 года у нас есть лишь отрывочные данные. Дело в том, что в официальных изданиях таких сотрудников прятали под разными наименованиями. Например, в указателе всех чиновных особ Российской империи на 1826 год перлюстраторы Ф.Я. Вейраух, И.И. Дмитриевский, И.М. Кулмаметов, Х.Х. Шлегель, И.Ф. Шмидт, А.П. Штер были указаны как «состоящие при разных должностях» в Санкт-Петербургском почтамте⁸³². Из секретных отчетов мы знаем, что в январе 1825 года в этом учреждении перлюстрацией занимались пятнадцать служащих почтамта и два человека, прикомандированных из Иностранной коллегии⁸³³. Иногда трудившийся в «черном кабинете» чиновник числился по другому ведомству. Например, в 1825 году титулярный советник Е.М. Чугунов официально состоял в штате Министерства иностранных дел⁸³⁴.

Еще одним примером сокрытия подлинной деятельности можно назвать дело цензора Я. Липса. Медик по профессии, «отличившийся» неграмотным доносом в так называемом славутском деле (дело типографов братьев Шапиро, осужденных за не совершенное ими убийство), он стал цензором еврейских сочинений Киевского цензурного комитета с 21 июля 1837 года. Но, видимо, его душу отравляло неудовлетворенное тщеславие. Липс написал книгу о вреде еврейского учения. В ней он призывал отобрать у еврейского населения и истребить «вредные» книги. Причем, как следует из его доноса, в эту категорию должны были быть включены чуть ли не все еврейские издания. Однако министр просвещения С.С. Уваров и Комитет министров отклонили данный проект; донос на цензоров еврейских книг не подтвердился, и Липс был отстранен от должности за недобросовестность, взяточничество и вымогательство денег у евреев⁸³⁵. Тем не менее на этом его «полезная» для государства деятельность не прекратилась.

26 декабря 1837 года по всеподданнейшему докладу князя А.Н. Голицына Липс был принят в секретную экспедицию Петербургского почтамта – как знающий «древний и новый еврейский язык». Жалованья ему положили 3 тыс. руб. в год. Но было отмечено, что причислить его к Почтовому департаменту неудобно, ибо «чиновники в Секретной экспедиции прикомандированы туда под предлогом цензурования иностранных газет». Поэтому, согласно новому докладу от 6 февраля 1838 года, была достигнута договоренность с канцлером К.В. Нессельроде о причислении Липса к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел с оставлением в секретной экспедиции⁸³⁶.

С 1829 года сотрудники перлюстрации скрылись под «крышей» цензуры иностранных газет и журналов, так что определение их точной численности после этого момента – также непростая задача. Во-первых, часть чиновников занималась лишь цензурой иностранной периодической печати, не участвуя в секретных операциях. Другие сочетали оба занятия. Во-вторых, среди перлюстраторов были местные почтмейстеры, а также сотрудники МВД, прикомандированные к Главному управлению почт и телеграфов, но не входившие в штат

⁸³¹ Там же. Л. 171–172.

⁸³² Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Р.Х. 1826. Ч. 1. СПб., 1826. С. 643.

⁸³³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 32–34.

⁸³⁴ Месяцеслов... на лето от Р.Х. 1825. Ч. 1. СПб., 1825. С. 314.

⁸³⁵ Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. 1797–1917. Очерки истории цензуры. СПб.; Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 1999. С. 186–189.

⁸³⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 9, 10–10 об., 20, 31–31 об., 49.

цензуры иностранных газет и журналов. Иногда в справочниках они числились в рубрике «Сверхштатные чиновники почтового ведомства». Например, если верить указателю «Список лицам, служащим по почтовому ведомству» за 1881#й и последующие годы, в городах Варшаве, Киеве, Тифлисе, Харькове цензуры иностранных газет и журналов не существовало. Но зато в качестве сверхштатных чиновников почтового ведомства были отмечены (с характерными пояснениями) уже известные мне по другим источникам труженики «черных кабинетов»: А.О. Колитовский (откомандирован в распоряжение Управления почтовой части в Варшавской губернии), К.А. Келер (откомандирован в Харьковскую губернию), Н.П. Ситников (откомандирован в Харьковскую губернию), М.Е. (верно – М.Г.) Мардарьев (откомандирован в распоряжение Санкт-Петербургского почт-директора)⁸³⁷.

Поэтому на протяжении работы над книгой приходилось, кроме изучения общих отчетов, вести индивидуальный учет работников «черных кабинетов». По штатному расписанию, утвержденному 22 октября 1830 года, численность чиновников почтовой цензуры составляла восемнадцать человек, в том числе в Санкт-Петербургском почтамте – девять, в Московском – пять и в Виленской почтовой конторе – четыре⁸³⁸. Но в экспедициях ресто-вых (заказных) писем были «спрятаны» восемь чиновников в Петербурге, три – в Москве и четыре – в Тобольске⁸³⁹. Поэтому на деле штат цензуры иностранных газет и журналов вырос с тридцати трех человек в 1830 году до пятидесяти одного в 1882#м, а к концу 1916 года составлял сорок шесть человек, в том числе в Варшаве – восемь (после оставления города в июле 1915 года сотрудники были распределены по другим пунктам), в Киеве – три, Москве – девять, Одессе – шесть, Санкт-Петербурге – пятнадцать, Тифлисе – два, Харькове – два человека.

Общее число чиновников перлюстрации в Российской империи к 1913 году было сравнительно небольшим – около сорока пяти. Установить их всех персонально достаточно сложно. Дело в том, что все они состояли, как уже говорилось выше, на официальной службе в цензуре иностранных газет и журналов. Само это подразделение с мая 1896 года входило в состав Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел. При этом, как и в более ранние периоды, часть чиновников цензуры действительно занималась своими прямыми обязанностями (цензурой иностранных газет и журналов) и перлюстрации не касалась, другая же, бóльшая часть в основном занималась перлюстрацией и по совместительству – цензурой, третьи числились прикомандированными к МВД и отправленными в распоряжение Главного управления почт и телеграфов. Тем не менее известно, что в 1913 году перлюстрацией занимались сорок четыре чиновника, в том числе в Варшаве – восемь, Киеве – три, Москве – восемь, Одессе – шесть, Санкт-Петербурге – четырнадцать, Тифлисе – два, Харькове – три⁸⁴⁰. Фамилии всех сорока четырех мне удалось установить⁸⁴¹.

Таблица 6

Численность штатных и внештатных сотрудников цензуры иностранных газет и журналов в XIX веке

(в дробях числитель означает количество чиновников, занимавшихся перлюстрацией, знаменатель – занимавшихся лишь цензурой газет и журналов)*⁸⁴²

⁸³⁷ Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям. СПб., 1881. С. 9–10.

⁸³⁸ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 5. № 4020.

⁸³⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 117 об. – 118.

⁸⁴⁰ Кантор Р. К истории «черных кабинетов» // Каторга и ссылка. 1927. № 8 (37). С. 94–95; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 74; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 105–105 об.

⁸⁴¹ Измозик В.С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX века // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70#летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 225.

⁸⁴² Подсчет мой на основании: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1916 г. СПб. Ч. 1, 2. С. 195, 265–266, 398, 433; ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 5. № 4020; Т. 42.

Должности	1830 год	1867 год	1882 год	1896 год
Старшие цензоры	4/1	4/1	4/1	4/1
Цензоры	10	2	1/4	–
Младшие цензоры	–	8/4	8/4	17
Переводчики	2/1	2/1	2/1	2
Чиновники, знающие иностранные языки		15	10/7	16
Всего	18	37	25/17	40
Причисленные к МВД		?	6/0	18
Числящиеся почтовыми чиновниками или прикомандированные от Главного управления почт и телеграфов	15	?	1/2	3
Всего	33	37	51	61

* Для 1830 и 1867 годов не учтена численность чиновников «черных кабинетов» в Варшаве.

Таблица 7

Численность штатных и внештатных сотрудников цензуры иностранных газет и журналов в начале XX века

(в дробях числитель означает количество чиновников, занимавшихся перлюстрацией, знаменатель – занимавшихся лишь цензурой газет и журналов)⁸⁴³

	17.01. 1907 года	18.01. 1908 года	8.01. 1909 года	8.01. 1910 года	12.01. 1911 года	12.07. 1913 года	22.10. 1916 года
Старшие цензоры	5/0	5/0	5/0	5/0	5/0	5/0	5/0
Цензоры	–	–	–	–	–	0/2	4
Младшие цензоры	17	17	17	17	17	11/0	9
Переводчики	3	3	3	3	3	2/0	3
Чиновники, знающие иностранные языки	17	17	17	17	15	14/3	14/3
Всего	42	42	42	42	40	32/5	35/3
Состоящие при МВД	12/0	9/0	7/0	5/0	7/0	10/0	2/0
Зачисленные чиновниками Главного управления почт и телеграфов	5	5	4	4	–	–	7
Чиновники почтамтов	4	4	–	–	1	–	–
Всего	21	18	11	9	8	10	9
Итого	63	60	53	51	48	47	47

Таблица 8

Личный состав участвовавших в перлюстрации на 12 июля 1913 года⁸⁴⁴

	Старшие цензоры	Цензоры	Младшие цензоры	Чиновники, знающие иностранные языки	Переводчики	Прикомандированные к МВД	Всего
Санкт-Петербург	2	–	6	6	–	–	14
Москва	1	–	3	2	2	–	8
Варшава	1	1	1	3	2	2	10
Киев	–	1	1	1	–	–	3
Одесса	1	1	2	2	–	1	7
Харьков	–	–	–	–	–	2	2
Тифлис *	–	1	–	–	1	–	2
Всего	5	4	13	14	5	5	46

Отдел 2. 1867. № 44773; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 74, 130–130 об.; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 15–15 об.; Д. 1002. Л. 117 об. – 118; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 45 об. – 48; Ф. 1289. Оп. 21. Д. 154. Л. 2; Д. 221. Л. 211–212.

⁸⁴³ Подсчет мой на основании: РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 221. Л. 3, 60, 85, 162, 211; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 15–15 об.

⁸⁴⁴ Подсчет мой на основании: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 74; Алфавитный список сотрудников цензуры иностранных газет и журналов (архив автора).

* *Служащие тифлисского пункта официально не относились к сотрудникам МВД до ноября 1915 года (см. вторую главу).*

Таблица 9

Численность сотрудников пунктов цензуры иностранных газет и журналов к декабрю 1915 года⁸⁴⁵

Пункт	Сотрудники цензуры	Сторожа	Косвенные участники	Всего
Санкт-Петербург	13	9	29	51
Москва	9	4	11	24
Варшава	8	4	6	18
Киев	3	1	6	10
Одесса	7	4	9	20
Тифлис	3		5	
Харьков	3	1	2	6
Всего	46	23	68	137

В связи с оставлением в июле 1915 года Варшавы было произведено перераспределение эвакуированного личного состава: одного работника цензуры направили в Петроград, по два человека – в Москву, Киев и Одессу и четырех сторожей – в Москву⁸⁴⁶.

При этом росло число чиновников, совмещавших цензуру почтовых печатных изданий с перлюстрацией. В 1882 году из пятидесяти одного сотрудника цензуры иностранных газет и журналов (вместе с причисленными к МВД) перлюстрацией занимались тридцать два, а девятнадцать чиновников – только цензурой. В 1908 году из пятидесяти одного чиновника цензуры иностранных газет и журналов (вместе с причисленными к МВД) перлюстрацией занимались тридцать девять, а двенадцать (в том числе пять в Петербурге и два в Риге) имели отношение лишь к цензуре⁸⁴⁷.

Занятия перлюстрацией требовали ряда особых качеств от сотрудников. На первом месте, естественно, стояли политическая благонадежность и умение держать язык за зубами. В октябре 1821 года почт-директор Санкт-Петербургского почтамта К.Я. Булгаков подчеркивал, что в секретной экспедиции необходимо «иметь людей, кои бы при знании иностранных языков, были примерного поведения, испытанной скромности и во всякое время, как днем, так и ночью, готовы на службу»⁸⁴⁸. Этой преданности службе не мешало и участие некоторых из перлюстраторов в масонских ложах в начале XIX века. Напомним, что 21 августа 1822 года появился рескрипт Александра I о запрещении всех тайных обществ. В связи с восстанием декабристов Николай I 21 апреля 1826 года издал рескрипт об истребовании по всему государству обязательств чиновников, что ни к какому тайному обществу они впредь принадлежать не будут. Ранее принадлежавшие к тайным обществам должны были представить подробное объяснение: название этого общества, его цель и какие меры предполагалось употребить для ее достижения⁸⁴⁹. В Почтовом департаменте таких оказалось тридцать человек, из них восемь – Ф.Я. Вейраух, И.А. Лихонин, Ф.И. Прянишников, Ф.Ф. Розен, П.И. Рубец, Л.И. Рябиков, Ф.И. Смит, А.Ф. Трефурт – прямо или косвенно были причастны к перлюстрации. Например, Ф.Я. Вейраух, один из главных деятелей секретной экспедиции, был

⁸⁴⁵ Там же. Л. 110, 118; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 110; Алфавитный список сотрудников цензуры иностранных газет и журналов (архив автора).

⁸⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 110–110 об.

⁸⁴⁷ Подсчет мой на основании: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 38. Л. 3–4; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 15–15 об.

⁸⁴⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 7 об.

⁸⁴⁹ Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 1–2.

членом масонской ложи «К мечу» в Риге и не названной им ложи в Санкт-Петербурге. Рябиков, чиновник Литовского почтамта, состоял в 1818–1819 годах в масонской ложе «Добрый пастырь», был основателем ложи «Слава орла», где в 1819–1821 годах являлся заместителем, мастером пятой степени; был почетным членом лож «Совершенное единство», «Школа Сократа», «Увенчанные добродетели», «Северный щит». Трефурт, управляющий виленской секретной экспедицией, а затем, в 1812–1813 годах, губернский почтмейстер в Вильно, был членом масонских лож «Западное постоянство», «Добрый пастырь» (ее членом-основателем); почетным членом ложи «Усердие литвина» (1818–1821)⁸⁵⁰. Сразу скажем, что отсюда не стоит делать далеко идущих выводов и уподобляться некоторым авторам в Интернете, подозревающим масонов в расставлении своих людей на важные посты в почтовом ведомстве. Перлюстраторы входили в масонские ложи, когда делать это было модно и когда посещение масонских лож помогало устанавливать полезные контакты. Не случайно никаких последствий для чинов перлюстрации участие в масонских ложах и их посещение не имело.

Требования к благонадежности сохранялись на протяжении последующего столетия существования службы. Очень важна была рекомендация со стороны человека, пользующегося доверием руководства. На допросе в Ленинградском ОГПУ в ноябре 1929 года Роберт Владимирович Швейер рассказывал:

Секретные чиновники в «черный кабинет» принимались исключительно старшим цензором и обязательно по рекомендации и под поручительство одного из чиновников кабинета... Я поступил по рекомендации бывшего старшего цензора Вейсмана Карла Карловича, который лично знал меня и мою семью... В редких случаях сотрудники в «кабинет» принимались из наиболее надежных и проверенных цензоров гласной цензуры.

В свою очередь, Ф.Г. Тизенгаузен показал, что поступил по рекомендации старшего цензора А.Д. Фомина⁸⁵¹.

Например, М.Г. Мардарьев, не имевший человека, готового поручиться за него сразу, вспоминал, что лишь после трехлетней службы в цензуре он «снискал к себе полное доверие почт-директора Шора [Владимир Федорович Шор был первоначально старшим цензором, а затем почт-директором Санкт-Петербургского почтамта и до своей смерти 1 января 1886 года непосредственно отвечал за всю перлюстрационную службу в империи] и старшего цензора Вейсмана и, по приглашению Шора, принял участие в особом секретном отделе, занимавшемся перлюстрацией». Переход в особый отдел был обставлен целым рядом особых же правил. «По принятии меня в число сотрудников, – рассказывал Михаил Георгиевич, – я, как и все другие, вновь поступавшие, дал клятву Вейсману хранить в совершенной тайне все мне известное о перлюстрации» и «по распоряжению Вейсмана... тогда же представлялся министру внутренних дел». Последний, в частности, сказал новому сотруднику: «Тайна перлюстрации есть государева тайна»⁸⁵².

О том, как происходил подбор служащих для ведения перлюстрации, можно проследить по документам. 13 марта 1877 года И.А. Сунди, младший цензор одесской пограничной почтовой цензуры, писал К.К. Вейсману в Петербург в связи со своим переводом в Петербургский почтамт. Кроме прочего, он касался вопроса о кандидате на свою должность, указывая на Афанасия Васильевича Шашкина и давая ему следующую характеристику: «... окончил курс в университете, <...> отличной нравственности, вполне благонадежен, 27 лет,

⁸⁵⁰ Там же. Л. 19, 105–109.

⁸⁵¹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-7440. Л. 159 об., 169 об.

⁸⁵² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 43, 44.

сын обер-офицера. Я его знаю давно... До сих пор он не служил, а состоял помощником присяжного поверенного». Этот абзац был отчеркнут, что говорит о внимательном его прочтении. В ответ Вейсман 22 марта сообщал Сунди, что доложил о Шашкине В.Ф. Шору. В итоге было принято «во внимание ходатайство Ваше [т. е. Сунди] и Михаила Карповича [одесского почтмейстера М.К. Жилинского]», что «не будучи заражен идеями нынешней молодежи, по благонадежности вполне соответствует тем требованиям, которые необходимы в нашем деле», и дано согласие взять его на службу, но с условием, чтобы первоначально «он посвятил себя исключительно только одному почтовому цензорскому делу». Только после этого 3 апреля одесский почтмейстер направил санкт-петербургскому почт-директору прошение А.В. Шашкина и все необходимые документы, а 13 апреля последовало распоряжение министра внутренних дел о его назначении⁸⁵³. Одесское начальство очень быстро допустило нового сотрудника к делам перлюстрации – возможно, из-за большого объема работы. Уже 1 июня в Петербург была направлена его подписка «в сохранении в тайне секретного почтового дела». Через несколько дней Вейсман написал в Одессу о том, что эта бумага «крайне... удивила [его] несвоевременностью отобрания оной от Шашкина», указал одесскому почтмейстеру Жилинскому на упущение и объявил ему выговор⁸⁵⁴. В конечном счете все утряслось, и А.В. Шашкин отдал делу перлюстрации в Одессе 29 лет, уйдя на пенсию 1 декабря 1906 года в чине действительного статского советника⁸⁵⁵.

Старший цензор Московского почтамта О.А. Келер 30 января 1902 года следующими словами рекомендовал руководителю всей цензуры иностранных газет и журналов и «особенной части при ней» (перлюстрации) А.Д. Фомину кандидата на должность, Ю.Ю. фон Грота: «Он из хорошей семьи и не без средств – последнее обстоятельство, как мы видим по Павлу Константиновичу Бронникову [служил в цензуре иностранных газет и журналов с 6 ноября 1891-го по 1 октября 1910 года в Москве, Одессе, Варшаве, Петербурге], не мешает быть и тружеником, тем более, если человек вообще хорошего качества»⁸⁵⁶. Новый старший цензор Московского почтамта В.М. Яблочков писал Фомину 16 января 1907 года в связи с прошением чиновника почтамта Е. Томпакова о переводе его в цензуру иностранных газет и журналов, что он его не знает. Зато у него есть кандидат – Юлий Романович Стакке, рекомендованный чиновником цензуры Ю.Ю. Гротом. Стакке получил среднее образование, знает языки – немецкий, французский, литовский и латышский, «что представляется весьма полезным и желательным для нашего дела»; человек «вполне благонадежный», женат, не бездетен⁸⁵⁷. Старший цензор в Варшаве А.Ф. Шлиттер в связи с вакансией докладывал в Петербург 2 мая 1913 года о том, что есть подходящий кандидат – чиновник Варшавской центральной телеграфной станции Нейман (имелся в виду Н.А. Нейман), который знает английский, французский, немецкий и польский языки. Обязался изучить итальянский язык. Находится «на очень хорошем счету у начальства». Но «в секретное я посвящу Неймана лишь после его официального назначения»⁸⁵⁸. Стоит подчеркнуть, что поскольку это была государственная тайна, то внешне в служебном формуляре участие в делах перлюстрации никак не отражалось.

⁸⁵³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 51. Л. 3–4, 8, 10, 14–14 об.

⁸⁵⁴ Там же. Л. 15–15 об.

⁸⁵⁵ Там же. Л. 33; Оп. 5. Д. 5409. Л. 1–20 об.

⁸⁵⁶ Там же. Оп. 21. Д. 162. Л. 63. Ю.Ю. фон Грот – чиновник, знающий иностранные языки, цензуры иностранных газет и журналов при Московском почтамте. Павел Константинович Бронников (19 сентября 1844 года –?) – из потомственных почетных граждан. В цензуре иностранных газет и журналов: чиновник, знающий иностранные языки, при Московском почтамте (с 6 ноября 1891 года), цензор Одесской почтовой конторы (с 29 декабря 1894 года), старший цензор при Варшавском почтамте (с 1 мая 1901 года), младший цензор при Санкт-Петербургском почтамте (с 5 октября 1904 года). Был уволен в отставку с 1 октября 1910 года.

⁸⁵⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 219. Л. 1.

⁸⁵⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 60.

Разумеется, требование абсолютной благонадежности распространялось не только на чиновников «черных кабинетов», но и на всех причастных, в том числе на сторожей. Например, в марте 1914 года был принят на службу В.А. Томкевич. Его рекомендовал Н.У. Спадар, служивший сторожем в цензуре с 1908 года. Тем не менее Департамент полиции просил начальника Охранного отделения в Петербурге «собрать негласным путем» сведения о кандидате в сторожа. При этом было указано, что он вместе с женой Дарьей Ивановной проживает у тестя И.И. Иванова, служащего на Патронном заводе⁸⁵⁹. Другие сторожа, как правило, попадали в цензуру после ряда лет службы в других отделах почтамта. Например, А.Р. Гладков был принят в Санкт-Петербургский почтамт в 1890 году, но только в 1904#м стал сторожем в цензуре. Тот же Спадар служил в почтамте с 1906 года, а в цензуре – с 1908#го⁸⁶⁰.

Вторым важнейшим требованием к кандидатам на должность было знание нескольких иностранных языков. Кстати, некоторые авторы смешивают высокий уровень образования и хорошее знание ряда иностранных языков⁸⁶¹. Но это, как я покажу ниже, далеко не одно и то же. В той же характеристике А.В. Шашкина, которая упоминалась выше, указано, что «он хорошо знаком с греческим, французским и итальянским языками и немного знаком с немецким»⁸⁶². В это же время, в марте 1877 года, В.Ф. Шор просил московского почт-директора С.С. Подгорецкого найти на освобождающуюся вакансию «лицо со знанием двух иностранных языков, преимущественно английского основательно». В результате должность чиновника, знающего иностранные языки, в Московском почтамте занял К.Н. Бутенко, уже служивший младшим сортировщиком почтамта и «знающий французский, немецкий и английский языки (два последних более основательно)»⁸⁶³.

Эти требования сохранялись и в дальнейшем. Старший цензор Петербургского почтамта М.Г. Мардарьев в одной из докладных записок в 1914 году отмечал, что «для службы по цензуре... и по Особой части при ней знание хотя бы трех европейских языков необходимо»⁸⁶⁴. Старший цензор Одесской почтовой конторы В.Я. Марышев 31 августа 1905 года просил А.Д. Фомина причислить к МВД с откомандированием в цензуру Е.Я. Барильотти, знающего немецкий, французский, итальянский, польский языки и «вполне пригодного для нашего дела»⁸⁶⁵. Начальник Главного управления почт и телеграфов в июле 1896 года просил Фомина при наличии вакансии оказать предпочтение лицу, знающему скандинавские языки⁸⁶⁶. Среди сотрудников «черных кабинетов» были настоящие полиглоты. Особенно выделялся Владимир Иванович Кривош, служивший в санкт-петербургской цензуре иностранных газет и журналов с апреля 1892 года по декабрь 1911#го. В одном из документов он писал: «Я владею французским, немецким, английским, итальянским, шведским, мадьярским [т. е. венгерским], румынским, армянским, всеми славянскими, воляпюк [язык, подобный эсперанто] и эсперанто языками, читаю стенограммы всех главнейших стенографических систем на разных языках». В других случаях Кривош сообщал о владении двадцатью четырьмя и даже двадцатью шестью языками⁸⁶⁷.

⁸⁵⁹ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 146, 148–149; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 262.

⁸⁶⁰ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 77, 78, 89, 262.

⁸⁶¹ *Майшев С.Е.* Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России. 1880–1922 гг. Пятигорск: РИА на КМВ, 2009. С. 99.

⁸⁶² РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 51. Л. 3 об. – 4.

⁸⁶³ Там же. Л. 2, 5 об., 62–63.

⁸⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 93.

⁸⁶⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 162. Л. 91–92.

⁸⁶⁶ Там же. Л. 22.

⁸⁶⁷ Там же. Ф. 779. Оп. 2. Д. 607. Л. 1; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 25 об.; Стенограф. 1907. № 1. С. 10.

Соответственно, существовала определенная специализация. Например, в 1825 году в Санкт-Петербургском почтамте Е.И. Киммель и Ф.И. Маснер занимались вскрытием писем и пакетов. Относительно их работы почт-директор почтамта К.Я. Булгаков отмечал, что «занятие их трудное, для здоровья вредное и требует чрезвычайной точности». И.Ф. Вейраух вел переписку французских, немецких, итальянских, испанских, португальских бумаг и шифров. М.М. Михайлов читал письма на испанском и португальском языках, делал выписки на французском. Э.К. Цирлейн читал английские письма, переписывал французские и немецкие бумаги и шифры. Е.М. Чугунов делал переводы с грузинского языка. А.П. Штер управлял секретной экспедицией, сверял «с оригиналами копии с перлюстрированных писем», имел «особый надзор, чтобы при вскрытии или запечатывании оных сохранена была требуемая осторожность и верность». В последующие годы письма на французском, испанском и португальском языках читал П.Х. Витте, на польском – И.Ф. Кенсовский⁸⁶⁸.

Надо также отметить, что в первой половине XIX века ряд чиновников «черных кабинетов» выполняли весьма разнообразные обязанности: занимались цензурой иностранных газет и журналов, читали переписку дипломатов и частных лиц, участвовали в почтовых переговорах с иностранными государствами. Например, А.О. Чиколони в течение двух лет, сохраняя обязанности по цензуре и секретной части, вел переговоры с Австрией и Пруссией о почтовой конвенции⁸⁶⁹. Длительное время цензоры Санкт-Петербургского почтамта осуществляли и заграничные расчеты по газетным операциям – эту обязанность передали в счетную экспедицию лишь в 1873 году⁸⁷⁰.

Выше я уже отмечал, что с января 1886 года «черными кабинетами» в империи управлял старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. Данную должность в разное время занимали К.К. Вейсман, А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев.

Карл Карлович Вейсман (22 июня 1837 года – 18 ноября 1912 года) представлял целую династию почтовых служащих. Его прадед начал службу в почтовом ведомстве в 60-е годы XVIII века в городе Перново (Пярну), став в 1770 году уездным почтмейстером. Дед и отец также занимали эту должность многие годы, начиная службу с должности копииста (переписчика). Дед уже выслужил потомственное дворянство, будучи награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Кроме того, дед удостоился незадолго до смерти, в 1832 году, бриллиантового перстня. Это была не совсем обычная награда для уездного почтмейстера⁸⁷¹.

Карлуша в восемнадцать лет окончил Перновское высшее уездное училище, а вскоре, в двадцать лет, числился чиновником, знающим иностранные языки, в Санкт-Петербургской цензуре иностранных газет и журналов. Чиновник он был весьма добросовестный и через семнадцать лет стал старшим цензором. Уже будучи руководителем секретной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта, он в сентябре 1878 года был командирован в Харьков – для организации там «черного кабинета». Наградой стал чин статского советника вне очереди. В представлении в декабре 1878 года отмечалось, что Карл Карлович «исполнил это поручение с такой энергией и знанием дела, что Харьковский перлюстрационный пункт, несмотря на новизну секретного дела для местного управляющего почтовой частью, стал с первого дня своего существования действовать столь же удовлетворительно, как и другие пункты». К концу службы мундир Вейсмана украшало множество орденов: Св. Анны всех трех степеней, Св. Станислава 2-й и 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени, ордена Пруссии и Австрии. Он имел чин тайного советника (по Табели о рангах это был чин третьего класса, равнявшийся званию генерал-лейтенанта). С 1887 года под началом Карла Карловича слу-

⁸⁶⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 33–34 об.; Д. 240. Л. 84 об.

⁸⁶⁹ Там же. Д. 241. Л. 15–15 об.

⁸⁷⁰ Министерство внутренних дел. Исторический очерк (1802–1902). СПб., 1901. С. 118.

⁸⁷¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 370. Л. 26 об. – 28.

жил и его единственный (из пятерых детей) сын – Отто. Сюда же, на деликатную и выгодную работу, пристроил он и племянника жены – Леопольда Гамберга. В ноябре 1891 года К.К. Вейсман подал прошение об отставке «по расстроенному здоровью». Ему была пожалована негласная пенсия 3310 руб. в год. Умер он в 1912 году семидесяти пяти лет от роду⁸⁷².

Через две недели после подачи Вейсманом прошения об увольнении от службы, 6 декабря 1891 года, старший цензор А.Д. Фомин получил секретное предписание министра внутренних дел И.Н. Дурново: «Предлагаю Вашему превосходительству... принять на себя управление почтовою цензурою и секретною частью не только в Санкт-Петербурге, но и над всеми подобными учреждениями в империи, по каковым делам Вы будете иметь непосредственно со мною сношения»⁸⁷³. Александр Дмитриевич Фомин (8 июня 1845#го – 26 декабря 1916 года, Санкт-Петербург), сын дворянина, окончивший привилегированное Училище правоведения, пришел в цензуру весьма зрелым человеком, почти в сорок лет, в конце 1884 года. Но зато уже через семь лет возглавил службу перлюстрации⁸⁷⁴.

Нес он службу весьма добросовестно, особенно первые лет двадцать – двадцать пять. Достаточно сказать, что на протяжении пятнадцати лет, начиная с зачисления в цензуру иностранных газет и журналов и по 1898 год, он только дважды брал отпуск: в 1885 году на четырнадцать дней и в 1889#м – на два месяца. Лишь с 1899 года Фомин регулярно (раз в два года) отдыхал в течение двух месяцев за границей и в империи. Всего на государственной службе он прослужил пятьдесят лет и шестнадцать дней. 2 июня 1914 года его по болезни уволили в отставку с присвоением чина действительного тайного советника. Данный чин соответствовал званию генерала от инфантерии и предполагал обращение к Александру Дмитриевичу «Ваше Высокопревосходительство». Распоряжением Николая II этому старому холостяку была установлена пенсия 5 тыс. руб. в год⁸⁷⁵. Именно с Фоминым связана легенда о старичке, который якобы на протяжении нескольких царствований являлся к новому государю с докладом о перлюстрации в империи. На самом деле эту миссию выполнял, как уже говорилось выше, очередной старший цензор, докладывавший новому министру внутренних дел.

Реальное руководство делом перлюстрации еще в последние годы пребывания Фомина на службе осуществлял Михаил Георгиевич Мардарьев (25 апреля 1858 года – 1918?). Как заметил на допросе в июне 1917 года И.А. Зыбин, «последние годы... Фомин, по дряхлости своей, только числился». Подобно Вейсману, Мардарьев прошел в службе перлюстрации все ступеньки карьерной лестницы, начав в двадцать три года, в 1881 году, с должности чиновника, знающего иностранные языки. По словам самого Михаила Георгиевича, первые три года службы в отделении цензуры иностранных газет и журналов при Петербургском почтамте он «ничего не знал» о существовании секретного отдела, ибо «в эти две комнаты никто из лиц, не посвященных в тайны перлюстрации, не имел доступа»⁸⁷⁶. После отставки Фомина в сентябре 1914 года министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил Мардарьеву распоряжение: «Предлагаю Вам принять управление цензурою иностранных газет и журналов и особою при ней частью в империи»⁸⁷⁷. Именно Мардарьеву пришлось давать пока-

⁸⁷² Там же. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 283–284 об.; Ф. 1289. Оп. 21. Д. 103. Л. 1–3, 9 об. Благодаря О.Р. Ницмана, правнука К.К. Вейсмана, и М. Гамберга, праправнука брата матери Л.Х. Гамберга, за дополнительные сведения о потомках Карла Карловича и Леопольда Христиановича.

⁸⁷³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 87 об.

⁸⁷⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 5122. Л. 7 об. – 8.

⁸⁷⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 5122. Л. 6 об. – 8, 29, 34, 37, 39.

⁸⁷⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 31, 43.

⁸⁷⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2874. Л. 39.

зания по делам перлюстрации в июне – августе 1917 года в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством⁸⁷⁸.

Любопытно, что Михаил Георгиевич в конце XIX века был не чужд интереса к историческим исследованиям. В частности, в 1887–1888 годах Почтово-телеграфный журнал напечатал его переводы «Международный почтовый обмен в 1880–1885 годах» (из французского журнала «*Union Postable*») и «Международный почтовый и телеграфный обмен Австрии в 1886 году»⁸⁷⁹. В 1898 году Мардарьев опубликовал в журнале «Русская старина» статью «Император Николай I и академик [Г.Ф.] Паррот». Здесь были приведены тексты писем академика от 1827 года о тяжелейшем положении Академии наук и необходимости учредить ее новое штатное расписание, а также проект 1846 года о понижении уровня Чудского и Псковского озер⁸⁸⁰. Из переписки Мардарьева в 1899 году с известным цензором К.А. Военским известно, что Михаил Георгиевич работал над статьей о супруге царевича Алексея Петровича Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской, матери будущего императора Петра II и тетке австрийской императрицы Марии-Терезии, и планировал новые исследования⁸⁸¹. Негативный отзыв о Мардарьеве, хотя и без всяких конкретных обоснований, можно найти в мемуарах товарища министра внутренних дел в 1913–1915 годах В.Ф. Джунковского. Он вспоминал о Михаиле Георгиевиче следующими словами:

...к нему#то душа у меня и не лежала, хотя упрекнуть его я ни в чем не мог, но какое#то чувство недоверия к нему меня не покидало. Заменить его другим лицом у меня данных не было, а кроме того, я и не мог решиться на это – он слишком много знал, чересчур доверенный пост он занимал. Приходилось терпеть, держать его в руках: я рассчитывал, главное, на то, что Мардарьев, дорожа своей хорошо оплачиваемой должностью, и всецело зависевший от меня, не решится идти в разрез моим указаниям и требованиям, особенно после ухода [С.П.] Белецкого, на поддержку коего он уже рассчитывать не мог⁸⁸².

К сожалению, в нашем распоряжении почти нет материалов, позволяющих воссоздать живой облик чиновника «черных кабинетов» начала XX века, кроме В.И. Кривоша (о нем – специальный очерк в главе шестой). Вместе с тем в тех же мемуарах Джунковского есть документ, из которого видно несомненное мужество старшего цензора варшавской цензуры иностранных газет и журналов Альфреда Фридриховича Шлиттера (род. в 1869 году). Напомню, что о его деловых качествах высоко отзывался в 1910 году вице-директор ДП С.Е. Виссарионов (см. вторую главу настоящей книги). Во время отступления русской армии в 1915 году А.Ф. Шлиттер проявил не только распорядительность, но и полное самообладание. Варшавский генерал-губернатор генерал-лейтенант князь П.Н. Енгальчев поторопился со всей администрацией покинуть Варшаву. В связи с этим Джунковский писал:

Варшава оставалась в наших руках еще 10 дней. Я получил по сему поводу следующее донесение от старшего цензора [А.Ф. Шлиттера], остававшегося со своими чинами в Варшаве по отъезде князя Енгальчева.

⁸⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 43–53 об., 88–89.

⁸⁷⁹ Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1887. № 11–12; 1888. № 2. С. 75–80; № 3. С. 146–153; № 7. С. 346. Печатался здесь и его младший брат Н.Г. Мардарьев – см.: История почтовых знаков оплаты и введение их в России // Там же. 1888. № 6. С. 315–324.

⁸⁸⁰ Мардарьев М. Император Николай I и академик Паррот // Русская старина. 1898. Т. 96. № 11. С. 385–396. Георг Фридрих Паррот (1767–1852) находился в России с 1795 года, был профессором физики, с 1896 года – академиком.

⁸⁸¹ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 483. Л. 1.

⁸⁸² Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. братьев Сабашниковых, 1997. С. 275.

«По совершенно не понятным никому причинам вся варшавская администрация, во главе с генерал-губернатором, покинула Варшаву. Военное ведомство и все население недоумевают, так как в столь спешной эвакуации абсолютно никакой надобности не было. Хотя нашу цензуру тоже пугали, что рискуем попасть в плен немцам, но мы, переживая второй раз [первый раз – во время боев в октябре 1914 года] столь тревожное время, отнеслись к этим запугиваниям довольно спокойно. Военные власти, находящиеся в Варшаве, во главе со штабом самой главной действующей здесь армии, об эвакуации совершенно не думают. Ввиду того, что Комитет внутренней цензуры по распоряжению генерал-губернатора тоже оставил Варшаву, военные власти мобилизовали нас и для несения службы по внутренней цензуре. На нас возложили просмотр всей выходящей здесь литературы на русском и польском языках. Читаем днем и ночью, но справляемся хорошо и с честью выходим из этого тяжелого ответственного положения, и даже лица из штаба армии действуют согласно нашим указаниям.

Каждый день путешествую на Прагу [часть Варшавы на правом берегу Вислы], куда переведена часть почты, и жду момента, когда явится возможность приступить к нашим специальным занятиям. Имея каждый день близкое и даже непосредственное общение с военным ведомством, я теперь вполне убедился, что вся паника создана нашим гражданским начальством. Дела военные далеко не так плохи, как об этом стараются трубить некоторые лица. Напротив, здесь, в армии, царит полная уверенность, что Варшаву немцам не отдадут и что ее удастся отстоять [Варшава была оставлена русскими войсками 22 июля (4 августа)]. В штабе нас благодарят каждый день, что мы их выручили в критический момент. Тяжело только работать ночью. Оказывается, как даже выразились все представители местной печати, мы с [Б.Ф.] Кургановым справляемся с нашей сложной задачей не хуже 14 бежавших из Варшавы цензоров местного Комитета по делам печати. Как только явится возможность приступить к специальным занятиям, донесу шифрованной телеграммой»⁸⁸³.

Каков же среднестатистический портрет чиновника «черных кабинетов» XIX – начала XX века? В ответе на данный вопрос нам может помочь изучение формулярных списков. Эти «трудовые книжки» заводились на всех чиновников по установленной форме с 1798 года, а затем видоизменялись в 1815, 1827, 1849 и 1905 годах. Но, естественно, секретная деятельность в них никак не отражалась. Вместе с тем само содержание формуляров позволяет установить основные личные параметры чиновников «черных кабинетов»: возраст, происхождение, вероисповедание, образование, наличие или отсутствие недвижимости, родственные связи и т. д.

Бывший цензор «черного кабинета» в Петербурге В.И. Кривош, скрывшийся под псевдонимом «С. Майский», утверждал в своих воспоминаниях относительно начала XX века, что «цензорами иностранных газет и журналов состояли люди весьма почтенные, все с высшим образованием и служившие, кроме цензуры, где они были заняты только по утрам и в дежурные дни по вечерам, еще и в других учреждениях: в Министерстве иностранных дел, в университете или учителями средних учебных заведений»⁸⁸⁴. Мифичность этого утвержде-

⁸⁸³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 607.

⁸⁸⁴ Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007. С. 196–200.

ния была доказана мной еще в 1998 году. Но в популярной литературе миф о поголовном высшем образовании цензоров и их «весьма почтенном возрасте» продолжает тиражироваться. На самом же деле к 1914 году ни один из перлюстраторов не имел законченного университетского образования. Большинство имели за плечами различные училища и гимназии. Почти половина чиновников были в возрасте от сорока до пятидесяти лет⁸⁸⁵. Но цельного исследования, которое охватывало бы длительный период, не существует. Поставив своей целью рассмотреть личный состав «черных кабинетов» с начала XIX века, я разделил их сотрудников на три группы: сотрудники первой половины XIX века, второй половины XIX века и начала XX века. Основанием для помещения того или иного чиновника в соответствующую группу стала дата его поступления на службу в почтовое ведомство.

Итак, в моем распоряжении оказались сорок два формуляра чиновников, начавших службу в почтовом ведомстве в первой половине XIX века, пятьдесят формуляров тех, кто начал службу во второй половине XIX века, и девять – в начале XX века, до 1917 года. Меня интересовали следующие позиции: происхождение, вероисповедание, наличие или отсутствие недвижимости, образование, возраст к моменту допуска к секретной работе, родственные связи. Надо отметить, что записи в формулярах, особенно относительно происхождения и образования, далеко не всегда позволяют однозначно отнести того или иного чиновника к конкретному сословию либо определить уровень его образования. Поэтому приношу благодарность за личные консультации Б.Б. Дубенцову и Н.Г. Патрушевой, а также за возможность использовать статью Д.И. Раскина⁸⁸⁶.

В результате среди сорока двух перлюстраторов первой половины XIX века было по происхождению: дворян – двадцать один человек (50 %), детей личных дворян – четыре человека (9,5 %), из духовенства – два (4,8 %), из купцов – два (4,8 %), из мещан – одиннадцать (26,2 %), происхождение двух человек неизвестно. По вероисповеданию: православных – четырнадцать (33,3 %), лютеран различного толка – 23 (54,8 %), католиков – четыре человека (9,5 %), конфессия одного неизвестна. Недвижимость, наследственную или приобретенную, имели лишь семь человек (16,7 %). Высшее образование было у одиннадцати (26,2 %). В числе последних четверо (В.А. Брокер, П.Е. Зарин, Ф.Ю. Ульрихс и В.Ф. Шор) окончили Московский университет, двое (Ф.Ф. Стюарт и А.В. Тилезиус фон Тиленау) – Санкт-Петербургский университет, один (И.И. Горлицын) – Славяно-греко-латинскую академию, еще один (Н.П. Левитский) – Санкт-Петербургскую духовную академию. Среднее образование имели также одиннадцать человек (26,2 %). Из них четверо (О.Ф. Бруннер, А.Ф. Маснер, И.К. Рига и П.И. Фогель) окончили гимназии, один (К.Ф. Блюм) – Морской корпус, один (И.Ф. Вейраух) – Юнкерский институт, остальные – различные училища. Незаконченное среднее образование имел один человек (2,4 %) – Д.А. Штер (учился в гимназии в Петербурге, но не окончил ее). Домашнее образование получили шесть человек (14,3 %): П.Х. Витте, Ф.А. Ган, К.П. Майет, О.М. Рейзнер, А.О. Чиколини, А.П. Штер. Всего лишь начальное образование имели девять человек (14,3 %): А.Е. Баскаков, А. Гибнер, Х.Х. Кантер, Е.И. Киммель, Ф.И. Маснер, М.М. Михайлов, В.К. Поль, Э.К. Цирлейн и П.А. Штер. Данные об образовании четырех чиновников (9,5 %) – И.Ф. Васильковского, Ф.Я. Вейрауха, А.Ф. и К.А. Трефуртов – отсутствуют.

Естественно, что высокая степень секретности службы, необходимость весомой рекомендации при допуске к занятиям перлюстрацией приводили к особой значимости родственных связей. Среди чиновников «черных кабинетов» первой половины XIX века было четыре семьи, насчитывавшие в общей сложности одиннадцать человек (26,2 %). Это отец и сын

⁸⁸⁵ Измозик В.С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. С. 220–221.

⁸⁸⁶ Раскин Д.И. Исторические реалии биографий русских писателей XIX – начала XX вв. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: БРЭ, 1992. С. 593–613.

Ф.Я. и И.Ф. Вейраухи, семьи Маснер (Ф.И. Маснер, его сыновья Александр и Павел), Трефурт (А.Ф. Трефурт, его сыновья Людвиг и Константин), Штер (А.П. Штер, его сыновья Петр и Дмитрий).

Двадцать три человека (54,8 %) до перехода в почтовое ведомство проходили службу в самых разнообразных других: в военном ведомстве, народного просвещения, иностранных дел. При этом допуск к занятиям перлюстрацией в основном происходил в достаточно молодом возрасте: двадцать пять человек (59,5 %) начали работать в «черных кабинетах» до наступления им тридцати лет, тринадцать (30,9 %) – между тридцатью и пятьюдесятью, два человека (4,8 %) – в возрасте пятидесяти одного года, возраст еще двух человек (4,8 %) к моменту начала ими занятий перлюстрацией неизвестен⁸⁸⁷.

По второй половине XIX века мной было изучено пятьдесят пять формуляров чиновников. Среди них оказалось по происхождению: потомственных дворян – двадцать три человека (41,8 %), детей личных дворян – двенадцать (21,8 %), детей потомственных почетных граждан – четыре (7,4 %), детей личных почетных граждан – один (1,8 %), выходцев из духовенства – два (3,6 %), из мещан – двенадцать (21,8 %), из крестьян – один человек (1,8 %). По вероисповеданию: православных – 27 человек (49 %), лютеран различного толка – 25 (45,4 %), католиков – три человека (5,6 %). Недвижимость, наследственную или благоприобретенную, имели только пять человек (9 %). Высшее образование было у семи (12,7 %). Из них университеты окончили четыре человека: Н.К. Шлегель – Дерптский (Юрьевский) университет, М.Я. Соколовский – Киевский, Э.Ф. Блюм и Э.В. Керков – Московский. И.А. Горлицын и Д.С. Менагиос окончили Московскую духовную академию, А.Д. Фомин – Училище правоведения. Незаконченное высшее образование было у Ф.Ф. Тизенгаузена, который учился на юридическом и физико-математическом факультетах Санкт-Петербургского университета. Среднее образование имели четырнадцать человек (25,4 %), незаконченное среднее – 29 (52,7 %). Один человек (1,8 %) имел домашнее и еще один (1,8 %) – начальное образование. Один (1,8 %) выдержал экзамен на первый классный чин. В отношении одного (К.П. Свяцкого) нет данных об образовании.

Большинство из этих чиновников – тридцать один человек (56,4 %) – до перехода в Почтовый департамент трудились в других ведомствах: в военном, в Цензурном комитете, просвещения, судебном, Сенате и Синоде, в таможне. Столько же – тридцать один человек (56,4 %) – были допущены к секретной работе в возрасте до тридцати лет. Девятнадцать человек (34,5 %) начали заниматься перлюстрацией в тридцать – пятьдесят лет. И только пятерым чиновникам (9,1 %) было более пятидесяти, когда они стали работать в «черных кабинетах». Тринадцать человек (23,6 %) – почти каждый четвертый – были связаны родственными узами между собой или с другими сотрудниками «черных кабинетов». Например, К.К. Вейсман, старший цензор Санкт-Петербургского почтамта, с января 1886 года стал руководителем цензуры иностранных газет и журналов в Российской империи и «особой части при ней», т. е. перлюстрации. Его сын О.К. Вейсман начал трудиться под руководством отца с марта 1888 года, а племянник Л.Х. Гамберг – с января 1886 года. А.П. Маснер был сыном П.Ф. Маснера и внуком Ф.И. Маснера. Их общий стаж занятий в «черных кабинетах» составил без малого девяносто лет. Э.В. Керков был женат на дочери старшего цензора Мос-

⁸⁸⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 2–3, 58–59, 92 об. – 94; Д. 239. Л. 10–10 об., 11–12 об., 31–31 об., 49, 71–73 об., 86–89; Д. 240. Л. 38–42; Д. 241. Л. 63–63 об.; Д. 246. Л. 103–104, 171–173; Ф. 1289. Оп. 1. Д. 161. Л. 192–193; Д. 260. Л. 232–232 об.; Д. 270. Л. 37–38 об., 42 об. – 43 об.; Д. 277. Л. 3–4, 62–65; Оп. 21. Д. 37. Л. 1–10; Д. 50. Л. 3–5, 8–8 об., 12–22, 24–26; Д. 275. Л. 5–13, 18–20, 263–270, 292–300; Д. 277. Л. 24–24 об.; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 413. Л. 76–82; Д. 490. Л. 132–143; Д. 578. Л. 49–54; Д. 831. Л. 124–130; Д. 1014. Л. 1–3; Д. 1168. Л. 28–37; Д. 1258. Л. 30–35; Д. 1346. Л. 79–88; Д. 1395. Л. 12–15, 16–18; Д. 1819. Л. 24–29; Д. 1893. Л. 33–40; Д. 2171. Л. 102–107; Д. 2198. Л. 123–131; Д. 2227. Л. 104–107; Д. 2267. Л. 55–57 об.; Д. 2341. Л. 111–122; Д. 2235. Л. 85–91; Д. 2418. Л. 29–32; Д. 2538. Л. 105–109; Д. 2539. Л. 1–8; Оп. 4. Д. 70. Л. 20 об. – 21, 55 об. – 60, 73 об. – 74, 83 об. – 87; *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 809.

ковского почтамта А.А. Дислена. В Санкт-Петербургском почтамте в секретной экспедиции служили два брата, В.М. и К.М. Самусьевы, и сын одного из них – Е.К. Самусьев. Родными братьями были Б.Ф. и В.Ф. Кургановы, М.Г. и Н.Г. Мардарьевы. И это только те родственные отношения, которые мне удалось установить⁸⁸⁸.

Что касается периода 1900–1916 годов, то, как я говорил, у меня имеются сведения о девяти чиновниках, начавших службу в «черных кабинетах» в это время. Среди них потомственных дворян было четверо (44,5 %), сыном личного дворянина был один (11,1 %), выходцами из мещан были два человека (22,2 %), из крестьян – один (11,1 %) и происхождение одного человека неизвестно. Православных было пять человек (55,6 %), лютеран – три (33,3 %) и один (11,1 %) принадлежал к армяно-григорианской церкви. Никто из них не владел недвижимостью. Три человека (33,3 %) имели высшее образование: И.Г. Богомолов окончил Варшавский университет, Э.Ф. Чиж – Дерптский, а К.Р. Гартман – Пажеский корпус. Среднее образование получили четыре человека (44,4 %): Э.К. Зиверт, В.К. Карпинский, Ю.Р. Стакке и Н.В. Яблочков. Один человек (11,1 %), А.И. Богданов, имел незаконченное среднее образование. Еще один (11,1 %), Г.С. Иванов, сдал экзамен на первый классный чин. До поступления в цензуру иностранных газет и журналов два человека (22,2 %) служили в армии, один (11,1 %) – в конторе Государственного банка, двое (22,2 %) – на различных должностях в почтово-телеграфном ведомстве. Три человека (33,3 %) были связаны родственными отношениями с людьми, уже трудившимися в «черных кабинетах»: Э.К. Зиверт был сыном руководителя «черного кабинета» в Киеве К.Ф. Зиверта, Н.В. Яблочков был сыном старшего цензора Московского почтамта В.М. Яблочкова, В.Ф. Курганов вторым браком женился в 1913 году на родственнице В.К. Карпинского⁸⁸⁹.

Таким образом, можно сделать общие выводы. Из 106 человек, поступивших на службу в «черные кабинеты» за сто с небольшим лет, детей потомственных дворян было сорок восемь (45,3 %), детей личных дворян – семнадцать (16 %), мещан – двадцать пять (23,6 %); выходцев из сословия почетных граждан (появилось лишь в 1832 году) – пять человек (4,7 %), из духовенства – четыре (3,8 %), из купечества – два (1,9 %), из крестьян – также два человека (1,9 %). Происхождение трех человек неизвестно. По вероисповеданию за весь период православных было сорок семь человек (44,3 %), лютеран различного толка – пятьдесят (47,1 %), католиков – семь (6,6 %) и один человек (0,9 %) представлял армяно-григорианскую церковь. Конфессиональная принадлежность одного человека неизвестна. Недвижимостью владели всего двенадцать чиновников (11,3 %). Высшее образование имел двадцать один (19,8 %). Среднее и незаконченное среднее образование получили соответственно двадцать девять (27,3 %) и тридцать один человек (29,2 %). Домашнее и начальное образование имели соответственно восемь (7,5 %) и десять (9,4 %). Более половины – шестьдесят один человек (57,5 %) – начали службу в «черных кабинетах» до тридцатилетнего возраста. Тридцать пять человек (33 %) избрали эту стезю в возрасте от тридцати до пятидесяти. И только семеро (6,6 %) поступили сюда уже в весьма зрелые годы – после пятидесяти лет. Отдельные периоды различаются, пожалуй, лишь по доле православных, резко выросшей во второй половине XIX века, а также по количеству людей, имевших только начальное образование, – их доля, напротив, падала. В целом же эта служба давала возможность сделать карьеру людям в основном небогатым, не получившим престижного образования, но обла-

⁸⁸⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 133; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 303; Д. 524; Д. 725; Д. 901; Д. 1714. Л. 2–9, 12–24 об., 26–26 об.; Д. 2185; Д. 2315. Л. 1–6; Д. 2454; Д. 2874; Д. 3029; Д. 3085; Д. 4268; Д. 4310; Оп. 5. Д. 4389. Л. 1–42; Д. 5122; Д. 5409. Л. 1–20 об.; Д. 5415; Д. 5488; Д. 5501; Оп. 21. Д. 46. Л. 10–11 об., 18–28; Д. 50. Л. 1–2, 24–26; Д. 51. Л. 5–5 об., 56–59, 62–63, 64–70; Д. 63. Л. 5 об. – 6; Д. 70. Л. 1–10; Д. 91. Л. 1–12, 14–17; Д. 98. Л. 18 об. – 19; Д. 275. Л. 1 об. – 3; 14–17, 22–25, 26–30, 66–73, 103–110, 133–137, 146–158, 159–163, 174–178, 180–183, 190–196, 208–213, 217–219, 223–229, 231–236, 239–241, 243–245, 249–251, 276–280, 307–315, 324–332; Ф. 1349. Оп. 1. Д. 3370. Л. 9–13; Оп. 2. Д. 1392. Л. 29 об. – 34.

⁸⁸⁹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 389; Д. 968; Д. 2035; Д. 2454; Д. 4242; Оп. 5. Д. 5334. Л. 1–31; Д. 5638; Оп. 21. Д. 192. Л. 11; Д. 275. Л. 324–332; Д. 278. Л. 29.

давшим хорошим знанием иностранных языков. Поэтому здесь было много выходцев из Прибалтики и западных губерний.

Вместе с тем к концу XIX века дети некоторых из цензоров избирают уже другой жизненный путь. Например, сыновья Г.Н. Люби и М.Г. Мардарьева – К.Г. Люби и М.М. Мардарьев – стали морскими офицерами. Константин Григорьевич Люби (22 декабря 1888 года, Санкт-Петербург – 11 июня 1957 года, Мелен, Франция) окончил Морской кадетский корпус в 1908 году. В 1911#м был награжден итальянской серебряной медалью «За подвиги, оказанные при спасении жителей г. Мессины во время землетрясения». Служил с октября 1913 года на подводных лодках: лейтенантом на лодке «Судак», старшим офицером и командиром подводной лодки – минного заградителя «Краб» в 1915 году, старшим офицером подводной лодки «Нерпа» в 1916#м, командиром вооруженного ледокола «Гайдамак» и канонерской лодки «Страж» в 1919–1920 годах. Был произведен 28 марта 1920 года генералом П.Н. Врангелем в капитаны 2#го ранга. Был награжден золотым оружием за заграждение Босфора (на подводном заградителе «Краб»). В эмиграции написал книги «Под колумбийским флагом» (1934) и «Волны Балтики» (под псевдонимом «Черномор») ⁸⁹⁰. Михаил Михайлович Мардарьев (28 марта 1889 года –?) также окончил Морской кадетский корпус в 1908 году. Служил помощником начальника Гидрографической экспедиции Балтийского моря, исполнял обязанности старшего офицера канонерской лодки «Маньчжур», в октябре 1914 года был ранен в голову в бою с немецким крейсером «Эмден», в 1915#м командовал эсминцами «Грозный», «Беспощадный», «Властный» ⁸⁹¹.

Знакомство с архивными материалами создает впечатление, что в реальной жизни при приеме на службу в «черные кабинеты» строгие инструкции иногда отступали перед родственными связями. Например, в аттестате Эриха Зиверта об окончании Киевского реального училища по английскому, немецкому и французскому языкам стоит оценка «удовлетворительно», а попытка этого молодого человека продолжить обучение в Киевском политехническом институте закончилась через полгода. Тем не менее отец сумел взять его к себе, в киевскую цензуру, в феврале 1913 года ⁸⁹².

Служба в «черных кабинетах» была престижной, а средств поощрения было достаточно много. Служащие цензуры иностранных газет и журналов и прикомандированные к ней чувствовали свое особое положение. Это выражалось самыми разнообразными способами. В 1835 году, когда составляли расписание гражданских должностей и их отнесение к определенному классу, А.Н. Голицын по воле Николая I имел объяснение с председателем Государственного совета Н.Н. Новосильцевым. Было решено, что должности в цензуре иностранных газет и журналов не будут иметь классности. Данное решение было утверждено указом 7 января 1836 года с формулировкой: «... чиновников, употребляемых по делам цензуры и переводчиков в Почтамтах, оставить... без присвоения им особых каких#либо классов». Затем это было подтверждено 29 июня 1847 года, а также именным указом 23 марта 1852 года. В последнем подчеркивалось, что в «примечании 2 к статье 363 Свода законов (изд. 1842) 3 части Установления о службе... чиновников, употребляемых по делам цензуры и переводчиков, особых чинов по сим должностям не присваивается». Тут же отмечалось, что данное правило распространяется «также на почтовых цензоров в губерниях и на переводчиков в почтовых конторах Виленской, Галацкой и Букарестской» ⁸⁹³.

⁸⁹⁰ Российский государственный архив Военно-Морского Флота [далее – РГА ВМФ]. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2420. Л. 1–15; Незабываемые могилы. Российские зарубежные некрологи. 1917–1999. Т. 4. М., 2004. С. 264–265; Черкашин Н. В библиографических списках не значатся! // Андреевский флаг. Межрегиональный морской информационно-исторический вестник. 1992. № 10–12. С. 4. Н. Черкашин ошибочно считает его сыном морского офицера и неверно указывает дату смерти.

⁸⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2420. Л. 1–15 об.

⁸⁹² РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 1712. Л. 7.

⁸⁹³ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 11. Отдел 1. № 8752; Т. 27. Отдел 1. № 26089; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 241. Л. 90–95 об.

Об этом, кстати, приходилось неоднократно напоминать впоследствии чиновникам. Так, в феврале 1910 года, когда два цензора, В.Е. Лоренсон и К.П. Свяцкий, были представлены к награждению орденом Св. Анны 2#й степени, директор Департамента общих дел МВД К.К. Веймарн заявил, что в этом случае они должны иметь должность не ниже восьмого класса. Последовал ответ А.Д. Фомина – должности цензоров класса не имеют⁸⁹⁴. В результате младший цензор мог иметь чин действительного статского советника, т. е. четвертого класса. Таких чинов достигли на этой скромной должности Л.В. Березин (1885), П.К. Бронников (1909), А.А. Бюлье (1909), О.К. Вейсман (1910), Л.Х. Гамберг (1911), Э.В. Керков (1896) и др.⁸⁹⁵ Это тем более удивительно, что возможность дослужиться до чина действительного статского советника во второй половине XIX века была затруднена. По закону от 1 августа 1898 года его мог получить лишь тот, кто занимал должность более низкого, пятого класса не менее пяти лет, а законом от 2 августа 1900 года дополнительно требовалось прослужить в целом в классных чинах не менее двадцати лет⁸⁹⁶. Между тем Вейсман-младший получил чин статского советника (пятого класса) только в 1907 году, а Гамберг – в 1908#м, т. е. следующий чин – действительного статского советника – они получили всего лишь через три года. Добавлю, что при производстве в чин отмечалось, с какого времени следует его исчислять. При этом, как правило, сам указ о присвоении чина появлялся позже, чем время, начиная с которого служащий имел право на новый чин. Например, указ Правительствующего Сената о производстве О.К. Вейсмана за выслугу лет в губернские секретари последовал 2 мая 1890 года со старшинством с 31 января 1890#го⁸⁹⁷. Иногда эта разница могла составлять и более значительный срок. Так, В.И. Кривош был произведен в губернские секретари 1 марта 1903 года со старшинством с 4 мая 1901#го⁸⁹⁸.

В феврале 1841 года был опубликован указ Сената об ограничении шестью месяцами производства жалованья чиновникам, причисленным к различным департаментам, но не определенным к конкретным должностям. В итоге А.Н. Голицын 5 октября 1841 года доложил государю, что не может сообщить Комитету министров фамилии пятерых чиновников, причисленных к Почтовому департаменту и занимающихся перлюстрацией. Николай I «соизволил согласиться» с аргументацией главноначальствующего над Почтовым департаментом⁸⁹⁹.

Чиновники секретной экспедиции могли рассчитывать на внеочередное производство в чин или награждение орденом «за особые заслуги». Например, после открытия в сентябре 1878 года перлюстрационного пункта в Харькове для быстрее налаживания работы туда были командированы из Петербурга К.К. Вейсман и Л.Л. Чернай. В декабре 1878 года их представили к награждению за успехи, «выходящие из ряда обыкновенных заслуг». Вейсман получил чин статского советника, а Чернай – орден Св. Анны 3#й степени⁹⁰⁰.

Были и другие льготы. Например, когда в апреле 1877 года началась русско-турецкая война, тотчас – 17 апреля – последовало высочайшее повеление об освобождении цензоров от призыва⁹⁰¹. Кроме этого, в рамках почтово-телеграфного ведомства служащие перлюстрации имели несравнимо более высокое, чем у других сотрудников, жалованье и возможность достаточно быстрого продвижения по служебной лестнице. Как писал начальству в

⁸⁹⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 221. Л. 165–167.

⁸⁹⁵ Алфавитный список чиновников цензуры иностранных газет и журналов (архив автора).

⁸⁹⁶ См.: *Патрушева Н.Г.* Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Северная звезда, 2011. С. 38.

⁸⁹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 4. Д. 725. Л. 3 об. – 4.

⁸⁹⁸ Там же. Д. 2315. Л. 3 об. – 4.

⁸⁹⁹ Там же. Оп. 241. Д. 240. Л. 57–58 об.

⁹⁰⁰ Там же. Д. 246. Л. 283–284 об.

⁹⁰¹ Там же. Оп. 21. Д. 51. Л. 46.

Петербург 7 февраля 1906 года старший цензор Рижской почтовой конторы И.Ф. Шмидт, ему «пришлось слишком часто убедиться в том, что служащие дорожат местом пропорционально... вознаграждению»⁹⁰². При учреждении секретной экспедиции при Минской почтовой конторе указ императора от 20 июля 1809 года предусматривал ежегодное жалование чиновнику, «в деле сем опытному и надежному», 500 руб. в год⁹⁰³. В указе Александра I от 6 сентября 1810 года товарищу министра внутренних дел О.П. Козодавлеву об учреждении «черного кабинета» в Яссах предлагалось, направив туда двух чиновников из Московского почтамта, выдавать им «со дня отправления и во все время доколе они при сем поручении находиться будут» двойное жалование, а также отпустить каждому единовременно по тысяче рублей ассигнациями на проезд и «обзаведение в новом месте»⁹⁰⁴.

Особым было и жалование сотрудникам «черных кабинетов». Официальное жалование чинам цензуры иностранных газет и журналов в начале XIX века составляло от 500 до 750 руб. ассигнациями, а с 1867 года – от 600 руб. до 2 тыс. руб. серебром⁹⁰⁵. На деле в 1825 году управляющий секретной экспедицией А.П. Штер получал из секретных сумм 3500 руб., другие основные сотрудники – И.Ф. Вейраух, Е.И. Киммель, Ф.И. Маснер, М.М. Михайлов, Э.К. Цирлейн, Х.Х. Шлегель – от 1200 до 2500 руб. При этом с учетом возраста, стажа и выполняемой работы А.П. Штеру и Х.Х. Шлегелю были назначены пенсии соответственно 3 тыс. и 2 тыс. руб., Ф.Я. Вейрауху, Е.И. Киммелю, Ф.И. Маснеру – пенсии по 1500 руб., хотя все они продолжали службу. М.М. Михайлову прибавили 800 руб., а Э.К. Цирлейну – 1 тыс. руб., поскольку К.Я. Булгаков настаивал на том, что эти люди «по всей справедливости должны... быть обеспечены на счет своего содержания»⁹⁰⁶. Согласно штатному расписанию от 22 октября 1830 года, старшим цензорам был установлен годовой оклад в Санкт-Петербурге – 2500 руб., в Москве – 1800 руб., в Вильно – 1200 руб.; цензорам в Санкт-Петербурге – 2 тыс. руб., в Москве – 1500 руб., в Вильно – 1 тыс. руб.; переводчикам – соответственно 1500, 1 тыс. и 800 руб.⁹⁰⁷ Это без учета выдач из секретных сумм.

В начале XX века жалование чиновников цензуры иностранных газет и журналов состояло из нескольких частей: выплаты из сумм почтового ведомства по занимаемой должности, добавочные выплаты из «особой» (секретной) суммы, надбавка за каждые пять лет выслуги, квартирные деньги (в случае отсутствия казенной квартиры), награды к Пасхе (раз в два года) и Рождеству (при наличии неизрасходованного остатка бюджета). Высочайше утвержденным 5 мая 1892 года решением Государственного совета министру внутренних дел было дано право выплачивать чинам почтово-телеграфного ведомства деньги на наем квартиры («квартирные»), но не более 30 % присвоенного жалования⁹⁰⁸. При этом размер жалования различался в шесть-семь раз. Например, в 1908 году переводчик московской цензуры, служивший менее пяти лет, при наличии казенной квартиры получал 1028 руб. 88 коп. в год, т. е. лишь 85 руб. 74 коп. в месяц. В то же время старший цензор Санкт-Петербургского почтамта А.Д. Фомин, также имевший казенную квартиру, получал 7950 руб. в год (662 руб. 50 коп. в месяц). Данная сумма складывалась из 2 тыс. руб. за его официальную должность, 3 тыс. руб. из секретных сумм, 1 тыс. руб. доплаты за руководство «Особой частью в импе-

⁹⁰² Там же. Д. 138. Л. 40 об.

⁹⁰³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 109.

⁹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 109 об. – 110.

⁹⁰⁵ Министерство внутренних дел: Исторический очерк. Приложение 2#е. С. 118.

⁹⁰⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 7 об., 34–34 об., 36.

⁹⁰⁷ ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 5. № 4020.

⁹⁰⁸ ПСЗ. Собр. 3#е. Т. 12. № 8585; Министерство внутренних дел: Исторический очерк. Приложение 2#е. С. 14.

рии», 1 тыс. руб. за выслугу лет, 250 руб. наградных к Пасхе и 700 руб. к Рождеству (независимо от наличия остатка бюджета)⁹⁰⁹.

Весьма значительно различались доходы столичных и провинциальных чиновников цензуры иностранных газет и журналов, о чем я уже упоминал во второй главе. Каково было соотношение между этими доходами и какое жалование предлагалось, видно из таблицы 10.

Таблица 10

Сравнительная ведомость содержания провинциальных и столичных чиновников-перлюстраторов цензуры иностранных газет и журналов на 1908 год (в руб.)⁹¹⁰

Город	Должность	Число лиц	Общая цифра годового жалования без квартирных и выплат за выслугу лет	То же — у соответствующего чиновника в Санкт-Петербурге	Разница (-)	Предлагаемое жалование
Москва	Старший цензор	1	3287	4475	-1188	3600
	Младший цензор	3	1800 (на каждого)	3200	-1400	2400 (на каждого)
	Переводчик	1	1086	2555	-1469	1800
	Чиновник, знающий иностранные языки	1	1200	1950	-750	1600
		2	1029 (на каждого)	1950	-921	1600 (на каждого)
Варшава	Старший цензор	1	2740	4475	-1735	3600
	Младший цензор	1	2010	3200	-1190	2400
		1	1400	3200	-1800	
	Переводчик	1	1170	2555	-1385	1800
	Причисленный к МВД	1	1050	1200	-150	1600
Казань	И.о. цензора, причисленный к МВД	1	1800	3200	-1400	Пункт был закрыт в 1909 году
	Цензор	1	2400	3200	-800	3000
		1	1400	3200	-1800	–
	Чиновник, знающий иностранные языки	1	1140	1950	-810	–
Одесса	Старший цензор	1	2287	4475	-2188	–
	Чиновник, знающий иностранные языки	1	1185	1950	-765	–
		2	1140 (на каждого)	1950	-810	–
	Причисленный к МВД	1	1050	1200	-150	–
Харьков	И.о. цензора, причисленный к МВД	2	1800 (на каждого)	3200	-1400	–

Кроме жалования усердные работники могли рассчитывать на дополнительные выплаты, как единовременные, так и постоянные, а также на различного вида награды. Сама система поощрения, естественно, сложилась далеко не сразу. В XIX веке, особенно в первой его половине, можно выделить следующие виды наград: благодарность монарха, ценные подарки, пожалование земель или арендой, единовременное денежное вознаграждение или увеличение жалования, производство в следующий чин, награждение орденом. Так, 9 июля 1821 года А.Н. Голицын доложил Александру I просьбу литовского почт-директора А.И. Бухарского о награждении чиновников, «трудящихся по секретной части». В результате О.М. Рейзнеру, который «по опытности и знанию иностранных языков... употребляется к составлению секретных выписок и переводов с разных языков», и А.И. Трефурту, «имеющему особенные способности к производству секретного дела и занимающемуся оным с отличным трудолюбием», были даны подарки; Ф.Ф. Розену, «который ведет всю переписку по секретной части и управляет газетной экспедицией», – орден Св. Анны 3#й степени; помощнику почт-директора Ходолею, который «имеет ныне главный надзор за секретной

⁹⁰⁹ Подсчет мой на основании: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 38. Л. 3–4; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 45.

⁹¹⁰ Подсчет мой на основании: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 38. Л. 5, 5 об., 15–15 об., 27–27 об., 30.

частью», – орден Св. Анны 2#й степени⁹¹¹. В марте 1844 года старшему цензору и действительному статскому советнику Э.К. Цирлейну была пожалована табакерка с императорским вензелем⁹¹². 17 апреля 1860 года старшему цензору И.Ф. Вейрауху также была пожалована табакерка, а чиновнику киевского «черного кабинета» К.Ф. Блюму – перстень (оба подарка – с вензелем и изображением императора). К Пасхе 1862 года подобной табакеркой был поощрен действительный статский советник П.Х. Витте⁹¹³. 12 июля 1824 года Александр I дал согласие выдать из сумм императорского кабинета 5 тыс. руб. Х.Х. Шлегелю, трудившемуся в секретной экспедиции с 1795 года, – на лечение за границей его дочери, «лишившейся ума»⁹¹⁴. В феврале 1842 года почтмейстер С.Д. Шаржинский, руководивший перлюстрацией в Житомире, получил негласно 250 руб. серебром⁹¹⁵. Четырехмесячные отпуска в мае 1853#го и апреле 1856 года с выделением 2 тыс. руб. серебром были предоставлены помощнику варшавского почт-директора А.П. Массону – для его лечения на карлсбадских минеральных водах и приема морских ванн⁹¹⁶.

При представлении к награждению чиновников секретной экспедиции в правление Николая I требовалось указать конкретные заслуги каждого из кандидатов. Например, в докладе А.Н. Голицына 31 марта 1840 года отмечалось, что Ф.И. Маснер является старшим перлюстратором секретной экспедиции и занимается этим делом более тридцати пяти лет (на деле – более сорока лет), Г.П. Кругликов читает русские, немецкие и французские письма «и делает из них выписки»⁹¹⁷. В докладе 1 февраля 1842 года подчеркивались заслуги П.А. Штера, который «делает выборку писем со всех почт и читает их на русском, немецком и французском языках; составляет выписки, пишет шифры и ведет секретную переписку»⁹¹⁸. В докладе 4 апреля 1848 года указывалось, что старший цензор Ф.Ю. Ульрихс «приобрел полное право на особенное монаршее к нему внимание», поскольку, в частности, после смерти А.О. Чиколини в мае 1847 года несет ответственность за цензуру⁹¹⁹. 7 октября 1851 года В.Ф. Адлерберг просил о единовременном денежном пособии не имевшему состояния сорокасемилетнему П.Х. Витте – по случаю его вступления в брак. При этом отмечалось, что он один читает переписку с испанского и португальского языков⁹²⁰.

30 марта 1830 года Николай I утвердил представление почт-директора Санкт-Петербургского почтамта К.Я. Булгакова, доложенное князем А.Н. Голицыным, о выдаче служащему в секретной экспедиции почтамта Э.К. Цирлейну сверх жалованья негласно, из секретных сумм, 1 тыс. руб. ежегодно. Эти деньги он получал вплоть до своей смерти 13 декабря 1844 года⁹²¹. В те годы официальное содержание Цирлейна составляло 3 тыс. руб. в год, в том числе 1500 руб. жалованья и столько же квартирных⁹²². Таким образом, доля негласных сумм достигла 25 % от всех получаемых им тогда денег. 9 февраля 1836 года Николай I дал согласие добавить к жалованью семидесятивосьмилетнего Ф.Я. Вейрауха 1200 руб. в год и выдать единовременно 3 тыс. руб. за создание под его руководством новой массы для изготовле-

⁹¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 1–1 об.

⁹¹² Там же. Д. 241. Л. 40 об. – 41.

⁹¹³ Там же. Д. 246. Л. 18, 23, 83.

⁹¹⁴ Там же. Д. 237. Л. 26.

⁹¹⁵ Там же. Д. 241. Л. 49 об. – 50.

⁹¹⁶ Там же. Д. 244. Л. 15–15 об.

⁹¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 30 об., 36 об.

⁹¹⁸ Там же. Л. 84.

⁹¹⁹ Там же. Д. 242. Л. 12 об. – 13.

⁹²⁰ Там же. Д. 243. Л. 17; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 413. Л. 76–82.

⁹²¹ Там же. Ф. 468. Оп. 39. Д. 280. Л. 1–3, 32–33.

⁹²² Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 346. Л. 28 об.

ния поддельных печатей. В итоге общее жалованье Вейрауха составляло 6200 руб.⁹²³ Его сыну И.Ф. Вейрауху, 19 марта 1844 года была дана прибавка к окладу – 500 руб.⁹²⁴ 18 марта 1858 года император дал согласие на ежегодную прибавку 2 тыс. руб. серебром Ф.И. Ульрихсу, многолетнему руководителю секретной экспедиции и цензуры⁹²⁵. Еще одной формой поощрения была аренда. Также многолетнему руководителю секретной экспедиции в Санкт-Петербурге А.П. Штеру в январе 1818 года была пожалована на двенадцать лет в аренду мыза Лайминг в Аренбургском (Эзельском) уезде Лифляндской губернии, приносящая доход до 1817 руб. серебром. Пользование арендой продлевалось 9 сентября 1826 года и 24 марта 1836#го. После смерти Штера арендой пользовались его наследники. В 1855 году она была продлена еще на двенадцать лет, а в 1862#м – на шесть⁹²⁶. Статскому советнику А.Ф. Трефурту в 1837 году был пожалован бриллиантовый перстень, а 21 марта 1841 года – дано в аренду 1500 десятин земли⁹²⁷. Действительному статскому советнику А.О. Чиколлини 4 июня 1847 года была пожалована аренда на двенадцать лет с выплатой по 1200 руб. серебром в год⁹²⁸. Иногда секретная работа становилась формальным препятствием к награждению. Например, в марте 1844 года В.Ф. Адлерберг, представляя к наградам Г.П. Кругликова и К.П. Майета, указал, что «заслуги их секретные не могут быть представлены в Орденских думах». Тем не менее император утвердил награждение Кругликова орденом Св. Владимира 4#й степени, а Майета – Св. Анны 3#й степени⁹²⁹. Любопытным исключением из общих традиций стало производство статского советника М.М. Михайлова в апреле 1850 года не в чин действительного статского советника, а в чин равного ему камергера двора⁹³⁰.

Вместе с тем было бы неверно считать, что Николай I безусловно соглашался на все просьбы о награждениях. Так, 1 февраля 1842 года он отказал в производстве виленского почт-директора А.Ф. Трефурта в чин действительного статского советника. Трефурт активно руководил перлюстрацией и имел лестные отзывы виленских генерал-губернаторов князя Н.А. Долгорукого и генерал-лейтенанта Ф.Я. Мирковича, однако за год до этого уже был пожалован арендой, что и послужило причиной отказа⁹³¹. Традиция выдачи денежных пособий за «особое усердие» сохранялась вплоть до 1917 года. Например, 15 января 1910 года директор ДП Н.П. Зуев ходатайствовал перед товарищем министра внутренних дел П.Г. Курловым о назначении В.К. Карпинскому 500 руб. пособия в возмещение расходов последнего по переезду в Тифлис «в виду весьма полезной деятельности»⁹³².

К празднику Пасхи, обычно раз в два года, чиновники, как перлюстраторы, так и занятые лишь цензурой иностранных газет и журналов, получали награды. Это мог быть очередной чин, орден, денежное вознаграждение. Размеры таких сумм постепенно возрастали. Например, до 1842 года размер суммы наградных не был постоянным. Так, в 1838 году А.Н. Голицыну к празднику Пасхи было выдано из доходов Санкт-Петербургского почтамта 19 тыс. руб., в 1840 году – 9 тыс. руб. серебром⁹³³. С 1842 года и до 1858#го включительно к Пасхе отпускалось раз в два года 8 тыс. руб. (в 1844 году – 7700 руб. серебром). В 1860–1864 годах сумма была увеличена до 10 тыс., в 1866–1875#м – до 12 тыс., в 1877–1905#м – до

⁹²³ Там же. Оп. 241. Д. 237. Л. 93 об.; Д. 239. Л. 34–34 об.

⁹²⁴ Там же. Д. 241. Л. 41 об. – 42.

⁹²⁵ Там же. Д. 245. Л. 24–25, 28.

⁹²⁶ Там же. Д. 243. Л. 98–99; Д. 246. Л. 91–92 об.

⁹²⁷ Там же. Д. 240. Л. 81 об.

⁹²⁸ Там же. Д. 241. Л. 16.

⁹²⁹ Там же. Л. 43–43 об.

⁹³⁰ Там же. Д. 242. Л. 102 об.

⁹³¹ Там же. Д. 240. Л. 80–81 об.

⁹³² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 114 об. – 116.

⁹³³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 40; Д. 240. Л. 37 об.

17 тыс. Причем в виде исключения в 1874–1875 и 1882–1883 годах наградные отпускались два года подряд. В 1909 и 1911 годах сумма наградных составляла 20 тыс. руб.⁹³⁴

Как указывал в марте 1880 года министр внутренних дел Л.С. Маков, к празднику Пасхи полагалось ходатайствовать «о награждении денежными выдачами по примеру прежних лет тех из деятелей [почтовой цензуры и их помощников], которые не вошли в представление к почетным наградам, но одинаково достойны монаршего благоволения за свою усердную и полезную службу»⁹³⁵. Естественно, что сторожа и почтальоны получали от 20 до 40 руб., цензоры – от 200 до 600 руб., начальники почтовых контор и начальники почтово-телеграфных округов – по 300–400 руб. Например, к Пасхе 1897 года А.Д. Фомин получил 2 тыс. руб. «негласного пособия», его заместитель М.Г. Мардарьев – 800 руб., старший цензор в Москве О.А. Келер – 600 руб., руководители секретных экспедиций К.Ф. Зиверт (Киев), Гаврик (Тифлис), К.П. Свяцкий (Харьков), Ф.Р. Фанстиль (Казань) – по 400 руб., начальник Киевского почтово-телеграфного округа Ф.Г. Цециниевский – 300 руб., сторожа в Варшаве и Харькове – от 20 до 25 руб.⁹³⁶

Кроме этого, почтово-телеграфные чиновники, отбравшие письма для последующего просмотра, получали в месяц от 5 до 25 руб., а также им выдавались очередные наградные в увеличенном размере⁹³⁷. Реальное жалование самих чиновников-перлюстраторов было в два – два с половиной раза больше, чем значившееся в их формуляре. Так, старший цензор Киевского почтамта К.Ф. Зиверт к 1917 году получал в год 4410 руб., не считая суточных и процентных надбавок за дороговизну⁹³⁸. Это иногда создавало некоторые сложности в отношениях с другими официальными структурами. Например, в конце 1893 года старший цензор из Варшавы А.А. Крейцер и начальник Варшавской почтовой конторы Н.И. Шумский обратились к руководителю «черных кабинетов» А.Д. Фомину с сообщением, что с 1894 году в Варшаве вводится положение о государственном квартирном налоге. Для «исчисления нормы квартирного налога» сотрудники цензуры иностранных газет и журналов должны были сообщить размер своего штатного содержания и список занимаемых ими жилых помещений. Шумский спрашивал об официальных окладах чинов МВД, прикомандированных к его конторе (Гаврик, А.П. Занио и сам Крейцер), и советовал в случае невозможности раскрыть эти данные исходатайствовать «об освобождении означенных чиновников от упомянутого налога». Фомин дал указание, чтобы размер налога определила налоговая комиссия, исходя из оценки квартир. Переписка продолжалась до конца октября 1894 года, когда Александр Дмитриевич потребовал, чтобы его подчиненные немедленно уплатили нужные суммы (от 6 до 17 руб.) из собственных средств⁹³⁹.

Существовали также выплаты к Рождеству. Например, 17 декабря 1907 года товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров распорядился выдать к празднику 700 руб. Фомину и 1300 руб. «ближайшим его сотрудникам»⁹⁴⁰. Существовали персональные награды и доплаты. Так, в январе 1887 года цензор Г.Н. Люби перлюстрировал в Санкт-Петербургском почтамте письмо студента П. Андреюшкина приятелю в Харьков – и тем самым дал возможность арестовать 1 марта того же года группу А.И. Ульянова. После этого на протяжении восемнадцати лет, вплоть до смерти в 1905 году, Люби ежегодно получал 400 руб. в качестве наградных. Когда он умер, эти деньги были предложены М.Г. Мардарьеву, но тот

⁹³⁴ Там же. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 221. Л. 9, 212 об.; Ф. 1284. Оп. 241. Д. 241. Л. 45; Д. 246. Л. 244, 280.

⁹³⁵ Там же. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 63. Л. 7.

⁹³⁶ Там же. Л. 10, 16, 17; Д. 98. Л. 34, 35, 36, 72–75; Д. 154. Л. 32–69; Д. 221. Л. 32, 117.

⁹³⁷ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 57 об., 60.

⁹³⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 126.

⁹³⁹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 129. Л. 11–12, 14–18.

⁹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1293. Л. 6.

попросил присоединить их к общей сумме наградных на всех сотрудников петербургской цензуры, что и было сделано в Рождество 1905 года. С 1906 года эти 400 руб. были отменены⁹⁴¹. 18 сентября 1914 года Мардарьев, последний старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов и руководитель всего дела перлюстрации в империи, просил Департамент полиции выплатить 280 руб. восемнадцати сотрудникам «за усиленные труды в течение пяти дней»⁹⁴².

До середины 1870#х годов официальные пенсии чиновников цензуры иностранных газет и журналов были весьма скромными. Поэтому каждый раз при назначении пенсии руководитель почтового ведомства в ходе всеподданнейшего доклада просил с учетом заслуг назначить персональную пенсию из секретных сумм. Например, в январе 1849 года В.Ф. Адлерберг докладывал о восьмидесятилетнем старшем цензоре Санкт-Петербургского почтамта И.М. Беляеве, подавшем прошение об отставке. Ему полагалась пенсия 285 руб. серебром. С учетом его шестидесятирехлетней службы в МИДе и почтамте Адлерберг просил о негласной пенсии в 1500 руб. серебром, делая великолепное по цинизму замечание, что «пособие это, по преклонным его летам, конечно, будет непродолжительно»⁹⁴³. 5 мая 1849 года было решено уволить от службы в связи с тяжелой болезнью («совершенное отсутствие памяти») бухарестского заграничного почтмейстера И.П. Яковенко, который занимал эту должность с августа 1812 года и с 1815 года ведал перлюстрацией. По штату ему полагалась пенсия 343 руб., но назначили 1500 руб. серебром⁹⁴⁴. 18 октября 1856 года императору было доложено об уходе в отставку старшего цензора Московского почтамта И.И. Горлицына и цензора того же почтамта А.Ф. Томашевского, занимавшегося в секретной экспедиции. Первому была положена пенсия 285 руб. 90 коп., второму – 107 руб. 25 коп. В итоге пенсия Горлицына составила 1121 руб. 80 коп., а Томашевского – 1093 руб. 60 коп.⁹⁴⁵ В 1864 году при уходе на пенсию на восьмидесятом году жизни И.Ф. Вейрауха, проработавшего в секретной экспедиции пятьдесят два года, ему было положено 285 руб. в год. Ф.И. Прянишников подчеркивал, что если бы Вейраух служил цензором в МВД, то имел бы право на 7146 руб. пенсии в год. В результате ему было назначено 3 тыс. руб. в год⁹⁴⁶.

Этот порядок назначения пенсий за особые заслуги сталкивался с требованием Министерства финансов представлять подобные ходатайства на согласование – таким образом ведомство стремилось сократить расходы казны. Учитывая секретность дела, государь по докладу А.Е. Тимашева 16 июля 1869 года разрешил «при некоторых исключительных условиях» сообщать об особых заслугах чиновников почтовой цензуры прямо ему и ходатайствовать о пожаловании им пенсий без предварительного сношения с министром финансов. Поскольку чиновники Министерства финансов не знали об этом повелении императора и продолжали задавать вопросы Почтовому департаменту, в 1872 году произошло личное объяснение А.Е. Тимашева с министром финансов М.Х. Рейтерном⁹⁴⁷. В 1870#е годы на выплату «негласных дополнительных пенсий» сотрудникам почтовой цензуры отпускалось в год 3142 руб.⁹⁴⁸

Стремясь качественным образом решить проблему пенсий чиновникам цензуры иностранных газет и журналов (и секретной перлюстрации), министр внутренних дел А.Е.

⁹⁴¹ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 92–92 об.

⁹⁴² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 101.

⁹⁴³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 52–55 об.

⁹⁴⁴ Там же. Оп. 242. Л. 88–90.

⁹⁴⁵ Там же. Оп. 241. Д. 244. Л. 45–46 об.

⁹⁴⁶ Там же. Д. 246. Л. 172 об. – 173.

⁹⁴⁷ Там же. Л. 260–260 об.

⁹⁴⁸ Там же. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 44. Л. 2–2 об.

Тимашев 3 мая 1875 года подал записку императору о необходимости улучшить их пенсионное обеспечение. Здесь подчеркивались «тягость цензурных обязанностей, значительно увеличивающаяся требованиями секретной службы», «далеко не удовлетворяющий самым ограниченным потребностям жизни размер пенсий», невозможность после выхода на пенсию «предпринять какие#либо частные занятия, которые могли бы сколько#нибудь увеличить предоставляемое им казною обеспечение от нищеты», а потому «затруднительное приискание лиц, способных оправдать неограниченное доверие, с которым сопряжено исправление цензурных и секретных обязанностей».

Не вдаваясь в рассмотрение того, насколько все вышесказанное отвечало истине, заметим лишь, что жалобы на низкое жалованье чиновникам звучали всегда и из всех ведомств императорской России. В данном случае министр предлагал установить для чинов «Почтовой цензуры и Секретной части» следующие пенсии: за тридцать пять лет выслуги – в размере полного штатного содержания, гласного и негласного; за двадцать пять лет выслуги – 50 % жалованья⁹⁴⁹.

Размеры жалованья и пенсий для сотрудников Санкт-Петербургского почтамта представлены в таблице 11.

Таблица 11

Жалованье и пенсии в год чиновников цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте в середине 1870#х годов (в руб.)

Должность	За 35 лет службы		За 25 лет службы	
	занимается перлюстрацией	только цензурные обязанности	занимается перлюстрацией	только цензурные обязанности
Старший цензор (всегда участвует в секретном деле)	3000	–	1500	–
Младший цензор	2300	1500	1150	750
Чиновник, знающий иностранные языки	1200	600	600	300
Переводчик (никогда не участвует в секретном деле)		800		400

В Москве и других городах пенсии предлагалось рассчитывать по тем же правилам соответственно назначенному жалованью.

8 мая 1875 года, будучи на отдыхе в Эмсе (Бад-Эмс, курорт в Германии), Александр II написал: «Согласен, но с тем, чтобы всякий раз было бы докладываемо мне»⁹⁵⁰.

Тем не менее в существовавшей бюрократической системе сложности сохранялись. В феврале 1888 года Александр III по докладу министра внутренних дел Д.А. Толстого назначил семейству умершего старшего цензора в Вильно действительного статского советника М.М. Ауэра пенсию 2140 руб. в год. В связи с этим министр финансов И.А. Вышнеградский в письме Толстому указал, что для Министерства финансов существует необходимость регулировать возникающие при назначении «усиленных пенсий» новые расходы, и также предлагал производить сношения с его министерством в подобных случаях в конфиденциальном порядке. В ответном письме А.Е. Тимашев сослался на высочайшее повеление от 16 июля 1869 года⁹⁵¹.

Любопытно, что в сентябре 1889 года новый министр внутренних дел И.Н. Дурново представил Александру III выписку из июльского письма на имя Сергея Тверитинова, поскольку «ее содержание произвело сильную панику на всех чиновников, занимающихся

⁹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 508. Л. 34–35 об.

⁹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 121–121 об.

⁹⁵¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 261–264.

перлюстрацией». Неизвестный автор сообщал, что якобы состоялось высочайшее повеление о запрете министрам утруждать государя просьбами об усиленных пенсиях, за исключением членов Государственного совета и сенаторов, а передавать такие ходатайства в Комитет министров. Главной целью этого было#де сокращение расходов казны на выдачу пенсий. Зная, что вопрос о пенсиях рассматривается в Государственном совете, опытные чиновники-перлюстраторы опасались, что там просто забудут о резолюции покойного императора от 8 мая 1875 года.

В декабре 1880 года управляющий Министерством почт и телеграфов статс-секретарь Л.С. Маков подал доклад о положении сверхштатных чиновников, «занимающихся секретным почтовым делом». Здесь подчеркивалось, что «постоянное усиление перлюстрационной деятельности в империи и неудобство представления в Государственный совет проекта увеличения штата почтовой цензуры» вынуждают «определять в секретную почтовую часть лиц с назначением их сверхштатными чиновниками» и с выплатой им «лишь одного негласного содержания». Но эти люди «не пользуются правами ни на производство в чины, ни на выслугу пенсий». В результате «с каждым годом становится труднее находить подходящих деятелей на такую ответственную службу».

А потому министр предлагал обещать этим людям «при предложении им секретных занятий» производство «в чины в виде наград в установленные для таковых сроки», через двадцать пять или тридцать пять лет службы – выплату пенсии «наравне с штатными чиновниками почтовой цензуры», а также распространить на них положение от 3 ноября 1865 года о возможности определять в почтовую цензуру «лиц всех сословий». Подчеркивалось, что указанные льготы будут объявляться персонально на основании повелений «Императорского Величества». 23 декабря 1880 года Александр II дал на это «Высочайшее соизволение»⁹⁵². Любопытно, что почти через двадцать три года, 13 февраля 1903#го, потребовалось вновь подтвердить правило о производстве в чины прикомандированных к МВД чиновников для «секретных занятий» наравне со штатными чиновниками путем всеподданнейших докладов. Так, А.А. Гильзен, сотрудник одесской цензуры, причисленный к МВД в 1904 году, был утвержден в чине коллежского советника 20 сентября 1908 года со старшинством с 14 сентября 1900 года. Его же производство в статские советники состоялось 11 мая 1909 года со старшинством с 14 сентября 1904#го⁹⁵³.

Новые затруднения при назначении секретных пенсий возникли после издания Манифеста 17 октября 1905 года, который ограничил власть самодержца. В апреле 1906 года были приняты новые Основные законы империи и открылась первая Государственная дума. С 1906 года назначение пенсий чинам цензуры иностранных газет и журналов и определение ее размера должны были производиться по соглашению с Министерством финансов и при последующем внесении на утверждение Совета министров. На деле это привело к целому ряду проблем. Старший цензор М.Г. Мардарьев писал 29 июня 1907 года министру внутренних дел П.А. Столыпину, что испрашиваемая пенсия действительному статскому советнику А.В. Шашкину в 1200 руб. была сокращена до 900 руб., а утверждение пенсии произошло лишь через четыре месяца, тогда как ранее пенсию получали уже через две-три недели. В результате «крайне затруднительно привлекать к известной Вашему Высокопревосходительству деятельности лиц положительных и заслуживающих полного доверия».

В письме задавались и другие вопросы: как поступить с предстоящими пенсиями действительного статского советника Д.С. Менагиоса и руководителя перлюстрации в Казани Г.Ф. Мартинского? Особую тревогу у Мардарьева вызывала проблема Мартинского, который был прикомандирован к цензуре из МВД, официального жалованья не имел, а получал

⁹⁵² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 123 об. – 124.

⁹⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 27. Л. 1, 87.

содержание из секретного фонда. По мнению Мардарьева, входить в предварительное сношение с министром финансов о размере пенсии «в данном случае представляется крайне затруднительным», ибо пришлось бы давать объяснения по расходованию этой секретной суммы. На письме имеется резолюция от 5 июля 1907 года, что пенсии будут назначаться по соглашению с министром финансов в ускоренном порядке с учетом «особенной службы»⁹⁵⁴. Такая же проблема возникла в сентябре 1910 года в связи с уходом на пенсию П.К. Бронникова. А.Д. Фомин в докладной записке министру внутренних дел указывал, что поскольку тот «за успешную постановку секретного дела в Одессе и Варшаве» получал секретное жалованье 1 тыс. руб. в год, то испрашивалась пенсия 2066 руб., но министр финансов В.Н. Коковцов согласен лишь на 1 тыс. руб. Поэтому речь шла об увеличении пенсии⁹⁵⁵.

12 июня 1912 года Фомин направил министру внутренних дел Н.А. Маклакову просьбу испросить согласие государя на «увеличение окладов пенсий» и изменение сроков на их выслугу. За двадцать пять лет службы, из которых не менее десяти лет составляла служба по цензуре, испрашивалась половина оклада. За тридцать пять лет службы, из которых не менее пятнадцати лет составляла служба по цензуре, – полный оклад. Почти через год, 31 мая 1913# го, Маклаков «совершенно доверительно» обратился по этому вопросу к министру финансов Коковцову. Он предлагал «по соображениям государственного значения» вернуться к прежнему порядку назначения пенсий специальными всеподданнейшими докладами. В ответ Коковцов 26 июня, защищая интересы бюджета, отстаивал мысль о необходимости предварительных личных переговоров директора Государственного казначейства и начальника Главного управления почт и телеграфов⁹⁵⁶. Тем не менее при выходе на пенсию со 2 июня 1914 года самого Фомина, руководителя дела перлюстрации и тайного советника, он, человек холостой, был произведен в действительные тайные советники и ему была «вне правил» назначена пенсия 5 тыс. руб. в год⁹⁵⁷.

Еще одной проблемой повседневной жизни сотрудников перлюстрации и членов их семей были пенсии по случаю потери кормильца. Суммы на эти нужды были сравнительно небольшими, но также негласными и утверждались министром внутренних дел. Поэтому на протяжении многих лет шла постоянная переписка руководителей перлюстрационного дела в империи со своими руководителями, которые, в свою очередь, испрашивали согласие государя на те или иные изменения в этих делах. Например, 20 марта 1838 года Николай I удовлетворил просьбу А.Н. Голицына назначить вдове умершего Ф.Я. Вейрауха пенсию 600 талеров или 3 тыс. руб. (вместо положенных по закону 1 тыс. руб. ассигнациями)⁹⁵⁸. Вдове и четырём дочерям действительного статского советника А.П. Штера в январе 1841 года была назначена пенсия 3 тыс. руб. ассигнациями (858 руб. серебром по тогдашнему курсу) до замужества последней из дочерей (вместо положенных 142 руб. серебром вдове и 47 руб. серебром несовершеннолетней дочери)⁹⁵⁹. После смерти его сына, сорокачетырехлетнего П.А. Штера, у которого остались жена и четверо детей, 25 февраля 1847 года состоялось распоряжение назначить вдове 1 тыс. руб. в год (вместо положенных 71 руб. 46 коп.), а также определить двенадцатилетнего сына Александра на казенное обучение во 2#ю Санкт-Петербургскую гимназию⁹⁶⁰. В мае 1847 года умер старший цензор Санкт-Петербургского почтамта А.О. Чиколини, оставив восьмерых детей. Его общее жалованье составляло 3428 руб.

⁹⁵⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 265–265 об.

⁹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 93–93 об.

⁹⁵⁶ Там же. Д. 1000. Л. 110 об.; Д. 1002. Л. 96 об. – 98.

⁹⁵⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 5122. Л. 7 об. – 8, 36, 37.

⁹⁵⁸ Там же. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 33.

⁹⁵⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 43, 45 об. – 46.

⁹⁶⁰ Там же. Д. 241. Л. 80–81.

57 коп. По уставу вдове и детям следовала пенсия по 47 руб. 46 коп. Но уже через неделю после смерти Чиколини, «одного из лучших чиновников Секретной экспедиции», негласным образом была назначена пенсия 2004 руб. серебром с прекращением выплаты 1 тыс. руб. аренды⁹⁶¹. 28 ноября 1847 года дочери Ф.И. Маснера, вдове Реймер, было из секретных сумм назначено 500 руб. серебром в год⁹⁶².

Но рассчитывать на безусловное согласие императора здесь также не приходилось. 17 ноября 1854 года В.Ф. Адлерберг докладывал о «стесненном и бедственном положении» дочери А.П. Штера, вдовы виленского губернского почтмейстера Л.А. Трефурта. И отец, и муж ее много отличились в делах перлюстрации. Глава почтового ведомства просил для нее такой же пенсии, какую получала ее умершая незамужняя сестра – 1858 руб. серебром. Однако согласие было дано лишь на половину этой суммы – 929 руб.⁹⁶³

25 мая 1912 года А.Д. Фомин направил министру внутренних дел А.А. Макарову проект всеподданнейшего доклада с предложением о выдаче 200 руб. в год Нине Самусьевой, дочери бывшего младшего цензора К.М. Самусьева, который умер в 1874 году, не выслужив пенсии. Дочь Самусьева, зарабатывавшая уроками, к 1912 году заболела туберкулезом легких. Деньги эти ранее, с 1862 года, получала дочь бывшего вологодского губернского почтмейстера Любовь Польшнер, скончавшаяся 2 февраля 1912 года. 4 июня на предложение Фомина было получено согласие Николая II. Следующий всеподданнейший доклад министра Макарова на подобную тему последовал 10 февраля 1913 года в связи со смертью дочери старшего цензора А.О. Чиколини. Ей 18 мая 1847 года по случаю потери отца была назначена пенсия 833 руб. в год. Теперь было решено из этой суммы назначить 467 руб. 50 коп. вдове младшего цензора О.К. Фермерена, дополнительно 280 руб. – Н.К. Самусьевой и 85 руб. 50 коп. – престарелой дочери К.О. Вейсмана⁹⁶⁴.

При всех привилегиях чиновников «черных кабинетов» их служба была если не опасна, то трудна. Профессиональной болезнью было заболевание глаз. Как уже говорилось выше, часть чиновников совмещали перлюстрацию с цензурой иностранных газет и журналов. Их зрение при каждодневном чтении газет, журналов и нескольких сотен писем, к тому же в большинстве своем написанных далеко не каллиграфическим почерком, действительно испытывало огромные нагрузки. Во всеподданнейшем докладе В.Ф. Адлерберга Николаю I 16 апреля 1850 года подчеркивались сложности перлюстрации, поскольку «при чтении писем на разных языках, из коих многие пишутся почерком связным и неразборчивым, дело это многотрудное»⁹⁶⁵.

В 1877 году К.К. Вейсман, сравнивая условия труда в Петербурге чиновников почтовой цензуры и Комитета цензуры иностранной, указывал, что четырнадцать чиновников цензуры при Санкт-Петербургском почтамте просматривают 155 ежедневных газет с прибавлениями, а также более 500 еженедельных и ежемесячных журналов. Кроме этого, каждый чиновник получает ежедневно на просмотр десять – пятнадцать бандеролей с иностранными повременными изданиями, отсутствующими в списках почтамта. Вечерняя смена получала газеты в двадцать один час и должна была вернуть их к девяти часам утра⁹⁶⁶. За 1888 год в почтовой цензуре было просмотрено 131 587 номеров газет. Было обнаружено 1220 «предосудительных статей». Удержано 800 номеров, в том числе немецких – 592, французских – девяносто семь, английских – восемьдесят пять, итальянских – пятнадцать, славянских –

⁹⁶¹ Там же. Л. 86–89.

⁹⁶² Там же. Д. 240. Л. 41.

⁹⁶³ Там же. Д. 243. Л. 85–86.

⁹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 127 об. – 128, 129–129 об.

⁹⁶⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 242. Л. 114 об.

⁹⁶⁶ Там же. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 111. Л. 29.

одиннадцать. За тот же год было получено из#за границы 2 016 943 простых и заказных бандероли с печатными произведениями⁹⁶⁷. Легальная нагрузка цензоров в Варшаве видна из докладной старшего цензора В.Я. Марышева от 30 августа 1897 года. Сам Марышев должен был цензурировать тринадцать газет на английском языке, Ф.Г. Кребс – двадцать семь газет на немецком языке, А.А. Крейцер – также двадцать семь газет на французском и немецком языках, С.В. Тимофеев – девять газет на французском языке, А.А. Фальк – восемнадцать газет на французском и немецком языках⁹⁶⁸.

Поэтому цензоры отвергали упреки в некачественной работе. В январе 1870 года директор Азиатского департамента МИДа информировал начальника Главного управления по делам печати М.Н. Похвиснева о жалобе турецкого поверенного в делах. Последний сообщал, что в греческой газете «Константинополь» «одна из статей уничтожена цензурой», хотя дипломаты имеют право получать иностранные издания без предварительной цензуры. В свою очередь, почт-директор Санкт-Петербургского почтамта и руководитель цензуры иностранных газет и журналов в империи В.Ф. Шор обратился к старшему цензору в Одессе А.Ф. Маснеру с просьбой разъяснить цензору И.А. Сунди, чтобы он «на будущее время... отнюдь не уничтожал бы статей в газетах, кои адресуемы быть могут... лицам дипломатического корпуса». Кроме этого, следовало по возможности заменить испорченный экземпляр. Маснер 9 февраля 1870 года отвечал Шору, что статья зачеркнута господином Сунди «по совершенно невольной ошибке». Ошибка же произошла вследствие поступившего в этот день большого количества иностранных газет, равно как и корреспонденции заграничной и внутренней. Маснер напомнил начальнику, что «как Вам, Милостивый Государь, не безызвестно, ... по негласным занятиям в настоящее время состоит нас только двое». Что же касается злополучного номера, то уже была направлена просьба редактору газеты прислать нужный экземпляр, и 6 марта Маснер сообщал, что номер 743 газеты «Константинополь» выслан в Петербург⁹⁶⁹.

23 марта 1890 года начальник Главного управления по делам печати МВД Е.М. Феоктистов обратился к К.К. Вейсману с замечанием о пропуске в Одессе одной из иностранных газет, поместившей отрывок «из преступной брошюры [М.К.] Цебриковой». В ответ Вейсман с горячностью встал на защиту подчиненных, подчеркивая, что «где работают с такой спешностью, как в почтовой цензуре, там очень возможно и пропустить что#нибудь, тем более в Одессе, где у меня всего четыре штатных чиновника <...> на каждого чиновника приходится 20–25 номеров ежедневных газет и около 30 номеров остальных, и все это они должны просматривать за скудное жалованье... чиновники мои и так делают почти невозможное»⁹⁷⁰. При этом по понятным соображениям не упоминалось о главной обязанности этих же чиновников. Значительная нагрузка сохранялась и в последующие десятилетия. В личном письме в Петроград заместителю руководителя секретной экспедиции Л.Х. Гамбергу московский цензор В.И. Геркан 4 августа 1915 года, в частности, сообщал: «И у нас работы хоть отбавляй. С запрещением ввоза еврейских газет Военно-цензурная комиссия решила выписывать из Лондона и Нью-Йорка пять названий еврейских газет и журналов для составления информационного обзора по еврейскому вопросу. Пока я представил 40 листов обзора еврейской печати и почти ежедневно переводы из еврейских писем»⁹⁷¹. Можно добавить, что М.Г. Мардарьев в докладной министру внутренних дел А.Н. Хвостову

⁹⁶⁷ Там же. Д. 112. Л. 3–3 об.

⁹⁶⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 153. Л. 25–26 об., 33.

⁹⁶⁹ Там же. Д. 9. Л. 2–5.

⁹⁷⁰ Там же. Д. 119. Л. 3–3 об.

⁹⁷¹ Там же. Д. 278. Л. 37–37 об.

12 января 1916 года указывал на рост числа поступающих из#за границы газет и журналов – примерно с 300 до 3450 наименований⁹⁷².

Обстановку изнурительного труда первых профессиональных российских перлюстраторов прекрасно рисует письмо петербургского почт-директора Ф. Аша канцлеру А.П. Бестужеву от 16 февраля 1745 года:

Я с недавнего времени от постоянного распечатывания и припечатывания столь многих писем мои глаза почти совсем испортил, ибо моя работа при горячих углях и весьма близко к лицу придувая чиниться имеет, так что оное лицо чувствительнейшим образом разгорается. Якоже случалось, что едва только одна почта отправилась, то уже и другая пришла, и тако я почти без отдыха чрез день и ночь за тем сидел, от крайнего беспокойства принужден был оную работу оставя, столько отдыхать, пока я некоторое облегчение от того получил, так что мне оная продолжающаяся работа почти невозможно становится⁹⁷³.

В июне 1841 года император согласился предоставить четырехмесячный отпуск и выдать 1 тыс. руб. серебром надворному советнику Ф.И. Смиту, которому лейб-медик В.В. Лерхе рекомендовал в связи с болезнью глаз лечение на киссингенских минеральных водах⁹⁷⁴.

Во всеподданнейшем докладе А.Н. Голицына 27 марта 1838 года о старшем цензоре Санкт-Петербургского почтамта Э.К. Цирлейне, в частности, говорилось: «По основательному знанию французского, немецкого и английского языков... он командирован был в 1818 году от Министерства иностранных дел в Санкт-Петербургский Почтамт <...> Из 44 000 номеров иностранных газет, прочитанных в течение двух лет, ни одна статья, даже ни одно слово, вредное и двусмысленное, не оставлены без его рассмотрения и разрешения». Он исправлял сделанные другими цензорами переводы с английского и немецкого на французский язык. Его разрешениями постоянно руководствовалась цензура Московского почтамта «и в некоторых сомнительных случаях Виленская цензура». Вице-канцлер К.В. Нессельроде возложил на него цензуру «политических статей, печатаемых в российских и немецких академических Ведомостях и Северной пчеле». Кроме этого, он занимался и в секретной экспедиции. Через два года к его характеристике было добавлено, что по положению он может быть приравнен к председателю Цензурного комитета, хотя такой должности в Почтовом ведомстве не предусмотрено⁹⁷⁵.

Надо также отметить, что руководители «черных кабинетов» Санкт-Петербургского почтамта в первой половине XIX века были специалистами широкого профиля. Они одновременно занимались перлюстрацией, цензурой периодических изданий, а также активно участвовали в подготовке почтовых соглашений с Австрией и Пруссией. Действительный статский советник И.Ф. Вейраух кроме перлюстрации «усердно занимался текущей перепиской на немецком языке по выписке иностранных газет и расчетам с Прусским и Австрийским почтовыми управлениями». За это ему в 1844 году было добавлено 500 руб. в год⁹⁷⁶. Весной 1861 года старший цензор Ф.И. Ульрихс подал просьбу о разрешении на поездку для лечения на курорт Крейцнах. 15 апреля 1861 года, когда Ф.И. Прянишников доложил об этой

---

⁹⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 42. Л. 101.

⁹⁷³ Белая книга российских спецслужб. 2#е изд., перераб. М.: Обозреватель, 1996. С. 20.

⁹⁷⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 52–53 об.

⁹⁷⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 35 об.; Д. 240. Л. 28 об. – 29 об.

⁹⁷⁶ Там же. Д. 246. Л. 172, 175.

просьбе императору, было решено использовать поездку Ульрихса для переговоров с прусским правительством о некотором изменении маршрута доставки заграничной почты⁹⁷⁷.

Еще одно профессиональное заболевание было связано с приготовлением и использованием массы для создания поддельных печатей, содержавшей большое количество ртути. В этом отношении показательна история чиновника Х.Х. Кантера. Он начал участвовать в делах «черных кабинетов» с июня 1795 года. Служил в Литовском почтамте в Вильно. С декабря 1806#го по ноябрь 1807 года и с апреля 1812#го по февраль 1816 года находился в полевых почтамтах действующей армии, будучи в 1812–1816 годах полевым почт-директором. После ликвидации полевых почтамтов оказался в очень тяжелом положении: резкое снижение жалованья, отсутствие казенной квартиры, расстройство здоровья. В апреле 1817 года к министру внутренних дел О.П. Козодавлеву обратился с просьбой помочь Кантеру чиновник Министерства иностранных дел Г. Шишмарев. Он, в частности, писал: «В бытность мою в 1807 году дипломатическим агентом в армии при генерале графе Бенигсене находился при мне по почтовой части г. Кантер. Он всегда отличался ревностным исполнением известного вашему превосходительству секретного поручения, на него возложенного. Занимаясь сим... он совершенно расстроил от того свое здоровье и находится ныне в самом жалостном положении». В результате Комитет министров 28 апреля 1817 года постановил произвести оплату бывшим почт-директорам Кантеру и Гельмгольцу из расчета 1500 руб. годовых за время после увольнения от должности⁹⁷⁸.

Но поправить здоровье Х.Х. Кантер уже не мог и умер в 1819 году. Летом 1821 года его вдова подала прошение о пенсии. При этом она ссылалась на врачебное свидетельство штаб-лекаря Кальфельдта, что муж ее «получил болезнь и умер от секретных занятий по почтовой части». А.Н. Голицын доложил об этом Александру I 21 августа 1821 года. Император распорядился разыскать врача и потребовать у него объяснения, «почему он дал подобное свидетельство, тогда как полевые почт-директора никогда не употреблялись подобным образом и с чего он сие взял». Оказалось, что лекарь умер в апреле 1820 года. В конечном счете государь 6 ноября 1821 года наложил резолюцию: назначить пенсию 750 руб. в год (50 % жалованья мужа) и отобрать врачебное свидетельство⁹⁷⁹.

Зато относительно вредного влияния массы для изготовления поддельных печатей на здоровье чиновников секретной экспедиции никаких сомнений не было. В характеристике А.П. Штера в марте 1838 года указывалось: «Расстроил здоровье от непрерывного обращения с массой, имеющей в составе большое количество ртути». Поскольку дело было секретное, врачи «не могли отгадать причины скопления ртути в организме» чиновника⁹⁸⁰. С массой работал и его сын П.А. Штер, помощник управляющего секретной экспедицией. После смерти отца в декабре 1840 года он осуществлял «главный надзор за перлюстрацией», а также «довел до совершенства массу, употребляемую для делания печатей при вскрывании писем, и приготовил несколько чиновников, которые с пользой употребляются в разных местах империи», в частности в Одессе и Рени. Он же в порядке обмена опытом в 1838 году составил массу для перлюстрационной службы в Вене. Нередко для перлюстрации ему доставляли от вице-канцлера К.В. Нессельроде пакеты к иностранным министрам. Но такая нагрузка не прошла бесследно. «Сидячая жизнь, отсутствие развлечения для необходимого отдыха, непрерывное напряжение внимания и составление массы из ртути приготовили его к апоплексическому удару» в возрасте сорока четырех лет⁹⁸¹.

⁹⁷⁷ Там же. Л. 48–48 об.

⁹⁷⁸ Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 277. Л. 62–65, 130–131 об., 133–135.

⁹⁷⁹ Там же. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 2–3.

⁹⁸⁰ Там же. Д. 239. Л. 42–42 об.; Д. 240. Л. 45.

⁹⁸¹ Там же. Д. 241. Л. 41, 78–79.

Чиновники «черных кабинетов» в определенной степени являлись, безусловно, привилегированной группой, каждого из которых знал не только его непосредственный начальник, но и главноуправляющий Почтовым департаментом, а нередко и министр внутренних дел. Почтмейстеры, осуществлявшие руководство ведением перлюстрации, также имели возможность противостоять давлению губернаторов и других местных властей, при необходимости обращаясь за поддержкой в Петербург.

Можно привести лишь один пример, когда конфликт между губернатором и почт-директором первоначально закончился печально для почтового чиновника. Речь идет о событиях в Москве летом 1812 года. 24 мая военным губернатором Москвы был назначен Ф.В. Ростопчин. Через месяц началась Отечественная война. «Сумасшедший Федька», как называла его Екатерина II, со всей присущей ему избыточной энергией взялся за организацию помощи армии и за поиск врагов в городе. Для воодушевления жителей печатались так называемые ростопчинские афишки. 3 июля сообщалось о появлении в городе «дерзкой бумаги», в которой утверждалось, что через шесть месяцев Наполеон будет в обеих столицах Российской империи. Сочинителем был назван сын купца Н.М. Верещагин, «воспитанный иностранным и развращенный трактирною беседой». На деле это был перевод письма Наполеона к прусскому королю и его же речи в Дрездене перед князьями Рейнского союза, опубликованных в зарубежных газетах. На следствии Верещагин заявил, что получил газеты от сына московского почт-директора Ф.П. Ключарева, впоследствии признав это оговором. Поскольку Ключарев-старший был масоном и другом Н.И. Новикова, то Ростопчин не только обвинил его в потворстве «врагам Отечества», но своей властью 10 августа выслал почт-директора в Воронеж и настаивал на назначении на эту должность князя М.Д. Цицианова. Близкий к Ключареву экспедитор Московского почтамта Дружинин несколько дней провел под арестом. Одновременно Ростопчин в донесении министру полиции А.Д. Балашову стремился бросить тень на сенатора П.И. Голенищева-Кутузова (президента Московского университета в 1812–1814 годах) и профессора Х.А. Чеботарева (ректора Московского университета в 1803–1805 годах), утверждая, что они съезжались по ночам к Ключареву.

Это вызвало некий шок в Петербурге. Министр полиции А.Д. Балашов, получив донесение Ростопчина, писал Александру I 14 августа: «Меня его [Ростопчина] решимость удивила; ибо явного его преступления он не пишет...; одному генералу послать в ссылку другого генеральского же чина чиновника [Ф.П. Ключарев был действительным статским советником, т. е. штатским генералом], без повеления государя, мне кажется иначе нельзя, как в важности первой степени». Министр внутренних дел О.П. Козодавлев, в свою очередь, не просто пытался заступиться за своего подчиненного, но предупреждал государя о негативных последствиях случившегося для самой службы перлюстрации. 17 августа он докладывал императору:

...я обливаюсь слезами, что сии два происшествия [дела Ключарева и Дружинина] могли случиться в царствование Ваше. В Комитет министров я о сем не представил, дабы не огласить сих дел; ожидать буду Вашего повеления, особливо же относительно запечатанного почт-директорского кабинета, в котором вероятно хранятся все секретные и до перлюстрации касающиеся дела. Я весьма опасаясь, чтобы сии бумаги не сделались жертвою любопытства и не послужили пищей остроумию. <... > Доверенность моя к нему [Ф.П. Ключареву] и хорошие об нем отзывы основаны единственно на самом лучшем отпращении им своей должности и личных к оной способностях. <...> ежели Цицианов или кто другой из приверженцев графа Ростопчина будет почт-директором, то Московский почтамт совсем уже будет в руках московского главнокомандующего, перлюстрация тогда перестанет быть от полиции тайною... и у Вашего

Величества отнимется средство поверять другим, и самым вернейшим способом, скрытые действия и намерения разных чиновников, не исключая и самых знатнейших.

В итоге он предлагал московским почт-директором или исполняющим его обязанности назначить Д.П. Рунича⁹⁸². По воспоминаниям последнего, все бумаги Ключарева после его высылки были «уложены в тюк» и запечатаны печатями Ростопчина, генерал-полицмейстера П.А. Ивашкина и самого Рунича. Хранил эти бумаги Рунич. Когда через несколько лет они были запрошены у Ростопчина, тот ответил, что бумаги сгорели «в Московском пожаре». В результате они были переданы императору Руничем. Ключарев был реабилитирован в 1816 году. 28 июня 1816 года указом императора Сенату он «в вознаграждение за потерпенное удаление от должности, произведенное по обстоятельствам 1812 г. тогдашним московским местным начальством» был «пожалован в тайные советники и облечен званием сенатора»⁹⁸³.

Стоит отметить, что подбор чиновников «черных кабинетов» был таким, что крайне редки были и внутренние конфликты. Из известных мне я могу назвать истории с Н.Г. Пезе#де-Корвалем и В.И. Кривошем. Николай-Шарль-Жофруа Генрихович Пезе#де-Корваль, родившийся в 1864 году, был принят в Министерство внутренних дел с откомандированием в распоряжение начальника Главного управления почт и телеграфов в конце 1889 года. Его женой была дочь А.Я. Архипова – многолетнего сотрудника перлюстрации при Московском почтамте. Николая Генриховича откомандировали в «черный кабинет» в Казани. Но 22 мая 1894 года руководитель казанского перлюстрационного пункта Ф.Р. Фанстиль направил А.Д. Фомину сообщение о том, что казанский полицмейстер Панфилов информировал его о произошедшем скандале: 16 мая, в день открытия летнего помещения местного велосипедного клуба, его члены изгнали из сада общества одного из своих одноклубников, а именно Пезе#де-Корваля, – за пьянство. Дело дошло до губернатора. Так что, как писал Фанстиль, Пезе#де-Корваль «нас порядочно компрометирует в Казани». В результате Фомин распорядился перевести Пезе#де-Корваля в Москву, а в Казань направить Х.Х. Ауэ. 9 сентября Николай Генрихович приступил к обязанностям чиновника, знающего иностранные языки, при Московском почтамте⁹⁸⁴.

Но летом 1898 года с ним случился новый скандал. Как писал Фомину 18 июля старший цензор Московского почтамта О.А. Келер, «первые два года он [Пезе#де-Корваль] еще держался, это и его служебные способности дали мне возможность указать на его исправление», но затем опять начались кутежи. Летом 1897 года рано утром он устроил скандал в доме, где снимал квартиру. Был подвергнут двухнедельному штрафному дежурству и обещал больше не пить. Однако в ночь на 24 июня 1898 года он встретил в Петровском парке свою любовницу Веру Мокеевскую (жену поручика Мокеевского) с отставным поручиком Титовым. Началась ссора, и Пезе#де-Корваль нанес Титову удар тростью по лицу. В два часа ночи дебошира доставили в полицейский участок, а В.А. Мокеевская потребовала привлечь его к ответственности. Московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов заверил, что судебного разбирательства не будет, но и оставлять «героя» на секретной службе было нельзя. Ему предложили уйти тихо: подать прошение об увольнении – и отстранили от работы. Но Пезе#де-Корваль заупрямился. Тогда Фомин 17 августа сообщил в Москву, что Николай Генрихович должен в недельный срок подать прошение об отставке. В этом случае ему обещали

⁹⁸² ОР РНБ. Ф. 859. Картон 7. № 7. Л. 49–49 об., 52; Павлов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. Кн. 2. № 7. С. 287–288, 384–386. 6 ноября 1782 года на открытии Дружеского ученого общества, которое возглавил Н.И. Новиков, была прочитана ода Ф.П. Ключарева – см.: Некрасов С.М. Апостол добра: Повествование о Н.И. Новикове. М.: Русский путь, 1994. С. 112.

⁹⁸³ Записки Д.П. Рунича // Русское обозрение. 1890. Т. V. № 9. С. 240–241; Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 11. СПб., 1914. С. 756.

⁹⁸⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 138. Л. 4–9, 20–21; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 3370. Л. 9 об. – 10.

уплату жалованья по 1 октября и разрешение пользоваться казенной квартирой на этот срок. В противном же случае «будет уволен от службы без прошения». В результате 27 августа Келер отправил в Петербург требуемую бумагу. 21 сентября последовало разрешение министра внутренних дел И.Л. Горемыкина уволить Пезе#де-Корваля «по домашним обстоятельствам».

Самое интересное, что 1 марта 1907 года он вновь вернулся на Московский почтамт и с апреля 1909#го занимал должность экспедитора почтамта, будучи теснейшим образом связан с ведением перлюстрации⁹⁸⁵.

В начале XX века из общего состава чиновников «черных кабинетов» заметно выделялся не только своими разносторонними способностями, но и повышенными амбициями В.И. Кривош. Знаток более двадцати языков, создатель собственной стенографической системы, пробовавший силы в поэзии и драматургии, организатор стенографических бюро в Государственной думе и Государственном совете в 1906 году, изобретатель технических усовершенствований в деле перлюстрации, Владимир Иванович выступал как криптограф, поддерживал особые связи с ДП, с контрразведками Военного и Морского министерств. Обвиненный в присвоении денежных средств, он был вынужден подать заявление об увольнении из цензуры иностранных газет и журналов с 1 декабря 1911 года. Но и после этого, по сведениям ДП, он вел конфиденциальную переписку с В.К. Карпинским и харьковским цензором В.Е. Лоренсоном, склоняя их к участию в службе перлюстрации при дворцовом ведомстве, которую намеревался создать. Себе он отводил роль руководителя этой структуры⁹⁸⁶. Заметим, что в начале XX века и некоторые другие чиновники «черных кабинетов» начинают принимать более активное участие в общественной жизни. Так, близкий приятель Кривоша барон Ф.Г. Тизенгаузен был избран одним из старшин Клуба общественных деятелей в столице. Это общество было образовано в октябре 1905 года и стало первым политическим (умеренно либерального направления) клубом в России. Его членами были граф П.А. Гейден, братья А.И. и Н.И. Гучковы, предприниматель Э. Нобель и другие известные общественные деятели. Тизенгаузен от имени старшин клуба 12 ноября 1905 года направил приветствие И.И. Толстому, занявшему 31 октября пост министра просвещения⁹⁸⁷.

В своих мемуарах 1918 года Кривош, выступавший под псевдонимом «С. Майский», в частности, утверждал, что среди чиновников «черных кабинетов» якобы были

люди, симпатизировавшие революционерам и, по мере возможности, старавшиеся или не обнаруживать фамилии лиц, которые могли бы пострадать за свои откровенные письма, или разными иными способами мешавшие Департаменту полиции добраться до своих жертв. Бывали случаи, что охранники при обыске находили письма, из коих в свое время были сделаны в секретной экспедиции выписки, но так, что эти выписки ровно ничего ни подозрительного, ни компрометирующего собою не представляли. Департамент полиции в таких случаях неистовствовал и грозил, что распустит весь штат служащих «черного кабинета», заменив их своими надежными людьми⁹⁸⁸.

Чтобы оценить верность данных воспоминаний, необходимо представлять личность В.И. Кривоша, его авантюризм, тщеславие, желание быть при власти в каждый момент времени. Никакими документами эти утверждения не подтверждаются. Чиновники «черных

⁹⁸⁵ Там же. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 138. Л. 22–31; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 3370. Л. 10 об. – 13.

⁹⁸⁶ См.: Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе.

⁹⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 781. Д. 1304. Л. 1.

⁹⁸⁸ *Майский С.* «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 281.

кабинетов» трудились добросовестно, за что, как показано выше, получали высокое жалование и регулярные награды, в том числе и денежные.

Мне известны лишь два случая, когда чиновники-перлюстраторы отказались от этой деятельности. Первый случился с М.М. Милевским. Михаил Михайлович, окончив Петербургский университет, поступил в 1897 году на службу в цензуру иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте, занимаясь лишь цензурой. Через три года М.Г. Мардарьев предложил ему перейти на работу в «черный кабинет». Пробыл он там несколько месяцев, занимаясь отбором писем и их чтением. Затем, по его словам, ушел в отпуск. После отпуска Милевский настоял на переводе на прежнюю работу. Его лишь предупредили о сохранении полной тайны⁹⁸⁹.

Другой случай – пример гораздо более решительного разрыва с прошлым. Дворянин Петр Николаевич Миллер, родившийся в 1867 году, окончил кадетский корпус, Александровское юнкерское училище в Москве. Служил артиллерийским офицером в крепости Осовец. В двадцать восемь лет вышел в отставку и в 1895 году поступил в качестве переводчика в московскую цензуру иностранных газет и журналов. Был привлечен к делу перлюстрации. Замечаний не имел. В мае 1901 года получил чин надворного советника, что соответствовало армейскому подполковнику. Однако в 1903 году перешел на должность экспедитора в отделение городской почты Московского почтамта, объясняя впоследствии данный поступок тем, что «тяготился этими занятиями и искал выхода». Правда, экспедиторы, как правило, хотя сами перлюстрацией и не занимались, были в курсе этой секретной работы, особенно отбора писем.

Но в 1905 году Петр Николаевич совершает еще более резкий разворот – активно вступает на путь антиправительственной деятельности. В октябре его избирают председателем Московского комитета Всероссийского почтово-телеграфного союза. В ноябре на первом съезде этого союза он становится членом Центрального бюро. Уволен из почтамта без права занимать какую-либо должность в государственных учреждениях. После подавления декабрьского восстания 1905 года в Москве арестован и до конца мая 1906-го находится в Бутырской тюрьме. После недолгого пребывания на свободе вновь арестован в октябре 1906 года и помещен в Таганскую тюрьму, где пребывает по апрель 1907 года. Но на этом преследования в его адрес не прекращаются. В 1910 году Московский военно-окружной суд выносит приговор: два года заключения в крепости. Отбывал он их в одиночке Бутырской тюрьмы.

Зато в марте 1917 года П.Н. Миллер стал первым выборным московским почт-директором. Вступил в умеренную партию народных социалистов. После прихода к власти большевиков сосредоточился на музейной и краеведческой деятельности. В 1918 году создал музей Союза связи и руководил им до 1921 года. Одновременно с 1918 года был ученым секретарем и председателем комиссии «Старая Москва». В 1921–1929 годах заведовал музеем «Старая Москва» под эгидой Наркомпроса. В 1924–1926-м сотрудничал с Московским коммунальным музеем, а с 1925 года участвовал в работе Московского городского и областного бюро краеведения.

7 октября 1935 года ему без ареста было предъявлено обвинение по статьям 58–10 (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти) и 58–13 (активные действия против рабочего класса и революционного движения, проявленные на секретной должности при царском строе) УК РСФСР – власти вспомнили о его работе в «черном кабинете». 12 октября Петр Николаевич представил объяснительную записку. 26 января 1936 года его вызвали в Учетно-статистический отдел Главного управления государственной безопасности НКВД СССР и объявили постановление

⁹⁸⁹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 93–94, 103.

Особого совещания о признании его социально-опасным элементом с предписанием покинуть Москву в пятидневный срок на три года. В результате целого ряда ходатайств приговор был пересмотрен, и Петр Николаевич скончался в Москве в 1943 году⁹⁹⁰.

Рассказ о чиновниках «черных кабинетов» будет неполным без анализа состава почтово-телеграфных служащих, причастных к делам перлюстрации. Без их помощи, содействия перлюстрация была бы если не невозможна, то во всяком случае значительно затруднена. Эту категорию «причастных» можно разделить на несколько групп. Во-первых, губернские почтмейстеры, управляющие почтово-телеграфными округами, начальники почтово-телеграфных контор. Во-вторых, почтовые чиновники, занимавшиеся с начала XX века отбором корреспонденции, подлежащей просмотру. В-третьих, почтальоны, сторожа, выполнявшие нередко и роль курьеров.

К сожалению, об этих людях – почтовых чиновниках, занимавшихся отбором корреспонденции, сторожах – мы знаем гораздо меньше. 31 марта 1840 года А.Н. Голицын докладывает императору об экспедиторе приходящих иностранных и одесских экстрапочт и рестовых (заказных) писем Санкт-Петербургского почтамта статском советнике А. Шнейдере, который может считаться принадлежащим к секретной экспедиции. Дело в том, что «через него одного передаются для перлюстрации как приходящие с почтами иностранные дипломатические депеши, так и партикулярные [частные] письма». Служа в течение пятидесяти лет, Шнейдер, по официальной характеристике, являлся после полуночи, к приходу иностранных почт, и оставался до шести часов утра. Уже в восемь часов утра он возвращался для раздачи корреспонденции дипломатическому корпусу и купечеству. Но перевести его в следующий чин было невозможно, поскольку должность его относилась к шестому классу. Поэтому ему была пожалована земля в аренду⁹⁹¹. 23 декабря 1878 года по докладу министра внутренних дел А.Е. Тимашева Александр II дал согласие наградить серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславовой ленте отставного унтер-офицера лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Томаса. В 1878 году этому человеку был восемьдесят один год и исполнилось шестьдесят лет его службы. При секретной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта он служил с 1847 года, «свято сохраняя тайну перлюстрационного дела»⁹⁹².

В Одесской почтовой конторе с 1908 года заведовал выемкой частной корреспонденции для последующей перлюстрации И. Юрченко. В 1913 году старший цензор Ф.Б. Гольмблат представил его к награждению орденом Св. Анны 3-й степени⁹⁹³.

Люди, в каком бы ведомстве они ни работали, всегда озабочены не только выполнением своих служебных обязанностей, но и множеством того, что относится к частной повседневной жизни. Не были исключением и сотрудники «черных кабинетов» XIX – начала XX века. Что же волновало этих людей? К сожалению, в нашем распоряжении не так много источников, которые могли бы пролить свет на данный вопрос, – не сохранилось личных заметок, дневников, воспоминаний. Но даже в массе деловых, официальных бумаг исследователь обнаруживает какие-то крохи того, что позволяет хотя бы пунктиром проследить личные заботы и интересы некоторых из этих людей. Отметим также, что значительная часть нашей с вами жизни проходит на работе. Поэтому служебные проблемы также, на мой взгляд, входят в понятие повседневной жизни.

⁹⁹⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 138. Л. 15; Д. 154. Л. 118; Д. 181. Л. 7; Дмитриева И.А. «Обвинения, которые я не могу признать»: Материалы из архива московского краеведа П.Н. Миллера 1935–1936 гг. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 167–181; Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы) / Сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1995. С. 100–120.

⁹⁹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 24–25 об.

⁹⁹² Там же. Д. 246. Л. 289–290.

⁹⁹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 58 об.

Кроме непосредственного руководства подчиненными начальство заботилось о создании лучших бытовых условий непосредственно на рабочих местах. Это, в частности, касалось использования новой техники. Старший цензор цензуры иностранных газет и журналов Санкт-Петербургского почтамта А.Д. Фомин 3 декабря 1900 года обратился к начальнику Главного управления почт и телеграфов с просьбой об установке в помещении цензуры телефона. 18 декабря последовало разрешение на это с условием, что пользование аппаратом составит 125 руб. в год. В результате 3 января 1901 года были установлены два параллельных телефонных аппарата. Затраты же на их установку были отнесены к статье канцелярских расходов⁹⁹⁴. Уже во время Первой мировой войны, 28 мая 1915 года, последовала просьба об установке в помещении цензуры вентилятора, «крайне необходимого в виду незначительной вышины комнаты»⁹⁹⁵. Заместитель Фомина, старший цензор М.Г. Мардарьев, 19 апреля 1911 года подал служебную записку о производстве «полного малярного ремонта... и о расширении одной комнаты снятием перегородки». После производства ремонта Мардарьев направил бумагу заведующему электрической станцией Главного управления почт и телеграфов с просьбой установить в этих помещениях две люстры по четыре лампы в каждой «с конусообразным отражением»⁹⁹⁶. Первая мировая война породила новые проблемы. 4 июля 1915 года цензура иностранных газет и журналов обратилась в Петроградский почтамт по невиданному ранее вопросу: газетная экспедиция отказывает в отпуске необходимой бечевки, толстой и тонкой, а также оберточной бумаги – «за неимением их в достаточном количестве»⁹⁹⁷.

Широко известна фраза Воланда из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» о том, что послереволюционных москвичей испортил квартирный вопрос. На деле этот вопрос волновал людей всегда, в том числе и специалистов по чтению чужих писем. По законам Российской империи чиновнику или предоставляли служебную квартиру, или выдавали так называемые «квартирные деньги» на съем помещения. Естественно, что служащий хотел получить квартиру в удобном месте и более просторную. В этом отношении характерна переписка действительного статского советника К.К. Вейсмана с начальником Главного управления почт и телеграфов Н.А. Безаком. После смерти почт-директора Санкт-Петербургского почтамта В.Ф. Шора старший цензор Вейсман был назначен 4 января 1886 года управляющим цензурой иностранных газет и журналов в империи, в том числе и «особенной частью при ней», т. е. службой перлюстрации⁹⁹⁸.

Уже 21 февраля 1886 года последовала просьба Вейсмана предоставить ему казенную квартиру помощника санкт-петербургского почт-директора. 3 апреля Карл Карлович получил разрешение на переезд. Но у него к тому времени было пятеро детей: сын и четыре дочери. Поэтому уже на следующий день, 4 апреля, новый руководитель секретной службы обратился с новым ходатайством. Он указывал, что «назначенная казенная квартира равна по числу комнат нынешней» и «мала по семейному положению», ибо «из 7 комнат – 5 надо на спальни», а в результате «нет места для кабинета». Поэтому он просил прибавить соседнее помещение из четырех комнат. Поскольку бумаги всегда двигались медленно, то 22 апреля он, явно ощущая свой новый статус, пишет достаточно резко: «Прошло почти три недели, а из Главного Управления я до сих пор еще не получил обещанного Вашим Превосходительством благосклонного ответа и поэтому позволяю себе снова обратиться к Вам с покорней-

⁹⁹⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 176. Л. 4–7.

⁹⁹⁵ Там же. Д. 278. Л. 12.

⁹⁹⁶ Там же. Д. 249. Л. 17, 28.

⁹⁹⁷ Там же. Д. 278. Л. 30.

⁹⁹⁸ См.: Измозик В.С. Семья Вейсманов на службе в почтовом ведомстве // Из глубины времен. Вып. 13. СПб., 2005. С. 305–312.

шею просьбою: приказать довести этот квартирный вопрос к концу и этим дать мне возможность устроиться до переезда на дачу». Ответ последовал 30 апреля: «Начальник Главного Управления [Н.А. Безак] признал возможным присоединить квартиру, занимаемую чиновником особых поручений... и передать не позднее сентября в Ваше пользование»⁹⁹⁹. Таким образом, в одиннадцатикомнатной квартире Вейсман смог обустроить свой кабинет.

Через два года, 8 марта 1888#го, он обратился к руководству с просьбой уже о решении квартирных проблем своих подчиненных. По случаю перехода одного из них в Министерство внутренних дел Карл Карлович просил передать квартиру этого сотрудника (номер 34 в доме 12 по Новоисаакиевской улице) чиновнику Е.К. Самусьеву, трудившемуся в цензуре с июня 1881 года, а квартиру последнего (Почтамтский переулок, дом 1, квартира 18) передать прикомандированному с 22 декабря 1884 года к цензуре иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте А.Д. Фомину¹⁰⁰⁰.

Наконец, совсем незадолго до краха империи, 7 января 1917 года, старший цензор М.Г. Мардарьев обратился к руководству Главного управления почт и телеграфов со следующим письмом:

При передаче цензурской [так в тексте] квартиры (Новоисаакиевская, д. 6, кв. 4) начальнику отделения Главного Управления почт и телеграфов было обусловлено: наем соответствующей квартиры для цензора и назначение казенной квартиры (не менее трех комнат) для экзекутора цензуры... Леонида Григорьева (переговоры велись с помощником почт-директора). Несмотря на неоднократные просьбы, до сих пор столь необходимая... квартира экзекутору цензуры не предоставлена. Убедительно прошу, Ваше Превосходительство, не отказать, при первой возможности, удовлетворить мою просьбу¹⁰⁰¹.

Кроме квартир, чиновников, конечно, волновали вопросы жалованья, пенсий, наград, возведения в дворянство. Хотя жалованье у сотрудников «черных кабинетов» значительно превышало зарплату почтово-телеграфных служащих, так как более половины его они получали из секретных сумм, но бывали случаи значительной задержки денег. Обычно они происходили в связи с тем, что реальная должность не соответствовала официальной из#за различного рода перемещения вакансий. Например, 12 сентября 1906 года А.Д. Фомин ходатайствовал перед начальником Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьяновым о перемещении должности чиновника, знающего иностранные языки, из рижской цензуры в Киев с назначением на нее губернского секретаря В.К. Карпинского. Приказ о его назначении с 1 октября 1906 года вышел 14 октября того же года. Между тем 17 февраля 1907 года старший цензор Киевской почтовой конторы К.Ф. Зиверт писал Фомину, что Карпинский не получает жалованья, так как в Управлении почтово-телеграфным округом до сих пор нет сведений о его назначении. Из Главного управления в Киев последовал 28 февраля приказ выдать жалованье Карпинскому из имеющихся сумм кредита. Начальник Киевского почтово-телеграфного округа Ф.Г. Цецыниевский ответил 5 мая 1907 года, что «никакого кредита не имеется» и Карпинскому выдано содержание без квартирных денег с 1 января 1907 года, а для выдачи за 1906 год нужно распоряжение Главного управления. Одновременно на неполучение денег жаловался коллежский советник Э.Э. Гордак, назначенный в киевскую цензуру с 1 января 1907 года и награжденный орденом Св. Владимира 4#й степени

⁹⁹⁹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 93. Л. 2, 3–5.

¹⁰⁰⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 4268. Л. 2 об. – 3; Д. 5122. Л. 5 об. – 6; Оп. 21. Д. 103. Л. 4.

¹⁰⁰¹ Там же. Оп. 21. Д. 287. Л. 2.

22 апреля того же года. Только 26 мая из столицы ушла в Киев бумага, разрешающая выдать Карпинскому деньги за 1906 год за счет кредита 1907#го¹⁰⁰².

Весьма распространенной была практика перевода чиновников «черных кабинетов» из одного города в другой по служебной надобности. В этих случаях вставали вопросы выдачи подъемных. Например, когда в 1894 году Н.Г. Пезе#де-Корваля пришлось срочно убирать из Казани в Москву, на его место был направлен из Москвы Х.Х. Ауэ. Последний подал рапорт с просьбой о путевых деньгах, заявив, что «у него нет средств на выезд из Москвы». Ему немедленно было отправлено 100 руб. на путевые расходы¹⁰⁰³. В феврале 1897 года сотрудники цензуры иностранных газет и журналов Э.Э. Гордак, Ф.Г. Кребс и Крелинский, переведенные в ноябре 1896 года из Вильно в Варшаву, подали рапорты о выдаче им путевого пособия. Переписка по этому поводу продолжалась несколько лет. В ноябре 1899 года была подготовлена справка, из которой явствовало, что в ноябре 1896 года по распоряжению министра внутренних дел из Департамента полиции безо всяких удержаний было выдано Кребсу 300 руб., а Гордаку и Крелинскому – по 200 руб. Но указанные чиновники на этом не успокоились, видимо, желая кроме секретных сумм получить на путевые расходы и официально положенные деньги. Наконец 28 мая 1900 года из Главного управления почт и телеграфов последовал окончательный отказ, мотивированный тем, что упомянутые лица «не занимают классные должности в Царстве Польском»¹⁰⁰⁴.

Сама практика распределения и выдачи денег из секретных сумм ставила целый ряд вопросов: кому из причастных (к секретному делу) в почтовых конторах платить? сколько им платить? каковы здесь традиции? В этом плане представляют интерес два письма. Первое из них – обращение А.Ф. Шлиттера в конце марта 1909 года в Петербург к статскому советнику Л.Х. Гамбергу, помогавшему начальству вести делопроизводство. Назначенный старшим цензором варшавской цензуры в ноябре 1908 года, Шлиттер, как это бывает со многими новыми руководителями, хотел провести в своем учреждении ряд преобразований. В этой связи он писал:

Дорогой Леопольд! Шестьсот рублей... я получил. 300 рублей вручу сегодня же начальнику конторы [Н.В.] Васильеву, а относительно остальных 300 руб. у меня следующие соображения. С назначением сюда [В.С.] Верескуна [почтовый чиновник] остальные представители почтовых экспедиций были лишены пасхальной награды, и они в прошлом году впервые остались без денежной награды. Получали раньше: [С.] Вайшнис, Жук и Скубик [экспедиторы]. Первый – 75 руб., а остальные по 50. Такое лишение повлекло за собою много неприятностей... видно было, что они чувствовали себя обиженными и обойденными. А между тем, несмотря на реорганизацию всего дела, с передачею оногo всецело в руки Верескуна, нам часто приходится пользоваться и их услугами. <...> В виду этого я сам хотел войти с ходатайством к Ал. [ександру] Дм. [итриевичу] [Фомину] ... о поощрении двух лиц: Вайшниса (в размере не менее 75 р.) и Жука (в размере не менее 50 р.). Но, не имея на это пока санкции от начальства, я оставил эти 300 р. нетронутыми и поступлю с ними согласно распоряжению начальства. Кроме того, я нахожу крайне желательным не оставлять без наград наших трех почтальонов... им следовало разрешить выдать <...> по 10 р. = всем 30 р., а двум почтальонам, кот. [орые] доставляют нам портфели, обязательно следует выдать по 5 р. каждому. <...> Будь добр и телеграфируй немедленно

¹⁰⁰² Там же. Оп. 4. Д. 2035. Л. 1–3, 17, 23–23 об., 26, 27–28.

¹⁰⁰³ Там же. Оп. 21. Д. 138. Л. 4–6.

¹⁰⁰⁴ Там же. Д. 153. Л. 9–10, 14–15 об.

в случае согласия начальства только одно слово: «Согласен». Остальная сумма – 135 рублей остается тогда в распоряжении начальства. Повторяю, что я вообще до твоей телеграммы, кроме 300 р. Васильеву, ничего выдавать не буду.

Если Ты и мы все получили ожидаемую пасхальную награду, то, конечно, можно принять в соображение, что наши почтальоны уже удовлетворены, да и остаток в 135 рублей может быть зачтен в число награды остальным чиновникам. Итак жду телеграммы в субботу. Всего хорошего. <...> Твой А. Шлиттер.

На письме имеется резолюция карандашом: «Телеграммой 28/III 1909 отвечено “Согласен”»¹⁰⁰⁵.

Одновременно 10 марта 1909 года об этой же проблеме писал заместителю А.Д. Фомина, старшему цензору М.Г. Мардарьеву, руководитель «черного кабинета» в Одессе Ф.Б. Гольмблат:

Глубокоуважаемый Михаил Егорович [т. е. Георгиевич]! В виду предстоящей «наградной» Пасхи было бы желательно знать, следует ли мне официально просить А.Д. [Фомина] назначить денежные поощрения для некоторых косвенно участвующих, не получивших таковые на Рождество. Первым таким лицом является помощник начальника почтовой конторы Брюховицкий, с которым Вы вели переговоры во время Вашего пребывания в Одессе, когда Бр. [брюховицкий] временно замещал должность начальника конторы. С тех пор, он по моим личным наблюдениям, вел себя вполне корректно по отношению к цензуре и ни в чем не мешал деятельности посвященных в наше дело почтовых чиновников. По провинциальным понятиям, такое поведение считается заслугой, а за заслугу – пожалуйста, на чаек с Вашей милости.

Награда в 150 руб. была бы совершенно достаточной и претензий в будущем, я думаю, у награжденного в проведении Вашей реформы не будет. Что касается награды для начальника Округа, то таковая, конечно, также является желательной, чтобы и в будущем расположить к цензуре господина Дьякова, но в виду того, что он уже получил две Пасхи подряд по 300 руб., то я не знаю, насколько Вам покажется необходимым *каждую* [курсив автора письма] Пасху награждать *главу* [курсив автора письма] здешнего почтового дела (Одесская почтовая контора подчинена Округу). Для заведующего экспедицией [Г.К.] Тысячного я на Рождество не испрашивал награды, предполагая, что сумма свободных денег для косвенно участвующих невелика и распоряжаться ею следует поэкономнее. Нельзя ли будет ему дать нынче на Пасху 100 руб.?

На первом листе письма в углу имеется резолюция черными чернилами: «Брюховицкий и Тысячный включены в список пасхальных наград»¹⁰⁰⁶.

Тайные выплаты создавали иногда почву для моральной нечистоплотности отдельных чинов цензуры¹⁰⁰⁷. Бывали и жалобы со стороны на денежные долги цензоров. Например, цензор В.И. Пирогов взял в Первом Варшавском ссудо-сберегательном товариществе

¹⁰⁰⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 221. Л. 101–101 об. А.Д. Фомин – старший цензор цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте и одновременно руководитель службы перлюстрации в Российской империи с 1891 года. С. Вайшнис и В.С. Верескун – чиновники Варшавской почтовой конторы.

¹⁰⁰⁶ Там же. Л. 113–113 об.

¹⁰⁰⁷ См.: *Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе. С. 106–110.

300 руб. с обязательством вернуть деньги с процентами до 30 июня 1907 года. Будучи переведенным в Петербург, Виктор Иванович деньги не вернул. Правление товарищества 20 октября 1907 года направило отношение приставу Адмиралтейской части столицы о взыскании долга. Завязалась переписка. Околоточный надзиратель 4 декабря 1907 года докладывал, что Пирогов «от уплаты уклоняется и имущества никакого не имеет, а служит цензором иностранной корреспонденции при Главном Почтамте, ... куда и следует направить [жалобу] для исполнения». В свою очередь, цензор П.К. Бронников подготовил справку о том, что Пирогов состоит при МВД и лишь откомандирован в цензуру, поэтому жалованья здесь не получает. В связи с этим пристав 29 декабря 1907 года наложил резолюцию: «За неимением сведений, откуда именно г. Пирогов получает жалованье и в каком размере, а также за уклонением его сообщить таковые сведения, настоящую переписку препровождаю г. СПб. [Санкт-Петербургскому] Почт-директору и прошу таковую направить по месту получения им жалованья или другого какого вознаграждения за службу». Видимо, должнику было сделано соответствующее внушение со стороны начальства. В результате Пирогов обещал правлению Варшавского товарищества погасить долг в течение января 1908 года¹⁰⁰⁸.

Как в любом коллективе, обиду вызывало несправедливое, на взгляд обиженных, распределение денег. Например, 8 июля 1915 года старший цензор одесской цензуры Ф.Б. Гольмблат писал старшему цензору М.Г. Мардарьеву с пометкой «конфиденциально»:

До сведения моего дошло, что среди чинов Одесской почтовой конторы вызывает недоумение то обстоятельство, что несмотря на прекращение поступления в местную цензуру иностранных газет и журналов бандерольных отправок с изданиями на восточных языках, продолжается выдача из канцелярии вышеназванной конторы содержания вольнонаемным цензорам о. Чубарьяну и [И.С.] Спафарису, лицам материально обеспеченным, благодаря занимаемым ими другим должностям [Спафарис был инспектором по делам печати и ведал цензурой изданий на восточных и новогреческом языках], кроме того, благодаря получению ими суточных, в размере трех рублей, за занятия на почте по военной цензуре писем. Между тем чины почтово-телеграфного ведомства, неся огромный труд и лишённые воскресного и праздничного отдыха на все время военного положения, являются якобы лишь невольными свидетелями допускаяемой свыше, по их мнению, несправедливости.

Признавая долгом донести об этом до сведения Вашего Превосходительства, имею честь присовокупить, что в донесении моем на Ваше имя от 14 декабря 1914 года, за № 76, мною доложено о прекращении поступления бандерольных отправок с изданиями на восточных языках, каковое прекращение и вызвало фактическое освобождение обоих вольнонаемных цензоров от оплачиваемых почтовым ведомством трудов, распоряжения же о прекращении выдачи вознаграждения... не поступало¹⁰⁰⁹.

Также естественным предметом заботы были пенсии, которые чиновники «черных кабинетов» получали на основании секретных циркуляров, т. е. вне общих правил. Старший цензор Варшавской почтовой конторы А.Ф. Шлиттер 2 мая 1913 года сообщал в Петербург о болезни цензора Н.К. Шлегеля, о подаче им рапорта об отставке и просил для Шлегеля усиленной пенсии. В отношении последнего пункта старший цензор добавлял: «Вообще я придерживаюсь того мнения, что следует людей, работавших в “нашем деле” и мирно поки-

¹⁰⁰⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 228. Л. 2–8.

¹⁰⁰⁹ Там же. Д. 278. Л. 33–33 об.

дающих свой пост, отпускать с миром, удовлетворив их всеми преимуществами, нам дарованными»¹⁰¹⁰. Занимавший должность старшего цензора в течение двадцати трех лет А.Д. Фомин вышел на пенсию со 2 июня 1914 года. Перед этим он обратился с прошением на имя Николая II о «назначении усиленной пенсии». По докладу министра внутренних дел императору 2 июня 1914 года пенсия Фомину была назначена в размере 4 тыс. руб. в год. Однако 19 июня Фомин подал новое прошение – о назначении ему «единовременного пособия ввиду столь резкого изменения в моем материальном положении и вызванных им неизбежных расходов». В итоге по новому докладу министра внутренних дел Николаю II 23 июня было принято решение о выдаче Фомину «добавочной пенсии из сумм почтово-телеграфного ведомства в размере одной тысячи рублей в год». Начальник Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвиснев сообщил Фомину о производстве его в действительные тайные советники и назначении ему основной и дополнительной пенсий. В ответ Фомин письмом от 2 июля 1914 года благодарил Похвиснева и добавлял, что остается «в ожидании своевременного получения пенсии, составляющей отныне единственное мое средство существования»¹⁰¹¹.

Даже после крушения царизма некоторые из чиновников еще надеялись получить пенсию по старым правилам. Например, старший цензор Киевской почтовой конторы К.Ф. Зиверт, которому было уже семьдесят четыре года, обратился 22 августа 1917 года к министру почт и телеграфов с прошением об увольнении в отставку с «назначением гарантированной мне при поступлении в цензуру пенсии за 35 лет в размере полного оклада моего содержания, т. е. 2400 рублей, согласно установленной норме по Высочайшему повелению...»¹⁰¹².

Неудивительно, что в среде почтово-телеграфных служащих, по словам начальника Одесской почтовой конторы В. Колчева, чины цензуры по своему служебному положению считались «тузами»¹⁰¹³. И желающих попасть на эту службу почти во все времена было достаточно много.

Кроме жалованья и отдельных поощрений, раз в два года ко дню Св. Пасхи происходило награждение чинов цензуры иностранных газет и журналов. При этом те, кто не был представлен к награждению орденами, получали денежное вознаграждение. В результате предварительное составление наградного списка вызывало немалое волнение среди чиновников и приводило к осторожному вмешательству со стороны различных начальников. Например, весной 1887 года старший цензор К.К. Вейсман в памятной записке министру внутренних дел графу Д.А. Толстому по поводу награждения чинов цензуры к предстоящей Пасхе обращал внимание начальства: «Наградной список проверил т. [айный] с. [оветник] Заика [В.Д. Заика – тайный советник, директор Департамента общих дел МВД]. Рекомендовал особо обратиться по поводу наград старшему цензору Московского почтамта с. [татскому] с. [оветнику] Кнауту и д. [ействительному] с. [татскому] с. [оветнику] Шмидту. За Кнаута (в чине с 1882 г.) ходатайствует московский почт-директор, а за Шмидта почетный опекун контр-адмирал [К.В.] Небольсин с другими членами Совета Патриотического института». В результате К.К. Кнаут получил чин действительного статского советника, а А.Э. Шмидт – орден Св. Владимира 3#й степени¹⁰¹⁴.

Еще одной привилегией было получение некоторого числа так называемых стипендий на обучение детей. Каковы были умонастроения чиновников в отношении таких «стипен-

¹⁰¹⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 59 об. – 60.

¹⁰¹¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 5122. Л. 5 об. – 6, 29, 33, 34, 37, 39, 40–40 об., 42.

¹⁰¹² РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 1714. Л. 1–1 об., 24–24 об.

¹⁰¹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 83 об.

¹⁰¹⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 98. Л. 9–9 об., 12 об. – 13, 14 об. – 15.

дий»? Представление об этом дает, как мне кажется, письмо старшего цензора Московского почтамта О.А. Келера А.Д. Фомину от 5 января 1899 года:

Милостивый Государь Александр Дмитриевич! Младшему сыну цензора [Э.Ф.] Блюма 17 числа... декабря минуло 20 лет, таким образом, вероятно г. Блюму прекращается дальнейшее получение денег на воспитание детей. Но в виду того, что сын его продолжает на его счет воспитание в Лазаревском институте восточных языков и прошедший год для г. Блюма был особенно обременителен расходами по выданию замуж дочери, я позволяю себе просить Ваше Превосходительство, не найдете ли Вы возможность деньги на воспитание детей оставить г. Блюму еще на 1900 год. Если же по какому#либо обстоятельству это оказалось бы невозможным, то покорнейше прошу предоставить эти вакантные деньги на воспитание детей чиновнику [В.И.] Геркану, старший сын которого родился 7 марта 1892 г. и теперь начинает обучение¹⁰¹⁵.

Во всяком случае, считаю своим долгом присовокупить покорнейшую просьбу, чтобы получаемые ныне стипендии остались за Москвой. Чиновники московской цензуры вполне убеждены, что их труды и работа ценится Вашим Превосходительством, потому работают усердно и радостно; названные стипендии мы привыкли считать своими и стараемся усердным исполнением служебных обязанностей закрепить и дальнейшее право на все, что раз пожаловано Москве, и при всей нашей скромности мы льстим себя надеждой, что остальные пункты не лишат нас этого права.

В результате выплата денег Э.Ф. Блюму была продлена до 1901 года¹⁰¹⁶.

Весьма внимательно сотрудники цензуры относились к наградам. Например, К.Ф. Зиверт, старший цензор Киевской почтовой конторы с ноября 1896 года, в апреле 1909#го обратился к Фомину с напоминанием, что 17 января исполнилось сорок лет его службы и он надеется на получение специального Знака беспорочной службы. На письме Зиверта сохранилась резолюция карандашом о том, что такое представление возможно лишь раз в год, до 1 мая, и за вычетом предоставленных отпусков (шесть месяцев) необходимый срок исполнится 17 июля 1909 года. Но и новая дата была отвергнута канцелярией Капитула российских императорских и царских орденов. Из нее 27 августа 1910 года сообщили, что насчитали просителю со дня производства в первый классный чин коллежского регистратора (17 января 1877 года) лишь тридцать два года, восемь месяцев и девятнадцать дней службы. Работа Зиверта с 17 января 1869 года в качестве телеграфиста в подсчет не вошла¹⁰¹⁷. Таким образом, он мог рассчитывать на получение Знака в 1917 году, но к тому времени награда уже потеряла свой смысл.

Даже война и личные невзгоды не могли заставить забыть о распределении наград. Московский цензор В.И. Геркан 4 августа 1915 года в личном письме в Петербург к цензору Л.Х. Гамбергу, в частности, посылал свидетельство о смерти своего младшего сына (Михаила) для исключения его из послужного списка, а также касался вопроса о наградах. Он писал:

¹⁰¹⁵ Сын В.И. Геркана, Леонид Викторович Геркан, – известный деятель советского спортивного движения в 1920–1930#х годах, автор книг: «Начальный курс лыжного спорта» (М., 1923), «Теория и практика спортивного плавания» (М., 1925).

¹⁰¹⁶ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 176. Л. 9–9 об. Э.Ф. Блюм (1838–?) – статский советник, цензор. В.И. Геркан – цензор. О.А. Келер (1840–?) – действительный статский советник, старший цензор Московского почтамта в 1890–1906 годах.

¹⁰¹⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 1714. Л. 1–3; Оп. 21. Д. 221. Л. 138, 170–170 об.

Наступает срок представления к наградам 6 декабря, когда мне истекает трехлетний межнаградный срок. Представление нас Военно-цензурной комиссией к орденам не прошло, вероятно, вследствие неудачного хода военных действий. <...> Если Михаил Георгиевич [Мардарьев] меня не удостоит представления к чину действительного статского советника по манифесту о 300-летнем царствовании дома Романовых, то похлопочите уже о Владимире IV ст. [епени], к которому я, увы, и физически созреваю. В случае каких-либо препятствий и сомнений национального свойства, я считаю не лишним упомянуть, что единственный на свете род Герканов происходит из древнего коренного туземного племени ливов. Кроме того я состою дворянином Минской губернии. Христофор Христофорович Ауэ просит, если возможно, представить его к чину статского советника. Последний чин он получил, будучи причисленным в Казани¹⁰¹⁸.

Поскольку многие цензоры были выходцами из непривилегированных сословий, то весьма важной для них была возможность причисления к дворянству. Тот же К.Ф. Зиверт 5 апреля 1898 года получил орден Св. Владимира 4-й степени, на основании чего 12 февраля 1901 года был утвержден вместе с женой и детьми в потомственном дворянстве указом Сената. Об этом Зиверт сообщил в цензуру Санкт-Петербургского почтамта – для внесения данных сведений в формуляр¹⁰¹⁹. Племянник К.К. Вейсмана Л.Х. Гамберг, трудившийся на поприще перлюстрации с января 1886 года и выслуживший чин действительного статского советника, обратился 11 января 1916 года с просьбой о предоставлении ему копий формулярного списка «для подачи в Сенат на предмет внесения меня с семьей в дворянскую родословную книгу»¹⁰²⁰. 10 февраля 1917 года состоялся всеподданнейший доклад министра внутренних дел А.Д. Протопопова императору Николаю II. Наверно, именно в этот день произошло последнее награждение чиновника «черного кабинета»: император дал соизволение на производство за выслугу лет надворного советника Н.А. Шеймана в коллежские советники. Шейман был чиновником, причисленным к МВД и откомандированным в одесскую цензуру иностранных газет и журналов. О производстве его в новый чин сообщили 16 февраля в Департамент общих дел МВД¹⁰²¹.

В годы Первой мировой войны немало дам и барышень из обеспеченных кругов пошли добровольно работать в госпитали, в различные общественные организации, оказывая помощь беженцам, инвалидам, малоимущим и т. п. Не остались в стороне и семьи чиновников «черных кабинетов». Жена коллежского советника Р.В. Швейера Христина была приглашена петроградской военной цензурой для чтения голландских писем «без вознаграждения». Правда, в 1916 году Центральное управление почт и телеграфов наградило госпожу Х. Швейер денежной суммой в 300 руб.¹⁰²²

Но 1917 год принес цензорам «черных кабинетов» новые, совершенно неожиданные заботы. Как я уже упоминал во второй главе, 27 февраля 1917 года М.Г. Мардарьев направил служебную записку в экспедицию перевозки почты со следующей просьбой: «В виду невозможности для служащих цензуры иностранных газет и журналов становиться у лавок в очередь для получения хлеба, за недостатком свободного от служебных занятий времени, цензура... покорнейше просит включить ниже поименованных чинов цензуры в число лиц,

¹⁰¹⁸ Там же. Оп. 21. Д. 278. Л. 37–38 об. Особенно великолепно утверждение, что дворянский род Герканов не имеет отношения к немцам. На деле известен ряд немецких деятелей с фамилией «Геркан».

¹⁰¹⁹ Там же. Оп. 4. Д. 1073. Л. 5 об. – 7, 14–15; Д. 1714. Л. 6 об. – 7, 12, 13–13 об.

¹⁰²⁰ Там же. Д. 901. Л. 2 об. – 3, 39.

¹⁰²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 186.

¹⁰²² Там же. Л. 177.

коим хлеб отпускается из Почтамта». К записке прилагался список из трех цензоров, а также девяти сторожей и почтальонов¹⁰²³. Однако именно в этот день было свергнуто самодержавие. Сама цензура иностранных газет и журналов с ее «особым отделением» подлежала ликвидации в ближайшие недели, а у ее сотрудников появились новые повседневные проблемы.

Теперь люди, которые чувствовали себя избранными, оказались в достаточно сложном, даже тяжелом положении. Они не только лишились работы и средств к существованию. Их вызывали на допросы представители внезапно возникших общественных организаций, прокуратуры и суда, предъявляя им обвинения в нарушении официального законодательства. В Киеве в марте 1917 года старший цензор К.Ф. Зиверт был допрошен комиссаром исполнительного комитета Совета объединенных общественных организаций. Затем эту процедуру продолжил судебный следователь В.И. Фененко¹⁰²⁴. Были арестованы сотрудники Зиверта: Й.Г. Вальдман, Д.С. Варивода, Э.Э. Гордак, К.В. Гузендер, но в середине апреля их освободили¹⁰²⁵. В Москве допрашивали старшего цензора В.М. Яблочкова. 7 апреля 1917 года комиссар Москвы Н.М. Кишкин уволил его в отставку. 15 июня судебный следователь вынес постановление о содержании его в Московской губернской тюрьме¹⁰²⁶. В Тифлисе прокурор Тифлисского окружного суда вел следствие по делу местного «черного кабинета»¹⁰²⁷. Этим же занималась прокуратура Одесского окружного суда¹⁰²⁸. Старшего цензора М.Г. Мардарьева несколько раз допрашивал П.Г. Соловьев, следователь созданной 4 марта 1917 года «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств»¹⁰²⁹.

В этой ситуации Мардарьев 11 апреля подал заявление начальнику Главного управления почт и телеграфов с просьбой предоставить ему двухмесячный отпуск «для поправления расшатанного здоровья и о назначении... пособия на лечение»¹⁰³⁰. Некоторые стремились уйти на пенсию по болезни. Петроградский цензор Н.Р. Берггольд был уволен приказом Министерства почт и телеграфов от 10 июня 1917 года по болезни. При освидетельствовании 4 мая того же года у него признали «артериосклероз, хронический катар горла, хроническое воспаление легких туберкулезного характера, эмфизему легких и неврастению»¹⁰³¹. Тяжелобольными вдруг оказались и его сослуживцы. Старший цензор петроградской цензуры иностранных газет и журналов Е.К. Самусьев 5–6 мая 1917 года прошел врачебную комиссию и получил заключение, что он «страдает артериосклерозом, эмфиземою легких, геморроем, половинчатым левосторонним параличом на почве бывшего кровоизлияния в мозг и службу продолжать не может»¹⁰³². Необходимое медицинское заключение от 30 июня того же года получил бывший старший цензор варшавской цензуры А.Ф. Шлиттер. Вывод о невозможности продолжения Шлиттером службы опирался на наличие у него «острого экссудативного плеврита и тяжелой формы спинно-мозговой неврастении»¹⁰³³. При этом бывший старший цензор в Киеве Зиверт не только просил об отставке с «назначением гарантированной...

¹⁰²³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 287. Л. 6–6 об.

¹⁰²⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 7–7 об., 125 об.

¹⁰²⁵ Киевская мысль. 1917. 15 апреля. С. 1; 16 апреля. С. 2.

¹⁰²⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 3–5; Утро России. 1917. 8 апреля. С. 4.

¹⁰²⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 21.

¹⁰²⁸ Там же. Л. 131–133 об.

¹⁰²⁹ Там же. Л. 43–53 об., 88–89.

¹⁰³⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2874. Л. 49.

¹⁰³¹ Там же. Д. 303. Л. 5 об. – 6, 43–44.

¹⁰³² Там же. Д. 4268. Л. 57–57 об.

¹⁰³³ Там же. Оп. 5. Д. 5488. Л. 42–42 об.

при поступлении в цензуру пенсии...» (о чем упоминалось выше в настоящей главе), но и добавлял, что «пенсию желаю получать из Киевского губернского казначейства»¹⁰³⁴.

Тридцатилетний А.И. Богданов решил поступить вольнослушателем в Петроградский университет¹⁰³⁵. Действительный статский советник Л.Х. Гамберг устроился в Бюро для составления обзоров повременной печати, выходящей в России и за границей¹⁰³⁶.

О том, что чувствовали бывшие цензоры, о непонимании ими предосудительности своей бывшей службы ярко говорят их обращения к новым властям. Статский советник В.Е. Лоренсон, пятидесяти трех лет, занимавшийся перлюстрацией тридцать пять лет, 5 мая 1917 года обратился к начальнику Главного управления почт и телеграфов:

Лишившись в порядке революции места, оставленный на произвол судьбы своим непосредственным начальством без распоряжений и без содержания, и прилагая при сем прошение об отставке, покорнейше прошу Вас обратить благосклонное внимание на следующее: прослужил я с 1 января 1882 г. на действительной службе, беспрекословно и добросовестно исполняя все требования начальства. <...> за все это время я пользовался отпуском три раза и работал во все дни недели, не исключая и праздников.

В конце рапорта он просил о выплате заштатного жалованья. Резолюция гласила: «Оставить за штатом».

Между тем положение Лоренсона значительно ухудшилось. 16 июня он писал председателю Временного правительства Г.Е. Львову:

К Вашей милости взывает голодающий! <...> Непосредственное начальство мое, в лице петроградского старшего цензора тайного советника М.Г. Мардарьева распорядилось лишь о том, чтобы прекратить работу, а затем о судьбе моей совершенно забыло, даже не отвечая на письма. В результате я, оставшись без заработка, вовсе неприспособленный к иному труду, стою на пороге к нищете. Остается только идти на церковную паперть с протянутой рукой и это за честную и беспорочную службу, во время которых [так в тексте] я не нажил палат каменных. <...> опозорен публично г. и. [сполняющим] д. [ела] прокурора Харьковской судебной палаты Пузыревским, не разобравшимся в моем политическом credo и приказавшим арестовать меня вопреки постановлению г. следователя... 24 дня и 8 часов провел я среди босяков, бывших каторжан и т. п. сброда, съедаемый вшами и клопами. Я в жизни своей (53 ½ года) ни в чем не провинившийся и не получавший даже никаких служебных замечаний, с кристаллически чистым формуляром, подвергся такому позору. За что?

Письмо было переслано министру почт и телеграфов. Оттуда последовало указание начальнику Харьковского почтово-телеграфного округа, что Лоренсон удовлетворению заштатным жалованьем не подлежит¹⁰³⁷.

Дальнейшие события разметали этих людей, поглотили большинство из них в неведомые нам круговороты жизни. Известно, что М.Г. Мардарьев умер в 1918 году. Л.Х. Гамберг с июля того же года трудился в комиссариате Петроградского района Петрограда. С декабря – в Самаре: работал в губпродкоме, Союзе работников коммунального хозяйства. С октября 1920 года – счетовод на пожарных курсах при ЦК Союза работников коммунального хозяй-

¹⁰³⁴ Там же. Оп. 4. Д. 1714. Л. 24–24 об.

¹⁰³⁵ Там же. Д. 389. Л. 26.

¹⁰³⁶ Там же. Д. 901. Л. 47.

¹⁰³⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2775. Л. 22–24.

ства в Москве, с ноября 1921#го – переводчик при ЦК того же союза¹⁰³⁸. Барон Ф.Г. Тизенгаузен, мастер вскрытия пакетов и писем, с 1 марта 1923 года по 25 октября 1924#го трудился у новых хозяев на привычном поприще – как контролер отдела политконтроля ОГПУ в Петрограде-Ленинграде. Был уволен в возрасте шестидесяти пяти лет по сокращению штатов. В 1929 году, семидесятилетним, служил сторожем Геологического комитета в Ленинграде¹⁰³⁹. Младший цензор Санкт-Петербургской цензуры Р.В. Швейер с июля 1917 года трудился контрощиком в Коммерческом банке. С 1 марта 1923 года по 4 ноября 1924#го, как и Тизенгаузен, работал контролером отдела политконтроля ОГПУ. В пятьдесят четыре года был уволен по сокращению штатов. В конце 1929 года – безработный¹⁰⁴⁰. Делопроизводитель, машинист Санкт-Петербургского «черного кабинета» Л.П. Григорьев, увлекавшийся одновременно церковным пением и пожарным делом, с сентября 1921#го до 1923 года служил дьяконом Спасо-Колтовской церкви и одновременно, до августа 1922 года, – брандмейстером Петровскоостровской пожарной части, а затем – заведующим пожарной частью Монетного двора¹⁰⁴¹.

Причастные к делам перлюстрации почтовые служащие в Петрограде-Ленинграде в большинстве продолжали служить в почтово-телеграфном ведомстве. Но 2 ноября 1929 года сотрудниками информационного отдела (отдела политконтроля) Секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе было начато следствие по так называемому делу чернокабинетчиков. Оно закончилось вынесением приговора 28 января 1930 года. Информационный отдел ОГПУ СССР, получив отправленные 5 ноября материалы по данному делу, поставил задачу «в ходе следствия... особенно заострить внимание на выявлении непосредственных чиновников “черного кабинета”» и на установлении методов его работы¹⁰⁴².

Всего по делу было привлечено девятнадцать человек, причастных к делу перлюстрации на Петербургском почтамте в конце XIX – начале XX века, до 1917 года. Среди них было четыре цензора (Л.Х. Гамберг, М.М. Милевский, Ф.Г. Тизенгаузен, Р.В. Швейер), один технический работник цензуры (секретарь-машинист Л.П. Григорьев), десять почтово-телеграфных служащих (В.Т. Богачев, А.В. Богуславский, В.Я. Бурмистров, С.И. Грошкин, С.И. Карпов, И.И. Кудряшов, В.И. Мартынов, А.Ф. Смирнов, А.Т. Тимофеев, А.П. Фадеев) и четыре сторожа (А.Р. Гладков, Н.У. Спадар, В.А. Томкевич, Р.Ф. Федоров). К моменту ареста эти люди были в возрасте от сорока до семидесяти лет, находились или на пенсии, или (в большинстве) трудились вне почтово-телеграфного ведомства. Из девятнадцати обвиняемых под стражу были заключены восемь, а с одиннадцати была взята подписка о невыезде. Такое решение показывает, что сотрудники ОГПУ не рассматривали их как активных и опасных противников новой власти.

Обвинительное заключение ставило в вину этим лицам то, что они «состояли секретными сотрудниками “Черного кабинета”, являвшегося одним из отделов Департамента полиции», и квалифицировало их действия в соответствии с указанием информотдела ОГПУ по статье 58#й, пункт 13 УК¹⁰⁴³. Данная статья включала «активные действия или активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны» и предусматривала наказание от расстрела до – при смягчающих обстоятельствах – лишения свободы «на срок не ниже трех лет, с кон-

¹⁰³⁸ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 180, 190–193 об.

¹⁰³⁹ Там же. Л. 106–107.

¹⁰⁴⁰ Там же. Л. 102.

¹⁰⁴¹ Там же. Л. 97–98 об.

¹⁰⁴² Там же. Л. 1, 157–158, 251–265.

¹⁰⁴³ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 1, 240–245, 251–265.

фискацией всего или части имущества»¹⁰⁴⁴. Поскольку смягчающие обстоятельства были налицо (срок давности, низшие должности, которые занимали ряд обвиняемых, непродолжительное время работы одного из них и т. п.), решением «тройки» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе от 28 января 1930 года тринадцать человек – В.Т. Богачев, А.В. Богуславский, Л.Х. Гамберг, Л.П. Григорьев, С.И. Грошкин, С.И. Карпов, И.И. Кудряшов, В.И. Мартынов, М.М. Милевский, А.Ф. Смирнов, Ф.Г. Тизенгаузен, А.Т. Тимофеев, Р.В. Швейер – получили пятилетний срок заключения. Четыре человека (сторожа) – А.Р. Гладков, Н.У. Спадар, В.А. Томкевич, Р.Ф. Федоров – были осуждены на три года условно. Двоим – В.Я. Бурмистрову и А.П. Фадееву – было запрещено в течение трех лет проживание в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону и в пограничных округах. Конфискация имущества не применялась¹⁰⁴⁵.

22 февраля 1933 года Коллегия ОГПУ приняла решение о досрочном освобождении С.И. Карпова, запретив ему проживание в двенадцати городах¹⁰⁴⁶. Л.П. Григорьев с 1933# го по 1950 год служил инспектором и начальником пожарной охраны в различных организациях. К 1953 году он был инвалидом второй группы и пенсионером МВД, награжденным знаком «Отличный пожарник». Его сын Виктор работал в органах МГБ и был награжден орденом Красного Знамени. Но в просьбе Григорьева-старшего в январе 1953 года о снятии судимости ему 23 февраля того же года было отказано¹⁰⁴⁷. Лишь 18 сентября 1989 года все проходившие по «делу чернокабинетчиков» были реабилитированы¹⁰⁴⁸.

---

¹⁰⁴⁴ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 38, 43.

¹⁰⁴⁵ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 251–265.

¹⁰⁴⁶ Там же. Л. 275.

¹⁰⁴⁷ Там же. Л. 277–281.

¹⁰⁴⁸ Там же. Л. 282–284.

Глава 5

Роль «черных кабинетов» в политической и общественной жизни

1. Тайна Полишинеля?

Была ли действительно перлюстрация на протяжении более чем двух веков «непроницаемой тайной», или это была тайна Полишинеля?

Конечно, существовал определенный слой людей, знавших или догадывавшихся о просмотре их корреспонденции. Это иногда создавало своеобразную ситуацию. Дипломаты подчас составляли ложные донесения, а подлинную информацию зашифровывали или отправляли частным путем. Частные лица вставляли в свои письма суждения, которые, как они надеялись, дойдут до высшей власти путем перлюстрации. Один из московских масонов, будущий сенатор И.В. Лопухин вспоминал впоследствии:

В письме... к приятелю моему повторил я сказанное мною некогда графу [Я.А.] Брюсу, что и государи могут ошибаться, и что ежели Государыня, не имея прямого понятия о какой#нибудь доброй вещи, дурных о ней мыслей, то никак нет долга соображаться с таким ее заключением. <... > Я написал сие точно для того, чтобы она прочитала¹⁰⁴⁹.

Его товарищ князь Н.Н. Трубецкой такими словами отвечал на негодование жившего в Берлине А.М. Кутузова (тот возмущался по поводу вскрытия писем): «А впрочем пусть нашу переписку читают. Мы с тобою, мой друг, в политические дела государей и государств не входим и, ведая, что всякая власть есть от Бога, мы повинемся оной без роптания»¹⁰⁵⁰.

В июне 1828 года началось следственное дело о поэме А.С. Пушкина «Гавриилиада». В связи с этим, как предполагал историк и писатель Н.Я. Эйдельман, Пушкин специально писал П.А. Вяземскому о том, что авторство поэмы может принадлежать покойному поэту князю Д.П. Горчакову. Александр Сергеевич надеялся, что письмо будет перлюстрировано, и стремился таким образом отвести удар от себя¹⁰⁵¹. По воспоминаниям известного историка К.Н. Бестужева-Рюмина, издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин, высланный в конце 1836 года за напечатание «Философического письма» П.Я. Чаадаева в Усть-Сысольск, писал своей любимой, Елизавете Васильевне Сухово-Кобылиной (впоследствии известной писательнице Салиас#де-Турнемир), письма, «в которых, надеясь обратить на себя внимание распечатающих письма, хвалил правительство». В результате, как считает мемуарист, Елизавете Васильевне это не понравилось, она порвала с Надеждиным и вышла замуж за первого встречного, каковым оказался французский граф Андре Салиас#де-Турнемир¹⁰⁵². Это не означало, конечно, что власть с полным доверием относилась к подобным уверениям, содержавшимся в письмах.

Выгоду из данной особенности перлюстрации извлекала и императрица Екатерина II. Она пользовалась своей перлюстрировавшейся в Берлине перепиской с австрийским фельд-маршалом принцем Шарлем-Жозефом де Линем, а также с немецким врачом и литерато-

---

¹⁰⁴⁹ Записки сенатора И.В. Лопухина. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990. С. 29.

¹⁰⁵⁰ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 127.

¹⁰⁵¹ Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества. М., 1987. С. 132.

¹⁰⁵² Бестужев-Рюмин К.Н. Воспоминания. СПб., 1900. С. 27.

ром И.Г. Циммерманом для информирования в нужном направлении берлинского двора. Считают, что вследствие ее писем Ф. Вольтеру было поколеблено положение французского министра иностранных дел герцога Э.Ф. Шуазеля¹⁰⁵³.

В условиях того времени часто возникало непреодолимое препятствие между целями перлюстрации и ее возможностями. Секретных чиновников и их начальство прежде всего интересовала переписка людей известных, общественно значимых. Но сохранить от них тайну «черных кабинетов» было практически почти невозможно. К светскому обществу вполне применима фраза «круг тесен, потому что слой тонок». Таким его делало переплетение родственных и дружеских связей. А потому эти люди нередко стремились для откровенной переписки пользоваться надежной оказией. Будущий герой Отечественной войны 1812 года, поэт-партизан Д.В. Давыдов во время русско-турецкой войны писал из лагеря под Рушуком генералу Н.Н. Раевскому, резко отзываясь о главнокомандующем Н.М. Каменском: «Левушка [генерал-майор Л.В. Давыдов, в прошлом адъютант Раевского] едет к вам, оттого я пишу так откровенно»¹⁰⁵⁴. Будущий вице-канцлер, а в тот момент начальник Походной дипломатической канцелярии К.В. Нессельроде писал жене 13 мая 1812 года из Вильно:

Со времени нашей разлуки это первый верный случай, когда можно поговорить с тобой непринужденно о многих вещах, которые я не решался передать с фельдъегерем, зная из достоверного источника, что все наши письма вскрываются. Почта по прибытии в Петербург доставляется к Вязмитинову [С.К. Вязмитинов – министр полиции с 28 марта 1812 года по 15 октября 1819#го], где так просматривается, что просто восторг. Состояние печатей на твоих письмах, получаемых от тебя, доказывает мне, что и им не слишком посчастливилось. А потому умоляю тебя, не касайся политики или, по крайней мере, того, что можно передавать лишь при самой надежной оказии. В этом отношении сейчас подозрительны больше, чем когда#либо, чему я имел много доказательств с тех пор, как прибыл сюда¹⁰⁵⁵.

В эти же дни, 17 мая 1812 года, генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, командир пехотного корпуса во 2#й Западной армии писал из города Бельцы своему родственнику графу А.Н. Самойлову: «По почте кроме как о погоде и о здоровье писать не должно»¹⁰⁵⁶.

Не скрывали своих знаний о перлюстрации и ряд иностранных дипломатов. Атташе британского посольства Ф. Вери писал 10 ноября 1812 года заместителю государственного секретаря по иностранным делам В. Гамильтону: «Эти письма [генерала Р.Т. Вильсона, представителя Англии при русской армии], как и все, что он писал, были перехвачены военным министром [имеется в виду А.А. Аракчеев], и, конечно, были им прочитаны. Иногда, должно быть, император читал их; но, боюсь, министр показывал ему только то, что отвечало его целям»¹⁰⁵⁷.

Два родных брата, Александр и Константин Яковлевичи Булгаковы, московский и петербургский почт-директора в 1820–1830#е годы, руководившие перлюстрацией, поддаваясь искушению, иногда делились с близкими знакомыми секретами, почерпнутыми из перехваченных писем. Особенно славился своей любовью к чтению чужих писем А.Я. Булгаков, московский почт-директор. Литературовед Ю.М. Лотман дал ему блестящую характеристику: «...ловкий, любезный, “всеобщий одолжитель”, как его именовали в кругу пуш-

¹⁰⁵³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. СПб., 1898. С. 328.

¹⁰⁵⁴ Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 333–334.

¹⁰⁵⁵ К чести России (Из частной переписки 1812 года) / Сост. М.А. Бойцов. М.: Современник, 1988. С. 32.

¹⁰⁵⁶ Там же. С. 33.

¹⁰⁵⁷ *Искюль С.Н.* Солдат фортуны, или Жизнь и труды сэра Роберта Вильсона // Вильсон Р.Т. Дневник и письма. 1812–1813. СПб.: Инапресс, 1995. С. 30.

кинских приятелей, он был, в первую очередь, живая хроника светских сплетен, переносчик новостей и передатчик сплетен». Приводя слова о нем П.А. Вяземского – «Он получал письма, писал письма, отправлял письма, словом купался и плавал в письмах, как осетр в Оке», – Юрий Михайлович продолжает: «Однако, он не только “купался и плавал”, но и упражнялся в искусстве осетрам неизвестном: распечатывал и читал чужие письма, разнося по знакомым пикантные новости»¹⁰⁵⁸.

В этом плане любопытна переписка А.А. Закревского. В 1814 году он, генерал-адъютант, пользовавшийся покровительством императора, советовал в письме генерал-адъютанту же, командиру оккупационного корпуса во Франции М.С. Воронцову «писать шифром». В октябре 1823 года оставивший перед этим пост начальника Главного штаба русской армии князь П.М. Волконский писал из Парижа Закревскому, к тому времени уже финляндскому генерал-губернатору и командиру Отдельного финляндского корпуса: «Прощайте, любезный друг, пишите ко мне почаще, через Булгакова, или по оказии, ибо, наверно, наши письма распечатывают на почте, хотя Булгаков нам и приятель, но обязанность его и, вероятно, приказания сие делать заставляют»¹⁰⁵⁹. Виднейший сановник Д.П. Троцинский (о нем я упоминал в первой главе), поселившийся через несколько лет после отставки в своем имении в Полтавской губернии, писал приятелю: «Милостивый государь мой! Поздно отвечаю Вам на два дружеских письма по данному самому себе и Вам уже известному обету – никогда не посылать писем моих на нескромную киевскую почту»¹⁰⁶⁰.

Можно и далее множить примеры того, как не доверяли сохранению тайны переписки во все времена представители элитных групп общества. Например, митрополит Евгений Болховитинов писал своему постоянному корреспонденту, библиографу В.Г. Анастасевичу, 6 декабря 1820 года о деле В.Н. Каразина: «...ему давно сего ждатель надлежало за энтузиастические, даже до фанатизма, декларации политические. <...> Не были ли и вы участником в его толках? <...> Не перехвачены ли его письма в Украину или куда в др [угие] места?»¹⁰⁶¹ А.С. Пушкин 6 февраля 1823 года писал из Кишинева П.А. Вяземскому в Москву: «Пиши мне покамест, если по почте, так осторожнее, а по оказии что хочешь...» – и вновь повторял ему ту же мысль в письме из Одессы 20 декабря 1823 года: «Я бы хотел знать, нельзя ли в переписке нашей избежать как#нибудь почты – я бы тебе переслал кой-что слишком для нее тяжелое. Сходнее нам в Азии писать по оказии»¹⁰⁶². 20 сентября 1824 года Пушкин же из Михайловского советовал А.Н. Вульффу, сыну помещицы П.А. Осиповой, как попытаться обойти возможность перлюстрации: «...так как я под строгим присмотром, то если вам обоим [с поэтом Н.М. Языковым] заблагорассудится мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей Анны Николаевны»¹⁰⁶³.

Известная своими воспоминаниями А.О. Смирнова писала из#за границы: «В матушке России хоть по#халдейски [халдеи – племена в районе Персидского залива в IX–VI веках до н.э.] напишут, так и то на почте разберут... я иногда получаю письма, просто разрезанные по бокам»¹⁰⁶⁴. В июле 1847 года В.Г. Белинский, лечившийся в Зальцбрунне, в письме к Н.В. Гоголю подчеркивал, что не мог бы писать столь прямо из России, «ибо тамошние Шпекины

¹⁰⁵⁸ Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 157–158.

¹⁰⁵⁹ Архив князей Воронцовых. М., 1889. Т. 37. С. 209; Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. I. СПб., 1912. С. 305.

¹⁰⁶⁰ Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М.: Вагриус, 2005. С. 112–113.

¹⁰⁶¹ Русский архив. 1889. Кн. 2. С. 385. В.Н. Каразин (1773–1842) – публицист, общественный деятель. В 1820 году был арестован по подозрению в написании прокламации «К преобразенцам» и без суда заключен на шесть месяцев в Шлиссельбургскую крепость. В 1821 году был выслан в свое имение под гласный надзор полиции.

¹⁰⁶² Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 3#е изд. Т. 10. М., 1965. С. 56, 77.

¹⁰⁶³ Там же. С. 100.

¹⁰⁶⁴ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 156.

[почтмейстер в комедии Гоголя «Ревизор»] распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов»¹⁰⁶⁵. А.Н. Карамзин писал матери 9 (21) марта 1848 года: «Я прекрасно знал наперед, что мои письма будут читаться на почте, но я не понимаю, почему их читали настолько медленно, что доставка по адресу замедлилась на три или четыре дня; вы получили мое письмо от 23 февраля нового стиля только 25 февраля старого стиля – 14 дней: это неприлично»¹⁰⁶⁶.

То, что тайна перлюстрации нередко нарушалась, признавали и руководители политических спецслужб империи. Например, во время доклада Николаю I 13 апреля 1837 года А.Н. Голицын, предлагая закрыть «черные кабинеты» в Иркутске и Томске, ссылаясь в том числе на сообщение А.Х. Бенкендорфа, что «о существовании оной делается известно в Сибири». К тому же Голицын получил жалобу генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова на то, что «он свои письма получает подпечатанными [перлюстрированными]». Голицын делал внушение губернским почтмейстерам о необходимости скрытности в столь щекотливом деле, объявил строжайший выговор тобольскому губернскому почтмейстеру, перевел надворного советника И.И. Веттера из Тобольска в Нижний Новгород. Но помогало все это мало. О том, что «перлюстрация стала заметна в Сибири», докладывал и томский почтмейстер Геденштром¹⁰⁶⁷.

В начале 1860#х годов один из агентов III Отделения жаловался шефу жандармов В.А. Долгорукову: «...очень жаль, что наши министры столь вероломно поступают против III отделения, когда оно предупреждает их конфиденциальным образом». В качестве примера он приводил поведение министра финансов А.М. Княжевича, который сказал управляющему Государственным банком Е.И. Ламанскому, что шеф жандармов сообщил о нем «невыгодные сведения, и Ламанский догадывается, что какие#то письма его были распечатаны на почте»¹⁰⁶⁸.

Н.А. Орлов, сын шефа жандармов А.Ф. Орлова, 13 (25) января 1856 года писал из Парижа великому князю Михаилу Николаевичу, отмечая, что посылает письмо с оказией, а потому «не обязан рассчитывать каждое слово и постоянно иметь в виду перлюстрацию». Поэт граф А.К. Толстой в письме к И.С. Аксакову от 31 декабря 1856 года рассуждал о полученном от последнего письме: «Оно шло 16 дней из Москвы, всего 600 верст, уж не заезжало ли оно в Петербург? Нельзя расчесть, куда может занести письмо противный ветер». Сам Аксаков в письме от 26 ноября 1859 года к князю В.А. Черкасскому, известному общественному деятелю, утверждал: «...теперь перлюстрация сильнее, чем когда#либо»¹⁰⁶⁹.

Эмигрант князь П.В. Долгоруков писал историку М.П. Погодину 2 (14) октября 1865 года о неудачной попытке послать письмо с историческими сведениями в журнал «Русский архив»: «Письма в России всегда распечатывали втихомолку, но ныне прогресс достиг и до самих Шпекиных, письмо мое распечатали открыто и возвратили мне по почте же. А что распечатано оно в почтамте, то доказывает вид пакета, мною тщательно сохраненного. Вы видите, что граница Европы находится на Немане и дальше не простирается...»¹⁰⁷⁰.

В обстановке наступившей гласности первых лет правления Александра II об этом пыталась говорить российская печать. В письме читателя, не пропущенном цензурой, сообщалось:

¹⁰⁶⁵ *Белинский В.Г.* Письмо к Н.В. Гоголю // *Белинский В.Г. Избранные статьи.* Л., 1975. С. 164.

¹⁰⁶⁶ *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 225.

¹⁰⁶⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 6 об. – 7 об.

¹⁰⁶⁸ *Абакумов О.Ю.* «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // *Освободительное движение в России: Межвузовский сб. научных трудов.* Вып. 19. Саратов, 2001. С. 14.

¹⁰⁶⁹ Там же. С. 15–16.

¹⁰⁷⁰ Там же. С. 15.

Уезжая из Новогрудка (Минской губ.), я оставил сестре конверты с собственноручною надписью московского адреса. На днях я получил один из этих конвертов, в котором... оказалось письмо неизвестно кому и кем писанное. Я стал... рассматривать конверт и заметил, что он был разрезан сбоку и потом снова заклеен. На последнее... я... уж не жалею, но зачем же письма менять¹⁰⁷¹.

Генерал М.Д. Скобелев в доверительном письме генералу Н.Н. Обручеву 3 января 1882 года подчеркивал, что «письмо это лично передаст Вам пор [учик] Ушаков... Я ему вполне верю»¹⁰⁷².

Можно привести много примеров недоверия высших сановников Российской империи к почте. Министр народного просвещения в 1861–1866 годах А.В. Головнин рассуждал в письме к Н.В. Ханыкову в декабре 1866 года: «... система шпионства, полицейского преследования, административного произвола с устранением всякой законности и перлюстрация писем достигли высших пределов». Поэтому в апреле 1867 года он сообщал тому же корреспонденту: «Я просил [И.Ф.] Лихачева доставить Вам это письмо помимо разноплеменных Вандалей [Ж.П. Вандалъ – генеральный директор почт во Франции]»¹⁰⁷³. Много записей, связанных с перлюстрацией, содержится в дневниках Д.А. Милютин. Военный министр, ушедший в мае 1881 года в отставку и переехавший в Крым, Милютин записал в дневнике в июне того же года, что посетил 15 июня в Ореанде также отставленного от должностей великого князя Константина Николаевича, чтобы передать ему «несколько пакетов от А.В. Головнина [министр народного просвещения в 1862–1866 годах] с такими бумагами, которых не мог он доверить почте». В свою очередь великий князь Константин Николаевич сообщил Милютину, что имеет «верные случаи для доставления писем и посылок в Петербург». В июле, зафиксировав в дневнике факт получения писем от бывших сослуживцев и близких знакомых – тайного советника И.П. Арапетова, генералов А.А. Баранцова и Н.Н. Обручева, бывшего министра А.В. Головнина, бывший военный министр отметил, что «так как все эти письма получены по почте, то в них, конечно, не могло заключаться каких-либо интересных сведений о том, что делается в петербургских правительственных сферах». Наконец, в том же месяце к Милютину прибыл курьер Морского министерства с письмом министра иностранных дел Н.К. Гирса, «который по приказанию Государя и совершенно конфиденциально» извещал отставного министра о заключении секретного тройственного договора с Германией и Австро-Венгрией. При этом сам Милютин, привыкший к повседневности перлюстрации, был изумлен, когда узнал, что ответное письмо Гирсу он должен отправить также с курьером Морского министерства – ибо «сам Государь приказал Гирсу, чтобы писал об этом деле не по почте». В дневнике Д.А. Милютин записал: «Курьезное предостережение со стороны самого царя!»¹⁰⁷⁴

Последний случай напоминает эпизод, когда опасения относительно сохранения почтовой тайны высказал сам Николай I. В связи с гибелью Пушкина самодержец писал сестре Анне Павловне, жене голландского принца Вильгельма Оранского, 3 (15) февраля 1837 года: «... мне надо много сообщить ему [Вильгельму Оранскому] об одном трагическом событии, которое положило конец жизни пресловутого Пушкина, поэта; но это не терпит любопыт-

¹⁰⁷¹ Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году. Т. II. СПб., 1862. С. 499.

¹⁰⁷² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 2272. Л. 7–7 об.

¹⁰⁷³ Гейман В.Г., Кочаков Б.М. Письма А.В. Головнина к Н.В. Ханыкову // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 353, 375.

¹⁰⁷⁴ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1879–1881. М.: РОССПЭН, 2010. С. 347, 349, 368.

ства почты»¹⁰⁷⁵. Правда, не очень понятно, любопытства каких почтовых чиновников – собственных или голландских – на сей раз боялся российский император.

Поэтому в дневнике Д.А. Милютин не однократно отмечено получение писем с надежной оказией, когда корреспонденты могли писать откровенно, не думая о предосторожностях, связанных с официальной почтой. Такова запись от 14 февраля 1882 года о получении двух любопытных писем – от К.Д. Кавелина и генерала от артиллерии, члена Государственного совета А.А. Баранцова, которые воспользовались поездкой жены Милютин, чтобы «сообщить мне такие сведения, о которых писать по почте невозможно»¹⁰⁷⁶. В письме от 13–22 апреля 1884 года Кавелин писал Милютину: «Хочу ею [оказией] воспользоваться, чтобы перекинуться с Вами откровенным словечком, не подвергаясь операции перлюстрирования»¹⁰⁷⁷. 6 мая 1882 года Милютин отметил прибытие с камердинером великого князя Константина Николаевича толстого пакета от бывшего министра народного просвещения А.В. Головнина. Среди прочего Головнин писал: «...река времени несет ладью, именуемую Россией, и нет кормчего, а сидят гребцы неумелые»¹⁰⁷⁸. Также камердинер Константина Николаевича привозил Милютину письма от членов Государственного совета К.К. Грота, П.П. Семенова-Тян-Шанского. Кроме того, почту доставляли адъютанты великого князя Н.П. Литвинов и Н.А. Римский-Корсаков, управляющий делами великого князя К.П. Голенко¹⁰⁷⁹. Подобными оказиями пользовался и сам Константин Николаевич. Милютин упоминает о доставленных тому адмиралом А.А. Поповым письмам Головнина и государственного контролера графа Д.М. Сольского. В этих письмах великому князю откровенно сообщались «сведения из петербургской официальной сферы»¹⁰⁸⁰.

В свою очередь, собственные письма к А.В. Головнину и К.Д. Кавелину, написанные «с такою же откровенностью, с какой они писали мне», Милютин 5 мая 1882 года отправил с нарочным барону А.Г. Жомини, старшему советнику Министерства иностранных дел¹⁰⁸¹. Но даже использование подобных оказий не всегда располагало к полной откровенности. 11 июля 1883 года, не получая писем от Головнина, Милютин сделал вывод, что тот «виднo признал нужным соблюдать осторожность в своей дружеской переписке»¹⁰⁸².

О необходимой осторожности в переписке в связи с опасениями перлюстрации несколько раз упомянул в своих дневниках государственный секретарь А.А. Половцов. Например, 21 мая 1885 года он провожал уезжающих на отдых великого князя Михаила Николаевича, председателя Государственного совета, и его супругу Ольгу Федоровну. На просьбу великого князя «сообщить ему письменно о всем, что будет сказано государем» последовал ответ: «...вследствие перлюстрации писать по почте невозможно, но... если будет что#либо особенное, то пришлю специального курьера»¹⁰⁸³. Подобный же разговор состоялся у Половцова с великим князем Михаилом Николаевичем 9 января 1889 года. Вот как передана эта беседа в дневнике:

Спрашиваю вел [икого] князя, часто ли он пишет вел [икой] княгине.
Отвечает, что ежедневно. Я: «Надеюсь, что Вы с осторожностью упоминаете о всех наших делах». Вел [икий] князь: «Вот еще. Зачем я буду стесняться?».

¹⁰⁷⁵ Эйдельман Н. О гибели Пушкина (по новым материалам) // Новый мир. 1972. № 3. С. 206.

¹⁰⁷⁶ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1882–1890. М.: РОССПЭН, 2010. С. 27.

¹⁰⁷⁷ Там же. С. 465–466.

¹⁰⁷⁸ Там же. С. 34–35.

¹⁰⁷⁹ Там же. С. 46, 65, 100, 133, 185, 186.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 36.

¹⁰⁸¹ Там же. С. 136.

¹⁰⁸² Там же. С. 99.

¹⁰⁸³ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: В 2 т. Т. 1. 1883–1886 гг. М.: Наука, 1966. С. 328.

Я: «В таком случае Вы посылаете гр [афу] Толстому [Д.А. Толстой – министр внутренних дел] ежедневные сообщения о всем, что у нас происходит». Вел [икий] князь: «Я приказываю посылать письма прямо в почтовый вагон, а не на почту». Я: «Да в вагоне сидят чиновники, кои немедленно списывают копии с Ваших писем. Убедительно прошу Вас, по крайней мере, не упоминать моей фамилии»¹⁰⁸⁴.

Тот же Половцов в 1883 году записал разговор с бывшим министром финансов М.Х. Рейтерном. Военный министр Д.А. Милютин получил согласие Александра II ассигновать 21 млн руб. на постройку военных крепостей. Министр финансов возражал, и «при этом было пережито много неприятного». В результате Рейтерн написал приятелю в Париж, упомянув: «Я решил выйти из игры и прошу вас приготовить мне жилье в окрестностях парка Монсо [один из красивейших парков Парижа]». На следующем докладе государь все время на него дулся. Затем к Рейтерну приехал шеф жандармов П.А. Шувалов уговаривать министра не выходить в отставку¹⁰⁸⁵. Понятно, что информация о намерении министра финансов покинуть свой пост попала к императору в результате перлюстрации.

Государственный контролер Т.И. Филиппов писал 5 июля 1895 года сыну Сергею в связи с расследовавшимся делом министра путей сообщения А.К. Кривошеина: «А сколько подлостей я успел увидеть за это время, о том писать не буду: боюсь Шпекина»¹⁰⁸⁶.

Слухи о событиях, связанных с перлюстрацией, постоянно циркулировали в обществе. Профессор-физик Московского университета, редактор журнала «Русский вестник» Н.А. Любимов уже 4 марта 1887 года записывал со слов петербургского градоначальника П.А. Грессера, что аресту 1 марта того же года злоумышленников, планировавших покушение на Александра III, предшествовала перлюстрация подозрительного письма в Харьков «к лицу, за которым уже следили»¹⁰⁸⁷.

Злую пародию на практику перлюстрации нарисовал М.Е. Салтыков-Щедрин в повести «Помпадур и помпадурши», опубликованной в 1873 году в 11#м номере журнала «Отечественные записки». В главе «Мнения знатных иностранцев о помпадурках» рассказывается, в частности, о знакомстве бывшего французского политического сыщика Онисима Шенапана с русским князем де ля Клюква. Между ними происходит следующий диалог:

– Ну#с, а теперь скажите мне, случилось ли вам когда–нибудь, – по обязанностям службы, *s'entend* [разумеется] – распечатывать чужие письма? – продолжал он после минутного перерыва, последовавшего за его восклицанием.

– Очень часто, *excellence!* [ваше превосходительство!]

– Поймите мою мысль. Прежде, когда письма запечатывались простым сургучом, когда конверты не заклеивались по швам – это, конечно, было легко. Достаточно было тоненькой деревянной спички, чтоб наvertеть на нее письмо и вынуть его из конверта. Но теперь, когда конверт представляет массу, почти непроницаемую... каким образом поступить? Я неоднократно пробовал употреблять в дело слюну, но, признаюсь, усилия мои ни разу не были увенчаны успехом. Получатели писем догадывались и роптали.

– А между тем нет ничего проще, *excellence*. Здесь мы поступаем в этих случаях следующим образом: берем письмо, приближаем его к кипящей

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 142.

¹⁰⁸⁵ Там же. С. 55–56.

¹⁰⁸⁶ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 81. Л. 74.

¹⁰⁸⁷ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2#е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Независимая газета», 2000. С. 306.

воде и держим над паром конверт тою его стороной, на которой имеются заклеенные швы, до тех пор, пока клей не распустится. Тогда мы вскрываем конверт, вынимаем письмо, прочитываем его и помещаем в конверт обратно. И никаких следов нескромности не бывает.

– Так просто – и я не знал! Да, французы во всем нас опередили! Великодушная нация! как жаль, что революции так часто потрясают тебя! Et moi, qui, a mes risques et perils, me consumais a depenser ma salive! Quelle derision! [А я#то с риском и опасностью тратил свою слюну! Какая насмешка!]

– Но разве распечатывание чужих писем входит в ваши атрибуты, monseigneur?

– В мои атрибуты входит все, что касается внутренней политики, а в особенности распечатывание частных писем и взыскание недоимок <... > Знаете ли вы, однако ж, мой новый друг, что вы вывели меня из очень-очень большого затруднения! Он с чувством пожал мне руку и был так великодушен, что пригласил меня ужинать в cafe Anglais [кафе «Англия»], где мы почти до утра самым приятным образом провели время¹⁰⁸⁸.

Безусловно, российский читатель прекрасно понимал рассказ французского сыщика, соотнося его с российской действительностью.

Довольно резкие выпады позволял себе в отношении «черных кабинетов» Н.С. Лесков. Как вспоминал сын писателя, однажды в период 1865–1874 годов Николай Семенович заметил, что получаемые им письма перлюстрируются и довольно грубо потом заклеиваются. Раздраженный этим бесцеремонным вторжением в его переписку, он заказал штамп и на обратной стороне отправляемых им конвертов ставил надпись: «Подлец не уважает чужих тайн». Через некоторое время Лескова пригласили в III Отделение со штампом. В беседе ему указали на недопустимость сего поступка, предложив сдать штамп «и никогда более не разрешать себе никаких отступлений от общеустановленных и для всех обязательных почтовых правил», поскольку выпады против перлюстрации «напрасны и недопустимы»¹⁰⁸⁹. Может быть, этот эпизод и стал толчком к изображению «почтового люстратора» в повести Лескова «Смех и горе».

В подцензурной печати писатель сумел сказать читателю о существовании перлюстрации в современной ему действительности. В повести «Смех и горе», впервые опубликованной в 1871 году, рассказчик описывает явившегося к нему гостя, который предьявляет визитную карточку: «Семен Иванович Дергапольский – почтовый люстратор»¹⁰⁹⁰. Через двадцать лет в газетной статье «Нескладица о Гоголе и Костомарове (историческая поправка)» Лесков вновь вернулся к этому эпизоду, вспомнив, что был в Киеве чиновник, «без тени смущения выставивший на своих визитных карточках: “Статский советник Блюм. Киевский почтовый люстратор”»¹⁰⁹¹.

Это выражение – «почтовый люстратор» (на первый взгляд бессмысленное) – и через много лет ввело в заблуждение известного советского литературоведа И.З. Сермана, автора комментариев к повести «Смех и горе». Он, в частности, писал, что относительно выражения «почтовый люстратор» «у Лескова либо ошибка памяти, либо намеренная игра

¹⁰⁸⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. М., 1969. С. 247.

¹⁰⁸⁹ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Т. 1. М.: Художественная литература, 1984. С. 279–280.

¹⁰⁹⁰ Лесков Н.С. Смех и горе // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М., 1989. С. 137. Впервые опубликовано в 1871 году, в № 1–3, 8–16 «Современной летописи» – приложения к журналу «Русский вестник».

¹⁰⁹¹ Он же. Нескладица о Гоголе и Костомарове (историческая поправка) // Петербургская газета. 1891. 16 июля. № 192. С. 1–2.

слов», поскольку «люстратор – чиновник при палате государственных имуществ в западных губерниях России, который занимался люстрацией (переписью и учетом земельных угодий и хозяйственного инвентаря)» и «никакого отношения к перлюстрации... люстратор не имел»¹⁰⁹².

Сегодня можно твердо сказать, что здесь у Лескова именно «намеренная игра слов». Николай Семенович жил в Киеве с 1849#го до конца 1860 года. И в это же время в секретной экспедиции Киевской губернской почтовой конторы, занимаясь перлюстрацией, служил Константин Фомич Блюм (род. в 1812 году), получивший в 1851 году чин статского советника. Бывший морской офицер, сотрудник таможни, он начал служить в почтовом ведомстве летом 1840 года. Был причислен к виленской почтовой цензуре в качестве чиновника, знающего иностранные языки, и откомандирован в Киев для «секретного дела». Здесь Блюм быстро заслужил доверие начальства. Уже осенью 1841 года киевский военный, волынский и подольский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков свидетельствовал «об отменно усердной службе» его и ходатайствовал о присвоении ему звания камер-юнкера. 14 декабря 1841 года о данном ходатайстве было доложено императору, но соизволения не последовало¹⁰⁹³. Весьма прозрачно об этой ситуации и этом персонаже Н.С. Лесков написал в 1891 году в вышеупомянутой газетной статье. Основное ее содержание было посвящено опровержению сообщения И.И. Ясинского в 6#м номере журнала «Исторический вестник» за 1891 год о якобы имевшей место встрече Н.В. Гоголя в Киеве в 1848 году с университетскими профессорами и о том внимании, которое писатель уделил жилетке помещика Михальского. Упоминался у Ясинского в этой связи и бойкий посыльный «из евреев», помогавший Гоголю в поисках такой же заветной жилетки.

Поэтому в текст своей заметки Лесков включил следующий пассаж:

В то время (при генерал-губернаторе Бибиикове) [Д.Г. Бибииков (1791–1870) – в 1837–1855 годах подольский и волынский генерал-губернатор, киевский военный губернатор, в 1852–1855#м – министр внутренних дел] в Киеве не было на постоянном жительстве ни ремесленников, ни посыльных из евреев. Единственное исключение представлял собою одиноко обитавший на Печерске резчик печатей Давидзон, который жил в Киеве по особенному усмотрению генерал-губернатора, как «ремесленник, необходимый для присутственных мест и почтовых контор». Но этот Давидзон был человек очень слабый и больной и на посылках не бегал, а почитал для себя за большую тягость даже то, что он должен был приходиться и исполнять какие#то специальные занятия в кабинете почтового чиновника, на визитных карточках которого значилось: «статский советник Блюм, киевский почтовый люстратор»¹⁰⁹⁴.

Намек здесь более чем ясен: резчик Давидзон был необходим для изготовления поддельных печатей, ставившихся на перлюстрированные К.Ф. Блюмом почтовые пакеты. Лесков абсолютно точен и в утверждении, что в эти годы евреи не имели права жительства в Киеве. В 1835 году они подверглись поголовному выселению из Киева. Исключение в тот момент было сделано лишь для подрядчиков, принимавших участие в постройке университета. Это правило сохранялось до декабря 1861 года¹⁰⁹⁵.

¹⁰⁹² *Он же*. Собр. соч. Т. 5. С. 490.

¹⁰⁹³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 275. Л. 5–13; Оп. 241. Д. 240. Л. 65–65 об.

¹⁰⁹⁴ Петербургская газета. 1891. 16 июля. № 192. С. 2.

¹⁰⁹⁵ *Цейтлин Д.М.* Законы о правожительстве евреев в Киеве и других местностях вне черты еврейской оседлости. Киев: Вымпел, 1914. С. 6.

Конечно, в действительности свежееиспеченный статский советник не мог на визитке обозначить свое истинное занятие. Но думаю, что часть читателей, особенно знавших киевские реалии, прекрасно поняли смысл написанного Лесковым.

Выше я уже писал о перлюстрации писем А.С. Пушкина. Эта традиция читать переписку видных деятелей российской литературы сохранялась и в последующие десятилетия, о чем большинство догадывались или знали. Например, военный юрист А.В. Жиркевич, рассказывая о своем визите к Л.Н. Толстому 12 сентября 1892 года, вспомнил следующий эпизод. В беседе с писателем он упомянул о встрече с жандармским унтер-офицером в Туле, который расспросил проезжего, кто он, откуда и зачем едет в Ясную Поляну. Лев Николаевич в ответ сказал, что отлично знает – и за ним, и за посещающими его, равно как и за его перепиской, в Туле учрежден жандармский надзор, причем копии писем тщательно списываются, прежде чем идти по назначению¹⁰⁹⁶.

А.П. Чехов, отвечая 19 августа 1899 года издателю газеты «Новое время» А.С. Суворину, находившемуся в Ялте, писал: «Ваше письмо (последнее), по#видимому, читалось кем#то, прежде чем пришло ко мне»¹⁰⁹⁷. Товарищ министра внутренних дел в 1906–1911 годах и государственный секретарь в 1911–1917#м, С.Е. Крыжановский признавался, что впервые узнал о существовании перлюстрации, будучи молодым чиновником МВД (возможно, в конце XIX века), когда в его присутствии В.К. Плеве «прочитал копию письма [В.К.?] фон Анрепа с руганью». По словам Крыжановского, сам он «с тех пор никому ни о чем не писал»¹⁰⁹⁸.

Но дело не только в том, что часть общества знала или догадывалась о существовании перлюстрации. Дело и в том, что были примеры использования перлюстрации со стороны политических противников власти в собственных интересах. В приговоре по делу одного из руководителей Южного общества декабристов, генерал-майора князя С.М. Волконского, было, в частности, отмечено, что он «употреблял поддельную печать полевого аудиториата [военного суда при армии]». На следствии декабрист показал, что «сия печать... председателя Полевого аудиториата сделана была мною в 1824 году» и в том же году он вскрыл письмо начальника Полевого аудиториата 2#й армии генерала Волкова к генерал-майору П.Д. Киселеву, начальнику штаба армии. В письме Волконский хотел найти сведения, касающиеся дела членов тайного общества – командира 16#й дивизии генерал-майора М.Ф. Орлова и его подчиненного, майора В.Ф. Раевского. Майор Раевский, занимавшийся революционной пропагандой среди солдат, был арестован в феврале 1822 года. Орлов в октябре 1823 года был отставлен от должности. Следствие по делу Раевского тянулось до 1827 года.

В том же 1824 году С.М. Волконский вскрыл письмо своих товарищей по Южному обществу. В сентябре С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин обратились к членам Польского патриотического общества с просьбой устранить в случае начала русской революции цесаревича Константина Павловича, управлявшего Царством Польским. Волконский показывал: «Сие письмо было мною взято, но с тем, чтобы его не вручать». П.И. Пестель говорил об этом так: «Князь Волконский, прочитав сию бумагу и посоветовавшись с Василием [Львовичем] Давыдовым, на место того, чтобы отдать сию бумагу... представил оную Директории Южного края. Директория истребила сию бумагу, прекратила сношения Бестужева с поляками и передала таковые мне и князю Волконскому»¹⁰⁹⁹.

¹⁰⁹⁶ Жиркевич А. Три встречи с Толстым // Знамя. 1990. № 11. С. 178.

¹⁰⁹⁷ Чехов А.П. Собр. соч. Т. 12. М., 1964. С. 304–305.

¹⁰⁹⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 294. Л. 69.

¹⁰⁹⁹ Киянская О.И. Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820#х годов. М.: РГГУ, 2005. С. 191–192.

Отсюда вытекает вопрос: насколько службе перлюстрации удавалось сохранить свою «непроницаемую тайну»? Сразу скажем, что общество не только догадывалось о тайном вскрытии частной корреспонденции, но и имело в этом отношении достаточно точные сведения.

Как известно, одна из главных характерных черт перлюстрации состоит в том, что в отличие от других спецслужб тайной является само ее существование. Это вполне понятно, ведь смысл перлюстрации и заключается в том, чтобы граждане или хотя бы большая их часть не догадывались о ней и безбоязненно доверяли почте свои мысли. Поэтому до 1917 года официальные власти всегда отрицали практику незаконного вскрытия писем. Вместе с тем в секретной переписке признавалась обеспокоенность общества незаконным вскрытием писем. В январе 1869 года чиновник особых поручений при министре почт и телеграфов действительный статский советник А.М. Осипов направил записку сначала министру внутренних дел А.Е. Тимашеву, а затем начальнику III Отделения П.А. Шувалову. В частности, Осипов писал:

В обществе существует твердое убеждение, что Почтовая Администрация производит перепечатку частных писем не только в почтамтах, но и во всех почтовых конторах. Такое ошибочное [??] мнение влечет... некоторую сдержанность в свободном обмене мыслей и особенно при пересылке интимных писем с характеристиками политического, торгового и семейного интересов. <...> порождает желание передавать такие письма иным путем и устраивать свои тайные почты.

Чиновник подчеркивал, что это ведет к сокращению числа пересылаемой корреспонденции и уменьшению почтовых сборов. Он предлагал, чтобы было сделано публичное заявление о неприкосновенности частной переписки и всех других почтовых отправлений. Но Тимашев признал записку «неудобной», Шувалов также на нее не отреагировал¹¹⁰⁰.

В связи с этим можно напомнить об инциденте в III Государственной думе в апреле 1908 года, когда начальник Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянов, отвечая нескольким депутатам, обвинявшим правительство в использовании перлюстрации, уверял, что ничего подобного не существует¹¹⁰¹.

Тем не менее утечка секретной информации происходила неоднократно. Причем я имею в виду не общие заявления о существовании перлюстрации, а публикации с конкретными указаниями, кто этим занимается, как это происходит, чья переписка в первую очередь просматривается и т. п.

Я уже говорил, что впервые, по моим сведениям, это произошло в номере газеты «Колокол» от 1 января 1858 года. В заметке «Что значит суд без гласности» имелась следующая фраза:

Князь [В.А.] Долгоруков [начальник III Отделения и шеф Корпуса жандармов в 1856–1866 годах] после заграничного путешествия государя поднес ему полную «Хрестоматию», составленную [Ф.И.] Прянишниковым [почт-директор Санкт-Петербургского почтамта] из подпечатанных писем, свидетельствующих о крамольных мыслях и крайнем неудовольствии благородного российского дворянства при слухах об освобождении крестьян¹¹⁰².

---

¹¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 556. Л. 1–3 об.

¹¹⁰¹ Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1908 год. Сессия 1. СПб., 1908. Ч. 2. Заседание 48-е. Стб. 1707, 1713–1716, 1720–1721, 1725, 1727.

¹¹⁰² Колокол: Прибавочные листы к «Полярной звезде». Лист 7. 1958. 1 января // Колокол. Вып. I. 1857–1858. М.: АН 253

В 1860 году в газете «Колокол» в разделе «Смесь» появилась заметка о службе перлюстрации на Петербургском почтамте. Заметка начиналась с заявления, что чина тайного советника удостоен Федор Юльевич Ульрихс, который «не любит древнюю историю, а самую новейшую и изучает ее по источникам – по письмам еще не дошедшим по адресу». Тут же были названы его помощники: действительный статский советник И.Ф. Вейраух, «занимающийся хирургией этого дела и делающий операции без повреждения и следов»; статский советник П. (П.Х.) Витте, А.М. Домбровский, В.Ф. Шор, И. (И.К.) Прокофьев, Ф. (Ф.Ю.) Гольмблат, П. (П.Ф.) Маснер и Д. (Д.А.) Штер¹¹⁰³. Итого девять человек.

Продолжая эту тему, через несколько месяцев «Колокол» сообщал, что «лицеист Домбровский и кандидат [Московского] университета Шор собираются покинуть свои занятия», что заметка из «Колокола» была перепечатана в газете «*Börsen Halle*», но Ульрихс «покрыл ее чернилами» (т. е. вымарал) и «поехал в Берлин по секретному делу»¹¹⁰⁴. Остается только удивляться точности опубликованной информации. Единственная необходимая поправка – то, что на деле А.М. Домбровский и В.Ф. Шор продолжили свои занятия в «черном кабинете».

В этой связи можно напомнить, что переписка самого издателя «Колокола» А.И. Герцена подвергалась перлюстрации. Однажды Александр Иванович сообщил своему отцу И.А. Яковлеву о случившемся в Петербурге происшествии (убийстве купца будочником), после чего «за распространение неосновательных слухов о происшествиях в столице» был переведен в 1840 году на службу в Новгород¹¹⁰⁵.

О других публикациях в эмигрантской и внутривосточной печати в начале XX века я уже рассказывал подробно во введении.

Вместе с тем часть писавших, зная о практике перлюстрации, стремились подчеркнуть, что это их нисколько не смущает. Так, князь Н.И. Трубецкой, тесть князя Н.А. Орлова, писал из Франции 11 (23) марта 1869 года тогдашнему известному журналисту, а впоследствии государственному деятелю, Е.М. Феофтистову:

На ваше дружеское письмо я хочу отвечать почте; говорят здесь, что у нас все письма распечатываются, да пусть так, а мне что за дело; честному нечего бояться; у него на душе, что и на языке, и он не запнется высказать свои убеждения, кто бы ни пожелал их узнать. Так пусть читают себе досыта. Заговорщик другое дело; как бы наивен он ни был, а все#таки смыслу станет, чтобы не проговориться в письме. Спрашивается, кому же выгодно

СССР, 1962. С. 56.

¹¹⁰³ Колокол. 1860. 15 июня. № 73/74. С. 620–621. Ульрихс (Ульрих) Федор Юльевич в 1831 году был цензором Санкт-Петербургского почтамта, в 1860 году – старший цензор, действительный статский советник, в 1861#м – тайный советник. Вейраух Иван Федорович (1785–?). С 5 марта 1810 года служил в Рижской почтовой конторе, с 17 февраля 1812 года – в секретной части Санкт-Петербургского почтамта, с 1 января 1831#го – чиновник, знающий иностранные языки, с 11 апреля 1849#го – старший цензор. Действительный статский советник. Витте Петр Христианович. С 1861 года – действительный статский советник, затем старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. Домбровский Александр Михайлович – цензор, статский советник. Маснер Павел Францевич – в первой половине 1870-х годов младший цензор, статский советник. Шор Владимир Федорович (? – 4 января 1886 года). Окончил Московский университет (1842). На службе в Санкт-Петербургском почтамте состоял с 1842 года. С 19 апреля 1964 года – старший цензор цензуры иностранных газет и журналов, действительный статский советник, затем директор Санкт-Петербургского почтамта. Штер Дмитрий Андреевич – в первой половине 1870-х годов младший цензор, статский советник. Все они занимались перлюстрацией. Замечу, что в «Адрес-календарях» 1860-х годов А.М. Домбровский, П.Ф. Мазнер (Маснер), И. Прокофьев и Д.А. Штер не указаны. Возможно, они были прикомандированы к почтовому ведомству. В справочниках эти сотрудники, за исключением И. Прокофьева, начинают упоминаться лишь с 1871 года. Тем более удивляет точность информации в «Колоколе».

¹¹⁰⁴ Там же. 1860. 1 декабря. № 86. С. 720.

¹¹⁰⁵ Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 8. М.: Молодая гвардия, 1971. С. 358–359.

от вскрытия писем? Разве чиновникам III отделения, получающим огромное содержание в ущерб казне и податному сословию¹¹⁰⁶.

Несмотря на все попытки найти информаторов, ни в одном случае, по моим сведениям, спецслужбы не смогли абсолютно точно установить источник, снабжавший вольную русскую печать секретной информацией. Между тем такие люди, безусловно, были. Об одном из них я расскажу. Активный участник организации «Народная воля» И.И. Попов спустя много лет вспоминал:

В 1881 году нашей группе случайно удалось устроить еще одно важное дело. В [Учительском] институте недолгое время слушал лекции А.С. Антонов, отец которого [С.К. Антонов] занимал довольно видное место в Главном почтамте и жил там. У Антонова мы часто собирались по вечерам, и отец относился к нам приветливо. После выхода Антонова из института вечеринки продолжались. Я сблизился с отцом; тот, конечно, вскоре узнал, что я не чужд революционных дел, и вот однажды, когда в комнате никого не было, он попросил зайти к нему утром: «не на службу, а на дом». Я зашел и получил под величайшим секретом список лиц, письма которых перлюстрируются. Список был далеко не полный: Антонов дал имена, как ему казалось, более известных. Эти списки постоянно пополнялись и старыми, и новыми именами. Не приходится говорить, какое важное значение имели для партии эти сведения. У Антонова же не раз приходилось наводить справки о благонадежности того или иного адресата. Имя Антонова, кроме [Н.М.] Флерова и [П.Ф.] Якубовича, я никому не называл. Сношения с Антоновым прекратились в 83-м году, когда он сильно заболел¹¹⁰⁷.

Достоверность этих воспоминаний подтверждается официальными сведениями о служебной деятельности С.К. Антонова¹¹⁰⁸.

Итак, понимание существования постоянного контроля за перепиской всегда присутствовало у определенной части российского общества. Вольная русская печать и революционные организации периодически добывали сведения о деятельности «черных кабинетов» и примерные списки лиц, чья корреспонденция подлежала перлюстрации в нарушение официальных законов. Таким образом, перлюстрация не являлась, конечно, абсолютно «неприкосновенной тайной». И в этой связи встает следующий вопрос: каков же был для властных структур коэффициент полезного действия перлюстрации и был ли он вообще?

---

¹¹⁰⁶ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М.: Новости, 1991. С. 89.

¹¹⁰⁷ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Ч. I. Л., 1924. С. 94. Флеров Николай Михайлович (1858–1915) – из крестьян. Окончил Рязанскую гимназию. В 1880–1884 годах – студент Санкт-Петербургского университета. В 1881 году создал кружок народовольческого типа. В 1884–1891 годах находился в ссылке в Сибири. Член партии «Народное право», социал-демократ. Якубович Петр Филиппович (1860–1911) – поэт, революционер-народоволец. В 1887–1903 годах – на каторге и в ссылке.

¹¹⁰⁸ Антонов Сергей Кузьмич – в первой половине 1870-х годов помощник управляющего отделением продажи марок и штемпельных конвертов, отправления эстафет и выдачи справок Санкт-Петербургского почтамта; коллежский ассессор (1882 год), помощник экспедитора в экспедиции выдачи ценных посылок и справок по корреспонденции; надворный советник (1884 год), управляющий городской почтой (см.: Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым местам. СПб., 1871. С. 31; Там же. СПб., 1875. С. 48; Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям. СПб., 1882. С. 52; Там же. СПб., 1884. С. 50).

2. Перлюстрация: достоверность информации?

Любая государственная и общественная структура нуждается в объективной оценке по ряду параметров: ее способность в целом решать те задачи, ради которых она была создана, уровень эффективности, границы ее возможностей. Все это в полной мере относится к службе перлюстрации. Следует заметить, что историками в ряде случаев высказывались мнения о слабой эффективности данной структуры в изучаемый в настоящей книге период или на отдельных его этапах. Так, А.С. Нифонтов еще в 1949 году подчеркивал, что, несмотря на все приказы и инструкции в 1848 году об усилении контроля за международной перепиской, тщательный просмотр ее фактически отсутствовал. Нелегальная литература нередко беспрепятственно доходила до адресатов, особенно в приграничных западных губерниях. Объяснялось это в первую очередь физической невозможностью просмотреть весь объем заграничной корреспонденции (только из Австрии приходило около 100 тыс. писем в год, из Пруссии и через нее из других стран Западной Европы – более 250 тыс.)¹¹⁰⁹. С этим, безусловно, следует согласиться.

Но в последние годы ряд авторов вообще отказывают службе перлюстрации в достоверности предоставлявшейся ею информации. Так, О.Ю. Абакумов в своей насыщенной фактами статье анализирует объективность сведений из перлюстрированных писем середины 1850#х – начала 1860#х годов о деятельности А.И. Герцена и отношении к готовившейся крестьянской реформе. Он признает, что «значительная часть писем содержала суждения и оценки, благожелательные по отношению к А.И. Герцену», что «как сторонники, так и противники Искандера [т. е. Герцена] признавали его влияние на молодежь». Однако далее автор указывает, что «приведенная в письмах искаженная трактовка целей Герцена была дополнительным аргументом в борьбе консерваторов за влияние на царя» и «аналогичным образом возможно было манипулировать выписками из писем по крестьянскому делу». Приводя примеры выписок из перлюстрированных писем, в которых звучали голоса консервативных помещиков, напуганных призраком близкой катастрофы в случае отмены крепостного права, Олег Юрьевич делает следующий общий вывод:

...в 1850–1860#х гг. информация высших сфер, построенная на перлюстрации, не являлась точным срезом общественного мнения. Необходимо учитывать всегда существовавшую в обществе уверенность в том, что письма на почте читаются. А потому писались они в расчете на жандармского Шпекина. Действительно секретная информация, как правило, шифровалась, маскировалась, передавалась через посредника. <...> Кроме того, подбор документов (выписок) почтовым департаментом, III отделением являлся, в большей или меньшей степени, тенденциозным, подтверждая правоту вполне определенной точки зрения, учитывая симпатии или антипатии руководителей этих ведомств, политическую конъюнктуру момента. Письма, обращавшие на себя внимание, это свидетельства общественной активности небольшого круга экзальтированных личностей, среди громадной пассивной массы обывателей, погруженных в семейные и хозяйственные заботы. Поэтому допускавшаяся III отделением переоценка выявленных тенденций, распространение их на широкие слои общества приводила, зачастую, к неадекватной реакции правительства на те или иные действия

¹¹⁰⁹ Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. С. 76, 81.

«поднадзорных», вызывая, в свою очередь, их неудовольствие, создавая напряженность в отношениях «власти» и «общества»¹¹¹⁰.

Еще более решительно отказывает перлюстрации в эффективности С.Н. Жаров. Он сформулировал тезис о трех мифах, которые якобы укоренились в связи с перлюстрацией. Первым мифом он считает мнение, что «перлюстрация успешно конкурировала с доносами достоверностью информации». В этой связи он утверждает, что «известны неоднократные случаи, когда революционные партии, зная или подозревая о перлюстрации, намеренно сообщали в письмах заведомо ложные сведения о готовящихся революционных выступлениях или других действиях, выводя тем самым политический сыск на ложный путь и распыляя его силы». В качестве доказательства автор приводит пример, когда в январе 1909 года путем перлюстрации была получена информация о распространении на станциях Златоуст и Уфа социал-демократических прокламаций в коробках от сардин. В течение февраля выяснилось, что эта информация не соответствует действительности¹¹¹¹.

Во-вторых, о неэффективности «черных кабинетов», по мнению Жарова, говорит то, что «значительное число корреспонденций, содержащих информацию о противоправительственной деятельности, проходило мимо внимания перлюстраторов». Это было связано, в частности, с тем, что «почтовые чиновники, особенно на местах, часто не только не стремились помогать жандармам, но и мешали политическому сыску, и даже бравовали этим»¹¹¹².

Наконец, в-третьих, Жаров подчеркивает, что нередко «революционные партии... перлюстрировали переписку жандармов». Например, помощник начальника Оренбургского губернского жандармского управления ротмистр Кононов в 1910 году отмечал неоднократные пропажи пакетов, посланных ему из Пермского районного охранного отделения, и признавал свое бессилие отыскать виновных. Для борьбы с этим злом он предлагал посылать пакеты заказными отправлениями¹¹¹³. Правда, надо отметить, что в автореферате своей докторской диссертации Сергей Николаевич пишет о перлюстрации совсем по-другому: «Высокая точность получаемых сведений была причиной бурного развития сети перлюстрационных пунктов»¹¹¹⁴.

Можно отметить, что предшественником О.Ю. Абакумова и С.Н. Жарова, их союзником по занимаемой позиции являлся во второй половине XIX века бывший министр просвещения А.В. Головнин. Он писал в январе 1867 года своему товарищу:

Перлюстрация имеет то неудобство, что для исполнения требует подлецов, ибо никакой честный благородный человек не согласится вскрывать чужие письма и делать из них выписки. Если же это делает человек бесчестный, то можно ли верить верности извлечения или копии? Как знать, не выдумал ли он многого, не пропустил ли многое, не искажил ли смысл письма? Здесь контроль невозможен. Притом, где перлюстрация обширна, там многое умышленно пишется ввиду того, что письмо будет прочитано. <...> Чрез перлюстрацию правители получают ложные сведения... и действия свои на ложных данных основывают. Чем

¹¹¹⁰ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 18.

¹¹¹¹ Жаров С.Н. Мифы о перлюстрации в царской охранке // Актуальные проблемы теории и практики юридического образования на пороге XX столетия: Сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию юридического факультета Хабаровской государственной академии экономики и права. Хабаровск, 1999. С. 110–111.

¹¹¹² Там же. С. 111.

¹¹¹³ Там же. С. 111–112.

¹¹¹⁴ Жаров С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 48.

менее употребляют это орудие, тем менее зла; чем более к нему прибегают, тем зла более¹¹¹⁵.

Кажется, что столь же скептически отзывался о перлюстрации в своих мемуарах В.И. Гурко, бывший товарищем министра внутренних дел в 1906–1907 годах. Так, он указывал на «пагубную страсть к перлюстрации частных писем» со стороны министра внутренних дел В.К. Плеве. Последнего, по словам Гурко, в особенности интересовало «ознакомление с письмами своих сослуживцев и знакомых и содержащимися в них отзывами о нем самом». О перлюстрации в целом Гурко писал:

...перлюстрация часто не только не способствовала распознаванию истинного облика авторов письма, а, наоборот, искажала его. Чтение чужих писем, естественно, неизбежно приравнивается читающим их к чтению чужих мыслей, тогда как на деле это сводится к подслушиванию чужих речей, а это отнюдь не то же самое. <...> от чтения писем, могущих дать власти какие#либо нужные, а иногда и важные сведения для охранения государственного порядка или раскрытия преступлений, человек незаметно переходит к чтению писем, удовлетворяющих лишь его любопытство и вводящих его в интимный круг личной жизни своих знакомых¹¹¹⁶.

Что же касается перлюстрации, проводившейся «черными кабинетами», то Гурко признавал, что на ее основании составлялись ежегодные отчеты,

стремившиеся воспроизвести господствующие в различных слоях населения общественные течения, равно, как и отношение этих слоев к текущим событиям вообще и к правительственным мероприятиям в частности. Отчеты эти составлялись не только тщательно, но даже талантливо. Однако, увы, они, очевидно, не содействовали направлению государственной власти на правильный политический курс и, следовательно, той цели, которой они должны были служить, не достигали¹¹¹⁷.

Конкретные примеры определенной неадекватности между подлинниками и перлюстрированными копиями писем иностранных дипломатов приведены у В.А. Бильбасова и С.Н. Искюля. Историк Василий Алексеевич Бильбасов в конце XIX века сравнил перлюстрированные копии донесений Шетарди, которые А.П. Бестужев-Рюмин поднес Елизавете Петровне, с подлинниками этих же писем, хранящихся в Парижском государственном архиве. В результате Бильбасов утверждал, что «в дешифрованных депешах выбрасывались сведения, не подходившие для очернения Шетарди, а сам перевод депеш не всегда верен»¹¹¹⁸. Современный историк Сергей Николаевич Искюль сравнил с подлинниками доставленные Александру I перлюстрированные переводы писем английского генерала Р.Т. Вильсона, представителя Англии при русской армии в 1812–1813 годах, и также сделал следующий вывод: «...переводы... нельзя в полной мере признать удовлетворительными, поскольку, вероятно, не все у Р. Вильсона было прочитано, а значит и переведено правильно. <...> В некоторых случаях были допущены прямые фактические ошибки, свидетельствующие о небрежности и недобросовестности переводчиков. В одних случаях им не хватало знания языка, в других

---

¹¹¹⁵ Гейман В.Г., Кочаков Б.М. Письма А.В. Головнина к Н.В. Ханыкову. С. 362.

¹¹¹⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 132.

¹¹¹⁷ Там же. С. 133.

¹¹¹⁸ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 115.

они давали волю своей фантазии»¹¹¹⁹. Как тут не вспомнить о хвосте, который вертит собакой?

По поводу всех вышеприведенных утверждений можно высказать ряд соображений. Во-первых, несомненная заслуга О.Ю. Абакумова и С.Н. Жарова в том, что они поставили этот вопрос на обсуждение. Вместе с тем отдельные факты, приводимые ими, еще ничего сами по себе не доказывают. Они, безусловно, не репрезентативны. Потому что нет, не было и, вероятно, не будет ни одной структуры, в том числе в сфере спецслужб, коэффициент полезного действия которой равнялся бы ста процентам или хотя бы приближался к этому показателю. Точно такие же примеры можно в значительно большем количестве найти и для доказательства бесполезности разведки и контрразведки, уголовного розыска и т. д. и т. п. Отсюда – действительно важный вопрос об уровне коэффициента полезного действия любой структуры, об объективных критериях ее полезности. Надо, безусловно, согласиться, что в исследуемый период, как и позднее, не существовало серьезной аналитической службы, которая обсчитывала бы большой массив перлюстрации по определенным рубрикам. По моим данным, такая попытка была впервые предпринята отделом политконтроля ОГПУ в обзоре за ноябрь – декабрь 1925 года¹¹²⁰. Но для подлинно научного обсуждения данной проблемы необходимо собрать огромный фактический материал, распределить его в определенном порядке, произвести обсчет имеющихся данных по определенной схеме и т. д. В противном случае доводы, подобные тем, что привели Абакумов и Жаров, не имеют серьезной ценности.

Во-вторых, утверждения А.В. Головнина весьма субъективны. Чиновники перлюстрации в повседневной жизни могли быть людьми весьма порядочными, что не мешало им читать чужие письма, ведь этим людям внушалось, что они действуют в интересах государства, помогая бороться со злоупотреблениями, взяточничеством, революционерами, стремящимися разрушить существующий строй. Отдельный чиновник мог в принципе что-то утаить или добавить к тому или иному конкретному письму, но это не могло быть распространенным явлением – иначе надо придумывать конспирологическую версию о массовом сговоре десятков чиновников во главе с руководителем «черных кабинетов». Сам массив перлюстрации не мог не отражать основных настроений тех групп населения, чья переписка подлежала просмотру.

В-третьих, рассуждения уважаемых коллег страдают внутренней противоречивостью. Как я уже отмечал, О.Ю. Абакумов признает, что «значительная часть писем содержала суждения и оценки, благожелательные по отношению к А.И. Герцену». Едва ли авторы таких писем делали это преднамеренно, чтобы их суждения прочли в III Отделении. Также не могу согласиться, что в «черные кабинеты» попадала в основном переписка «небольшого круга экзальтированных личностей». Во все времена, даже во время революционных выступлений, ярко выраженную политическую активность проявляет сравнительно небольшой процент населения. Но те же несколько сотен декабристов, несколько тысяч народников, тысячи активных монархистов отражали настроения значительно более широкого круга людей, внешне не столь активных, и пользовались их моральной поддержкой.

В.И. Гурко признавал ценность тех профессиональных обзоров, которые составляли чиновники «черных кабинетов». А то, что они не достигали желаемой цели, уже зависело от способности государственной власти правильно воспринимать получаемую информацию и распоряжаться ею. Всякий профессиональный историк знает, что в доказательство практически любого тезиса можно при желании подобрать некоторое количество фактов. К тому

---

¹¹¹⁹ *Искуль С.Н.* Солдат фортуны. С. 30–31.

¹¹²⁰ *Измозик В.С.* Частные письма середины 20#х годов (Из архивов Политконтроля ОГПУ) // *Нестор*. 2001. № 1 (5). С. 32.

же каждый, кто работал с большими массивами перлюстрированной переписки, знает, что, собранные вместе, эти субъективные в отдельности «фотографии минуты» позволяют увидеть картину мыслей, чувств, настроений людей того времени, т. е. решить в определенной степени задачи политического контроля. Значительной роли перлюстрации не мешало даже то, что часть людей знала или догадывалась о ее существовании. Казалось бы, в такой ситуации перлюстрация действительно становилась делом почти бесполезным. Но это далеко не так. Желание высказаться, эмоциональное возбуждение нередко брали верх. К тому же другого средства связи не существовало, а посылать письма с оказией было для большинства крайне редкой возможностью. Кстати, участница революционного движения с 1886 года и член РСДРП с 1898#го, Ольга Афанасьевна Варенцова, как бы отвечая С.Н. Жарову, писала по поводу перлюстрации: «Обильным источником, из которого Департамент полиции получал довольно точные и полные сведения о революционных организациях, служила их переписка, особенно заграничная. Химия и самые сложные шифры мало помогали, если письма попадали в руки охранников... Извлеченные из переписки адреса, явки и пароли открывали настежь двери в руководящие революционные центры»¹¹²¹. Поэтому я считаю, что при всех необходимых оговорках перлюстрация давала возможность изучать градус общественных настроений с достаточно высокой точностью. Об этом же говорит и сравнение перлюстрации в различные периоды российской истории, от первой четверти XIX века до ситуации перед началом Второй российской революции 1917–1921 годов.

Конечно, возможности тайного чтения частной корреспонденции представляли немалый соблазн для всех тех, кто имел возможность заниматься этим: от уездного почтмейстера до министра внутренних дел. Например, генерал-лейтенант Н.Д. Селиверстов, управлявший III Отделением в августе – сентябре 1878 года, направил письмо в российское посольство в Англии с просьбой подыскать в этой стране агента для работы в среде революционной эмиграции. Притом он нелестно отзывался о тогдашнем управляющем делами III Отделения А.Ф. Шульце и просил прислать ответ через Министерство внутренних дел, «иначе даже ко мне адресованные письма по почте приятель Шульца Шор [В.Ф. Шор – директор Санкт-Петербургского почтамта и руководитель перлюстрации в империи в 1868–1885 годах] все вскрывает»¹¹²².

Можно вспомнить и о ряде скандалов на этой почве. Например, будущий генерал-лейтенант В.Н. Смельский записал в дневнике 15 декабря 1881 года, что граф Павел Петрович Шувалов якобы был вынужден оставить должность адъютанта великого князя Владимира Александровича – потому, что распечатал письмо из#за границы, адресованное супруге князя Марии Павловне, которая из#за этого «крайне огорчилась и выразила неудовольствие». Правда, в примечаниях к публикации была ссылка на бывшего управляющего делами III Отделения Н.К. Шмидта, который отрицал данный факт¹¹²³.

Пытался использовать перлюстрацию в личных целях граф П.А. Шувалов, глава III Отделения и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1866–1874 годах. В 1869 году шло обсуждение готовившейся реформы образования. Министр народного просвещения Д.А. Толстой выступал решительным сторонником классической системы, ратовал за возвращение образованию сословного характера. Его полностью поддерживал издатель газеты «Московские новости» М.Н. Катков. Колеблущуюся позицию занимал великий князь Константин Николаевич. В том же 1869 году было организовано свидание Каткова и Константина Николаевича. По словам Е.М. Феоктистова, великий князь в течение часа весьма внимательно

¹¹²¹ Варенцова О.А. Северный рабочий союз и Северный комитет РСДРП. 1900–1905 гг. 2#е изд. М.; Иваново, 1935. С. 50.

¹¹²² Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. С. 23.

¹¹²³ На чужой стороне. 1924. № 8. С. 227–228.

выслушивал все, что Катков объяснял ему. Михаил Никифорович вернулся домой с твердым убеждением, что великий князь будет на стороне графа Толстого. Так и случилось. По каким-то причинам это крайне не понравилось графу П.А. Шувалову. По воспоминаниям Феоктистова, Шувалов рассказывал П.П. Альбединскому, в тот момент генерал-губернатору лифляндскому, эстляндскому и курляндскому:

На днях перлюстрировано было письмо Александра Киреева [А.А. Киреев – генерал от кавалерии, известный славянофил] к его сестре [О.А.] Новиковой, в котором он извещал ее, что удалось примирить Константина Николаевича с Катковым. Копия этого письма представлена была государю, и, признаюсь, я надеялся, что оно сильно его раздражит. И что же? Можешь себе представить, при первом же свидании государь сказал мне: «Я очень рад, что брат Константин виделся с Катковым, обмен мыслями с таким человеком всегда полезен»¹¹²⁴.

Особенно известной в узких кругах российской элиты стала история, приключившаяся в январе 1893 года с директором ДП Петром Николаевичем Дурново. Интересно, что за 120 лет в литературе появились различные версии этой истории, опирающиеся лишь на устные рассказы, но никто из авторов ни разу не сослался на документы. К сожалению, и мне, несмотря на поиски в различных архивах, не удалось разыскать сам документ со знаменитой резолюцией Александра III. Вместе с тем, хотя различные версии расходятся в деталях, суть их одинакова.

Директор ДП находился в близких отношениях с некоей госпожой Доливо-Добровольской. Но у него возникли подозрения, что столь же нежные чувства связывают ее с бразильским поверенным в делах в России Феррейрой д'Абреу. По одной из версий, агент ДП поступил в число слуг бразильца. Затем по указанию Дурново он взломал письменный стол дипломата и доставил начальству найденные там письма и записки. Обнаружив странную кражу-выемку, пострадавший обратился в столичную полицию. Конкуренция ведомств поспособствовала тому, что чины полиции достаточно быстро выяснили все обстоятельства дела. На всеподданнейшем докладе петербургского градоначальника Александр III якобы наложил знаменитую резолюцию: «Убрать эту свинью!» Петр Николаевич стал сенатором¹¹²⁵.

Известнейшая собирательница слухов и сплетен А.В. Богданович записала в дневнике 15 февраля 1893 года по случаю назначения Дурново в Сенат: «...туда попал, учинивши скандалы. Галкин [М.Н. Галкин-Врасский – начальник Главного тюремного управления] сказал, что в городе его называют “прелюбодейный сенатор”». Она же отметила 2 марта, что Дурново удалили по докладу П.А. Черевина (начальника царской охраны в 1881–1896 годах)¹¹²⁶.

По версии А.С. Суворина, Дурново находился в близких отношениях с некоей госпожой Менчуковой (так в дневнике Алексея Сергеевича), женой пристава. Якобы все открыл английский посланник. Согласно записи Суворина от 28 февраля 1893 года, Петр Николаевич говорил у известного доктора Л.Б. Бертенсона:

Удивительная страна! 9 лет я заведовал тайной полицией, поручались мне государственные тайны, и вдруг... бразильский секретаришка жалуется на меня, и у меня не требуют объяснений и увольняют! Какая-то девка меня предала, и человека не спросят. Я не о себе, мне сохранили содержание, дали

¹¹²⁴ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. С. 130.

¹¹²⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 223.

¹¹²⁶ Богданович А.В. Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 167–168.

сенаторство. <...> что это за странная страна, где так поступают с людьми – в 24 часа!¹¹²⁷

По третьей версии, «черный кабинет» перехватил откровенные письма этой дамы любовнику – бразильскому послу в России.

Доложили шефу. Увы – дама одновременно была любовницей и самого Дурново. В приступе ревности он наделал глупостей. Мало что заявился к изменщице, отхлестал по щекам и швырнул ей письма в лицо. Мало что выскочил из квартиры, забыв письма забрать. Он еще и обыск провел у бразильца в поисках других посланий. О чем тот не преминул сообщить императору Александру III: что ж это у вас за нравы в стране – шеф полиции читает чужие письма, избивает любовницу, обшаривает квартиры иностранных дипломатов...¹¹²⁸.

Свою версию сообщил в мемуарах начальник Петербургского охранного отделения в 1905–1909 годах А.В. Герасимов:

Еще в начале 90#х годов (1893 г.), когда он [П.Н. Дурново] был директором Департамента полиции, его темперамент сыграл с ним плохую шутку. Он ухаживал за одной дамой общества. Эта дама какое#то время относилась к нему весьма благосклонно, но затем завела роман с бразильским посланником. Дурново, как директору Департамента полиции, был подведомствен черный кабинет, и он ничтоже сумняшеся приказал по службе доставлять ему письма этой дамы к бразильскому посланнику. Передают, эти письма были настолько красноречивы, что не оставляли никаких сомнений в характере отношений дамы с послом. Взбешенный Дурново поехал объясняться с дамой своего сердца. Та категорически все отрицала. Тогда Дурново бросил ей в лицо пакет подлинных ее писем и, уезжая, имел неосторожность оставить эти письма у нее. Дама не преминула пожаловаться бразильскому посланнику. И началась история... Бразильский посланник воспользовался встречей с Государем на одном из придворных балов и рассказал ему всю эту историю. Покойный Царь был возмущен, тут же на балу подозвал к себе министра внутренних дел [им тогда был однофамилец Петра Николаевича – Иван Николаевич Дурново] и с присущей ему резкостью заявил: «Немедленно убрать этого дурака»¹¹²⁹.

Я постарался проверить эти различные свидетельства по документам. Действительно, в 1892 году в Петербурге проживали София Гавриловна Доливо-Добровольская, учительница 2#го Московского городского начального женского училища, а также подполковник И.А. Меньчуков, пристав Полюстровского участка, так что вполне могла проживать и госпожа Меньчукова¹¹³⁰. Но, естественно, определить, какая из двух дам стала предметом раздора между российским сановником и бразильским дипломатом, не представилось возможным.

Таким образом, все версии, при частных расхождениях, сходятся в основном. Если же верить варианту А.В. Герасимова, то резолюции могло и вовсе не быть. Добавим, что спу-

---

¹¹²⁷ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 96–97, 100.

¹¹²⁸ Львов Л. (Л.М. Клячко). За кулисами старого режима: Воспоминания журналиста. Т. 1. Л., 1926. С. 45.

¹¹²⁹ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений: В 2 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 183–184.

¹¹³⁰ Адресная книга города Санкт-Петербурга на 1892 г. / Под ред. П.О. Яблонского. СПб., 1892. С. 340, 445; Ч. 2. С. 61, 125.

стя годы, в октябре 1905#го, Петр Николаевич, человек несомненно сильной воли и государственного ума, вернулся в МВД в качестве министра.

По воспоминаниям директора ДП (9 мая 1902 года – 4 марта 1905#го) А.А. Лопухина, перлюстрация использовалась в начале XX века в подковерной борьбе между двумя крупнейшими фигурами в правительстве: министром финансов С.Ю. Витте и министром внутренних дел В.К. Плеве. В июле 1904 года Плеве был убит эсером Е.С. Сазоновым (Созоновым). 26 августа в ходе официального осмотра бумаг, хранившихся в кабинете покойного, в среднем ящике письменного стола (между наиболее секретными документами) были обнаружены две пачки перлюстрированных писем. Одна из них представляла собой копии и два подлинника писем самого Лопухина его двоюродному брату, известному деятелю либеральной оппозиции, профессору Московского университета С.Н. Трубецкому. Во второй пачке находились копия письма министра финансов Витте близкому ему лицу с резкой критикой политики Плеве, а также копии писем представителей крайне правых течений, убежденных в близости Витте к «жидомасонским» организациям и в том, что его деятельность помогает революции. К этой второй пачке перлюстрированных писем была приложена собственноручная записка Плеве, представлявшая их императору для прочтения. Николай II на этой записке сделал надпись о том, что тяжело разочаровываться в своих министрах. Таким образом, по мнению Лопухина, целенаправленный подбор перлюстрации, осуществленный Плеве, достиг своей цели: опорочил Витте в глазах государя¹¹³¹.

То, что В.К. Плеве использовал перлюстрацию в подковерной борьбе, находит подтверждение и в дневниках А.С. Суворина. 4 августа 1904 года Алексей Сергеевич записал: «В бумагах Плеве [А.А.] Лопухин нашел груды писем выдающихся администраторов с пометками государя. Это все перехваченные письма, которыми Плеве занимал императора. Лопухину было так тяжело, что якобы все это сжег. Совершенно напрасно, да я думаю, он и не сжигал». При этом Плеве не гнушался «осветить» государю и интимные стороны жизни представителей российской элиты путем перлюстрации их переписки. 9 августа того же года у Суворина следующая запись: «Лопухин нашел у Плеве переписку князя [В.П.] Мещерского с его любовником [Н.Ф.] Бурдуковым [чиновник министерства сельского хозяйства, сотрудник газеты «Гражданин»]. Переписку читал царь. Он относится к этой *партии* равнодушно... [курсив А.С. Суворина]»¹¹³².

В свою очередь, по словам Лопухина, ссылавшегося на личный рассказ Плеве, С.Ю. Витте вместе с заведующим ОО ДП (с октября 1902 года) С.В. Зубатовым и влиятельным консервативным публицистом В.П. Мещерским в первой половине 1903 года задумали «свалить» Плеве и на его место посадить Витте. Для этого Зубатов сочинил текст письма, якобы написанного одним верноподданным другому и попавшего к Зубатову путем перлюстрации. В письме резко осуждалась политика Плеве, говорилось, что тот обманывает царя и подрывает в народе веру в него; утверждалось также, что только Витте по своим талантам и личной преданности царю способен проводить политику, которая оградила бы страну от бед и придала бы блеск правлению Николая II. Мещерский, имевший личный доступ к государю, должен был вручить ему это письмо как передающее голос народа и убедить последовать указанному пути.

Однако Зубатов посвятил в данный план М.И. Гуровича, бывшего революционера, а затем одного из крупнейших секретных сотрудников ДП. Гурович в свою очередь сообщил об этом Плеве и даже представил копию сфабрикованного письма. Плеве в день ближай-

¹¹³¹ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 12–13. С.Ю. Витте в мемуарах также упоминает, но с другими подробностями, что В.К. Плеве собирался использовать против него подложное перлюстрированное письмо о причастности Витте к революционному движению. См.: *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 221–222.

¹¹³² Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 466, 468.

шего доклада государю доложил об интригах министра финансов. На следующий же день (16 августа 1903 года) Витте получил отставку с поста министра финансов и был назначен на второстепенный пост председателя Комитета министров. Одновременно был смещен и выслан из Петербурга Зубатов¹¹³³.

В апреле 1917 года в одной из киевских газет утверждалось, что в 1911 году, во время печально знаменитого визита Николая II в город, руководитель «черного кабинета» К.Ф. Зиверт со своими сотрудниками занимался привычной работой, вскрывая в том числе письма товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова, начальника дворцовой охраны А.И. Спиридовича, начальника канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолова. Но в это же время один из почтовых помощников Зиверта, Д.С. Варивода, доставлял письма самого Зиверта товарищу министра внутренних дел Курлову и начальнику Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко¹¹³⁴.

Тем не менее все эти частные случаи не могут перечеркнуть значения массовой перлюстрации для изучения реальных настроений в обществе. Иначе пришлось бы, подобно неким «городским сумасшедшим», поверить в теорию заговора – в то, что какие-то тайные «кукловоды» специально сочиняли сотнями и даже тысячами письма для перлюстраторов.

На деле, как отмечает крупнейший современный исследователь истории российского политического розыска XVIII века Е.В. Анисимов, «дневниковые записи, рукописи записок и книг, а также письма, обычно становились самыми опасными уликами при разоблачении государственных преступников. <...> потом, на следствии, каждая строка письма записки, черновика тщательно изучались в поисках “подозрительного”... переписка всегда вызывала подозрение власти, так как могла использоваться в шпионских целях, для связи с противниками России»¹¹³⁵. Поэтому все российские императоры и императрицы, начиная с Елизаветы Петровны, регулярно получали выписки из перлюстрированной корреспонденции и накладывали на подобные документы высочайшие резолюции. Как сообщалось в докладе И.Н. Дурново от 5 января 1895 года, «в царствование императора Павла I и особенно... императоров Александра I, Николая I и Александра II, на монаршее воззрение представлялись все извлечения из частной корреспонденции, могущие осветить перед монархом те случаи и обстоятельства, которые, по каким-либо соображениям правительственных или частных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества»¹¹³⁶.

Постепенно появились специальные обзоры перлюстрированной корреспонденции. Одним из первых таких примеров была «Книга по частным сведениям», подготовленная в 1857 году на основании более чем 300 перлюстрированных писем¹¹³⁷. При Александре III государю представляли ежегодные всеподданнейшие отчеты о деятельности перлюстрационной части в империи. Они содержали «свод всех наиболее выдающихся извлечений из частной корреспонденции, представляя... обзор внутреннего и внешнего положения империи... и деятельности всех министерств за данный год». Объем этих сведений не был постоянным. Если отчет за 1886 год составлял один том, то за 1887-й – три тома. На каждом отчете имелась пометка императора об ознакомлении с перлюстрацией. Например, первый

¹¹³³ Там же. С. 73–75. Впоследствии С.Ю. Витте отрицал свою близость к С.В. Зубатову и В.П. Мещерскому, но признавал, что Зубатов был у него в июле 1903 года с конфиденциальным сообщением о необходимости устранения Плеве с поста министра внутренних дел. Роль осведомителя Плеве о своих контактах и контактах Зубатова Витте приписывал Мещерскому. См.: *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 218–219.

¹¹³⁴ Киевская мысль. 1917. 8 апреля. С. 3.

¹¹³⁵ Анисимов Е.В. Политический розыск и тайная полиция в XVIII в. // *Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX века* / Сост. В.С. Измозик. СПб.; М.: Нева – ОЛМА-пресс, 2002. С. 162, 186.

¹¹³⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 126.

¹¹³⁷ Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.; Л.: Academia, 1933. С. 245.

том отчета за 1887 год был возвращен 14 марта 1888#го, второй – 25 марта 1888#го, третий – 28 марта 1888 года¹¹³⁸.

Такая же практика сохранялась и при Николае II. В условиях нарастающего кризиса политической системы в начале XX века, при слабости Николая II как государственного деятеля, министры стали использовать перлюстрацию в качестве орудия личной или ведомственной борьбы. Например, по показаниям от 12 мая 1917 года бывшего директора ДП и товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого,

министр внутренних дел мог не дать копии тех писем, которые могли быть интересны председателю Совета министров. <...> [Б.В.] Штюмер, будучи председателем Совета министров, не имея еще портфеля министра внутренних дел, потребовал от [А.Н.] Хвостова, чтобы вся перлюстрация шла первоначально к нему. <...> Список этих лиц передавался... [М.Г.] Мардарьеву. <...> министры [внутренних дел] перлюстрировали [так в тексте] письма, когда их интересовали отношения лично к ним тех или других сочленов по кабинету. <...> Министру [А.Н. Хвостову] посылались средним числом в день от 20 до 25 писем... иногда бывало больше сорока¹¹³⁹.

Известный авантюрист и многолетний сотрудник российских спецслужб И.Ф. Манасевич-Мануйлов на допросе 20 июля 1917 года показал, в частности, следующее: председатель Совета министров С.Ю. Витте в конце 1905#го – начале 1906 года констатировал, что министр внутренних дел П.Н. Дурново сообщает ему не все перлюстрированные сведения¹¹⁴⁰. А.Н. Хвостов, министр внутренних дел в сентябре 1915#го – феврале 1916 года, на допросе 18 марта 1917 года уверял – перлюстрация шла к товарищу министра С.П. Белецкому, а «потом – частью – попадала ко мне: то, что Белецкий считал нужным мне дать»¹¹⁴¹. О возможности использования перлюстрации в подковерной борьбе начала XX века говорил на допросе 10 июля 1917 года также бывший товарищ министра внутренних дел и государственный секретарь С.Е. Крыжановский. Отметив, что П.А. Столыпин «ставил под надзор даже своих родственников», Крыжановский добавил: «Никто не был гарантирован, что ему не подsunут письма, включив в него две-три фразы»¹¹⁴².

Но даже с учетом этих нюансов я считаю, что в целом массив перлюстрации давал достаточно объективную картину реальных настроений политически активного, образованного российского общества.

3. Основные задачи перлюстрации и их решение

Какие же цели ставила власть перед сотрудниками «черных кабинетов»? Как эти цели достигались? Можно сформулировать несколько основных задач, которые стояли перед российской системой перлюстрации с начала XIX века:

1. Контрразведывательная функция: наблюдение за перепиской иностранных дипломатов и иностранцев, борьба с иностранным шпионажем.

2. Выявление реальной или мнимой антиправительственной деятельности, обнаружение заговоров и различного рода тайных организаций.

¹¹³⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 126.

¹¹³⁹ Там же. Д. 232. Ч. 1. Л. 71, 74.

¹¹⁴⁰ Там же. Д. 1000. Л. 66.

¹¹⁴¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1. Л., 1924. С. 17.

¹¹⁴² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 294. Л. 70.

3. Обнаружение различного рода служебных и экономических злоупотреблений: контрабанда, финансовые нарушения, коррупция; контроль за чиновниками всех уровней.
4. Изучение реальных настроений различных групп населения.
5. Обнаружение и изъятие антиправительственной литературы, пересылаемой по почте.

Таким образом, можно сказать, что последние четыре задачи являлись частью системы политического контроля. Сам политический контроль – это

система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций. Политический контроль всегда включает несколько основных элементов: сбор информации, ее оценку, принятие решений, учитывающих настроения общественных групп и призванных воздействовать в нужном для властей направлении, а также политический розыск (сыск) и репрессии при наличии угрозы (реальной или мнимой) государству и обществу¹¹⁴³.

В данной главе я попытаюсь, исходя из сформулированных выше задач системы перлюстрации и ее роли в осуществлении политического контроля, показать, как реализовывались эти задачи на практике в течение многих десятилетий. Однако эффективность перлюстрации дипломатической переписки здесь анализироваться не будет, так как об этом было сказано в третьей главе.

Также надо отметить, что на протяжении XIX века перлюстрированные письма или выписки из них докладывались непосредственно императору, а дальнейшие действия спецслужб зависели от резолюции его величества. Надпись «Кто такой?» требовала установить данные об авторе письма и о том, кому оно адресовано. Если в письме сообщалось о тех или иных злоупотреблениях, нарушениях предусмотренного порядка, то царственный карандаш мог предписать сообщить об этом тому или иному министру как «дошедшие сведения». В таком случае руководитель ведомства должен был провести собственное расследование и доложить государю о его результатах.

Иногда в связи с этим возникали курьезные ситуации. Министру народного просвещения А.С. Норову по распоряжению Александра II была сообщена фраза из письма казанского педагога Б.И. Ордынского – о том, что «многие учителя в Казани ведут себя не соответственно своему званию» (Ордынский писал профессору Московского университета О.М. Бодянскому). III Отделение ждало от министра принятия мер. В ответ министр указал, что сообщенные сведения «по неопределенности своей поставляют меня в крайнее затруднение... [и] объяснения по неопределенности обвинения не могут быть положительными, кроме того, они бросают тень на многих добропорядочных лиц». В результате III Отделение признало – оно «по ошибке сообщило министру народного просвещения, что многие учителя учебных заведений в Казани ведут себя не соответствующе своему званию»¹¹⁴⁴.

---

¹¹⁴³ Измозик В.С. Предисловие // Жандармы России. С. 5.

¹¹⁴⁴ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 12.

3.1. Контрразведывательная функция: наблюдение за перепиской иностранных дипломатов и иностранцев, борьба с иностранным шпионажем

Выше я уже отметил, что не буду здесь касаться наблюдения за перепиской иностранных дипломатов, так как этому посвящена третья глава. Но, кроме дипломатов, наблюдение велось за корреспонденцией и других иностранцев, посещавших Россию, которых подозревали в стремлении нанести стране ущерб и, конечно, в шпионаже. Власти, особенно при Николае I, вообще крайне подозрительно относились к появлению иностранцев в России, видя во многих из них опасность распространения «нравственной заразы». Соответственно, проезд их с конца 1830#х годов всячески ограничивался. Например, если в 1847 году в страну въехало 22 тыс. иностранцев, то в 1848#м – лишь 10 тыс. Характерна в этом плане запись в дневнике управляющего III Отделением в 1839–1856 годах Л.В. Дубельта: «Не впускать бы в Россию ни одного иностранца – вот и все тут». Но Дубельт тут же добавлял: «Да та беда, что этого делать невозможно»¹¹⁴⁵.

Поэтому корреспонденция приезжих иностранцев подвергалась регулярной перлюстрации. С середины 1827#го по февраль 1828 года шла переписка о деле англичанина Сандерсона. В апреле 1827 года было вскрыто его письмо из Оренбурга некоему банкиру Ивану (Джону) Пикерсгилю в Москву. В конверте оказалось письмо госпоже Сандерсон в графство Ланкашир. Видимо, автор письма, догадываясь о перлюстрации, счел более безопасным отправить его через Москву. В большом письме путешественник рассказывал матери о своих впечатлениях:

В сем государстве большой недостаток в нравственных правилах и весьма мало чувства истинной религии. Что касается до низших званий, то они более наблюдают обряды, нежели самую религию, а высшие сословия, презирая оные обряды и смешивая их с самою религией, не радеют ни о них, ни о вере. Здесь каждая вещь более или менее имеет один наружный блеск и личину. Гостеприимство очень часто происходит от тщеславия. <...> Русские весьма походят на французов. <...> Русские большую имеют страсть к игре, музыке и танцам. <...> Русское общество исполнено интриг и происков.

Письмо было доложено государю, которому не понравились такие отзывы. Оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену из Главного штаба 22 июля 1827 года были направлены перлюстрированная выписка и повеление Николая I «наблюдать за поступками и жизнью сего иностранца». В ответ губернатор сообщил, что англичанин «открыл великую склонность к горячим напиткам», подрался со слугой и вообще образа жизни предосудительного. В начале ноября 1827 года начальник Главного штаба И.И. Дибич передал Эссену новое повеление императора: поскольку в Петербурге стало известно о намерении Сандерсона завести переписку с Персией, губернатор должен был выслать его за границу. 22 ноября Сандерсон в сопровождении казачьего офицера отправился из Оренбурга к западной границе. В конечном счете англичанин был выдворен из России через пограничный пункт Радзивилов.

Но любопытно здесь и другое: об обстоятельствах этой истории до конца не знал глава службы политического розыска и контроля А.Х. Бенкендорф. Только 14 февраля 1828 года

¹¹⁴⁵ Он же. «... Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830#е – начало 1860#х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. С. 6, 154.

он написал начальнику Главного штаба Дибичу: III Отделению известно лишь то, что Сандерсон «странным и совершенно уединенным образом жизни своей в Оренбурге обратил на себя сомнение и хотя по справкам о нем собранным во время пребывания его в России до прибытия в Оренбург он не навлек на себя подозрение, но тем не менее из осторожности предписано иметь за ним неприметный надзор». О высылке же Сандерсона за границу Бенкендорф замечал: «...я узнал [о ней] от императора, но о причинах ее мне неизвестно». Поэтому в конце письма содержалась просьба дать необходимые сведения¹¹⁴⁶.

Одновременно подобная история разыгралась и с другим англичанином, Ричардом Местером. 1 августа 1827 года он писал из Москвы в Лондон некоему капитану Дигби: «Невозможно изъяснить, что я претерпел в сей продолжительной дороге в сих варварских краях. <...> С. [анкт-] Петербург есть без сомнения прекраснейший город в Европе и заключает в себе весьма драгоценные сокровища, но я никогда не видал народа плутоватее здешнего. <...> Здешний народ почитает одного себя христианином, а прочих еретиками». Поскольку автор письма сообщал и о своем намерении посетить Варшаву, император распорядился переслать данную копию цесаревичу Константину Павловичу и «просить иметь Местера под присмотром». Из Варшавы 20 августа сообщили, что Местер является капитаном английской гвардии, «надзор за ним и его женой установлен с 11 августа, как за всеми подобного рода иностранцами» и 19 августа он выехал в Вену¹¹⁴⁷.

Но главным все же было подозрение в шпионаже. Как говорилось выше, в результате вскрытия переписки графа де Монтегю почтмейстером города Шклова в письме был обнаружен скрытый текст. Следствие в Тайной экспедиции в конце 1793 года выяснило, что де Монтегю завербовали в Вене аббаты Сабатье де Костр и Сестини, представлявшие интересы Англии и Турции. Предполагалось, что «граф де Монтегю поступит в русский флот для лучшей службы турецкому делу». Де Монтегю успел собрать подробные сведения о состоянии Черноморского флота, о морских крепостях и военных портах¹¹⁴⁸.

Впрочем, чаще подозрения в шпионаже заканчивались фарсом. Характерная в этом плане история разыгралась в 1812 году в Астрахани. Главнокомандующий войсками Кавказской линии, Северного Кавказа и Астрахани генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев, резиденция которого находилась с февраля 1812 года в Тифлисе, велел астраханскому почтмейстеру вместе с полицмейстером начать просмотр корреспонденции «некоторых живущих в Астрахани и других местах иностранцев». Когда все дело дошло до Петербурга, император повелел направить к Ртищеву фельдъегеря для получения полных сведений. В результате выяснилось, что в конце января 1812 года отставной чиновник Россо направил Ртищеву донос на прибывшего в Астрахань жителя Швейцарии купца Блюма. Подозрительным Россо казалось то, что купец не заводит знакомств и связей с купеческими домами, знает только с иностранцами, имеет обширные познания и, по его словам, бывал в Пруссии, Саксонии и Польше. В России посетил Киев, Одессу, Ригу, Ревель, Санкт-Петербург и Москву. Живет уединенно и предполагает отъехать в Персию с однофамильцем, аптекарем-французом Федором Блюмом. По словам Россо, купец Блюм признался ему, что во время Французской революции служил в армии офицером. Полицмейстеру было дано предписание «о тщательном, но неприметном наблюдении». Результатом стало снятие копии с письма аптекаря Блюма в Петербург некоему Талю. Ф. Блюм писал, что собирается ехать в Персию со служителем из саратовских колонистов (немцев) для ботанических изысканий. Также через Талю аптекарь послал письмо доктору Тревиранусу с сообщением об отправке ему ящика с травами и картинки на табакерку с изображением Астрахани. Бдительное начальство предполо-

¹¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 36. Оп. 5. Д. 150. Л. 1–9 об., 12–14, 19–24.

¹¹⁴⁷ Там же. Д. 168. Л. 1–4 об.

¹¹⁴⁸ Белая книга российских спецслужб. 2#е изд., перераб. М.: Обозреватель, 1996. С. 16–17.

жило, что под видом картинки могли быть отправлены планы Астрахани. Вице-губернатор снесся с московским гражданским губернатором на предмет задержания ящика и доставления его в Астрахань. Полицмейстеру было приказано захватить все бумаги у купца Блюма, аптекаря Блюма, владельца аптеки Шминке и колониста Мосса. Однако в возвращенном ящике были найдены только растения с подробным их описанием. Комитет министров, изучив это дело, ничего подозрительного в нем не усмотрел, предложил освободить всех от следствия, а астраханскому губернскому начальству заметил, чтобы в подобных случаях оно поступало «впредь осторожнее, избегая сколь возможно бесполезных изысканий»¹¹⁴⁹.

Но, конечно, перлюстрация помогала обнаруживать и реальных разведчиков потенциального противника. В этом плане постоянной проблемой для российской контрразведки во второй половине XIX века была борьба с австро-венгерской разведкой. С мест постоянно шли донесения о задержании отдельных австрийских агентов. Время от времени раскрывались целые разведывательные организации. 31 декабря 1893 года в Одессе «секретным путем удалось добыть только что полученное Дуткевичем [подозреваемый австрийский разведчик] из Вены письмо». В письме адресату предлагалось добытые секретные документы прислать с доверенным лицом или привезти лично в один из указанных пограничных пунктов в Австрии, куда будет командирован сотрудник из Вены «с аппаратом для снятия копий с привезенных документов». Здесь же предписывалось собрать сведения о предстоящих к весне переменах в расположении 7#й кавалерийской дивизии. В результате обыска у Дуткевича, дворянина Юрышева и мещанина Селецкого были найдены доказательства того, что с осени 1893 года двое последних вошли через Дуткевича в сношения с австрийским правительством¹¹⁵⁰.

Одним из крупнейших успехов службы перлюстрации министр внутренних дел И.Н. Дурново назвал в своем докладе от 5 января 1895 года раскрытие в западных губерниях и на юге России широчайшей разведывательной сети, которой руководили офицеры Австро-Венгерской империи. Дело в том, что еще 22 марта 1892 года и 5 января 1894#го Дурново доложил государю об обнаружении опорных пунктов австро-венгерской разведки в Варшаве, Брест-Литовске, Радоме, Одессе, Киеве и о результатах следствия. При обысках были обнаружены шифры для переписки, нумерация агентов, письменные обязательства присяги на верность австрийскому правительству, программы собираемых сведений. Организация существовала с 1889 года. Одной из ее целей, по версии следствия, была подготовка польского восстания в случае войны с Австрией для присоединения этих территорий к Австро-Венгрии или образования независимого государства.

Первоначально расследование затронуло около 5 тыс. человек. Затем было привлечено по делу шестьдесят девять человек, из них сорок четыре находились под стражей. В военный суд в Киеве были переданы дела тридцати восьми человек. Писарь Управления начальника артиллерии 8#го армейского корпуса Осип Новак повесился в тюремной камере. Еще двадцать человек были осуждены в административном порядке. Шпионские организации имелись в Варшаве, Радоме, Брест-Литовске, Одессе и Киеве. Поручик 47#го пехотного Украинского полка С.И. Квятковский налаживал получение от военных писарей ряда штабов сведений о мобилизационных планах в Одесском военном округе и Брест-Литовске. Руководитель варшавской группы, присяжный поверенный С.И. Домогацкий признал получение от австрийского правительства 19 тыс. руб., которые он тратил на содержание агентуры. Следствие заявляло, что агентам в случае войны ставились задачи порчи мостов, дорог, поджога продовольственных складов, организации крушений воинских поездов. В Киеве был аре-

¹¹⁴⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 25. Л. 92–96.

¹¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 25. Л. 11–14 об.

стован мещанин, столяр по профессии П.С. Бык, готовивший, по данным следствия, взрыв железнодорожного моста через Днепр за вознаграждение в 25 тыс. руб.¹¹⁵¹

Разведывательные и контрразведывательные органы и в дальнейшем использовали перлюстрацию в повседневной работе. Так, по данным штаба Киевского военного округа (КВО), в октябре 1909 года в Киев прибыл австрийский военный разведчик И.П. Смерчинский. Охранное отделение по согласованию с военными установило наружное наблюдение за ним и контроль за его перепиской. В январе 1910 года начальник Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко обратился к директору ДП Н.П. Зуеву с просьбой о перлюстрации переписки Смерчинского по прилагаемым адресам. В дальнейшем в ДП была направлена копия одного из зашифрованных писем, расшифровать которое в штабе КВО не смогли. В марте 1910 года разведчик был арестован¹¹⁵². Другой пример. В августе 1911 года подполковник С.Л. Марков из Особого делопроизводства Главного управления (ГУ) Генштаба направил старшему адъютанту штаба Варшавского военного округа (ВВО) полковнику Н.С. Батюшину, возглавлявшему разведку округа, две копии писем, «совершенно негласным путем полученные в ГУ Генштаба». Одно письмо было послано из Вены, другое сдано 15 августа в почтовое отделение на Варшавско-Венском вокзале. Отмечалось, что за дальнейшей корреспонденцией некой З.А. Деевой будет «учреждено самое тщательное наблюдение». В данном архивном деле находятся еще восемь копий писем¹¹⁵³.

В мае 1913 года генерал-квартирмейстеру Варшавского округа поступил циркуляр от генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба Ю.Н. Данилова-черного с просьбой установить секретное наблюдение за корреспонденцией лица, живущего в Праге на Лазанской улице в доме 118/8, поскольку этим адресом пользуются причастные к военному шпионажу. Фото с таких документов предлагалось направлять в ГУ Генштаба. Одновременно начальник контрразведывательного отделения при штабе Варшавского округа, ротмистр Корпуса жандармов С.В. Муев продублировал данное указание начальникам Гродненского и Волынского ГЖУ и помощникам начальников отделений Варшавского жандармско-полицейского управления (ЖПУ) железных дорог. В эти же дни, 31 мая, Муев направил еще один циркуляр помощникам начальников отделений ЖПУ железных дорог – о наблюдении за корреспонденцией по адресу: Лемберг (Львов), улица Хоцинская, дом 23. По данным русской контрразведки, там жил полковник Крулиш, «главный деятель разведывательного бюро австрийского генштаба». Из Границкого отделения ЖПУ пришел ответ, что указание выполнить невозможно, так как корреспонденция сортируется за границей. Тогда, видимо по просьбе Муева, 8 июня начальник штаба ВВО генерал Н.А. Ключев обратился к помощнику варшавского генерал-губернатора по полицейской части с просьбой о помощи в наблюдении за корреспонденцией по адресу во Львове. Таким образом, предполагалось, что эту операцию будут осуществлять сотрудники «черного кабинета» в Варшаве¹¹⁵⁴.

Но сотрудники разведки и контрразведки ВВО старались установить и прямые связи с почтово-телеграфными служащими. В делах разведотдела штаба ВВО сохранилась небольшая внутренняя переписка о почтальоне Мисюкевиче, «принимающем корреспонденцию». Автор записки характеризовал его как человека расторопного, православного, большого русского патриота и отмечал, что знает его с детских лет. В резолюции предлагалось пригласить Мисюкевича для переговоров с «г. начальником»¹¹⁵⁵.

¹¹⁵¹ Там же. Оп. 249. Д. 12. Л. 19, 69–70 об.; Оп. 255. Д. 21. Л. 252–252 об.; *Звоначев К.К.* Агентурная разведка. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Кн. 2. М.: БДЦ-пресс, 2003. С. 57–58; *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. М.: МГУ, 1991 [репринт издания 1929 года]. С. 36–37.

¹¹⁵² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 332. Л. 1–1 об., 3, 17, 24.

¹¹⁵³ РГВИА. Ф. 1859. Оп. 6. Д. 70. Л. 6–7, 120, 122, 126, 144–145, 146–147, 154–154 об., 158–158 об., 186.

¹¹⁵⁴ Там же. Д. 373. Л. 95–97 об., 104–107.

¹¹⁵⁵ Там же. Д. 389. Л. 1.

Агентов противника благодаря перлюстрации находили и в Сибири. В октябре 1912 года внимание контрразведки привлекла обосновавшаяся в Иркутском уезде австрийская подданная Елена Маргулла. Под наблюдение взяли ее переписку. Маргулла, по характеристике ротмистра Попова, «женщина образованная, развитая, хорошо ознакомленная с розыскными приемами и весьма осторожная», оказалась все же недостаточно осмотрительной и зимой 1913 года отправила в Нижний Новгород несколько писем своему соотечественнику Ф. Шиллингу. По тексту этих писем контрразведка установила присутствие в Сибири еще одного вероятно причастного к шпионажу лица – некоего «владельца пивоваренного завода» в Новониколаевске. Личность этого человека жандармы установить не смогли (скорее всего, указанный в письме род его занятий был вымышленным), но предположили, что Маргулла получала от него сведения военно-политического характера. Судя по перехваченным письмам, она занималась сбором информации о действиях русских войск в Монголии. Эти сведения Маргулла получала от подрядчиков, доставлявших войскам продовольствие и фураж. В мае 1913 года она выехала из Иркутска в Австрию и была задержана контрразведкой на территории Киевского военного округа¹¹⁵⁶.

3.2. Выявление реальной или мнимой антиправительственной деятельности, обнаружение заговоров и различного рода тайных организаций

Вместе с тем перлюстрация в первую очередь использовалась, конечно, для решения внутривнутриполитических задач: для выявления антигосударственных замыслов, нелегальных организаций, розыска реальных или мнимых противников существующего политического строя и т. п. Можно привести большое количество фактов проведения розыскных мероприятий с использованием перехваченной корреспонденции.

Перехваченные письма внимательно изучались следователями в так называемом деле о Брауншвейгском семействе. Напомню, что 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна с помощью роты солдат Преображенского полка произвела дворцовый переворот, свергнув пятнадцатимесячного императора Иоанна VI. Младенец являлся правнуком царя Ивана V, сыном Анны Леопольдовны и герцога Антона Ульриха Брауншвейгского. Семейство было отправлено в ссылку под строгой охраной. Летом 1743 года в Тайной канцелярии начали дело о заговоре в пользу Брауншвейгского семейства. Среди заподозренных оказались австрийский посланник маркиз де Бота, члены семьи генерал-поручика С.В. Лопухина, графиня Анна Гавриловна Бестужева (дочь канцлера Г.И. Головкина) и др. В результате многих били кнутом, «урезали языки» и отправили в ссылку. Среди арестованных был адъютант конной гвардии Камынин, служивший в охране Брауншвейгского семейства, когда они находились в ссылке в Риге и крепости Дюнамюнде. На допросе 12 августа 1743 года ему напомнили, что «в письме своем от 8 мая офицеру Колычеву в Петербург писал ты, между прочим: “Прости, дорогой братец, ах как дурно живу! Потерял век; не тот теперь, как был; научили бездельники, как жить”». Последовал вопрос: «Оное в какой силе от тебя писано и кто бездельники и в чем?» Камынину удалось объяснить, что эти строчки были вызваны скучной жизнью в Риге, несравнимой со столичной. В результате его освободили. Для нас же здесь важно само это пристальное внимание к тексту письма¹¹⁵⁷.

С перлюстрацией было тесно связано и дело московских масонов. Вообще движение масонов, или франкмасонов (вольных, или свободных, каменщиков), появилось в Англии в начале XVIII века и выдвигало идею нравственного самосовершенствования при запрете

¹¹⁵⁶ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 годах: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. С. 31.

¹¹⁵⁷ Корф М. Брауншвейгское семейство. М.: Прометей, 1993. С. 92.

всяких религиозных, национальных и политических споров. Постепенно идеи масонства проникли и в другие страны Европы. В частности, в Баварии в конце 1770#х годов по инициативе профессора А. Вейсгаупта был организован орден иллюминатов для борьбы «с врагами человечества и разума». В документах ордена подчеркивалось, что он не преследует никаких целей, «вредных для государства, религии и добрых нравов». Подчеркивался исключительно нравственно-просветительный характер деятельности ордена. Но по мере разрастания этого общества росло и число его врагов. В доносах иллюминатам приписывались всевозможные пороки и злодеяния. Сам характер секретных заседаний масонских лож вызывал у властей испуг. В результате 2 мая 1785 года курфюрст Баварии запретил все тайные общества. Нет никаких доказательств, что «орден иллюминатов существовал или был восстановлен после 1785 г.»¹¹⁵⁸

В России масонские ложи с участием представителей русской знати появились при Елизавете Петровне и постепенно разрослись при Екатерине II. На своих собраниях члены лож обсуждали вопросы веры и нравственности, религиозно-нравственного воспитания человека. Одна из таких лож, на основе ранее существовавших, была учреждена в 1780 году в Москве. Ее идейным главой стал выдающийся мыслитель, просветитель и журналист Н.И. Новиков. Однако если на протяжении ряда лет власть воспринимала деятельность масонов достаточно спокойно, то постепенно императрица начала относиться к ним все более подозрительно. Такой перемене прежде всего способствовала революция во Франции. Особое место в цепи событий, приведших к революции, возбужденное воображение реакционеров многих стран Европы отводило деятельности ордена иллюминатов. В этой ситуации обвиненными в «иллюминатстве» оказались московские масоны. Приказ А.А. Безбородко московскому почт-директору И.Б. Пестелю (отцу будущего декабриста) иметь наблюдение за их перепиской был отдан при П.Д. Еропкине, главнокомандующем в Москве с 28 июня 1786 года по 19 февраля 1790#го. Но тот считал, как пишет историк Я.Л. Барсков, «оную неважной и примечанья недостойной»¹¹⁵⁹. Ситуация изменилась после публикации в мае 1790 года книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Новый московский главнокомандующий князь А.А. Прозоровский доносил Екатерине II 22 июля того же года: «В некоторых письмах есть еквики, но разуместь их невозможно, для чего велел я их на почте копировать, и, сообразя все, можно будет нечто и понять»¹¹⁶⁰.

На протяжении нескольких лет, в 1790–1792 годах, переписка участников кружка А.М. Кутузова, И.В. Лопухина, князя Н.Н. Трубецкого и прежде всего Н.И. Новикова подвергалась постоянной перлюстрации в стенах Московского почтамта. И.Б. Пестель доносил московскому главнокомандующему князю Прозоровскому: «Совершенно удостовериться могу, что ничего замечания достойного чрез вверенный моей дирекции почтамт... пройти не может»¹¹⁶¹. С каждого письма лиц, находившихся под наблюдением, снимались две копии. Одна направлялась князю Прозоровскому, другая – в Петербург, графу А.А. Безбородко, главному директору почт и одновременно докладчику императрицы в эти годы. Наиболее интересные письма докладывались государыне.

Однако то ли квалификация чиновников перлюстрации оказалась низкой, то ли участники переписки знали об интересе к их корреспонденции, но они стали открыто выражать недовольство действиями почтовых служащих. А.М. Кутузов писал князю Н.Н. Трубецкому из Берлина в апреле 1791 года: «Я не смею говорить откровенно, ибо письма подвержены

¹¹⁵⁸ Русское масонство. М.: Эксмо, 2007 [по книге: Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова: В 2 т. М.: Задруги, 1914–1915]. С. 14–16, 38, 158–162, 168–170; Черняк Е.Б. Невидимые империи: Тайные общества старого и нового времени на Западе. М., 1987. С. 78.

¹¹⁵⁹ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов. С. XIII.

¹¹⁶⁰ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов. С. XI–XII.

¹¹⁶¹ Там же. С. X.

любопытству подлецов, жаждущих читать оные». В тот же день в письме другому товарищу, И.В. Лопухину, он сообщал, что боится писать о том, о чем бы хотелось, так как «завелись гнусные и подлые бездельники, старающиеся читать, что мы друг с другом говорим»¹¹⁶².

Едва ли И.Б. Пестелю и его помощникам было приятно читать такие выражения. Но гораздо больше их волновала реакция начальства. Оказывалось, что тайна перлюстрации уже и не тайна для тех, за кем следят. Поэтому И.Б. Пестель старался оправдаться перед начальством. В лучших традициях бюрократии почт-директор доказывал, что Московский почтамт тут ни при чем. Он писал А.А. Прозоровскому:

Ваше Сиятельство из письма Кутузова усмотреть изволите, что он крайне недоволен, что его письма весьма неосторожно распечатываются. Сие подозрение недавно обнаруживается и, по примечанию моему, с тех только пор, когда в Берлине возбуждаются тревоги и делаются военные приготовления. Я начинаю сомневаться, не распечатываются ли там [в Берлине] сии письма столь неискusstным образом, ибо клеим подлеплять не есть способ, употребляемый в России. Хотя и после меня рижский почтмейстер свидетельствует письма, но я уверен, что он свое искусство знает и не подает сомнения корреспондентам. Сверх того служит доказательством, что не здешние места тому виною, [и то,] что корреспонденты московские г. Кутузова подобного неудовольствия не обнаруживают¹¹⁶³.

Говоря о клее, Пестель имел в виду фразу из письма А.М. Кутузова в мае 1791 года Н.Н. Трубецкому: «Последнее ваше письмо распечатано было и бесстыдным образом замазано клейстером»¹¹⁶⁴. У нас нет точных данных о том, кого подозревали в перлюстрации Кутузов и его друзья: Москву или Берлин. Но ясно – перлюстрация, как отмечалось выше, далеко не всегда оставалась незамеченной.

Аресты московских масонов и близких к ним людей также были связаны с использованием перлюстрации. Так, Екатерина II предписала 6 февраля 1792 года рижскому генерал-губернатору Ю.Ю. Броуну задержать московских студентов Василия Колокольникова и Максима Невзорова, возвращавшихся после четырех лет обучения в Геттингенском университете. Студенты подозревались в масонстве и связях с Н.И. Новиковым. В указе требовалось: «... в случае проезда сих людей через Ригу, под видом таможенного осмотра» отобрать все имеющиеся у них бумаги и письма и посмотреть содержание «оных известным способом в Рижском почтамте». В ответ губернатор 18 февраля сообщал, что студентов задержали под видом необходимости просмотра латинских книг, которые они везли в Академию наук, а все отобранные у них бумаги он направляет на усмотрение императрицы. В результате 27 февраля государыня приказала доставить студентов с приставом в столицу. Здесь в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости они были допрошены знаменитым С.И. Шешковским. Он, в частности, интересовался у молодых людей, «отчего произошла французская революция»¹¹⁶⁵.

13 апреля 1792 года Екатерина II направила указ А.А. Прозоровскому провести обыск у Н.И. Новикова. 24 апреля Николай Иванович был арестован и 17 мая отправлен в Петербург, где его допрашивал Шешковский¹¹⁶⁶. Дело московских масонов закончилось обысками,

¹¹⁶² Там же. С. 114.

¹¹⁶³ Там же. С. X.

¹¹⁶⁴ Там же. С. 117.

¹¹⁶⁵ Выписки из архива канцелярии Прибалтийского генерал-губернатора. К истории первых дней царствования Екатерины II // Оснадцатый век. Исторический сборник / Издатель П. Баргенов. Кн. 1. М., 1869. С. 458–460.

¹¹⁶⁶ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов. С. XLIII–XLIV.

ссылкой ряда из них, арестом и заключением в Шлиссельбургскую крепость Новикова, сожжением по приказу духовной цензуры 18 656 экземпляров «вредных» книг. В 1794 году, когда в Москве было обнаружено еще одно помещение с ранее неизвестными книгами, часть их также была сожжена. В.Я. Колокольников и М.И. Невзоров в крепости тяжело заболели и были переведены в Обуховскую больницу. Колокольников вскоре умер, а Невзоров был признан душевнобольным¹¹⁶⁷.

Иногда перлюстрация использовалась для усиления обвинения лиц, уже находившихся под подозрением. В этом плане характерно дело братьев Массон в конце 1796 года. Старший из них, подполковник Андре Пьер, жил в России с 1781 года и был в прекрасных отношениях с А.А. Аракчеевым. Младший, Шарль Франсуа, проживал в Петербурге с 1786 года и с 1795#го служил секретарем великого князя Александра, будучи в чине премьер-майора. Но взошедший на трон Павел I имел устойчивое предубеждение против младшего из братьев. В результате оба брата в декабре 1796 года были арестованы. А.П. Массону была устроена очная ставка с графом Пиаченцей, служившим в Кадетском корпусе. Тогдашний генерал-директор полиции Н.П. Архаров, держа в руке перлюстрированное письмо графа, задал именем императора вопрос: почему в письме приятелю Пиаченца пишет, что полковник Массон шутил о запрете императором круглых французских шляп? В итоге братья были высланы за границу¹¹⁶⁸.

В царствование Павла I повышенное внимание к перлюстрации иногда приводило к трагикомическим последствиям. Так, в начале 1801 года перехватывают письмо из Москвы дипломату И.М. Муравьеву-Апостолу, которое содержит фразу: «Я был также у нашего Цинцината в его имении» (Цинцинат, или, вернее, Цинциннат, – римский патриций, которого предание считало образцом скромности, доблести и верности гражданскому долгу). Любимец Павла, умный и циничный граф Федор Ростопчин, решает использовать эту ситуацию для очередной политической интриги. Он представляет императору дело так, будто автором письма является выдающийся государственный деятель, тридцатилетний граф Никита Петрович Панин. У этой интриги была своя предыстория. Осенью 1799 года молодой дипломат стал вице-президентом Коллегии иностранных дел, заместителем Ф.В. Ростопчина. При взбалмошном Павле всякое было возможно, и «сумасшедший Федька» – я уже говорил, что так называла Ростопчина Екатерина II, – начал игру против возможного соперника. Осенью 1800 года Панину было объявлено «царское неблаговоление». Ему предписали поселиться в селе Петровско-Разумовском под Москвой. Но Ростопчин помнил немало случаев, когда император внезапно отказывался от прежних решений и опала мгновенно сменялась фавором. А он хотел «утопить» Панина окончательно.

Итак, по версии Ростопчина, автор письма – Н.П. Панин. «Цинцинат» же – князь Н.В. Репнин, генерал-фельдмаршал, один из главных в то время русских полководцев. И раз опальный дипломат и отставной фельдмаршал встречаются частным образом – тут уже видится пугающий заговор. В таких случаях государь скор на решения. 29 января 1801 года Павел I пишет московскому военному губернатору графу И.П. Салтыкову:

Открыл я, Иван Петрович, переписку... Панина, в которой титулует он князя Репнина Цинцинатом, пишет о некоторой мнимой тетке своей (которой у него однако же здесь никакой нет), которая одна только из всех нас на свете душу и сердце токмо и имеет, и тому подобная глупости. А как из сего я вижу, что он все тот же, то и прошу мне его сократить, отослав подале, да...

¹¹⁶⁷ Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Русское масонство. С. 511–513, 515.

¹¹⁶⁸ Анисимов Е.В. Политический розыск и тайная полиция. С. 158–159.

чтобы он вперед ни языком, ни пером не врал. Прочтите ему сие и исполните все.

Изумленный Панин заявляет Салтыкову, что ничего подобного не писал. Московский губернатор докладывает императору. Взбешенный Павел через неделю, 7 февраля, вновь пишет Салтыкову: «В улику... посылаю к вам копии с перлустрированных Панина писем, которыми извольте его уличить. И, как я уже дал вам и без того над ним волю, то и поступите... как со лжецом и обманщиком»¹¹⁶⁹.

Между тем слухи об этой истории начинают гулять по Москве. И тогда скромный чиновник коллегии иностранных дел Петр Иванович Приклонский обращается к другому любимцу императора – графу Ивану Кутайсову, бывшему брадобрею и камердинеру Павла. Чиновник объясняет, что автор крамольного письма – он, а «Цинцинатом» назвал именно Панина, поскольку многие называют графа «римлянином». Кутайсов, естественно не питающий особой любви к Ростопчину, своему сопернику по фавору, докладывает государю. Московская почта подтверждает, что письмо писано не рукой Панина. Разражается скандал. За три недели до убийства Павла в опалу попадает сам Федор Ростопчин. Уже 16 февраля графу Панину разрешают въезд в обе столицы. 18 февраля начальство над почтовой частью империи поручается графу П.А. Палену, главе реального заговора. 20 февраля следует указ императора Сенату: «Действительного тайного советника графа Ростопчина все милостивейше увольняем от всех дел по прошению его». Затем Ростопчина высылают в Москву¹¹⁷⁰. Кажется, эта история была специально разыграна, чтобы служить иллюстрацией пословицы «Не рой другому яму...». Если же говорить всерьез – она вновь показала опасность использования перлюстрации в собственных целях людьми, неразборчивыми в средствах.

Выше я уже отмечал, что страдавший любовью к либеральным высказываниям Александр I также широко пользовался услугами «черных кабинетов». Насколько широко при нем сеть перлюстрации накрывала подозрительных лиц, видно, в частности, по делу Сперанского. Государственный секретарь М.М. Сперанский 17 марта 1812 года был уволен от должности, в тот же день арестован и отправлен в ссылку в Нижний Новгород. Одновременно был сослан в Вологду один из ближайших его друзей и сотрудников в 1810–1812 годах – М.Л. Магницкий. Через две недели, 31 марта, А.Д. Балашов, потерявший накануне пост министра полиции, но оставленный при императоре для поручений, писал Санкт-Петербуржскому почт-директору Н.И. Калинину: «Получил я высочайшее повеление... чтобы вы... доставляли ко мне, для доклада Его Величеству, все пакеты, которые будут в получении на имя... Сперанского и... Магницкого, хотя б Его Величество и в отлучке из С. [анкт] – Петербурга изволил находиться»¹¹⁷¹. 12 апреля 1812 года Балашов сообщал нижегородскому гражданскому губернатору А.М. Руновскому:

...кроме прямой переписки г. Сперанского, куда бы то ни было и с ним других лиц порученной вашему надзору, надлежит иметь подобное наблюдение и за перепискою не токмо его окружающих, но и тех лиц, коих связь или знакомство с ним может обращать на них подозрение в том, что они употребляют средством как к передаче ему, так и к пересылке его писем под посторонними адресами. <...> я прошу вас обратить строгое ваше внимание на поступки и действия нижегородского купца Костромина,

¹¹⁶⁹ Шильдер Н. Император Павел I. СПб., 1901. С. 480.

¹¹⁷⁰ Шильдер Н. Император Павел I. С. 481–482.

¹¹⁷¹ Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). М., 2006. С. 55.

который, по дошедшим до меня сведениям, едва ли не будет употреблен в посредничество по переписке с г. Сперанским...¹¹⁷².

Нижегородский вице-губернатор Н.Н. Муравьев докладывал главнокомандующему в Санкт-Петербурге 25 октября 1814 года относительно переписки Сперанского:

...я долгом считаю заметить, что ежели бы он имел, или бы желал иметь ее в каком#либо отношении значащем или сокровенном, то он может ее производить, независимо от почты и явных путей, через своих свойственников, посредством его собственных людей. Но за всем тем, во исполнение вашего повеления, я бдительнейше стану наблюдать, чтоб переписку г. Сперанского, какого рода бы ни была, ежели не избежит моего ведения, усмотрению вашего высокопревосходительства представить¹¹⁷³.

После подавления восстания декабристов и их ссылки объектом перлюстрации стали письма не только причастных к этому событию, но и посторонних, касавшихся данной темы. Например, во второй половине 1827 года была сделана выписка из письма члена горной экспедиции при Нерчинских заводах Ф.Ф. Фриша брату, командиру бригады 3#й гренадерской дивизии генерал-майору М.Ф. Фришу, о положении сосланных декабристов. В результате была затребована справка на автора письма и его корреспондента¹¹⁷⁴.

Сведения, полученные путем перлюстрации, перепроверялись через официальные структуры. Из письма С. Харкевича от 20 апреля 1826 года из Москвы к А.С. Павлову в Петербург была сделана выписка о возмущении крестьян в Тверской губернии. Харкевич, в частности, писал: «Тверские крестьяне в бунте усилились, и бурмистр едва живым ушел, а они выбрали другого по себе бунтовщика. Я еду в Тверь просить губернатора о усмирении их и вторично послал объявление в Старицу смирить бунтовщиков, самому же без команды военной опасно туда голову свою несть». В результате начальник Главного штаба И.И. Дибич 3 мая направил распоряжение начальнику 1#й уланской дивизии генерал-майору С.А. Хилкову: «До сведения Государя императора дошло, что в Тверской губернии, особенно в Старицком уезде, оказалось возмущение крестьян. Как о сем происшествии не получено по военной части никакого донесения, то предписываю вашему сиятельству узнать и донести мне немедленно, справедливы ли сии слухи и буде возмущение крестьян действительно всей губернии обнаружилось, то в какой оно степени». 10 мая князь Хилков доложил Дибичу, что в Старицком уезде никакого возмущения не было, а случилось оное в Калязинском уезде, куда было командировано два эскадрона Сибирского уланского полка. Командир дивизии также отметил, что донес об этом его императорскому величеству и во все начальственные места 4 мая¹¹⁷⁵.

Иногда подозрительность в отношении перлюстрированных писем, стремление увидеть в них некий скрытый смысл приводили к комическим ситуациям. В сентябре 1827 года было прочитано письмо полковника Петра Давыдова из Тифлиса своему родственнику в Москву, известному военачальнику 1812 года и поэту Д.В. Давыдову. Описывая различные новости кавказской жизни, автор в числе прочего писал: «Вот вам еще не менее для вас интересное: <...> из грузин, грузинок и людей русских, познание имеющих, жена моя составила комитет. Заседание было об отличии красок чернить волосы, и оным открыто, разыскано и положено: отправиться ей с избраннейшими в лавки, что учинено 24#го [августа], но, увы! Краски старые и нехорошие». Это место было отчеркнуто карандашом и поставлен

---

¹¹⁷² Там же. С. 56–57.

¹¹⁷³ Там же. С. 158–159.

¹¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 36. Оп. 5. Д. 148. Л. 13–14.

¹¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 223. Л. 1–4.

знак «NB» (т. е. *Nota Bene* – обратить внимание). В результате дежурный генерал Главного штаба А.Н. Потапов 19 сентября направил запрос по поручению начальника Главного штаба Дибича тифлисскому военному губернатору Н.М. Сипягину с приложением копии данного места письма и требованием «сообразить смысл слов сих в отношении к Давыдову, не есть ли это какая#либо аллегория, способствующая к передаче совсем другого смысла», а также уведомить, кто такой Петр Давыдов. Из Тифлиса 5 ноября последовал успокоительный ответ губернатора: «Писано полковником артиллерийского гарнизона Давыдовым, который известен за человека самого нескромного, но суждениями своими никому кроме себя вреда не делающего. Я в полной мере уверен, что он, желая блеснуть острою, написал Аллегорию, которую сам не понимает и которая не заключает в себе никакой сокровенности»¹¹⁷⁶.

Выше я уже говорил о внимании к переписке жителей Царства Польского. Такие письма, прочитанные в Петербурге, в конце 1820#х годов пересылались по указанию Николая I в Варшаву – великому князю Константину. Например, в апреле 1828 года последний сообщал А.Х. Бенкендорфу, что прочел извлечения из писем статского советника Снядецкого профессору Краковского университета Шоповичу и виленского профессора Онацевича директору Белостокской гимназии. В августе 1830 года Константину было отправлено перлюстрированное письмо графа Валевского из Парижа, адресованное камер-юнкеру Кожмяну. В декабре 1830#го – копия письма князя Любецкого бывшему российскому министру иностранных дел Адаму Чарторыйскому¹¹⁷⁷.

В XIX веке использование перлюстрации для борьбы с различного рода реальными или мнимыми противниками власти, тайными обществами резко возрастает. Но во второй четверти столетия, когда Николай I на время «подморозил» страну и реальных противников самодержавия в центральной России было весьма немного, чиновники «черных кабинетов» с одобрения высшей власти брали на заметку все сколько#нибудь оппозиционные и крамольные высказывания.

Так, в октябре 1826 года была сделана выписка из письма воспитанника шестого (старшего) класса Московского благородного пансиона Шульговского своему товарищу в Петербург. В письме в следующих словах описывалось посещение пансиона императором в конце июля того же года: «Сказал, что кроме дурного ничего о нас не знает. Потом долго бранил тех, кто прежде нас здесь учились, называя их подлецами, недостойными имени Русского и проч. Говорил очень много, скоро. Выразительно и очень часто делал нам различные наставления. Гром прошел, ... грозный глас Монарха переменял на нежный отцовский». Из Главного штаба был сделан запрос московскому военному генерал-губернатору об авторе письма, и на том дело, к счастью для юноши, закончилось¹¹⁷⁸.

В 1840#е годы подозрение вызывали даже мало-мальски неосторожные высказывания в письмах. Некий Туркестанов писал из Тифлиса С. Арбузову в Новгород, что не доволен ни собой, ни окружающими. После скитаний по России предполагает уехать за границу, отзываясь «с восхищением о французской республике». Наместнику Кавказа князю М.С. Воронцову и генерал-губернатору Бессарабии генерал-лейтенанту П.И. Федорову было велено собрать подробные сведения об этом человеке. Француз Юлиан из Москвы, уведомляя своего приятеля в Гродно Д. Мыслицкого о предоставлении ему в числе других французов жить в России или вернуться во Францию, замечал, что в душе остается республиканцем. Московскому губернатору князю А.Г. Щербатову и начальнику 2#го округа Корпуса

¹¹⁷⁶ Там же. Оп. 5. Д. 199. Л. 1–5 об.

¹¹⁷⁷ Русский архив. 1884. Кн. 3. № 5–6. С. 319; 1885. Кн. 1. № 1. С. 34; Русская старина. 1883. Т. 40. № 12. С. 661–662.

¹¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 487. Л. 1–5. Воспитанниками Московского благородного пансиона были декабристы П.Г. Каховский, Н.М. Муравьев, С.П. Трубецкой и др. После посещения пансиона императором руководство этого учебного заведения сменили. При новом посещении пансиона, 11 марта 1830 года, император вновь остался крайне недоволен, и указом от 29 марта 1830 года пансион был преобразован в гимназию.

жандармов С.В. Перфильеву было приказано учредить за Юлианом «секретное, но бдительное наблюдение». Мильер из Парижа извещал живущего в Иркутске Ришье, что постарается выслать ему нож-кинжал. Министру финансов было предписано не пропустить нож-кинжал через таможи, а генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-лейтенанту В.Я. Руперту – установить наблюдение за Ришье. Австрийский подданный Коханский весной 1849 года писал из Одессы графу Залусскому в Лемберг (Львов), что рад освобождению лиц, арестованных за участие в восстании в Кракове в феврале 1846 года. Поскольку Коханский, как оказалось, уже выехал из России, канцлер К.В. Нессельроде и министр внутренних дел Л.А. Перовский получили распоряжение в страну его более не впускать¹¹⁷⁹.

В течение ряда лет длилось дело действительного студента Г.А. Токарева. В апреле 1841 года было перлюстрировано письмо без подписи, на французском языке, из Дрездена в Шацк Тамбовской губернии, княгине А. Кудашевой. Подробная выписка, заверенная губернским почтмейстером, была направлена начальником 7#го округа Корпуса жандармов в Петербург А.Х. Бенкендорфу. Возмущение начальства вызвал следующий текст:

Тебя так волнует, что я останусь недорослем, в то время, как мои товарищи будут титулярными советниками, коллежскими асессорами и статскими советниками. Неужели от этого мои достоинства потеряют в цене? Ты говоришь, что я должен быть полезен моей родине. Я люблю свою родину; путешествия отнюдь не делают меня космополитом. Я заложил бы душу мою, чтобы быть полезным моей стране. Но скажи, как я смогу это сделать, служа в проклятой канцелярии и окруженный всякой сволочью. Дело в том, что наши чиновники сидят повсюду, даже в министерствах.

Затем ты мне пишешь, что можно получить образование, не покидая своей комнаты. Я согласен, знаменитый философ Кант никогда не покидал своего Кенигсберга. Но можно это делать повсюду, исключая Россию. Толпа книг запрещена у нас, и мы ни за какую цену не можем их получить. <...> наши университеты – это школы, а наши профессора – манекены или святоши, как, например, досточтимый Погодин [историк М.П. Погодин]. И может быть, это даже не их вина. Ведь именно правительство своей медвежьей лапой закрывает им рот и запрещает говорить правду. Наша нынешняя литература не больше и не меньше, как проститутка. Это [Н.А.] Полевой, [Н.В.] Кукольник, которые продают свою Музу и свои стихи за перстни и монаршее благословение. <...> что мы должны читать, какие имена можем мы назвать с тех пор, как умерли Пушкин и Марлинский [А.А. Бестужев]. Какого#нибудь иезуита Кукольника, запойного пьяницу и святошу одновременно? Какого#нибудь Полевого, который торгует своим талантом!? Какого#нибудь [Э.И.] Губера, который философствует, сочиняет стихи, делает переводы и все это ничего не стоит? Какого#нибудь [О.И.] Сенковского, который первоклассный плут и, к тому же, шулер? Какого#нибудь [П.П.] Каменского, который не знает, что говорит и который делает долги ловчее, чем прозу. [Ф.В.] Булгарин, грязный автор, для которого я не найду достаточно мерзкого определения? [Н.И.] Греч, старая перечница? Слава богу, что я далеко от моей родины! В моей стране мне бы пришлось плакать и умереть от ярости, наблюдая непредвзятым взглядом все, что там делается¹¹⁸⁰.

¹¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19. Д. 212. Л. 9 об., 15, 21.

¹¹⁸⁰ Там же. 1#я экспедиция. 1841. Оп. 16. Д. 123. Л. 3–4. (Перевод с франц. – В.И.)

Далее началось расследование. Было установлено, что княгиня А. Кудашева состоит в переписке с братом, студентом Г.А. Токаревым, находящимся в Германии. Княгиня обратилась с письмом к Л.В. Дубельту, прося о снисхождении к двадцатилетнему юноше, освободившемуся за границей от строгого надзора. Видимо, Дубельт сделал надпись: «Надо поберечь юношу, но все#таки вразумить его». В свою очередь, император 4 июля 1841 года повелел вернуть студента в Россию. Требование о возвращении молодого человека канцлер К.В. Нессельроде направил русскому посланнику в Дрездене П.Я. Убри. 6 (18) августа Токарев дал расписку о немедленном выезде на родину, «как только состояние его здоровья это позволит», представив два врачебных свидетельства. 23 марта 1842 года Нессельроде информировал Бенкендорфа о том, что Токареву выдан паспорт на проезд в Москву. 27 марта Николай I в ходе всеподданнейшего доклада распорядился учредить за Токаревым по возвращении его в Россию строгий секретный надзор. Токарев прибыл в Москву 21 мая 1842 года и поселился в доме своей тетки, княгини Е.Г. Бибарсовой, под надзором жандармов.

В последующее время наверх регулярно шли доклады о поведении поднадзорного, который служил в архиве Министерства иностранных дел. 31 августа 1844 года Токарев обратился с просьбой снять с него негласный надзор, ибо «по молодости своей навлек на себя справедливый гнев Правительства, и теперь полиция всюду преследует меня своим надзором». Одновременно к шефу жандармов графу А.Ф. Орлову написала княгиня Бибарсова. Тот наложил резолюцию: «Сделать справку и доложить мне». Канцелярские жернова пришли в движение. Был запрошен московский военный губернатор князь А.Г. Щербатов. 30 сентября того же года начальник 2#го округа Корпуса жандармов генерал-майор С.В. Перфильев доносил Орлову, что Токарев «в настоящее время ведет жизнь против прежнего скромнее», занятия его «закljučаются в литературе; выдавая себя за писателя он издал брошюрку своих стихотворений и переводов под заглавием “опечатки” и, как говорят, пишет какой#то роман». Здесь же были указаны знакомые Токарева, с которыми он в то время встречался. В заключение признавалось, что «в образе мыслей Токарева ничего предосудительного не замечается, и он в суждениях о правительстве весьма осторожен». 9 октября Орлову писал князь Щербатов, ссылаясь на обер-полицмейстера, по словам которого «Токарев поведения хорошего, <...> в образе мыслей его ничего вредного не замечено и... он всегда бывает в обществе хороших людей». В результате 15 октября 1844 года государь согласился с прекращением надзора за Токаревым. Об этом было сообщено генерал-майору С.В. Перфильеву, министру внутренних дел Л.А. Перовскому и княгине Е.Г. Бибарсовой¹¹⁸¹.

Выше я уже рассказывал о том, что с 1805 года был установлен надзор за перепиской членов бывшего грузинского царского дома. К началу 1830#х годов в Петербурге проживали сыновья Ираклия II Юлон и Парнаоз, его внуки Дмитрий и Луарсаб Юлоновичи, а также сыновья Георгия XII Давид, Баграт и Теймураз; в Москве – дети Георгия XII Илья, Михаил, Окропил. В ноябре 1830 года в Тифлисе возникло тайное общество во главе с А. Орбелиани (внуком Ираклия II) и Е. Эристави. Заговорщики вынашивали идею восстановления грузинского царства и поддерживали связь с царевичем Окропилом. Заговор был раскрыт в декабре 1832 года. Военному суду были преданы тринадцать человек, приговор вынесли 10 февраля 1834 года. Он был довольно мягкий: военных разжаловали, перевели в другие части, гражданских лиц выслали в Россию. Впоследствии А. Орбелиани стал генерал-майором, Е. Эристави – полковником и начальником Горийского уезда¹¹⁸². А в 1833 году следствием этих событий стало повеление об усилении надзора. В 1834 году военный министр А.И. Чернышев представил государю список лиц, причастных к заговору. А.Н. Голицыну было дано

¹¹⁸¹ ГАРФ. 1#я экспедиция. 1841. Оп. 16. Д. 123. Л. 1–44.

¹¹⁸² Хачапуридзе Г. Дворянское движение в Грузии в 30#х годах XIX столетия // Вопросы истории. 1950. № 7. С. 45, 49–51, 57.

указание о наблюдении за корреспонденцией этих лиц. Но в данном случае за тринадцать лет не удалось добыть «ни одного, хотя малейшего замечательного политического факта». К тому же приходилось преодолевать существенные неудобства. Дело в том, что в Московском почтамте, через который в основном и шла данная переписка, отсутствовал переводчик с грузинского. Письма пересылались в Петербург, где читались приглашенным чиновником Азиатского департамента МИДа. В результате проходило пять-шесть дней, пока письма возвращались в Москву и выдавались получателям. Все это возбуждало «неудовольствие и подозрение». Поэтому 17 августа 1847 года Николай I согласился с прекращением перлюстрации этих лиц¹¹⁸³.

1 февраля 1842 года Николаю I было доложено о трудах почтмейстера в городе Рени Филатова, который успешно занимался перлюстрацией, выучив болгарский язык. Некоторые из присланных им выписок были представлены императору. В частности, перлюстрация в Рени в начале того же года открыла «заговор с целью восстания болгар против турецкого правительства»¹¹⁸⁴.

5 мая 1848 года В.Ф. Адлерберг писал главе III Отделения и шефу жандармов А.Ф. Орлову, что от виленского почтмейстера прислано письмо на имя жителя города Рахова Минской губернии Ф. Здзяховского. Письмо это из Парижа и написано шифром. По некоторым разобраным местам можно предположить, что адресат «имеет с посылателем письма сношения для вредной цели». Поэтому почтмейстерам в Вильно, Житомире, Новоселицах (на реке Прут), Одессе и господину Блюму (перлюстратору при Киевской почтовой конторе) дано было указание иметь наблюдение за перепиской Здзяховского. В случае пересылки шифрованных писем их следовало отправлять главноуправляющему Почтовым департаментом¹¹⁸⁵. 16 мая того же года поступило сообщение, что в Московском почтамте учреждено наблюдение за перепиской некоего Владислава Высокерского, служащего по ведомству путей сообщения. Перлюстраторам в его письмах многое показалось подозрительным: наличие подробной карты России, рассуждения о польском восстании 1830–1831 годов и предположение о возможности подобного в будущем. Было решено поручить главе ведомства графу П.А. Клейнмихелю «обращать внимание на его [Высокерского] поведение и поступки»¹¹⁸⁶.

Осенью 1848 года, пожалуй, впервые последовало высочайшее распоряжение о наблюдении за перепиской крестьян. Нижегородский военный губернатор князь М.А. Урусов обратился с ходатайством к Адлербергу о просмотре переписки крестьян деревни Осинки Васильского уезда с их поверенным в столице. По утверждению губернатора, эти крестьяне «уклоняются от законной власти» помещика Киреевского и «домогаются... свободного состояния». Их интересы в Петербурге представляли «избранные ими из среды своей поверенные» (возможно, оброчные крестьяне). 31 октября Николай I утвердил предложение Адлерберга сообщать князю Урусову из перлюстрации то, что «относится к предмету, по которому нужно следить за сей корреспонденцией», и делать это каждый раз по высочайшему повелению¹¹⁸⁷.

Подобный случай произошел и в начале 1851 года. Владимирский гражданский губернатор П.М. Донауров сообщил Адлербергу, что крестьяне помещицы Поливановой в

¹¹⁸³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 241. Л. 98–99 об.

¹¹⁸⁴ Там же. Д. 240. Л. 78. Возможно, речь идет об отряде числом около 300 человек, созданном в валашском городе Брэиле в 1842 году для переброски на территорию Болгарии. Отряд был окружен валашскими войсками, разбит, а часть участников заключена в тюрьму (Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 169). Было бы интересно выяснить, как с этими данными поступила российская власть.

¹¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1848. Оп. 23. Д. 213. Л. 24–25.

¹¹⁸⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 242. Л. 30–31 об.

¹¹⁸⁷ Там же. Л. 39–40 об.

Покровском уезде «не признают власти помещицы и домогаются свободного состояния». Их поддерживают «находящиеся в безвестной отлучке крестьяне, вызвавшиеся быть у них ходатаями», которые ведут с ними переписку и якобы «выманивают деньги». Донауров просил разрешить чинам земской полиции осматривать корреспонденцию, чтобы «задержать письма вредного содержания» и представить их губернатору. При докладе императору было решено учредить наблюдение в Московском почтамте и сообщать губернатору нужные сведения¹¹⁸⁸.

Потенциальная опасность виделась и со стороны староверов. При Николае I вновь усилились гонения на них. В конце 1851 года рижский военный, ливонский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор князь А.А. Суворов информировал, что общество рижских раскольников направило в Петербург трех депутатов ходатайствовать об отмене или смягчении стеснительных мер против беспоповцев при производстве девятой народной переписи в 1850 году. Поэтому он просил учредить наблюдение за их перепиской и сообщать ему копии или выписки из писем, обещая сохранять это в тайне. 9 декабря государь повелел данную просьбу исполнить¹¹⁸⁹. В начале 1854 года министр внутренних дел Д.Г. Бибииков сообщил В.Ф. Адлербергу о ссылке семи «главнейших раскольников» под строжайший надзор в Кирилло-Белозерский монастырь, в Полтавский мужской монастырь; в города Вологду, Вятку, Пензу, Петрозаводск; в Харьковскую губернию. Губернаторам было приказано не допускать сношений между ссыльными и их последователями, поэтому министр просил содействия почтовой части в наблюдении за их перепиской. 7 марта 1854 года император утвердил распоряжение Адлерберга местным почтовым чиновникам передавать такие письма губернаторам¹¹⁹⁰.

Рост общественного, и в частности антиправительственного, движения в царствование Александра II вел к увеличению количества перлюстрационных материалов на эту тему. В 1857 году было перехвачено письмо Г. Миклашевского из-за границы, в котором он сообщал отцу о своем намерении привезти на родину различные «вольные» издания и издавать русские книги. III Отделение обратилось за содействием к полиции Саксонии, а при возвращении в Россию Миклашевский-сын был арестован, у него изъяли большое количество запрещенной литературы. В другом письме – чиновника П. Верещинского к книготорговцам И. Зупанскому в Познань и Кроликовскому в Париж – говорилось о способах пересылки запрещенных изданий, обмане таможи. В результате за автором письма был установлен негласный надзор, а таможенному и почтовому ведомствам дали соответствующие распоряжения¹¹⁹¹.

Переписка политических ссыльных, как говорилось выше, была постепенно поставлена под официальный контроль лишь повелениями Александра II: от 26 апреля 1863 года, 2 января 1864#го, 5 февраля 1865#го, 10 июня 1872#го и 30 октября 1878 года¹¹⁹². На деле же перлюстрация такой корреспонденции проводилась и задолго до этого. Так, военный губернатор Петрозаводска и олонекский гражданский губернатор генерал-майор А.А. Философов 25 января 1862 года обратился к губернскому почтмейстеру с просьбой все письма, приходящие на имя ссыльного ксендза Осипа Рушковского, «доставлять ко мне не распечатанными, равным образом и все письма, подаваемые этим ксендзом на почту, не отправлять по адресу, а предварительно доставлять ко мне для осмотра». Губернский почтмейстер в первый момент

¹¹⁸⁸ Там же. Д. 243. Л. 5–6.

¹¹⁸⁹ Там же. Л. 22–22 об. О гонениях на рижских беспоповцев см.: *Лесков Н.С.* О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам. СПб., 1863.

¹¹⁹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 243. Л. 63–63 об.

¹¹⁹¹ *Абакумов О.Ю.* «Самая непроницаемая тайна». С. 12.

¹¹⁹² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 18–18 об., 32–34, 139, 145–145 об., 242; ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 53. Ч. 2. № 58967.

ответил, что, «не имея особенного предписания своего начальства», не может удовлетворить желание его превосходительства. Но уже 3 февраля директор Почтового департамента Н.И. Лаубе сообщил губернскому почтмейстеру, чтобы тот письма на имя Рушковского представлял «начальнику Олонецкой губернии, согласно его требованию»¹¹⁹³.

Через год с небольшим, 27 февраля 1863 года, Лаубе направил губернскому почтмейстеру новое указание в связи с высылкой в Олонецкую губернию ксендзов А. Габшевича (в Повенец), В. Лукашевича (в Пудож) и И. Творовского (в Каргополь). Губернскому почтмейстеру предлагалось секретно предписать уездным почтмейстерам, чтобы они «всю без изъятия приходящую на имена означенных лиц или оными подаваемую корреспонденцию немедленно препровождали... начальнику Олонецкой губернии в особых кувертах, с надписью “в собственные руки”». Тут же подчеркивалось, что распоряжение должно быть хранимо «в непроницаемой тайне». 9 марта оно было распространено также на ксендзов Г. Кульвановского в Лодейном Поле и В. Мосицкого в Олонце¹¹⁹⁴.

Можно привести множество примеров, когда перлюстрация позволяла органам политического розыска проводить удачные операции. 7 февраля 1887 года Александру III доложили о произведенном накануне аресте Алексея Макаревского. Министр внутренних дел указал, что около двух месяцев тому назад было перехвачено письмо Макаревского в Бухарест некоему Барбу-Ганеску. После этого было дано распоряжение о просмотре всех писем из России на адрес Барбу-Ганеску. В результате 5 февраля в ДП доставили письмо А.Н. Макаревского из Екатеринослава, и в ночь на 7 февраля он был задержан на станции Лозовая, где ожидал пассажирского поезда. Резолюция императора гласила: «Весьма удачно»¹¹⁹⁵.

В начале второй главы я уже упоминал, что в докладе министра внутренних дел И.Н. Дурново Николаю II от 5 января 1895 года среди наиболее значительных достижений службы перлюстрации по охране порядка в империи за последние пятнадцать лет упомянуто «открытие в зародыше военного заговора в Киеве». Можно предположить, что здесь имеются в виду события, происходившие в начале 1880#х годов. 30 марта 1881 года жандармами были арестованы братья Евгений, Александр и Владимир Бычковы. Поводом стало перехваченное письмо из Нежина от учителя Пархоменко. Там были сведения о нелегальной литературе, посылавшейся из Киева учителям Нежинского уезда. В это время в Киеве уже был создан кружок офицеров, среди которых работал Евгений Иванович Бычков, окончивший Киевское пехотное училище и служивший прапорщиком в 48#м резервном батальоне. В этой группе состояли подпоручик А.П. Тиханович и дезертировавший из армии И. Левинский. И хотя первоначально братья Бычковы из#за отсутствия серьезных улик отделались лишь высылкой из Киева, тем не менее с декабря 1881 года Киевское ГЖУ начало дознание о революционных кружках в городе. В результате возникло так называемое дело шестидесяти девяти. Для проведения следствия в Киев был направлен известный военный прокурор, генерал-майор В.С. Стрельников¹¹⁹⁶. Интересно, что в конце 1882 года было перлюстрировано письмо с подписью «Александр Печка», адресованное в Одессу Павле Ивановне Воробьевой. Поскольку Воробьева была хорошо известна ДП своей революционной деятельностью и связями с братьями Бычковыми, то на выписке из адресованного ей письма появилась следующая пометка: «Очевидно, Бычка [Бычков], брат скрывшегося Влад. Бычкова [В.И.

¹¹⁹³ НАРК. Ф. 536. Оп. 3. Д. 45. Л. 1–4 об.

¹¹⁹⁴ Там же. Л. 6, 10.

¹¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 8. Л. 3–4.

¹¹⁹⁶ *Бычков А.* Дело о революционных кружках в Киеве в 1879, 1880 и 1881 гг. // *Летопись революции* [Харьков]. 1924. № 2. С. 43–44, 57.

Бычков бежал из Киевской тюрьмы 19 декабря 1882 года]. Не сообщить ли Судейкину [Г.П. Судейкин – инспектор секретной полиции с декабря 1882 года]? 4 января [1883 года]»¹¹⁹⁷.

Все это показывает, что перлюстрация в большинстве подобных случаев была лишь началом розыскной работы. Нередко письменный текст содержал шифр или тайнопись. В подобных случаях письмо поступало к специалистам-криптографам из Департамента полиции. В других случаях был необходим вдумчивый анализ самого текста. Например, 1 февраля 1878 года в Ростове-на-Дону был застрелен заподозренный революционерами в доносительстве Аким Никонов. Следствие установило, что главная вина за это лежит на неких «Иване Петровиче» и «Генрихе Карловиче». Но кто они такие и где находятся, выяснить не удалось. Между тем следствие располагало сведениями, что «Иван Петрович» называл себя слесарем и собирался поступить на завод Фронштейна. Уже после убийства Никонова на этот завод поступило письмо из Киева на имя «Ивана Петровича» со штемпелем от 8 февраля. Письмо было вскрыто и передано в Киев генерал-майору А.С. Павлову, тогдашнему начальнику Киевского ГЖУ, – для установления почерка. Сделать это не удалось, и письмо с другими материалами по делу Никонова поступило в Министерство юстиции. В октябре того же года его передали губернскому прокурору Киева, поскольку было подозрение, что под приметы «Ивана Петровича» подпадает один из разыскиваемых по «чигиринскому делу»¹¹⁹⁸. Прокурор направил бумаги опять в Киевское губернское жандармское управление, начальником которого был уже В.Д. Новицкий.

Один из офицеров при внимательном чтении обратил внимание на фразу в конце письма: «...сестры твои здоровы, у Саша ребенок умер». Из нее можно было сделать вывод, что у «Ивана Петровича» в Киеве есть сестры, что у одной из них, по имени Александра, незадолго до написания письма умер ребенок. Было также отмечено, что автор письма, женщина, находится с убийцей в очень близких отношениях, так как обращается к нему на «ты». Из Киевской консистории были затребованы сведения обо всех детях в городе, умерших в период с 1 января по 8 февраля 1878 года. Сведения поступили на 164 ребенка. Далее были выделены данные о матерях по имени Александра, а из числа последних – на тех, кто имеет братьев и сестер.

В результате следствие установило, что у незамужней дворянки Александры Ивичевич сын Евгений умер 31 января и был погребен 1 февраля 1878 года. Что у этой женщины есть родная и двоюродная сестры и два брата, Иван и Игнат. Из них Иван именовался слесарем. Дальнейшим розыском было обнаружено, что Иван Ивичевич ездил в Ростов в период убийства А. Никонова; что он состоит в любовной связи с некой Евгенией Калиновской. Письмо же было подписано буквой «Е». Далее был добыт почерк Калиновской, проведена графологическая экспертиза, признавшая его тождество с почерком автора письма на имя «Ивана Петровича». Выяснилось, что под именем «Генриха Карловича» скрывался прусский подданный Людвиг Брантнер.

Оба они, вместе с Игнатом Ивичевичем, были обнаружены в Киеве на квартире Ивана на Жилианской улице при аресте подпольной типографии 11 февраля 1879 года. Все трое оказали вооруженное сопротивление. Иван и Игнат Ивичевичи были тяжело ранены и умерли в больнице. Людвиг Брантнер также был ранен, вылечен и повешен 14 мая 1879 года в Киеве¹¹⁹⁹.

По воспоминаниям начальника Киевского губернского жандармского управления генерал-майора В.Д. Новицкого, именно перлюстрация помогла узнать о существовании пар-

¹¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 65. Д. 1. Л. 30.

¹¹⁹⁸ «Чигиринское дело» – попытка группы революционных народников (Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча, И.В. Бохановского) поднять крестьянское восстание в 1877 году в Чигиринском уезде Киевской губернии.

¹¹⁹⁹ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. С. 90–92, 215.

тии «Пролетариат»¹²⁰⁰. В августе 1883 года в Киеве был арестован разыскиваемый по делу «Народной воли» наборщик Александр Никвист, проживавший под фамилией Нейпах. На почте была задержана корреспонденция на его имя. В ней оказалось «письмо крайне подозрительного содержания из Варшавы, в котором неизвестный автор просил адресовать письма в Варшаву на имя Леонтии Каминской». Новицкий телеграфировал начальнику Варшавского ГЖУ графу П.И. Кутайсову, прося задержать «личность, которая будет получать письма» на это имя. В результате 19 сентября 1883 года на варшавской почте была задержана классная дама Варшавского Александро-Мариинского института Александра Ентыс (по мужу Булгакова), одна из виднейших членов партии «Пролетариат». При личном обыске и обыске в ее квартире были найдены «важная переписка» и другие материалы, позволившие нанести серьезный удар по организации. Был арестован лидер «Пролетариата» Л. Варыньский. Три члена партии, П.В. Бардовский, М. Оссовский и Я. Петрусинский, по обвинению в убийстве провокаторов были приговорены Варшавским военно-окружным судом 20 декабря 1885 года к смертной казни и повешены 16 января 1886 года¹²⁰¹.

В последующие несколько лет перлюстрация принесла службам политического розыска новые успехи в борьбе с «крамолой». В марте 1885 года в Харькове было задержано зашифрованное и написанное химическими чернилами письмо из Москвы на фиктивное имя студента Наумова. При расследовании выяснилось, что автор письма – бывший студент Санкт-Петербургского университета С.А. Лисянский. При аресте его в ночь на 2 мая он убил околоточного надзирателя и ранил жандарма. На квартире Лисянского обнаружили подпольную литературу, бомбы, оружие. Выяснилось, что задержанный – один из организаторов харьковской группы «Народной воли». По решению военно-окружного суда Лисянский был повешен 20 июня 1885 года¹²⁰². В том же месяце киевские цензоры задержали письмо из Парижа на имя Анны Дмитриевой. Оно было писано химическими чернилами и частично – шифром. Удалось установить, что таким почерком велась переписка эмигранта Л.А. Тихомирова, одного из тогдашних руководителей «Народной воли», с Г.А. Лопатиным и «другими выдающимися деятелями преступного сообщества». Расследование показало, что письмо предназначалось А.Д. Похитоновой. Дмитриева, Похитонова и другие революционеры были арестованы¹²⁰³.

Самым известным событием и наибольшей гордостью службы перлюстрации в этом плане стало дело так называемой группы А.И. Ульянова в 1887 году. В начале второй главы я уже отмечал, что об этом говорилось в докладе министра внутренних дел И.Н. Дурново Николаю II в январе 1895 года. Письмо неизвестного в Харьков своему товарищу, студенту Ивану Никитину, от 20 января 1887 года было перлюстрировано младшим цензором Санкт-Петербургского почтамта Г.Н. Люби. В письме, в частности, говорилось:

Возможна ли у нас социал-демократия, как в Германии? Я думаю, что невозможна; что у нас возможно – это самый беспощадный террор, и я твердо верю, что он будет и даже не в продолжительном будущем; верю, что теперешнее затишье – затишье перед бурей. Исчислять достоинства и преимущества красного террора не буду, ибо не кончу до окончания века, так как он мой конек, а отсюда, вероятно, выходит и моя ненависть к социал-демократам. 10#го числа [1887 года] из Е-а [Екатеринодара] получена

¹²⁰⁰ «Пролетариат» – польская рабочая партия. Была основана в 1882 году Л. Варыньским (1856–1889; умер в Шлиссельбургской крепости).

¹²⁰¹ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. С. 35–36, 200; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях по делам о государственных преступлениях с 1 июля 1883 года по 1 января 1884 года. СПб., 1884. С. 55.

¹²⁰² Обзор важнейших дознаний... с 1 января 1885 года по 1 января 1886 года. СПб., 1886. С. 18, 22–23.

¹²⁰³ Там же. С. 66–67.

телеграмма, из коей видно, что там кого#то взяли на казенное содержание, но кого – неизвестно, и это нас довольно сильно беспокоит, т. е. меня, ибо я вел деятельную переписку с Е-мь [Екатеринодаром] и поэтому беспокоюсь [так в тексте документа] за моего адресата, ибо если он тово [так в тексте документа], то и меня могут тоже тово, а это нежелательно, ибо поволоку за собой много народа очень дельного. P.S. Спроси у С. [С. – по мнению А.С. Полякова, возможно, Михаил Ставраки], что он сделал с теми деньгами, которые он собирал «для бедного...» по листику, полученному им от меня в Е-е [Екатеринодаре]?

Последующее расследование установило, что 10 января бывший студент Санкт-Петербургского университета М. Фридман, высланный из столицы за участие 17 ноября 1886 года в демонстрации на Волковом кладбище в память Н.А. Добролюбова, прислал студенту Ф.И. Мееровичу телеграмму: «Скажите Куюнтову. Сын умер. Митя». Это было условное извещение об аресте С.Г. Жилинского, связанного с московскими кружками. Меерович передал телеграмму сыну полицмейстера города Ейска, студенту Н.А. Рудевичу, еще в гимназии имевшему кличку *Sujunt'a* (Который). Последний сообщил содержание телеграммы студенту физико-математического факультета П.И. Андреюшкину, с которым Меерович и Рудевич учились в Кубанской войсковой гимназии.

Никитин был арестован лишь 26 февраля. Видимо, до этого за ним велось наблюдение. Он назвал автора письма – студента Санкт-Петербургского университета П.И. Андреюшкина. 27 февраля эти сведения были переданы из Харькова в Петербург. Уже 28 февраля за Андреюшкиным и его товарищами было немедленно установлено постоянное наблюдение. В этот день он с пятью другими лицами ходил с двенадцати до семнадцати часов по Невскому проспекту. На следующий день, 1 марта 1887 года, те же лица были вновь замечены около одиннадцати часов утра на Невском проспекте. Приняли решение об их аресте. Были задержаны «метальщики» – три человека с бомбами, собиравшиеся в этот день совершить покушение на Александра III. В результате было арестовано большинство членов группы.

В ходе следствия выяснилось, что Андреюшкин был вообще крайне неосторожен в переписке. Он поддерживал связь с корреспондентами в Казани и Харькове. Нередко писал в Екатеринодар народной учительнице Анне Сердюковой, иногда химическими чернилами. В одном из январских писем 1887 года сообщал ей, что вступил в партию «Народной воли», хотя предполагал, что за его корреспонденцией, по крайней мере за некоторой, смотрят. 14 февраля он послал ей письмо, в котором якобы просил ее руки и требовал немедленного ответа. Но химический текст гласил: «Должно быть покушение на жизнь государя; я в числе участников, которые будут бросать бомбы; смотрите не влопайтесь, не пишите даже о своем согласии на предложение»¹²⁰⁴. Особым присутствием Сената пять человек – П.И. Андреюшкин, В.Д. Генералов, В.С. Осипанов, А.И. Ульянов, П.Я. Шевырев – были приговорены к смертной казни и 8 мая 1887 года повешены во дворе Шлиссельбургской крепости.

Вообще любой намек в перлюстрированной корреспонденции на возможность террористического акта вызывал особое внимание на самом высоком уровне. 20 апреля 1893 года министр внутренних дел И.Н. Дурново доложил Александру III, что в феврале была снята копия письма из Петербурга (без подписи) студенту Казанского университета Анисимову с просьбой выслать сильнодействующий яд. Из следующих писем того же автора стало известно о ведении им дневника и совершении подозрительных прогулок по набережной

¹²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 9. Л. 1–1 об., 187; Обзор важнейших дознаний... с 1 января 1887 года по 1 января 1888 года. СПб., 1888. С. 13–14, 24, 26; Поляков А.С. Второе 1 марта (Покушение на императора Александра III в 1887 г.) // Голос минувшего. 1918. № 10–12. С. 268; Мелехин В.В. Кубанский народоволец Пахомий Иванович Андреюшкин // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 139–140.

реки Фонтанки от Аничкова моста и Аничкова дворца. Было выяснено, что автор писем – некий Михайлов, новобранец 4#й роты 13#го флотского экипажа, из крестьян Самарской губернии. 15 апреля у него провели обыск, изъяли дневник и переписку. Сделали распоряжение об обыске в Казани у Анисимова. Но подозрения в подготовке теракта в этом случае не подтвердились¹²⁰⁵.

Нарастающий размах оппозиционных и революционных движений с конца XIX века сказался и на объеме перлюстрации, связанной с данной темой. Конечно, сама по себе перлюстрация не могла решить все задачи политического розыска, но имела важное значение. Размышляя об этом, директор ДП П.Н. Дурново 11 февраля 1890 года докладывал министру внутренних дел: «Переписка революционеров по известным нам адресам даст, конечно, немало материала для розыскной деятельности, но, к сожалению, вся внутренняя жизнь революционеров не может быть в точности освещена только одной перлюстрацией. <...> Письменные сношения с эмигрантами завязываются туго и развиваются последовательно только в моменты крайней необходимости». Но тут же и добавлял: «[В.Л.] Бурцев, [И.Н.] Кашинцев и [Ю.] Раппопорт приступают сообща к составлению письма к Петербургской центральной группе, и содержание его будет нам известно, так как оно, вероятно, будет отправлено по известному нам адресу». А уже 12 февраля Дурново сообщал: «Имею честь доложить <...> вчера 11 февраля мне доставили с почты письмо [Ю.] Раппопорта к г. Коршу»¹²⁰⁶. Таким образом, осведомление и перлюстрация в их взаимосвязи давали возможность бороться с антиправительственными организациями.

В 1892 году перлюстрация помогла установить причастность к народовольческому движению бывшего студента М.П. Иолшина. Его арест 1 октября 1892 года вызвал естественное волнение в московском кружке. Член кружка Л. Авраамов написал в Казань Егорову, для «Максими́ча»: «В виду захвата у Иолшина рекомендательных писем адресуйте: квартира Некрасова, Волкову для А-ва [Авраамова]». Н.К. Муравьев сообщил О. Кирьяновой в Казань, чтобы писали ему на имя «В. Барабошкина». Вся эта корреспонденция прошла через «черный кабинет», увеличив списки Департамента полиции. В это же время путем перлюстрации были выявлены сношения с московским кружком студента Лесного института Н.П. Сивохина и установлен один из первых организаторов марксистских кружков М.И. Бруснев, арестованный 26 апреля 1892 года¹²⁰⁷.

В декабре 1892 года ДП обратил внимание на Н.М. Величкина, студента Московского университета. Далее была организована перлюстрация переписки его самого и его родных, сестер Веры и Клавдии. В результате 3 октября 1894 года Вера, приехавшая из Цюриха, была арестована на вокзале. Обыск, проведенный на следующий день в доме Величкиных, дал достаточно богатый «улов» нелегальной литературы. Последовали аресты Николая, Клавдии и других причастных к этому делу¹²⁰⁸.

Осенью 1892 года ДП установил перлюстративное наблюдение за бывшим московским студентом И. Окуlichem, поселившимся в Цюрихе. 18 декабря 1892 года студент из Петербурга П. Федулов отправил письмо И. Окуличу, в котором сообщал, что «в первых числах января будет в Москве съезд представителей кружков и землячеств», и упоминал ряд фамилий. В процессе дальнейшей разработки были установлены дата проведения съезда (7 января 1893 года), его цели и состав¹²⁰⁹. В 1894 году началась перлюстрация переписки московского

¹²⁰⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 12. Л. 42–43.

¹²⁰⁶ Там же. Оп. 316. 1915. Д. 363. Ч. 1. Л. 3, 7.

¹²⁰⁷ *Меньщиков Л.П.* Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. 1885–1898. Ч. 1. М., 1925. С. 139–140, 161.

¹²⁰⁸ Там же. С. 208.

¹²⁰⁹ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков: 1880–1904 гг. М., 2010. С. 102–104.

марксиста С.И. Мицкевича, 25 января было перехвачено письмо к нему весьма конспиративного содержания с просьбой уничтожить после прочтения. Был установлен круг его знакомых. Конечным результатом стал арест Мицкевича и его товарищей¹²¹⁰.

С перлюстрации началось в конце 1894 года дело московского кружка И.С. Распутина, в котором обсуждалась возможность покушения на Николая II во время будущей коронации в Москве. Один из членов кружка, А.Ф. Филатов, писал в Тобольск В.А. Ордынскому: «Какое мы переживаем время! Всюду жизнь, всюду движение, в воздухе носится тревога, чувствуется приближение бури... Интеллигенция готова, народ поддержит ее, недостает только руководителя, героя, но он явится, мы его создадим». В кружок была внедрена агент З.Ф. Гернгросс-Жученко, и в ночь на 4 мая 1895 года кружок был ликвидирован. И.С. Распутин получил пять лет тюремного заключения и десять лет ссылки¹²¹¹.

Перлюстрация давала сведения о национальных движениях в империи. Например, в перехваченном письме от А. Абрамьянца из Москвы М. Тер-Исабяну в Тавриз (Тебриз), датированном 18 мая 1895 года, говорилось о необходимости закупки 545 ружей и тридцати двух берданок¹²¹².

Перлюстрация сыграла значительную роль в борьбе со студенческим движением в 1890#е годы. Студенты достаточно откровенно писали друг другу об организации землячеств, о предполагаемых действиях, называли фамилии активных участников движения. Попытки конспиративной переписки были достаточно наивными. Например, студент Московского университета С.Ф. Дмитриев писал 22 сентября 1895 года брату Николаю в Петербург: «Ныне иду к Анциферову... или, вернее, к его товарищу Сорокину. У них собираются студенты и разбирают, что полезно для народного чтения; летом распространяют среди мужиков книги, ведут с ними беседы, объясняют непонятное для них». А.А. Богданов из Москвы 20 сентября 1895 года сообщал в Казань Л.Н. Ромодину: «Кузнецкий и я поступили в оренбургское землячество... я тебе пишу в пределах возможности. Советую и тебе делать то же, ибо по некоторым причинам приходится остерегаться». Студент М.И. Латти 5 ноября 1896 года писал в Рыбинск Н.Н. Дильдежко: «Сообщи тебе секретную университетскую новость, которую ты, думаю, будешь держать в тайне. У нас в Москве <...> вспыхнут в скором времени студенческие беспорядки, как протест против всего реакционного направления политики Николая II»¹²¹³.

О том, какую информацию ДП получал из перлюстрированных писем, говорит следующий пример. 5 ноября 1898 года он переслал Московскому охранному отделению копию письма Б.С. Переса из Орла брату Леониду в Москву:

Во-первых, зайди к Анне Мороз. Ей надо сказать, чтобы она немедленно передала Бланкам, что охр. [анное] отделение интересуется их квартирой... Зубатов, допрашивая Евгению Гурвич, упомянул о них. Затем надо разыскать зубного врача Ревекку Лурье. Надо зайти к ней и узнать, где живет Закс, или Закс-Иевль, или в роде того... Заку надо передать, что у Евгении Гурвич взята расписка на его имя и что она на допросе покажет, что послала ему английский словарь, но сама с ним не знакома... Затем сходи в Технич. [еское] училище и вызови студента Пронина и передай ему записку. Затем сходи на коллективные курсы, вызови Элли Германовну Гамбургер, или Марию Сергеевну Карасеву, или младшую Карпузи, или сходи к Анне

¹²¹⁰ *Меньщиков Л.П.* Охрана и революция. Ч. 1. С. 264–272. С.И. Мицкевич – член РСДРП с 1893 года, организатор советского здравоохранения, директор Музея Ленина в 1924–1934 годах.

¹²¹¹ *Меньщиков Л.П.* Охрана и революция. Ч. 1. С. 247.

¹²¹² Там же. С. 191.

¹²¹³ Там же. С. 322–323, 330.

Петровне Воскресенской и передай ей мою записку... Когда исполнишь все поручения, письмо сожги.

К письму были приложены две записки. Первая – студенту Пронину:

Я сидел в Таганке [в Таганской тюрьме] рядом с Александром Алексеевичем [Ванновским] <...> обращаюсь к Вам с просьбой. Только что вышедшая оттуда сестра моя слышала про рабочего, у которого нет ни денег, ни книг: его псевдоним «Хаим» [В. Хан], у него была конспиративная квартира. <...> Если у Вас есть возможность устроить доставку книг и денег этому рабочему, то займитесь этим поскорее, если нет, то займемся сами. Напишите нам его имя (и т. д.) по адресу: Орел, мастерская картин для волшебного фонаря, Перес. Сестру мою зовут Лидия Платоновна Семенова, а меня Борис Самуйлович Перес. На конверте имен этих не пишете... со Львом Яковлевичем [Карповым] говорил до дня освобождения 15#го сентября. Следовало бы устроить что#нибудь для Константина Константиновича Солодухо; он сидит [в тюрьме] без денег, без книг, без белья, больной, с ревматизмом.

Вторая записка – А.П. Воскресенской, написанная Л.П. Семеновой:

Я уже четыре дня на воле. <...> Знаю, что Вы служите и потому сами никаких поручений исполнить не можете; обратитесь за исполнением их к Элле Гамбургер или к Марии Карасевой. <...> В Москве сидит Мария Кузьминишна Белевская. Не знает в Москве ни души и сидит уже три месяца без книг. <...> У нее может и денег нет... Скажите... [Гамбургер], что записку, которую она дала мне в день ареста, не взяли, так как я переделалась.

Сотрудник Московского охранного отделения и Департамента полиции в 1887–1907 годах, а затем известный разоблачитель агентуры ДП Л.П. Меньщиков так комментировал этот текст: «Письма, подобные выше приведенным, являлись находкой для охраны: лучше иных откровенных показаний они вскрывали связи, взаимоотношения и роль деятелей революционного подполья. Перлюстрация давала иногда не менее, чем провокация»¹²¹⁴.

Далеко не всегда спасали положение и шифрованные тексты. Постоянный перлюстрационный контроль велся за перепиской редакции «Искры» и ее агентов. В середине 1901 года в Россию прибыли С.В. Андропов и В.П. Ногин. Сначала в ДП было установлено местонахождение Андропова, поскольку конспиративные письма шли на адрес его сестры, и он был арестован. Ногин приехал в Петербург 2 сентября 1901 года. На следующий день он отправил шифрованное письмо в Мюнхен за подписью «Яблочков». 5 сентября письмо было расшифровано в ОО ДП. Последующая переписка также контролировалась. 2 октября «Яблочков» (Ногин) был арестован. С октября 1901 года перлюстрировалась переписка секретаря редакции «Искры» Н.К. Крупской с К.И. Захаровой в Одессе, куда должны были приходить транспорты искровских изданий. 1 декабря в Одессе прошли многочисленные аресты. В середине декабря 1901 года было перлюстрировано пришедшее в Киев письмо С.Н. Афанасьевой, предназначавшееся для представительницы «Искры» И.Г. Смидович. Результатом последующего розыска стал арест в Киеве в ночь с 8#го на 9 февраля 1902 года около 200

¹²¹⁴ Меньщиков Л.П. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. 1898–1903. Ч. 2. Вып. I. М., 1928. С. 79–80. Ванновский А.А. (1874–1967) – подпоручик, с 1896 года студент Императорского Московского технического училища (ныне – МГТУ им. Н.Э. Баумана), делегат I съезда РСДРП (1898); в 1912 году принял христианство, вышел из РСДРП; с 1919 года находился в Японии; философ, шекспировед. Гамбургер (Розанова) Э.Г. – с конца 1890#х годов жила в Смоленске, поддерживала связь с редакцией «Искры». Карпов Л.Я. – член РСДРП с 1898 года, член ЦК (1904–1905); организатор химической промышленности.

человек. В декабре 1901 года было перлюстрировано письмо Л.Н. Радченко к В.Н. Крохмалю в Киев. В итоге ДП и жандармы раскрыли нелегальную типографию в Кишиневе¹²¹⁵.

Ярким примером того, как перлюстрированное письмо помогло ДП нанести серьезный удар по нелегальным организациям социал-демократов, является история, разыгравшаяся весной 1902 года. В 1901 году в Самаре после окончания ссылки поселились друзья В.И. Ленина Г.М. и З.П. Кржижановские, которые организовали в этом городе искровский центр. В конце января 1902 года здесь состоялось совещание искровцев. Главным организатором выступал Г.М. Кржижановский, поэтому переписка между Самарой и Мюнхеном (редакцией «Искры») шла весьма активно. Письма З.П. Кржижановской в редакцию «Искры» от 30 января и 14 февраля того же года были перлюстрированы¹²¹⁶. Естественно, что переписка была взята под особое наблюдение. В марте было перлюстрировано письмо некоей «Кати» (Н.К. Крупской, секретаря редакции газеты «Искра») из Мюнхена некоему «Грызунову» (Г.М. Кржижановскому) по адресу: Ивану Ефремовичу Рябову, Самара, Молоканский сад, дача № 4, отправленное 21 (8) марта. Весной 1902 года жандармы еще не знали, кто скрывается под именем «Катя» и под фамилией «Грызунов».

Приведем послание искровского центра полностью (первый абзац показывает, как выглядело письмо реально; во всем тексте курсивом выделен результат расшифровки):

Сегодня получили ваше письмо от 24 февраля. Последнее письмо послано вам было 4 марта (19 февраля), известите поскорее, получили ли его? Письмо было очень важное. Там мы просили, между прочим, писать в книгах и отправлять их прямо 2.8 4.2 2.12 8.3 1.14 7.6 4.1 3.13 *на Лемана*. Не писали вам после 4 марта, потому что не имели адреса. Письмо о 1½ 5.1 3.16 8.1 6.3 *п[удах] лит[ературы]* получили, но сейчас не можем исполнить просьбы благодаря повальным арестам. У нас арестованы чуть не все прежние люди: Грач, Лейбович, Красавец, Лошадь (2.1 1.11 7.1 10.5 2.17 3.15 9.2 3.30) *(кавказец)*, Дементьев (6.3 14.7 3.25 16.1 12.1 18.3 20.2 8.4 2.6 9.2 6.19) *(транспортёр)* – и потому все функции в расстройстве. Приходится спасать остатки. Подробности изложу в конце письма, а теперь о Саше (1.17 4.4 7.2 14.5 1.1) *(съезд[е])*.

Мы получили письмо от Николая Петровича *(Пет[ербургского] комит[ета])* с просьбой познакомиться с Сашей. *Делегатом от Лиги поехал Гурвич* (Имярек), который прежде всего повидается с Бродягой и сообщит ему все подробности теперешнего положения дел и все связи. Имярек *остается в России нелегальным*.

Кто из вас познакомится с Сашей *(поедет на съезд[е] и т. д.)*, познакомятся ли с ним Бродяга, Грызунов, Курц? Кстати, кто такой Эмбрион? Напишите, как можно подробнее все о Саше. Знакомство с Сашей устроено благодаря стараниям Николая Петровича и Бори *(Бунда)*, момент выбран крайне неудобный во всех отношениях, после разгрома,

¹²¹⁵ Синельников А.В. Шифры и революционеры России // Politazbuka.ru/biblioteka/115#texts/541#sinelnikov-a-v-shifry-i-revolucionery-rossii.html. Андропов С.В. – член РСДРП с 1895 года, агент «Искры», вел революционную работу до 1911 года, экстерном сдал курс физико-математического факультета Петербургского университета. Захарова К.И. – член РСДРП с 1896 года, агент газеты «Искра», с 1903 года меньшевичка, расстреляна 13 июня 1938 года. Крохмаль В.Н. – член РСДРП с 1897 года, меньшевик, член ЦК РСДРП в 1904–1907 годах. Ногин В.П. – социал-демократ с 1897 года, профессиональный революционер, умеренный большевик, советский государственный деятель, философ-марксист. Радченко Л.Н. – член РСДРП с 1895 года, жена С.И. Радченко, меньшевичка. Сидович И.Г. – член РСДРП с 1895 года, секретарь редакции «Искры» до апреля 1901#го, агент «Искры» в России, меньшевичка.

¹²¹⁶ Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России: Сб. документов (1900–1903 гг.). Т. 1. М.: Мысль, 1969. С. 425–426, 435–436.

когда еще не вышла брошюра¹²¹⁷. Момент крайне неудобный, но и Николай Петрович и Боря это прекрасно понимают, но они точно так же понимают и то, что, чем дальше, тем невыгоднее будет становиться их позиция и выгоднее наша. Настроены они к нам очень враждебно, вы не знаете всех их козней. Знакомый Роберта («Раб[очего] Дела») настроил *комитеты* против нас, специально предпринимая для этого объезд. Николай Петрович и Боря большие друзья Роберта. Очень вероятно, что знакомство с Сашей поведет к расколу. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы свои люди как можно лучше сталкивались между собой. Поэтому было бы чрезвычайно важно, чтобы Грызунов, например, повидался до знакомства с Сашей с Семеном Семеновичем (*Сев[ерным] Союзом*), ибо он хотя и расположен к нам, но для того, чтобы он решился действовать решительно, надо с ним еще хорошенько столкнуться. Пусть Грызунов съездит к нему, адрес – *Воронеж, Садовая ул., собств[енный] дом, Софь[я] Александр[овна] (Мартынова)*. У этого лица попросить вызвать кого#либо из американцев, лучше всего *Любимова*, его можно также найти в губернской земской управе, где он служит. Еще раз адрес: *Садовая, собственный дом, Софь[я] Александр[овна] Мартынова*. Пароль к американцам: «Есть у вас “Воскресенье” Толстого?» Ответ: «Нет, но есть “Дурные пастыри” Мирбо». Таким путем доберетесь до Семена Семеновича.

Деньги не высылайте, у нас сейчас достаточно, употребляйте на что нужно.

Из *Ниж[него]* имели очень подробное письмо. Да, там дела, видимо, обстоят хорошо.

Где Глатт? Имеете ли от нее известия? Цела ли? Отчего упорно молчит?

Теперь о положении дел. Главный путь, которым заведовал Дементьев и который мог провозить по 8–10 пудов в месяц и работал очень регулярно, цел (получено известие), цел и человек, ведущий сношения с контрабандистами, и с ним есть отношения, но благодаря аресту Дементьева некуда *посыл[ать] квитан[ции]*, некому отвозить их и принимать товар. Это все надо наладить. Уцелел еще Аркадий (*брат Директора*), человек он опытный, очень преданный, толковый и ловкий, ему, мы думаем, надо предоставить главным образом заведование транспортом, но одному ему, конечно, не справиться, нужны помощники, и чета, о которой вы писали, очень пригодится. Необходимо, чтобы организовалась целая транспортная группа, которая заведовала бы всеми путями и распределяла литературу. Пока она не возьмет все дело в свои руки, дело не пойдет. Аркадий виделся с Бродягой, и они сговорились, по#видимому. Мы связали Аркадия с наследником Дементьева и просили съездить к нему переговорить. С нашей стороны посылка будет теперь идти правильно, и, когда будут найдены адреса, помощники и проч., путь начнет опять функционировать.

Другой путь – через *Вильно* – также не функционирует, с контрабандистом у нас связи есть, но вся суть тут в организации приемки товара, – в тех местах очень скверные полицейские условия и нужен очень опытный и осторожный человек.

Аркадий осведомлен также и об этом пути.

¹²¹⁷ В тексте пометка ДП: «Только что вышла теперь». Речь идет о брошюре В.И. Ленина «Что делать?».

Затем третий путь – *морем через Батум*. Он долго не мог наладиться с нашей стороны, теперь дело, по#видимому, пошло бы, если не пропажа Лошади. Благодаря этой пропаже путь порвался. Впрочем, вероятно, удастся списаться, но придется и туда послать своего человека, который бы вел сношения, передавал деньги, принимал товар.

У Бродяги и Аркадия существует проект использовать летом Арханг[ельск], но это пока проект. Вот и все.

Живем пока *чемоданами с новинками* (между прочим вышла брошюра Тяпкина «Что делать?», тоже новинка). Вам доставит Сем[ен] Сем[енович], ему послано *два, один из них* для Вас. У Бродяги тоже будут новинки. Теперь *много оказий*.

Аким цел. В прошлом письме мы связали его с Вами, но положение его очень шаткое, страшная слезка; от него давно нет писем. Работает он прекрасно и специалист своего дела, его надо всячески поддерживать. Что касается предприятия в *Пожарске*, то, не зная подробностей, не беремся советовать. Лучше всего обсудите дело с Акимом, который даст всяческие советы. *Машины* доставить не беремся, из вышеизложенного вам понятно почему.

Лошадиное предприятие уцелело, но Лошадь погибла, и потому сношения надо еще наладить. Подробнее об этом предприятии в следующем письме.

Дайте **непрерывно** еще один запасной адрес для писем, писать часто на один и тот же адрес крайне неудобно. Нумеруйте свои письма, чтобы знать, что все получено. Я буду делать то же. Это письмо № 1. Горячий привет всем¹²¹⁸.

Текст такого огромного письма, конечно, требует комментариев. Прежде всего расшифруем псевдонимы. Аким (Л.И. Гольдман) – в революционном движении с 1893 года, организатор типографии «Искры» в Кишиневе, арестован 9 марта 1902 года. «Американцы» – прозвище группы социал-демократов, живших в Воронеже. Аркадий (И.И. Радченко) – один из главных распространителей «Искры» в России. Бродяга (М.А. Сильвин) – агент «Искры», арестован в 1902 году. Глатт (Г.И. Окулова-Теодорович) – агент «Искры», арестована в 1902 году в Москве. Грач (Н.Э. Бауман) – участник революционного движения с 1890#х годов, арестован в феврале 1902 года. Грызунов – Г.М. Кржижановский. Гурвич (Ф.И. Дан) – агент «Искры», участник конференции в Белостоке по подготовке II съезда РСДРП. Дементьев (И.Б. Басовский) – один из организаторов нелегальной доставки «Искры» в Россию, арестован в феврале 1902 года. Директор (С.И. Радченко) – арестован в 1902 году. Красавец (В.Н. Крохмаль) – член РСДРП с 1898 года, арестован в Киеве в феврале 1902 года. Курц (Ф.В. Ленгник) – в социал-демократическом движении с 1893 года, агент «Искры», работал в Киеве. Лейбович (Л.Н. Радченко) – агент «Искры». Леман М.Н. – социал-демократ, сотрудник редакции «Искры». Лошадь (кавказец) – в данном случае Л.Е. Гальперин, агент «Искры» в Баку с весны 1901 года, арестован в Киеве в начале 1902 года. Эмбрион (Е.В. Барамзин) – в 1902 году работал в Саратове как агент «Искры».

Комментарии по содержанию письма. Одной из главных проблем была переправка «Искры» в Россию. В конце 1901#го – начале 1902 года жандармы захватили транспорты литературы на германской границе, в Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону; был арестован ряд агентов «Искры»: И.Б. Басовский, Н.Э. Бауман, Л.Е. Гальперин, Л.И. Гольдман, В.Н. Крохмаль, Л.Н. Радченко. К 1902 году за границей существовало несколько социал-демократи-

¹²¹⁸ Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями. Т. 1. С. 446–449.

ческих объединений, имевших свои органы печати: Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») – сторонники создания в партии автономных национальных организаций; «Заграничная лига русской революционной социал-демократии» (газета «Искра») – сторонники так называемого революционного марксизма (В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, Г.В. Плеханов); «Союз русских социал-демократов за границей» (журнал «Рабочее дело», выходящий с 1899 года по февраль 1902#го) – сторонники так называемого экономизма (Е.Д. Кускова, А.С. Мартынов, С.Н. Прокопович). Каждое из этих объединений выступало за созыв II съезда партии (РСДРП), но стремилось обеспечить свое большинство и боролось за привлечение на свою сторону организаций в России. В письме идет речь о намечавшемся съезде, который прошел в Белостоке в марте 1902 года, но объявил себя конференцией и избрал организационный комитет по подготовке съезда. Представителем «Искры» в Белостоке был Ф.И. Дан (Гурвич). В письме также сообщается о выходе в свет брошюры В.И. Ленина «Что делать?» и о плане устроить нелегальную типографию в Нижнем Новгороде (Пожарске). Последняя информация не была раскрыта, и нелегальная типография в Нижнем Новгороде начала работу в апреле 1903 года.

Таким образом, Департамент полиции получил из письма обширную информацию о положении в социал-демократическом движении, но особенно интересным было указание на просьбу связаться с «Северным союзом». Н.К. Крупская датировала свое письмо 21 марта по новому стилю (8 марта). Уже через десять дней (!) оно было полностью расшифровано в Департаменте полиции. Шифром оказалось стихотворение С.Я. Надсона «Друг мой, брат мой...»¹²¹⁹.

18 марта 1902 года начальник Особого отдела ДП Л.А. Ратаев писал помощнику начальника Московского охранного отделения Л.П. Меньшикову в Киев:

М[илостивый] г.[осударь] Леонид Петрович! Поспешаю препроводить Вам для соображений и для самой тщательной разработки копию расшифрованного химического письма с подписью «Катя» (по почерку Апполинария Хворостанская [неверно] ...) по конспиративному адресу Рябова в Самару. Это письмо, если им надлежащим образом воспользоваться, может дать в наши руки всю организацию «Искры». Господин директор [С.Э. Зволянский] признает в высшей степени желательным, дабы Вы приняли на себя трудную и чрезвычайно деликатную задачу самолично поехать в Воронеж и в качестве нелегального заграничного делегата отправиться по указанному адресу и с надлежащей явкой вступить в сношения с американцами и таким путем добраться до «Северного Союза»... Предлогом для явки может послужить хотя бы известие о кончине «Акима», т. е. типографии, или же об аресте [А.А.] Квятковского с компанией.

Сообщая об изложенном, обязываюсь пояснить некоторые псевдонимы: «Грач» – есть очевидно задержанный в Воронежской губернии Николай Эрнстов Бауман, действовавший в Москве еще осенью...; «Дементьев»... есть, по всем данным, Иосиф Басовский; «Лейбович» надо полагать арестованный в Петербурге 8 февраля студент Института гражданских инженеров Лейба Борухов Горенберг [неверно]. Остальные псевдонимы пока не выяснены. Желательно сообразить, кто такие «Красавец» [В.Н. Крохмаль] и «Лошадь» [Л.Е. Гальперин], имея при этом в виду, что, судя по прежним письмам, «Лошадь» была тесно связана с «Акимом» [Л.И. Гольдман]. <...> Сообщая об изложенном, по приказанию

¹²¹⁹ Синельников А.В. Шифры и революционеры России.

г. директора, я вновь убедительно прошу Вас употребить все усилия к надлежащей разработке этого драгоценного письма и к выяснению всех заключающихся в нем данных. Благоволите прилагаемое письмо доложить генералу [В.Д.] Новицкому¹²²⁰.

Меньшиков впоследствии вспоминал:

В 1902 году я, состоя чиновником особых поручений при Московском охранном отделении, получил приказание выяснить «Северный рабочий союз». Пользуясь явками и паролями, добытыми агентурным путем (перлюстрация химической зашифрованной переписки искровцев), я под видом нелегального явился к так называемым «американцам»... в Воронеже, и, получив от них рекомендации, объехал в течение недели города Ярославль, Кострому и Владимир, где имел свидания с социал-демократическими деятелями <...> Результатом моего доклада по начальству была «ликвидация», во время которой было арестовано несколько человек¹²²¹.

Вот как об этом же вспоминала одна из руководителей «Северного рабочего союза» О.А. Варенцова, жившая в Ярославле и встретившаяся с «приезжим товарищем»:

Задав ему несколько вопросов, я убедилась, что он был в Воронеже, виделся там с [А.И.] Любимовым, [Н.Н.] Кардашевым и другими... Приезжий назвал себя Иваном Алексеевичем. Говорил он немного, но его замечания указывали на знакомство с партийными программами и революционными деятелями. <...> Я предложила Ивану Алексеевичу поехать в Иваново-Вознесенск. Он не отказался, но пожелал предварительно познакомиться с костромской и владимирскими организациями... Как раз во время нашей беседы, к несчастью, явился другой товарищ, назвавшийся Владимиром Михайловичем Бронером [Ф.И. Дан (Гурвич)], приехавший в тот же день... Я познакомила его с Иваном Алексеевичем... Бронер... спросил, не встретил ли он в Воронеже «Бродяги» [М.А. Сильвин], к которому Иван Алексеевич проявил не меньший интерес; словом судьба «Бродяги» сблизила их. Началась общая беседа [рассказ Ф.И. Дана о конференции в Белостоке 23–28 марта по подготовке II съезда РСДРП]. [На следующий день Иван Алексеевич еще раз увиделся и поговорил с Ф.И. Даном, который вечером уехал в Москву и был арестован на Ярославском вокзале. Иван Алексеевич поехал в Кострому.] В костромских товарищах Иван Алексеевич не возбудил никаких сомнений, они были с ним вполне откровенны, информируя его подробно о своей работе. Второй раз я встретила с Иваном Алексеевичем во Владимире у [А.С.] Панкратова и [М.А.] Багаева 10 апреля. Я приехала, чтобы вместе с Багаевым обсудить план празднования 1 Мая... Иван Алексеевич совсем не нравился Багаеву...

¹²²⁰ Варенцова О.А. Северный рабочий союз и Северный комитет РСДРП. С. 121–122. Бауман Н.Э. – участник революционного движения с 1890#х годов, был арестован в феврале 1902 года. Гольдман Л.И. (Аким) – участник революционного движения с 1893 года, организатор типографии «Искры» в Кишиневе, был арестован 9 марта 1902 года. Горенберг Л.Б. – в 1903 году окончил Институт гражданских инженеров, автор многих промышленных и жилых зданий в Петербурге и Москве. Квятковский А.А. – участник социал-демократического движения с 1899 года. Кржижановский Г.М. – в революционном движении участвовал с 1891 года, руководитель «искровского центра» в Самаре, инженер, ученый-энергетик, советский государственный деятель. Крохмаль В.Н. – см. выше прим. 167. Крупская Н.К. – жена В.И. Ленина. Новицкий В.Д. – начальник Киевского ГЖУ. Хворостанская А.А. – участница революционного движения с 1884 года.

¹²²¹ Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков. С. 140–141.

Мы решили наблюдать за вновь прибывшим, но не успели еще как следует проверить своих впечатлений, как очутились за решеткой¹²²².

Арестам предшествовала переписка руководителей розыска. 29 марта Меньщиков телеграфировал Л.А. Ратаеву: «В Воронеже решаюсь перед арестами повидаться, согласно желанию г. директора [С.Э. Зволянского], с “американцами”. На результаты особые там не надеюсь <...> Извините, что краток – спешу на вокзал». В свою очередь, Ратаев докладывал 31 марта директору ДП Зволянскому:

Глубокоуважаемый Сергей Эрстович! Вы, конечно, не забыли письмо, в котором указывалось, что для получения хода к «Сев. [ерному] Раб. [очему] Союзу» надо съездить в Воронеж и там разыскать «американцев», которые уже проведут дальше. Л.П. Меньщикову было тогда же предложено, не признает ли он возможным под видом загр. [аничного] делегата проделать всю эту историю и раскрыть таким образом «Сев. [ерный] Союз». Прилагаемая телеграмма доказывает, что свою задачу он выполнил блестяще. Теперь надо кончать начатое... выясненных лиц мы возьмем в апрельскую ликвидацию.

В итоге в ночь на 23 апреля 1902 года были проведены обыски и аресты во Владимире, Воронеже, Костроме, Москве и Ярославле. К дознанию был привлечен пятьдесят один человек: пятнадцать рабочих и тридцать шесть интеллигентов. Была получена подробнейшая информация о внутреннем состоянии социал-демократического движения в России¹²²³.

Но даже после этого разгрома З.П. Кржижановская 7 мая 1902 года в очередном письме в редакцию «Искры», которое также было перлюстрировано и расшифровано, передавая о возможном аресте Ф.И. Дана и М.А. Сильвина, одновременно сообщала новый способ для переписки: «...писать 1 % спиртовым раствором В-нафтола; чистить резинкой. Для проявления растворить немного паранитранилина в разведенной соляной или серной кислоте, прибавить туда несколько капель раствора азотисто-натриевой или азотисто-калиевой соли и тотчас по приготовлении влить эту смесь в большой объем крепкого раствора уксусонатриевой соли»¹²²⁴. В результате новый способ переписки сразу стал известен ДП.

9 января 1905 года заведующий Особым отделом ДП Н.А. Макаров сообщал жандармскому ротмистру Немчинову в Ярославль:

Препровождая совершенно доверительно выписку из полученного агентурным путем письма на имя Т. Павлова, Департамент просит выяснить о деятельности автора, его сношениях. Департамент полиции присовокупляет, что адресат – личность сомнительная, политически неблагонадежная и по сведениям Московского охранного отделения состоял запасным нижним чином 221 [-го] пехотного полка, выбыл за границу... 7 сентября 1904 г.¹²²⁵

В 1910 году помощник начальника Орловского ГЖУ в Брянском уезде ротмистр Д.В. Кумекоев вышел на след группы анархистов-коммунистов, совершивших несколько экспро-

¹²²² *Варенцова О.А.* Северный рабочий союз и Северный комитет РСДРП. С. 52–53. Багаев М.А. (1874–1949) – участник революционного движения с 1893 года. Дан Ф.И. (Гурвич) – в социал-демократическом движении участвовал с 1894 года, впоследствии один из лидеров меньшевиков. Кардашев Н.Н. (1873–1920) – впоследствии большевик. Любимов А.И. (1879–1919) – впоследствии меньшевик. Панкратов А.С. – секретарь губернской земской управы. Сильвин М.А. (1874–1955) – участник революционного движения с 1893 года, с 1901 года был агентом «Искры».

¹²²³ Там же. С. 52–53, 56–58, 124–125; *Синельников А.В.* Шифры и революционеры России.

¹²²⁴ Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями. Т. 1. С. 529–530.

¹²²⁵ *Чудакова М.С.* Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. С. 60.

приаций. Исходной точкой стало перлюстрированное письмо эмигранта Е. Ипатова своей сестре А.М. Ипатовой в Брянск¹²²⁶. Начальник Иркутского ГЖУ полковник М.И. Познанский на основании данных перлюстрации обращался к иркутскому генерал-губернатору 20 ноября 1911 года:

Находящаяся... в с.[еле] Манзурка ссыльнопоселенка Наталья Александровна Александрова поддерживает постоянные предосудительные отношения с политссыльными Киренского и Верхотурского уездов, обнаружен материал, свидетельствующий о выдающейся роли, которую Александрова играла в т.[ак] н.[азываемом] «Временном центральном бюро Киренской уездной организации», имевшей целью сплотить политссыльных на коммунальных началах и дать колониям общую организацию. Испрашиваю разрешения о переводворении Александровой с первым отходящим этапом в одну из отдаленных местностей якутской области¹²²⁷.

Московский градоначальник А.А. Андрианов 2 августа 1911 года направил письмо товарищу министра внутренних дел П.Г. Курлову, в котором просил поощрить младшего цензора В.И. Геркана, которому в значительной мере обязано «возникновением своим и успешным развитием» дело сестер В.А. и О.А. Дилевских. Хотя, по мнению Курлова, «дело оказалось не столь важным», но 18 августа товарищ директора ДП С.Е. Виссарионов сообщил о письме Андрианова А.Д. Фомину и просил принять это во внимание при распределении наградных к Пасхе¹²²⁸.

В июле – августе 1911 года в Вологде проживал после отбытия ссылки в Сольвычегодске И.В. Джугашвили (Сталин), за которым было установлено плотное наружное наблюдение¹²²⁹. Под контроль были взяты и адреса, по которым он мог вести переписку. Так, 24 августа 1911 года в ОО ДП был отмечен адрес: «Вологда. Фруктовый магазин Ишиматова, приказчику Петру Алексею Чижикову [П.А. Чижиков – член РСДРП, доверенное лицо И.В. Сталина]». Пояснялось, что с этим адресом связан «активный деятель социал-демократической партии “Коба” (Иосиф Джугашвили), который намерен стать разъездным агентом ЦК». 6 сентября того же года был зафиксирован адрес «Кобы» для переписки с заграницей (*Lilge, Belgique, Francois Vain Rell Lilleir*) и снова отмечался адрес Чижикова для переписки с «Кобой»¹²³⁰.

Перлюстрация использовалась чинами политических спецслужб и для контроля своих агентов в революционном движении. Например, бывший директор ДП и товарищ министра ВД С.П. Белецкий признавался на допросе в сентябре 1917 года, что «лично просматривал перлюстрированную переписку [Р.В.] Малиновского [члена ЦК РСДРП(б) с 1912 года, депутата IV Государственной думы и агента ДП с 1910 года] и Ленина в целях надзора за первым»¹²³¹.

Однако было бы неверно утверждать, что розыск по перлюстрированным письмам всегда проводился добросовестно. Иногда те, кому он был поручен, отделивались отписками. В

¹²²⁶ Гуларян А.Б. Революционеры и жандармы в российской провинции. На материале Орловской губернии. 1894–1914 гг. Орел: Изд-во ОГАУ, 2011. С. 125.

¹²²⁷ Иванов А.А. Иркутские жандармы // Клио. 2012. № 6. С. 74.

¹²²⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 103–103 об. Речь, судя по всему, идет о деле, результатом которого стал внезапный обыск в пансионате Линде в поселке Мустамяки (станция Горьковская) на территории Великого княжества Финляндского. Там, в частности, находились В.А. Дилевская и боевик К.А. Мячин, успевшие скрыться. В результате обыска было захвачено большое количество информационных материалов. См.: *Нерлер П.* «Слава была в ЦК, Слава была в БО!» Заметки к теме «Мандельштам и революция» // socialist.memo.ru/firstpub/y04/Stanford.htm.

¹²²⁹ См.: *Островский А.В.* Кто стоял за спиной Сталина? М.: Центрполиграф, 2004. С. 328–334.

¹²³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1162. Л. 168, 175.

¹²³¹ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 140.

качестве примера можно привести историю, связанную с перлюстрацией переписки неоднократно упоминаемого на страницах этой книги В.И. Кривоша. 23 июля 1913 года, когда шел розыск автора статей о перлюстрации в газете «Утро России» и одним из подозреваемых был Кривош, в Департамент полиции доставили выписку из перлюстрированного письма от 13 июля. Это было письмо от А.А. Ханьковой из Петербурга В.И. Кривошу на станцию Ирпень, хутор Стоянка Киевской губернии. Александра Александровна, служившая переписчицей бумаг в библиотеке Зимнего дворца, делилась последними новостями. Она писала:

Можете себе представить, Щеглов [В.В. Щеглов – директор библиотеки] взял... какого#то не то немца, не то жида – Гроссмана [так в тексте. Правильно – Э.Ю. Гросман. С 4 июля 1913 года был взят на должность помощника заведующего с испытательным сроком]. Такой он несимпатичный и неприятный человек, подлиза и все время лебезит перед Щегловым. <...> Неужели ваша кандидатура не прошла? Почему вы были расстроены, когда уезжали?¹²³²

Между тем чины Санкт-Петербургского охранного отделения проявили поразительный непрофессионализм, даже не установив, о каком Гроссмани идет речь. В ориентировке, направленной Охранным отделением в Особый отдел Департамента полиции, говорилось, что это, возможно, классный (т. е. получивший определенный чин) художник Александр Григорьевич Гроссман, сорока трех лет, служащий в Академии художеств и более десяти лет живущий в Царском Селе. В заключение отмечалось, что «за выездом его в настоящее время на дачу... точно установить, принят ли Гроссман в данное время на службу в собственную Его Императорского Величества библиотеку не представилось возможным»¹²³³. Думаю, что этот факт не нуждается в комментариях.

Отмечу также, что при нарастающем оппозиционном, антиправительственном движении начала XX века служба перлюстрации была не в состоянии перехватить значительную часть переписки, которой обменивались участники различных кружков, комитетов и партий. Достаточно сказать, что историк В.Н. Степанов выявил 688 конспиративных адресов, которыми пользовались в 1901–1917 годах В.И. Ленин и руководимые им центральные учреждения РСДРП для связи с Московским комитетом РСДРП, Московским окружным комитетом и областным бюро РСДРП, с отдельными партийцами, работавшими в Москве и Московской губернии¹²³⁴. И это только по Москве и Московской губернии и только большевики. А были еще эсеры, меньшевики, анархисты, кадеты и множество других, в том числе национальных, партий и организаций.

3.3. Обнаружение различного рода служебных и экономических злоупотреблений: контрабанда, финансовые нарушения, коррупция, превышение должностных полномочий, нарушение моральных норм; контроль за чиновниками всех уровней

Перлюстрация в эти годы использовалась и в связи с важными уголовными делами, угрожавшими государственным интересам. В частности, это дело братьев Михаила и Сергея Алексеевичей Пушкиных, сыновей А.М. Пушкина, бывшего посланника в Дании и Швеции, архангельского и воронежского губернатора. Михаил был прокурором Коммерц-коллегии, а Сергей – офицером в чине капитана. Сергей уже имел в прошлом неприятности с законом. В

¹²³² Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 46.

¹²³³ Там же. Л. 52–52 об.

¹²³⁴ Степанов В.Н. Адресовано в Москву. М.: Московский рабочий, 1987. С. 27.

1760 году граф И.И. Шувалов направил его во Францию с поручением доставить Ф. Вольтеру 2 тыс. червонцев и материалы для второго тома «Истории Петра Великого», которую писал великий философ. Но молодой офицер, добравшись до Вены, бесследно исчез. Затем он все же появился в Париже, где в 1762 году попал в долговую тюрьму. Разрешение вернуться в Россию он получил благодаря ходатайству своего брата Михаила, игравшего активную роль в перевороте в июне 1762 года и возведении на трон Екатерины II.

В 1772 году братьев заподозрили в попытке наладить производство поддельных ассигнаций. Незадолго до того, 1 января 1769 года, состоялся первый выпуск государственных ассигнаций (бумажных денег) на 1 млн руб. Обменом денег занимались два банка, в Петербурге и в Москве. С.А. Пушкин 24 июля 1771 года выехал через Ригу за рубеж.

В связи с этим Екатерина II писала рижскому генерал-губернатору Ю.Ю. Броуну 6 февраля 1772 года:

Прикажете неприметно примечать на вашей границе, не проявятся ли где пакеты на имя Михаила Пушкина и если таковые будут, то под видом контрабанды велите тех осматривать и если ли найдете чего ни на есть, слух подтверждающее, не мешкая отправьте сей ко мне хотя с нарочитым [нарочным], а до тех пор избегайте огласку. Здесь же уже от меня приказано ординарные обоим братьев письма раскрывать и осматривать¹²³⁵.

В свою очередь генерал-губернатор Броун рапортовал 10 февраля 1772 года о том, что С. Пушкин возвратился около трех дней назад. Сейчас он находится в Риге и требует себе паспорт для проезда в Москву. Губернатор просил указаний на предмет проведения обыска и пропуска подозреваемого в Москву. Относительно перлюстрации он докладывал:

Рижскому же почт-директору приказано от меня, если от него Пушкина между тем какие будут посланы в Москву к брату его Михаилу или пришлются из Москвы к нему Сергею от брата письма, то бы первые не посылая туда, а последние не отдавая ему, приносить ко мне, которые буду открывать и что в оных найду представлю к вашему императорскому величеству; и как уповаю, что таковые беспутные люди... могут иногда письма свои пересылать под другими конвертами, то не соизволите ли, всемилостивейшая государыня, указать получаемые отсюда в Санкт-Петербургском почтамте для пересылки в Москву письма, кои окажутся несколько сумнительны, на то время, пока реченный Пушкин здесь в Риге пробудет, открывать почт-директору Эку.

По получении донесения Броуна Екатерина II приказала провести обыск С. Пушкина, его вещей, кареты, его людей под видом поиска контрабанды. При обыске у Сергея Пушкина были найдены инструменты для изготовления денег: ассигнационные штемпели и литеры. Таможенный надсмотрщик П. Янсон получил за это в награду 500 руб. Вслед за тем было перехвачено письмо Сергея из-под ареста брату в Москву. В конечном счете в октябре 1772 года Сергей был осужден на вечное заточение и, по преданию, умер в Соловецком монастыре. Его брата Михаила сослали в Сибирь, в Тобольск, куда к нему приехала жена Наталья Абрамовна, урожденная княжна Волконская. Михаил умер в Тобольске в 1785 году¹²³⁶.

Другой случай использования перлюстрации для выявления фальшивых денег относится к 1812–1813 годам. Как известно, по распоряжению Наполеона Бонапарта было изго-

¹²³⁵ Выписки из архива канцелярии Прибалтийского генерал-губернатора. С. 453–454.

¹²³⁶ Выписки из архива канцелярии Прибалтийского генерал-губернатора. С. 454–455, 457; *Модзалевский Б.Л.* Род Пушкина // Пушкин / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 2; Письма государыни императрицы Екатерины II к князю Михаилу Никитичу Волконскому // Осмнадцатый век. С. 95, 99.

товлено около 200 млн фальшивых русских ассигнаций, за счет которых предполагалось обеспечить снабжение французской армии в ходе вторжения в Россию. С конца 1812 года был предпринят целый ряд мер для выявления и уничтожения фальшивых денег. В частности, переведенный из Литовского почтамта инспектор почт Герцогства Варшавского А.Ф. Трефурт обнаруживал при перлюстрации фальшивые ассигнации достоинством 5, 50 и 100 руб. О двух пакетах, в которых содержалось фальшивок на сумму 999 руб., было доложено императору Александру I¹²³⁷.

Российские государи также считали, что с помощью перлюстрации можно достаточно эффективно бороться с различными злоупотреблениями чиновников всех ведомств.

Уже в начале правления Николая I, в мае 1826 года, ему была представлена копия тревожного письма А. Милорадовича из Троицка Оренбургской губернии Д.Г. Милорадовичу в Могилев от 9 апреля¹²³⁸. Чиновник, посланный в составе секретной комиссии для ревизии положения дел на золотых приисках, сообщал своему родственнику:

После больших трудов и беспрестанных занятий сделали мы... большие открытия, из которых заключить можно, что не только рабочие на золотых промыслах, но и жители всех состояний соседственных с ними городов и селений, даже и самые чиновники, производят тайную торговлю золотом. А посему мы здесь не в безопасности; здесь носятся глухие слухи, что чиновники, производившие следствие над одним или некоторыми лицами, отправлялись на тот свет скоропостижно. Нас это не устраивает, мы берем осторожности и весьма усердно стараемся открыть корень зла. В жизни не два раза умирать, и я смерти не боюсь, хотя конечно более пожить желаю. Горя пламенной любовью к Государю и отечеству, я не буду жалеть жизни, если буду им полезен.

Далее следовал постскрипtum: «О содержании сего письма никому не говори; это секретные сведения».

Резолюция императора гласила: «Уведомить по секрету [Е.Ф.] Канкрин [министра финансов], что до Государя... дошли подобные слухи... и что он предаст их ему для сведения». 20 мая начальник Главного штаба И.И. Дибич направил министру финансов письмо с изложением сути дела¹²³⁹.

В августе 1826 года в «черный кабинет» попало письмо некоего Ф. Виоле полковнику Крузе о злоупотреблениях начальника строительства канала между Ладожским озером и Ладожским (Староладожским) каналом. Автор письма утверждал, что на содержание двух тысяч рабочих были получены деньги, но на деле трудится только 600 человек. По распоряжению Николая I начальник Главного штаба Дибич 10 августа направил письмо начальнику Главного управления путей сообщения герцогу А. Вюртембергскому с известием о том, что до государя дошли «достоверные сведения о злоупотреблениях», и с изложением сути перехваченного письма. Уже 12 августа был получен ответ, что последние четыре года существует порядок, что инженер-руководитель работ не отвечает за проведение торгов и заключение контрактов на поставку необходимой рабочей силы. Это обязанность экономических комитетов. Перед окончательным расчетом с рабочими счета подрядчика проверяются инженером, поэтому злоупотребления сделались почти невозможными. Что же касается конкретного строительства, то экономический комитет смог собрать не более 500 человек вместо

¹²³⁷ Попруженко И.Г. Из архива Н.Н. Новосильцева: О российских фальшивых ассигнациях, выпущенными [выпущенных] французами в 1812 году в Варшаве // Русский архив. 1911. Кн. 3. № 9. С. 146.

¹²³⁸ Возможно, это письмо от Александра Григорьевича Милорадовича (1793–1868) своему брату Дмитрию (1799–1844).

¹²³⁹ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 244. Л. 2–3 об.

предполагавшихся 1500, а руководителю работ «была выделена весьма умеренная сумма». Поэтому пришлось снять 600 рабочих со строительства шоссе между Петербургом и Пулковом, ибо «по причине небывалой засухи канал мог придти в непригодное для судоходства состояние». Поскольку работы производились в пяти различных местах, то всего трудилось до 940 рабочих в день. Вместе с тем для проверки на место командирован полковник И.И. Цвилинг, «известный по усердию и бесстрастию его»¹²⁴⁰. Таким образом, очередная попытка поймать растратчиков закончилась ничем.

Особой темой было выявление через перлюстрацию попыток воздействовать на решение дел в различных сословных, государственных органах, в том числе и в Сенате. С октября 1827 года по август 1828#го велась перлюстрация переписки одиннадцати человек, проживавших в Петербурге, Москве и Пензе. Главным фигурантом был знаменитый банкир и откупщик А.И. Перетц. По просьбе московских откупщиков С.С. Селивановского, И.Ю. Фундуклея и других он выступал главным ходатаем их интересов. Дело в том, что по закону от 26 марта 1827 года в двадцати девяти российских губерниях вновь была введена (после отмены в 1817 году) система винных откупов. Московские откупщики добивались у министра финансов Е.Ф. Канкринна разрешения передавать пивную продажу частным образом. Корреспонденты предполагали возможность постороннего вмешательства в их переписку. Например, И.Ю. Фундуклей вложил письмо своему сыну, будущему киевскому гражданскому губернатору И.И. Фундуклею, служившему тогда в Канцелярии принятия прошений, в конверт, адресованный Е.Ф. Масленникову, чиновнику Санкт-Петербургского почтамта. Здесь же И.Ю. Фундуклей просил: «...вы мне скажите, если не в порядке письма к вам и к нему (Перетцу) доходят». Адресом Масленникова пользовались и некоторые другие корреспонденты Перетца. В марте 1828 года московские откупщики приняли последнего «в главноуправляющие товарищи и за труды его определили прибыль в 15 паев без всякой ответственности перед правительством за убытки и без всякого взноса со стороны его капитала». Затем в благодарность за труды из Москвы прислали от «благодарных книгопродавцев» 10 тыс. руб. Перетцу и 5 тыс. – И.И. Фундуклею. Наконец, 31 августа того же года некий Иван Соц сообщал в Москву, что сегодня из Сената отправляются указы в Московскую казенную палату «о разрешении передавать по Московскому откупу пивную продажу частным образом». В конечном счете в III Отделении, куда направлялись выписки из этих писем, никаких оснований для обвинения кого#либо в нарушении законов найти не смогли¹²⁴¹.

В 1840#е годы некий Сторожев из Курска просил Ф. Желтухина принять участие в конфликтном деле помещицы Веденяпиной в Сенате (Мариинская колония требовала у помещицы значительную сумму за два земельных участка). За услугу Желтухину было обещано 150 руб. серебром и более. Николай I велел сообщить данную информацию министру юстиции, который поручил наблюдение за делом Веденяпиной одному из чиновников. Андружkevич из Курска писал в Москву, прося ускорить решение его дела в Дворянском собрании и Герольдии, поскольку дело уже более года находится без производства. Государь повелел сообщить об этом министру юстиции. Булич из Казани просил И. Андреевского хлопотать в Сенате об отмене решения Саратовского уездного суда по двадцатилетней тяжбе некой Комаровой с ее отцом. В результате тяжбы и так уже израсходовано 15 тыс. руб. серебром, а судьи требуют еще 1 тыс. руб. По распоряжению Николая I выписку отправили министру юстиции.

Некая Скородумова из Вологды послала Карлу Гиппиусу в Москву 100 руб. серебром для передачи их правителю канцелярии обер-полицмейстера, поскольку муж ее направил обер-полицмейстеру просьбу. По распоряжению государя выписка была представлена

¹²⁴⁰ Там же. Д. 390. Л. 1–7 об.

¹²⁴¹ ГАРФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–43 об.; ПСЗ. Собр. 2#е. Т. 2. № 987.

С.В. Перфильеву, начальнику 2#го округа Корпуса жандармов. Тот доложил, что статский советник К. Гиппиус «давно оставил уже ходатайства по частным делам», а о правителе канцелярии Назарове «не слышно никаких предосудительных отзывов». Хрущев из Курска уведомлял П.В. Боголюбова, что направил жалобу в Сенат и «готов на пожертвование, какое потребуется». А. Можарова из Кирсанова требовала от И.С. Ненюкова, секретаря 7#го департамента Сената, вернуть ей 550 руб., поскольку дело по духовному завещанию закончилось не в ее пользу¹²⁴². Таким образом, результат рассмотрений этих выписок был почти нулевым.

Одновременно делались и доставлялись И.И. Дибичу и А.Х. Бенкендорфу выписки, отражавшие самые разнообразные сплетни о неблаговидном поведении чиновных и других лиц. Это, видимо, должно было создать впечатление, что император знает практически обо всех происшествиях во вверенном ему богом государстве. Например, было доложено о письме некой Орлены, жены А.И. Грузинского. Она писала в июле 1827 года о беспутстве в Рязани: якобы архимандрит Леодар живет с женой доктора, игумен Гедеон – с почтмейстершей Романовой, а губернаторша – с нанятым лакеем. Особенно автора письма возмущала связь почтмейстерши, ибо «это все равно, что с кучером, а греха в десять раз больше, чем со светским»¹²⁴³. В августе 1826 года из письма неизвестного в Москву была сделана выписка о драке, случившейся между студентами Медико-хирургической академии и чиновником и прекратившейся лишь в результате действий военного патруля. По поручению императора Дибич обратился с запросом к военному губернатору столицы П.В. Голенищеву-Кутузову. Тот сообщил 3 октября, что военный патруль 18 июня арестовал троих студентов «за шум и прибитие чиновника Анкудинова». Всего в драке участвовало семеро студентов и двое их знакомых. Конференция Медико-хирургической академии, разбиравшая дело 23 сентября, ходатайствовала о прощении студентов, поскольку были виновны обе стороны. Но 2 ноября Дибич сообщил Голенищеву-Кутузову решение Николая I – выслать участников драки из города¹²⁴⁴.

В сентябре 1826 года возник скандал с перехваченным письмом поручика Н. Воронковского шестому герцогу У.Д. Девонширскому. Воронковский был адъютантом Е.Ф. Комаровского, командира корпуса внутренней стражи. Герцог же в качестве представителя английского короля прибыл в Москву на коронацию Николая I. В письме поручик просил у герцога 20 тыс. фунтов стерлингов «для обеспечения состояния своего и возможности совершить путешествие в Англию». Император был чрезвычайно раздосадован происшедшим. Он «не мог вообразить, чтобы офицер российской армии, забыв совершенно правила чести, решился унизить себя до такой степени». Поскольку письмо было адресовано к посланнику иностранной державы «и посему должно сохраняться в высочайшей тайне как сие сведение дошло до Его Величества», Николай приказал военному губернатору столицы П.В. Голенищеву-Кутузову арестовать поручика. Начальнику последнего Комаровскому велел: «...войти ко мне с рапортом, как о деле, дошедшем до сведения вашего (не называя от кого именно)». Воронковский объяснил, что в 1816 году после смерти родителей остался «в беспомощном состоянии с двумя малолетними братьями (один умер в 1820 г.) и четырьмя сестрами. <... > находился всегда в такой бедности, что едва мог содержать себя». После расследования государь приказал перевести его в Нижегородский драгунский полк тем же чином. Выяснилось, что Воронковский серьезно болен, и его пришлось положить в госпиталь. В середине декабря 1826 года дежурный генерал Главного штаба А.Н. Потапов сообщил Комаровскому, что по излечении поручика отправят в Тенгинский пехотный полк. В сентябре 1827 года

¹²⁴² Там же. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19; Д. 212. Л. 8–8 об., 10–10 об., 20–20 об.

¹²⁴³ РГВИА. Ф. 36. Оп. 5. Д. 111. Л. 24.

¹²⁴⁴ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 454. Л. 1–13 об.

его уволили со службы «без награждения следующим чином, без мундира и с запрещением жить в столицах». Через полтора года, 22 марта 1829 года, глава III Отделения А.Х. Бенкендорф направил служебную записку военному министру А.И. Чернышеву о том, что Воронковский, не имея средств к пропитанию, просится на службу, хотя по состоянию здоровья вступить в военную службу не может. 29 марта 1829 года Чернышев сообщил Бенкендорфу о решении императора: Воронковскому разрешалось вступить в гражданскую службу 14#м классом, но только в провинции¹²⁴⁵.

Из писем офицеров делались выписки о положении дел в войсках, о происшествиях, об облике отдельных командиров. По указанию императора подобные выписки направлялись командующим войсками для проверки и принятия мер. Как известно, Николай I с большим подозрением относился к генералу А.П. Ермолову, командующему Отдельным Кавказским корпусом. После начала 16 июля 1826 года русско-персидской войны император направил на Кавказ И.Ф. Паскевича с особыми полномочиями. В августе и сентябре были перлюстрированы письма двух кавказских офицеров, Н. Лизлова и Н.А. Муханова, штабс-капитану Н.П. Воейкову в Москву. Воейков, адъютант Ермолова, был арестован 9 января того же года по подозрению в принадлежности к тайному обществу на Кавказе, 20 февраля был освобожден, но, как показывают эти документы, оставался под подозрением. Из писем были сделаны выписки. Лизлов писал о низкой боеспособности Тифлисского полка, «составляющего одну орду» и имеющего не более 1 тыс. человек под ружьем. «Большая же часть людей и часть офицеров, заботясь только о своем хозяйстве, побросав много оружия, отправились за Безобдис [горный хребет] <...> все только и помышляют о спасении гусей своих, о продаже цыплят, о торговле солью и пр.» Далее выражалась надежда на прибытие войск из России. Муханов резко отзывался о начальнике пограничной линии, полковнике князе Л.Я. Севарселидзе, подчеркивая, что он «бестолковый и пустой хвостун». Государь приказал направить выписки Паскевичу¹²⁴⁶.

В начале июня 1837 года Николаю I была представлена выписка из письма А.И. Тургенева из села Лопасня А.Н. Авдулину в Петербург, заверенная директором почтамта А.Я. Булгаковым. Автор письма утверждал, что результатом повеления «Всемиловейшего Государя и отца нашего... устраивать повсюду дороги, шоссе называемые, Великое благодеяние царя мудрого» становится в ряде случаев страданием обывателя. Якобы «какой#то неугомонный директор шоссейных работ» нанес ущерб семейству Еропкиных в селе Лопасня на 15 тыс. руб. Император поручил сообщить об этом начальнику 2#го округа жандармов генерал-майору С.В. Перфильеву и потребовать от него информацию. В результате переписки уже 18 июля А.Х. Бенкендорф представил государю доклад о деле Еропкиной, из которого следовало, что с жалобами на начальника работ капитана Гаврилова 3#го обращались коллежский советник М.Н. Еропкин, а после смерти последнего – его дочь Н.М. Еропкина. Еропкин «надеялся на получение выгод при заготовке материалов для строительства шоссе». Когда же за поставку камня взялись другие помещики, отчего казна выиграла до 60 тыс. руб., начались жалобы Еропкина¹²⁴⁷. Таким образом, был сделан вывод о ложности доноса.

В конце мая того же 1837 года царю была доложена выписка о «преступной связи» ксендза Слонимского уезда Виленской губернии Богуславского с девицей Валерией Керновской, умершей при родах. Велено было «узнать правду». Расследование жандармского полковника Сидорова подтвердило сообщение письма. Богуславский подозревался в нескольких подобных случаях и был помещен виленским епископом в монастырь. Государь

¹²⁴⁵ Там же. Д. 426. Л. 1–26.

¹²⁴⁶ Там же. Д. 453. Л. 1–7.

¹²⁴⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1837. Оп. 12. Д. 109. Л. 1–16.

повелел предать ксендза суду. Эта резолюция 16 декабря 1837 года была направлена в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД¹²⁴⁸.

В марте 1840 года из письма некой Савченковой из Курска в Москву стало известно, что полицмейстер Резанов допускает за взятку в 1 тыс. руб. послабления в отношении отставного полковника Ф.М. Полторацкого, посаженного под арест по подозрению в поджоге дома своей жены: предоставил ему три комнаты, позволяет ездить в баню и ночевать дома. В результате был направлен запрос курскому губернатору генерал-майору К.А. Флиге. В ответ губернатор удостоверил честность полицмейстера Резанова и заверил, что полковник Полторацкий безвыездно провел месяц в полиции¹²⁴⁹.

В 1857 году чиновник Галтенов из города Шуши (Нагорный Карабах) сообщал в Ярославль, что он «предназначается к должности участкового заседателя, в которой содержание 1000 руб. [в год], но безгрешно можно положить в карман тысячи две или три»¹²⁵⁰. Протоиерей Макарий Знаменский 11 июня 1857 года писал Я.М. Знаменскому из Ставрополя о нетрезвой жизни инспектора Кавказской семинарии архимандрита Алипия и обнаружении у него в шкафу «распутной девки, вследствие чего воспрещено ему священное служение»¹²⁵¹.

Николаевский военный губернатор и заведующий морской частью в 1856–1859 годах контр-адмирал Г.И. Бутаков пытался использовать перлюстрацию для возмещения ущерба, нанесенного казне действиями недобросовестных чиновников и связанных с ними предпринимателей. Дело в том, что в Николаеве после окончания Крымской войны и ликвидации на Черном море – по условиям Парижского мира – русского военного флота образовались огромные запасы различных материалов. В этой ситуации контр-адмирал А.И. Швенднер, помощник обер-интенданта по морской части в Николаеве, с помощью ряда чиновников организовал реализацию складских запасов частным лицам. Взамен выдавались липовые обязательства о поставке тех или иных продуктов. В частности, купец Киреевский вывез 16 тыс. пудов листового железа с обещанием поставить муку для нужд флота в следующем календарном году. Узнав об этом, Бутаков приказал арестовать купца и потребовал немедленной поставки муки. Когда мука была доставлена, Бутаков велел вскрыть один из мешков и высыпать содержимое на землю. В мешке оказался речной песок. В другом случае мука оказалась гнилой. Был арестован Швенднер.

В Николаев прибыла высочайше учрежденная комиссия, старавшаяся спустить дело на тормозах. Швенднер 11 июня 1857 года был уволен в отставку¹²⁵². Но Бутаков не желал сдаваться. Он предложил Николаевской почтовой конторе «все эстафеты, письма, посылки от контр-адмирала Швенднера, полковника Трофимовского, надворного советника Зимницкого, почетного гражданина Киреевского, капитана 1 [-го] ранга Коландса, лекаря Новикова и губернского секретаря Серетьева или имеющими [так в документе] связь с распорядителями... их имущества доставлять ему... чтобы не было препятствий при исполнении Высочайшей воли относительно имущества поименованных лиц». Александр II 28 июля того же года удовлетворил просьбу Бутакова¹²⁵³. И все же интересы бюрократии оказались сильнее царской резолюции. Бутаков получил строгий выговор от управляющего морским ведомством великого князя Константина Николаевича и был в январе 1860 года переведен на Балтийский флот.

¹²⁴⁸ Там же. Д. 111. Л. 1–9.

¹²⁴⁹ Там же. Оп. 221. Д. 75. Ч. 1. Л. 157–158.

¹²⁵⁰ Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский. С. 246.

¹²⁵¹ Там же. С. 246.

¹²⁵² Гаврилов С. Пионер парового флота // Южная правда. 2011. 12 февраля.

¹²⁵³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 244. Л. 58–58 об.

18 октября 1865 года император утвердил совместное предложение министра внутренних дел П.А. Валуева, министра финансов М.Х. Рейтерна и шефа жандармов князя В.А. Долгорукова о наблюдении за корреспонденцией владельцев магазина в Петербурге Блока и Крумбюгеля. Существовали подозрения, что в их магазин ввозились (в сапогах) фальшивые пятирублевые кредитные билеты. Было решено после вскрытия писем в Секретной экспедиции доставлять их без конвертов шефу жандармов для ознакомления, а затем возвращать в почтамт «для заделки и отсылки по адресу»¹²⁵⁴.

Перлюстрация использовалась и для борьбы с почти вечной проблемой: пересылкой чиновниками частных писем в казенных пакетах, связанной с тем, что партикулярные письма оплачивались в зависимости от их веса. Достаточно сказать, что указы о запрещении это делать издавались в 1719, 1725, 1736 (дважды), 1765 и 1781 годах¹²⁵⁵. В конце 1835 года новый почт-директор Петербургского почтамта Ф.И. Прянишников обратил внимание на принимаемую экстрапочтой в Варшаву корреспонденцию из канцелярии статс-секретаря Царства Польского графа С.Ф. Грабовского, адресуемую статс-секретарю И.И. Тымовскому. Пакеты весили до 16 фунтов (около 6,5 килограмма), и Прянишников распорядился о вскрытии их в секретной экспедиции. Там оказались по преимуществу переписка частных лиц, мелкие вещи и денежные вложения. Например, в пакете весом 12 фунтов (около 5 килограммов), поступившем 25 декабря, оказалось двадцать три частных письма. Если бы письма в казенных пакетах сдавались на почту положенным порядком, то в казну поступило бы 500 руб. 5 января 1836 года А.Н. Голицын доложил об этом императору, высказав предположение, что, возможно, таким образом «пересылается вредная для правительства корреспонденция поляков». Одновременно Голицын обратил внимание государя на сложности проверки: пакеты заделаны один в другой, имеют по несколько печатей, и для их изучения требуется не менее двадцати четырех часов. Поэтому нет возможности производить строгую перлюстрацию, а оставлять до другой почты нельзя – это вызовет подозрение. Николай I распорядился: «Если и затем пересылка продолжится, письма уничтожить, а деньги [брать] в доход Почтового ведомства».

Следующий доклад по этому вопросу был сделан 19 января. 15 января от Грабовского поступил пакет в 30 лотов (около 384 граммов). Его вскрыли, обнаружив тринадцать казенных писем, а в них – семьдесят пять частных. Однако Голицын обратил внимание государя на то, что если частные письма уничтожить, а казенные отправить по адресу, то откроется, что пакеты были перлюстрированы. Он предложил действовать в соответствии с параграфом 15 Почтамтской инструкции: при наличии частных писем в казенном пакете почтмейстер или его помощник должен отнести пакет в то присутственное место, откуда его подали, и потребовать вскрытия (хотя подобное требование также должно было навести чиновников на мысль о перлюстрации). Штраф составит 1 руб. с золотника (4,266 грамма) веса недозволенных вложений. Император с этим согласился и приказал проводить время от времени перлюстрацию казенных пакетов различных ведомств¹²⁵⁶.

Уже 26 января императору был подан рапорт о том, что 22 января в присутствии чиновника из канцелярии Грабовского были вскрыты пакет в Варшаву и два тюка из Варшавы. В первом оказалось тридцать частных писем, в двух других – тринадцать. Штраф составил 1060 руб. 30 коп.¹²⁵⁷

Затем до середины марта 1836 года в секретной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта были перлюстрированы пакеты пяти министерств (внутренних дел, государственных

¹²⁵⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 194–195.

¹²⁵⁵ ПСЗ. Собр. 1#е. Т. 5. № 3294; Т. 7. № 4800; Т. 9. № 6987; Т. 11. № 7059; Т. 17. № 12475; Т. 21. № 15309.

¹²⁵⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 238. Л. 1–8 об.

¹²⁵⁷ Там же. Л. 11.

ного контроля, просвещения, финансов, юстиции) и пяти департаментов (Комиссариатского и Провиантского Военного министерства, Публичных зданий Министерства путей сообщения, Духовных дел греческого вероисповедания по части обер-прокурора Святейшего Синода). То ли чиновники в этих ведомствах были исключительно законопослушными, то ли слух о проверках достаточно быстро до них дошел, но, во всяком случае, никаких партикулярных писем в 155 вскрытых пакетах обнаружено не было – к безусловной радости государя¹²⁵⁸.

Любопытно, что через двенадцать лет, 28 марта 1848 года, новый главноуправляющий Почтовым департаментом В.Ф. Адлерберг вновь получил указание вскрывать в секретной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта все пакеты на имя Гедройца или на адреса чиновников Статс-секретариата Царства Польского. За пять месяцев было вскрыто 256 казенных пакетов и 160 частных писем, находившихся в этих пакетах. Но содержание писем не представило «никакой политической важности» – лишь нанесло ущерб казне до 40 руб. серебром. Наблюдение было прекращено распоряжением от 22 августа 1848 года¹²⁵⁹.

Эта практика продолжалась и при Александре II. В 1859 году императору была доложена выписка из письма, направленного из города Козлова в Петербург. Автор обвинял Козловскую почтовую контору в злоупотреблениях: самовольном сборе за каждое выдаваемое письмо (с дворовых людей и крестьян – по 3 коп., с солдат – по 10 коп. серебром). Почтовому департаменту было велено произвести дознание. Но 21 декабря 1859 года государю доложили, что «извет неоснователен» и козловский почтмейстер никаких злоупотреблений не допускал¹²⁶⁰. Узнать, как обстояло дело в действительности, мы уже не сможем.

В некоторых случаях резолюции государя показывают, насколько сложившаяся система была сильнее своего властителя. В декабре 1858 года было перлюстрировано письмо неизвестного члену Главного управления цензуры А.Г. Тройницкому. В письме упоминалось о взятках цензорам: «Правительство наше слабо и глупо; предписывает цензуре строгости, а цензоры, имея в виду большие пенсии от редакторов, не слушают». Александр II меланхолично надписал: «К сожалению, много справедливого!»¹²⁶¹

Перлюстрированные выписки и резолюции на них показывают, как душевно одинок был император, не доверявший даже ближайшим своим сотрудникам. 20 января 1871 года Александру II доложили выписку из анонимного письма, отправленного из Москвы министру путей сообщения графу В.А. Бобринскому. Неизвестный резко отзывался о всей системе управления и утверждал: «Если за измену Отечеству и преступление против его интересов давать ордена, то конечно гг. министры финансов, путей сообщения, да и другие, вполне заслужили не только все гражданские ордена всех степеней, но даже Георгия 1#й степени». Резолюция государя гласила: «Не говори ему [Бобринскому] ничего про это отправление, разве он мне сам его сообщит». Сбоку надпись чернилами: «Приказано хранить в секретном архиве начальника 3#й экспедиции и никому не показывать»¹²⁶².

По мнению выдающегося историка П.А. Зайончковского, возможно, в феврале 1872 года произошла история, которая могла убедить императора в реальности «утечки информации» даже через его ближайших сотрудников. Вот как описывал два варианта этого события государственный секретарь А.А. Половцов в своем дневнике. Первая запись была сделана 7 ноября 1883 года. Якобы

¹²⁵⁸ Там же. Л. 12–12 об., 15, 26, 35, 53, 57–84.

¹²⁵⁹ Там же. Д. 242. Л. 5–6, 112 об.

¹²⁶⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 245. Л. 80–81.

¹²⁶¹ Патрушева Н.Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Северная Звезда, 2011. С. 51.

¹²⁶² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 144. Л. 1–1 об.

после какого#то важного совещания у... Александра II он попросил всех присутствовавших дать слово, что сохраняют все говорившееся в глубокой тайне. Через два дня перехвачено письмо полковника Загуляева, корреспондента «Independence Belge», в котором со слов военного министра [Д.А.] Милютина рассказывалось все происшедшее в заседании. [А.Е.] Тимашев [министр внутренних дел] ... препроводил это письмо к государю, который, призвав [П.А.] Шувалова [начальника III Отделения], выразил твердое намерение немедленно сместить Милютина... но... жар негодования остыл, и все осталось по#прежнему.

То же событие Половцов передал со слов П.А. Шувалова 25 октября 1886 года: при обсуждении какого#то военного вопроса решение было принято против мнения Милютина; в письме Загуляева говорилось, что «Милютин решился выйти в отставку». Якобы 8 ноября (год не указан) состоялся разговор Александра II с Шуваловым об увольнении Милютина¹²⁶³. К сожалению, ни П.А. Зайончковскому, ни мне не удалось установить, верно ли сообщение о письме полковника Загуляева.

Бывало, что император прямо задавал вопросы своим сановникам, опираясь на перлюстрацию. Так, Александр II 12 апреля 1873 года во время доклада военного министра Д.А. Милютина прочел ему выписку из перлюстрированного письма из Казани, в котором «возбуждается сомнение в правильности действий Военного совета и лично генерала [Д.С.] Мордвинова по утверждению некоторых интендантских подрядов и поставок». 14 апреля Милютин представил государю объяснение по этому делу, отметив в дневнике, как «бывают неосновательны наветы и подозрения, возбуждаемые людьми легкомысленными, не знающими дела, готовыми все порицать, во всем искать дурного»¹²⁶⁴.

В мемуарах С. Майского (В.И. Кривоша) есть следующая фраза: «Благодаря перлюстрации зачастую выяснялось, как министр путей сообщения стратегическую железную дорогу проводит не в нужном направлении, а через имения своей жены; как губернатор, помимо торгов, поставляет по высокой цене шпалы из леса своего шурина»¹²⁶⁵. Здесь, безусловно, автор намекает на историю с министром путей сообщения в 1892–1894 годах А.К. Кривошеиным и его шурином А.П. Струковым. Кривошеин был женат на родной сестре Струкова Марии Петровне и был для последнего зятем. Единственная здесь ошибка С. Майского (В.И. Кривоша), что Струков был не губернатором, а екатеринославским губернским предводителем дворянства в 1886–1902 годах.

Следствие о злоупотреблениях А.К. Кривошеина служебным положением началось летом 1894 года. Уже в первых числах июля государственный контролер Т.И. Филиппов делал доклад государю и, по его словам, «был выслушан с очевидным, глубоко тронувшим меня доверием». Это подтверждается воспоминаниями управляющего делами Комитета министров и Сибирского комитета А.Н. Куломзина о том, что в начале декабря новый император Николай II сказал ему: «Он [Кривошеин] уже 6 месяцев, как у нас с отцом был на замечании». По словам Куломзина, Кривошеин организовал продажу шпал из принадлежащего ему леса на казенные железные дороги, но часть шпал оказалась «дурного качества». Обещал также посредникам при покупке имения в местечке Шклов продать на сруб часть прилежащего к нему леса. Но лесохозяйственный комитет рубку леса не разрешил. Сославшись на это, Кривошеин «отказался дать удовлетворение евреям-комиссионерам». По данному поводу Куломзин заметил: «Маневр ловкий, но не удобный для министра». На

¹²⁶³ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. I. С. 140–141, 445–446, 546.

¹²⁶⁴ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873–1875. М.: РОССПЭН, 2008. С. 23. Д.С. Мордвинов (1820–1894) – в 1865–1881 годах начальник канцелярии Военного министерства.

¹²⁶⁵ *Майский С.* «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора. Пг., 1922. С. 9.

квартире министра А.П. Струков заключил контракт на снабжение одной из казенных дорог (Рыбинско-Бологовской) топливом и шпалами. Вспомнили и об афере Кривошеина во время войны 1877–1878 годов. Тогда он сдал несколько старых и малопригодных пароходов Военному министерству за посуточную плату. Военные пользовались пароходами лишь некоторое время, но забыли разорвать контракт. В результате Кривошеин взыскал с Военного министерства крупную сумму. Говорили также и о том, что одна из железнодорожных веток была спроектирована таким образом, чтобы пройти через его владения (разумеется, с выплатой соответствующих компенсаций).

Последний раз А.К. Кривошеин участвовал в заседании Сибирского комитета 30 ноября 1894 года, которое проходило под председательством молодого императора в Аничковом дворце. 10 декабря государственный контролер Т.И. Филиппов сделал окончательный доклад государю. В результате о принятом 16 декабря решении императора уволить его в отставку и лишить звания гофмейстера высочайшего двора Кривошеину в день его именин и освящения домового церкви сообщил статс-секретарь К.К. Ренненкампф¹²⁶⁶. В тот же день эту новость зафиксировала в своем дневнике А.В. Богданович. На следующий день она отметила, что увольнение Кривошеина было делом рук Филиппова, а донес о проделках министра чиновник М.П. Надеин, отставной штабс-капитан, прикомандированный к хозяйственному отделу Управления казенных железных дорог¹²⁶⁷.

Контроль за чиновниками при помощи перлюстрации иногда превращался в орудие подковерной борьбы. По одной из версий, когда в 1905 году С.Ю. Витте не желал предоставить пост министра внутренних дел П.Н. Дурново, тот «был положительно в ярости». По воспоминаниям В.И. Гурко, «как зверь в клетке бегал он по своему кабинету, повторяя десятки раз те же слова: “Я ему покажу! Нет, я ему покажу!”». Возможно, что он пригрозил премьеру «перлюстрированными письмами самого Витте, которые, будучи представлены государю, могли его окончательно погубить в глазах Николая II». В результате Витте, хотя и с трудом, добился назначения П.Н. Дурново управляющим МВД¹²⁶⁸.

Под зорким оком перлюстраторов находились отставные и действующие сотрудники органов политической полиции. Например, после увольнения С.В. Зубатова в августе 1903 года с поста заведующего Особым отделом ДП его переписка с бывшими сотрудниками просматривалась¹²⁶⁹. Исполняющий обязанности директора Департамента полиции (23 ноября 1915 года – 14 февраля 1916#го) К.Д. Кафафов вспоминал, что однажды по ошибке ему подали «выдержки из письма на мое же [Кафафова] имя от бывшего орловского губернатора [К.А.] Балясного из Полтавы, где он жил после выхода в отставку»¹²⁷⁰.

В Тифлисе после 1909 года просматривались письма попечителя Кавказского учебного округа, старшего председателя Тифлисской судебной палаты Н.Н. Лагоды, тифлисского губернатора А.Г. Чернявского, начальника ГЖУ князя Щетинина. Одновременно В.К. Карпинский уверял своего помощника П.П. Якубянца, что по материалам проведенной ими перлюстрации были сняты со своих постов начальник Тифлисского ГЖУ А.М. Еремин, тифлисский губернатор М.А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский, полицмейстер Ф.А. Засыпкин,

¹²⁶⁶ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 81. Л. 74; Ф. 1642. Оп. 1. Д. 195. Л. 15, 22–23 об.; Управленческая элита Российской империи (1802–1917). СПб.: Лики России, 2008. С. 240.

¹²⁶⁷ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 185. На невиновности А.К. Кривошеина настаивал В.П. Мещерский, уверявший, что причиной увольнения министра стала неприязнь к нему Т.И. Филиппова. См.: Князь Мещерский. Воспоминания. 2#е изд. М.: Захаров, 2003. С. 789–790, 810–812.

¹²⁶⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 475.

¹²⁶⁹ ГАРФ. Ф. 571. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–7 об.

¹²⁷⁰ *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 82.

помощник наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова по гражданской части в 1909–1915 годах сенатор Э.А. Ватаци¹²⁷¹.

Иногда министры внутренних дел из материалов перлюстрации узнавали неожиданные и не очень приятные для себя новости. Например, по словам того же К.Д. Кафафова, в 1912 году было перлюстрировано и доложено министру внутренних дел А.А. Макарову письмо тогдашнего черниговского губернатора Н.А. Маклакова матери в Москву. Николай Александрович писал, что при представлении государю его величество предложил ему пост главы МВД. Поэтому далее он посмеивался над Макаровым, который, в свою очередь, предлагал ему губернаторство в Нижнем Новгороде. Можно представить себе реакцию последнего. На ближайшем докладе у Николая II министр просил об увольнении его от должности по причине ухудшения здоровья. Государь просьбу отклонил, но заметил, что будет это ходатайство иметь в виду. Действительно, в декабре 1912 года Маклаков сменил Макарова на посту министра¹²⁷².

В годы Первой мировой войны постоянными объектами перлюстрации стали ближайшие родственники государя. В частности, министр внутренних дел Маклаков незадолго до своего ухода в отставку (который состоялся в июне 1915 года) доложил царю о перехваченном письме А.И. Гучкова главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу. Это письмо, по слухам, доказывало намерения Гучкова и великого князя совершить дворцовый переворот с целью ограничения власти Николая II или свержения его с престола¹²⁷³. Выше я уже говорил о регулярной перлюстрации в Тифлисе корреспонденции великого князя Николая Николаевича, назначенного в августе 1915 года наместником Кавказа, как и о регулярной перлюстрации переписки его окружения.

3.4. Изучение реальных настроений различных групп населения

К сожалению, историки до сих пор весьма слабо используют сохранившуюся перлюстрацию для изучения реальных настроений отдельных групп российского и советского общества в различные исторические периоды. В этой связи можно напомнить, что, в частности, в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Департамента полиции хранятся специальные дела, содержащие копии перлюстрированных писем начиная с 1882 года¹²⁷⁴.

Даже отдельные перлюстрированные письма помогают увидеть многообразие настроений, мнений россиян в тот или иной исторический период. Например, в 1807 году было перлюстрировано письмо из Москвы от 22 ноября, посвященное заключению Тильзитского мира. Автор письма так выразил свое отношение к этому событию: «Кто бы мог вообразить, что наш император заключит союз с начальником гильотины, с величайшим убийцею и не достойнейшим тираном <...> Я вижу ясно, что начальник общества гильотины [Наполеон] разорит эту страну». Любопытно, что фамилии автора и его адресата, по#видимому, оказались вымышленными. Во всяком случае, эти люди не были обнаружены¹²⁷⁵.

Внимательно изучались письма представителей российского общества в ходе войны 1812 года. Например, вскрывалась переписка иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина с сибирским генерал-губернатором И.Б. Пестелем, управлявшим краем из сто-

¹²⁷¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 26 об. – 27 об.

¹²⁷² Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи. С. 109–110.

¹²⁷³ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция (1914–1917): Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 142.

¹²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1–407, 1042.

¹²⁷⁵ Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1898. Т. 96. № 12. С. 505–506.

лицы; графа А.И. Маркова и его доверенного лица, надворного советника Кристина; будущего начальника Главного штаба И.И. Дибича и И.Б. Тизенгаузена и т. д. Практически никто не мог быть уверен в неприкосновенности своей переписки. Так, А.А. Аракчеев 1 октября 1812 года получил от Санкт-Петербургского почт-директора Н.И. Калинина два вскрытых письма графа Ф.В. Ростопчина. Финляндский почтмейстер из Або (Турку) пересылал министру внутренних дел О.П. Козодавлеву в переводе на русский язык выписки из «писем политического характера»¹²⁷⁶. К некоторым письмам и выпискам, передаваемым императору, Козодавлев делал свои примечания. Так, передавая ему письмо графа А.И. Маркова к Кристину от 7 июля 1812 года, министр отметил, что письмо содержит прокламацию Наполеона, которая была напечатана в иностранных газетах, не допущенных в Россию. Поэтому он видел две возможности: «письмо... можно предать огню или же поелику оно не важно, можно отдать по надписи [по адресу]». В результате письмо, как заметил Н.К. Шильдер, «осталось в делах по перлюстрации и никогда не попало в руки Кристину»¹²⁷⁷.

Перлюстрированные письма из армии свидетельствуют о высоком патриотизме офицеров и генералов, о недовольстве отступлением главных сил русской армии, о силе врага, об ожесточении крестьян, возмущенных поведением непрошенных гостей. Ротмистр Изюмского гусарского полка и будущий генерал-лейтенант Лев Нарышкин писал 1 августа отцу, князю А.Л. Нарышкину: «...стоим уже четвертый день... между 1#й и 2#й армиями... патрули их [французов] делают разные насильства и мерзости нашим жителям, а особливо ругаются над законом [религиозным], ломают и тычут пиками в образа, и делают конюшни из церквей. <...> После последнего дела, которое мы имели с ними, мужики столь раздражены на этих извергов, что ходя по полю с дубинами убивали раненых, которых они находили на поле»¹²⁷⁸. В письме командира кирасирской дивизии генерал-майора Н.И. Депрерадовича жене Наталье Павловне от 10 августа из#под Дорогобужа были отчеркнуты следующие строки: «...и побьем, а все раком назад пятимся, не нравится мне сия метода, особенно Смоленска мне жаль. <...> Этого у изверга [Наполеона] отнять нельзя, что умен столько же, сколько и мерзок».

Поэтому с таким восторгом было принято назначение М.И. Кутузова, состоявшееся 8 августа. Тот же Депрерадович писал жене из Вязьмы 16 августа: «Мы черт знаем, что делаем, движемся 5 верст вперед, а потом 200 назад... князя Кутузова мы ежечасно ожидаем. Дай Бог, чтоб лучше пошли дела наши. <...> Благодарю тебя за присылку копии рескрипта князю Кутузову. Ах! Дай Бог, чтобы он оправдал доверенность и надежду Государя и спас отечество»¹²⁷⁹. Одновременно офицеры и генералы с гордостью информировали своих адресатов о первых победах. Полковник И.И. Дибич (будущий фельдмаршал и начальник Главного штаба) писал 12 августа будущему мужу своей сестры Б.К. Тизенгаузену о сражении под Клястицами 18–20 июля: «Мы имеем против себя 5#ть дивизий в двух корпусах. Слава Богу, их довольно расчесали». Командующий 3#й армией А.П. Тормосов сообщал 5 августа брату П.П. Тормосову о сражении с превосходящими силами противника 31 июля под Городечно: «Наши дрались, как богатыри... Артиллерия наша действовала как нельзя лучше»¹²⁸⁰.

В последующие годы особое внимание уделялось общественным настроениям во время каких#то чрезвычайных происшествий. Например, в связи с событиями в Семеновском полку 17–18 октября 1820 года за несколько месяцев были перлюстрированы многие десятки писем офицеров (особенно Семеновского полка), гражданских лиц и даже солдат.

¹²⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 7. № 7. Л. 54; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3593. Л. 1–4, 8–8 об., 58–59.

¹²⁷⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3593. Л. 11–12 об.

¹²⁷⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3593. Л. 23–23 об.

¹²⁷⁹ Там же. Л. 31–31 об., 33, 39–39 об.

¹²⁸⁰ Там же. Л. 24–24 об., 36–37.

Среди них письма бывшего Санкт-Петербургского полицмейстера П.А. Папкова, полковника А.И. Пашкова, княгини К.А. Щербатовой, П.Я. Чаадаева и др. Одной из первых была снята копия с большого письма будущего декабриста, командира роты Семеновского полка капитана С.И. Муравьева-Апостола своему однополчанину, командиру роты штабс-капитану князю И.Д. Щербатову от 19 октября в Москву¹²⁸¹. Оценивая это происшествие и реакцию высшей власти, неизвестный писал 19 ноября в Москву бывшему адъютанту А.В. Суворова, сенатору С.С. Кушникову: «Ты пишешь, что прискорбно слышать, что у нас возникает неповиновение! Я скажу напротив: прискорбно, что доводят до неповиновения. <...> Я иного не вижу в этих инсургентах, как три тысячи невинных жертв»¹²⁸². Некоторые места в перлюстрированных письмах сопровождаются пометкой: «О сем писать [И.В.] Васильчикову [командиру Гвардейского корпуса]»¹²⁸³.

Следствием «Семеновской истории» стало военно-судебное дело четырех офицеров Семеновского полка: командира 1#го батальона И.Ф. Вадковского, капитана 1#й роты Н.И. Кашкарова, отставного полковника Д.П. Ермолаева и И.Д. Щербатова. В результате этого дела, тянувшегося до января 1826 года, Ермолаева и Щербатова лишили чинов и орденов и перевели рядовыми на Кавказ. Двух других после крепостного заключения (Вадковского – на два с половиной года в Динабургской крепости, Кашкарова – на два года в Бобруйске) перевели в Кавказский корпус, но с сохранением чина. В мае 1827 года Вадковский добился отставки. В 1830 году Щербатов погиб на Кавказе, дослужившись до чина штабс-капитана. Дальнейшая судьба двух других его товарищей неизвестна¹²⁸⁴. Письма Ермолаева и родных Щербатова о результатах суда также были перлюстрированы и внимательно прочитаны, о чем свидетельствует подчеркивание текста¹²⁸⁵.

Под зоркое око чиновников «черных кабинетов» попадало большое число выдающихся деятелей российской культуры. В 1818 году в результате перлюстрации на Виленском почтамте была снята копия стихотворного послания Александра Пушкина Петру Чаадаеву¹²⁸⁶. Известно, что весной 1824 года было перехвачено письмо Александра Пушкина из Одессы своему лицейскому товарищу Вильгельму Кюхельбекеру. Поэт, в частности, писал:

Ты хочешь знать, что я делаю – пишу пестрые строфы романтической поэмы – и беру уроки чистого афеизма [атеизма]. Здесь агличанин [так в тексте], глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, что не может быть существа разумного, творца и правителя, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастью более всего правдоподобная¹²⁸⁷.

Это письмо послужило одной из причин ссылки Пушкина из Одессы в семейное поместье – село Михайловское.

Письма великого поэта перлюстрировались и в последующие годы. Надо напомнить, что, конечно, далеко не со всех перлюстрированных писем снимались копии. Если текст не представлял особого интереса, то письмо просто продолжало свой путь к адресату. Поэтому

¹²⁸¹ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 40. № 17. Л. 49–50 об.

¹²⁸² Там же. Л. 117.

¹²⁸³ Там же. Л. 190.

¹²⁸⁴ Андреев А.Ю. «Отсутствующие всегда виновны...» (Князь И.Д. Щербатов и Д.П. Ермолаев на следствии по делу о возмущении Семеновского полка в 1820 г.) // deamb.hobby.ru/index.shtml?article|andr

¹²⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 40. № 17. Л. 302–304.

¹²⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 5. № 5.

¹²⁸⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 86–87, 209, 673. «Англичанин», «афей» – В. Гутчинсон (1793–1850), доктор медицины, домашний врач Воронцовых.

мы знаем лишь о тех случаях, когда изготовлялся меморандум, т. е. выписка. Известно, в частности, что в марте 1826 года было вскрыто и затем доложено императору письмо Пушкина писателю и другу П.А. Плетневу. Вызванный в том же году из ссылки в селе Михайловском в Москву, с приказанием Николая I явиться незамедлительно, поэт в сопровождении фельдъегеря покидал 5 сентября Псков. В этот день он успел отправить письмо своему однокашнику и другу А.А. Дельвигу. Само письмо не сохранилось, но мы можем судить о его содержании по документам М.Я. фон Фока. Управляющий III Отделением 17 сентября записал: «Пушкин... выезжая из Пскова, ... написал... Дельвигу письмо, извещая его об этой новости и прося прислать ему денег с тем, чтобы употребить их на кутежи и шампанское»¹²⁸⁸.

Даже после встречи Пушкина с императором и высочайшего прощения поэта перлюстрация его переписки продолжалась. Была снята копия с письма историка М.П. Погодина от 15 ноября 1826 года к Александру Сергеевичу. Погодин, получивший разрешение на издание журнала «Московский вестник», просил поэта прислать что#либо из своих произведений для первого номера журнала. Это стало началом целого дела, разраставшегося вплоть до 1828 года. Перлюстрация письма была дана на отзыв Ф.В. Булгарину. И последний, в частности, писал:

Молодой журналист с либеральным душком, как Погодин, ... легко увлечется наущением и влиянием чужого мнения... Два человека в Москве, князь Петр Андреевич Вяземский и Александр Пушкин, покровительством своим могут причинить вред. <...> Пушкин известен – это несчастное существо с огромным талантом служит живым примером, что ум без души есть меч в руках бешеного.

Уже 26 ноября начальник III Отделения и шеф жандармов А.Х. Бенкендорф направил письмо в Москву жандармскому полковнику И.П. Бибикову. Он просил организовать слежку за Погодиным и его связями, в особенности за Вяземским и Пушкиным. «Вы меня бесконечно обяжете, – писал Бенкендорф, – если найдете средство получить и представить нам в копиях поэтические отрывки, которые сей последний [Пушкин] собирается передать Погодину для публикации в его журнале». В своих ответах Бибиков стремился успокоить начальство, подчеркивая чисто литературный характер журнала. Тем не менее власть испытывала глубокое недоверие к поэту¹²⁸⁹.

Были сделаны подробные выписки из писем отца поэта, С.Л. Пушкина, от 17 октября 1826 года к его брату Василию Львовичу и к М.М. Сонцову, мужу Е.Л. Пушкиной, тетки поэта; из письма неизвестного от 6 ноября 1826 года к графу М.Ю. Виельгорскому о возможной встрече с поэтом; из письма близкого друга Пушкина С.А. Соболевского от 20 сентября 1827 года писателю и переводчику Н.М. Рожалину. На двух из этих выписок сохранилась помета И.И. Дибича: «Для объяснений с г. [енерал] – а. [дьютантом] Бенкендорфом»¹²⁹⁰.

Широкую огласку получила история с письмом Пушкина жене от 20–22 апреля 1834 года. Оно было отправлено Александром Сергеевичем из Петербурга в Москву, где находилась с детьми Наталья Николаевна. Судя по дальнейшему ходу дела, содержание этого письма доложили Николаю I. Скорее всего, внимание государя привлекли следующие знаменитые строки:

Письмо твое я послал к тетке [Н.К. Загряжской], а сам к ней не отнес, потому что рапортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники

¹²⁸⁸ Эйдельман Н.Я. Пушкин. С. 11, 68.

¹²⁸⁹ Там же. С. 69–76.

¹²⁹⁰ Былое. 1918. № 1. С. 29–31; Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3#е. Л.: Атений, 1925. С. 57–61, 72.

просижу дома. К наследнику [17 апреля 1834 года будущему Александру II исполнилось 16 лет. По российским законам для наследника это был возраст совершеннолетия] являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку, второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю, от добра добра не ищут. Посмотрим, как#то наш Сашка [сын поэта] будет ладить с порфирородным своим тезкой [будущим Александром II], с моим тезкой [Александром I] я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями!¹²⁹¹

10 мая поэт записал в своем дневнике о получении им из Царского Села от В.А. Жуковского записки о том, что

какое#то мое письмо ходит по городу и что государь ему об нем говорил. <...> Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашедши в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастью, письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Все успокоилось. <...> Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и давать ход интриге, достойной Видока [Э.Ф. Видок, известный французский сыщик, автор мемуаров] и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным¹²⁹².

К тому же, как указывают некоторые источники, убежденный в предназначении быть отцом своих подданных, император сделал замечание поэту по поводу письма к Наталье Николаевне. Пушкин был взбешен и не скрывал своего гнева. 16 мая он писал жене о беседе с домашним врачом по поводу ее здоровья, замечая, что тот «входил со мною в подробности, о которых по почте не хочу тебе писать, потому что не хочу, чтобы письма мужа к жене ходили по полиции. <...> На днях получишь письма по оказии»¹²⁹³. Случившееся не забывалось. Через две недели, 29 мая, поэт вновь замечал: «Лучше бы ты о себе писала, чем о Соллогуб [графиня Н.Л. Соллогуб, к которой Наталья Николаевна ревновала мужа], с которой забираешь в голову всякий вздор – на смех всем честным людям и полиции, которая читает наши письма»¹²⁹⁴.

В следующем письме жене, 3 июня 1834 года, Пушкин посвятил случившемуся целый абзац, явно рассчитывая, что его мысли по этому поводу узнают в Зимнем дворце:

Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто#нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство буквально. Без политической свободы жить очень можно; без семейной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя¹²⁹⁵.

¹²⁹¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 475.

¹²⁹² Там же. Т. 8. С. 50.

¹²⁹³ Там же. Т. 10. С. 484.

¹²⁹⁴ Там же. С. 486.

¹²⁹⁵ Там же. С. 487–488.

Наконец, заканчивая большое письмо Наталье Николаевне 11 июня, поэт вновь упоминал об этой истории: «На того [Николая I] я перестал сердиться, потому что, в сущности говоря, не он виноват в свинстве его окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкаешь к...., и вонь его тебе не будет противна, даром что джентльмен»¹²⁹⁶.

Вообще этой истории Пушкин стремился придать наиболее возможное в тех условиях общественное звучание. Он не скрывал происшедшего от своих друзей. В январе 1836 года, т. е. через полтора года после истории с письмом, Александр Сергеевич писал П.В. Нащокину: «Я не писал тебе потому, что в ссоре с московскою почтою»¹²⁹⁷. Но, конечно, гнев поэта ничего не изменил в деятельности «черных кабинетов».

История с перлюстрацией письма Пушкина в апреле 1834 года имела продолжение через много лет. После первой публикации письма в журнале «Вестник Европы»¹²⁹⁸ в печати появилось письмо сына бывшего лицеиста М.Д. Деларю, знавшего Пушкина¹²⁹⁹. Ссылаясь на рассказы отца, Ф.М. Деларю сообщал следующее:

Письмо это было перехвачено в Москве почт-директором [А.Я.] Булгаковым и отправлено в III Отделение к графу Бенкендорфу. Секретарем Бенкендорфа был тогда [П.И.] Миллер, товарищ отца моего по Лицейскому пансиону¹³⁰⁰. Граф передал ему письмо Пушкина, приказывая положить в портфель, с которым он отправился к докладу к Государю. Миллер, благоговей сам перед талантом Пушкина и зная отношение к нему отца моего, тотчас же бросился к последнему и привез с собою письмо Александра Сергеевича, спрашивая, что ему теперь делать? Отец мой, ни минуты не колебавшийся в своем решении – во что бы то ни стало избавить Пушкина от угрожающей ему крупной неприятности и знаяший рассеянность графа Бенкендорфа, взял у Миллера письмо, прочитал его и спрятал в карман.

Миллер пришел в ужас и стал умолять отца возвратить ему письмо, но отец мой отвечал, что отдаст его только в таком случае, если Бенкендорф о нем напомнит Миллеру. При этом отец мой спросил Миллера, разве не случалось ему получать от графа целые ворохи бумаг с просьбой положить их в особый ящик стола и недели через две, при напоминании об этих бумагах со стороны секретаря, просить последнего бросить их в огонь? Миллер отвечал, что это даже часто случается. Следовательно, – возразил мой отец, – тебе нечего бояться. Если бы, паче чаяния, Бенкендорф и вспомнил о письме, то ты скажешь ему, что уничтожил его вместе с другими бумагами согласно распоряжению Его сиятельства. Миллер согласился на это, а отец мой немедленно отправился к Пушкину, чтобы сообщить ему о случившемся. Бенкендорф не вспомнил о письме.

Далее Ф.М. Деларю писал, что Пушкин отомстил А.Я. Булгакову, послав в Москву порочащее его письмо. В результате, «как оказалось по справкам, оно действительно не дошло по назначению, но в III Отделение представлено не было»¹³⁰¹. Понятно, что такие справки мог навести только П.И. Миллер.

¹²⁹⁶ Там же. С. 493.

¹²⁹⁷ Там же. С. 559.

¹²⁹⁸ Вестник Европы. 1878. Кн. 3. Март. С. 7–8. Письмо было датировано второй половиной апреля.

¹²⁹⁹ М.Д. Деларю (1811–1868) – выпускник Царскосельского лицея (1829), знакомый А.С. Пушкина.

¹³⁰⁰ П.И. Миллер (1813–1885) окончил Царскосельский лицей в 1832 году. Его мать была родной сестрой жандармского генерала А.А. Волкова. С февраля 1833#го по 1846 год Миллер служил в качестве секретаря А.Х. Бенкендорфа.

¹³⁰¹ Русская старина. 1880. Т. 29. № 9. С. 218–219; Новое время. 1880. 31 августа (12 сентября). № 1619. С. 2–3. Газета

И он откликнулся на эту публикацию. В своем письме Миллер в целом подтверждал сообщение Деларю-сына, но вносил ряд уточнений. По его воспоминаниям, дело происходило в апреле 1834 года, когда А.Х. Бенкендорф получил от московского почт-директора А.Я. Булгакова копию письма Пушкина жене, «отмеченную припискою: с подлинным верно». «Подлинное же письмо было послано своим порядком к Наталье Николаевне».

Прочитав копию, граф положил ее в один из двух открытых ящиков, стоявших по обеим сторонам его кресел перед письменным столом. Так как каждый ящик был перегороден на три отдела и этих отделов выходило шесть, то граф нередко ошибался и клал полученную бумагу не в тот отдел, для которого она предназначалась. Это, разумеется, вело к тому, что граф потом долго искал ее и находил не прежде, чем перебрав бумаги. Такая процедура ему, наконец, надоела, и он поручил мне сортировать их каждый день и вынимать залежавшиеся. Когда я увидел копию в отделе бумаг, назначенных для доклада Государю, у меня сердце дрогнуло при мысли о новой беде, грозившей нашему дорогому поэту. Я тут же переложил ее под бумаги в другой раздел ящика и поехал сказать Деларю... чтобы он немедленно дал знать об этом Пушкину на всякий случай. Расчет мой на забывчивость графа оказался верен; о копии уже не было речи, и я через несколько дней вынул ее из ящика вместе с другими залежавшимися бумагами¹³⁰².

Впоследствии писатель В.В. Вересаев заявил, что «рассказ Миллера не внушает никакого доверия»¹³⁰³. Но если признать достоверность этих сообщений (а добросовестность мемуаристов сомнений не вызывает), то возникает вопрос: каким же образом Николай I узнал о содержании письма Пушкина? Большинство писавших на эту тему и цитировавших рассказ Миллера вообще не затрагивают данного противоречия. Выдающийся историк и писатель Н.Я. Эйдельман, наиболее подробно описавший этот эпизод, высказал предположение, что, «вероятно, была еще одна копия того же письма, которая все же дошла к Николаю I»¹³⁰⁴. Но в подобных случаях копии делались в одном экземпляре, да и не могла другая копия пройти мимо А.Х. Бенкендорфа, а значит, и мимо Миллера. Возможно, в то время были перлюстрированы и другие письма Пушкина жене. Их за апрель 1834 года до нас дошло семь: от 17#го, 19#го, 20–22#го, 24#го, 28#го числа и от 30#го (два письма)¹³⁰⁵. Поэтому может быть, что лицейские друзья скрыли копию другого письма. Во всяком случае, в данном эпизоде мы остаемся в области версий и никакой абсолютной истиной относительно истории с копией пушкинского письма не располагаем.

В 1827 году было прочитано письмо двадцатилетних приятелей А.И. Кошелева (будущего известного славянофила) и В.П. Титова (будущего писателя и дипломата) из Петербурга в Москву своему товарищу, И.В. Киреевскому (будущему религиозному философу) с просьбой объяснить его позицию по актуальным вопросам. 6 июля 1827 года Бенкендорф поручил своим подчиненным выяснить: «Кто такой Киреевский, какую он имеет общую репутацию, какого поведения, с кем находится в связях и сношениях?» Такую же информацию он потребовал выяснить и в отношении авторов письма. 9 августа в Петербург пришло донесение начальника 2#го округа Корпуса жандармов генерала А.А. Волкова. О Кирее-

перепечатала заметку в день выхода журнала из печати.

¹³⁰² Новое время. 1880. 31 августа (12 сентября). № 1619. С. 2–3; 14 (26) сентября. № 1633. С. 3; Русская старина. 1880. Т. 29. № 10. С. 425–426.

¹³⁰³ Вересаев В. Спутники Пушкина: В 2 т. Т. 2. М.: Локид-Пресс, 2001. С. 240.

¹³⁰⁴ Эйдельман Н.Я. Пушкин. С. 362.

¹³⁰⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 473–480.

евском сообщалось, что в его разговорах, «отрывистых и остроумных», «приметна искра либеральная; однако же... весьма осторожен, а других уважительных пристрастий в нем не видно». В результате по распоряжению Бенкендорфа, утвержденному государем, за всеми троими было учреждено негласное наблюдение¹³⁰⁶.

В августе 1830 года молодой чиновник канцелярии новороссийского губернатора М. Кирьяков в письме восторженно писал об июльской революции во Франции, свидетелем которой он был в Париже: «Я не могу... благодарить досыта свое счастье, доставившее мне случай видеть революцию 26, 27 и 28 июля. Ничего более любопытного я не могу видеть в жизнь свою – в три дня низвергнутую монархию. Были минуты ужасные, как, например, в то время, когда разнесся слух, что обложил Париж войском и хочет принудить к повиновению непокорных своих подданных голодом». Автор письма, по мнению III Отделения, оказался «столь же нелепым, как и предосудительным революционером». Тем не менее Кирьяков был уволен со службы и взят под надзор¹³⁰⁷.

Просмотру подвергались письма не только людей подозрительных в политическом отношении (к таковым, безусловно, относился А.С. Пушкин) или случайных, но и тех, чья преданность престолу, казалось бы, не вызвала сомнений. Например, воспитатель цесаревича Александра (будущего Александра II) поэт В.А. Жуковский писал своему другу А.И. Тургеневу в ноябре 1827 года:

Удивительное дело! Ты только 12 ноября получил первое письмо мое. Итак, ты не получил многих. Не понимаю, что делается с письмами. Их читают, это само по себе разумеется. Но те, которые их читают, должны бы, по крайней мере, исполнять с некоторой честностью плохое ремесло свое. Хотя бы они подумали, что если уже позволено им заглядывать в чужие тайны, то никак не позволено над ними ругаться, и что письма, хотя читанные, доставлять должно. Вот следствие этого проклятого шпионства, которое ни к чему вести не может. Доверенность публичная нарушена; то, за что в Англии казнят, в остальной Европе делается правительствами. Часто оттого, что печать худо распечаталась, уничтожают важное письмо, от которого зависит судьба частного человека. И хотя была бы какая-нибудь выгода от такой нечестности, обращенной в правило! Что ж выиграли, разрушив святыню – веру и уважение к правительству? – Это бесит! Как же хотеть уважения к законам в частных людях, когда правительства все незаконное себе позволяют? Все это для тех, кто рассудит за благо прочитать это письмо¹³⁰⁸.

В число подозрительных писем, которые вскрывались и из которых делались выписки для императора, попадала переписка между выпускником Пажеского корпуса князем С.А. Долгоруким и его отцом, сенатором и будущим министром юстиции князем А.А. Долгоруким; начальником Училища колонновожатых генералом А.И. Хатовым и его предшественником Н.Н. Муравьевым; публицистом А.И. Тургеневым и писателем, драматургом С.П. Жихаревым; сатириком и журналистом А.Ф. Воейковым и писателем Н.А. Полевым и между многими-многими другими¹³⁰⁹.

В 1840 году перлюстрированное письмо стало причиной новых неприятностей для А.И. Герцена. Можно напомнить, что в 1834 году он, в ту пору молодой человек – двадцати

¹³⁰⁶ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 288–289.

¹³⁰⁷ Там же. С. 289.

¹³⁰⁸ Афанасьев В. Жуковский. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 251–252.

¹³⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 18. № 12. Л. 86–98 об.

двух лет от роду, был арестован по «делу о лицах, певших в Москве пасквильные песни» и до лета 1839 года находился в ссылке под гласным полицейским надзором. В начале 1840 года в чине титулярного советника был принят на службу в канцелярию Министерства внутренних дел. Управляющий министерством граф А.Г. Строганов покровительствовал ему. Но в конце того же года было перлюстрировано письмо Александра Ивановича своему отцу И.А. Яковлеву в Москву. В нем, в частности, упоминалось об убийстве купца будочником (полицейским) у Синего моста. В результате Николай I распорядился за «распространение неосновательных слухов о происшествиях в столице» выслать Герцена в Вятку. На допросе, проводившемся управляющим III Отделением и начальником штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельтом, и на аудиенции у начальника III Отделения и шефа Корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа Герцен доказывал нелепость преследования за сообщение, о котором широко судачили в Петербурге. Наказание было смягчено. Летом 1841 года Александра Ивановича отправили советником губернского правления в Новгород¹³¹⁰.

В 1840#е годы вскрывались письма тяжелобольного поэта Н.М. Языкова. В частности, по поводу его письма брату Петру в Симбирск в меморандуме для императора отмечалось, что поэт, «входя в рассуждение о политических предметах, объясняет мысли свои в весьма темных выражениях». Николай I предписал начальнику 2#го округа Корпуса жандармов «иметь за Языковым секретное наблюдение»¹³¹¹.

Весной 1849 года был арестован за распространение в рукописи своих «Писем из Риги» писатель, общественный деятель Ю.Ф. Самарин. Он провел двенадцать дней в Петропавловской крепости. 17 марта состоялось его свидание с Николаем I, после которого он был освобожден. Но в тот же день был арестован И.С. Аксаков. Главной причиной ареста стали его перлюстрированные письма отцу С.Т. Аксакову и брату К.С. Аксакову из которых III Отделение усмотрело «приязнь к Ю.Ф. Самарину». После письменного ответа на двенадцать вопросов Иван Сергеевич был освобожден, но за ним был установлен тайный надзор¹³¹². В меморандуме напротив трех выписок из писем И.С. Аксакова отцу было записано суждение Николая I: «Иван Аксаков был арестован, но из бумаг и объяснений его оказалось, что он, будучи привержен к Русской старине, вполне предан престолу и отечеству; и что все сомнительные выражения в его письмах относятся до иностранных держав». Заодно была сделана выписка из письма Константина Аксакова брату Ивану, в которой автор письма, узнав об освобождении брата, восхвалял правосудие. В данном случае было помечено, что письмо «не требовало производства»¹³¹³.

Познакомившись на практике с перлюстрацией, И.С. Аксаков, отправившийся по делам службы в Ярославль, писал родным 23 мая 1849 года: «Пожалуйста, обратите внимание на то, будут ли распечатываться письма, адресованные в Посад или нет» (родные жили в это время в селе Абрамцево и могли получать письма в Москве или в Троицком Посаде). В письме от 13 июня он объяснил причину, почему все письма направлял в Троицкий Посад: «Все же, мне кажется, этим путем лучше. Мне вовсе не хочется, чтобы московский почтамт знал, что я пишу из Ярославля»¹³¹⁴. Но эта предосторожность вовсе не гарантировала их переписку от просмотра. Отец, С.Т. Аксаков, с иронией писал 24 ноября 1849 года сыну Ивану в Ярославль, что уже две недели родные не получают от него писем, хотя «прежде [они] доходили к нам на третий день. Согласись, что я имею причину к беспокойству... Меня

¹³¹⁰ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. IX. М., 1956. С. 53–65; Ван Россум // Прометей. Т. 8. С. 358–359.

¹³¹¹ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19. Д. 212. Л. 11 об.

¹³¹² Егоров Б.Ф. Старшие славянофилы о власти и обществе // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 98.

¹³¹³ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19. Д. 212. Л. 21 об.

¹³¹⁴ Аксаков И.С. Письма к родным (1849–1856). М.: Наука, 1994. С. 7, 16.

утешает другая мысль: я предполагаю, что письма твои показались так интересны по своему содержанию, что заблагорассудили не сообщать их твоему семейству»¹³¹⁵.

Перлюстрация переписки Аксаковых продолжалась и в последующие годы. В архиве III Отделения хранятся, в частности, копии писем отца писателя от марта 1852 года, самого И.С. Аксакова к отцу, к князю А.В. Оболенскому в Ярославль в марте 1853 года и др.¹³¹⁶ Выписка из письма И.С. Аксакова матери Ольге Семеновне от 29 мая 1876 года заверена начальником III Отделения А.Л. Потаповым. На этом документе сохранились резолюции Александра II. Иван Сергеевич размышляет о начавшейся войне Сербии против Турции, о враждебной России политике Англии. Напротив концовки фразы «...теперь положением дел командует Англия. Надобно признаться, что она мастерски повела игру и оставила нас в дураках» императором надписано: «Не совсем!» Напротив фразы «...в конце концов, все это разразится страшною войною России и всего славянства против всей Европы» стоит пометка: «Надеюсь, что этого не будет!»

В расчете на перлюстрацию Хомяков 30 мая 1847 года писал Ю.Ф. Самарину, отрециваясь от членов «Кирилло-мефодиевского братства» (их сепаратизм был ему не по душе) и от политики вообще¹³¹⁷. В сентябре 1857 года было перлюстрировано письмо Н.А. Некрасова его гражданской жене А.Я. Панаевой¹³¹⁸. В начале 1850#х годов императору доложили выписку из письма драматурга, театрального критика Ф.А. Кони московскому писателю, переводчику М.Н. Лихонину. В меморандуме были выделены сообщение Кони, что драма «Макбет», переведенная Лихониным, пропущена «со множеством исключений и переделок», а также его критическое высказывание в адрес славянофилов¹³¹⁹. Была доложена и выписка из письма верноподданного писателя и чиновника Ф.Ф. Вигеля графине А.Д. Блудовой с критикой славянофильства. Вигель указывал на то, что обвинение славянофилов в демократических идеях основано на их энтузиазме по отношению «к Казанской и Новгородской вольности, вечевому колоколу»¹³²⁰.

Большое внимание, особенно в первые годы правления Николая I, уделялось переписке офицеров русской армии. В частности, 1 апреля 1826 года начальник штаба 1#й армии барон Толь отправил И.И. Дибичу четыре копии писем, шедших через киевскую почту. Среди них было письмо подполковнику Л.В. Дубельту (будущему управляющему III Отделением и начальнику штаба Корпуса жандармов) и письмо его жене А.Н. Дубельт от ее сестры¹³²¹. Генерал В.В. Левашов от имени управляющего Главным штабом сообщал главнокомандующему 2#й армией 1 марта 1829 года:

Государь император... повелеть соизволил препроводить к Вашему сиятельству три выписки из писем: <...> от Войнич-Сеножецкого к поручику Сабурову, <...> от Петра Мельгунова к Е. Мельгунову, <...> от Владимира Обручева [В.А. Обручев – в 1828 году дежурный генерал 2#й армии] к князю Н.Г. Щербатову [генерал-майор], чтобы кроме Вас никому известны не были... Первая из сих выписок – единственно к сведению Вашему, вторая – для сведения и соображения; третью Государь... изволил видеть с неудовольствием и повелел сообщить... что Его Величеству весьма бы желательно было, если бы Вы не обнаруживая источника,... нашли

¹³¹⁵ Чукарев А.Г. Тайная полиция России. С. 293–294.

¹³¹⁶ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19. Д. 212. Л. 32 об., 38.

¹³¹⁷ Егоров Б.Ф. Старшие славянофилы о власти и обществе. С. 99.

¹³¹⁸ Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский. С. 13–14.

¹³¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1844. Оп. 19. Д. 212. Л. 38.

¹³²⁰ Там же. Л. 38 об.

¹³²¹ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 74. Л. 6.

возможность прекратить сообщения столь неприличные и вредные для службы о состоянии армии и вообще о положении и ходе дел, лицам вовсе посторонним ее управлению¹³²².

Внимание перлюстраторов и императора привлекали письма не только людей известных, но и просто рассуждающих на какие-то общественные темы, или излагающих различные слухи, или отзывающихся без должного почтения о сильных мира сего. В таких случаях резолюции императора имели несколько вариантов: «действительно ли писал такой-то», «непременно узнать об упоминаемом», «обратить особенное внимание», «иметь под наблюдением», «взять в осторожное наблюдение образ мыслей», «насколько это справедливо», «на рассмотрение». Иногда государь просто приказывал переслать выписку цесаревичу Константину Павловичу, фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, тому или другому должностному лицу.

Например, 27 мая 1826 года начальник Главного штаба И.И. Дибич сообщил рижскому военному и псковскому, лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генерал-губернатору маркизу Ф.О. Паулуччи выписки из двух писем графа Н.П. Палена и желание государя иметь его под наблюдением. В ответ 8 июня Паулуччи напомнил, что еще в 1822 году подавал записку Александру I о положении в Италии, обращая внимание на некоторых российских подданных, проживавших там, и в том числе на Палена. В результате получил тогда указание учредить над Паленом по возвращении «неприметный надзор», но ничего предосудительного не было замечено. Тем не менее генерал-губернатор обещал иметь графа Палена «под особым моим наблюдением»¹³²³.

Значительное внимание уделялось письмам учащихся молодых людей. В конце февраля 1826 года было скопировано письмо воспитанника Московского университетского пансиона Егора Морозова корнету Лубенского гусарского полка А.А. Куцынскому в Могилев. Юноша писал:

Какие сказать тебе новости? <...> Александра [I] провезли через Москву благополучно, т. е. не было никакого бунта, хотя и говорили, что непременно будет. <...> Что касается до печальной процессии, то она изъевляла более радость, чем печаль. Лошади в черных мантиях лягались, а ведущие их во все горло хохотали. Господа сенаторы, встречаясь со знакомыми, ... все разговаривали о картах и о еде. Даже генералы хохотали и были нагреты спирту [так в тексте]. <...> Адъютанты их, как угорелые, скакали из одного конца улицы в другую без всякого дела. Словом это была более комедия, нежели трагедия. <...> [В.В.] Орлов-Денисов [генерал-адъютант, сопровождал гроб с телом Александра I из Таганрога в Петербург] было побранился с нашим [Д.П.] Голицыным [военный генерал-губернатор Москвы] за то, что последний сказал ему, что его власть в рассуждении распоряжения простирается только до заставы... Однако помирились. Сколько отсюда притащили в Петербург, то это ужас – почти половину Москвы. <...> Теперь мы ожидаем новых сочинений Пушкина, Цыгане и трагедию «Борис Годунов» – обе эти пьесы уже в печати. Сколько прольется патетических слез на прах Александра! Сколько вздохов лицемерных исторглись из сердец русских! <...> Он отторг название Великого и признательное отечество нарекло его благословенным. Сколько появилось портретов усопшего монарха с такими надписями! Теперь в моде

¹³²² Там же. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 4707. Л. 1–1 об.

¹³²³ Там же. Ф. 36. Оп. 4. Д. 250. Л. 1–6 об.

кольцо черное, на котором надписано: наш ангел на небесах. Эти слова взяты из письма Елизаветы Алексеевны [супруга Александра I] к Марии Федоровне [мать Александра I], где она говорит о смерти Александра... У меня это письмо было на трех языках. Я недавно видел кольцо черное, на котором написано: Наш ангел на небеси, а если придавить пружинку, то отскочит и увидите слова: а дьявол на земли. <...> В мае будет коронация; не будешь ли ты на ней? Приезжай, любезный, очень меня обрадуешь.

Через несколько дней было перлюстрировано письмо учителя Московского университетского пансиона А. Гаврилова отцу Егора Морозова И.Г. Морозову в село Насачево Звенигородского уезда Киевской губернии. Классный наставник сообщал, что Егор на днях переводится в шестой класс, что учится он хорошо, кроме математики, и особенно успевает по литературе. Естественно, оба письма были доложены императору, который усмотрел в письме воспитанника «дурной дух» и «сколь непозволительны сообщаемые им... известия». И.И. Дибич направил обе выписки Д.В. Голицыну, сообщив, что «Его Величеству угодно, чтобы... на молодого Морозова, так и на учителя его Гаврилова, и вообще на учащих и на учащихся в Московском университетском пансионе обратили особенное... внимание». Особо было указано узнать о кольце с пружиной. «Дурные мысли» юноши подтверждала и перлюстрация его письма отцу от 9 марта 1826 года. Благодаря за письмо и присылку 100 руб., сын писал: «Стоит выхлопотать мне камер-юнкерство. Это достоинство получается ни за что. Иметь при Дворе одну тетушку, вот только и надобно»¹³²⁴.

В октябре 1832 года была представлена выписка из письма шестнадцатилетнего воспитанника Института путей сообщения графа Сергея Оболенского отцу С.П. Оболенскому в Москву. Юноша писал, что «в выборе друзей... успехов много не имел, ибо до сих пор нашел только одного: польского графа [Александра] Гауке. Этот молодой человек <...> год пред сим он носил оружие против нас в конной артиллерии [участие в восстании 1830–1831 годов]». Более всего Сергею нравилась в Александре «любовь к своему Отечеству, но выдержанность в обращении с русскими». По собранным справкам оказалось, что в Институте путей сообщения учатся трое братьев Оболенских: Сергей, Петр и Андрей. Александр Гауке был принят 31 августа 1832 года по просьбе дяди, генерала И.И. Гауке, состоящего в свите его величества.

Военный министр А.И. Чернышев направил директору института П.П. Базену представление, что по дошедшим до государя сведениям «о несовершенно благонадежном образе мыслей... Александра Гауке» его величество предлагает обратить на него «самое неприметное, но внимательное наблюдение» и «чтобы в столь же осторожное наблюдение взят был образ мыслей... трех братьев князей Оболенских, в особенности же Сергея Оболенского, который, сколько известно, почитает в Александре Гауке лучшего своего приятеля и восхваляет некоторые его суждения»¹³²⁵.

В 1826–1827 годах перлюстрировались письма поручика лейб-гвардии Литовского полка Н.А. Обручева из Варшавы. В ноябре 1827 года императору была представлена выписка из его письма старшему брату, генерал-майору и начальнику штаба 2#го пехотного корпуса Владимиру Афанасьевичу Обручеву. Молодой офицер с позиций официального патриотизма делился мыслями о внешней политике России. Он, в частности, писал:

Воскресивши Польшу [речь идет об образовании Царства Польского в составе Российской империи в мае 1815 года] мы приобрели только одну выгоду... мы восстановили Царство и теперь Варшава есть средоточие для

¹³²⁴ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 592. Л. 1–4.

¹³²⁵ Там же. Оп. 10. Д. 175. Л. 3–5 об.

всех поляков; Литва, Волынь, Галиция, все это будет стремиться к обретению прав, существующих в Царстве Польском. <...> Мы собрали Литовский корпус [Литовский отдельный корпус существовал в 1817–1831 годах], где офицеры и солдаты поляки... вострили меч, который рано или поздно обнажится на Россию. А вражда поляков к русским не примирится; они... не умеют ценить благодеяния России.

Далее Николай Обручев предлагал «разорвать Польшу на клочки, завладеть Стамбулом, держать всегда в изнеможении Грецию. Вот первый путь к благоденствию России, это рычаг Архимеда, которым Петр [I] повернул бы всю Вселенную». По воле государя И.И. Дибич отправил выписку цесаревичу Константину Павловичу в Варшаве.

Что именно не понравилось высшей власти в данном случае, понятно из сообщения Константина от 22 декабря. Великий князь указывал, что поскольку письмо «заключало в себе политические рассуждения», то он вызвал Владимира Обручева к себе и, не объявляя о переписке, сказал, что к нему доходят «неприличные суждения его о политических делах». Далее цесаревич объявил: «Обязанность ваша заниматься службой, а не мешаться в политические дела и рассуждать об них». В заключение следовало резюме, что «сей офицер во всех отношениях отличнейший как по службе, так и по поведению, и я остаюсь в полной уверенности, что он с сего времени подобною неприличною перепиской заниматься уже больше не будет»¹³²⁶.

В конце ноября 1838 года была сделана выписка из письма Федорова из Ярославля некоему А.И. Комарову в Москву. Чиновник писал приятелю:

...расскажу, что думаю – я не верю больше ни во вдохновение [М.П.] Погодина, ни в диалектические хитрости [И.И.] Давыдова и [С.П.] Шевырева, ни в мертвое подобострашие [А.В.] Никитенко перед авторитетом [Ф.#К.] Савиньи – о прочих уже не говорю; я одно только уважаю – скептицизм [М.Т.] Каченовского. Что совершается вокруг нас, я не понимаю; не разгадать или глупость или гнусность; благородства я еще не видывал – ума глубокого не сыскать.

А.Х. Бенкендорф поручил подполковнику Кованько собрать сведения о чиновнике Федорове: «...кто он такой и как себя ведет и о последнем мне доложить». В декабре жандармский офицер сообщил о двух чиновниках Федоровых, возможных авторах письма: первый – столоначальник Николай Васильевич, окончивший Московский университет, «поведения кроткого, не имеющий никаких порочных наклонностей»; второй – Павел Иванович, «человек без воспитания, но к должности своей способный и честный, поведения хорошего». Вывод был успокаивающий: «Службою и поведением обоих... начальство совершенно довольно»¹³²⁷.

В 1856 году было перлюстрировано письмо студента Казанского университета своему приятелю от 5 апреля. Особое внимание чинов III Отделения привлекли следующие строки: «Кутежи наши имеют свой особенный характер: у нас обыкновенно являются разговоры о политике, о свободе и т. п. <...> являются тосты – за Н.Г. Чернышевского первым

¹³²⁶ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 48. Л. 1–3; Д. 549. Л. 1 – 5. Обручев В.А. (1793–1866). Обручев Н.А. (1802–1837) умер в звании полковника, командира Самогитского гренадерского полка. Его сын Н.Н. Обручев (1830–1904) был начальником Генерального штаба в 1881–1897 годах.

¹³²⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1838. Оп. 13. Д. 222. Л. 1 – 4. Давыдов И.И. (1792/1794–1863) – философ, профессор и проректор Московского университета. Каченовский М.Т. (1775–1842) – историк, литературный критик, профессор Московского университета. Никитенко А.В. (1804–1877) – историк литературы, цензор, профессор Санкт-Петербургского университета. Погодин М.П. (1800–1875) – историк, писатель, профессор Московского университета. Савиньи Ф. – К. (1779–1861) – немецкий правовед, основатель исторической школы права. Шевырев С.П. (1806–1864) – историк литературы, критик, член Санкт-Петербургской академии наук.

долгом, потом мы воспевали вольность, свободу <...> не может быть, чтобы тебе в душу не запали слова Николая Гавриловича Чернышевского, нашего просветителя». На выписке против слов о тостах «за Н.Г. Чернышевского» Л.В. Дубельт пометил: «Неизвестен», а вторая фраза о Чернышевском была подчеркнута красным карандашом. На копии письма Александр II 15 апреля надписал: «Сообщить выпискою министру народного просвещения [А.С. Норову], не обнаруживая источника, как о слухах, дошедших до сведения»¹³²⁸.

При Александре II перлюстрация писем российских литераторов не только не прекратилась, а стала еще более распространенной. В составленной в 1857 году ведомости перлюстрации переписки М.Е. Салтыкова-Щедрина, кроме писем ему и от него, упоминались, в частности, письма Н.А. Некрасова А.И. Тургеневу, письмо некоего Мефодия М.Н. Каткову. На выписке из одного из писем Салтыкова-Щедрина начальник III Отделения В.А. Долгоруков пометил: «Составить памятную записку о намерении Салтыкова написать статью под заглавием “Историческая догадка”»¹³²⁹.

Материалы перлюстрации после Крымской войны подтверждают нарастание недовольства существующей системой среди правящей элиты и ожидание ею серьезных реформ. При этом критика звучала из разных идеологических лагерей. В 1857 году тайный советник В. Скрипицын жаловался из-за границы своему знакомому, генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому, на существующий порядок вещей и выражал надежду, что железные дороги и пар образуют русских гражданами, а Россию – государством и что она перестанет быть «кочующим казачьим лагерем, где меч – единственная власть, а воля каждого сотника – закон»¹³³⁰. В сентябре 1858 года была сделана очень подробная выписка из письма К.П. Победоносцева из Москвы своему приятелю С.М. Сахарову в Петербург. Будущий обер-прокурор Синода с возмущением рассказывал о злоупотреблениях чиновника 7-го департамента Сената в Москве Глаголева, который старался с помощью связей и взяток помешать сироте – племяннице тамбовского помещика Трояновского получить законную долю наследства. Особое внимание непрошенных читателей привлекла фраза о том, что в канцелярии обер-прокурора Синода Д.И. Толстого, куда стараниями Глаголева посылались дело, из него была вырезана жалоба несчастной девушки. К выписке прилагалась справка на К.П. Победоносцева и С.М. Сахарова¹³³¹.

Неудовольствие верховной власти могли вызвать какие-то высказывания и людей вполне благонамеренных. Ознакомившись с перлюстрацией письма директора Училища правоведения А.П. Языкова приятелю, секретному агенту русского правительства в Берлине Л. Шнейдеру, от 30 сентября 1858 года, Александр II выразил неудовольствие в связи со следующим местом: «Никогда еще Россия не обнаруживала такого сильного стремления к переменам, как ныне; влияние “Колокола” растет с каждым номером и читают его везде. Тут не помогает никакая китайская стена, чтобы не впустить его в Россию; именно потому, что он так строго запрещен, всякий желает прочесть его, а так как он печатается на родном языке нашем, то действие его сильно и повсеместно». Император сделал надпись: «Очень нужно Языкову писать обо всем этом Шнейдеру»¹³³². 22 сентября 1861 года будущий начальник Главного управления по делам печати в 1883–1896 годах Е.М. Феоктистов делился с князем Н.А. Орловым:

¹³²⁸ Литературное наследство. Т. 67. М., 1959. С. 130.

¹³²⁹ Там же. С. 450, 456–458, 462.

¹³³⁰ Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский. С. 246.

¹³³¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. 1858. Д. 2750. Л. 1–3.

¹³³² Абакумов О.Ю. Тайная роль актера Л. Шнейдера. С. 189. Языков Александр Петрович (1802–1878), директор Императорского училища правоведения (1849–1877), генерал-лейтенант (1856), автор ряда исторических работ. Шнейдер Людовик (Луис) (1805–1878) – актер в Берлине, журналист, корреспондент «Северной пчелы», с 1848 года был платным сотрудником III Отделения.

Правительственные стеснения положительно становятся невыносимыми. Нельзя скрывать, что неудовольствие господствует всюду, и весьма сильное. В обществе только и слышатся разговоры о необходимости подать правительству адрес с тысячами подписей, в котором были бы изложены требования либеральной партии. Эти требования состоят в свободе печати, гласном судопроизводстве, отмене телесных наказаний и обнародовании бюджета. Большинство просвещенного общества принадлежит к этой либеральной партии. Да, впрочем, что я говорю – либеральной партии! Вернее, требования всего просвещенного дворянства, всех сколько#нибудь просвещенных людей!¹³³³

В 1866 году регулярно читались письма некоего А. Ефремова из Петербурга. Например, 7 августа он писал М.Н. Головину в Москву о предполагаемом расширении власти губернаторов в таких словах: «Пройдет столетие, и потомство не поверит, что под управлением добрейшего из царей было проявлено так много деспотизма и своеволия ближайшими к нему администраторами»¹³³⁴.

В конце 1850#х годов, в годы подготовки крестьянской реформы, перлюстрация фиксировала повышенное внимание к этой проблеме. В переписке мощно звучал голос консервативного дворянства, пугавшего верховную власть грядущей катастрофой. Вот лишь некоторые из выписок. М. Позен из Полтавской губернии 8 августа 1858 года сообщал: «Здесь пока нет еще важных беспорядков, но волнение весьма заметно <...> Сомнительно, чтобы порядок удержался, если не будут употреблены самые энергичные меры к обузданию своеволия крестьян». С. Мосолов из Борисполя 23 сентября 1858 года: «Здесь край наполовину уже в бунте: послушания нет, работы едва идут... скоро свершится желаемое правительством восстание». Дмитрий Поливанов из Владимира-на-Клязьме своей сестре 22 августа 1860 года: «Народ явно не желает повиноваться дворянству! <...> Все мы пойдем с кошельками, т. е. те у которых останутся целы головы». Помещик Полтавской губернии П. Цертелев 27 декабря 1860 года: «В будущем предстоит грабеж, наверное, не знаю, будет ли он всеобщий, но в нескольких имениях у нас его ждут после нового года». М. Нор из Владимира: «Я подозреваю, что правительство само желает выпустить дворянскую кровь»¹³³⁵.

Одной из тем конца 1850#х – начала 1860#х годов, отслеживаемых чиновниками «черных кабинетов», была деятельность А.И. Герцена и отношение к нему в российском обществе. Кстати, заметим, что распоряжение Николая I в июне 1848 года «немедленно возвратить Герцена на родину» появилось в результате перлюстрации письма С.Я. Львова-Львицкого (двоюродный брат Герцена, знаменитый фотограф) из Парижа А.В. Поленову. В письме была фраза: «Мне горько, но становится еще грустнее, когда увижу Герцена, который опять прикатил сюда, вероятно привлеченный революцией...»¹³³⁶. С этого момента личность Герцена многие годы неизменно отслеживалась секретными службами, в том числе и путем перлюстрации. В конце 1850#х – начале 1860#х годов значительная часть писем была благожелательна по отношению к Герцену. Приветствовался обличительный характер его изданий: «Один только “Колокол” звучит правдою, не взирая ни на какое лицо», «Где только существуют искандеровские издания, там мало верят в святость и непогрешимость жителей Зимнего дворца». Отмечалось распространение его изданий в России, его влияние на молодежь: «Яд Герцена вторгся в здешнюю семинарию».

¹³³³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. С. 14.

¹³³⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 133. Л. 2–2 об.

¹³³⁵ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 18.

¹³³⁶ Муравьева Э.В. III Отделение и А.И. Герцен. С. 283.

Вместе с тем сердце самого высокопоставленного читателя этих выписок не могли не радовать такие высказывания: «Это какой#то пьяный террорист, Марат в пальто, в котором слепое озлобление на помещичью власть заглушило и разум, и совесть», «Он кричит из#за морей в нашу благоустроенную Россию: крови! крови! и дурни... становятся в ряды недобровольных, потому только, что Искандеру так угодно было», «...подлец Искандер, ругает наше правительство... взывает к топору, потому что сам... живет в безопасности за морем, а не скажет, а как же делать#то лучше. <...> всякий благомыслящий человек должен видеть в нем врага своего Отечества, может быть даже низкого наемщика англичан, одним словом, человека, который по ненависти или по найму желает возмутить свою родину». Естественно, что на некоторых из подобных писем имеются пометки Александра II: «Весьма благонамеренное письмо», «Хорошо, если бы побольше так думали!»¹³³⁷

В последующие десятилетия перлюстрировалась корреспонденция М.Е. Салтыкова-Щедрина и Л.Н. Толстого. Например, 7 января 1883 года на выписке из письма известного врача и общественного деятеля Н.А. Белоголового Салтыкову-Щедрину была сделана надпись: «Белоголовый – весьма подозрительная личность». В сентябре 1895 года А.Д. Фомин отправил директору ДП Н.Н. Сабурову подлинник письма лютерано-армянского пастора А. Амирханьянца Л.Н. Толстому¹³³⁸. При Николае II, как вспоминал вице-директор и директор ДП А.Т. Васильев, «в течение некоторого времени все письма Льва Толстого вскрывались и фотографировались цензором, а некоторые из его посланий, в которых Толстой выражал свои антивоенные взгляды, были представлены на рассмотрение Императору»¹³³⁹.

Не забывали в «черных кабинетах» и о возвратившихся в Центральную Россию после 1856 года декабристах, особенно о тех из них, кто сохранял общественную активность. В 1868 году была сделана пространная выписка из письма М.И. Муравьева-Апостола от 20 ноября племяннику М.И. Бибикову в Москву. Матвей Иванович писал:

Из всего, что происходит, я вывожу одно заключение – что никакое благоразумное правительство не должно и не может существовать без оппозиции, которая бы заставляла его оглядываться на всяком шагу... и мешала бы ему действовать на авось. Правда без полной гласности не может существовать правильной оппозиции, а между тем у нас даже в дальнем Иркутске ссылают в Минусинск даже бледную тень оппозиции, а что всего больнее: находятся люди, которые оправдывают произвол подобной ссылки. Наши убеждения так шатки у большей части людей, это какая#то безалаберная смесь общества дикого с либерализмом¹³⁴⁰.

Иногда из писем извлекались мнения на определенную тему и сообщались тому или иному министру для осведомления. Например, в 1866 году на протяжении примерно полугода был подобран ряд выписок на тему предполагаемого расширения прав губернаторов. В справке, подготовленной в III Отделении накануне 16 июля, указывалось: «Проект расширения власти губернаторов, как слышно, не пропущен Государственным советом. Говорят, что по этому поводу было чрезвычайно неприятное столкновение между гг. министрами военным и внутренних дел»¹³⁴¹. В 1868–1870 годах были сделаны выписки о результатах судебной реформы, направленные затем министру юстиции графу К.И. Палену. 7 июля 1868 года Николай Андреевич Зарудный писал в Петербург своему брату Александру:

¹³³⁷ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 17.

¹³³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 65. Д. 1. Л. 29; Д. 1168. Л. 203.

¹³³⁹ Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. С. 386.

¹³⁴⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 139. Л. 1–1 об.

¹³⁴¹ Там же. Д. 120. Л. 1–6.

У нас мировые суды идут очень плохо, благодаря лицам, которым новорожденное прекрасное дитя попало в руки, а жаль; дурные няньки на первых же порах искалечат здорового и славного ребенка! Уставы хороши, но исполнители куда как плохи, и своего назначения положительно не понимают! <...> Адвокатура тоже сильно хромает: старые доки, поверенные при новых порядках никуда не годятся, а молодые – ничего не понимают и думают выезжать только на эффектах и пустых словоизвержениях. Одним словом, машина идет пока очень плохо и не дает ожидаемых результатов, на которые все с таким упованием рассчитывали. Нет сомнения, что позже будет хорошо, но тем, кому пришлось пережевывать судебную реформу – плохо, очень плохо!!!¹³⁴²

30 января неизвестный отправил письмо на французском языке из Рязани в Петербург бывшему рязанскому гражданскому губернатору в 1860–1866 годах П.Д. Стремоухову. Здесь он весьма резко отзывался о ситуации в Рязани, называя ее разбойничьим притоном. Председателя окружного суда Коробьина автор обвинял в том, что во время ужина при исполнении гимна «Боже, Царя храни!» тот не встал. Н. Есипов 1 июня 1870 года описывал К.Ф. Головину, будущему известному писателю, а тогда чиновнику II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, ситуацию в Курске: «Если бы ты мог постигнуть в какую я попал ужасную труппу и если бы мог оценить, что за редкий негодяй теперешний мой прокурор Головин, то ты от души пожалел бы меня! Он позволяет себе всевозможные невежества... Если бы ты знал все мерзости, какие он делал прежним товарищам, которых Министерство уволило...». К письму имеется приписка: «Сведения из Курска. Прокурор Окружного суда так невежественно обращается со своими подчиненными, что они находятся в постоянном опасении за свою будущность»¹³⁴³. 9 февраля 1876 года император распорядился сообщить графу К.И. Палену выписку из письма председателю окружного суда в Саратове В.Р. Завадскому, находившемуся в Петербурге. Жена Завадского сообщала мужу о назначении в Саратов прокурором Булгакова, который, по ее словам, «скандальничал в Екатеринбурге» и о котором «его тамбовские сослуживцы вспоминают... с ужасом»¹³⁴⁴.

Тщательно просматривались письма представителей русского национализма и панславизма. Характерна выписка из письма того же В. Скрипицына 15 марта 1866 года графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому:

После рапорта Валуева [П.А. Валуев – министр внутренних дел в 1861–1868 годах] о положении остзейских крестьян и инструкции тамошним цензорам он просто гадок. О Головнине [А.В. Головин – министр народного просвещения с 1861 года по 14 апреля 1866#го] уже и говорить нечего. Когда Бог избавит Россию от этих срамных деятелей?! Спасибо Каткову [М.Н. Катков – редактор-издатель газеты «Московские ведомости» в 1863–1887 годах], что он обличает затеи немцев. Но жаль, что не помнят в России по недостатку русского элемента, не только в Литве в 1812 году приняли французов радушно, но и в Курляндии. У нас один Катков вступился за честь русского народа. <...> мы сами себя не уважаем, отчего и министры нас не уважают, и Европа нас презирает. Провозглашенный Николаем

¹³⁴² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 231. Л. 1–1 об.

¹³⁴³ Там же. Д. 227. Л. 1–4 об.; Д. 244. Л. 1–2.

¹³⁴⁴ Там же. Д. 262. Л. 1. В.Р. Завадский (1840–1910) – известный судебный деятель, в 1873–1879 годах – председатель Окружного суда в Саратове, с 1900 года был сенатором.

Павловичем принцип наш: Православие, Самодержавие, Народность – не должны оставаться мертвою буквою¹³⁴⁵.

Духом славянофильства и формулы «царю – власть, народу – мнение» было проникнуто письмо из Петербурга, посланное 12 августа 1866 года Владимиром Ивановичем Ламанским своему брату Евгению в Париж. Будущий известнейший историк и уже преподаватель Санкт-Петербургского университета писал председателю Государственного банка:

Следовало бы постепенно... закрыть Дерптский университет. <...> Я уверен, первая Русская Дума или Собор это сделают [фраза отчеркнута]. Немцы, французы, англичане сильны верою в духовную мощь своего народа. <...> Вера в свои силы нисколько не одно и то же с патриотическим самохвальством, так сказать казенным. <...> У нас, Евгений, многие продолжают на тебя надеяться [фраза отчеркнута]. Все хорошо понимают, что улучшение финансов должно стоять на первом месте. Главная мне кажется беда наша в том, что наша литература [два слова отчеркнуты], наши попечения, наши помыслы и идеалы – слишком дворянские. Мы слишком мало делаем для других классов, и именно самых производительных¹³⁴⁶.

В январе 1867 года была сделана выписка из письма известного военного публициста, генерал-майора в отставке Р.А. Фадеева. Он обращался к известнейшему историку М.П. Погодину с просьбой поспособствовать его племяннику Б.Ю. Витте поступить в Московский университет. По словам Фадеева, поступать в Одесский университет племянник не намерен, поскольку попечитель Одесского учебного округа А.А. Арцимович стремится «развивать польское и немецкое направление», предлагая действовать совместно в этом плане Ф.Ф. Витте, попечителю Варшавского учебного округа. На выписке была сделана надпись карандашом: «Проверить, заслуживает ли сообщение доверия»¹³⁴⁷. Судя по дальнейшему развитию событий, обвинения в адрес Арцимовича не подтвердились и он продолжал исполнять свои обязанности.

31 августа 1870 года на выписке из письма И. Павлова из Витебска В.Ф. Коршу в Москву от 27 августа появилась резолюция императора: «Характеристику Павлова». На следующий день начальник штаба Отдельного корпуса жандармов Н.В. Мезенцов направил телеграмму начальнику Витебского ГЖУ полковнику Турцевичу с просьбой собрать справки об авторе письма. Что же писал И.В. Павлов? «Здесь даже образованнейшие из наших немцев не скрывают своего убеждения, что Балтийское море нам улыбнется не сегодня, так завтра. <...> что она [борьба] неминуема, вам скажет всякий русский житель наших немецких окраин и смежных с ними губерний. <...> Нам предстоит новый 12#й год [1812 год] в квадрате». Через несколько дней в III Отделение поступила подробная характеристика управляющего Витебской контрольной палаты Ивана Васильевича Павлова, выпускника медицинского факультета Московского университета. По словам жандармского офицера, Павлов «обладает замечательным практическим умом, ... большою начитанностью и знанием света», его «служебная деятельность не оставляет желать ничего лучшего», «в семейном быту... ведет безукоризненно-нравственную жизнь; ... обладает самостоятельностью и в высшей степени энергическим характером; ... глубоко проникнут чувством русского патриотизма; ... вполне сочувствует идеям панславизма», хотя в его характере «проявляются резкость и раздражительность»¹³⁴⁸.

¹³⁴⁵ Там же. Д. 109. Л. 1–2.

¹³⁴⁶ Там же. Л. 6–7 об.

¹³⁴⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 109. Л. 11–11 об.

¹³⁴⁸ Там же. Л. 10, 12, 21–22 об.

4 ноября 1876 года, незадолго до начала русско-турецкой войны, государю доложили выписку из письма Е.Е. Рынкевича из Петербурга брату Д.Е. Рынкевичу в Москву. Вот что писал подполковник Ефим Ефимович Рынкевич, делопроизводитель в канцелярии Военно-ученого комитета (орган руководства военно-научной и разведывательной работой в 1812–1900 годах), своему брату Дмитрию – действительному статскому советнику, товарищу председателя Московского окружного суда:

Интересны высшие назначения. Непокойчицкий, Левицкий, Хоментовский, Коверский под звуки «еще польска не сгиняла» пойдут восстанавливать православие на Балканах. <...> все это не более как отражение нашей внутренней и внешней жизни. <...> Разве люди, заправляющие ходом нашей истории, понимают русские интересы? Не они ли самые первые враги России и всего славянства? <...> из всей нынешней кутерьмы на Балканах выиграют только Англия, Австро-Венгрия, Румыния и Греция... Многие скорбят, что в такое великое время, как теперешнее, у нас наверху нет ни одной... выдающейся личности и что наше время не под силу этим пигмеям... Что будут говорить о нашем времени лет через 50, когда выйдут на свет разные мемуары современников? <...> Какими фокуснически ничтожными бумаго-чернильными представятся наши великие реформы! Как тогда будет ясно, что все у нас делалось не для народной пользы, а для личной славы¹³⁴⁹.

В 1860–1870#е годы нарастает число писем революционно-демократического содержания. В октябре 1878 года Александру II было доложено письмо неизвестного из Санкт-Петербурга Григорию Федоровичу Аншукову в город Шенкурск Архангельской губернии. Автор писал:

Разве мы не рабы? Не грабит нас и не сосет нашу кровь только ленивый! Мы забиты, втоптаны в грязь. <...> Было время, когда я верил в так называемые «благие намерения» людей, командующих нами. Все их «благие начинания» сводятся к тому, чтобы содрать побольше шкур с многострадательного вола – народа, чтобы довести его до рабской покорности и идиотизма. Посмотрите... с какой жестокостью преследуют они проповедников правды, любви, мира, свободы, равенства и братства; скоро дойдет до того, что будут выворачивать наши души и удостоверяться в нашей «благонадежности»!

...Быть может, вы возразите, что в последнее время у нас появилось много доброго. Прежде всего, т. [ак] н. [азываемое] «освобождение крестьян», превозносимое до небес нашими лизоблюдами и холуями. <...> Если бы оставить все по#прежнему, то это... привело бы к кровавой развязке. <...> Что же дала народу эта великая реформа? <...> мужикам дали право беспощадно сечь друг друга и играть жалкую... комедию, называемую «крестьянским самоуправлением», да и то под наблюдением новых помещиков – мировых посредников, которым определили по полторы тысячи – тот же помещичий оброк! Что же касается благосостояния, мужикам великодушно отмежевали тощие и узенькие полоски земли... И

¹³⁴⁹ Там же. Д. 156. Л. 1–2 об. Непокойчицкий А.А. (1813–1891) – генерал от инфантерии (1868), начальник Полевого штаба армии (1876). Левицкий К.В. (1835–1890) – генерал-лейтенант, в 1876 году – помощник начальника Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Полковник Э.В. Коверский (1837–1916) – один из ведущих сотрудников военно-топографического отдела. Генерал-лейтенант П.М. Хоментовский (1828–1900) – помощник главного интенданта.

обязали выкупать этот великодушный дар, т. е. другими словами находиться в вечной кабале у помещиков и кулаков. <...>

Наш известный экономист [Н.В.] Шелгунов, рассуждая о косвенных налогах, пришел к выводу, как много мы вносим в правительственную казну. <...> говорить о бессовестной эксплуатации рабочего люда на фабриках и заводах, я полагаю лишнее. Теперь Вы поняли, что дала народу Февральская реформа! <...> Спору нет, что суд присяжных и мировой суд – прекрасные вещи, но как поставлены у нас эти суды? Правительство весьма остроумно изыало из суда присяжных такие дела, которые могли быть неприятны ему. По таким делам расправу чинит оно само.

В последнее время хищничество на Руси дошло до крайних пределов. <...> Хорошо, что земство учредило школы. Но от грамотности до образования еще далеко. [О русско-турецкой войне:] Я прежде думал, что мы воевали за освобождение славян, а теперь пришел к... заключению, что война велась за проливы, за клочки Бессарабии и за Батум [город Батуми с 1564 года находился в составе Турции. По итогам русско-турецкой войны 1877–1878 годов Батуми и Аджария были переданы России]. Стоило ли все это стольких жертв?

Если хотите вести аккуратную переписку, то дайте чей#нибудь адрес, например... какого#нибудь попа, только не свой – так то для вас удобнее. Адресуйте пока (пусть адресует кто#нибудь другой, малограмотный): адрес тот же... Андрею Григорьевичу Гордееву.

Резолюция императора гласила: «Кто такой?» Письмо было конфисковано. Начальнику Архангельского ГЖУ 16 октября было поручено «разузнать самым осторожным образом», есть ли у Аншукова в Петербурге знакомый, живущий в Шенкурске и занимающийся литературой. 18 декабря в III Отделение поступил ответ из Архангельска. Сообщалось, что Григорий Федорович Аншуков – крестьянин Шенкурского уезда, Велико-Никольской волости, Торнянского общества, деревни Лепшинской. Шестидесяти лет от роду, с семнадцати лет состоял в должностях сначала помощника волостного писаря, затем волостного писаря. Уезжал, в 1876 году вернулся на родину, живет с сыном в собственном доме, содержит питейное заведение, в котором торгует сын. «Жизнь ведет вообще не общительную, избегает всякого знакомства с односельчанами и ограничивая его только местным священником». Сведений о знакомых в Петербурге «не выходя из пределов осторожности, добыть в настоящее время не представилось возможным»¹³⁵⁰.

Даже знавшие о перлюстрации люди нередко не могли удержаться в письмах от высказывания, хотя бы и самого осторожного, своих подлинных настроений. Д.А. Милютин, живший в Крыму военный министр в отставке, записал в дневнике 1 февраля 1882 года: «... несмотря на всю сдержанность моих петербургских корреспондентов (опасающихся писать по почте что#либо нецензурное), во всех письмах... проглядывает общее неудовольствие в обществе, какое#то тяжелое чувство неизвестности, недоверия к нынешнему правительству, опасения неожиданных, крутых мер»¹³⁵¹.

С конца 1890#х годов перлюстрация фиксирует увеличение количества писем, отражающих нарастание оппозиционных, антиправительственных настроений, веру в приближение коренных преобразований российской жизни. Большие надежды возлагались на про-

¹³⁵⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 159. Л. 1–6, 9–10 об. Шелгунов Н.В. (1824–1891) – известный публицист, литературный критик.

¹³⁵¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882–1890. С. 24.

свещенческую работу в широких массах. Корреспондент из Москвы 22 ноября 1898 года писал знакомой, Инне Кореновой, в Париж:

Дружная работа большого числа лиц, их взаимная поддержка, продуктивность работы, более интенсивное изыскание средств, взаимные выгоды привлекали мое внимание, и у меня зародилась мысль всех лиц, готовых содействовать народному просвещению, соединить вместе. Теперь цель достигнута. Нас свыше 150 человек. План работы таков. Содействие просвещению крестьянских и рабочих масс, помощь в самообразовании учителям и, наконец, изучение нашими членами постановки дела народного образования и экономического состояния классов на нашей родине. Первой цели мы хотим достигнуть распространением лучшей литературы в народе, как рассылкой библиотек, так и распродажей посредством книгонош; второй – основанием учительской библиотеки в Москве и рассылкой им книг; третья же цель будет достигнута обменными рефератами на животрепещущие темы, которые будут написаны и уже написаны членами союза. Нужно прибавить, что учительская библиотечка уже основана, рефераты уже читаются, отсылка библиотечек, как самое немудреное дело, давно практикуется кружками¹³⁵².

Слушательница курсов в Москве, приехавшая из Сибири, А.А. Пятидесятникова писала своему знакомому, И.П. Рослякову:

В ноябре [1897 года] мне предложили заниматься в воскресной школе... Взамен тех сил, которые отдаешь, получаешь новый приток их... Тут предо мною взрослые работницы... приходящие в большинстве случаев с сознательными вопросами... Моя народная библиотека удовлетворить их не может, так что в воскресенье понесу им книжки. Одна из воскресных увезла штук 50 в деревню почитать своим. Мы уже успели сродниться, их интересы сделались моими. Зовут к себе, у одной была, столкнулась с рабочими, участниками стачки, – славные ребята. Вечер, проведенный среди них, сильно взбудоражил меня, еще более захотелось работать.

Другая слушательница курсов, Е.К. Никитина, в декабре 1898 года писала своей сестре в Нижний Новгород:

Я занималась в воскресенье с одним [рабочим] и осталась очень довольна и собою и им. Мы с ним беседовали о том, что хорошо бы читать книги и понимать их. Знаешь, очень интересный тип рабочего. Есть что-то в нем революционное. Я этот день положительно была счастлива... Главная задача социалистов, кажется, заключается в том, чтобы вот таким путем выяснить рабочим их положение и чего они должны требовать; вообще мечтают о революции¹³⁵³.

Ольга Шулятикова, окончившая 4-ю Московскую гимназию в 1893 году с серебряной медалью, младшая сестра будущего видного социал-демократа В.М. Шулятикова, писала жениху, художнику В.П. Кравцову:

У вас есть своя область, в которой вы живете всецело. А у меня свои задачи, которые я не променяю ни на что. Мне хотелось бы за эту зиму подготовиться к занятиям с рабочими, чтобы осенью сразу же, по приезде

---

¹³⁵² Меньщиков Л.П. Охрана и революция. Ч. 2. С. 38.

¹³⁵³ Там же. С. 37.

в Москву, заняться делом <...> Ведь вы знаете, единственная цель моя – учительство среди взрослых, которые в этом нуждаются <...> я хочу все свои знания передать другим. Другой жизни нет, и не может быть¹³⁵⁴.

И если одни планировали просто просветительскую деятельность, то другие занимались распространением революционной литературы. В ноябре 1898 года Н.И. Поповой писали в Москву из Нижнего Новгорода:

Я слышал: составляется список марксистских книжек для народа... Теперь, следуя, очевидно, примеру французских социал-демократов, а также постановлению Лондонского конгресса [конгресс II Интернационала в Лондоне в 1896 году], решили попытаться сдвинуть с места инертную массу крестьянства. Только одно меня смущает, что это за народные марксистские книжки? Уж не думают ли кружковцы, что в деревню пойдет и Бельтов [Г.В. Плеханов], и Ильин [В.И. Ульянов-Ленин]...¹³⁵⁵.

Резкое увеличение объемов перлюстрации с конца XIX века было связано, в частности, с ростом образованной части населения: студентов, служащих, интеллигенции, предпринимателей, общественных и политических деятелей. Конечно, далеко не всегда перлюстрация влекла немедленное наказание автора перехваченного письма. Но нередко дело обстоит именно таким образом. Например, в конце XIX века было перлюстрировано письмо гимназиста Бориса Грекова (будущего советского историка и академика Б.Д. Грекова) из города Грубешова (уездный город в Польше) студенту-медику Московского университета И.А. Будиловичу. Гимназист, в частности, писал о своем стремлении «принять участие в социально-демократическом движении». В результате будущий ученый был исключен из гимназии на последнем году обучения, которое вынужден был заканчивать в другой гимназии – города Радома¹³⁵⁶.

Практика массовой перлюстрации для выявления реальных настроений не только продолжалась, но и нарастала в начале XX века. В 1918 году журнал «Былое» опубликовал выдержки из «Обзора результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям государственной и общественной жизни России в 1903 году»¹³⁵⁷. Обзор состоял из трех основных разделов. Отдел первый включал следующие части:

Самодержавие. Государь император Николай II; Краткое внутреннее обозрение и деятельность высшей государственной власти; Высочайший манифест 26 февраля [«О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»]; Реформа местного управления и пересмотр законоположений о крестьянах по предначертаниям высочайшего манифеста; Высочайше учрежденное особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Отдел второй включал следующие пункты:

Государственный совет; Министерство внутренних дел; Министерство финансов; Министерство народного просвещения; Ведомство православного вероисповедания; Министерство иностранных дел.

Отдел третий состоял из весьма примечательных пунктов:

---

¹³⁵⁴ Там же. С. 42.

¹³⁵⁵ Там же. С. 37.

¹³⁵⁶ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков // Портреты историков. Время и судьбы. В 2 т. Т. 1. М.; Иерусалим, 2000. С. 209.

¹³⁵⁷ Былое. 1918. № 2 (30). С. 190–222.

Оппозиционное, противоправительственное и социально-революционное движение; Общий подъем общественного сознания и интереса к политическим вопросам. Успехи революционной пропаганды. Противоправительственные демонстрации; Тактика социально-революционной борьбы с государственным строем. Агитация среди крестьян; Рабочий вопрос; Революционная деятельность среди лиц военного сословия; Тайная переправа через границы империи политических преступников; Революционная деятельность русских эмигрантов за границей; Евреи; Поляки и малороссы; Армяне; Финляндия; Влияние на смуту группы русских литераторов, артистов и адвокатов. Вредное влияние на учащуюся молодежь некоторых лиц преподавательского состава высших учебных заведений. Студенческие вечеринки, землячества и организации. Революционное движение среди учащейся молодежи высших учебных заведений. Значение подпольной литературы, ее распространение. Брожение среди воспитанников средних учебных заведений. Политическое настроение у учителей и учительниц народных школ¹³⁵⁸.

Сами эти пункты убедительно доказывают нарастание внутривластного кризиса в империи.

Рост недоверия к официальной власти показывает включенная в отчет перлюстрация писем в связи с канонизацией Серафима Саровского. Поскольку традиционные опоры самодержавия к началу XX века все больше слабели, власть пыталась использовать для сакрализации самодержавия традиционное религиозное сознание. Если с конца XVII до конца XIX века состоялось три канонизации, то при Николае II – шесть и намечались новые. Первым из таких актов стала канонизация Серафима Саровского. В 1902 и 1903 годах были проведены два секретных обследования останков старца, но нетленного тела в гробу не оказалось, а по широко распространенному народно-православному представлению мощи святого предполагают нетленность его останков. Между тем в июне 1902 года императрица Александра Федоровна настоятельно потребовала канонизации старца. Тамбовский епископ Дмитрий был смещен с кафедры за отказ подписать акт, содержащий ложные утверждения. В результате в июне 1903 года были опубликованы «Акт освидетельствования мощей» и статья митрополита петербургского Антония (Вадковского) «Необходимое разъяснение». В ней митрополит разъяснял ошибочность обыденного представления о мощах, подчеркивая, что «святость старца Серафима определялась не свойством его останков, а верою народа и многочисленными чудесами». 19 июля 1903 года было объявлено о канонизации старца. Уже 17 июля в Дивеево прибыл император с семьей. Ритуал прославления Серафима Саровского в присутствии государя и царской семьи должен был подчеркнуть единство «православия, самодержавия и народности»¹³⁵⁹.

На деле, как показывает перлюстрация, даже в кругах российской верующей элиты имелись немалые сомнения и выраженный критический настрой в отношении этого события. Директор императорского лицея А.П. Соломон писал в конце июня отцу в Рязанскую губернию: «В Петербурге много разговоров по поводу мощей Св. Серафима. Опасаются, что отсутствие нетленного тела может вызвать в народе соблазны. Рассказывали, что монахи Саровской пустыни были против открытия мощей, говоря, что “мощей нет”. Монахи руководились желанием избежать сомнений и волнений в народе. Едва ли масса народа знает, что

¹³⁵⁸ Там же. С. 191–192.

¹³⁵⁹ *Басин И.* Миф мощей преподобного Серафима Саровского // Страницы: Богословие. Культура. Образование. Т. 2. Вып. 3. М., 1997. С. 385–397; *Фриз Г.Л.* Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107–109.

Церковь чтит и кости святых». Начальник переселенческого управления МВД А.В. Кривошеин (будущий главноуправляющий землеустройством и земледелием в 1908–1915 годах) делился с начальницей Женского института в Казани М.Л. Казем-Бек:

Я вполне с вами согласен относительно несвоевременности открытия мощей. Это была крупная ошибка; но письмо митрополита Антония... это просто глупость. Дурацкое письмо. Митрополит, пишущий опровержение во все газеты. Что за общение церкви с народом. Для этого есть послания Св. Синода, кафедра, но не полемика с подпольными листками... И что за неумный тон! <...> Ну, кстати ли в наше время говорить о воскрешении мертвого из костей пророка Елисея?! <...> говори об этом в церкви, в подобающей обстановке и подобающей публике. Воля ваша, а этот Антоний – просто напросто дурак. <...> Я очень боюсь этого Сарова: опасная вещь.

Дочь княгини А.И. Чернышевой писала матери в Харьков из Москвы: «Читали вы сообщение с. [анкт] – петербургского митрополита о том, что “мощи” о. Серафима Саровского оказались вовсе не мощами, а грудой костей и волос и остатков одежды?! <...> Прямо поразительно, до чего доходит бесстыдство наших “иерархов”, правителей церкви, со спокойной совестью говорящих слепому народу, что простой скелет разложившегося старца есть чудотворные, святые мощи!» Известный славянофил, деятель правых организаций Д.А. Хомяков делился с издателем журнала «Русский архив» П.И. Бартеневым: «Едва ли уместно письмо митрополита Антония об ислении мощей Серафима. <...> Дело не в том, какое отношение святости к ислению, а в том, имеет ли смысл выставить для чествования останки, утратившие тот образ, который один дает основание не хоронить покойника? <...> Замечательно, какой всеобщий упадок простого смысла во всем и почти везде!»¹³⁶⁰

Сама подготовка к пребыванию царя в Саровской пустыни также вызвала иронические отклики. Служащий рязанской земской управы сообщал некоему Орлову в Швейцарию:

Заготовили список имен представителей земства, дворянства; список этот передается губернатору, а тот передает жандармам, которые будут налагать свое veto! Служащий со мной рассказывал, как у него в доме делали обыск: в доме, во дворе, в погребках, в подполье, и подобные обыски делаются у всех живущих близ линии. В день приезда [царя] приказано вывесить всем флаги. Много народу живет в лачужках: это просто нищие, коим есть нечего; сколько они ни просили, протестовали, кричали, что не на что, – но на это кричали вдвойне, чтобы флаг был, иначе будет плохо. На все дома, стоящие близ линии, в день проезда на окна наложены будут печати, дабы не вздумали окна отворять; выходить на крыльцо строжайше запрещено, сидеть должны все в комнатах. <...> Вот как встречаем мы кормильца-царя!¹³⁶¹

Конечно, перлюстрация обнаруживала немало писем и с искренне монархическими настроениями. Это нашло отражение в корреспонденции после пребывания императора и императрицы в Москве в апреле 1903 года. Бывший член исполкома «Народной воли», а позднее раскаявшийся и вернувшийся в Россию публицист Л.А. Тихомиров писал, что «это царское пребывание было замечательно отрадно по проявлениям любви народной и по тому необычайно превосходному впечатлению, которое произвела царская семья». Камер-фрейлина, семидесятичетырехлетняя Е.П. Ермолова, в письме своему двоюродному брату, мини-

¹³⁶⁰ Былое. 1918. Кн. 6. № 18. С. 150–152.

¹³⁶¹ Там же. № 2 (30). С. 201.

стру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову, так описывала свои впечатления:

... я видела теперь те же чувства, какие Москва переживала при встрече и общении с царями Николаем I, Александром II и III, – хорошо было тогда и теперь это единение народа с царем. Мне на этот раз выпало счастье много быть около государя и про все на свете просто говорить с ним. Это чарующий человек. <...> Порадовали меня оба тем, что любят Москву. <...> в Москве царь и царица дома, их охватывает влияние русской старины, ее святыни, ее правды; они так доверчиво идут к народу, а он им открывает во всю ширь свои объятия¹³⁶².

Но даже эти люди, бывшие лично сторонниками самодержавия и питавшие к царю самые теплые чувства, не могли скрыть своего недовольства ситуацией в стране. Тот же Тихомиров писал о пребывании царской четы в Москве, что это «самая светлая черта нашей теперешней жизни и почти что единственная. А уж как перейдешь к предметам общественным и политическим, то не весело... какое-то недовольство, брюзжанье, которые не обещаю ничего хорошего. А со стороны власти тоже нет ясной линии поведения». Член Московского окружного суда Н.В. Алексеев делился с вице-консулом во Франкфурте-на-Майне Алябьевым: «Царя я видел два раза... Улыбка страдальческая на бледном, грустном лице. Я не сомневаюсь, от него скрывают настоящее положение вещей и представляют все в розовом цвете»¹³⁶³.

Да и к самому Николаю II, к официальному освещению его личной жизни верноподданные предъявляли претензии. Неизвестный из села Воронино Ярославской губернии писал своей тетушке в Вену:

Раньше я царя жалел, а теперь нет. <...> Если он, при всем полномочии, ничего не может в сфере государственной, то хоть частную свою жизнь обставил бы так, чтобы мы в ней хоть видели, что он действительно помнит, что он человек, а не только царь. Эти феноменальные по своей нелепости депеши из Скерневиц, где их величества изволят истреблять зайцев, фазанов и проч. дичи по 1500 штук в день, где по вечерам иллюминация в зверинцах и лесах и т. д. – совершенно непонятны. <...> Зачем нам знать, что из Варшавы было привезено 190 чел. артистов оперы и балета. Другие цари, хотя бы Александр III, <...> тихо уезжали в Финляндию, в шхеры, и это было много порядочнее¹³⁶⁴.

В частной переписке обсуждалась назревшая необходимость глубоких реформ. Известный славянофил-публицист генерал А.А. Киреев писал Л.А. Тихомирову:

Представляя свою записку... «Россия в начале XX столетия» нашему царю, я исполняю свой верноподданныческий долг... Молчать нельзя! <...> Нам невозможно топтаться на месте; [В.К.] Плеве [министр внутренних дел] – наш последний козырь; несмотря на свою даровитость, он не в состоянии удержать напора надвигающейся волны, у него мало поддержки! На стороне правительства нет сильных людей... Победоносцев [обер-прокурор Синода] совсем выдохся... Умный марксист Витте ведет нас... к

¹³⁶² Там же. С. 199–200.

¹³⁶³ Былое. 1918. Кн. 6. № 2 (30). С. 199, 201.

¹³⁶⁴ Там же. С. 196–197. Скерневицы – уездный город недалеко от Варшавы, где традиционно проходили царские охоты. В 1903 году охота проходила с 27 октября по 20 ноября.

банкротству экономическому и социальному. <...> Конечно, престиж царя еще велик... правительство – дискредитировано!¹³⁶⁵

Неизвестный «Петя» размышлял в письме В.Р. Писареву, сыну крупного землевладельца:

Число... социалистов и революционеров растет до такой степени быстро, что становится... страшно за Россию, которой суждено, по# видимому, пережить те же ужасы, что и Германии, Франции, Бельгии и т. д. Как бы хорошо пошло все, если бы революция произошла сверху, спокойно, мирно, постепенно, если бы только сейчас занялись бы разрешением вечных, давно известных всем вопросов. Если бы государя окружали люди верные, умные, а не такие, которые гнутся туда, куда ветер дует! Ведь есть же у нас в России такие люди! Только бы позвали их... И не было бы тогда у нас революции, ни боя, ни всего того ужаса, которым непременно сопровождается так называемая «черная» революция. Правительство, протяни оно руку всем этим Стаховичам [М.А. Стахович – орловский губернский предводитель дворянства], Шиповым [Д.Н. Шипов – председатель Московской губернской земской управы], Долгоруким [П.Д. Долгоруков – уездный предводитель дворянства] и Мухановым [А.А. Муханов – черниговский губернский предводитель дворянства], оно нашло бы в них представителей не враждебной партии, а наоборот – союзников, да каких! – преданных, готовых на все, будь только это высокая идея, от исполнения которой России будет польза. Все они не революционеры, а приверженцы «идеального самодержавия», или, в крайнем случае, «конституционисты»; все они хотят необходимые и неизбежные реформы провести не силой, все они ждут, что переворот произойдет по доброй воле государя¹³⁶⁶.

Но люди, близко стоявшие к власти, слабо верили в такую возможность. Попечитель Варшавского учебного округа А.Н. Шварц, будущий министр народного просвещения в 1908–1910 годах, в письме к ректору Юрьевского (Дерптского) университета А.Н. Филиппову так передавал свои впечатления от поездки в столицу:

Из Петербурга ничего утешительного не привез. <...> Все под вопросом, все неясно, неопределенно, да так, что, пожалуй, такой неопределенности ранее никогда не было. Что ждет нас – более чем когда# либо неизвестно. <...> в Петербурге не отдают себе даже отчета, что дело так долго идти не может. Приемы, балы, разводы в глазах высшего петербургского чиновничества занимают первое место, и очень страшно, не оказались бы эти пиры сродни Вальтасаровым. <...> Очень скверно!

Крайне правый редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут писал военному инженеру генерал-лейтенанту А.А. фон Вендриху: «...мы легкомысленно переживаем тяжелое время и не хотим видеть грядущего бедствия! <...> Мы очнемся лишь тогда, когда грянет катастрофа». Жене полтавского губернатора Н.П. Урусова, княгине В.Г. Урусовой, писали из Москвы:

Наш бедный царь слишком слаб для разрешения тяжелой задачи современного момента... Сейчас нужна была бы железная рука Петра I

---

¹³⁶⁵ Там же. С. 205.

¹³⁶⁶ Там же. С. 207.

или упорство и сознание своего права, как у Николая I или Александра III для того, чтобы задавить крамолу и попытки ее проявления. <...> вся Россия говорит об известном гипнотизере [имеется в виду Низье-Вашоль Филипп – гипнотизер, медиум, спирит из Франции. В 1901–1902 годах находился в России. Императрица в письмах 1915–1916 годов называла его «наш первый Друг»], производившем над царицей непристойные действия и оказывающем на государя самое опасное влияние. Сколько уже лет Россия является воплощением смуты и слабости. <...> Зло вкоренилось очень глубоко. <...> Всюду ослепление или недобросовестность правящих сфер, которые толкают наше бедное отечество по наклонной плоскости...¹³⁶⁷.

Сегодня мы знаем, что эти опасения, высказанные в 1903 году, оказались, к сожалению, пророческими: в январе 1905#го вспыхнула Первая российская революция.

В июле 1917 года следователь Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц П.Г. Соловьев осмотрел «Краткий отчет за 1908 год» объемом девяносто страниц и том «Государственная жизнь России в 1915 году» объемом 288 страниц. Что же волновало российских граждан после окончания революции 1905–1907 годов? Во вступлении к отчету за 1908 год отмечалось:

Секретная часть стремилась... по мере сил и возможностей извлекать из частной корреспонденции необходимые для правительства верные сведения о ходе жизни страны, беспристрастные мнения отдельных лиц о том или ином проводимом правительством законе; сведения о том, как отразилось действие закона на населении и т. п. <...> Кроме этих сведений, дающих возможность наблюдать политическую жизнь страны и проверять деятельность административных лиц, Секретной перлюстрационной части удавалось содействовать администрации следить за противоправительственными кружками и союзами, тормозящими благие начинания правительства в установлении нормальной жизни населения.

Здесь же указывалось: «Лишь одинокие голоса признавали, что желателен постепенный переход к успокоению и прогрессу. Большинство обвиняли Государственную думу в бездеятельности и выражали, главным образом, пожелание, чтобы скорее был положен предел произволу администрации в провинции».

Сам отчет включал следующие части:

1. Критика правительственной политики;
2. Министерство внутренних дел;
3. Отзывы о Председателе Совета министров П.А. Столыпине;
4. Деятельность революционных организаций;
5. Деятельность Государственной думы и ее членов;
6. Выступление в Государственной думе министра [иностраных дел А.П.] Извольского;
7. Построение Амурской железной дороги;
8. Проект земельной реформы; Жизнь крестьян в деревне;
9. Министерство народного просвещения: назначение [А.Н.] Шварца министром;
10. Министерство иностранных дел: Критика деятельности [А.П.] Извольского, Присоединение Боснии – Герцеговины к Австро-Венгрии, Сообщения из Китая, Сообщения из Персии;
11. Сведения по Военному и Морскому ведомствам: Крепости, Критика начальников частей, Казнокрадство, Флот, Авария с крейсером «Олег», Реформа Морского

¹³⁶⁷ Былое. 1918. Кн. 6. № 2 (30). С. 208–210.

министерства; 12. Окраины: Кавказ. Отзывы о графе [И.И.] Воронцове-Дашкове, Финляндия, Прибалтийский край¹³⁶⁸.

Из этого перечня видно, что перлюстрация охватывала все важнейшие на тот момент проблемы жизни империи. В отчете приведены выдержки из десятков писем государственных, политических, общественных деятелей, а также просто подданных Российской империи. Это письма родным (женам, детям, братьям и т. п.), друзьям, знакомым, коллегам и т. д. Здесь письма министров (министра народного просвещения А.Н. Шварца, министра иностранных дел А.П. Извольского), членов Государственного совета (И.Я. Голубева, графа Д.А. Олсуфьева, Ф.Д. Самарина, И.Ф. Тютчева, Д.Н. Шипова), членов Государственной думы всех направлений (мирнообновленца Н.С. Волконского, председателя фракции правых А.С. Вязигина, кадета Н.Н. Щепкина), губернаторов (А.П. Веретенникова из Костромы), генералов (Е.М. Дементьева, контр-адмирала М.А. Данилевского, генерал-майора М.С. Латернера, генерал-лейтенанта С.И. Русанова), политиков (М.В. Челнокова, Н.А. Хомякова), профессоров (С.Ф. Ольденбурга, А.Л. Погодина, И.И. Янжула), журналистов и публицистов (генерала А.А. Киреева, издателя газеты «Гражданин» В.П. Мещерского), чиновников (советника русского посольства в Пекине Д.И. Абрикосова, управляющего Ревельской контрольной палатой А. Щеголькова) и т. д. и т. п. Приведены выдержки из писем о реакции профессуры на назначение А.Н. Шварца министром народного просвещения и выдержки из писем самого Шварца, в которых он рассказывает о своем назначении. Надо отметить, что серьезного анализа перлюстрированной переписки в отчете нет. Имеются лишь краткие обобщения по отдельным разделам. Например, указано, что «сведения по Военному и Морскому ведомству... сводились к признанию, что наша армия, как и флот, требуют коренных реформ и искоренения развивающегося всюду казнокрадства». Любопытно, что, несмотря на окончание революции 1905–1907 годов и победу режима, в письмах представителей российской элиты нет особого оптимизма. Член Государственного совета, земский деятель Д.Н. Шипов писал дочери: «Разбиты все надежды на мирное преобразование политического и социального строя». Костромской губернатор в 1906–1909 годах А.П. Веретенников делился с генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным: «Внешнее успокоение только кажущееся, революция работает успешно и все более проникает в народ»¹³⁶⁹.

После начала Первой мировой войны руководство Министерства внутренних дел дало указание провести огромную по масштабам адресную перлюстрацию переписки части российской элиты. Дело в том, что ряд влиятельных фигур российской политики были против столкновения с Германией, опасаясь внутривнутриполитических последствий. Подобные доводы четко сформулировал П.Н. Дурново в своей записке на имя Николая II в феврале 1914 года¹³⁷⁰. Известно, что противником войны выступал также бывший министр финансов и первый председатель Совета министров С.Ю. Витте. С 28 августа 1914 года за ним и его контактами было установлено наружное наблюдение, которое продолжалось до смерти Сергея Юльевича, последовавшей 28 февраля 1915 года¹³⁷¹. 23 сентября поступило распоряжение об «особо тщательном наблюдении» за корреспонденцией Витте и тех, с кем он встречался. Итак, в первом списке представителей элиты, чья переписка после начала войны ставилась под контроль, было пятьдесят восемь человек. Среди них – статс-секретарь А.С. Танеев, управляющий Министерством земледелия и государственных имуществ А.В. Кривошеин, члены Государственного совета И.Я. Голубев, В.В. фон Валь, П.Н. Дурново, А.Д. Оболен-

¹³⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 347. Л. 1–46; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 73–73 об.

¹³⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 347. Л. 1 об., 2 об., 4–4 об., 15 об. – 16, 17, 29 об., 33 об., 35, 36.

¹³⁷⁰ Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.

¹³⁷¹ *Переудова З.И.* Последний год жизни С.Ю. Витте. По дневникам наружного наблюдения: 1914–1915 гг. // Исторический архив. 2004. № 3. С. 121–162; № 4. С. 53–84; № 5. С. 27–70.

ский, Д.А. Олсуфьев; крупнейшие предприниматели П.О. Гукасов, Э.Л. Нобель, А.И. Путилов; влиятельные издатели и журналисты М.М. Андроников, С.М. Проппер, А.Ф. Филиппов; интимные друзья царской семьи А.А. Вырубова и Г.Е. Распутин. В последующем, в октябре, было добавлено еще тридцать шесть адресов, в том числе начальника канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенанта А.А. Мосолова; жены бывшего товарища министра внутренних дел; банкиров М.Э. Верстата, А.И. Вышнеградского; журналистов Л.М. Клячко и др. В ноябре и декабре последовали новые указания. В общей сложности перлюстрации подлежала корреспонденция 114 человек¹³⁷².

Представление о том, как изменялись настроения российского общества в годы Первой мировой войны, можно было получить из отчета о перлюстрации за 1915 год, составившего 288 машинописных страниц¹³⁷³. Во вступлении к нему говорилось: «Яркую картину напряжения всех сил страны и неизбежных при этом разногласий, споров, нареканий дает материал, собранный Особой частью в 1915 г.»¹³⁷⁴ Отчет включал тридцать два раздела:

Общие положения. Оценка деятельности правящих сфер. Критика деятельности членов Кабинета; О законодательных палатах; О майском погроме в Москве; Московские беспорядки и образование прогрессивного блока; Земский и городской союзы и монархические организации; Мобилизация промышленности; Железные дороги в связи с продовольственным вопросом; Эвакуация казенных учреждений, беженцы, жители; Крестьяне; Запрещение продажи водки; О кооперативах; Положение сельского хозяйства; Об инородцах; О Галиции; О евреях; О немцах; Украинский вопрос; О латышах, татарах и других; Кавказ; Революционное движение; Народное просвещение; Министерство финансов; Вопросы международной политики; О печати; Об армии; О предательстве Мясоедова; Санитарная часть; О госпиталях; О флоте; Слухи о мире¹³⁷⁵.

Как во все времена в подобных документах, здесь прежде всего подчеркивались благожелательные для высших сфер отклики. Например, депутат Думы А.И. Савенко писал 6 января в действующую армию: «В стране царит полное единодушие»¹³⁷⁶. Относительно рескрипта Николая II от 14 июня 1915 года председателю Совета министров И.Л. Горемыкину о решении государя принять на себя непосредственное командование армией приводилась цитата из письма епископу Новогеоргиевскому Иоасафу: «Рескрипт... дал нам больше радости, чем десятки неприятельских пленных»¹³⁷⁷. О революционном движении в отчете указывалось, что «охвативший всю страну патриотический подъем совершенно парализовал эту агитацию»¹³⁷⁸.

Вместе с тем перлюстраторы не могли скрыть распространенности совсем других мнений. 29 мая в связи с немецким погромом в Москве протоиерей И. Восторгов писал ближайшей подруге императрицы, А.А. Вырубовой: «Вчера тысячные толпы громили и... грабили немецкие магазины в лучших частях города, а ночью все жгли. <...> движение народа проглядели и не приняли мер, <...> его пулями и нагайками одними не остановить... не следует

¹³⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1165. Л. 99–100, 103, 107, 111–111 об., 113–114, 117–118, 121–123, 125–126, 128, 131.

¹³⁷³ Там же. Д. 1042. Л. 1–144 об.

¹³⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 1.

¹³⁷⁵ Там же. Л. 1, 4, 8, 12 об., 17, 18 об., 47, 53, 62 об., 70 об., 74 об., 76 об., 77 об., 79, 88 об., 90 об., 96, 106 об., 108, 109 об., 113, 116, 119, 121, 128, 128 об., 134, 135, 137, 140, 140 об.

¹³⁷⁶ Там же. Л. 1 об.

¹³⁷⁷ Там же. Л. 3 об.

¹³⁷⁸ Там же. Л. 113.

испытывать терпение народа»¹³⁷⁹. 14 октября из Петрограда сообщали в Оренбург: «Настала страшная неурядица с подвозом продуктов первой необходимости»¹³⁸⁰. 29 декабря в письме из деревни Липовка Самарской губернии в Петроград подчеркивалось: «В деревне живет одна надежда, что вся земля будет разделена крестьянам»¹³⁸¹. Неизвестный автор писал княгине Н.П. Голицыной из Тифлиса 5 сентября: «Прямо ужас берет за будущее при теперешнем положении вещей»¹³⁸². Корреспондент из Одессы 14 сентября предупреждал: «России не обойтись без смуты»¹³⁸³. Некий Андреев из Петрограда 25 ноября сообщал А.Е. Тихомирову в Харьков: «По выносимым резолюциям видно, что рабочие относятся к войне отрицательно. До сих пор большевики имели перевес на всех заводах»¹³⁸⁴.

О недоверии со стороны высшей власти к ее важнейшим опорным структурам в эти годы нарастания кризиса убедительно говорят материалы перлюстрации, обнаруженные в Киеве в марте 1917 года. Среди копий нескольких сотен писем за 1915–1916 годы находилась переписка представителей буквально всех элитных групп российского общества: политических, государственных, общественных, профессиональных, религиозных. Здесь были письма правых (киевского губернского предводителя дворянства Ф.Н. Безака, председателя молодежной черносотенной организации «Двуглавый орел» с 1914 года А.Д. Ровинского). Письма либералов (профессора Киевского университета В.В. Зеньковского, академика-филолога А.И. Соболевского, председателя Киевского религиозно-философского общества В.И. Экземплярского). Письма депутатов Государственной думы из фракции националистов (графа В.А. Бобринского, Г.А. Вишневого, священника М.В. Митроцкого, А.И. Савенко и В.В. Шульгина). Письма председателя фракции прогрессистов И.Н. Ефремова, членов фракции Центра Б.И. Кринского и В.Н. Львова. Письма государственных служащих (галицийского генерал-губернатора с августа 1914#го по март 1916 года графа Г.А. Бобринского; киевского губернатора А.Н. Игнатьева его брату П.Н. Игнатьеву, министру народного просвещения в 1915–1916 годах; начальника округа путей сообщения Н.В. Попова, помощника киевского полицмейстера А.К. Ворончука, киевского военного цензора и писателя С.Н. Щеголева; товарища обер-прокурора Синода Н.Д. Жевахова его двоюродному брату Дмитрию Владимировичу, товарищу председателя Киевского окружного суда и т. д.). Письма военных (главного начальника Киевского военного округа с ноября 1914#го по апрель 1916 года Н.И. Троцкого, сменившего его генерал-лейтенанта Н.А. Ходоровича, военного министра в 1914–1915 годах В.А. Сухомлинова; Н.В. Брусиловой, жены А.А. Брусилова, – жене Н.И. Троцкого; командира Гренадерского корпуса и командующего войсками Московского военного округа с сентября 1915 года генерала И.И. Мрозовского, судьи Московского военно-окружного суда генерала А.П. Кошелева и т. д.). Письма журналистов (членов редакции газеты «Киевская мысль»), духовенства (переписка наместника Киево-Печерской лавры архимандрита Амвросия с саратовским епископом Палладием, епископа чигиринского Никодима с архиепископом новгородским Арсентием и т. д.) и многих, многих других¹³⁸⁵.

Новый резкий всплеск интенсивности перлюстрирования переписки верхов российского общества был вызван убийством Г.Е. Распутина в ночь с 16#го на 17 декабря 1916 года. По данным опытного деятеля российских спецслужб генерал-майора А.И. Спиридо-

¹³⁷⁹ Там же. Л. 17–17 об.

¹³⁸⁰ Там же. Л. 58.

¹³⁸¹ Там же. Л. 74 об.

¹³⁸² Там же. Л. 4.

¹³⁸³ Там же.

¹³⁸⁴ Там же. Л. 116.

¹³⁸⁵ Киевская мысль. 1917. 6 апреля. С. 3.

вича, последний министр внутренних дел А.Д. Протопопов, пользуясь перлюстрациями, доложил императору и императрице, что о готовившемся убийстве знали многие, что были мысли об устранении не только Распутина, но и А.А. Вырубовой и даже самой императрицы. Министр представил две телеграммы великой княгини Елизаветы Федоровны, родной сестры Александры Федоровны. Первая, по-английски, была следующего содержания: «Москва. 18 декабря, 9 часов 38 минут. Великому князю Дмитрию Павловичу [один из участников убийства Распутина]. Петроград. Только что вернулась, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса [Ф.Ф. Юсупова] после патриотического акта, им исполненного. Элла». Вторая телеграмма на французском языке: «Москва. 18 декабря, 8 часов 52 минуты. Княгине Юсуповой. Кореиз. Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. Елизавета».

Также Протопопов представил копию письма княгини Юсуповой-матери (З.Н. Юсуповой-Эльстон) к сыну Феликсу от 25 ноября. Зинаида Николаевна писала: «Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было все спасти, требуя удаления управляющего (т. е. государя) на все время войны и невмешательства Валиде [государыни] в государственные вопросы. И теперь я повторяю, что, пока эти два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише [великий князь Михаил Александрович, брат Николая II] от меня». Представил министр и копию письма жены Родзянко А.Н. Голицыной к княгине Юсуповой от 1 декабря, в котором была такая фраза: «...Все назначения, перемены, судьбы Думы, мирные переговоры – все в руках сумасшедшей немки [Александры Федоровны], Распутина, [А.А.] Вырубовой, Питирима [митрополит Петроградский и Ладужский с 23 ноября 1915 года, считался ставленником Распутина] и Протопопова»¹³⁸⁶.

А.Т. Васильев приводит в своих воспоминаниях текст анонимного письма, адресованного князю Ф.Ф. Юсупову. Оно пришло из Нижегородской губернии и в восторженных выражениях восхваляло убийство Распутина как акт освобождения и спасения страны:

Честные и благородные люди России долго боролись против темных сил: говорили в Государственной думе, умоляли, просили Царя сойти с ложного пути и идти по пути правды и света, помнить завет Отца Миротворца, а также и присягу, данную Николаем II родине. Но Николай не внял голосу правды, остался верен со своими крамольниками преступным направлениям и без колебания продолжает вести отчизну к гибели. Спасители поняли, что просьбы и мольбы бессильны, Царь к ним глух, надо избрать иной путь, и он избран. Совершилось то, чего народ давно жаждал. Гнойник вскрыт, первая гадина раздавлена – Гришки нет, остался зловонный, безвредный труп. Но далеко не все еще сделано, много еще темных сил, причастных к Распутину, гнездятся в России в лице Николая, Царицы и других отбросов и вырожденков человеческого отребья. Неправильно называли великих людей убийцами. Это подлость. Они не убийцы, а святые люди, пожертвовавшие собою для спасения родины. Горе Николаю, если он посягнет на жизнь и свободу этих людей. Весь народ восстанет, как один, и поступит с Царем так, как Он поступил с Мясоедовым [полковник С.Н. Мясоедов по ложным обвинениям в шпионаже был приговорен 18 марта 1915 года к повешению]. Голос народа.

¹³⁸⁶ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 428–429.

Письмо было изъято и не дошло до адресата¹³⁸⁷.

Эти сведения о настроениях в верхах подтверждаются и проведенным мной анализом перлюстрированной переписки конца 1916#го – начала 1917 года. В моем распоряжении оказалась 121 выписка из частной корреспонденции за период с октября 1916 года до 23 февраля 1917#го. Независимо от политической позиции – а среди авторов были представители правых, либералов и высшей бюрократии – ни один из корреспондентов не находил доброго слова, оценивая деятельность правительства. Из министров наибольшее раздражение в последние месяцы существования режима вызывал все тот же министр внутренних дел А.Д. Протопопов. Показательно, что на 121 перлюстрированную выписку была только одна, исполненная оптимизма. Предчувствие надвигающегося краха и близкой революции было присуще представителям всего политического спектра.

4 октября 1916 года известный деятель правых И.И. Восторгов писал: «Под нами зияющая бездна. А в государственной жизни зреют беспорядки и волнения. <...> В кровавом зареве закатываются дни наши». Генерал-лейтенант И.Г. Эрдели в письме от 18 ноября того же года сообщал новости: «В Питере – повальный грабеж, мародерство и взяточничество. Ничего удивительного... если управляет Гришка Распутин». Священник С. Базилевич из Черниговской губернии жаловался сыну в Петроград: «Цены, как на предметы потребления, так и на рабочие руки, поднялись невероятно. <...> куда же ведет страну правительство? <...> Зачем убивает самодеятельность и самобытность страны?» Флигель-адъютант Н.В. Поливанов 4 декабря 1916 года в письме из Тифлиса констатировал: «...Дальше идти некуда». Вице-губернатор Семипалатинской области Г.А. Савримович 5 декабря 1916 года жаловался действительному статскому советнику В.Г. Кондоиди в столицу: «19 ноября утром начался в городе погром при совершенно необычной обстановке. Главный трагизм заключался в том, что войска отказались от содействия. После двух дней беспрепятственного погрома пришлось просить об уходе войск и перейти к самоохране при посредничестве самих обывателей». Член Государственной думы кадет С.В. Востротин писал 6 декабря в Красноярск: «... положение внутри с продовольственным делом и на фронте становится все хуже и хуже, и я боюсь не покатались ли мы уже под гору, откуда не подняться; начинает охватывать страх и отчаянье. <...> мы продолжаем катиться по старым рельсам, пока, очевидно, сразу не свалимся». В тот же день другой депутат, из фракции русских националистов и умеренно-правых, А.И. Савенко признавал в письме жене: «В общем, положение ужасное». 7 декабря правый депутат П.А. Барач так оценивал ситуацию: «Положение пиковое, из него даже выхода не придумаешь». Председатель Государственной думы М.В. Родзянко сообщал А.Б. Куракину в Орел: «Мы накануне таких событий, которых еще не переживала... святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата». Бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков 20 января 1917 года делился с А.Н. Нарышкиной: «Был я у Государя и Императрицы. <...> очень хочется им помочь, и так неудержимо роковым ходом всякая помощь становится все менее вероятной и возможной». Историк великий князь Николай Михайлович, высланный из Петрограда по распоряжению государя в свое имение Грушевка Херсонской губернии, писал 7 февраля 1917 года в Москву церемониймейстеру двора князю Б.А. Куракину: «Слежу внимательно за газетами и вижу, что дело не ладно. Из петроградских писем от разных приятелей ясно, что власть зарвалась и делает отчаянные прыжки в пропасть. Этот [А.Д.] Протопопов [министр внутренних дел], если он останется у кормила правления, может легко погубить и Россию, и Государя. Нельзя игнорировать общее настроение и ту войну, которую мы ведем, а сей господин, видимо, неврастеник, который хочет управлять Россией одним произволом». 23 февраля 1917 года, еще не зная, что этот день станет началом новой российской революции 1917–1921 годов, протоиерей И.М. Гвоздев,

¹³⁸⁷ Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция. С. 446.

правый депутат Думы, писал родственнику в Вологду: «Ты пишешь, что в Вологде тревожно и все чего#то ждут. Очевидно, это всеобщее настроение в России, и оно естественно при современном положении отечества»¹³⁸⁸. Таким образом, данные материалы показывают, что политически активная часть общества к началу 1917 года императору в доверии уже отказала. Одновременно эти документы наглядно опровергают утверждения многих современных историков и публицистов, что якобы никто не ожидал начала новой российской революции в феврале 1917 года. Действительно, никто не мог назвать точную дату надвигавшегося события, но подавляющее большинство мыслящих современников уже не сомневались в близости «ужасной, беспощадной революции», «бездны», которой они чаще всего не хотели, боялись, но уже воспринимали как нечто неизбежное¹³⁸⁹.

Начальник Московского охранного отделения в 1912–1917 годах полковник А.П. Мартынов, находясь в эмиграции, утверждал, что примерно в октябре-ноябре 1916 года было перлюстрировано письмо, в котором московским лидерам Прогрессивного блока (оппозиционное объединение шести фракций IV Государственной думы, возникшее в августе 1915 года и имевшее целью добиться проведения реформ) сообщалось о согласии «Старика» (генерала М.В. Алексеева, начальника штаба Верховного главнокомандующего) оказывать полное содействие планам заговорщиков, готовивших «дворцовый переворот»¹³⁹⁰. Последний министр внутренних дел А.Д. Протопопов в показаниях 13 сентября 1917 года признавал, что переслал царю письмо А.А. Клопова (личного корреспондента императора), адресованное великому князю Михаилу Александровичу. Письмо показалось министру политически настораживающим. Правда, по словам Протопопова, резолюция государя гласила: «Клопов старичок давно мне известный»¹³⁹¹.

Вместе с тем эти письма показывают и политическую недалекость части ведущих либералов. Один из основателей кадетской партии И.И. Петрункевич писал 3 декабря 1916 года лидеру кадетов П.Н. Милюкову: «Теперь борьба идет в иной плоскости, гораздо сознательнее и культурнее, чем в 1905–1906 гг. <...> Я очень рад, что Вы настояли на постановке на первое место вопроса о волостном земстве. По моему мнению, это краеугольный камень нашей конституции. <...> это будет первоначальной, низшей школой нашей конституции». В этот же день крестьянин М. Новиков из Тульской губернии обращался к А.Ф. Керенскому со словами: «Требуйте мира, мира во что бы то ни стало. <...> народ пойдет за теми из вас, которые первые будут иметь мужество требовать мира»¹³⁹².

3.5. Обнаружение и изъятие антиправительственной литературы, пересылаемой по почте

В предыдущих главах я уже говорил о задаче «черных кабинетов» перехватывать пересылаемую из#за границы антиправительственную литературу. Но ситуация особенно обострилась в конце XIX века. Масштабы еще одного вида перлюстрации – так называемых бандерольных операций (т. е. перехвата пересылаемых, особенно из#за границы, запрещенных, нелегальных изданий: газет, журналов, листовок) – начали резко нарастать. К обнаружению

¹³⁸⁸ См.: Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 160–170; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1003. Л. 87 об.; РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 17, 29, 40, 46, 48, 49, 57, 69.

¹³⁸⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 33, 35–35 об.

¹³⁹⁰ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. С. 384–386.

¹³⁹¹ Падение царского режима. Т. 4. Л., 1926. С. 110–111. Чиновник А.А. Клопов (1841–1927) имел право личного обращения к императору с конца XIX века.

¹³⁹² РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 33.

нелегальных материалов теперь, кроме цензоров иностранных газет и журналов, широко привлекались и служащие почтово-телеграфных контор по всей стране. Циркуляры на данную тему поступали из Главного управления почт и телеграфов практически непрерывно: 8 февраля, 3 июня, 24 октября, 18 ноября 1894 года; 16 февраля, 30 мая, 5 июня, 13 сентября, 27 октября, 3 ноября 1895 года; 29 февраля, 22 мая, 30 октября 1896 года; 28 мая 1902 года; 9 июня и 8 июля 1903 года; 3 февраля 1907 года; февраль 1908 года; 14 февраля, 23 февраля, 15 июня 1911 года; 29 мая 1912 года; 29 января, 26 февраля, 20 апреля 1913 года и т. д.¹³⁹³ Одновременно почтовые чиновники тесно сотрудничали с ДП МВД.

Иногда в связи с этим возникали проблемы экономического свойства. Например, в октябре 1895 года А.Д. Фомин сообщал директору ДП Н.Н. Сабурову о направлении в его распоряжение полученного «под бандеролью» экземпляра 1#го номера журнала «*Russische Zustände*», адресованного в редакцию «Правительственного вестника». Он также предупреждал начальство, что поскольку «бандероль рекомендованная [казанная]», то в случае конфискации надо будет уплатить почтовому ведомству 12 руб. 50 коп. В данном случае Сабуров возвратил экземпляр журнала для следования по адресу.

19 февраля 1894 года директор ДП Н.И. Петров сообщил начальнику Главного управления почт и телеграфов Н.А. Безаку о пересылке из Лондона и Женевы на имя земских и городских управ «закрытых писем в желтых и синих оболочках» с вложенными в них листками издания комитета «Фонда вольной русской прессы». Петров просил подобные конверты задерживать, вскрывать и «найденные листки» передавать в ДП. 3 июня того же года в циркуляре Н.А. Безака опять говорилось о конвертах из Лондона и Женевы, адресуемых предводителям дворянства, председателям земских управ, адвокатам, редакциям газет и частным лицам. В циркуляре от 24 октября содержалось предупреждение о том, что из Лондона рассылается брошюра на восемнадцати тонких листах «Проект русской конституции» на адреса земских и городских управ, волостных правлений, гимназий, земских учителей, студентов, докторов и фельдшеров. Уже 18 ноября новым циркуляром предлагалось обратить особое внимание «на толстые по объему письма в белых, желтых и синих конвертах... одним почерком на русском языке... из Лондона, Берлина, Гамбурга, Франкфурта, Лейпцига и Нью-Йорка». Просмотр такой корреспонденции следовало поручить помощникам начальников контор или опытным чиновникам с условием осторожного обращения с коммерческой корреспонденцией. При обнаружении такие письма следовало доставлять начальнику Главного управления почт и телеграфов, не передавая их адресатам¹³⁹⁴.

В 1895 году было издано шесть таких циркуляров. В начале февраля было перлюстрировано письмо, отправленное из Женевы в Харьков Н.П. Тихановичу. В нем содержались указания на способы пересылки листов «Фонда вольной русской печати», которые выпускались в Лондоне с 1893 года:

Листки будут присылаться из Лондона на имя выписывающего; чтобы замаскировать, могут быть высланы в платном конверте с какой#нибудь коммерческой фирмой в заголовке, или в таких же конвертах на вымышленное имя, напр [имер] машиностроительное агентство шлет письмо инженеру, в последнем случае, пусть выписывающий передаст своему швейцару или дворнику, чтобы тот брал письма, адресованные

¹³⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 14. Д. 1. Л. 79, 131, 243, 244, 246–246 об., 253, 255, 287, 321, 322, 329.

¹³⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 5. Л. 38, 39, 41, 44. «Фонд вольной русской прессы (печати)» был основан в Лондоне в июне 1891 года группой эмигрантов с целью издания и распространения революционной и запрещенной в России литературы. «Проект русской конституции» был составлен известным адвокатом Л.А. Куперником и издан в Лондоне в 1894 году с приложением критической статьи народовольца С.М. Степняка-Кравчинского.

на подобное лицо; вообще, нужны предосторожности, какие найдете подходящими. <...> Пишите в Женеву: «Poste restante, rue de Mont-Blanc»¹³⁹⁵.

Уже 16 февраля со ссылкой на ДП указывалось, что издания «Фонда вольной русской печати» посылаются из Лондона в конвертах с печатным штемпелем фирмы «*The British kephir company 118, Cassland Rd Jouth Hackney London*». 5 июня давалось распоряжение при обнаружении подозрительных бандеролей вызывать адресатов и при них вскрывать эти пакеты и конверты, а также отправлять с первой почтой начальнику Главного управления почт и телеграфов. 13 сентября опять следовало напоминание о письмах с «недозволенными брошюрами» из Лейпцига и Вены на имя предводителей дворянства, городских голов и архиереев. 27 октября сообщалось о рассылке под обложками, схожими с употребляемыми Афонским монастырем, листков «Фонда вольной русской печати» на имя купцов и мещан из Константинополя. 3 ноября шло предупреждение, что швейцарская газета «*Russische Zustande*» предполагает издавать «Народные листки». 5 августа 1896 года – предупреждение, что один из начальников почтово-телеграфных учреждений в нарушение секретных циркуляров доставлял адресатам полученные из#за границы, в основном из Парижа, письма с брошюрой «Открытое письмо императору Николаю II»¹³⁹⁶.

9 октября 1895 года директор ДП Н.Н. Сабуров распорядился сообщить по телеграфу в тифлисскую секретную экспедицию о задержании воззвания партии «Гнчакистов», посланного из Лондона в редакцию газеты «Мшак». Требовалось и «впредь поступающие подобные листки задерживать и доставлять» директору ДП¹³⁹⁷.

В 1896 году циркуляром от 29 февраля сообщалось о рассылке из#за границы старообрядческой газеты «Слово правды». 22 мая циркуляр был дополнен сведениями, что старообрядческая газета поступает также из Москвы и других городов. 30 октября следовало предупреждение о намерении Л.Н. Толстого издать без предварительной цензуры сочинение «Христианское учение»¹³⁹⁸.

На процесс отправки по почте нелегальной литературы можно взглянуть и со стороны революционеров. Социал-демократ Генрих Матвеевич Фишер, отец легендарного советского разведчика Р.И. Абеля (В.Г. Фишера), эмигрировавший с семьей из России в Англию в 1901 году, вспоминал:

Один наборщик устроил небольшое кустарное предприятие для печатания конвертов вымышленных торговых фирм. В этих конвертах рассылалась «Искра». Чтобы было не так заметно, что это не письмо, приходилось «Искру» завертывать в пол-листа почтовой бумаги, исписанной рукописным текстом. Чтобы газета не топорщилась и была плотной, мы с женой ее немного смачивали, затем сложенную прокатывали через бельевой каток. Адреса, на которые мы посылали, были все больше высокопоставленных военных и гражданских чинов в разных городах. Надо было наблюдать за тем, чтобы письма отправились по возможности из

¹³⁹⁵ Меньщиков Л.П. Охрана и революция. Ч. 1. С. 403–404.

¹³⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 5. Л. 50, 53–55, 132–132 об.; Д. 39. Л. 16. Речь идет о брошюре: Штевен (Ериова) А.А. Открытое письмо императору Николаю II. Женева, 1896.

¹³⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1167. Л. 228, 231–232. Газета «Мшак» (т. е. «Труженик») выходила в Тифлисе с 1872# го по 1920 год. Гнчак (Гнчакян) – социал-демократическая партия Армении, была основана в 1887 году группой студентов Женевского университета. Издавали газету «Гнчак».

¹³⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 5. Л. 64, 132 об. – 133. Статья Л.Н. Толстого «Христианское учение» была закончена в первом варианте 5 октября 1896 года, но затем переработана и издана на английском и русском языках в Лондоне в 1898 году. ДП мог получить сведения о написании статьи из перлюстрации писем Толстого С.А. Толстой и В.Г. Черткову в сентябре 1896 года. См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 39. М., 1956; Т. 84. М., 1949. С. 255, 259; Т. 87. М., 1937. С. 366, 368.

разных мест. Поэтому английские товарищи-коммивояжеры опускали эти письма в разных местечках¹³⁹⁹.

К тому же способы отправки литературы постоянно менялись.

Начальник Петербургского почтово-телеграфного округа сообщал своим подчиненным 4 августа 1897 года, что имеются сведения о предстоящей рассылке журнала «Народоволец» форматом в 1/16 листа. При обнаружении писем, «в коих будет заподозрено вложение вышеупомянутого журнала», следовало действовать согласно циркуляру от 5 июня 1895 года¹⁴⁰⁰.

28 мая 1902 года руководителей почтовых контор предупреждали о пересылке нелегальных листов в переплетах книг. Особое внимание предлагалось обратить на книги «с ненормально толстыми переплетами». 7 июля появилось распоряжение обратить особое внимание на международную корреспонденцию, адресованную в сельские общества на имена крестьян. Через год, 8 июля 1903 года, ДП предупреждал о рассылке массы прокламаций посредством писем крестьянам. Поэтому особое внимание предлагалось уделить письмам, адресованным «в селения и имеющим один и тот же формат, вес и измененный почерк адреса на конверте»¹⁴⁰¹. 3 февраля 1907 года циркуляром запрещалось принимать к пересылке издания нелегализованных партий¹⁴⁰².

В феврале 1908 года руководителям почтовых контор сообщалось, что, по сведениям ДП, революционные эмигранты «вкладывают содержимое в какой-нибудь специальный (медицинский или технический) толстый журнал и пересылают его бандеролью». В результате адресаты свободно получают корреспонденцию. На этом основании в Петербургском почтамте последовало распоряжение заведующим отделами, поскольку невозможно осмотреть все толстые заграничные бандероли в экспедиции, тщательно осматривать их перед выдачей в доставку, «возложив это на заслуживающих доверия чинов»¹⁴⁰³.

14 февраля 1911 года в циркуляре Главного управления почт и телеграфов говорилось, что, по сведениям ДП, сотрудниками издающейся в Вене газеты «Правда» (выходила с 1908-го по апрель 1912 года под редакцией Л.Д. Троцкого) «широко практикуется способ пересылки номеров... в особых полых картонных трубках и портфелях-папках, обыкновенно предназначенных для пересылки вполне легальных картин, изображений и рисунков, а также в отдельных увеличенных портретах и картинах на “паспарту” [кусок картона или бумаги с вырезанным в его середине четырехугольным, овальным или круглым отверстием, под рамку, в которую вставляют рисунок или гравюру, так что их легко заменять другими], в особые полые помещения коих заделаны пачки номеров означенной газеты», а также в календарях. Здесь же прилагалось описание картонных трубок и папок-портфелей и предлагалось сделать распоряжение об установлении особого надзора за получаемыми из-за границы, особенно из Вены, отправлениями описанных форм и вида¹⁴⁰⁴.

В тот же день, 14 февраля 1911 года, руководителям почтамтов и почтовых контор было направлено уведомление, что на имя сельских старост посылается нелегальная литература в бандеролях с клеймами торговых фирм «Заводы карпатских кос и серпов. Минцер и Ко, Вена» и «Завод штирийских кос. Генрих Ляден, Вена». Одновременно указывалось, что, по сведениям ДП, один из видных эсеров в Париже решил напечатать отдельным оттиском

¹³⁹⁹ Фишер Г. Подполье, ссылка, эмиграция: Воспоминания большевика. М.: Старый большевик, 1935. С. 144–145.

¹⁴⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 28. Л. 5. Журнал «Народоволец» издавался в Лондоне в 1897–1903 годах.

¹⁴⁰¹ Там же. Д. 5. Л. 120; Д. 39. Л. 8–8 об., 14.

¹⁴⁰² Там же. Д. 39. Л. 33.

¹⁴⁰³ Там же. Ф. 1543. Оп. 14. Д. 1. Л. 131–132.

¹⁴⁰⁴ Там же. Л. 243.

статью В. Чернова «Памяти Егора Сазонова» для отправки в Россию¹⁴⁰⁵. 6 апреля ДП предупредил почтовое ведомство о пересылке в Россию нелегальной литературы в конвертах со штампом стенографического заведения некоего Клощака в Париже. 15 июня – о пересылке из Нью-Йорка ежемесячного журнала «Голос труда» и еженедельной газеты «Новый мир» (поэтому директор Санкт-Петербургского почтамта требовал от разборщиков обратить особое внимание на корреспонденцию из США)¹⁴⁰⁶.

29 мая 1912 года почтовых чиновников информировали о том, что фирма Ладыжникова (издательство И.П. Ладыжникова в Берлине в 1905–1913 годах) предполагает издать в Берлине роман «об известном Распутине». Министр внутренних дел признал необходимым в таком случае не допустить распространения его в России. Соответственно, уже загодя следовало распоряжение о задержании романа¹⁴⁰⁷. В связи с близким 300-летием Дома Романовых различные эмигрантские организации наращивали свою деятельность по изданию антиправительственной литературы. Поэтому 29 января и 26 февраля 1913 года следовало предупреждение о задержании напечатанных за границей книг и брошюр: «Дом Самозвановых. Юбилей позора нашего (1613–1913). Триста лет Романовых и Лжеромановых», «Троцкий Н. Благочестивейший, Самодержавнейший», «Последний Самодержец», «К юбилею царей Романовых»¹⁴⁰⁸.

Санкт-Петербургское охранное отделение 6 декабря 1912 года информировало ДП, что «корреспонденция от Ленина из Кракова в редакцию газеты “Правда” пересылается под простой бандеролью», и просило установить наблюдение «за подобного рода почтовыми отправлениями»¹⁴⁰⁹.

20 апреля 1913 года сообщалось, что «Парижская группа вольных социалистов» заготовила специальные конверты для пересылки в Россию восемнадцати изданий, в числе которых «Фабрики – народу», «Солдатская служба», «Через колесуху на волю», «Чингиз-хан с телеграфом», «Вольная деревня», «Земельная программа анархистов-коммунистов»¹⁴¹⁰.

Естественно, что перехватить всю пересылаемую антиправительственную литературу не удавалось. Об этом, кстати, говорит и само множество циркуляров, требовавших повышенной бдительности. В 1899 году возникло дело о получении в Пензенской почтово-телеграфной конторе 20 июня четырех простых бандеролей из Парижа на имена Д.С. Волкова и И.П. Сперанского, секретаря губернского присутствия. В бандеролях, прошедших через московскую цензуру, оказались революционные издания, названные в документе следующим образом: «Письмо императору Александру III» (неизвестно, идет ли речь о письме исполкома «Народной воли» или о письме Л.Н. Толстого), «Летучий листок Фонда вольной русской прессы» (всего с 1893-го по 1899 год было издано сорок шесть номеров «Летучих листков»), «Заграничная агитация» (Степняк С. (Кравчинский С.М.). Заграничная агитация. Лондон, 1892) и «Домбровский, член пролетариата» (Домбровский П.К. Член «Пролетариата» (революционер-самоучка). Биографический очерк. Лондон, 1893). 26 августа старший цензор М.Г. Мардарьев направил указание старшему цензору Московского почтамта О.А. Келеру «строго внушить чинам Московской цензуры, дабы бандероли просматривались тщательнее и подобные пропуски... более не повторялись»¹⁴¹¹.

¹⁴⁰⁵ Там же. Л. 244.

¹⁴⁰⁶ Там же. Л. 253, 255.

¹⁴⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 14. Д. 1. Л. 287. И.П. Ладыжников с 1905-го по 1914 год издавал в Берлине марксистскую литературу и произведения писателей общества «Знание».

¹⁴⁰⁸ Там же. Л. 321, 322. Речь шла об изданиях: *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Берлин, 1912; *Троцкий Л.Д.* Благочестивейший, Самодержавнейший. Вена, 1912; *К юбилею царей Романовых.* Брюссель, 1912 [на латышском языке].

¹⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1163. Л. 196.

¹⁴¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 14. Д. 1. Л. 329.

¹⁴¹¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 169. Л. 28–39.

Стоит отметить, что в деле перехвата антиправительственной литературы нередко возникали любопытные казусы, связанные с тем, что ее получателями были сотрудники спецслужб. Начальник Лифляндского ГЖУ информировал ДП, что по адресу «Рига. Феллинская, 8, кв. 10» поступает нелегальная литература, выписываемая из Вены «от известного социал-демократа Троцкого помощником моим по розыску подполковником Владимиром Ивановичем Андреевым». Высказывалась просьба не чинить препятствий в ее получении. Начальник Киевского охранного отделения 29 декабря 1911 года сообщал в ДП, что по адресу «г. Полтава, Подмонастырская ул., 26, Ковтуненко Марина Антоновна» газету «Правда» получает «для агентурных надобностей» начальник Полтавского ГЖУ. В Чернигове по адресу «Пятницкая улица, дом Катанова, господину Нохимову» «Правду» получал секретный сотрудник начальника Черниговского ГЖУ, состоявший на службе с 8 апреля 1907 года и освещавший деятельность РСДРП по городу Чернигову¹⁴¹².

С началом Первой мировой войны особую важность приобрел перехват антиправительственной литературы, направляемой в армию. В циркуляре от 13 января 1915 года содержалось предупреждение о пересылке революционных воззваний в действующую армию в посылках с двойным дном или под подкладкой одежды. 3 февраля следовала дополнительная инструкция: «...по выяснении личности отправителя и извлечении из посылки воззваний, немедленно доводить до сведения... жандармов или полиции или прокурорского надзора». Поэтому почт-директор Петроградского почтамта потребовал от экспедитора 3# экспедиции и заведующих городскими почтово-телеграфными отделениями проводить самый тщательный осмотр вложения посылок¹⁴¹³. 14 апреля предлагалось задерживать воззвания «Лиги нейтральных стран», а 19 мая – обращения «Интернациональной конференции мира социалистических женщин», состоявшейся 26–28 марта в Берне (Швейцария)¹⁴¹⁴. Начальник Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвиснев 4 мая телеграфировал подчиненным, что некая фирма из Лозанны (Швейцария) рассылает прокламации под видом светочувствительной бумаги с подложным штампом военной цензуры. 28 августа предлагалось задерживать воззвания «Союза освобождения Украины» и номера газеты «Рабочий прапор»¹⁴¹⁵. 4 ноября требовалось изымать речь Зигеля, представителя Еврейского комитета в США, о будущем положении российских евреев в зависимости от результатов войны¹⁴¹⁶. В феврале 1916 года появилось предупреждение о рассылке писем с вложением газеты «Вперед», органа межрайонного комитета объединенных социал-демократов¹⁴¹⁷.

Каковы же были хотя бы примерные результаты этих титанических усилий по перехвату зловерной литературы? К сожалению, мы не располагаем обобщенными статистическими сведениями по данному вопросу. В документах встречаются лишь отрывочные данные. Как отмечалось в циркуляре от 18 ноября 1903 года, в Новгородской почтово-телеграфной конторе удавалось почти еженедельно задерживать несколько заграничных писем из Австрии, Франции, Швейцарии с газетами «Освобождение», «Искра», «Революционная Россия». Другим конторам предлагалось усилить контроль. В Опочечкой почтовой конторе 9 сентября 1904 года составили акт об обнаружении литографированных листов (литогра-

¹⁴¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1163. Л. 11, 134.

¹⁴¹³ ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 14. Д. 4. Л. 8, 26.

¹⁴¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 14. Д. 4. Л. 84, 103. На конференции в Берне были представлены делегатки от семи стран: России (от большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов), Германии, Франции, Англии, Голландии, Италии и Швейцарии.

¹⁴¹⁵ Там же. Л. 112, 146–146 об. «Союз освобождения Украины» был создан в августе 1914 года с ориентацией на Австро-Венгрию и Германию. С 1915 года издавал в Софии на украинском языке газету «Рабочий прапор» (т. е. «Рабочее знамя»).

¹⁴¹⁶ Там же. Л. 161.

¹⁴¹⁷ Там же. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 237. Л. 189. В конце 1915 года вышел нелегально один номер газеты «Вперед».

фия – техника печати) в тринадцати простых письмах на имена крестьян. В той же конторе 25 января 1905 года был составлен акт о том, что в письме на имя волостного писаря В.И. Орлова оказались 84#й номер газеты «Искра» и иностранное письмо¹⁴¹⁸. 6 января 1916 года градоначальнику Петрограда доложили об обнаружении шести прокламаций в 52#м и 66#м почтовых отделениях¹⁴¹⁹.

Иногда изъятие посылки с антиправительственной литературой сопровождалось последующим обыском у адресата и его допросом. Так, по официальной версии, в Лодейнопольской почтово-телеграфной конторе 7 ноября 1907 года при перевесе почтового баула обнаружился излишний вес в 10 фунтов (около 4 килограммов). При вскрытии баула там оказалась посылка без объявленной цены весом 5 фунтов (около 2 килограммов), отправленная неким А. Ивановым из Петрозаводска фельдшеру В.И. Любимцеву в Каргополь. Ящик был якобы обшит очень тонкой и ветхой тканью, которая прорвалась. В посылке оказалось тридцать пять писем политических ссыльных, четырнадцать прокламаций партии эсеров, восемьдесят восемь воззваний Всероссийского союза солдат и матросов к новобранцам, номер эсеровской газеты «Знамя труда». Посылку отправили в Каргополь. Когда В.И. Любимцев 15 ноября явился за ее получением, начальник конторы в присутствии уездного исправника Кускова объявил о необходимости вскрытия посылки, так как она разбилась в пути. Затем был составлен акт о недозволенных вложениях и их конфискации. В тот же день исправник провел у Любимцева обыск. Как сказано в протоколе, в письменном столе у него были найдены в том числе следующие издания: Е.М. Алексеева. Общественные движения в Японии; А.Е. Беляев. Слова верующего (Правильно: Ламенне Ф.Р. Слова верующего: Pamфлет / Пер. с фр. СПб.: А.Е. Беляев, 1906. Книга была арестована по постановлению суда); Г. Плеханов. Столетие Великой революции (СПб., 1906); В. Чернов. Пролетариат и трудящееся крестьянство (М., 1906). 2 декабря Любимцев был допрошен. Он заявил, что получение посылки для него неожиданно. Признал, что знаком с А.М. Ивановым – вместе с ним учился в Петрозаводской школе фельдшеров и окончил ее в 1905 году¹⁴²⁰.

Несмотря на подобные случаи, в целом можно сделать вывод, что значительная часть антиправительственной литературы все же доходила до адресатов.

¹⁴¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 155–156, 164; Д. 9. Л. 68.

¹⁴¹⁹ Там же. Ф. 1543. Оп. 14. Д. 4. Л. 181.

¹⁴²⁰ НАРК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 35/71. Л. 11–14, 20–21, 28.

Глава 6

Перлюстрация в лицах

История первая: Александр II и два капитана

В исторической литературе последних лет, особенно массовой, утвердился достаточно прямолинейный взгляд на императора Александра II – как на великого реформатора, направившего Россию на путь перехода от аграрного к раннеиндустриальному обществу, к установлению гласного и независимого суда, созданию реального сельского и городского самоуправления и т. д. При этом нередко забывается, что государь оставался самодержцем со всеми вытекающими отсюда последствиями. В данном очерке я постараюсь показать, как человек с психологией абсолютного монарха в новых условиях реагировал на поступки своих подданных, не укладывающиеся в традиционные представления о нормах их политического поведения.

Капитан первый. История эта началась в апреле 1862 года. Отставной капитан Николай Максимович Жуковский-второй, проживавший в местечке Целиценок Царства Польского, направил в течение нескольких недель письма государю, в Государственный совет, в Синод, в Министерство внутренних дел. Большие тексты содержали малосвязанные отрывки из Священного Писания, различные изречения, стихи. Автор призывал власти предержащие руководствоваться евангельскими заветами и претворять их в жизнь. Император 27 мая повелел «разобрать прилагаемое письмо и доложить... в чем состоит его сущность». Чиновники III Отделения провели экспертизу и сообщили, что «по несвязности изложенных в нем [письме] мыслей, решительно нельзя вывести никакого заключения... и сочинитель сего письма, как надо полагать, страдает расстройством умственных способностей». После доклада 30 мая Александр II распорядился дело «оставить без последствий». К выводу о психической болезни корреспондента пришли и в Государственной канцелярии – 12 июня ее сотрудники отправили начальнику III Отделения письмо, адресованное Жуковским в Государственный совет, и сопроводили это письмо припиской, что оно включает «в себе бессмысленные стихи и разные изречения, свидетельствующие о ненормальном состоянии рас­судка писавшего»¹⁴²¹.

Казалось, дело можно закрывать окончательно – какой же спрос с психически ненормального человека? Но в 20#х числах июня 1862 года на Петербургском почтамте службой перлюстрации было перехвачено новое письмо Жуковского – от 14 июня, адресованное «Его Высокоблагородию Василию Степановичу Курочкину, переводчику песен Беранже»¹⁴²². Письмо было препровождено начальнику III Отделения В.А. Долгорукову. Приведу отрывки из него:

Родной, милый Василий Степанович! Народ не осиротел, война только начинается. Беранже был в авангарде, я в отставке капитан иду с главными силами, а за мною в резерве сам Бог-Спаситель наш любовь, за свободу и равенство, против черта и слуг его, которые, быв слугами, милостью Божьей, назвали себя отцами и Богами, и за все и про все бьют братьев своих, бьют и

¹⁴²¹ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1862. Оп. 37. Д. 259. Л. 1–6, 16–17 об., 19–20 об.

¹⁴²² В.С. Курочкин (1831–1875) – поэт, переводчик, журналист. Издатель и редактор сатирического журнала «Искра» (1859–1873). С 1865 года находился под негласным и бессрочным полицейским надзором. После покушения Д. Каракозова на Александра II был заключен в Петропавловскую крепость, где содержался с 14 апреля по 23 июня 1866 года.

плакать не велят, т. е. велят молчать. Но... меня не одолеют, потому что силен мой резерв – сам Бог... Да будет мир, дружба, согласие и любовь, потому что с нами Бог. <...> письмо мое представьте лично, или чрез кого из властей царю... Два года вижу и слышу я обиду добрых людей, несчастных братьев наших... кто виноват, что Царство Польское ищет свободы? Ныне читаю я, что и в Петербурге был пожар, что и там, как в царстве Польском, как в неприятельских городах, учреждена власть военная¹⁴²³. Когда же будет конец грабежу и глупости? Дурак, не имея ума, хватается за палку; люди умные и добрые плачут, но не говорят ему, что он глуп. <...> передайте письмо мое Царю, пусть он попросит у Бога ума-разума и бросит палку. Стыдно и грешно ему; он, имея добрую душу, слушает злодеев, а не слушает добрых людей, господ своих, народ, который кормит его. Где же рассудок, любовь и справедливость? <...>

Зачем нам расширение пределов силою, как Царство Польское; не лучше ли нам освободить Царство Польское, а приобрести всю Азию без исключения, в том числе и Ост-Индию и Японию любовью и словом, как приобрели мы Грузию и Приамурский край? Читаю я, что поручик гвардии Обручев за распространение писем поджигателей приговорен на три года в каторжную работу¹⁴²⁴; завидую ему! <...> я бунтую, а надо мной смеются – я страдаю и смерти прошу¹⁴²⁵.

В ситуации петербургских пожаров и поиска злоумышленников к письму отнеслись весьма серьезно. С подлинника была снята копия, видимо для более внимательного прочтения. Имевшаяся в письме фраза «сам Бог... за мною против врагов любви, свободы и равенства» была в копии отчеркнута сбоку карандашом¹⁴²⁶. Судя по тексту, гнев императора могли вызвать пассажи о Царстве Польском, об угнетении слабых, совет попросить у Господа «ума-разума». Вообще замечу, что письмо производит двойственное впечатление: явные несообразности соседствуют с высказываниями, свидетельствующими об информированности автора и несомненном наличии у него логики.

24 июня в ходе всеподданнейшего доклада государь распорядился: «Письмо не выдавать, а Жуковского немедленно приказать арестовать и привезти с надежным жандармом сюда. Курочкина полагаю также арестовать или иметь под самым строгим наблюдением»¹⁴²⁷. Хотя, судя по всему, В.С. Курочкин так и не узнал об адресованном ему послании, но само письмо стало дополнительным аргументом в пользу мнения о неблагонадежности поэта. 26 июня указанное повеление было направлено начальнику 3#го округа Корпуса жандармов с распоряжением захватить все бумаги капитана. 8 июля из Царства Польского рапортовали В.А. Долгорукову об отправке Жуковского в столицу в сопровождении прапорщика Варшавского жандармского дивизиона и двух жандармов¹⁴²⁸.

¹⁴²³ В 1862 году в столице произошли грандиозные пожары. Они начались 15–16 мая и продолжались до конца месяца. В городе широко распространились слухи о «поджигателях» – радикалах, студентах, поляках. При санкт-петербургском военном губернаторе был создан Особый временный комитет и образована Комиссия о поджогах. Пожары были использованы властью для усиления репрессий против демократических объединений.

¹⁴²⁴ Имеется в виду Владимир Александрович Обручев (1836–1912). В 1858 году он окончил Академию Генерального штаба. С 1859 года находился в отставке, являлся сотрудником журнала «Современник». Был арестован в октябре 1861 года за распространение прокламации «Великорус», приговорен к каторжным работам. С 1865 года жил на поселении. В 1874 году вернулся из ссылки. С 1884#го служил в морском ведомстве. В 1906 году вышел в отставку в чине генерал-майора.

¹⁴²⁵ ГАРФ. Ф. 109. 1#я экспедиция. 1862. Оп. 37. Д. 259. Л. 226–22д.

¹⁴²⁶ Там же. Л. 24.

¹⁴²⁷ Там же. Л. 21, 22а, 23.

¹⁴²⁸ Там же. Л. 37.

Почему Жуковского везли аж трое жандармов, выяснилось после их прибытия в столицу 12 июля 1862 года. Оказалось, что Николай Максимович – полный инвалид. Он «разбит параличом, едва может ходить и то с помощью палки, и будучи поддерживаем двумя людьми, решительно страдает умопомешательством на религиозном вопросе; написанные им письма считает призыванием свыше, о прочих же предметах говорит здраво». И в таком состоянии человека везли более тысячи километров! Встал вопрос: что делать с инвалидом? 14 июля начальник штаба Корпуса жандармов А.Л. Потапов направил отношение военному генерал-губернатору Петербурга с просьбой поместить Жуковского в Больницу Всех Скорбящих или 2#й военно-сухопутный госпиталь¹⁴²⁹.

К счастью для отставного офицера-инвалида, в столицу приехала его сестра. Она подала прошение о взятии Николая Максимовича на свое попечение. 6 июля Елизавета Жуковская дала подписку с обязательством иметь за братом «неослабный надзор и не позволять ему писать никаких писем к правительственным лицам»¹⁴³⁰. 25 июля его величество начертал резолюцию: «Можно». И отставного капитана Жуковского повезли в имение села Рязаново Зубцовского уезда Тверской губернии¹⁴³¹. На этом забота императора о поведении нашего первого капитана закончилась¹⁴³².

Капитан второй. Через десять лет в поле зрения государя на несколько лет попал новый капитан. Все началось опять же с перлюстрации¹⁴³³. 27 августа 1872 года было вскрыто письмо из Одессы, адресованное в Петербург, улица Сергиевская, дом 32, Аполлону Григорьевичу Шебанову. Автор, некий Иванов, в частности, писал:

Речь нашего квази-либерального Grand Duc Константина мне не понравилась ни по форме, ни по содержанию. И зачем это Он упоминал о своем председательстве в Государственном Совете? <...> точно хотел сказать: «вы, мол, не думайте, что Я играю в солдатики, подобно Моим Братьям Александру и Николаю; я в России всем заправляю, – и в Государственном Совете Я первый, и флотом орудую». Забавно читать, как он поучал членов конгресса, что статистика «и наука, и искусство, и метода» – и в конце концов сознался, что не имеет об этом никакого понятия. Все это ужасно пошло, и пошлее всего дерзость Его привести цитату: «познай самого себя»¹⁴³⁴. О, если бы Он и Братья Его способны были познать Самих Себя, какими подлецами Они показались бы Сами Себе в Собственных глазах! А теперь ведь Они никак не допускают, что они#то и есть «источник зла, останавливающий человеческий прогресс» в России, благо Европа высвободилась уже, наконец, из#под русского

¹⁴²⁹ Там же. Л. 41.

¹⁴³⁰ Там же. Л. 63.

¹⁴³¹ Там же. Л. 53, 66.

¹⁴³² Но не закончилась переписка вокруг больного Н.М. Жуковского. Дело в том, что наследники всячески стремились признать его по суду умалишенным, чтобы отобрать принадлежащее ему имение. Жандармы были также не прочь поместить капитана в психиатрическую лечебницу. Однако в октябре 1867 года тверской губернатор уведомил III Отделение, что Сенат не признал Жуковского «страдающим умопомешательством» (Там же. Л. 66–129).

¹⁴³³ Из публикаций о деле капитана Иванова мне известна лишь краткая заметка историка Р.М. Кантора: *Кантор Р.* Работа «черных кабинетов» // Красный командир. 1921. № 23. С. 24–25.

¹⁴³⁴ 8#я сессия Международного статистического конгресса проходила в Петербурге с 10 по 18 августа 1872 года под председательством великого князя Константина Николаевича. Он выступил 10 августа с речью, в которой, в частности, сказал: «Но чем бы ни была статистика – наукой, искусством или методом – неоспоримо, что она существует на благо человечества. <...> Совет и поучение, данное древним мудрецом “познай самого себя”, относится ныне к целому обществу. <...> Я говорю это... по личному и чисто практическому опыту, приобретенному мною в качестве председателя Государственного совета. Мое звание моряка внушает мне сравнение статистики с маяками» (Голос. 1872. 11 (23) августа. № 103. С. 2; 12 (24) августа. № 104. С. 3; 20 августа (1 сентября). № 112. С. 2).

влияния блаженные памяти Николая I. Таким ли тупым, безжизненным и нищенски-бедным Государством была бы Россия, если бы кровь ее не высасывали пиявки Августейшего болота? Где это видано, чтобы в Европе был возможен такой возмутительный пошлый случай, как тот, что случился в Одессе: один из Судебных Следователей оказался пьяницей, скандалистом и, в конце концов, разбойником (факт), и что же? Вместо того, чтобы предать суду, его отозвали с должности и причислили к Министерству Юстиции. А наша Одесская полиция! Это шайка воров и грабителей, поощряемая Треповым, жандармами и Министром Внутренних Дел!

Неужели наше общество так слабо в своих гражданских понятиях, что не могло бы дать отпор этим мерзавцам? Нет, и тысячу раз нет: как ни робки проявления общественной и частной самозащиты, но эти проблески дают право думать, что наше неразвитое общество сумело бы оградить себя от посягательств на личность и достояние, и только эта страшная, сковывающая всех, цепь деспотизма, вооруженная с ног до головы, гнетет все доброе и истребляет в зародыше всякую попытку на самозащиту. Россия отдана на разграбление громадной шайке мошенников, облеченных властью. Солидарность всех чинов этой разбойничьей банды покоится на соблюдении династических интересов. Уничтожьте эти интересы, сотрите их с лица Государства, и шайка очутится в беспомощном положении; она лишится принципа, дающего ей тон и значение. Нынче эта шайка представляет из себя государственное учреждение, поддерживающее порядок, тогда, – окажется, что порядок может существовать и при иных условиях и что свободное развитие внутреннего порядка наилучше обеспечивает общество от всяких мошенников.

Естественно, что такой текст, немедленно доложенный императору, породил краткую резолюцию: «Кто эти личности?»¹⁴³⁵ На следующий день была готова справка на штабс-капитана Аполлона Григорьевича Шебанова. Офицер Главного штаба, он недавно, не более четырех месяцев назад, женился на Каролине Федоровой. «Прежде жил очень бедно, теперь же имеет порядочную обстановку. Отзывы о нем хорошие»¹⁴³⁶. Относительно Иванова соответствующий запрос пошел в Одессу.

Начальник Жандармского управления Одессы подполковник Кноп 21 сентября 1872 года докладывал управляющему III Отделением графу П.А. Шувалову, что автор письма, тридцатипятилетний (в действительности ему оставался месяц до тридцати двух лет) Николай Артемьевич Иванов, служит капитаном пограничной стражи Одесской бригады и исполняет должность бригадного адъютанта. «Живет скромно, в небольшой квартире на отдаленной улице». Одновременно «пописывает» критические фельетоны в газете «Новороссийский Телеграф» под псевдонимом «Н.И.»¹⁴³⁷. Вообще начальник Одесского ГЖУ всячески старался доказать ничтожность фигуры дерзкого капитана. Может быть, в некоторой степени это было вызвано стремлением объяснить, почему Иванов не попал в поле зрения политического надзора ранее. Жандармский подполковник указывал, что фельетоны его «не имеют особого значения», что личность эта «совершенно незаметна в обществе, где он

¹⁴³⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 464. Л. 3–4.

¹⁴³⁶ Там же. Л. 1.

¹⁴³⁷ Мне удалось обнаружить в газете «Новороссийский Телеграф» за 1872 год три обозрения (фельетона), подписанных псевдонимом «Н.И.» и «Н. И-въ»: «На Новый год» – 1 (13) января. № 1. С. 1–2; «Воскресный листок» – 9 (21) января. № 6. С. 1–2; «Несколько слов о направлениях наших редакций» – 19 ноября (1 декабря). № 253. С. 1–2. В примечании к последнему из этих обозрений редакция называет автора своим «сотрудником-корреспондентом». Так что, возможно, Н.А. Иванов готовил и другие материалы для газеты.

бывает довольно мало». То, что он называет одесскую полицию «собранием воров и мошенников, не может быть понято как выражение недовольства против Правительства», ибо «сама полиция дает повод подобным образом отзываться о ней... всем живущим в Одессе», о чем было доложено дважды в июле того же года. Наконец, доказывалась бесперспективность судебного преследования капитана, ибо «весьма трудно проследить и удостовериться в справедливости падающего на Иванова обвинения, так как неизвестно ни времени, ни места, ни лица, где и при ком Иванов позволил себе предполагаемые резкие выражения»¹⁴³⁸.

В результате для государя была подготовлена справка, которую он «изволил читать» 28 октября. В ней почти дословно повторялся текст Одесского ГЖУ, а также сообщалось, что за Ивановым установлен «строгий негласный надзор». За А.Г. Шебановым также было учреждено наблюдение¹⁴³⁹.

Но уже 19 ноября было перлюстрировано новое возмутительное письмо Иванова все тому же Шебанову. Вот текст перлюстрации:

Скажи, ради Бога, что это «Голос» так беснуется и свирепствует против Жидов? Тут что#то не спроста! Уж не предвидится ли какая#нибудь концессия, которую Православные хотят выудить?

Мы, Русские, настоящее тесто, нас месят и мнут, как угодно, и мы только кряхтим и почесываемся. Власть и для нас и для евреев одна и та же, деспотизм одинаково давит как Еврея, так и Русского. Но посмотрите: Русский несет все тягости, платит подати, пропивается, обкрадывается чиновничеством; Еврей же свернулся в клубок, замкнулся в кагалную общину, устроился с своим самоуправлением и легально оппонирует. Наше земство и городское общественное управление и во сто лет не завоюют себе такого самостоятельного положения, какое приобрели кагалы. А все#таки кагалы – зло. Их следует искоренить, следует разрушить замкнутость еврейской общины; но для этого надобно дать сперва действительную самостоятельность русской общине. Пусть нам дадут свободу, пусть церковь не вмешивается в гражданский быт общества и пусть самоуправление получит возможность вести дело без вмешательства со стороны администрации; пусть, наконец, дадут нам свободу мнения и слова, и тогда мы посмотрим, на чьей стороне будут Евреи. Но ничего этого мы не получим, и в этом, конечно, Евреи не виноваты¹⁴⁴⁰.

¹⁴³⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 464. Л. 7–8 об.

¹⁴³⁹ Там же. Л. 6, 9, 10–11.

¹⁴⁴⁰ Газета «Голос» выходила в Петербурге в 1863#м – феврале 1883 года и была одной из наиболее влиятельных в стране. В области национальной политики она выступала за «ассимиляцию иноплеменных частей империи». Неоднократно в редакционных статьях и заметках обращалась к так называемому «еврейскому вопросу», в том числе и в 1872 году: «Что такое евреи в России» (12 (24) августа. № 104. С. 1); «Еще о евреях» (7 (19) ноября. № 191. С. 1); «Из Кишинева. Отклик на статью о евреях» (14 (26) ноября. № 198. С. 3) и др. Основным автором по данной проблеме являлся в тот период фактический редактор газеты, историк В.А. Бильбасов. Письмо Н.А. Иванова было реакцией на статью «Еще о евреях». В ней, в частности, говорилось: «...духовно-общественные учреждения еврейского народа... сплотили этот народ в тот замкнутый кружок, в который не проникает ни идея законной правды, ни начала общечеловеческой справедливости... Меркантильные руки евреев – сообщают нам из Одессы – захватили всю экономическую жизнь города... Граф Чернышев при Екатерине [II] так характеризовал евреев: “Они неопрятны, вонючие, праздные, ленивые, хитрые, любостыжательные, проницательные, коварные, злые; христианин – раб еврея”. Такими, по большей части, они остались... Евреи... образуют одну громадную, крепко организованную... стачку, имя которой кагал и цель которой – законный грабеж и легальное мошенничество». Автор предлагал лишить евреев права публичного богослужения, разрушить кагал – еврейскую религиозную общину.

23 ноября Александр II начертал: «Личность эта кажется нам уже известна» – и повелел сообщить министру финансов об удалении Иванова из Одессы и назначении его на службу в пограничной местности¹⁴⁴¹.

Наконец, государь – возможно, чтобы понять, как сформировалось мышление Иванова, – пожелал узнать о прохождении им службы. Оказалось, что Н.А. Иванов, дворянин Полтавской губернии, православный, родился 29 октября 1840 года в семье жандармского подполковника. Окончил Полтавский кадетский корпус. В службу вступил в 1858 году, прапорщиком в 1#ю батарею 4#й сводной резервной артиллерийской бригады. В апреле 1861 года за успешную практическую стрельбу и обучение нижних чинов получил в награду 160 руб. В августе 1862 года произведен в подпоручики. В мае 1863#го – переведен в Кронштадтскую крепостную артиллерию. В сентябре 1864#го произведен в поручики. В октябре 1865#го переведен в пограничную стражу в звании штабс-капитана и назначен отрядным офицером Одесской пограничной стражи. В апреле 1867 года награжден орденом Св. Станислава 3#й степени и произведен в капитаны¹⁴⁴². К сожалению, данный послужной список не дает нам, как не дал и императору, ответа на вопрос, где Иванов набрался «вредных мыслей», но в определенной мере объясняет, почему на рубеже 1870–1880#х годов военная организация «Народной воли» насчитывала около 200 офицеров, от прапорщика до подполковника.

Между тем фигурой капитана Иванова занималось все большее число высших сановников империи. Уже 28 ноября министр финансов М.Х. Рейтерн подписал сообщение в III Отделение, что поскольку для офицеров Пограничной стражи нет службы, кроме границы, то распоряжением от 25 ноября Иванов зачислен по Пограничной страже на один год. Это означало, что капитан не будет нести никаких служебных обязанностей и, соответственно, не будет получать никакого содержания. Если же в течение года он не сменит место службы, то будет уволен в отставку. Вместе с тем министр отметил, что удаление капитана из Одессы и запрещение ему жить в пограничных местах от Министерства финансов не зависит¹⁴⁴³.

Одновременно министр внутренних дел предложил одесскому градоначальнику учредить строгий полицейский надзор за Ивановым и предупредить директора Русского общества пароходства и торговли контр-адмирала Н.М. Чихачева о нежелательности приема капитана на службу. В ответ новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу 26 января 1873 года писал министру внутренних дел, что, на основании негласных сведений, Иванов хлопочет о переводе в Санкт-Петербургскую бригаду пограничной стражи. Капитан надеется на содействие служащего в Главном штабе генерала Гана, бывшего командира Санкт-Петербургской бригады пограничной стражи генерала Гардера и полковника (А.И.) Трусова. С этой целью Иванов выехал в столицу¹⁴⁴⁴. Лишь 24 января по телеграфу подполковник Кноп сообщил управляющему III Отделением о состоявшемся вечером 20 января отъезде Иванова в Петербург. В III Отделении решили просить обер-полицмейстера столицы учредить строгий надзор за Ивановым, который, вероятно, остановится у Шебанова. «Подобный же надзор» за Ивановым было решено установить и со стороны самого III Отделения¹⁴⁴⁵. Таким образом, пребывание скромного капитана в столице должны были фиксировать одновременно две службы надзора.

В жизни, как заметил М.Е. Салтыков-Щедрин, «строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения». Чиновник III Отделения докладывал начальству 2 февраля:

¹⁴⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 464. Л. 12 об.

¹⁴⁴² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 464. Л. 38–38 об., 57 об.

¹⁴⁴³ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁴⁴⁴ Там же. Л. 25–25 об.

¹⁴⁴⁵ Там же. Л. 22–24.

Мы просили полицию наблюдать за прибытием сюда Иванова, но она, по обыкновению, ничего не сообщила и вероятно не знает даже, что Иванов приехал сюда дней 10 тому назад. За ним следят наши агенты. Он несколько раз ездил в Департамент таможенных сборов и ему известно, что увольнение его от службы последовало по инициативе 3 [-го] Отделения. На днях Иванов собирается уезжать обратно в Одессу. Он остановился здесь у Шебанова¹⁴⁴⁶.

На деле Николай Артемьевич находился в Петербурге до 28 февраля. Наблюдение за ним было установлено с 31 января и продолжалось официально до 24 февраля, почти до конца его пребывания в столице. Правда, с 11#го по 21 февраля оно фактически не проводилось – «по случаю отпуска двух агентов и болезни третьего»¹⁴⁴⁷. Это не помешало обер-полицмейстеру Петербурга Ф.Ф. Трепову 4 марта 1873 года сообщить управляющему III Отделением А.Ф. Шульцу, что «проживавший в Санкт-Петербурге с 26 января 1873 года под самым строгим негласным надзором полиции» капитан Иванов 28 февраля отметился выбывшим в Одессу¹⁴⁴⁸. «Наружка» зафиксировала его поездки в Главный штаб (вместе с Шебановым), в Департамент внешней торговли, к начальнику Пограничной стражи полковнику Трусову, в таможенную, зафиксировала его прогулки, но ничего подозрительного установлено не было. Тем не менее начальнику Одесского ГЖУ было направлено письмо с просьбой сообщать время от времени сведения об Иванове¹⁴⁴⁹. В марте 1873 года последнего уволили в отставку с чином майора и с мундиром¹⁴⁵⁰.

Через полгода отставной капитан вновь привлек внимание высших сфер. Было перлюстрировано его новое письмо Шебанову, от 9 октября 1873 года, которое также доложили императору. Неугомонный Николай Артемьевич на этот раз затронул новые проблемы:

Никогда Россия не нуждалась в хорошем русском повременном издании, выходящем за границу, как в настоящее время. Тысячи вопросов, миллионы случаев, происшествий, фактов остаются не комментированными, не разъясненными; публика ходит как в котелках: стучится лбом в одну стену – глухое молчание, в другую, в третью, в десятую – гробовая тишина!...

Как мало обращают у нас внимания на страшные голодания! Оставим в стороне губернии Черниговскую, Смоленскую, Псковскую, Архангельскую и т. д., где голод – явление хроническое, неизбежное, как судьба прекрасной Елены. Возьмем наши житницы. Полтавская губерния, как мне известно, голодала два года подряд; Херсонская голодает вот уже второй год; Самарская нынче вся перемерет от голода¹⁴⁵¹. Черт возьми! Да неужели же все это голодание совершается по воле Божией! Только слепой не видит, что русскому народу стало тесно жить. <...> нам нужно заняться колонизацией нашего отечества. Я подразумеваю тут громадную работу перераспределения на территории сообразно с производительностью земель. Мы имеем огромный запас государственных земель, не приносящих казне почти никакого дохода. Эти земли, будучи распределены между

¹⁴⁴⁶ Там же. Л. 39.

¹⁴⁴⁷ Там же. Л. 34, 36, 37.

¹⁴⁴⁸ Там же. Л. 46.

¹⁴⁴⁹ Там же. Л. 30, 31–33 об., 34–36, 47.

¹⁴⁵⁰ Там же. Л. 57.

¹⁴⁵¹ Действительно, осенью 1873 года российские газеты писали о голоде во многих губерниях страны. В частности, газета «Голос» сообщала: «...в Самарской губернии голод... у крестьян уже нет хлеба» (18 (30) сентября. С. 3), «Из Оренбурга... совершенный неурожай и необыкновенная дороговизна хлеба» (20 сентября (2 октября). С. 3).

земледельцами, даже без всяких пособий со стороны казны на переселение, дали бы крестьянству возможность стать на ноги и, в самое короткое время, возвысили бы доходы Государства. Что же, спрашивается, делает с этими землями Правительство? Оно продолжает селить на них иностранных колонистов, или же, – что еще лучше, – раздает их Генералам в виде награды. Конечно, всегда существовали и будут существовать глупые и близорукие Правительства, но такого как у нас, в настоящее время, – трудно отыскать в истории. Эпоха наша – эпоха борьбы народов. Мы не можем ручаться, что через год, два, нам не придется отстаивать нашу родину с оружием в руках. Политика реальных успехов – таков девиз нынешних дипломатов. Что же сделали у нас в этом отношении? Вялые реформы воинской повинности; печальные результаты рассмотрения вопроса о ходе застывшей податной реформы; страшный цензурный гнет над печатным словом, произвол и насилия жандармерии; узкое, тенденциозное направление всех вопросов по народному просвещению; страх перед новыми идеями; трусливые попытки задавить ход прогресса и, в конце концов, положительное разорение податной силы! Где же, спрашивается, тот источник успеха, в котором должна черпать силу политика Правительства? Горе нам, горе! Будем побиты мы и наша родина, наш бедный народ отдаст свою последнюю копейку, свою кровь и будет нести бесславию позорного поражения!!¹⁴⁵²

Рука императора вновь начертала фразу: «Кто эти личности?» 31 октября, видимо, граф П.А. Шувалов на первой странице копии письма надписал: «Прошу составить записку для всепод. [даннейшего] доклада. Иванов – видимо уволенный офицер пограничной стражи; Шебанов тоже известен». Как тут же отмечено, записка была представлена 2 ноября¹⁴⁵³. Любопытно, что ее составители вовсе не стремились подчеркнуть политическую опасность автора и получателя дерзких писем. О Шебанове снова говорилось: «Отзывы о нем хорошие», а об Иванове – что он «вспыльчивого и заносчивого характера, но в обществе своих убеждений не высказывает». 17 ноября с запиской ознакомился Александр II и там, где речь шла об Иванове, надписал: «Так я и думал». Других распоряжений не последовало¹⁴⁵⁴.

Уже через пару недель было вновь перлюстрировано письмо Иванова из Одессы тому же Шебанову от 27 ноября. Теперь Николай Артемьевич выражался еще более резко:

Случайности, которым стала подвергаться, с некоторых пор наша переписка, я отношу к любопытству чиновников, прикомандированных к Почтовому Ведомству для «перлюстрации» частной корреспонденции. Я нисколько не сомневаюсь, что у нас на почте вскрывают письма. Мне называли здесь по фамилии одного Действительного Статского Советника, который занимается этим мерзопакостным ремеслом в Одесской Почтовой Конторе¹⁴⁵⁵. Правительство наше, или, лучше сказать, та воровская шайка, которая захватила власть в свои руки, способно на все гадкое. Предполагать, что эти изверги останутся пред тайною частного письма, это все равно, что допускать в голодном волке гуманные чувства при виде младенца в колыбели.

¹⁴⁵² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 464. Л. 48–50 об.

¹⁴⁵³ Там же. Л. 48.

¹⁴⁵⁴ Там же. Л. 51, 52.

¹⁴⁵⁵ В это время старшим цензором Одесской почтовой конторы был А.Ф. Маснер, известный специалист по перлюстрации.

Болотова осудили к ссылке на 3 года в Сибирь на поселение; но процесс этот еще не кончен. Участие бывшего Полицмейстера Антонова во всех мошенничествах доказано многочисленными фактами и, по#настоящему, он должен быть предан суду. <...> У нас поговаривают, что юристы наши употребляют все усилия, чтобы посадить Антонова на скамью обвиняемых, но едва ли это сбудется. Антонов оказался настолько крупным негодяем, что он сильно может рассчитывать на Губернаторское место. Год, два опалы, и мы, наверное, опять увидим Антонова на службе. Это тем вероятнее, что награбленное состояние даст ему возможность широко пожить в Питере, что, вообще, имеет огромное значение для карьеры¹⁴⁵⁶.

Фраза о «воровской шайке, которая захватила власть», была подчеркнута и сбоку поставлены три восклицательных знака. На первой странице – резолюция Александра II: «Опять от известного нам Иванова. Придется выслать его куда#нибудь подальше»¹⁴⁵⁷. Но решительный замах закончился ничем. Была подготовлена очередная справка, доложенная государю 6 декабря 1873 года.

Более перлюстрированных писем Н.А. Иванова в архивном деле не имеется. Причины этого неизвестны. Но почти через два года, 2 сентября 1875#го, помощник начальника Курского ГЖУ капитан Иванов подал проезжавшему через город шефу жандармов А.Л. Потопову записку с просьбой о снятии надзора с его родного брата – Н.А. Иванова. В это время Николай Артемьевич занимал в Одессе должность бухгалтера в главной конторе Русского общества пароходства и торговли и Одесской железной дороги. 11 ноября был направлен запрос начальнику Одесского ГЖУ с просьбой собрать сведения «о поведении и образе мыслей Иванова». Все тот же Кноп, уже полковник, 3 декабря сообщал управляющему III Отделением А.Ф. Шульцу, что Иванов получает около 2 тыс. руб. в год, «считается человеком дельным, усердным, работающим, но характера нелюдимого, ни с кем не сближается; свободное от службы время проводит дома, один». Что же касается его взглядов, то «направления он либерального, но ни в каких сношениях с лицами неблагонадежными он замечаем не был... и нет никаких указаний на то, чтобы он в своих взглядах имел что#либо общее с пропагандистами». Письменные высказывания поднадзорного полковник склонен был объяснять тем, что «угрюмость его характера и нелюдимость заставляют его видеть все в черном цвете»¹⁴⁵⁸.

К сожалению, я не знаю, каково было окончательное решение. Вполне возможно, что, учитывая всю сумму фактов (службу отца и брата, отзыв начальника Одесского ГЖУ), надзор с Н.А. Иванова сняли. Гораздо важнее другое. Во-первых, если в отношении Жуковского последовал немедленный приказ об аресте, то четыре несравнимо более вызывающих письма Иванова практически остались для него и его адресата без сколько#нибудь существенных последствий. Чем это можно объяснить? Немаловажно, видимо, то, что Жуковского легко было обвинить в недопустимых высказываниях, так как сделаны они были в

¹⁴⁵⁶ Полковник Валерий Михайлович Антонов в 1872 году был одесским полицмейстером, коллежский регистратор Алексей Николаевич Болотов служил секретарем управления одесского полицмейстера (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1872 г. Ч. 2. СПб., 1872. С. 329). С 27 октября 1873 года в Одесской судебной палате слушалось дело тридцатилетнего А.Н. Болотова. Его обвиняли в вымогательстве, незаконном лишении свободы частных лиц, превышении власти. В конце 1871#го – начале 1872 года он взимал с проституток незаконно по 2 руб. за «медицинские билеты», принуждал некоторых девушек поступить в дом терпимости, разбирали споры между содержательницами публичных домов и проститутками, требовал с одного из полицейских приставов по 450 руб. ежемесячно и т. п. Из шестнадцати пунктов обвинения присяжные признали его виновным по одиннадцати. На суде с полной очевидностью выявилось покровительство Болотову со стороны полицмейстера В.М. Антонова. Сам Антонов на суд не явился, его показания были зачитаны на процессе. Болотов был осужден к ссылке в Тобольскую губернию на два года с запретом покидать Сибирь в течение шести лет (Одесский вестник. 1873. 31 октября. С. 2; 1 ноября. С. 1–2; 2 ноября. С. 1–2; 3 ноября. С. 2–3).

¹⁴⁵⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 464. Л. 53–54.

¹⁴⁵⁸ Там же. Л. 57–59 об.

официальных письмах (о письме же В.С. Курочкину можно было и умолчать). А все проклятия Иванова в адрес власти стали известны в результате использования перлюстрации, существование которой считалось государственной тайной и ссылка на которую в ходе следствия была невозможна.

Во-вторых, дело Иванова разворачивалось после судебной реформы 1864 года. В соответствии с ней следствие должны были вести судебные следователи. Правда, закон от 19 мая 1871 года передал предварительное дознание по политическим делам чинам Корпуса жандармов, а еще в 1864 году при министре внутренних дел было образовано Особое совещание с правом административной ссылки подозреваемых. Тем не менее не случайно одесские жандармы подчеркивали отсутствие материалов, необходимых для уголовного преследования Иванова, т. е. уличающих его в общественной антиправительственной агитации.

В-третьих, оба дела отражают часть того «питательного бульона», из которого выросло и в среде которого существовало российское революционное движение 1860–1870#х годов. Этот «бульон» был значительно шире и глубже, чем представляется сегодня многим авторам. В связи с реформами 1860–1870#х годов их современники испытывали не только огромные ожидания, но и недовольство – немалому числу людей проводимые реформы казались нерешительными, непоследовательными, малорезультативными и имеющими другие подобные недочеты.

История вторая: Жизнь и приключения Владимира Кривоша

В предыдущих главах я не раз упоминал это имя. Действительно, наверно, за всю историю «черных кабинетов» в России не было фигуры столь самобытной, яркой и разнообразно даровитой. Подавляющее большинство чиновников, занимавшихся перлюстрацией, уже в силу самого занятия, именовавшегося «непроницаемой тайной», не должны были привлекать к себе внимания. Им следовало выглядеть такими «серенькими мышками». Но иногда здесь попадались люди с огромной энергией, неудовлетворенным самолюбием. Энергия эта бурлила, ища выхода и проявляясь в самых разнообразных сферах деятельности.

Именно к таким людям принадлежал Владимир Иванович Кривош. Интерес к данной фигуре носит международный характер¹⁴⁵⁹. Больше всего о Кривоше писали в Словакии, поскольку он родился в этой стране. Его биография приводится в словацких энциклопедических изданиях¹⁴⁶⁰. Однако материалы, опубликованные за рубежом, далеки от необходимой полноты, а также содержат много неточностей. Почти все авторы принимают на веру рассказы самого Владимира Ивановича. Между тем все его утверждения требуют всесто-

¹⁴⁵⁹ См.: Кан Д. Война кодов и шифров: История четырех тысячелетий криптографии / Пер. с англ. Е.С. Алексеева. М.: Рипол Классик, 2004. С. 226; Роуан Р. Разведка и контрразведка / Сокр. пер. с англ. М., 1937.

¹⁴⁶⁰ *Tibenský R.* V palácoch a vo vyhnanstvách: životné osudy Vladimíra Krivossa (1865–1942) [Во дворцах и ссылках. Жизнь и судьба Владимира Кривоша (1865–1942)]. Mladé letá, 1991; *Krivoss J.* Predkovia poliglota Vladimíra Krivossa // Genealogicko-heraldický hlas. Martin, 1993. № 2. S. 19, 26; *Kolafa S.* Vladimír Krivos ve slovensko-ruských stycích [Место Владимира Кривоша в словацко-русских отношениях] // Československo-sovetské vzťahy [Чехословацко-советские связи]. 1975. № 4. S. 121–144; *Idem.* Croydonské setkání ruského revolucionáře V.D. Bonč-Bručeviče se slováky Škarvanem a Krivošem // Slovanské štúdie. 1977. № 18. S. 107–143; *Kolafa S.* Slovenští odpůrci Carismu a Války. Příspěvek ke slovensko-ruským stycům v letech první světové imperilistické války [Словацкие противники царизма и войны. К словацко-русским отношениям в годы Первой мировой империалистической войны] // Československo-sovetské vzťahy [Чехословацко-советские связи]. 1986. № 15. S. 61–98; *Idem.* Na výstave Hvierda svetoveq literatúry // Predvoj. 1968. [8 февраля]. S. IV; *Idem.* Zachráňme, ký qesto čo // Pravda. 1968. [13 февраля]. S. 43; *Kolafa C.* Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л.Н. Толстым // Советское славяноведение. 1977. № 2. С. 78–83; *Đuriška Z.* Poliglota z Liptovského Mikuláša // Slovenské národné poviny. 1992. № 39; *Гузи Л.* Узник Соловецких островов – Владимир Кривош-Неманич // Меценат и мир. 2004. № 25–28. С. 565–570; *Reprezentatívny biografický lexicon slovenska* [Словацкий словарь избранных биографий]. Martin: Matica Slovenská, 1999. S. 186–187; *Slovenský biografický slovník* [Словацкий биографический словарь]. Martin: Matica Slovenská, 1989. Т. III. S. 260–261.

ронней проверки. Наш герой очень любил различного рода мистификации. Он называл себя то сербом, то словаком. Уверял, что окончил восточный и юридический факультеты Санкт-Петербургского университета, что было неправдой.

Владимир Иванович Кривош родился 1 июля 1865 года в Словакии, в городе Липтовск-Микулаш. В российских документах в качестве даты его рождения везде указывается 1 декабря 1865 года¹⁴⁶¹. По мнению Яна Кривоша, внучатого племянника нашего героя, римское число «VII» было плохо пропечатано в документе, с которым Владимир приехал в Россию. В результате его спутали с числом «XII»¹⁴⁶².

На протяжении ряда поколений Кривоши были мастерами-кожевниками, содержателями придорожного двора. Отец Владимира Ян (23 декабря 1832#го – 18 мая 1888 года) владел магазином скобяных изделий. В 1859 году он женился на Зузане, урожденной Палковой (2 января 1840#го – 29 сентября 1914 года). Племянником Зузаны, сыном ее сестры Анны, был Душан Маковицкий (1866–1921), врач по образованию и последователь Льва Толстого по убеждениям. Несколько лет Д. Маковицкий жил в Ясной Поляне и стал единственным спутником писателя, когда Лев Николаевич покинул свой дом в 1910 году. В семье Яна и Зузаны было трое детей: Ян (1862–1925), Владимир (1865–1942) и Гелена-Анна (1870–1874)¹⁴⁶³.

Но прежде, чем рассказывать о жизни младшего сына, надо напомнить, что представляла собой Австро-Венгерская империя и какие проблемы волновали ее многонациональное население. На протяжении XVI–XVIII веков в состав Австрии вошли Венгрия, Силезия, Чехия, часть польских, западно-украинских, южнославянских, итальянских и других земель. Она стала одной из великих европейских держав. С середины XIX века у австрийского императора появился мощный соперник – Пруссия. Росло национальное самосознание народов империи. Кроме общего недовольства, у них имелись свои внутренние счеты. В частности, крайне напряженными были отношения между словаками и венграми (мадьярами). Еще в XI веке словаки попали под власть Венгерского королевства.

В 1867 году империя была преобразована в Австро-Венгерскую. Венгерское правительство получило власть над Закарпатьем, Словакией, Трансильванией и Хорватией. В 1875 году была запрещена Матица Словацкая, культурно-национальное общество. Для славянских народов империи в этой ситуации врагами были венгры и австрийцы. Одним из следствий многонационального состава империи являлась богатейшая палитра языков, звучавших на ее территории.

К концу гимназического курса Владимир Кривош владел семью языками: венгерским, итальянским, немецким, французским, хорватским, чешским и родным словацким. Одновременно он увлекся стенографией¹⁴⁶⁴. Но его гимназический аттестат, выданный 26 июня 1885 года, говорит об отсутствии привычки к повседневной работе. В выпускном свидетельстве будущего полиглота нет ни одной отличной оценки. Из тринадцати предметов по одиннадцати, в том числе по языкам греческому, венгерскому, итальянскому, латинскому и немецкому, он получил «хорошо», а по истории и рисованию – «достаточно», т. е. тройки¹⁴⁶⁵.

После окончания гимназии Владимир поступил в Венскую восточную академию, но не закончил и первого курса. По словам Кривоша, его исключили якобы за то, что он во время посещения академии императором Францем Иосифом I гордо подчеркнул, отвечая на вопрос его величества, свою принадлежность к словацкой нации. На деле при несомненных лингвистических способностях учеба давалась Владимиру не столь уж легко. Лекции чита-

¹⁴⁶¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2 об.

¹⁴⁶² *Krivoss J. Predkovia poliglota Vladimira Krivossa. S. 19–30.*

¹⁴⁶³ *Ibid. S. 19–30; Tibenský R. V palácoch a vo vyhnanstvách. S. 13–34.*

¹⁴⁶⁴ *Tibenský R. V palácoch a vo vyhnanstvách. S. 13–34.*

¹⁴⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 6.

лись на двух языках: немецком и французском. Он владел ими, но не в совершенстве. Занятиям мешали и появившиеся соблазны. Как признает биограф Кривоша Рудольф Тибенский, вообще#то относящийся к нему весьма благосклонно, провинциальный студент «стал нежелательным лицом... скорее из#за своей необузданной и кичливой натуры и пренебрежения учебной»¹⁴⁶⁶. По итогам первого семестра из девяти учащихся четверо имели только отличные оценки. Наш герой не имел ни одной отличной оценки, зато имел три тройки. Результаты второго семестра оказались не лучше. Знание Кривошем «Энциклопедии юридических и правительственных наук» было оценено как «недостаточное», т. е. на двойку. Педагогический совет 6 июля 1886 года вынес решение, что студент Владимир Кривош «требованиям Восточной академии не удовлетворил»¹⁴⁶⁷. Молодой человек отправился в Россию.

В 1877 году было организовано Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество. Оно провозглашало своими целями пропаганду славянского единства, заботу о славянах, переселяющихся в Россию, имело ряд журналов и научных сборников. В деятельности общества участвовали видные представители русской культуры. Его председателем с 1888 года был граф Н.П. Игнатъев, являвшийся с марта 1881#го по май 1882 года министром внутренних дел. Владимир еще в Словакии познакомился с деятелями этого общества и мог рассчитывать на их поддержку.

В Петербурге Кривош оказался 17 октября 1886 года, когда занятия в университете уже шли. 12 февраля 1887 года министр народного просвещения И.Д. Делянов сообщил об отсутствии «препятствий в принятии... Владимира Кривоша в число студентов Санкт-Петербургского университета с тем, чтобы факультет восточных языков удостоверился в знании просителем русского языка»¹⁴⁶⁸. В ожидании получения разрешения от министерства Владимиру позволили посещать занятия в качестве вольнослушателя. 27 августа того же года он был зачислен на восточный факультет¹⁴⁶⁹. 28 сентября 1888 года принес присягу на верность новому отечеству¹⁴⁷⁰. Сделал и следующий шаг: 2 июня 1889 года в Казанском соборе совершил обряд перехода в православие¹⁴⁷¹.

29 апреля 1889 года Владимир Кривош обратился с прошением к ректору. Он писал, что считается студентом восьмого семестра, готовится к сдаче правительственного экзамена, но не попал в список, поскольку у него формально не зачтены второй и третий семестры¹⁴⁷². 14 мая декан доложил ректору, что «факультет полагает не возможным допустить... Кривоша к испытанию в Комиссии восточных языков наравне со студентами, вступившими в Санкт-Петербургский университет в 1885 году и имеющими восемь зачетных полугодий. <...> Факультет не находит возможным зачесть г. Кривошу и настоящее весеннее полугодие 1889 года»¹⁴⁷³. 29 декабря того же года Правление университета выдало ему свидетельство о двух зачетных полугодиях, одном зачетном условно (седьмом) и одном не зачетном¹⁴⁷⁴. Это не мешало впоследствии Владимиру Ивановичу писать и говорить, как я отмечал выше, об окончании даже двух факультетов университета: восточного и юридического.

Пока же 11 декабря 1891 года Владимир Иванович Кривош был «определен почтово-телеграфным чиновником 6 [-го] разряда низшего оклада по Распорядительной экс-

¹⁴⁶⁶ *Tibenský R. V palácích a vo vyhnanstvách. S. 40.*

¹⁴⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 7.

¹⁴⁶⁸ Там же. Л. 11.

¹⁴⁶⁹ Там же.

¹⁴⁷⁰ Там же. Л. 16; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 2 об. – 3.

¹⁴⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 49 об.

¹⁴⁷² Там же. Л. 25.

¹⁴⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26271. Л. 26.

¹⁴⁷⁴ Там же. Л. 33.

педиции Санкт-Петербургского почтамта», а 24 апреля 1892 года назначен переводчиком Санкт-Петербургской почтовой цензуры. Это учреждение, как мы знаем, было официальным прикрытием «черных кабинетов», занимавшихся перлюстрацией. Рекомендация, по словам старшего цензора А.Д. Фомина, исходила от крестного отца Кривоша Н.П. Игнатьева, бывшего министра внутренних дел и известного дипломата. К делам «о секретной части», т. е. непосредственно к ведению перлюстрации, Кривош был допущен, по сведениям Фомина, в 1893 году¹⁴⁷⁵. Заметим, кстати, что слух об Игнатьеве как о крестном отце Кривоша был еще одной выдумкой Владимира Ивановича. На деле его крестными были отставной полковник Генерального штаба В.В. Комаров (деятель Славянского благотворительного общества и издатель ряда периодических изданий) и вдова генерал-майора Вера Ивановна Розенгейм¹⁴⁷⁶.

Отличие Кривоша от коллег по «черному кабинету» состояло в том, что в его характере сочетались знания, талант, огромная работоспособность и неудовлетворенное честолюбие. Последнее из этих качеств быстро превратилось в тщеславие. Нашему герою мало было работы в цензуре и других спецслужбах. Он хотел проявить все свои способности и быть известным в обществе человеком. Если коллеги Кривоша скромно значились в адресной книге «Весь Петербург» как сотрудники Главного управления почт и телеграфов, то рядом с фамилией Владимира Ивановича уже в начале XX века указывалось: товарищ председателя Чешского вспомогательного общества в Санкт-Петербурге, уроки стенографии по новейшей системе¹⁴⁷⁷. При этом вопросы морали и нравственности отступали на задний план. Именно здесь, как мне представляется, скрыт ключ к объяснению поведения Владимира Ивановича в эти, да и в последующие годы. Р. Тибенский, нередко его идеализирующий, тем не менее пишет: «Служебная лестница имела много ступенек, а Кривошу не хотелось медленно делать осторожные шаги. Он хотел делать скачки, он был слишком нетерпелив, чтобы стать действительным русским бюрократом»¹⁴⁷⁸.

Тщеславие Кривоша, его желание получения внешних отличий ярко характеризуется сравнительно малозначительным эпизодом. В сентябре 1902 года Владимир Иванович обратился к болгарскому дипломатическому агенту в Петербурге Д.И. Станчову с письмом, в котором просил о награждении его болгарским орденом, ссылаясь на то, что уже второе десятилетие «состоит цензором всей болгарской периодической печати». Дипломат переслал это письмо в МИД России, сопроводив его запросом, заслуживает ли удовлетворения данное ходатайство. Товарищ министра князь В.С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий отправил эту переписку начальнику Главного управления почт и телеграфов князю Н.В. Шаховскому, указав, что такое обращение русского чиновника к иностранному представителю «едва ли представляется удобным». 12 декабря Шаховской ответил Оболенскому, что «Кривошу поставлена на вид бестактность его поступка»¹⁴⁷⁹. Самое любопытное, что на такой поступок пошел почти сорокалетний человек, служивший одиннадцатый год и, казалось бы, хорошо представлявший особенности ведения дел в коридорах бюрократии.

В 1900-е годы Владимир Иванович проявляет в области перлюстрации и свои технические дарования. Он делает два изобретения, которыми чиновники «черных кабинетов» будут пользоваться на протяжении десятилетий. Первое заключается в новом способе вскрытия писем с помощью специального аппарата наподобие электрического чайника. Теперь цензор в левой руке держит конверт над струей пара, а в правой – тонкую иглу, которой осторожно

¹⁴⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 113.

¹⁴⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1052. Л. 44 об. – 45.

¹⁴⁷⁷ Весь Петербург на 1901 год. СПб., 1901. Разд. III. С. 294.

¹⁴⁷⁸ *Tibenský R. V palácích a vo vyhnanstvách.* S. 76.

¹⁴⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 104 об.

отгибает клапаны¹⁴⁸⁰. Также Кривош рационализирует технику изготовления состава для поддельных печатей, которые наносятся в особенности на дипломатическую почту. Барон Ф. Тизенгаузен, считавшийся лучшим специалистом по вскрытию дипломатической почты, будет вспоминать на допросе в 1929 году, что «до 1908 г. при манипуляциях с подделками печатей практиковался состав серебряной амальгамы, а после по предложению Кривоша была введена медная амальгама, которая была и удобнее, и дешевле»¹⁴⁸¹. Именно за эти изобретения Владимир Иванович удостоивается в марте 1908 года ордена Св. Владимира 4-й степени.

Другой характерной чертой служебной деятельности Кривоша было его разностороннее совместительство. С 20 декабря 1904 года по 1 августа 1906-го он состоит при секретном отделении Департамента полиции «переводчиком с персидского, турецкого, мадьярского, румынского, испанского, португальского, итальянского и славянских языков»¹⁴⁸². Занимается литературным трудом: переводит, пишет пьесу, сочиняет баллады¹⁴⁸³.

Владимир Иванович активно работает в области стенографии, создает собственную ее систему, много стенографирует в различных правительственных комиссиях. В результате его приглашают организовать стенографическую службу в первом российском парламенте, возникшем в результате Манифеста Николая II от 17 октября 1905 года. Приказом по Государственной канцелярии от 5 июля 1906 года Кривоша причисляют «к сей канцелярии» для заведывания думским стенографическим бюро с оставлением в занимаемой должности по Главному управлению почт и телеграфов¹⁴⁸⁴. Ему определяют солидное жалование – 225 руб. в месяц¹⁴⁸⁵. Здесь он будет официально трудиться до 1 июля 1915 года¹⁴⁸⁶.

После образования морской разведки в результате соглашения Морского Генерального штаба (МГШ) и Генерального штаба Военного министерства в 1907 году было создано «Секретное бюро» объединенной службы обоих генеральных штабов. Подчинялось «Секретное бюро» начальнику иностранного отдела МГШ Б.И. Доливо-Добровольскому, а затем М.И. Дунину-Барковскому, которые получали все необходимые суммы и отчитывались за них по полугодиям перед начальником МГШ¹⁴⁸⁷. Непосредственным руководителем «Секретного бюро» стал, конечно, Владимир Иванович Кривош. Какие же задачи были перед ним поставлены? По словам близкой помощницы Кривоша Авдотьи Александровны Ульяничевой (в одном из документов поименованной Ульяновой), в ее квартиру (Офицерская улица, дом 18, квартира 7) приходили люди из разных посольств (в частности, из австро-венгерского, шведского, японского и персидского). Они приносили всевозможные пакеты и бумаги. Эти документы фотографировались, и их уносили обратно¹⁴⁸⁸.

Казалось, что служебное положение Кривоша непоколебимо. Но одновременно у начальства копилось недовольство и недоверие к этому своему сотруднику – одному из самых ценных специалистов. Первый неприятный эпизод случился в 1897 году. Владимир Иванович получил двухмесячный отпуск и выехал за границу. В Лондоне он встретился с другом юности, известным толстовцем А. Шкарваном. Бывал в доме В.Г. Черткова, кото-

¹⁴⁸⁰ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9; Д. 1003. Л. 24 об.; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 102 об.

¹⁴⁸¹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 142.

¹⁴⁸² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 104 об. – 105.

¹⁴⁸³ *Гурбан-Ваянский С.* Ирод / Со словацкого В.И. Кривош. 2-е изд. СПб., 1909; *Кривош В.* Толстовец. Драма в пяти действиях и шести картинах. СПб., 1906; *Кривош-Неманич В.И.* Баллады. Изд. автора. Б/м, 1928.

¹⁴⁸⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 3 об. – 4.

¹⁴⁸⁵ Стенограф. 1908. № 1–4. С. 5.

¹⁴⁸⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 81–82.

¹⁴⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 19. Л. 3, 5.

¹⁴⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 112.

рый посещали революционные эмигранты. «Распустив перья», обещал свое содействие В.Д. Бонч-Бруевичу. В результате по возвращении Кривоша в Россию от него потребовали объяснений. 13 сентября он писал директору Департамента полиции С.Э. Зволянскому, будто бы один из посетителей Чертковых, узнав, что гость из Петербурга служит в цензуре, просил похлопотать о своей рукописи, отправленной туда. При знакомстве Кривош якобы не расслышал фамилии этого человека. Поэтому при прощании «хотя и неопределенно, но дал обещание исполнить просьбу». Однако, узнав, что это Бонч-Бруевич, «известный Кривошу по службе в цензуре», решил никаких просьб его не исполнять. Владимир Иванович добавил также, что «из разговоров с эмигрантами... много узнал такого, что было им впоследствии использовано в служебных интересах (способы пересылки нелегальной литературы)».

Желая доказать свою служебную безупречность, Кривош писал:

Я, будучи родом, происхождением, воспитанием и глубоким убеждением славянин и русофил, принявший русское подданство добровольно и, вопреки ожидавшей меня карьере в Австрии, как воспитанника Венской Ориентальной Дипломатической академии, если бы я хотя на время покривил душой и скрыл свое славянское происхождение и русофильство, уже в силу одного этого не могу не быть благонамеренным с точки зрения Русского Правительства, которому я служу честно и добросовестно и полным доверием которого пользуюсь как чиновник секретной экспедиции.

Наконец, он указал несколько весьма влиятельных лиц, могущих «засвидетельствовать его благонамеренность»: редактора газеты «Свет» В.В. Комарова, товарища обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера и бывшего министра внутренних дел Н.П. Игнатьева. Любопытно, что честолюбие Кривоша дало знать себя даже в этом документе фразой: «Я всегда буду того мнения, что Секретная экспедиция больше нуждается во мне, чем я в ней». 23 октября директор ДП уведомил А.Д. Фомина, что при докладе «г. Министру [И.Л. Горемыкину] Его Высокопревосходительство изволил признать объяснения Кривоша заслуживающими уважения и оставить его на службе»¹⁴⁸⁹.

Лондонская история 1897 года аукнулась Владимиру Ивановичу через двенадцать лет. В конце августа – начале сентября 1909 года в Берлине (в журнале «*Forwards*») и Лондоне (в «*Justicevoc*») появились две статьи известного революционного эмигранта и «охотника за провокаторами» В.Л. Бурцева. Он вспоминал, что в 1897 году в квартире Черткова познакомился с чиновником цензуры иностранной прессы «Кривошеем». Тот рассказал Бурцеву несколько подробностей о мерах, принятых против него российскими властями, и обещал достать номер специального журнала, составляемого из донесений директора Департамента полиции государю. В результате этих публикаций последовало распоряжение ДП об организации «наружного наблюдения» за Кривошем. С 29 октября 1909 года за ним было установлено наружное наблюдение. Оно продолжалось по 22 ноября и никаких компрометирующих фактов не дало¹⁴⁹⁰.

В начале 1911 года Кривош получил весьма обидный щелчок по самолюбию. Он ходатайствовал о приеме в цензуру иностранных газет и журналов брата своей жены, двадцатилетнего Василия Якшинского. Начальство не возражало. Никаких предосудительных данных на молодого человека не имелось. Но министр внутренних дел П.А. Столыпин 29 января

¹⁴⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 103 об. – 104 об.

¹⁴⁹⁰ Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1929. Л. 1–20 об.

начертал весьма примечательную резолюцию: «Я боюсь превратить это дело в семейное дельце Кривоша»¹⁴⁹¹.

В том же году разразился скандал. Владимир Иванович получил от Морского министерства 45 тыс. руб. на организацию перлюстрационных пунктов в провинции, однако в результате не было ни пунктов, ни отчета о 22 тыс. руб. В конце 1910 года Кривош получил в качестве наградных к Рождеству 1 тыс. руб. для раздачи тем служащим санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов, которых он привлек к сотрудничеству с Морским министерством. Но никто из них этих денег не получил. Из секретных сумм, отпускавшихся Морским министерством для старшего цензора в Варшаве А.Ф. Шлиттера и его подчиненных и передававшихся им через Кривоша, последний присваивал половину¹⁴⁹².

В сентябре 1911 года у Владимира Ивановича потребовали объяснений. Первоначально он попытался все отрицать. Об этом свидетельствует письмо А.Д. Фомина начальнику Морского Генерального штаба А.А. Эбергарду от 19 сентября 1911 года:

Явившийся ко мне вчера от Вашего Превосходительства В.И. Кривош заявил, что он с документами в руках убедил Вас в совершенно правильном с его стороны обращении с вверенными ему суммами. При этом Кривош очень просил меня написать Вашему Превосходительству письмо, что я и исполняю, уверив меня, что я должен буду получить от Вас совершенно реабилитирующий его, Кривоша, ответ. В ожидании такового прошу принять уверенность в совершенном почтении и преданности¹⁴⁹³.

Дальнейшее развитие событий не помогло нашему герою реабилитироваться. После тяжелого разговора с Фоминым Кривош вынужден был написать 1 декабря 1911 года прошение об увольнении из петербургской цензуры иностранных газет и журналов, «не имея возможности совмещать занимаемые мною должности». Оно было немедленно удовлетворено¹⁴⁹⁴. Впоследствии Владимир Иванович объяснял свой уход из почтовой цензуры ссорой «с морским офицером Дуниным-Барковским»¹⁴⁹⁵. Почти двадцатилетняя служба Кривоша в одной из самых секретных служб Российской империи, в «черных кабинетах», закончилась.

В качестве гарантии от дальнейших преследований он умудрился получить в свои руки фотокопию подлинника всеподданнейшего доклада о его, Кривоша, награждении орденом Св. Владимира 4-й степени. Главная боль для начальства заключалась в том, что в этом документе, в отличие от обычной практики, было неосторожно рассказано о подлинных заслугах Владимира Ивановича. Текст гласил:

Коллежский асессор Владимир Кривош... приносит неоценимую пользу секретному делу. <...> Изобретения его в области секретного дела, примененные во всех секретных пунктах империи, дали на практике блестящие результаты, а именно: способ делания твердых металлических печатей, имеющего все преимущества перед применявшимся до сих пор способом делания таковых... (секрет, переданный русским правительством австрийскому в 1838 г.), и изобретение прибора для вскрытия писем посредством пара; с помощью этого прибора письма вскрываются очень быстро с безукоризненной чистотой и без малейших следов вскрытия.

---

¹⁴⁹¹ Там же. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 42.

¹⁴⁹² Там же. Л. 107 об. – 108.

¹⁴⁹³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 10. Л. 26, 35.

¹⁴⁹⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2315. Л. 41.

¹⁴⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 23 об.

Кроме того, здесь имелась собственноручная помета государя «согласен»¹⁴⁹⁶.

Однако дискредитировать императора Кривош не собирался. Оставшись вне МВД, он попытался создать новую, сверхсекретную службу придворной перлюстрации при библиотеке Зимнего дворца. «Проталкивал» свой проект Кривош через князя В.Н. Орлова, начальника Военно-походной канцелярии Николая II. Уже с середины января 1912 года Владимир Иванович получил право регулярно посещать императорские библиотеки в Зимнем дворце. Впоследствии он именовал себя помощником «заведующего собственной Его императорского Величества библиотеки» или даже ее директором. На самом деле за два с половиной года пребывания в этом учреждении он ни дня не состоял в официальном штате и не получил ни копейки по официальным ведомостям¹⁴⁹⁷.

Деятельность его здесь была настолько засекречена, что даже пронырливый и весьма осведомленный директор Департамента полиции С.П. Белецкий мог только догадываться о ее масштабах. В 1917 году Степан Петрович утверждал, что Кривош «организовал при содействии... князя Орлова особую придворную перлюстрацию, освещавшую группу лиц, близких ко Двору», включая Марию Федоровну и сестру Николая Ксению Александровну¹⁴⁹⁸.

17 марта 1912 года Департамент полиции опять распорядился пустить за Кривошем «наружку», видимо в поисках дополнительного компромата. Перед службой наружного наблюдения была поставлена задача «собрать негласным путем сведения о занятиях, образе жизни, материальном благосостоянии, сношениях, поведении, нравственных качествах Владимира Иванова Кривоша». В этот раз наблюдение продолжалось по 9 мая¹⁴⁹⁹. Одна его фамилия уже вызывала аллергию у руководителей российского политического розыска. Когда Белецкому 28 января 1918 года задали вопрос «о моральных качествах» нашего героя, он разразился следующей тирадой: Кривош отличался «болтливостью, интриганством, хлестаковщиной и крайней неаккуратностью в расходовании денежных средств. <...> как хороший лингвист, сумел устроиться в нескольких министерствах и перепродавал заинтересованным ведомствам по несколько раз одни и те же сведения»¹⁵⁰⁰. Не будем здесь анализировать справедливость этих характеристик – для нас они важны как показатель отношения к Кривошу.

Новый скандал разразился в 1913 году. Как я уже упоминал во введении, в Департаменте полиции В.И. Кривоша подозревали в том, что именно он и есть тот самый «Независимый» из Нью-Йорка, который опубликовал огромную статью «Перлюстрация» в московской газете «Утро России» 4 июля 1913 года.

Но пока Владимир Иванович продолжал трудиться в нескольких местах: в Зимнем дворце, в Государственном совете (заведовал стенографической частью), в Санкт-Петербургском комитете иностранной цензуры (был цензором) – не говоря уже о преподавании стенографии. 10 мая 1914 года он получил чин статского советника.

После начала Первой мировой войны Кривош служил переводчиком в разведывательном отделении штаба 8#й армии, которой командовал А.А. Брусилов. Впоследствии Владимир Иванович уверял, что был награжден орденом Св. Владимира 3#й степени с мечами за дешифровку перехваченных радиотелеграмм, получил чин действительного статского советника, и приводил слова Брусилова, якобы сказанные в его, Кривоша, адрес: он «оказал

¹⁴⁹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 114; Оп. 316. 1910. Д. 456. Л. 25.

¹⁴⁹⁷ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. XIV А. 1912. Д. 3; 1913. Д. 3; 1914. Д. 3; *Tibenský R. V palácích a vo vyhnanstvách*. S. 109.

¹⁴⁹⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 146 об.

¹⁴⁹⁹ Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1930. Л. 4.

¹⁵⁰⁰ Там же. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

русской армии своей работой неопределимые и незабываемые услуги»¹⁵⁰¹. Но 6 апреля 1915 года Владимир Иванович был арестован как «заподозренный в военном шпионстве». При обыске были обнаружены сберкнижки и процентные бумаги на сумму 143 160 руб. Кроме этого, следствие изъяло шифровые ключи различных систем, шифрованные и стенографические записи.

Относительно черновики шифровых ключей и шифрованных записей Кривош первоначально дал следующее объяснение: признал их черновиками своей работы по составлению слогового военно-шифрового ключа. Эту работу он, по его словам, выполнял по поручению начальства в штабе 8#й армии и представил в Главное управление Генерального штаба в декабре 1914 года, для чего был командирован в Петроград. Затем Владимир Иванович дал другое объяснение. В Главное управление Генштаба он представил иной шифровой ключ, а найденные у него материалы являются черновиком слогового ключа, составленного для начальника Военно-походной канцелярии его императорского величества, князя В.Н. Орлова. Главное управление Генштаба по особому делопроизводству отдела генерал-квартирмейстера подтвердило получение от Кривоша в декабре 1914 года изобретенного им шифрового ключа. Князь Орлов в письме от 4 июля 1915 года сообщил, что действительно давал поручение Кривошу составить слоговой шифр и получил его 5 января того же года. Таким образом, эта версия провалилась¹⁵⁰².

Одновременно попытались обнаружить «шпионский след» в денежных средствах арестованного. Наличие у Кривоша больших денежных сумм неясного происхождения оставалось главным обвинением против него. Наиболее логичным было предположение, что значительная часть этих денег добыта путем хищений за время службы подследственного в Морском Генеральном штабе. Но за это он уже был наказан. Никаких серьезных доказательств его шпионской деятельности в пользу Австро-Венгрии собрать не удалось. Владимира Ивановича следовало освободить. Однако этого не желали Департамент полиции и Охранное отделение – Кривош попортил им немало крови, и они вовсе не хотели отказываться от удобной возможности поквитаться с ним. Было выдвинуто шаткое предположение, что во время службы в Морском Генеральном штабе Кривош через своего брата Яна «мог быть причастен и к шпионству в пользу Австрии, а потому, устроившись на должность переводчика штаба армии, ... мог преследовать корыстные и преступные цели»¹⁵⁰³.

В результате начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде К.И. Глобачев представил «законченное производством расследование» о Кривоше градоначальнику Петрограда с ходатайством «о высылке Кривоша в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции, на основании п. 17 ст. 19 Правил военного Положения на все время действия этого Положения»¹⁵⁰⁴.

Как бы ни относиться к личности В.И. Кривоша, но имеющиеся документы свидетельствуют об административном произволе. В судебной практике дореформенной России бытовала формулировка «оставлен в подозрении» (в совершении того или иного проступка или преступления). Это ставило крест на возможности дальнейшей карьеры человека, чья вина так и не была доказана. Теперь же, в обстановке мировой войны, даже не потребовалось судебного разбирательства, чтобы на основании одних лишь подозрений отправить чинов-

¹⁵⁰¹ Биржевые ведомости. 1917. 5 (18) сентября. С. 5. См. также: Петроградская газета. 1917. 5 сентября. № 208. С. 2. В словацких биографиях Кривоша, а также в справках на него, составленных в органах ВЧК-ОГПУ, указывалось на награждение его в 1915 году орденом Св. Владимира 3#й степени с мечами. Действительно, штаб 8#й армии 14 декабря 1914 года представил Кривоша к награждению этим орденом, но документов о состоявшемся награждении найти пока не удалось (см.: РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 83 об.).

¹⁵⁰² РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 556. Л. 78 об. – 79.

¹⁵⁰³ Там же. Л. 80.

¹⁵⁰⁴ Там же. Л. 75.

ника пятого класса в Сибирь, не говоря уже о такой «мелочи», как увольнение его от должности.

Не помогло даже обращение жены Кривоша Антонины Ивановны к Николаю II. Кстати, в ссылке власти возбудили против Владимира Ивановича новое дело, обвинив его в связях с «германскими ссыльными в целях шпионажа». По приказу начальника Иркутского ГЖУ Н.И. Балабина он был арестован 29 декабря 1915 года и находился под арестом по 18 января 1916#го. Антонина Ивановна с горечью писала мужу, его самого имея в виду, что «горбатого могила исправит»¹⁵⁰⁵. В очередной раз казалось, что карьера нашего героя рухнула. Но наступил 1917 год.

В.И. Кривош вернулся в Петроград в апреле 1917 года, чувствуя себя невинно пострадавшим. Теперь он изображал себя жертвой старого режима. Но контрразведка Штаба Петроградского военного округа настойчиво продолжала вплоть до октября 1917#го искать доказательства его шпионажа в пользу Австро-Венгрии. За ним установили наружное наблюдение, 3 июня провели обыск, вызывали на допросы. Однако они ничего не дали¹⁵⁰⁶.

После взятия власти большевиками Кривош немедленно предложил им свои услуги. Секретарь СНК Н.П. Горбунов 7 ноября 1917 года направил ему записку с просьбой перевести на «изысканный французский» обращение Троцкого к иностранным послам¹⁵⁰⁷. Впоследствии этот эпизод, по версии Кривоша, выглядел следующим образом:

Покойному Ленину (с которым я имел честь лично быть знаком и беседовать с ним) я предложил свои знания и услуги. Ленин ими воспользовался, потому что когда ему сказали... что я по образованию дипломат, он попросил меня написать «на элегантно французском и английском языке» обращение к иностранным державам о завершении войны. Я это выполнил и принес ему. Он в двух местах изменил мои «элегантные» выражения на более сильные, и моя работа облетела весь мир¹⁵⁰⁸.

Кривоша привлекли для устройства прибывшей в Петроград в середине декабря многочисленной немецкой делегации. Но 25 января 1918 года Владимира Ивановича арестовали по обвинению в «дискредитации советской власти». 14 марта его судил Петроградский ревтрибунал и определил ему год тюрьмы. Однако в соответствии с амнистией к Первому мая 1918 года он был освобожден¹⁵⁰⁹. В интерпретации Кривоша его освобождение выглядело более красиво, чем в действительности: «К нему в камеру пришел сам народный комиссар. Заключение принял его с улыбкой: “Я уже вам нужен?” По личному приказу наркома директор тюрьмы Кривоша немедленно освободил»¹⁵¹⁰. В это время он начинает именовать себя «Кривош-Неманич». Можно согласиться с его словацким биографом в том, что слово «Неманич» в этой ситуации подчеркивало его положение – замкнутые уста¹⁵¹¹.

После освобождения Кривош написал интересные, но не во всем точные воспоминания бывшего цензора «черного кабинета» и опубликовал их под псевдонимом «С. Майский» в журнале «Былое»¹⁵¹².

¹⁵⁰⁵ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 19; РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 91.

¹⁵⁰⁶ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 711. Л. 27, 31–73, 91–92.

¹⁵⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 45.

¹⁵⁰⁸ *Kolafa S. Slovenští odpůrci Carismu a Války. S. 93.*

¹⁵⁰⁹ ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–11.

¹⁵¹⁰ *Tibenský R. V palácích a vo vyhnanstvách. S. 113.*

¹⁵¹¹ *Ibid. S. 115.*

¹⁵¹² *Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Былое. 1918. № 7. С. 185–197.*

С декабря 1918 года он служил в военном контроле. С 13 марта 1919 года – в разведотделении Штаба Западного фронта в качестве инструктора. 26 марта того же года был арестован Петроградской ЧК как член «Союза русского народа» в прошлом и как подозреваемый в шпионаже. Но вскоре начал работать в Особом отделе (ОО) Петроградской ЧК переводчиком-дешифровщиком. С 26 июля его перевели на ту же должность в ОО ВЧК. 8 декабря бюро фракции РКП(б) ОО ВЧК рассматривало заявление Владимира Ивановича о принятии его в члены РКП и вынесло решение: «Собрать необходимые сведения и данные для вступления Кривоша в РКП»¹⁵¹³.

Однако возможному вступлению нашего героя в РКП(б) помешал новый его арест – 28 июля 1920 года. Теперь Кривош обвинялся в том, что «за взятку в 25 тыс. руб. через сына Романа, служившего в бюро пропусков ОО МЧК, незаконно достал пропуск в прифронтовую полосу неизвестному лицу, пытавшемуся нелегально переправиться за границу». 29 декабря коллегия ВЧК приговорила Кривоша-отца к расстрелу с заменой высшей меры наказания на десять лет заключения. 14 апреля 1921 года его направили в Спецотдел ВЧК в качестве эксперта¹⁵¹⁴.

В ноябре 1921 года ОО ВЧК вновь арестовал Владимира Ивановича – в связи с поиском им путей к выезду за границу, в Чехословакию. 13 мая 1922 года он был освобожден под домашний арест и продолжал работу в Спецотделе. Как Кривош заявлял впоследствии, за время службы в ОО ВЧК и Спецотделе он «не имел ни одного дня свободного»: «открыл 120 шифрованных ключей, среди которых несколько первостепенной важности», делал переводы с четырнадцати языков. В письме Г.И. Бокию в январе 1922 года он утверждал, что «тов. Дзержинский меня лично благодарил, когда мне посчастливилось открыть ключ к шифру “Национального центра”»¹⁵¹⁵. Это свидетельство ценно тем, что Бокий мог при желании легко его проверить. Кстати, спустя почти девять лет Владимир Иванович уже говорил, что и бумаги для дешифровки получил лично от Ф.Э. Дзержинского.

Кроме основных обязанностей Кривош помогал заполнять анкеты «арестованным иностранцам в Комендантской», принимал участие в их допросах, давал указания «по части фотографии и химической тайнописи», писал разные доклады и рецензии. За справками «по части письма, шифра, языков, криптографии и стенографии» к нему обращались различные ведомства: Московская чрезвычайная комиссия, Наркомат просвещения, Наркомат иностранных дел, военные. За все это Кривош удостоивался благодарностей и денежных наград. Даже во время нахождения во Внутренней тюрьме ВЧК-ОГПУ Владимир Иванович читал лекции на Покровских чекистских курсах.

Наконец, 23 марта 1923 года последовал арест по обвинению в шпионаже. Решением коллегии ГПУ 27 июня был оставлен в силе приговор от 29 декабря 1920 года, и Кривоша направили в Соловецкие лагеря. В мае 1924 года его доставили на Соловки из Кеми. 11 октября 1926#го срок был сокращен на три года. На Соловках он заведовал метеостанцией, трудился цензором и с 1925 года выполнял поручения Спецотдела ОГПУ. 8 октября 1928 года Коллегия ОГПУ постановила освободить Кривоша и вернуть в Спецотдел. 7 октября 1935 года он был переведен на пенсию «из#за возраста и пониженной трудоспособности»¹⁵¹⁶.

¹⁵¹³ Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 64. Оп. 2. Д. 720. Л. 4.

¹⁵¹⁴ Центральный архив ФСБ РФ [далее – ЦА ФСБ]. Архивная справка № 10/А-1289.

¹⁵¹⁵ «Национальный центр» – одна из крупнейших подпольных антисоветских организаций. Была создана в мае – июне 1918 года в Москве. Имела свои отделения во многих городах. С апреля 1919 года при организационной самостоятельности входила в «Тактический центр». Аресты членов организации начались в июле 1919 года в Петрограде. В июле – сентябре были проведены аресты и в Москве. При обысках были обнаружены различные шифрованные сообщения. Всего было арестовано около 700 человек. В число арестованных входил и бывший генерал-квартирмейстер 8#й армии Н.Н. Стогов, ставший руководителем «Штаба Добровольческой армии Московского района».

¹⁵¹⁶ ЦА ФСБ. Архивная справка № 10/А-1573. Л. 4; Центральный архив Управления Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ. Д. 344/15299. Л. 1, 2.

Старший сын Владимира Ивановича Борис (род. в 1901 году) в 1922#м бежал в Китай, стал архитектором. После Второй мировой войны переехал в Чили и обосновался в Сантьяго. В 1937 году по делу сотрудников Спецотдела был арестован младший сын – Роман (род. в 1903 году). Его приговорили к восьми годам заключения. В Бутырской тюрьме Роман занимался дешифровкой кодов. 30 сентября – 2 октября 1941 года немцы начали операцию «Тайфун». Несколько советских армий были окружены в районе Вязьмы и Брянска. Немецкие войска приближались к Москве. Органы НКВД решали судьбу арестованных: расстрелять или вывезти. Роман Кривош решением Особого совещания 12 октября 1941 года был освобожден и эвакуирован в Уфу, где находился Спецотдел НКВД. Первой женой Романа была сотрудница Главного управления госбезопасности НКВД Евдокия Алексеевна Петрова. В 1954 году в Австралии Е. Петрова вместе с мужем В.М. Петровым (Шороховым), резидентом КГБ, попросит политического убежища и будет сотрудничать с ЦРУ¹⁵¹⁷. Семья Кривош осенью 1941 года эвакуировалась из Москвы в Уфу – еще до того, как к ним присоединился Роман. Антонина Ивановна умерла в Уфе 9 января 1942 года. Владимир Иванович умер там же 4 августа того же года. В 1967#м Роману разрешили выехать в Чили – к брату Борису¹⁵¹⁸. Теперь уже никого из прямых потомков Владимира Ивановича Кривоша нет в живых.

Так закончилась жизнь человека даровитого и тщеславного, внесшего немалый вклад в деятельность российских спецслужб, в том числе по защите государственных интересов. Изгибы его судьбы – это отражение не только черт его характера, но и изломов российской истории в ее кризисные периоды.

---

¹⁵¹⁷ ЦА ФСБ. Архивная справка № 10/А-1573. Л. 4; *Кан Д.* Война кодов и шифров. С. 224–226; *Разведка и контрразведка в лицах: Энциклопедический словарь российских спецслужб / Сост. А. Диенко.* М.: Русский мир, 2002. С. 386. Е.А. Петрова-Шорохова (5 сентября 1915 года – 19 июля 2002#го, Мельбурн).

¹⁵¹⁸ *Tibenský R.* V palácích a vo vyhnanstvách. S. 166–169.

Заключение

История службы перлюстрации императорской России закончилась в дни Второй российской революции, в конце февраля 1917 года, когда прошли последние операции по выемке и прочтению писем. Первое время после свержения режима цензоры по привычке еще приходили на службу, но указаний от нового правительства не было. В Киеве по распоряжению старшего цензора К.Ф. Зиверта архив отдела цензуры, имевший отношение к перлюстрации, был уничтожен на основании соответствующего указания, полученного еще в 1905 году¹⁵¹⁹. О перлюстрации широко писала местная и центральная печать¹⁵²⁰. Уже в марте в провинции новая революционная власть начала допросы чинов перлюстрации. Первый раз следователь Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством, П.Г. Соловьев допросил М.Г. Мардарьева 19–20 июня 1917 года¹⁵²¹. Приказом по Министерству почт и телеграфов от 10 июля того же года цензура иностранных газет и журналов упразднялась, а тридцать восемь ее служащих с 16 марта были оставлены «за штатом»¹⁵²².

Какую же роль играла перлюстрация в политической жизни страны? Как влияла на российских императоров? Роль перлюстрации в Российской империи до 1917 года определялась прежде всего характером политической системы, ее авторитарностью, а также изменениями, происходившими во всех сферах жизни россиян. Переход от аграрного общества к раннеиндустриальному, начавшийся в XIX веке, связанные с этим перемены в образе жизни миллионов людей, объективное включение многих из них в повседневную политическую жизнь при отсутствии свободы слова и печати, выборности властных органов предъявляли совершенно новые требования к органам политического сыска и политического контроля. Органы эти должны были теперь снабжать руководство страны, и прежде всего императора, не только сведениями о террористических, антиправительственных, оппозиционных группах и течениях, а также настроениях политической элиты и дворянства, как ранее. Теперь следовало получать объективную информацию о политических симпатиях и антипатиях широчайших масс, их реагировании на те или иные акции правительства, постоянно отслеживать изменения настроений в различных регионах, социальных, национальных и религиозных группах, создавая тем самым возможности для необходимой, своевременной и точной корректировки проводимого властью курса. Значительная роль в этом плане принадлежала перлюстрации.

Безусловно, перлюстрация при всех ее недостатках (например, таких, как возможность целенаправленно излагать определенные соображения в письмах в расчете на тайное их прочтение) давала в целом огромный материал о настроениях различных групп российского общества. Другой вопрос – как воспринимала эти сведения власть. И здесь стоит отметить следующее. Во-первых, сам масштаб перлюстрации оставался сравнительно небольшим. Это, кстати, прекрасно видно при сравнении с тем, какой масштаб придали делу перлюстрации большевики. Если в начале XX века в «черных кабинетах» вскрывалось максимум до миллиона писем в год, то в 1924 году в разоренном Гражданской войной СССР отделом политконтроля ОГПУ было прочитано 5 млн писем и 8 млн телеграмм¹⁵²³. Во-вторых, до 1917 года «черные кабинеты» читали почти исключительно переписку образованных слоев: знати, чиновников, предпринимателей, интеллигенции, студенчества, – оставляя вне сво-

¹⁵¹⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 10–10 об.

¹⁵²⁰ Киевская мысль. 1917. 2 апреля. С. 4; 6 апреля. С. 3; 8 апреля. С. 3; 9 апреля. С. 4; 15 апреля. С. 3; 16 апреля. С. 2.

¹⁵²¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 7–10 об., 18–18 об., 43–53 об.

¹⁵²² Почтово-телеграфный журнал. 1917. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

¹⁵²³ Российский государственный архив социально-политической истории [далее – РГАСПИ]. Ф. 76. Оп. 3. Д. 307. Л. 188.

его внимания письма простонародья. К тому же даже в ежегодных отчетах отсутствовал серьезный анализ всего массива сделанных выписок. Думаю, что в лучшем случае, с учетом имевшихся тогда средств связи, перлюстрация помогала обнаруживать антигосударственную, оппозиционную, революционную деятельность. Но вполне понятно, что при нерешенности назревших экономических, социальных, политических проблем никакая перлюстрация и использовавшие ее для проведения репрессий органы политического сыска не могли остановить разрастание политического кризиса в империи.

Наконец, перлюстрация, снабжавшая императоров в том числе сведениями и сплетнями об их окружении, об их родственниках, неизбежно влияла на субъективное восприятие монархом тех или иных людей. Выдающийся государственный деятель, военный министр в 1861–1881 годах Д.А. Милютин отмечал в дневнике: «...еще более производят тяжелое впечатление на Государя доходящие до него выписки из частных писем. Систематически подносимый ежедневно на прочтение Государю подбор всяких клевет и хулы на все и вся, конечно, не может не влиять на его настроение. Он смотрит на всех с подозрительностью и недоверием; везде видит злоумышление, обман, подлог»¹⁵²⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что перлюстрация в определенный исторический период была неизбежной, необходимой структурой политического сыска и политического контроля. Вместе с тем, предоставляя властным органам огромный массив информации, она была лишь инструментом, умелое использование которого зависело от политической воли высшего руководства страны.

Следователь П.Г. Соловьев, подводя итог своим занятиям, писал: «Перлюстрация отжила свой век»¹⁵²⁵. Эта надежда оказалась ложной. Временное правительство хотело придать перлюстрации исключительно законный характер. В постановлении «О неприкосновенности личности и жилища и ограждении тайны почтовой корреспонденции» указывалось, что «в местностях, объявленных на военном положении, действие сего закона применяется лишь в тех пределах, в коих постановления эти не противоречат закону о военном положении и правилам о военной цензуре»¹⁵²⁶. 25 октября 1917 года в результате очередного политического кризиса власть взяли большевики. В первый момент они, по моему мнению, вообще не задумывались о проблемах политического контроля и политического сыска. Выражением быстро изменявшегося подхода в условиях начинавшейся Гражданской войны стало создание 7 декабря 1917 года Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Но еще несколько месяцев новая власть не уделяла серьезного внимания перлюстрации. Наоборот, 4 апреля 1918 года был принят декрет Совнаркома «О тайне почтовой переписки», подписанный В.И. Лениным и представителями наркоматов финансов (Д.П. Боголеповым), внутренних дел (М.Я. Лацисом) и юстиции (М.Ю. Козловским). Здесь, в частности, говорилось: «Уполномоченным каких бы то ни было организаций, учреждений и должностных лиц, не исключая и советских, воспрещается конфискация, реквизиция и вообще... задержание почтовой и телеграфной корреспонденции... без согласия Народного комиссариата почт и телеграфов или определенного в каждом частном случае постановления судебной или следственной власти»¹⁵²⁷. Об этом же говорилось и в циркуляре Народного комиссариата почт и телеграфов (Наркомпочтеля) от 28 мая 1918 года: «Следственная чрезвычайная комиссия, следственные комиссии Революционных трибуна-

¹⁵²⁴ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873–1875. М.: РОССПЭН, 2008. С. 61–62.

¹⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 111.

¹⁵²⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.

¹⁵²⁷ Почтово-телеграфный журнал. 1918. 30 апреля. № 11–13. С. 106.

лов и народных окружных судов имеют право осмотра, выемки почтово-телеграфной корреспонденции при точном соблюдении ст. 368 первая Устава уголовного судопроизводства»¹⁵²⁸.

В таких условиях экономическая секция Управления военного контроля в Петрограде, занимавшаяся перлюстрацией международной переписки, в поисках новых потребителей информации рассылала выписки из перлюстрированной корреспонденции в Совет народного хозяйства Северного района, Центральную управу Петроградского продовольственного совета, Продовольственную управу Невского райсовета, отдел нормировки и снабжения ВСНХ, Петроградскую ЧК и др. Из этих организаций только отдел ВСНХ отказался от предлагаемых услуг. Секретарь Петроградской ЧК 2 июня 1918 года сообщал:

Чрезвычайная Комиссия... имеет честь довести до Вашего сведения, что большинство данных Вами в Комиссию сведений и телеграмм дали самые благоприятные результаты как в смысле раскрытия многих спекулятивных сделок, так и в смысле обнаружения видных контрреволюционеров и шпионов. Чрезвычайная Комиссия, выражая Вам свою глубокую признательность, просит Вас и в дальнейшем с тем же вниманием продолжать Вашу необходимую для успеха революции работу¹⁵²⁹.

Особенно важным для перлюстраторов стало правительственное признание. 22 июня 1918 года из Управления делами Совнаркома РСФСР ушла бумага в Управление военного контроля:

Свидетельствуя получение Ваших отношений... имею честь по поручению Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ульянова просить Вас энергично продолжать Вашу деятельность по содействию в борьбе со спекуляцией, шпионажем и контрреволюцией и доставлять соответствующие сведения секретными пакетами на мое имя, а также широко информировать и завязать сношения с Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности, помещающейся в Москве на Большой Лубянке, 11. Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов¹⁵³⁰.

Данный документ свидетельствует об очевидных вещах: о готовности верховной власти использовать перлюстрацию в политической борьбе и о слабости государственного аппарата, отсутствии координации его структур. В этой ситуации был дан простор самоуправству местных властей. Коллегия Наркомпочтеля 13 сентября того же года предоставила исполкомам губернских советов право «принимать решение о контроле всякого рода корреспонденции, адресованной частным лицам и общественным и частным учреждениям и организациям». В декабре руководство наркомата напоминало своим подчиненным о необходимости исполнять требования ЧК о контроле корреспонденции¹⁵³¹.

Таким образом, после нескольких месяцев ведомственной неразберихи перлюстрация была поставлена на службу новой власти. В октябре того же 1918 года при Полевом штабе Реввоенсовета Республики (РВСР) был создан военно-цензурный отдел, входивший по ноябрь 1919 года в Регистрационное управление (тогдашнее название Разведывательного управления) Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). По приказу РВСР от 27 ноября

¹⁵²⁸ Там же. 7 июля. № 18–21. С. 213.

¹⁵²⁹ Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26–27.

¹⁵³⁰ Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти. С. 27.

¹⁵³¹ Он же. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг.). СПб.: СПбУЭиФ, 1995. С. 26.

1918 года отдел стал самостоятельным при РВСР. Согласно первоначальной инструкции, на «оболочках простых писем и телеграмм» требовалось делать отметку «Просмотрено военным контролем», т. е. это еще не являлось перлюстрацией. Но в марте 1919 года появились подробные инструкции ведения цензуры корреспонденции. Здесь уже подчеркивалось, что «цензура корреспонденции, идущей из Красной Армии и в Красную Армию, производится секретно, вскрывается осторожно, тщательно заклеивается, никаких цензурных штампов на ней не ставится и в тексте ничего не вычеркивается». Цензорам особо напоминали, что «военная цензура корреспонденции из Красной Армии есть учреждение совершенно секретное»¹⁵³². Это означало, что официальная военная цензура была заменена перлюстрацией.

По мере усиления роли ВЧК в политической жизни страны и передаче ей всех функций тайной полиции встал вопрос об отнесении к ней органов, занимавшихся перлюстрацией. Приказом РВСР от 10 августа 1920 года функции почтово-телеграфного контроля были переданы Особому отделу ВЧК. 9 августа 1921 года, согласно совместному приказу РВСР и ВЧК, Управление военной цензуры Штаба РККА стало подотделом военной цензуры Информационного отдела ВЧК¹⁵³³.

С преобразованием ВЧК в ГПУ, а затем в ОГПУ работа по перлюстрации ширилась. Теперь ею ведал отдел политического контроля ОГПУ. Вопросы перлюстрации решались при обязательном участии ЦК и ЦКК РКП(б). 9 октября 1922 года комиссия Политбюро ЦК под председательством заместителя заведующего Агитпропом ЦК РКП(б) Я.А. Яковлева с участием зампреда ГПУ Г.Г. Ягоды и члена коллегии Наркомата почт и телеграфов А.М. Николаева обсудила вопрос «О военно-политической цензуре». В решении комиссии была отмечена необходимость «повысить качество и тщательность работы», привлекая для этого «старых специалистов». Технологию перлюстрации и пути взаимодействия ОГПУ с Наркомпочтелем определяла комиссия под председательством члена ЦКК Н.П. Крумина в составе замнаркома иностранных дел М.М. Литвинова, наркома почт и телеграфов А.М. Любовича, зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоды и начальника отдела политконтроля ОГПУ И.З. Сурты. Эта комиссия требовала «принять все меры к особо тщательной заделке дипломатической иностранной корреспонденции, доведя безукоризненность заделки до 100 %», разработать в будущем «технические улучшения для вскрытия писем», при просмотре писем не допускать «резкой разницы дней налагаемого штампа», «наметить способы наибольшей изоляции мест Политконтроля внутри почтовых экспедиций» и т. д. 1 ноября 1925 года отделы информации и политконтроля были объединены в Информационный отдел ОГПУ.

В декабре 1924 года И.З. Сурта докладывал Ф.Э. Дзержинскому, что «один сотрудник на телеграфе просматривает в сутки 2500 телеграмм», а «полная обработка писем доведена до 250 штук в день на одного человека». Росли расходы на политконтроль. В 1923/24 финансовом году они составляли 4 % от сметы ОГПУ, в 1924/25#м – 6,98 %. Особенно значительными были эти расходы в Москве и Ленинграде: в 1923/24 финансовом году – 43,4 %, в 1924/25#м – 38,6 % всей сметы политконтроля¹⁵³⁴. Власть хотела знать подлинные настроения, мысли и чувства широких масс. Амплитуда тем, затрагиваемых в выписках, была весьма широкой: условия повседневной жизни, обстановка в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях, в деревнях и воинских частях; сообщения о происшествиях и преступлениях; отношение к властям и их деятельности; суждения об образовании, культуре, религии и политике. От 70 до 90 % выписок сопровождалось меморандумами. Их направляли в отделы и местные управления ОГПУ. В начале 1925 года Дзержинский лично подсчитывал данные о характере писем («положительные» или «отрицательные»), направ-

¹⁵³² *Он же*. Перлюстрация в первые годы советской власти. С. 28–30.

¹⁵³³ Там же. С. 31.

¹⁵³⁴ *Измозик В.С.* Перлюстрация в первые годы советской власти. С. 32–33.

ленных в Красную Армию из деревни и наоборот за время с ноября 1924 года по январь 1925#го. В ноябре – декабре 1925 года массиву переписки, перлюстрированной Ленинградским отделением политконтроля, предшествовал составленный его работниками анализ прочитанной корреспонденции. В начале 1928 года, в дни «хлебного кризиса», ставшего одной из вех на пути ликвидации нэпа, нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов просил начальника Политуправления РККА А.С. Бубнова «изучить все имеющиеся у Вас [т. е. у Бубнова]» материалы о настроениях в Красной Армии, включая данные о содержании писем населения в армию¹⁵³⁵.

Перлюстрация выполняла также задачи политического сыска. 30 марта 1924 года Дзержинский писал своему заместителю В.Р. Менжинскому: «Установить, кто получает из Франции письма... и кто пишет туда – даже самые невинные письма – может дать нити. Политконтроль мог бы в этом отношении дать очень многое. Очень многое мог бы дать и оперативный анализ корреспонденции из России и многое другое»¹⁵³⁶.

В дальнейшем при сохранении и расширении дела перлюстрации происходили ведомственные изменения. 5 марта 1931 года Информационный отдел был слит с Секретным в Секретно-политический отдел. После образования 10 июля 1934 года Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) органы государственной безопасности вошли в его состав в качестве Главного управления государственной безопасности (ГУГБ). Секретно-политический отдел с 25 декабря 1936 года был преобразован в 4#й отдел. С 29 сентября 1938 года он именовался 2#м отделом ГУГБ НКВД. После разделения НКВД 3 февраля 1941 года на НКВД и Наркомат государственной безопасности (НКГБ) дела перлюстрации перешли в ведение Оперативной группы 3#го (Секретно-политического) управления НКГБ. Однако 20 июля того же года НКГБ и НКВД опять были объединены в рамках НКВД. 14 апреля 1943#го вновь были образованы два наркомата: НКВД и НКГБ. Внутри НКГБ был организован отдел «В» (военная цензура и перлюстрация корреспонденции). С 22 марта 1946 года наркомат стал Министерством государственной безопасности (МГБ). 15 марта 1953 года МГБ и МВД были объединены в единый орган – МВД. Перлюстрацию осуществлял 6#й спецотдел МВД. 13 марта 1954#го был создан Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете министров СССР. Дела перлюстрации были переданы в 10#й отдел 4#го управления КГБ. 30 апреля 1955 года для перлюстрации почтовой и телеграфной корреспонденции был создан 6#й спецотдел КГБ. 2 июля 1959#го отдел был передан в Оперативно-техническое управление КГБ¹⁵³⁷.

Узнать о конкретной работе по перлюстрации корреспонденции в послевоенные годы читатель может из воспоминаний бывшего офицера Управления МГБ СССР по Читинской области Леопольда Авзегера¹⁵³⁸. Эта деятельность продолжалась до последних дней существования СССР.

Ныне действующий Уголовный кодекс РФ в статье 138#й предусматривает уголовную ответственность за «нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», поскольку, согласно 23#й статье Конституции РФ, ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений допускается лишь на основании судебного решения. Хочется надеяться, что в наши дни перлюстрация осуществляется действительно в рамках закона.

¹⁵³⁵ Там же. С. 33.

¹⁵³⁶ Там же. С. 34.

¹⁵³⁷ Кокурин А.И., Петров Н.В. Краткий справочник по структуре центрального аппарата НКВД–МВД–НКГБ–МГБ–КГБ СССР. М., 1996. С. 206, 308–309.

¹⁵³⁸ Авзегер Л. Я вскрывал ваши письма: из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ // Время и мы [Нью-Йорк]. 1980. № 55, 56.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Основные доклады о перлюстрации, поданные российским императорам

№ 1 Доклад главноначальствующего над Почтовым департаментом князя А.Н. Голицына «Секретно. О почтовом Управлении и перлюстрации» Резолюция: «Читано Государем Императором [Николаем I] 30 ноября 1841»

Перлюстрация имеет между прочим целью доводить до сведения Вашего Императорского Величества о злоупотреблениях, совершаемых в разных частях Государственного Управления, как подчиненными, так и начальственными лицами, о полезном или вредном влиянии распоряжений министров; о хороших или дурных качествах чиновников, находящихся в составе разных Ведомств. Согласно сей цели, почтовая часть, соединенная с перлюстрацией, необходимо должна быть отделена от других Министерств, ибо только тогда Ваше Величество можете уверены быть в ее беспристрастии. Посему#то в России почтовая часть составляла почти всегда особое Управление и вверяема была начальникам под разными наименованиями: Генерал Почт-Директора, Главного Директора Почт¹⁵³⁹, Президента Главного Почтового Правления и, наконец, Главноначальствующего над Почтовым Департаментом. Часто присоединялась она к Министерству Иностранных Дел, по тому уважению, что Министерство это не состоит в связи с внутренним Управлением. Перлюстрация Дипломатических депеш, а равно и цензура иностранных газет, находятся и ныне в заведывании Вице-Канцлера.

Только единожды отступлено от общего правила, когда Почтовое Ведомство в 1806#м году присоединено было к Министерству внутренних дел; но как Министерство сие объемлет все состояние Государства, Полицию Империи, Гражданскую медицину с карантинами и продовольствие народное, то есть наибольшую часть тех предметов, о коих нужно Государю иметь верныя и скорыя сведения, то Император Александр Павлович воспользовался первым случаем – смертью Министра Внутренних Дел [О.П.] Козодавлева, чтобы почтовая часть была по#прежнему отдельным Управлением, которое в 1819 году и вверено мне.

Таким образом с 1722 года, когда было учреждено звание Генерал Почт-Директора¹⁵⁴⁰, до нынешнего времени, то есть в течение 120 лет, Почтовая часть или составляла отдельное Управление или присоединялась к Министерству Иностранных Дел. Что же касается до перлюстрации, то при императрице Екатерине II и по временам в Царствование Императора Александра I она представляема была прямо от С.#Петербургского Почт-Директора на Высочайшее рассмотрение. В Государственной администрации многое подлежит изменению, по изменяющимся обстоятельствам, а потому и разные части могут с удобностию быть то сливаемы, то разделяемы, смотря по видам Государя; но есть и правила непреложныя, последование которым всегда полезно, а уклонение от них всегда вредно. В таком положении

---

¹⁵³⁹ Звание сие имел и Князь Безбородко в бытность его Членом Коллегии Иностранных Дел [примечание документа].

¹⁵⁴⁰ Тайный Советник [А.И.] Дашков [1722–1727] [примечание документа].

находится и Почтовая часть. Нравственная сторона ее весьма важна: ибо тайна перлюстрации есть исключительная принадлежность Царствующего. Она освещает Императору предметы там, где формы законов потемняют, а страсти и пристрастия совершенно затмевают истину. Ни во что не вмешиваясь, она все открывает. Никем не видимая, на все смотрит; чрез нее Государь узнает сокровенные чувства подданных и нужды их; слышит и вопль невинного и замыслы злодея. Но чтобы перлюстрация могла доставлять столь важную пользу, она должна действовать свободно, безбоязненно, следовательно, быть отделена от других Министерств.

Соображая всю важность сего дела, приемлю смелость повергнуть всеподданнейше следующее мое мнение: 1) Если Вашему Императорскому Величеству неблагоугодно будет почтовую часть оставить в особом управлении, как она теперь находится, то всего приличнее поручить ее обще с перлюстрациею Графу [К.В.] Нессельроде, который по званию Вице-Канцлера не участвует во внутренней администрации, а вместе с тем заведывает перлюстрацией дипломатических депеш, и состоящую при Почтамте Цензурою иностранных газет; 2) Буде же Ваше Величество изволите предполагать другое распоряжение Почтовою частью, оставив перлюстрацию в ведении С.#Петербургского Почт-Директора, как этому и были уже примеры, то в таком случае нужно будет снабдить его секретным Рескриптом, коим поручается ему сия часть с правом входить по делам оной в сношения с разными министрами, подносить к Высочайшему подписанию Вашего Величества Указы об отпуске секретных сумм, отчеты о ходе сей части и о службе чиновников, занимающихся перлюстрацией. Князь Александр Голицын¹⁵⁴¹.

№ 2 Доклад министра внутренних дел Д.А. Толстого от 5 июня 1882 года «Секретно. О перлюстрации»¹⁵⁴²

Учреждение перлюстрации, или тайного досмотра частной корреспонденции, пересылаемой по почте, имеет целью представление Государю Императору таких сведений о происшествиях, таких заявлений общественного мнения относительно хода дел в империи, и такой оценки действий влиятельных лиц, какие официальным путем не могли бы дойти до Его Величества. Достижение этой цели обуславливается полною независимостью перлюстрационной деятельности от каких бы то ни было властей, кроме императорской, ибо в представлении Государю копий или выписок из корреспонденции, согласно Высочайшей воле, не стесняются никаким лицом [здесь и далее подчеркнуто в документе], как бы ни было оно высоко поставлено, и как бы оно ни было близко Особе Его Величества.

Производство перлюстрации, не допускающей никаких ни в чью бы то ни было пользу изъятий в представлении на монаршее воззрение делаемых ею открытий поручается весьма ограниченному числу почтовых чиновников, в коих положительно дознаны: 1) безграничная преданность Особе Государя; 2) безусловное сочувствие и повиновение установленному образу правления; 3) полное беспристрастие к родственным или общественным связям; 4) постоянная готовность к труду и к совершенному отчуждению себя не только от светских развлечений, но даже и от всякого общежития [т. е. общения], если служба того требует; 5) скромность, необходимая для ограждения перлюстрации от всякого оглашения перед лицами, непосвященными в тайну ее существования, составляющую тайну Царствующего, и, наконец, 6) нравственность, умственное развитие и образование, соответственные важной обязанности освещать пред монархом те случаи и обстоятельства, которые, по каким#

¹⁵⁴¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 118–119.

¹⁵⁴² Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 333. Л. 1–6.

либо соображениям государственных властей и отдельных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества.

Само собою разумеется, что перлюстрационные чиновники, совмещающие в себе требующиеся от них вышеизъясненные достоинства, пользуются у министра неограниченным доверием.

Сообразно с политическими обстоятельствами и направлением почт, в империи учреждены 8 перлюстрационных пунктов: 1) в С.#Петербурге, 2) в Москве, 3) в Вильне, 4) в Одессе, 5) в Киеве, 6) в Харькове, 7) в Тифлисе, 8) в Варшаве.

Независимо от сего, в случаях экстренной надобности, временно командированы чиновники по секретной части и в другие города.

Из досматриваемой корреспонденции представляются Государю императору копии или выписки, по мере прохождения писем чрез перлюстрационные пункты, большею частью ежедневно¹⁵⁴³.

Средним числом вскрывается на почте около 380 тыс. кувертов в год, из коих представляется около 3600 копий и выписок.

На обязанности перлюстрационных чиновников лежит также задержание пересылающихся по почте печатных листов противуправительственного содержания и исполнение секретных требований Департамента Государственной Полиции.

Чиновники, употребляемые для секретного почтового дела, независимо от содержания, производимого им по штатным гласным должностям ими занимаемым для сокрытия их действительных, более важных обязанностей, получают, за секретные свои занятия, негласное жалованье, платимое им из 92000 рублей, ежегодно отпускаемых из Государственного Казначейства в распоряжение министра, на известное Государю Императору употребление.

Эта сумма расходуется по ежегодно утверждаемому министром секретному бюджету.

Секретно. В С.#Петербурге. Почт-директор Тайный Советник [В.Ф.] Шор. Управляющий экспедициею Д.С.С. [т. е. действительный статский советник] [К.К.] Вейсман. Чиновники: Д.С.С. [И.А.] Сунди. Ст. Сов. [т. е. статский советник] [В.М.] Адлерберг. Кол. Сов. [т. е. коллежский советник] Виктор [М.] Самусьев. Кол. Секр. [т. е. коллежский секретарь] [Г.Н.] Люби. Губ. Секр. [т. е. губернский секретарь] [А.П.] Маснер. Кол. Рег. [т. е. коллежский регистратор] [М.Г.] Мардарьев. Кол. Рег. [А.А.] Бюлье.

Константин [П.] Свяцкий} причисленные к М.В.Д.

Евгений [К.] Самусьев}

Вакансия [в 1882 году на нее был зачислен чиновником, знающим иностранные языки, Э.Ф. Блюм].

В Москве. Почт-директор Д. Ст. Сов. [С.С.] Подгорецкий. Управляющий Экспедициею Д.С.С. [И.А.] Горлицын. Чиновники: Д.С.С. [М.Я.] Соколовский, Ст. Сов. [Н.М.] Круминг, Над. Сов. [т. е. надворный советник] [Н.В.] Цветков, Над. Сов. [А.Я.] Архипов, Кол. Секр. [В.М.] Яблочков, Эмилий [В.] Керков. Вакансия [образовалась в связи со смертью 16 февраля 1882 года чиновника, знающего иностранные языки, К.Н. Бутенопа].

В Вильне. Управляющий Почтовою частью Над. Сов. [Л.К.] Данилович (он же и Управляющий Экспедициею). Чиновники: Д.С.С. [М.М.] Ауэр, Ст. Сов. [Н.К.] Шлегель, Губ. Секр. [А.А.] Крейцер, Губ. Секр. [К.Ф.] Зиверт.

В Киеве. Управляющий Почтовою частью Ст. Сов. [В.С.] Ульский (он же и Управляющий Экспедициею). Чиновники: Тит. Сов. [т. е. титулярный советник] [В.Я.] Марышев, Губ. Секр. [Ф.Р.] Фанстиль.

¹⁵⁴³ Из Тифлиса копии и выписки из корреспонденции, представляющие почти исключительно местный интерес, в С.#Петербург не присылаются; они представляются начальником тамошнего почтового Управления Главному Начальнику Края [примечание документа].

В Харькове. Управляющий Почтовой частью Ст. Сов. [К.Г.] Радченко (он же и Управляющий Экспедицией). Чиновники:

Кол. Асс. [т. е. коллежский ассессор] [К.А.] Келер} причисленные к М.В.Д.

Губ. Секр. [Н.П.] Ситников}

В Варшаве. Управляющий Почтовой частью Кол. Асс. [П.И.] Полидоров (он же и Управляющий Экспедицией). Чиновники:

Ст. Сов. [А.О.] Колитовский} причисленные к М.В.Д.

Кол. Секр. [К.А.] Ухнаст}

В Одессе. Пограничный почтмейстер Кол. Сов. [Г.Э.] Кнаут (он же и Управляющий Экспедицией). Чиновники: Кол. Секр. [А.В.] Шашкин, Мануил [А.] Аргириди.

Кроме вышеозначенных лиц служат в Почтовой Цензуре непосвященные в тайну, а лишь в помощь им при цензуровании иностранных газет и журналов:

В С.#Петербурге. Тайный Советник [А.В.] Тилезиус-фон-Тиленау, Ст. Сов. [А.Э.] Шмидт, Ст. Сов. [Л.В.] Березин, Ст. Сов. [А.К.] Маак, Ст. Сов. [А.А.] Гельмгольц, Кол. Сов. [Е.Ф.] Штраух, Кол. Асс. [Г.Р.] Гафферберг, Тит. Сов. [А.Р.] Крейсберг, Кол. Секр. [О.К.] Фермерен, Дмитрий [М.] Скулич, Николай [Н.] Дейбнер.

В Риге. Д.С.С. [Альфонс] Форкампф-Лауэ, Ст. Сов. [И.М.] Гредингер, Кол. Асс. [И.В.] Рохлиц, Карл [Ф.] Резлер.

В Одессе. Ст. Сов. [Н.Х.] Палаузов, Кол. Секр. [А.А.] Шведов.

Сверх того, по приказаниям гг. Министров: Генерал-Адъютанта [А.Е.] Тимашева и Статс-Секретаря [Л.С.] Макова занимаются только цензурованием газет и журналов: чиновник особых поручений при министре Коллежский Ассессор [М.М.] Греффен и причисленный к Министерству Внутренних Дел Коллежский Секретарь [А.И.] Свечин, гласного содержания не получающие, а пользующиеся негласным содержанием в размере: первый 1500 р. [уб.], а второй 2000 р. в год.

Негласным содержанием в размере 1200 р. пользуется, по приказанию Статс-Секретаря [Л.С.] Макова, также и причисленный к Министерству Внутренних Дел Коллежский Ассессор Пущин, на которого никаких обязанностей по Почтовой цензуре не возложено¹⁵⁴⁴.

№ 3 Доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново от 5 января 1895 года «Секретно. О перлюстрации»

Перлюстрация или тайный досмотр частной корреспонденции, существующий во всех европейских государствах, учрежден в России в царствование Екатерины II. Главная цель перлюстрационной деятельности – извлечение из частной корреспонденции таких сведений о государственных событиях, таких заявлений общественного мнения, относительно хода дел в Империи и такой оценки действий правительственных лиц, какие официальным путем почти никогда не могли бы быть высказываемы.

Кроме того, на обязанности перлюстрационной части лежит также задержание пересылаемых по почте прокламаций и листов противоправительственного и революционного содержания, а равно старание раскрывать деятельность и замыслы революционеров и других подозрительных в политическом отношении личностей, и вообще доставление Депар-

¹⁵⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 14–15 об.; Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям. СПб., 1881. С. 9–10; Там же. СПб., 1882. С. 55–56, 67–68, 89, 135, 148–149. Отмечу, что В.Я. Марышев и Ф.Р. Фанстиль, трудившиеся в Киеве, официально числились на службе в Вильно, так как в Варшаве, Киеве, Харькове и Тифлисе цензура иностранных газет и журналов формально отсутствовала. Вместе с тем в справочнике на 1881 год указано, что в распоряжение управляющих почтовой частью в Варшаве откомандирован А.О. Колитовский, в Харьков – К.А. Келер и Н.П. Ситников, в Петербурге служит М.Е. [М.Г.] Мардарьев (С. 9–10). В справочнике на 1882 год вообще не указаны М.М. Греффен и А.И. Свечин.

таменту полиции сведений, дающих ему возможность успешно бороться с революционным движением в России.

В царствование императора Павла I и особенно, как видно из дела С.Петербургской Перлюстрационной Экспедиции, императоров: Александра I, Николая I и Александра II, на монаршее воззрение представлялись все извлечения из частной корреспонденции, могущие осветить перед монархом те случаи и обстоятельства, которые, по каким-либо соображениям правительственных или частных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества, за какую-либо деятельность чины перлюстрационной части неоднократно удостоивались монаршей благодарности.

В царствование в Бозе почивающего императора Александра III на монаршее воззрение были представляемы ежегодные всеподданнейшие отчеты о деятельности перлюстрационной части в империи, о чем гласят следующие надписи на оных рукою господина министра внутренних дел: на отчете за 1886 год «рассмотрено Его Величеством 7 июня 1887 г.», на отчете за 1887 год в 3-х томах: на 1-м томе «Возвращено от Его Величества 14 марта», на 2-м томе «Возвращено от Его Величества. 25 марта 1888 г.» и на 3-м томе – «Возвращено от Его Величества. 28 марта 1888 г.».

Такие отчеты составляются ежегодно и хранятся в архиве перлюстрационной части; они содержат в себе свод всех наиболее выдающихся извлечений из частной корреспонденции, представляя собою обзор внутреннего и внешнего положения империи и деятельности всех министерств за данный год.

За последние 15 лет из наиболее крупных событий в деятельности перлюстрационной части в империи были: открытие в зародыше военного заговора в Киеве (благодарственное письмо генерал-губернатора Дрентельна¹⁵⁴⁵); открытие целых правильно организованных шаек иностранных военных шпионов в Западном Крае; предупреждение имевшегося в виду крушения пассажирского поезда (дело Турчанинова), и наконец, самое выдающееся и удостоверенное бывшим товарищем министра внутренних дел Тайным советником [В.К.] Плеве – открытие заговора и предупреждение покушения на жизнь Покойного Государя Императора Александра III 1 марта 1887 года.

Производство перлюстрации, не допускающее никаких, в чью бы то ни было пользу, изъятий, при составлении извлечений из писем и поэтому представляющее важную государственную тайну, поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно дознаны: безграничная преданность Особе Государя Императора и Отечеству, полное беспристрастие, постоянная готовность к труду, нравственность, скромность и умственное развитие, словом, качества, дающие им право на неограниченное доверие.

Сообразно с обстоятельствами и необходимостью, в империи были учреждены, по Высочайшим повелениям, до 1881 года, 7 перлюстрационных пунктов: в С.Петербурге, Москве, Варшаве, Вильне, Одессе, Киеве и Харькове¹⁵⁴⁶.

В царствование же императора Александра III признано было необходимо учредить еще три новых пункта: в Тифлисе, Казани и Нижнем Новгороде¹⁵⁴⁷. Перлюстрационные чиновники, независимо от небольшого содержания, производимого им по штатным гласным должностям почтовой цензуры иностранных газет и журналов, занимаемым ими для сокрытия действительных, более важных обязанностей, получают за перлюстрационные занятия

¹⁵⁴⁵ А.Р. Дрентельн – генерал от инфантерии, с 13 января 1881-го по 15 июля 1888 года киевский, подольский, волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа.

¹⁵⁴⁶ Здесь указаны только те пункты, которые были созданы до 1881 года и продолжали действовать после указанного срока.

¹⁵⁴⁷ Пункт в Тифлисе, как отмечалось в первой главе, существовал с 1831 года и прекращал свою деятельность с февраля по декабрь 1886-го. Пункт в Нижнем Новгороде создавался на время проведения Всероссийской промышленной выставки, с 1894-го по 1896 год.

негласное жалованье из суммы в 107 000 рублей, отпускаемой ежегодно из государственного казначейства, в распоряжение министра внутренних дел, на известное Государю Императору употребление. Эта сумма, как равно и 8000 рублей, отпускаемых с прошлого 1894 года на тот же предмет, по Высочайшему повелению, из сумм Департамента полиции, расходуются по ежегодно утвержденному министром внутренних дел бюджету.

Статс-секретарь Дурново. 5#го января 1895 года¹⁵⁴⁸.

---

¹⁵⁴⁸ На этом докладе имеется пометка: «Доложено Его Величеству. В С.#Петербурге 5#го января 1895 года. Ив. [ан] Дурново».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

С. Майский «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора¹⁵⁴⁹

За последнее время в повременной печати появилось несколько статей, обстоятельно трактующих о «черном кабинете» и его деятелях, но все эти статьи, по#видимому, вышли из#под пера лиц, которые ни в «черном кабинете» никогда не бывали, ни об его делах ничего положительного не знали, а сообщаемые сведения передавали понаслышке или просто черпали из своей разыгравшейся фантазии.

Я прослужил более 10 лет в цензуре иностранных газет и журналов, при которой и находилось секретное отделение, известное под названием «черного кабинета», и отлично знаю его устройство, порядок «работы» в нем и секретных чиновников, служивших в нем.

Для того, чтобы пролить свет на это учреждение и на его деятелей, я и решил поделиться с читателями своими воспоминаниями. . .

На углу Почтамтской улицы и Почтамтского переулка, в верхнем, третьем, этаже главного здания петроградского почтамта, в том углу, где внизу находятся ящики для писем, вделанные в стене под окнами, помещалась цензура иностранных газет и журналов. Официальный вход в нее был с Почтамтской улицы, из подъезда близ арки с часами, а неофициальный – из Почтамтского переулка, из подъезда против почтовой церкви.

Дверь в цензуру была всегда заперта американским замком, и всем, приходившим туда как на службу, так и по делу, надо было звонить. Дежуривший в передней старик-сторож «своих» впускал в канцелярию, а посторонних просил посидеть в приемной, куда к ним выходил для переговоров начальник цензуры или кто#либо из чиновников. «Канцелярией» назывался ряд комнат, куда подавались из газетной экспедиции почтамта все без исключения иностранные бандерольные отправления (прейскуранты, печатные листки, газеты, журналы и пр.) для просмотра. Бандероли, не содержавшие в себе повременных изданий, просматривались очень поверхностно и тотчас же отправлялись вниз, в экспедицию, для сортировки и доставки адресатам, а газеты и журналы задерживались в цензуре и поступали в цензуровку.

Цензорами иностранных газет и журналов состояли люди весьма почтенные, все с высшим образованием, и служившие, кроме цензуры, где они были заняты только по утрам и в дежурные дни по вечерам, еще и в других учреждениях: в министерстве иностранных дел, в университете или учителями средних учебных заведений.

Эти цензоры в общей сложности владели всеми европейскими и азиатскими языками, и среди них были даже выдающиеся лингвисты-полиглоты, свободно говорившие на 15–20, а один даже на 26 языках¹⁵⁵⁰.

За помещением «канцелярии», называемой иначе «гласным» отделением цензуры, был кабинет старшего цензора Михаила Георгиевича Мардарьева, который, подобно черберу, караулил вход в «негласную» или «секретную» половину, т. е. в «черный кабинет». Официальное название этого учреждения было «Секретная экспедиция».

Вход в «черный кабинет» был замаскирован большим желтым шкафом, казенного типа, через который «секретные» чиновники из служебного кабинета старшего цензора проходили в «святая святых». Таким образом, посторонний человек, если бы ему удалось

¹⁵⁴⁹ Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1918. Кн. 7. Июль. С. 185–197. Этот текст был затем опубликован отдельным изданием (Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора. Пг.: Былое, 1922), за исключением последнего абзаца, начинающегося со слов «Теперь, когда “черный кабинет” в России перешел уже в область преданий. . .».

¹⁵⁵⁰ Намек С. Майского (В.И. Кривоша) на самого себя.

пройти даже через все комнаты гласной цензуры и войти в кабинет старшего цензора, все#таки не мог бы проникнуть в «черный кабинет», ибо трудно допустить, чтобы он полез в шкаф, дверца которого автоматически запиралась; другого же входа с этой стороны цензуры в секретное отделение не было. Из «черного же кабинета» был еще другой выход, по коридору, через кухню, где постоянно находилось несколько сторожей, где ставился самовар для чая и готовились завтраки, – на Почтамтский переулок.

Процесс работы в Секретной экспедиции был следующий. Прежде в «черный кабинет» специальной подъемной машиной поднималась из экспедиции почтамта вся корреспонденция как иногородняя, так и иностранная, приходящая и отходящая, и разбиралась в самом «черном кабинете» секретными чиновниками, которые по почеркам адресов определяли, нужно ли данное письмо перлюстрировать, т. е. вскрыть, прочитать и снова заделать, или нет. Затем, лет 15 тому назад, вследствие того, что количество корреспонденции неимоверно возросло, и среди нее было огромное количество писем «коммерческих» и «мужицких» или «солдатских», т. е. таких, содержание коих заведомо никоим образом не могло представлять ни малейшего интереса ни для департамента полиции, ни для высших сфер, – отборкою писем, подлежащих перлюстрации, стали заниматься почтовые чиновники в самой экспедиции почтамта во время сортировки писем. Делалось это под руководством бывшего секретного чиновника, хорошо знакомого с техникой определения достоинства письма по почерку его адреса и вообще по наружному виду письма. Таким образом, профильтрованные письма, в количестве всего 2–3 тысяч экземпляров, отобранных из всей приходящей и отходящей почты, подавались затем в специальных ящиках в «черный кабинет», где они вскрывались, прочитывались и вновь заклеивались.

Самый процесс вскрывания производился до недавнего времени с помощью небольшого костяного ножики, которым подрезывался удобный для вскрытия клапан письма (верхний, нижний или один из боковых); за последнее же время вскрывание писем производилось паром. Для этого имелась своеобразная металлическая посуда, из которой чрез небольшое отверстие вверху бил горячей струей пар. Вода в посуде для постоянного кипения нагревалась электричеством. Перлюстратор, держа в левой руке письмо над отверстием сосуда так, что струя пара расправляла клей, – правой рукой, с помощью длинной и толстой булавки (как для дамских шляп) отгибал тот из четырех клапанов письма, который представлял меньше затруднений для отклейки, т. е. края которого были меньше заклеены марками или меньше задеты печатью. В случае, если письмо было запечатано большой печатью так, что нельзя было подрезать края печати, не испортив ее самой, то до его вскрытия приходилось приготовить печатку, чтобы ею после прочтения и заделки, вновь запечатать письмо.

За время существования «черного кабинета», т. е. со времени царствования Екатерины Великой, русским перлюстраторам были известны и практиковались три способа производства поддельных печатей. В старину печатка отливалась из свинца по форме, снятой гипсом с негатива печатки, сделанного из воска. Этот способ производства поддельных печатей, помимо того, что он был довольно сложен, вследствие четырехкратного снимания оттиска (негатива – воском, позитива – гипсом, снова негатива – свинцом и, наконец, позитива уже на самом письме сургучом), давал недостаточно резкие отпечатки. Лет 40 тому назад один секретный чиновник изобрел способ производства поддельных печаток из серебряного порошка с амальгамой. Этот способ очень прост и скор, и печати получаются резкие, но сами печати непрочны, так как они мягки и от малейшего прикосновения к ним они портятся, а от неосторожности надавливания и совсем разваливаются. Наконец, лет 10 тому назад другим секретным чиновником был изобретен остроумнейший способ производства идеальных печаток из твердого металла. Резкость получаемого оттиска – безукоризненна, сама печатка – вечна, а время, нужное для ее приготовления, благодаря чрезвычайно простому прибору, – всего несколько минут. Талантливый чиновник, изобретший этот способ, как и аппарат для

вскрытия писем паром, по докладу министра Столыпина царю, награжден был орденом Владимира 4-й степени «за полезные и применимые на деле открытия»¹⁵⁵¹. Судя по печатям писем, перлюстрированных в заграничных «черных кабинетах», нигде не было столь совершенного способа производства поддельных печатей, как в России. В Австрии до сих пор практикуется способ производства печаток из серебряного порошка с амальгамой, обманым образом полученный от прежнего начальника «черного кабинета», Карла Карловича Вейсмана, ездившего в Вену на свидание с начальником австрийского «черного кабинета» бароном Брауном.

В петроградском «черном кабинете» вскрытием писем занимался всего один чиновник: для вскрытия тысячи писем требовалось не более двух часов времени. Читением писем были заняты 4 человека, сниманием копий или составлением выписок из писем – два человека, а в случае нужды – изготовлением печаток, сниманием фотографий с писем, проявлением негативов и т. п. – один чиновник. Итого весь личный состав петроградского «Черного кабинета» последнего времени состоял вместе с начальником, уже упомянутым М.Г. Мардарьевым, из 12 человек. Этого штата было вполне достаточно для перлюстрации 2–3 тысяч писем ежедневно. В Москве штат служащих состоял из 7 человек во главе с В.М. Яблочковым, в Варшаве из 5, при заведующем А.Ф. Шлиттере, в Одессе из 5, при начальнике Ф.Б. Гольмблатте, в Киеве из 4 человек, при К.Ф. Зиверте, в Харькове, Риге, Вильне, Тифлисе, Томске было всего по два человека служащих, один из коих считался заведующим. В последних трех городах незадолго до переворота «черные кабинеты» были закрыты, а в Нижнем Новгороде и Казани временно открывались, и по миновании в них надобности, вновь закрывались.

Перлюстрации подлежали все письма сановников: министров, их товарищей, генерал-губернаторов, начальников главных управлений, директоров департаментов и их помощников, сенаторов, членов государственных совета, думы и вообще всех лиц, занимавших сколько#нибудь видную должность и, следовательно, могших в своих письмах сообщить что#нибудь, представлявшее интерес для министра внутренних дел. Исключение составляли письма министра внутренних дел и только до тех пор, пока он занимал этот пост, как лица, коему выписки из писем представлялись, и который, благодаря этим выпискам, имел возможность узнать многое такое, что бы иначе до него не дошло, контролировать деятельность как своих подчиненных, так и коллег, и в роли «царского дядьки» докладывать монарху о намерениях, злоупотреблениях, проделках и т. п. разных высокопоставленных лиц. Благодаря перлюстрации зачастую выяснялось, как министр путей сообщения стратегическую железную дорогу проводит не в нужном направлении, а через имения своей жены¹⁵⁵²; как губернатор, помимо торгов, поставляет по высокой цене шпалы из леса своего шурина; как директор департамента за приличное вознаграждение проводит дело, которого бы проводить не следовало и пр. [очее], и пр. С назначением на пост министра внутренних дел новых лиц получались иногда забавные случаи. Так, Плеве, вступив в должность, нашел на столе своего предшественника, убитого Сипягина, нераспечатанный пакет с выписками, среди которых была выписка и из его собственного письма к жене, а Дурново очень возмущался, когда среди старых бумаг нашел выписки из своих собственных писем в бытность его директором департамента полиции, т. е., с его точки зрения, такой важной шишки, что его письма перлюстрации не должны были бы подлежать¹⁵⁵³.

¹⁵⁵¹ С. Майский (В.И. Кривош) говорит о себе.

¹⁵⁵² Имеются в виду обвинения в адрес Аполлона Константиновича Кривошеина (1833–1902), который занимал пост управляющего Министерством путей сообщения и министра в 1892–1894 годах. Был уволен в полную отставку после ревизии его ведомства.

¹⁵⁵³ Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1902–1904 годах, был убит эсером Е. Сазоновым (Созоновым). Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – министр внут-

Кроме писем сановников, представляющих «общегосударственный интерес», перлюстрации подлежали письма «политические», т. е. письма эмигрантов и «левых» деятелей. Эти письма разделялись на письма «по подозрению» и письма «по наблюдению». Эти последние подлежали перлюстрации согласно списку департамента полиции, присылаемому по временам в «Черный кабинет» на имя Мардарьева с перечнем фамилий лиц, за корреспонденцией коих следовало «наблюдать», т. е. всю ее вскрывать и копии с писем представлять в департамент. В этих списках иногда бывали примечания: «Особо строго наблюдение», или «точные копии», или «фотографии», или «представлять в подлиннике».

Письма «по подозрению» вынимали из почты, руководствуясь местом подачи или назначения письма (из Женева, Парижа, Брюсселя, Лондона, или в эти и другие города, где находились штаб-квартиры левых организаций), или, главным образом, почерком адреса. У разборщиков писем с течением времени вырабатывался удивительный «нюх» определять содержание письма по его наружному виду или по почерку адреса. Дело в том, что каждый класс людей, каждая специальность, принадлежность к секте, к партии и пр. кладут известный отпечаток на почерк данного лица.

Разница между мужским и женским, детским и взрослым, мужицким и интеллигентным почерками очевидна всякому, но кроме этого и аристократ пишет не тем почерком, что бюрократ; его почерк нервно крупный, остроконечный (в готическом стиле), тогда как почерк последнего круглый, уверенный и резкий; литераторы пишут бисерным и четким почерком; коммерсанты – каллиграфическим почерком; революционеры – неотделанным, почти ученическим почерком, а почерк анархистов отличается грубостью и несуразностью, напоминая почерк малограмотных людей тяжелого физического труда.

Среди разборщиков писем петроградского «черного кабинета» были такие знатоки почерков, что зачастую они по одному адресу письма безошибочно определяли принадлежность его автора к шулерам, к фальшивомонетчикам, к каким-либо антиморальным сектантам, педерастам и пр. Неспециалисту, конечно, никогда не уловить сходства между собою таких почерков, как, например, издателей-редакторов Суворина, Комарова и князя Мещерского или генералов Куропаткина, Брусилова и Сухомлинова, или сановников Горемыкина, Штюмерера и Саблера¹⁵⁵⁴ и т. д., а на самом деле «профессиональное» сходство между этими почерками прямо бьет в глаза, несмотря на своеобразный отпечаток в каждом из них в зависимости от характера, наклонностей, их пороков и пр. Долголетние разборщики писем

ренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1900–1902 годах, был убит эсером С.В. Балмашевым. Дурново Петр Николаевич (1842–1915) – директор Департамента полиции в 1884–1893 годах, управляющий Министерством внутренних дел и министр с 23 октября 1905#го по 22 апреля 1906 года.

¹⁵⁵⁴ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – известнейший русский журналист и издатель (газета «Новое время», журнал «Исторический вестник»). Комаров Виссарион Виссарионович (1838–1907) – активный деятель Славянского благотворительного общества и издатель ряда журналов, крестный отец В.И. Кривоша. Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – князь, писатель, журналист, издатель; убежденный монархист. Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – военный и государственный деятель, военный министр в 1898–1904 годах, главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке в ходе русско-японской войны с октября 1904#го по март 1905 года, в годы Первой мировой войны командир корпуса, командующий Северным фронтом, туркестанский генерал-губернатор. С мая 1917 года до конца жизни жил в своем имении в Псковской губернии. Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – военачальник. В Первой мировой войне командующий 8#й армией, Юго-Западным фронтом, в мае – июле 1917 года – Верховный главнокомандующий. В 1920–1924 годах – в Красной Армии. Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – военный министр (11 марта 1909#го – 13 июня 1915 года). Был уволен от службы 8 марта 1916 года. По обвинению в государственной измене 20 апреля 1916 года был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, 13 сентября 1917 года суд приговорил его к бессрочной каторге за неподготовленность армии к войне. Каторгу заменили заключением в Петропавловскую крепость. По амнистии 1 мая 1918 года был освобожден как достигший 70#летнего возраста. Эмигрировал. Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – государственный деятель, председатель Совета министров (апрель – июль 1906 года и январь 1914#го – январь 1916 года); был убит крестьянами. Штюмерер Борис Владимирович (1848–1917) – государственный деятель, министр внутренних и иностранных дел, председатель Совета министров в 1916 году. Саблер (с 1915 года – Десятковский) Владимир Карлович (1847–1929) – сенатор, обер-прокурор Святейшего Синода в 1911–1915 годах.

«черного кабинета» становились отличными графологами, определявшими по почерку весь духовный облик человека.

Благодаря такой опытности разборщиков писем зачастую, с помощью перлюстрации, открывались целые артели фальшивомонетчиков или шпионские организации.

Разумеется, что не только разборщики, но и чтецы писем становились замечательными знатоками по своей специальности. Они изучали не только почерки, но научились понимать все иносказательно выраженное и догадываться о недосказанном или высказанном одними намеками.

У каждой нелегальной, подпольной организации была своя манера делиться сообщениями в письмах, не называя вещей своими именами. Революционер, например, желая сообщить товарищу о том, что такой-то член их партии арестован, писал о нем, что он «заболел» и что «доктора», т. е. охранники, нашли его положение «безнадежным» и прописали ему «перемену климата», т. е. сослали в Сибирь. Обыск назывался «консультацией», подпольная типография «аптекой», прокламации «рецептами» и т. д.

В большинстве случаев корреспонденция членов революционных партий была зашифрована, но обыкновенно таким детски наивным шифром, что разбор подобных криптограмм не представлял почти никаких затруднений для опытных дешифровщиков секретной экспедиции. Разумеется, раз был найден ключ, то вся переписка членов данной партии разбиралась и читалась уже свободно всеми чтецами.

Когда письмо было без подписи, и автор его, по почерку, был неизвестен, то с письма снималась фотография, для сличения его почерка с другим его же письмом, адресованным брату, матери или вообще лицу, открывающему анонимность подателя письма. Неоднократно приходилось удивляться неосторожности или наивности, чтобы не сказать больше, старых, опытных борцов-революционеров, отправлявших одновременно, с той же почтой, крайне конспиративного содержания письма без подписи членам своей партии и письмо отцу с подписью «твой сын Володя»...

Здесь к слову будет сказать, что среди чиновников «черного кабинета» были люди, симпатизировавшие революционерам и, по мере возможности, старавшиеся или не обнаруживать фамилии лиц, которые могли бы пострадать за свои откровенные письма, или разными иными способами мешавшие департаменту полиции добраться до своих жертв. Бывали случаи, что охранники при обыске находили письма, из коих в свое время были сделаны в секретной экспедиции выписки, но так, что эти выписки ровно ничего ни подозрительного, ни компрометирующего собою не представляли. Департамент полиции в таких случаях неистовствовал и грозил, что распустит весь штат служащих «черного кабинета», заменив их своими надежными людьми. Конечно, подобные угрозы были неосуществимы, так как у департаментских чиновников и охранников не могло быть технических познаний и практики, столь необходимых в таком деле, как перлюстрация.

Кроме писем «общегосударственного интереса», вскрывавшихся для надобностей министра внутренних дел, и «политических» – для Департамента полиции, в секретной экспедиции вскрывались еще письма «дипломатические» для Министерства иностранных дел и «шпионские» для Генеральных штабов: военного и морского.

Под «дипломатической» корреспонденцией подразумевалась переписка послов, посланников и членов иностранных миссий со своими Министерствами иностранных дел за границу. Эта корреспонденция получалась в Петрограде и отправлялась за границу в особых пост-пакетах и была большею частью зашифрована [с] помощью кода и запечатана одной или несколькими печатями. Все эти предосторожности, однако, не спасали ее от перлюстрации, так как, во-первых, она попадала в «черный кабинет» полностью в своем пост-пакете, попадала она туда и тогда, когда давалась на почту всего за несколько минут до заделки пост-пакета перед отправлением его на вокзал; во-вторых, потому, что в секрет-

ной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печаток как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Петрограде и Министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров; с помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку, без малейшего следа вскрытия, не представляло никаких затруднений; и в третьих, потому что имелись шифрованные коды всех стран, [с] помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в «черном кабинете», а в другом однородном с ним учреждении при Министерстве иностранных дел, куда попадали и копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм. В особо важных случаях туда попадали и такие ультрасекретные донесения, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с замком. Для получения такого рода корреспонденции пускался в ход презренный металл, и не было случая, чтобы золото не открывало замка портфеля и не давало возможности всего на несколько минут взглянуть глазом объектива фотографического аппарата на содержание тщательно запечатанных вложений портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, во сколько червонцев обойдется вся эта манипуляция. Здесь кстати будет заметить, что все или почти все эти курьеры, фельдъегери, служители и пр. были подкуплены. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую им помещично или поштучно, они приносили в указанное место не только все содержимое корзины у письменного стола своих господ, но и копировальные книги из их канцелярий, черновики их писаний, подлинники получаемых писем и официальных донесений и даже целые коды и шифровальные ключи. Для достижения этого иногда им приходилось брать у спящих господ ключи от их письменного стола или от несгораемого шкафа, снимать с них отпечаток из воска и заказывать дубликаты ключей, или пускаться ночью в канцелярию посольства таких лиц, которые могли бы выбрать то, что было нужно. Поражаться надо было доверию некоторых послов к своим лакеям, которые их продавали за гроши. Однажды произошел такой случай: вместо одного посла великой державы был назначен другой, который должен был с собою привезти весь новый штат служащих, так как прежний посол старым своим слугам не доверял, но в письме к новому послу он очень ходатайствовал за одного, по его выражению, «незаменимого» человека, своего выездного лакея, т. е. именно за то лицо, которое за незначительное месячное вознаграждение доставало из посольства все, что было угодно...

Шифровые коды, однако, приобретались не только [с] помощью служащих в посольствах, но и в Париже, и в Брюсселе, где у известных лиц имелась прямо открытая торговля иностранными кодами за определенную цену (совершенно тождественную в обоих упомянутых городах); причем коды, представлявшие меньше интереса, например, греческий, болгарский или испанский, которые и достать было гораздо легче, ценились дешевле, тысячи в полторы-две, а такие коды, как германский, японский или Северо-Американских Штатов, стоили по несколько десятков тысяч; цены же остальных стран колебались между 5 и 15 тысячами. Этим торговцам кодами можно было давать заказы достать тот или иной новый код, и они выполняли все заказы в весьма непродолжительные сроки.

Вследствие того, как уже было сказано, что дипломатическая корреспонденция многими посольствами сдавалась в почтамт незадолго до ее заделки в пост-пакеты и отправки на вокзал, а, с другой стороны, за получением приходящей почты курьеры являлись в почтамт тотчас после ее прибытия с вокзала, – с этой корреспонденцией приходилось очень спешить, так как во время ее фотографирования за ней приходили почтовые чиновники, которых внизу курьеры бранили, что они долго возятся с разбором посольских постпакетов. Фотографии снимались при освещении лентой магния, который при горении выделял массу дыма, а так как окна должны были быть закрыты ставнями, чтобы не обращать внимания на себя даже почтамтских служащих, то атмосфера, в конце концов каждого такого сеанса в фотографической комнате, становилась невыносимой.

Одно из посольств отправляло свою дипломатическую корреспонденцию в особом кожаном мешке с мудреным замком и за пломбой, но эти предосторожности тоже не спасали его дипломатической корреспонденции от перлюстрации, так как вскоре после получения первого мешка «черный кабинет» обзавелся ключом от его замка и щипцами для накладывания таких же пломб. Имелись даже запасные веревки, несколько своеобразные, на случай нужды в них. При внимательном осмотре можно было бы найти незначительную разницу между настоящей пломбой и ее подделкой в секретной экспедиции: буквы надписи были чуточку толще и ленточка в рисунке капельку короче, но в течение многих лет никто не удостоился заняться тщательным осмотром пломбы и обратить должное внимание на незначительную неточность секретного гравера.

При вскрытии этих мешков однажды произошел забавный курьез: перлюстратор уронил в него, конечно, случайно свою золотую запонку от манжет. Посольство [в] Петрограде, найдя эту запонку в мешке, вернуло ее со следующей почтой при письме министерству обратно. Перлюстратор, считавший свою запонку безвозвратно потерянной, очень обрадовался, когда ее нашел на следующий день во вскрытом им мешке. Он взял ее себе, а сопровождавшее ее письмо просто уничтожил и этим инцидент был исчерпан. Эти запонки были с монограммой, но буквы монограммы оказались «О.В.», т. е. одинаковыми в русской азбуке с иностранным алфавитом, в противном случае, какая-нибудь русская буква «Ж» или «Ф» навели бы, конечно, иностранное посольство на нежелательные размышления¹⁵⁵⁵. С дипломатической корреспонденцией, вследствие спешки и связанной с ней нервности работы, часто происходили такие курьезы, благодаря которым провал угрожал всему делу перлюстрации. Так, например, однажды заделали и сдали конверт без вложения письма, которое осталось незамеченным среди других бумаг на столе чтецов; другой раз чтецы перепутали вложения двух конвертов, отправив нидерландскому посольству бумаги на испанском языке из Министерства иностранных дел в Мадриде, но все эти инциденты как-то сходили благополучно для «Черного кабинета», хотя начальнику Главного управления почт и телеграфов они причиняли немало хлопот. Из поднятой по этим делам переписки видно было, что все это приписывалось австрийскому или германскому «черным кабинетам», через какие страны корреспонденция шла транзитом, и «черные кабинеты» которых в дипломатических сферах пользовались неважной репутацией из-за небрежности работы, оставлявшей на письмах довольно грубые следы вскрытия. Знаменитая немецкая аккуратность в секретном деле не подтверждалась.

«Черные кабинеты», разумеется, существуют везде, даже в самых демократических республиках Америки и Старого света, и в каждой стране практикуется свой способ вскрытия писем, подделки печатей и отметки того, что данное письмо уже подвергалось перлюстрации. Но справедливость требует сказать, что никогда в мире «черный кабинет» не работал так чисто, как в России, и, в особенности, в Петрограде. Письма, перлюстрированные в России, как бы они хитро заделаны ни были, не сохраняют на себе ни малейшего следа вскрытия даже для самого пытливого глаза, даже опытный глаз перлюстратора зачастую не мог уловить, что письмо уже было однажды вскрыто. А что касается подделки печатей, то только изобретенный русским секретным чиновником способ дает безукоризненные оттиски. Никакие ухищрения, как царапины печати, заделка в сургуч волоса, нитки, бумажки и т. п. не гарантировали ее от вскрытия и абсолютно неузнаваемой подделки. Весь вопрос сводился только к тому, что на перлюстрацию такого письма требовалось несколько больше времени. Много возни бывало только с письмами, прошитыми на швейной машине, но и это

¹⁵⁵⁵ Вполне возможно, что подобное происшествие случилось с Отто Карловичем Вейсманом (1866–?), сыном бывшего руководителя «черных кабинетов» К.К. Вейсмана. О.К. Вейсман занимался перлюстрацией в Санкт-Петербургском почтамте с 11 марта 1887-го до 1917 года. Числясь младшим цензором, он стал действительным статским советником с 6 декабря 1910 года.

не спасало, а только еще больше заставляло обращать на такие письма внимание, в предположении, что они должны содержать весьма ценные данные, раз на их заделку потрачено много времени и стараний.

Про графа Н.П. Игнатьева в «черном кабинете» сохранилось предание, что он, будучи послом в Турции, отправлял свои донесения в простых (не заказных) письмах, заделанных в грошовые конверты, которые лежали некоторое время вместе с селедкой и мылом, и заставлял своего лакея писать адрес не на имя министра иностранных дел, кому письмо предназначалось, а на имя его дворника, или истопника, по частному адресу. Вот такие меры предосторожности, пожалуй, действительно спасали его корреспонденцию от перлюстрации. Прибегал же Игнатьев, по преданию, к таким мерам потому что, будучи еще русским военным атташе в Лондоне, он получил однажды письмо из Петрограда со следами оттиска почтовых штемпелей всех на одной стороне вложения, хотя на конверте штемпеля были наложены одни на лицевой, а другие на клапанной стороне письма. Оттисками этих штемпелей можно было безусловно доказать, что его письмо было перлюстрировано в Лондоне, или на Британских островах, и Игнатьев упрекнул великобританского министра иностранных дел в том, что его подчиненные вскрывают письма члена русской миссии, но министр дал честное слово лорда, что в Англии «черного кабинета» не существует, а уличенный оттисками штемпелей в противном, смеясь, заметил: «А что же я, по#вашему, должен был сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр, и что вы ему доносите про нас?» Получив такой урок в самом начале своей дипломатической карьеры, граф Игнатьев был уже осторожен со своими письмами всю свою продолжительную жизнь. Из всех сановников Игнатьев был единственным, который в должности министра лично побывал в петроградском «черном кабинете», присутствовал во время работы и интересовался ею.

Наконец, осталось еще сказать несколько слов о причастности к перлюстрации царя.

Когда какое#нибудь письмо представляло собою исключительный интерес, то, кроме отправления выписки из него по назначению министру внутренних дел, или иностранных дел, начальнику Генерального штаба, или в Департамент полиции, дубликат ее представлялся царю, а иногда, смотря по содержанию письма, выписка представлялась только ему одному. С этой целью такие выписки, чисто напечатанные на пишущей машинке, в особом большом конверте с напечатанным на нем адресом царя, одним из секретных чиновников, пользовавшимся исключительным доверием царя, относились лицу, служившему и жившему во дворце и имевшему без особого доклада доступ к царю. Через это же лицо царь передавал приказания следить за перепиской кого#либо из приближенных, или даже членов царской фамилии, подозреваемых им в каких#либо неблагоприятных поступках. Так, по сличению почерков, благодаря перлюстрации, удалось узнать фамилию лица, сообщавшего за границу разные нежелательные с точки зрения придворной этики сведения, или имя автора анонимно изданной в Лондоне на английском языке книги с изложением тайн петроградского двора, каковым оказался пользовавшийся особым расположением царя барон.

Когда великий князь М.А. [Михаил Александрович], увлеченный красотой дочери предводителя дворянства одной из южнорусских губерний, серьезно подумывал о браке с нею, то приказано было снимать фотографии с переписки влюбленной четы и дешифровать детски наивный шифр, коим они думали скрыть свои планы на будущее. Благодаря перлюстрации их намерение уехать в Англию, чтобы там обвенчаться, было расстроено¹⁵⁵⁶.

¹⁵⁵⁶ Михаил Александрович (1878–1918). Родной брат Николая II, в 1899–1904 годах наследник российского престола. Против воли императора 17 (30) октября 1912 года вступил в Вене в морганатический (неравный) брак с Натальей Сергеевной Вульфферт (1880–1952; урожденная Шереметьевская, дважды разведенная, с 1916 года – графиня Брасова).

Великая княгиня М.П. [Мария Павловна], по#видимому, не пользовалась особенным доверием царя, полагавшего, что она более симпатизирует своим германским землякам, чем это приличествует русской великой княгине, поэтому за ее перепиской велено было внимательно следить, но в своих письмах она была столь осторожна, что никаких улик основательности к подозрению добиться не удалось¹⁵⁵⁷.

Отношение царя к перлюстрации было весьма своеобразным. Он ею, по#видимому, очень интересовался, ибо когда дней 8–10 не получал конверта с выписками, то спрашивал, почему ему ничего не присылают, а когда получал хорошо ему знакомый по наружному виду конверт, то оставлял дело, коим занимался, сам вскрывал конверт и принимался тотчас же за чтение выписок. Несмотря на это однако, он не принимал никаких мер согласно данным, черпаемым из выписок; так, например, он не удалил от себя барона, автора английской книги с тайнами дворца, и ничем не дал понять лицу, сообщавшему за границу нежелательные сведения, то, что он осведомлен об его неблагонадежности. Деятельность графа Воронцова-Дашкова на Кавказе стала притчей во языцех, его бранили поголовно, и русские, и инородцы; в течение продолжительного времени не представлялось царю ни одного конверта, чтобы в нем не было выписки из письма [с] резкой критикой поведения кавказского наместника, а все же он благополучно продолжал занимать свой высокий и ответственный пост, потому что царю он был мил, а жалобы всего населения края были для него голосом вопиющего в пустыне¹⁵⁵⁸. То же замечалось и тогда, когда деятельность какого#либо министра критиковалась всеми, и в письмах прямо приводились не только его промахи, но и злоупотребления. Царь все это читал, иногда приказывал «привести более точные и подробные данные», а любимец-министр продолжал себе благодушествовать на своем посту и набивать карманы, пока совсем не оскандалится.

Насколько царь интересовался деятельностью «черного кабинета», видно еще из того, что он однажды собственноручно отобрал 4 золотые и серебряные с гербами и бриллиантами портсигара в качестве царских подарков и передал их секретному чиновнику, пользовавшемуся его исключительным доверием, для раздачи сослуживцам в виде поощрения за полезную деятельность. В этом отношении император Николай II резко отличался от своего отца императора Александра III, который, когда ему доложили, вскоре по его воцарении, о «секретной экспедиции» и объяснили ему ее назначение, – ответил: «Мне этого не нужно» и в течение всего своего царствования отказывался читать выписки из писем, добытые перлюстрацией, хотя несколько министров делали попытки заинтересовать его этим делом. Александр II, Николай I и прочие цари до Екатерины II включительно охотно читали выписки из перлюстрированных писем, и в архиве секретной экспедиции находились таковые с их собственноручными пометками, как и другие документы с царскими подписями, касающиеся секретной деятельности.

Теперь, когда «черный кабинет» в России перешел уже в область преданий и представляет интерес лишь как историческая иллюстрация былых времен, следовало бы принять меры к тому, чтобы все бумаги, хранившиеся в его несгораемом шкафу, не разошлись по рукам любителей, а стали бы достоянием государства.

¹⁵⁵⁷ Видимо, речь идет о великой княгине Марии Павловне-старшей (1854–1923), вдове великого князя Владимира Александровича, урожденной великой герцогине Мекленбург-Шверинской. Она находилась в оппозиции к Николаю II и Александре Федоровне.

¹⁵⁵⁸ Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) – граф, личный друг Александра III. В 1905–1915 годах наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа. Странник широких реформ на Кавказе: наделения земель крестьян, развития предпринимательства, введения земских учреждений и т. п. В данном случае под «населением всего края» подразумеваются прежде всего консервативные и монархические группы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Список перлюстрационных пунктов в империи¹⁵⁵⁹

№	Название	Год (дата) создания	Год (дата) закрытия
1	Белгород	Июнь 1803	27 августа 1803
2	Белосток	1808	Июнь 1812
3	Брест-Литовск	1796, декабрь 1812	Июнь 1812, н.с.*
4	Бухарест	16 июня 1815, 1857	18 июля 1854, н.с.
5	Варшава	1813	1915
6	Вильно	1796, декабрь 1812	Июнь 1812, декабрь 1895
7	Галац	1801, 27 декабря 1843	1812 (?), н.с.
8	Гродно	1796, декабрь 1812	Июнь 1812, н.с.
9	Житомир	16 апреля 1839	14 июня 1878
10	Изаслав	25 июня 1795	1796
11	Иркутск	5 июня 1834	13 апреля 1837
12	Казань	26 октября 1889	1908
13	Каменец-Подольск	12 июля 1804	1812
14	Киев	Январь 1826, 1831	Май 1826, 16 марта 1917
15	Константинополь	1836	1854
16	Минск	25 июня 1795, 20 июля 1809, декабрь 1830	1796, июнь 1812, конец 1831 (?)
17	Могилев	Январь 1826	1826
18	Москва	1760 - е (?)	16 марта 1917
19	Нижний Новгород	12 мая 1894	Конец 1896 (?)
20	Одесса	19 ноября 1839	16 марта 1917
21	Паланген (Паланга)	1800	1801 (?)
22	Радзивиллов	1796, декабрь 1812, 2 мая 1848	Июнь 1812, 16 апреля 1839, 21 декабря 1859
23	Рени	10 марта 1840	До 1882
24	Рига	Не позже 1772	До 1796 (?)
25	Санкт-Петербург	1742	16 марта 1917
26	Тауроген	1854	22 июня 1854
27	Тифлис	Август 1831, 11 декабря 1886, январь 1909	30 января 1886, осень 1905, март 1917
28	Тобольск	Декабрь 1826	13 апреля 1837
29	Томск	5 июня 1834	13 апреля 1837
30	Харьков	6 сентября 1878	16 марта 1917
31	Яссы	6 сентября 1810, 1857	29 августа 1854, н.с.

*Н.с. – нет сведений.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Руководители «черных кабинетов»

1805 (?) – 1838 годы

1. Штер Андрей Петрович (1779 год – 27 декабря 1840#го). Из офицерских детей. **Служба:** канцелярист в Санкт-Петербургском казначействе (с 1 сентября 1794 года), Главном почтовом правлении (с 1 апреля 1796#го), помощник почтмейстера в корпусе Розенберга (с 17 января 1799#го), находился в Главной квартире фельдмаршала А.В. Суворова «для секретного наблюдения за перепискою, проходившую чрез Полевой почтамт», зачислен в дирекцию Санкт-Петербургского почтамта (с 30 сентября 1799 года), почтмейстер Палангенской почтовой конторы (с 31 июля 1800#го), возвращен в Санкт-Петербургский почтамт (с 16 июля 1804#го), «неоднократно занимался перлюстрацией в собственном кабинете Его Величества» (Александра I), старший цензор Санкт-Петербургского почтамта (1831). Управлял Секретной экспедицией при Санкт-Петербургском почтамте около тридцати лет. **Чины:** губернский регистратор (с 30 января 1795 года), канцелярский регистратор (с 1 марта 1798#го), губернский секретарь (с 16 апреля 1799#го), титулярный советник (с 31 декабря 1802#го), коллежский ассессор (с 7 августа 1807#го), надворный советник (с 31 декабря 1812#го), действительный статский советник (1831). **Награды:** орден Св. Владимира 4#й степени (август 1810 года). 25 января 1818 года была пожалована в аренду на двенадцать лет курляндская мыза Лайминг Аренбургского (Эзельского) уезда Лифляндской губернии с платежом по 1 тыс. руб. серебром в год. Срок владения – с 31 марта 1820 года. Аренда продлевалась еще на двенадцать лет 9 сентября 1826#го, 24 марта 1836#го и 20 февраля 1856 года. Еще на шесть лет – 31 марта 1862 года. Мыза приносила доход до 1817 руб. серебром. **Жалованье:** 1285 руб. (гласно) + 1 тыс. руб. (секретно) + 857 руб. (пенсия). Пенсия по уставу должна была составить: вдове 142 руб. серебром, несовершеннолетней дочери – 47 руб. серебром. Было назначено 3 тыс. руб. ассигнациями.

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 42; Д. 240. Л. 43–46; Д. 243. Л. 98–99; Д. 246. Л. 91–92 об.; Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 55 об. – 60.

1838#й – 27 января 1847 года

2. Штер Петр Андреевич (1802 (?) год – 27 января 1847#го). Сын А.П. Штера. Из дворян. Православный. **Служба:** канцелярист Санкт-Петербургского почтамта (с 20 ноября 1813 года), регистратор (с 29 января 1820#го), в экспедиции приходящих иностранных почт и рестовых писем (с 22 октября 1830#го), чиновник, знающий иностранные языки (с 1 января 1831#го), цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 28 марта 1831#го). Помощник управляющего, управляющий секретной экспедицией (с 1838 года). Собственноручно составлял массу для изготовления поддельных печатей. Выезжал в командировку в ряд губерний в мае 1838 года «для выполнения лично Его Сиятельством возложенных поручений» и в феврале 1840#го – в Житомирскую губернию. «Проводил часто целые ночи за работой». В отпусках: с 30 июня 1823 года (14 дней), с 14 июня 1824#го (14 дней), с 27 мая 1825#го (29 дней), с 25 мая 1829#го (два месяца). **Чины:** статский советник. **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й и 2#й степени, Св. Анны 2#й степени, Св. Владимира 3#й степени, Красного Орла 3#й и 2#й степени. **Семья:** жена – Рейнбот Мария Федоровна, дочь генерал-суперинтенданта. Дети:

Александр, Алексей, Петр, Елизавета. По положению пенсия вдове должна была составить 71 руб. 46 коп., было назначено – 1 тыс. руб.

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 33; Д. 239. Л. 43; Ф. 1289. Оп. 21, Д. 275. Л. 301–304; Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 283 об. – 284; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2539. Л. 1–8.

1847–1868 годы

3. Ульрихс Федор Юльевич (17 августа 1808#го – 15 сентября 1878 года). **Образование:** окончил Московский университет. **Служба:** в МИДе (с 1827 года), в Санкт-Петербургском почтамте (с 29 августа 1829#го). «Посвящен в тайну перлюстрации в 1831 г.». Цензор Санкт-Петербургского почтамта в 1831 году. Управляющий цензурой и секретной экспедицией Санкт-Петербургского почтамта с 1847 года, имел «надзор за действиями всех перлюстрационных пунктов империи». Действительный статский советник (с 16 апреля 1850 года); тайный советник (с 17 апреля 1860#го). **Награды:** ордена Св. Владимира 2#й степени, Св. Анны 1#й степени, Св. Станислава 2#й и 1#й степени, Красного Орла 2#й степени. **Жалованье:** 857 руб. 76 коп., столовых – 428 руб. 88 коп., по газетной экспедиции – 1000 руб. Всего (с учетом секретных сумм) – 3310 руб. Пенсия по уставу составила бы 285 руб. В действительности же Александром II 31 декабря 1862 года было назначено 4634 руб., в том числе 3310 руб. гласно и 1324 руб. из секретных сумм.

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 245. Л. 27, 30; Д. 246. Л. 18, 103–104; Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 322.

21 июня 1868#го – 4 января 1886 года

4. Шор Владимир Федорович (? – 4 января 1886 года). Из иностранцев. Сын лютеранского пастора. Принял присягу на верность России 10 августа 1842 года. Реформатского вероисповедания. **Образование:** окончил Московский университет, филологический факультет (1842). **Служба:** канцелярский служащий Санкт-Петербургского почтамта (с 17 августа 1842 года), чиновник, знающий иностранные языки, там же (с 18 декабря 1842#го); старший цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 19 апреля 1864#го), почт-директор Санкт-Петербургского почтамта, заведующий всей почтовой цензурой и «секретной почтовой частью» (с 21 июня 1868 года). Руководил перлюстрацией в Российской империи. По совместительству: чиновник для иностранной переписки в Морском ученом комитете (31 марта 1848#го – 28 сентября 1849 года), управляющий делами Комитета Главного попечительства детских приютов. **Чины:** действительный статский советник (с 19 апреля 1864 года).

Источник: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 133. Л. 1–1 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 275. Л. 292–300; Петербургский листок. 1886. 5 января. С. 4.

4 января 1886#го – 6 декабря 1891 года

5. Вейсман Карл Карлович (22 июня 1837#го – 18 ноября 1912 года). Сын коллежского асессора К.О. Вейсмана. Лютеранского вероисповедания. **Образование:** Перновское высшее уездное училище (1855). **Служба:** канцелярский служащий в почтовом ведомстве (с 31 января 1856 года), чиновник для иностранных языков Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте (с 7 марта 1857#го), чиновник, знающий иностранные языки, в Одесской почтовой конторе (на апрель 1864 года); цензор (с 1871 года), старший цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 31 марта 1874#го),

одновременно (с 4 января 1886#го) – руководитель цензуры иностранных газет и журналов в Российской империи и «особой части при ней» (службы перлюстрации). В отставке по болезни – с 1 января 1892 года. **Чины:** статский советник (с 1 января 1879 года) за «особые заслуги» (открытие перлюстрационного пункта в Харькове в сентябре 1878#го), действительный статский советник, тайный советник (с 1 января 1889#го). **Награды:** ордена Св. Анны 3#й, 2#й и 1#й степени, Св. Станислава 2#й и 1#й степени, Св. Владимира 3#й степени, австрийский Командорский крест Франца-Иосифа 2#й степени, прусский орден Красного Орла 3#й степени. Недвижимость: дача на участке Лесного института (692 1/2 кв. сажени), дана с апреля 1891 года аренда на шесть лет по 1800 руб. в год. **Семья:** жена – Гамберг Агнесса-Вильгельмина. Дети: Отто (род. 1 мая 1866 года), Луиза (род. 26 января 1862#го), Александрина (род. 11 июля 1864#го), Ольга (род. 18 июня 1869#го), Софья (род. 21 сентября 1871#го).

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 283–284 об.; Ф. 1289. Оп. 21. Д. 11. Л. 1; Д. 63. Л. 1 об. – 2; Д. 70. Л. 1–10; Д. 275. Л. 66–73.

6 декабря 1891#го – 2 июня 1914 года

6. Фомин Александр Дмитриевич (8 июня 1845#го – 26 января 1916 года, Санкт-Петербург). Из дворян. Отец – Фомин Дмитрий Иванович, генерал-лейтенант. Православный. **Образование:** Училище правоведения (1864). **Служба:** Межевой департамент Сената (с 16 мая 1864 года), IV Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии (сверх штата; с 25 ноября 1865#го), канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода (с 8 марта 1868#го), член общего присутствия хозяйственного управления Святейшего Синода (с 17 ноября 1878#го), чиновник сверх штата при Главном управлении почт и телеграфов [далее – ГУПиТ], откомандированный в распоряжение санкт-петербургского почт-директора (с 22 декабря 1884 года), старший цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 12 августа 1891#го), управляющий «почтовой цензурой и секретной частью... всеми подобными учреждениями в империи» (с 6 декабря 1891#го). Уволен в отставку 2 июня 1914 года. Общая пенсия – 5 тыс. руб. в год. **Чины:** губернский секретарь (с 16 мая 1864 года), коллежский секретарь (с 16 мая 1867#го), титулярный советник (с 16 мая 1869#го), коллежский асессор (с 16 мая 1872#го), надворный советник (с 16 мая 1876#го), камер-юнкер (с 17 апреля 1877#го), коллежский советник (с 16 мая 1880#го), статский советник (с 16 мая 1884#го), действительный статский советник (с 9 апреля 1889#го), тайный советник (с 6 апреля 1903#го), действительный тайный советник (с 14 июля 1914#го). **Награды:** ордена Св. Анны 3#й, 2#й и 1#й степени, Св. Станислава 2#й и 1#й степени, Св. Владимира 3#й и 2#й степени, Белого Орла; медали «В память царствования императора Александра III»; «В память священного коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1896 года». Был холост.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 5122; Оп. 21. Д. 98. Л. 20–21; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 87 об.; Новодевичье кладбище. СПб.: Белое и Черное, 2003. С. 434.

11 сентября 1914#го – 16 марта 1917 года

7. Мардарьев Михаил Георгиевич (25 апреля 1858#го – 1918 (?) год). Сын личного дворянина. Православный. **Образование:** окончил шесть классов реального отделения Училища при евангелически-лютеранской церкви Св. Анны (12 июня 1876 года). **Служба:** канцелярский служитель Санкт-Петербургского комитета цензуры иностранной (с 1 мая 1877 года), и.о. экзекутора (делопроизводителя) и казначея этого комитета (с 15 ноября 1879#го), причислен к МВД с откомандированием в распоряжение санкт-петербургского почт-директора (с 21 мая 1880#го), перечислен в сверхштатные чиновники почтового ведомства (с 27

сентября 1880#го), чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте (с 2 апреля 1881#го); младший цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 13 апреля 1884#го), старший цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 3 июля 1893#го), и.о. заведующего цензурой иностранных газет и журналов империи (с 1 июля 1914#го), управляющий цензурой иностранных газет и журналов и «особою при ней частью» в империи (с 11 сентября 1914#го), член Совета Главного управления по делам печати (сверх штата; с 13 декабря 1916 года), член Статистического совета МВД с оставлением в занимаемой должности (с 1 ноября 1916#го). Уволен от должности с 16 марта 1917 года. **Чины:** коллежский регистратор (с 1 мая 1879 года), губернский секретарь (с 6 ноября 1882#го), коллежский секретарь (с 6 ноября 1885#го), титулярный советник (с 6 ноября 1888#го), коллежский асессор (с 6 ноября 1891#го), надворный советник (с 6 ноября 1893#го), коллежский советник (с 6 ноября 1896#го), статский советник (с 6 ноября 1900#го), действительный статский советник (с 6 декабря 1904#го), тайный советник (с 14 апреля 1913#го). **Награды:** ордена Св. Анны 3#й и 1#й степени, Св. Станислава 2#й и 1#й степени, Св. Владимира 4#й и 3#й степени; медали: темно-бронзовая для ношения на Александровской ленте «В память священной коронации императора Александра III», серебряная «В память о царствовании императора Александра III», светло-бронзовая «В память 300#летия царствования Дома Романовых», светло-бронзовая «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года». **Семья:** жена – Щеколдина Елизавета Михайловна (25 февраля 1859 года –?). Дети: Николай (5 декабря 1881#го – 18 ноября 1916 года), Александр (15 февраля 1885 года –?), Михаил (28 марта 1889 года –?), Елизавета (20 апреля 1894 года –?).

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2874; Оп. 21. Д. 283. Л. 57; ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 6. Д. 1611. Л. 85; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 43; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 145 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Библиографический словарь ряда видных сотрудников «черных кабинетов»

1. **Аш** Фридрих Юрьевич (1690–1771/1773). Прибыл в Россию из Силезии в 1706 году, военная служба. В 1712 году вышел в отставку, подполковник. Секретарь при герцогине Курляндской Анне Иоанновне. В 1724 году приехал из Митавы в Санкт-Петербург. Почт-директор (1726–1764). Уволен в 1764 году по обвинению в растрате. На имущество был наложен арест. Умер в 1771 или 1773 году.

Источник: Огурцов В. Случай с бароном Ашем // Родина. 1999. № 4. С. 50.

2. **Баскаков** Александр Ефремович (1786–?). Из дворян. Православный. **Служба:** губернский регистратор Екатеринославской палаты (с 1 июня 1801 года), коллежский регистратор (с 16 сентября 1802#го). Уволен 19 декабря 1802 года. В почтовом ведомстве: Санкт-Петербургский почтамт (с 28 февраля 1805 года), командировался в армию против французов (1805 – 1807, 1812–1814). 22 августа 1805 года был командирован к генералу Михельсону. Употреблялся «по секретной части». Из Парижа «временно откомандирован по особенным поручениям в г. Познань». **Награды:** бриллиантовый перстень (18 января 1811 года), орден Св. Владимира 4#й степени (25 мая 1813#го). Коллежский асессор (с 25 августа 1814#го). 17 ноября 1814 года – отъезд из Варшавы в Санкт-Петербург с хвалебной характеристикой Барклая#де-Толли.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 260. Л. 110 об., 232–232 об., 282, 284.

3. **Блюм** Константин Фомич (1812–?). Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Вероисповедание евангелическое. Окончил Морской кадетский корпус, гардемарин (1826). 13 октября 1834 года вышел в отставку, лейтенант. В 1835–1840 годах служил в таможене. С 16 июля 1840 года – чиновник, знающий иностранные языки, при Виленской почтовой конторе. Прикомандирован к Киевской почтовой конторе. В 1860 году направлен экспедитором в Галац. В 1863 году – «снова в Киев для занятий по секретной части». В пути тяжело заболел. Коллежский асессор (с 1839#го), статский советник (с 19 сентября 1851 года). 14 декабря 1841 года – ходатайство генерал-губернатора Бибикова о производстве К.Ф. Блюма в камер-юнкеры. Соизволения не последовало. **Награды:** перстень с вензелями и изображением Е.И.В. (17 апреля 1860 года), орден Св. Анны 2#й степени, орден Св. Анны 2#й степени с короною, знак «За пятнадцать лет беспорочной службы». Недвижимость: у родителей 207 душ и два деревянных дома в Киевской губернии. Занимался перлюстрацией. Пенсия была назначена 26 февраля 1864 года в размере 1 тыс. руб., т. е. 2/3 жалованья (на службе в Киеве Блюм получал 1846 руб., в Галаце – 1131 руб.).

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 40. Л. 65–65 об.; Д. 244. Л. 38; Д. 246. Л. 23, 138–139 об.; Ф. 1289. Оп. 21. Д. 275. Л. 5–13.

4. **Богданов** Алексей Иванович (15 марта 1886 года –?). Из крестьян. Православный. **Образование:** Царскосельское городское четырехклассное училище. Выдержал испытание на аттестат зрелости 3 мая 1917 года. **Служба:** почтово-телеграфный чиновник шестого разряда Санкт-Петербургского почтамта с 14 февраля 1905 года. С 1 января 1908#го по 1 января 1911 года находился в отставке. С 1 января 1911 года – в цензуре иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте: чиновник, знающий иностранные языки. **Чины:** коллежский регистратор (с 14 февраля 1907 года), губернский секретарь (с 14 февраля 1913#го), коллежский секретарь (с 14 февраля 1914#го). **Награды:** орден Св. Станислава 3#й степени. Приказом по Министерству почт и телеграфов от 10 июля 1917 года был уволен с 16

марта того же года. Жена – Григорьева Вера Петровна. С августа 1917 года Богданов являлся вольнослушателем Петроградского университета. Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 389; Оп. 21. Д. 278. Л. 9; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

5. **Бронников** Павел Константинович (19 сентября 1844 года –?). Из потомственных почетных граждан. Отец – Константин Павлович (1818#й – 23 октября 1855 года). Православный. Учился в 3#й Санкт-Петербургской гимназии, откуда выбыл в 1870 году. **Служба:** в 1870–1883 годах – чиновник Императорского Человеколюбивого общества и Министерства народного просвещения. В цензуре иностранных газет и журналов: чиновник, знающий иностранные языки, при Московском почтамте (с 6 ноября 1891 года); причислен к МВД и отправлен в распоряжение ГУПиТ (29 мая 1892#го), цензор Одесской почтовой конторы (с 29 декабря 1894#го), в штате ГУПиТ (с 23 мая 1896#го), старший цензор при Варшавском почтамте (с 1 мая 1901#го), младший цензор при Санкт-Петербургском почтамте (с 5 октября 1904#го). Уволен в отставку с 1 октября 1910 года. **Чины:** коллежский регистратор (с 26 января 1877 года), губернский секретарь (с 26 октября 1880#го), коллежский секретарь (с 25 октября 1888#го), титулярный советник (со 2 ноября 1894#го), коллежский асессор (со 2 ноября 1895#го), надворный советник (со 2 ноября 1899#го), коллежский советник (со 2 ноября 1903#го), статский советник (со 2 ноября 1904#го), действительный статский советник (с 6 декабря 1909#го). **Награды:** ордена Св. Анны 3#й и 2#й степени, Св. Станислава 2#й степени, Св. Владимира 4#й степени и серебряная медаль «В память царствования Александра III». Жена – Тарасова Анна Трофимовна. Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 524; Оп. 21. Д. 221. Л. 150.

6. **Вейраух** Иван Федорович (1785–?). Лютеранского вероисповедания. Окончил Санкт-Петербургский гражданский юнкерский институт (1804). **Служба:** в канцелярии рижского военного губернатора (с 19 сентября 1804 года). В почтовом ведомстве (Рижской губернской почтовой конторе) – с 5 марта 1810 года, в секретной части Санкт-Петербургского почтамта – с 17 февраля 1812#го. Чиновник, знающий иностранные языки, в экспедиции приходящих иностранных почт и рестовых писем (с 1 января 1831 года); цензор (с 3 января 1841#го). Действительный статский советник (с 4 апреля 1848 года). Дочери София (1815), Анна (1820), Александра (1831). Старший цензор с 11 апреля 1849 года. **Жалованье:** 2715 руб. 52 коп. (на 1860 год) = 857 руб. 76 коп. + 428 руб. 88 коп. (столовые) + 500 руб. (по газетной экспедиции) + 500 руб. (прибавка серебром с 3 апреля 1849 года) + 428 руб. 88 коп. (пенсия с 7 февраля 1825 года). За всю службу ни одного дня не был в отпуску. Пенсия – 3 тыс. руб. (с апреля 1864#го). **Награды:** ордена Св. Владимира 4#й степени (17 июля 1821 года), Св. Анны 2#й степени с императорской короной (10 апреля 1832#го), Красного Орла 2#й степени от прусского короля (1833), Св. Владимира 3#й степени (1 февраля 1843 года), Св. Станислава 1#й степени (21 апреля 1850#го), Св. Анны 1#й степени (17 апреля 1858#го), Св. Анны 1#й степени с императорской короной (17 апреля 1862#го), табакерка с бриллиантами и вензелями Е.И.В. (23 марта 1852#го), табакерка с бриллиантами и изображением имени Е.И.В. (28 марта 1860#го).

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 18, 171–173; ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 1. Д. 341. Л. 1–14.

7. **Вейраух** Федор Яковлевич (Фридрих-Вильгельм) (8 ноября 1757 года, Ревель – 1 февраля 1838 года, Санкт-Петербург). Отец И.Ф. Вейрауха. В службе состоял с 1776 года. В почтовом ведомстве – с 1782#го. С 1783 года – секретарь Рижского почтамта. С 1790#го – помощник рижского почтмейстера. Рижский почтмейстер до 1806 года. По приказу А.А. Безбородко занимался перлюстрацией. На службе в Санкт-Петербургском почтамте состоял с 18 декабря 1821 года. Был масоном (член масонской ложи «К мечу» в Риге и одной из лож в Санкт-Петербурге). Действительный статский советник (с 1829 года). **Награды:** ордена

Св. Владимира 3#й степени, Св. Анны 2#й степени, алмазами украшенный, Красного Орла 2#й степени.

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 92 об. – 94; Д. 239. Л. 33–34 об.; Ф. 1289. Оп. 1. Д. 346. Л. 28; *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 169.

8. **Вейсман** Отто Карлович (1 мая 1866 года –?). Из дворян. Сын К.К. Вейсмана. Лютеранского вероисповедания. Выбыл из шестого класса Главного немецкого училища в Санкт-Петербурге (1883). **Служба:** почетный старшина Охтенского детского приюта в Санкт-Петербурге (31 января 1885#го – 25 января 1888 года), причислен к МВД и откомандирован в распоряжение начальника ГУПиТ (с 11 марта 1887#го), чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте (с 7 марта 1888#го); переводчик санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов (с 1 октября 1910#го), младший цензор там же (с 1 декабря 1911#го). Уволен за штат с 16 марта 1917 года. **Чины:** коллежский регистратор (с 31 января 1887 года), губернский секретарь (с 31 января 1890#го), коллежский секретарь (с 31 января 1893#го), титулярный советник (с 31 января 1896#го), коллежский асессор (с 31 января 1897#го), надворный советник (с 31 января 1901#го), коллежский советник (с 31 января 1903#го), статский советник (с 31 января 1907#го), действительный статский советник (с 6 декабря 1910#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й, 2#й и 1#й степени, Св. Анны 3#й степени, Св. Владимира 4#й и 3#й степени, серебряная медаль «В память царствования императора Александра III». Жена – Васс Кларисса-Елена. Дети: Владимир (род. 1 апреля 1893 года), Женни (род. 13 декабря 1894#го), Валентина (род. 3 августа 1896#го).

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 725; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

9. **Витте** Петр Христианович (1805 год – 23 июня 1878#го) – старший цензор Санкт-Петербургского почтамта, действительный статский советник с апреля 1860 года. Из дворян. Лютеранского вероисповедания. Служить начал с 28 июля 1822 года – в Коллегии иностранных дел (переводчик, секретарь при первой особой экспедиции Департамента внешних сношений). Одновременно состоял на почтовой службе: чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте (с 10 января 1841 года); цензор (с 20 декабря 1844#го). 5 января 1844 года – командировка в Тифлис, в 1850 году – курьером в Лондон через Берлин и Гамбург, в июне 1871#го командирован за границу МВД «по делам службы». Занимался перлюстрацией. **Жалованье:** 1500 руб. + 500 руб. (столовые) + 1200 руб. (аренда). Итого – 3200 руб. Тайный советник при увольнении от службы (в марте 1874 года).

Источник: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 413. Л. 76–82; Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 247; Ф. 1289. Оп. 21. Д. 13. Л. 1; Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовыми учреждениям. СПб., 1871. С. 31; Петербургский некрополь. Т. 1. СПб., 1912. С. 451.

10. **Гамберг** Леопольд-Отто-Карл Христианович (14 декабря 1865 года –?). Родился в Вологде. Сын провизора, личного дворянина. Племянник жены К.К. Вейсмана. Евангелически-лютеранского вероисповедания. Выбыл из пятого класса одной из санкт-петербургских гимназий (30 октября 1881 года). **Служба:** канцелярский служитель по распорядительной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта (с 16 апреля 1882 года), канцелярский служитель первого разряда Варшавской губернской почтовой конторы (с 1 июля 1882#го), младший сортировщик там же (с 1 ноября 1882#го), старший сортировщик там же (с 1 марта 1884#го), счетный чиновник там же (с 1 октября 1884#го), чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте (с 1 января 1886#го); переводчик санкт-петербургской цензуры (с 31 октября 1908#го), младший цензор (с 1 октября 1910#го). **Чины:** коллежский регистратор (с 5 апреля 1887 года), губернский секретарь (с 5 апреля 1890#го),

коллежский секретарь (с 5 апреля 1893#го), титулярный советник (со 2 апреля 1895#го), коллежский асессор (со 2 апреля 1898#го), надворный советник (со 2 апреля 1902#го), коллежский советник (со 2 апреля 1904#го), статский советник (со 2 апреля 1908#го), действительный статский советник (с 6 декабря 1911#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й, 2#й и 1#й степени, Св. Анны 3#й степени, Св. Владимира 4#й и 3#й степени, медали – серебряная на ленте ордена Св. Александра Невского, серебряная на Андреевской ленте «В память коронации Николая II». Один из ведущих работников перлюстрации. Уволен за штат 16 марта 1917 года. С марта по октябрь 1917 года служил в Бюро печати. С июля 1918#го – в комиссариате Петроградского района. С декабря 1918 года – в Самаре: работал в Губпродкоме, Союзе работников коммунального хозяйства. С октября 1920 года – счетовод на пожарных курсах при ЦК Союза работников коммунального хозяйства в Москве, с 15 ноября 1921#го – переводчик при том же ЦК. Был арестован по так называемому делу «чернокабинетчиков» 17 января 1929 года. Постановлением «тройки» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе [далее – ПП ОГПУ в ЛВО] от 28 января 1930 года был приговорен к пяти годам заключения в концлагерь. Реабилитирован 18 сентября 1989 года. Жена – Васс Цецилия Александровна (род. 27 сентября 1872 года). Дети: Георгий (род. 10 марта 1895 года) и Павел (род. 8 апреля 1905 – 1 ноября 1937, Баку, расстрелян). Внук – Эдуард Гамберг (Владимир Балабаев) (1930–1985). Правнучка Елена Беликова (р. 1960).

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 901; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 180, 190–193 об.; *Гумбатова Т.* По ком молчит колокол // Зеркало. Баку. 1997. 1.11; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

11. **Гольдбах** Христиан (18 марта 1690 года, Кенигсберг, ныне Калининград, – 20 ноября (1 декабря) 1764 года, Москва) – математик, академик Санкт-Петербургской академии наук (с 1725 года). Окончил юридический факультет Кенигсбергского университета, увлекся математикой. Приехал в Россию в 1725 году. Исполнял должность конференц-секретаря Академии наук (1725–1740), в 1742 году перешел на службу в Коллегию иностранных дел. Вел регулярную переписку (1729–1764) с Л. Эйлером, в одном из писем (1742) высказал Эйлеру гипотезу, известную под названием проблемы Гольдбаха. Тайный советник. С 1742 года занимался расшифровкой дипломатической корреспонденции.

Источник: *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 117–123; *Юшкевич А.П., Копелевич Ю.Х.* Христиан Гольдбах, 1690–1764. М.: Наука, 1983.

12. **Гольмблат** Франц-Юлиус Бурхардович (Борисович) (18 мая 1865 года –?). Из потомственных дворян, сын действительного статского советника (отец – Гольмблат Бурхард Рейнгольдович (?–1880), отдельный цензор по виленской иностранной цензуре). Евангелически-лютеранского вероисповедания. Окончил подготовительные классы при Рижском политехническом институте. **Служба:** был зачислен в МВД с откомандированием в распоряжение петербургского почт-директора (28 апреля 1886 года), откомандирован в распоряжение начальника ГУПиТ (28 февраля 1887#го), причислен к МВД (с 17 сентября 1891#го), чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте (с 23 августа 1898#го); старший цензор при Московском почтамте (с 5 января 1906#го), старший цензор Одесской почтовой цензуры (с 30 мая 1906#го), военный цензор в Одессе по совместительству (с 3 августа 1914#го). Был оставлен за штатом с 16 марта 1917 года. **Чины:** действительный статский советник (с 6 декабря 1911 года). Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 1113; Оп. 21. Д. 98. Л. 18 об. – 19; *Патрушева Н.Г.* Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Северная звезда, 2011. С. 117–118; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

13. **Григорьев** Леонид Петрович (1888–?). Сын фельдшера (помощника аптекаря) из Санкт-Петербурга. Православный. Окончил шесть классов гимназии. **Служба:** псаломщик, с 1908 года служил в «черном кабинете» Санкт-Петербургского почтамта (эксектор (дело-производитель), работа на пишущей машинке), одновременно певчий. С сентября 1921 года – дьякон Спасо-Колтовской церкви (до 1923 года) и тогда же (до августа 1922#го) – брендмейстер Петровскоостровской пожарной части, заведующий пожарной частью Монетного двора. В ноябре 1929 года был привлечен к ответственности по делу «чернокабинетчиков». Постановлением «тройки» ПП ОГПУ в ЛВО 28 января 1930 года был приговорен к пяти годам заключения в концлагерь. С 1933#го по 1950 год – пожарный инспектор, начальник пожарной охраны. С 1950 года являлся пенсионером МВД, инвалидом второй группы. Сын Виктор в 1953 году в качестве сотрудника МГБ был награжден орденом Красного Знамени.

Источник: Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 97–98 об., 264–265, 280; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 287. Л. 2.

14. **Зиверт** Карл Фердинандович (6 мая 1843 года –?). Из мещан города Белостока. Евангелически-лютеранского вероисповедания. Выбыл из четвертого класса Белостокской гимназии. **Служба:** младший телеграфист Виленской телеграфной станции по найму (с 17 января 1869 года), зачислен на действительную службу (22 ноября 1875#го), исключен из подушного оклада (28 февраля 1876#го), коллежский регистратор (с 17 января 1877#го), переводчик и заведующий паспортным отделом канцелярии виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора (с 14 января 1879#го), чиновник, знающий иностранные языки, при Виленской губернской почтовой конторе (с 10 августа 1881#го); переводчик Виленской почтовой конторы (с 7 марта 1887#го), младший цензор Виленской почтово-телеграфной конторы (с 1 января 1890#го), цензор при Киевском почтамте (с 6 ноября 1896#го), старший цензор киевской почтовой цензуры. Был оставлен за штатом с 16 марта 1917 года. **Чины:** действительный статский советник (с 28 марта 1904 года). Жена – Иоанна-Людвиг-Эмилия Дрейер. Дети: Альфонс-Фердинад-Юлиус (род. 28 июля 1872 года), Павел-Карл-Эрнест (род. 29 августа 1877#го), Эрих-Георг-Леопольд (род. 18 февраля 1879#го), Рихард-Оскар-Адальберт (род. 25 сентября 1882#го), Елена-Антония-Иоганна (род. 20 декабря 1874#го), Гертруда-Эрна-Мария (род. 30 ноября 1885#го). Занимался перлюстрацией.

Источник: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 126; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 1714. Л. 2–9, 12–24 об., 26–26 об.; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

15. **Кантер** Христиан Христианович (1770 (?) –1819). Из иностранцев. Жена – дочь виленского обывателя. Дети: Александр (1806?), Ефим (1810?), Ульяна (1805?). **Служба:** копиист в Главном почтовом правлении (с 24 января 1786 года), подканцелярист (с 21 сентября 1791#го), канцелярист (с 27 октября 1792#го), коллежский регистратор (31 декабря 1793#го). По предложению А.А. Безбородко командирован в Малороссийский почтамт для управления по секретной части в Минской и двух литовских губерниях (15 июня 1795 года), экспедитор секретных и иностранных почт Литовского почтамта (с 12 мая 1798#го), переводчик (с 14 августа 1802#го), экспедитор приходящих денежных почт (с 16 мая 1804#го), почтмейстер в Полевом почтамте корпуса Буксгевдена в Пруссии (5 декабря 1806#го – 17 ноября 1807 года), Литовский почтамт, почт-директор 1#й Западной армии (с 3 апреля 1812#го), полевой почт-директор Польской армии (с 16 сентября 1813#го), почт-директор Южной армии (с 28 октября 1814#го), в Почтовом департаменте (с 7 марта 1816#го). Штаб-лекарь Кальфельдт выдал ему 3 марта 1816 года свидетельство о болезни, полученной в результате «секретных занятий по почтовой части».

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 2–3; Ф. 1289. Оп. 1. Д. 277. Л. 3–4, 62–65.

16. **Карпинский** Владимир Константинович (1876–?). Из потомственных дворян. Православный. Окончил первый курс юридического факультета Киевского университета.

Служба: в Киевской конторе Госбанка (1900–1902); с 27 марта 1903 года причислен к МВД и откомандирован в ГУПиТ для занятий по цензуре иностранных газет и журналов; чиновник, знающий иностранные языки, в Киевской губернской почтовой конторе (с 1 октября 1906 года); младший цензор Одесской почтовой цензуры (с 17 ноября 1908#го). Был уволен по прошению с 1 сентября 1909 года. Формально с июня 1909 года перешел «без содержания» в Министерство народного просвещения. Фактически возглавлял пункт перлюстрации в Тифлисе. Был переведен в МВД 10 ноября 1915 года. В переписке использовал псевдонимы: «Миловидов», «Бунаков», «Колосовский Василий Иванович».

Источник: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 24 об. – 25, 35; Д. 1001. Л. 45; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2035; Оп. 21. Д. 275.

17. **Келер** Кароль-Отокар-Генрих Александрович (19 февраля 1840 года –?). Из мещан. Евангелически-лютеранского вероисповедания. Учился в Митавской классической гимназии, но не окончил ее. **Служба:** младший телеграфист в Риге (с 23 февраля 1860 года), переводчик Виленской почтовой конторы (с 20 ноября 1865#го), чиновник секретной экспедиции Харьковской почтовой конторы в качестве причисленного к МВД (1882–?), старший цензор Виленской почтовой конторы (с 18 февраля 1888#го), старший цензор Московского почтамта (1 августа 1890#го – 1 февраля 1906 года). **Чины:** действительный статский советник (с 5 апреля 1898 года). **Награды:** ордена Св. Анны 3#й, 2#й и 1#й степени, Св. Станислава 3#й, 2#й и 1#й степени, Св. Владимира 3#й степени. Занимался перлюстрацией.

Источник: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 15 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 275. Л. 133–135.

18. **Крейцер** Александр Александрович, фон (15 ноября 1853 года –?). Из дворян. Лютеранского вероисповедания. Окончил Рижскую губернскую гимназию. **Служба:** чиновник для рестовых писем (с 15 сентября 1872 года), чиновник, знающий иностранные языки, при Одесской пограничной почтовой конторе (с 30 декабря 1876#го); младший цензор Виленской почтовой конторы, старший цензор киевской почтовой цензуры, старший цензор варшавской почтовой цензуры. В отставке находился с 18 ноября 1899 года. **Чины:** надворный советник. **Награды:** ордена Св. Анны 3#й и 2#й степени, Св. Станислава 3#й и 2#й степени, серебряная медаль «В память царствования императора Александра III». Жена – Кауль Кароль-Мария Николаевна; детей не было. Занимался перлюстрацией.

Источник: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 8 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 275. Л. 159–163.

19. **Кривош** Владимир Иванович (1 июля 1865#го – 4 августа 1942 года). Словак, уроженец Австро-Венгрии. Принял подданство России 28 сентября 1888 года. Из мещан. Православный. **Образование:** сдал экзамен на звание домашнего учителя 4 мая 1897 года (данные формуляра), учился в Венской дипломатической академии (отчислен с первого курса) и на восточном факультете Санкт-Петербургского университета (в 1886–1889 годах). **Служба:** почтово-телеграфный чиновник шестого разряда Санкт-Петербургского почтамта (с 11 декабря 1891 года), переводчик санкт-петербургской почтовой цензуры (с 24 апреля 1892#го), младший цензор санкт-петербургской почтовой цензуры (с 31 октября 1908#го), был уволен из санкт-петербургской почтовой цензуры 1 декабря 1911 года. Одновременно преподаватель стенографии в Технологическом институте (с сентября 1901 года), сотрудник по вольному найму в Центральном комитете иностранной цензуры (14 августа 1904#го – 1 января 1915 года), руководитель стенографического бюро при Государственном совете (5 июля 1906#го – 1 июля 1915 года), переводчик-дешифровщик при секретном отделении Департамента полиции (декабрь 1904#го – 1 августа 1906 года), сотрудник Особого делопроизводства (контрразведки) Морского Генерального штаба (1905–1911), переводчик при штабе 8#й армии (август 1914#го – апрель 1915 года). Был арестован 6 апреля 1915 года по подозрению в шпионаже. Выслан в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции.

Вернулся в Петроград 24 апреля 1917 года. После 25 октября того же года сотрудничал с советской властью. Вновь был арестован 25 января 1918 года Следственной комиссией при Петросовете, осужден Ревтрибуналом к одному году заключения «как секретный политический агент царского правительства, умышленно пытавшийся дискредитировать советскую власть». Был освобожден по амнистии 21 мая 1918 года. Переводчик отдела военного контроля (с 9 декабря 1918 года), сотрудник разведотдела при Штабе Западного фронта (с 13 марта 1919#го), переводчик-дешифровщик Петроградской (с апреля того же 1919#го года) и Московской ЧК, завотделом проверки документов при ОО ВЧК (с 26 июля того же года). Новый арест – 28 июля 1920 года, по обвинению в получении взятки за передачу пропуска «в прифронтовую полосу неизвестному лицу, пытавшемуся нелегально переправиться за границу». Постановлением Президиума ВЧК 29 декабря того же года был приговорен к высшей мере наказания, но по амнистии расстрел заменили десятью годами заключения. Постановлением Президиума ВЧК 14 апреля 1921 года был освобожден и направлен на работу в Спецотдел в качестве эксперта. 13 ноября того же года был арестован ОО ВЧК за принятие мер к выезду за границу. Освобожден постановлением коллегии ГПУ 13 мая 1922 года под домашний арест с использованием в Спецотделе. По обвинению в шпионаже арестован 23 марта 1923 года. Постановлением коллегии ГПУ от 27 июня того же года заключен в концлагерь на десять лет. Отбывал наказание на Соловках. Постановлением коллегии ОГПУ 8 октября 1928 года был досрочно освобожден, продолжал работу в Спецотделе ОГПУ-ГУГБ НКВД. 7 октября 1935 года по решению руководства Спецотдела ГУГБ НКВД «из#за возраста и пониженной трудоспособности» был переведен на пенсию. Скончался в эвакуации, в Уфе. **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й степени, Св. Владимира 4#й степени, серебряная медаль «В память царствования императора Александра III». Жена – Якшинская Антонина Ивановна. Сыновья: Борис (6 сентября 1901 года – 23 мая 1990#го, Сантьяго), Роман (17 июля 1903 года –?, Сантьяго). Один из активнейших работников перлюстрации и криптографии.

Источник: Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007.

20. **Люби** Григорий Николаевич (24 июля 1851#го – 10 сентября 1904 года). Из дворян. Православный. Вышел из седьмого класса Главного немецкого училища в Санкт-Петербурге. **Служба:** в почтовом ведомстве (с 15 сентября 1872 года), причислен к МВД с откомандированием в цензуру иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте (с 11 ноября 1878#го), младший цензор Санкт-Петербургского почтамта. **Чины:** действительный статский советник (с 1 января 1899 года). **Награды:** ордена Св. Анны 3#й степени, Св. Станислава 3#й, 2#й и 1#й степени, Св. Владимира 3#й степени и серебряная медаль «В память о царствовании императора Александра III». Жена – Альпен Лидия Александровна, дочь капитана. Дети: четыре сына и две дочери. Занимался перлюстрацией. Имел пожизненные наградные за перлюстрацию письма П.И. Андреюшкина в 1887 году.

Сын – Люби Константин Григорьевич (22 декабря 1888 года, Санкт-Петербург – 11 июня 1957 года, Мелен, Франция). Окончил Морской кадетский корпус в 1908 году. **Служба:** старший офицер подводной лодки – минного заградителя «Краб», командир подводной лодки «Карп» (1915), старший офицер подводной лодки «Нерпа» (1916), командир вооруженного ледокола «Гайдамак» и канонерской лодки «Страж» (привел ее в Бизерту) (1919–1920). **Чины:** капитан второго ранга (был произведен 28 марта 1920 года генералом Врангелем). **Награды:** золотое оружие за заграждение Босфора (на подводном заградителе «Краб»). Автор книг: «Под колумбийским флагом» (1934); «Волны Балтики» (псевдоним «Черномор»).

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 275. Л. 174–178; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 211 об. – 212; Незабытые

могилы. Российские зарубежные некрологи. 1917–1999. Т. 4. М., 2004. С. 264–265; Черкашин Н. В библиографических списках не значатся! // Андреевский флаг. Межрегиональный морской информационно-исторический вестник. 1992. № 10–12. С. 4.

21. **Марышев** Виталий Яковлевич (11 марта 1850 года –?). Из обер-офицерских детей. Дворянин. Православный. Воспитанник Морского училища (с 15 сентября 1866 года). **Служба:** гардемарин (с 17 апреля 1868#го), мичман (с 30 августа 1873#го), в Балтийской таможенной крейсерской флотилии (с 3 ноября 1873#го), уволен по болезни (24 ноября 1875#го), в Департаменте таможенных сборов и финансов с прикомандированием к Рижской портовой таможне (со 2 октября 1876#го). Знание английского, немецкого и французских языков. В почтовой части: младший цензор Рижской (с 8 января 1877#го – 1879 год) и Виленской (с 7 апреля 1879#го) почтовых контор, негласное ведение перлюстрации в Тифлисе (1887), заведующий почтовой цензурой в Киеве, старший цензор виленской (с 1 августа 1890 года), варшавской (с 11 ноября 1896#го), одесской (с 1 мая 1901#го) почтовой цензуры. С 28 февраля 1887 года был причислен к МВД. Вышел на пенсию с 10 мая 1906 года. **Чины:** титулярный советник (с 1882 года), коллежский асессор (с 8 июля 1883#го), действительный статский советник (с 18 апреля 1899#го). **Награды:** ордена Св. Анны 2#й степени, Св. Владимира 4#й и 3#й степени, Св. Станислава 1#й степени. Занимался перлюстрацией. Жена – Шнее Амалия Андреевна, дочь статского советника, доктора медицины; евангелически-лютеранского вероисповедания. Брак был расторгнут Киевской духовной консисторией 12 июня 1881 года с осуждением на всегдашнее безбрачие. Утверждено Синодом с наложением семи лет церковной епитимьи. Вторая жена – Екатерина Егоровна. Дети: Елизавета (род. 28 июня 1876 года), Генриетта-Амалия (род. 17 ноября 1877#го), Мария (род. 9 апреля 1881#го), Николай (род. 19 ноября 1882#го), Надежда (род. 12 июля 1888#го), Георгий (род. 19 апреля 1892#го).

Источник: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 8 об.; Д. 1001. Л. 15; РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 46. Л. 10–11 об., 15, 18–28; Д. 59. Л. 15 об. – 16; Д. 124. Л. 20 об., 22; Д. 169. Л. 6.

22. **Маснер** Александр Павлович (2 февраля 1855 года –?). Из дворян. Римско-католического вероисповедания. На службе состоял с 22 ноября 1873 года: вольноопределяющийся второго разряда в Семеновском полку. С 24 июля 1874 года – унтер-офицер. В 1874 и 1875 годах подвергся испытаниям при 2#й Санкт-Петербургской военной гимназии, «признан достойным на получение прав, предоставленных знанием военно-гимназического курса». В почтовом ведомстве с 1 января 1877 года: старший разборщик в экспедиции приема иностранной корреспонденции, чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте (с 23 марта 1877#го). С 25 июля 1877 года был призван на военную службу (писарем в Главный штаб). 2 сентября 1878 года – уволен в запас. С 8 ноября 1878#го – чиновник, знающий иностранные языки, младший цензор Санкт-Петербургского почтамта. Приказом по морскому ведомству от 6 января 1886 года был переведен младшим делопроизводителем восьмого класса в Санкт-Петербургскую портовую контору. **Чины:** коллежский регистратор (с 1 января 1878 года), коллежский секретарь (с 1 января 1884#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й степени (20 апреля 1880 года), Св. Анны 3#й степени (15 мая 1883#го), Св. Станислава 2#й степени (24 марта 1885#го). Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 63. Л. 4 об. – 5; Д. 51. Л. 1; Д. 91. Л. 14–17.

23. **Маснер** Александр Францевич (1811–?). Из обер-офицерских детей, католик. В отпусках не был. Обучался в Санкт-Петербургской гимназии (греческий, латинский, немецкий и французский языки). **Служба:** принят в Почтовый департамент канцеляристом (1 мая 1831 года), коллежский регистратор (с 13 апреля 1832#го). В апреле 1836 года был для сокрытия своей миссии переведен из Почтового департамента в Азиатский департамент МИДа и направлен для проведения перлюстрации в российскую почтовую контору в Константинополе. Находился там до начала русско-турецкой войны в 1853 году. Затем служил в Одессе:

чиновник, знающий иностранные языки. 10 сентября 1862 года временно был назначен заведующим Одесской почтовой конторой. Официально в почтовом ведомстве – с 4 апреля 1863 года. В 1870 году – старший цензор в Одессе, статский советник. Действительный статский советник (с марта 1874#го). Был уволен на пенсию 26 декабря 1876 года. Пенсия составила 1165 руб. Перлюстрацией занимался и его отец, Ф.И. Маснер.

Источник: АВПРИ. Ф. 161. Оп. 233. Д. 3. Л. 2–4 об., 65, 101–104 об.; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 251; Ф. 1289. Оп. 1. Д. 3113. Л. 62; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1395. Л. 12–15; Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям. СПб., 1871. С. 103.

24. **Маснер** Павел Францевич (1822–?). Католик. Из дворян. Окончил Санкт-Петербургское коммерческое училище в 1840 году с чином четырнадцатого класса. Принес присягу на подданство России. Был утвержден в потомственном дворянстве во исполнение высочайшего повеления 24 ноября 1855 года. На почтовой службе состоял с 10 июня 1841 года (канцелярский служитель). Был переведен младшим разборщиком в экспедицию разбора всех приходящих внутренних легких почт и раздачи простой корреспонденции (с 3 февраля 1845 года). Чиновник, знающий иностранные языки (с 10 июня 1845#го). Действительный статский советник (с 16 апреля 1872#го), младший цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 10 июня 1868#го). 16 марта 1877 года вышел в отставку по болезни. Пенсия составила 2300 руб. Жена – Кенель Александра Александровна. Дети: Александр (2 февраля 1855 года –?), Франц (род. 4 марта 1862 года), Леонид (род. 24 августа 1866#го), Анатолий (род. 4 декабря 1875#го), Екатерина (род. 2 ноября 1856#го), Мария (род. 12 января 1870#го). **Награды:** ордена Св. Владимира 3#й степени, Св. Анны 2#й степени, Св. Станислава 2#й степени.

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 274–275; Ф. 1289. Оп. 21. Д. 50. Л. 6, 8–8 об.; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1395. Л. 16–18; ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 1. Д. 1332. Л. 1–9; Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям. СПб., 1871. С. 32; СПб., 1877. С. 54.

25. **Маснер** Франц Иванович (1778 год – 25 ноября 1848#го). Сын придворного музыканта «немецкой нации». Отец А.Ф. и П.Ф. Маснеров. **Служба:** копиист в Главном почтовом правлении (с 31 января 1798 года), канцелярист (со 2 октября 1798#го), помощник полевого почтмейстера в походе 1799 года в корпусе князя А.М. Римского-Корсакова (с 17 января 1799#го), в течение шести месяцев находился в плену у французов (с 15 сентября 1799#го), был причислен к дирекции Санкт-Петербургского почтамта (с 30 сентября 1799#го), определен в Санкт-Петербургский почтамт (с 29 мая 1800#го) с формулировкой «доколе не найдется в нем надобности быть при той же должности», по высочайшему именному повелению командирован в Яссы «для исправления особых дел» (с 31 мая 1805#го), возвращен в Санкт-Петербургский почтамт (с 1 февраля 1808#го), уволен по болезни (с 29 января 1815#го), при 1#й армии (в 1815 году), причислен к Санкт-Петербургскому почтамту (с 28 марта 1816#го). **Чины:** губернский регистратор (с 15 января 1799 года), коллежский регистратор (с 16 апреля 1799#го), губернский секретарь (с 31 декабря 1802#го), титулярный советник (с 31 декабря 1805#го), статский советник. **Жалованье:** 1 тыс. руб. серебром из секретных сумм + 430 руб. пенсии (пожаловано 7 февраля 1825 года Александром I). **Награды:** ордена Св. Владимира 4#й степени, Св. Анны 3#й степени. Занимался перлюстрацией. «Он был одним из искуснейших перлюстраторов; по его руководству и наставлениям образовались почти все теперешние исполнители этого дела» (из всеподданнейшего доклада от 23 ноября 1848 года).

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 242. Л. 41–41 об.; Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 83 об. – 87; Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 61.

26. **Миллер** Петр Николаевич (1867–1943). Дворянин. Окончил кадетский корпус и Александровское юнкерское училище в Москве. **Служба:** артиллерийский офицер в крепо-

сти Осовец. В почтовом ведомстве: переводчик цензуры иностранных газет и журналов Московского почтамта (1895–1903), занимался перлюстрацией; экспедитор отделения городской почты Московского почтамта (с 17 ноября 1903 года до конца 1905#го). **Чины:** коллежский асессор, надворный советник (13 мая 1901 года). **Награды:** орден Св. Станислава 2#й степени (апрель 1899#го).

В октябре 1905 года был избран председателем Московского комитета Всероссийского почтово-телеграфного союза, на I съезде этой организации избран членом ее Центрального бюро. В конце того же года был уволен от службы без права занимать какую#либо должность в государственных учреждениях. Арест: до конца мая 1906 года – в Бутырской тюрьме, затем по апрель 1907#го – в Таганской. В 1910 году Московским военно-окружным судом был осужден к двум годам крепости.

С марта 1917 года – выборный московский почт-директор. С марта до конца того же года – член партии народных социалистов. С июня 1918#го – в Наркомате почт и телеграфов, организатор и заведующий Музеем Союза связи до 1921 года. В 1918–1929 годах – ученый секретарь и председатель комиссии «Старая Москва». В 1920#м – член музейного отдела Моссовета. В 1921–1929 годах – в Наркомпросе, заведующий музеем «Старая Москва». В 1924–1926#м – научный сотрудник Московского коммунального музея. В 1924#м – председатель Комиссии по переименованию улиц, созданной при отделе благоустройства Московского коммунального хозяйства. С 1925 года – в Московском городском бюро краеведения. 7 октября 1935 года Миллеру предъявили обвинение по статьям 58–10 и 58–13 УК РСФСР. 26 января 1936 года он был вызван в учетно-статистический отдел ГУГБ НКВД. Особое совещание приняло постановление о признании его социально-опасным элементом и высылке на три года. После ходатайств ряда лиц приговор был пересмотрен. Сам Миллер 12 октября 1935 года составил объяснительную записку, а 4 февраля 1936#го подал заявление о пересмотре решения о высылке. Он, в частности, писал: «Из цензуры я вышел по собственной инициативе. Я тяготился этими занятиями и искал выхода».

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 138. Л. 15; Д. 154. Л. 118; Д. 181. Л. 7; Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы) / Сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1995. С. 100–120; «Обвинения, которые я не могу признать»: Материалы из архива московского краеведа П.Н. Миллера 1935–1936 гг. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 167–181.

27. **Поль** Василий Корнильевич (1775–?). Финляндский уроженец. Сын городского кассира. **Служба:** подканцелярист в Роченсальмской почтовой экспедиции (20 января 1800 года), канцелярист Санкт-Петербургского почтамта (1803), откомандирован в Финский полевой почтамт (1810), бухгалтер Финляндского почтамта (1811), корпусной почтмейстер при Финляндском десантном корпусе (1812), почтмейстер в армии Витгенштейна (1 ноября 1813 года), управляющий почтовой частью в Саксонии при князе Репнине (ноябрь 1813#го), почтмейстер Отдельного корпуса во Франции (12 сентября 1815#го). Причислен к Почтовому департаменту (15 октября 1819 года), бухгалтер. 7 января 1826 года по повелению Николая I был командирован в Киев для проведения перлюстрации. Возвращен в Санкт-Петербург в мае того же года. Получил в награду 5 тыс. руб. Почт-директор Полевого почтамта при 2#й армии (9 марта 1828 года). Главный директор почт Царства Польского в звании полевого почт-директора действующей армии (1836). **Чины:** статский советник (2 ноября 1822 года), действительный статский советник. **Награды:** монаршее благоволение (1809), орден Св. Анны 2#й степени (1815). Жалованье на февраль 1836 года: 1500 руб. (как полемому почт-директору) + 1500 руб. (добавочные, пожалованные в 1830 году) + 8 тыс. злотых (добавочные).

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 58–59; Ф. 1289. Оп. 1. Д. 270. Л. 37–38 об., 42 об. – 43 об.; Ф. 1289. Оп. 1. Д. 452. Л. 46, 56; РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 74. Л. 13.

28. **Рейзнер** Осип Михайлович (1800–?). Из дворян. Евангелически-реформатского вероисповедания. **Служба:** канцелярист в Литовском почтамте (со 2 августа 1816 года), протоколист (с 24 мая 1818#го), чиновник при литовском почт-директоре (с 31 мая 1827#го), цензор (с 1 января 1831#го), старший цензор (20 февраля 1832 года – 1 мая 1875#го) Виленской почтовой конторы. **Чины:** действительный статский советник (19 апреля 1864 года). **Награды:** по 200 руб. ежегодно в прибавку к жалованью – до тех пор, «пока находиться будет в настоящей должности» (со 2 марта 1842 года); алмазный перстень с вензельным изображением имени Е.И.В. (28 марта 1860#го); бриллиантовый перстень (31 марта 1868#го); ордена Св. Станислава 1#й степени (17 апреля 1870#го), Св. Анны 1#й степени (16 апреля 1872#го). На пенсию вышел 1 мая 1875 года. Пенсия составила 1700 руб.

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 227; Ф. 1289. Оп. 21. Д. 37. Л. 1–10; Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям. СПб., 1871. С. 61.

29. **Самусьев** Виктор Минич (1 октября 1833#го – 30 июня 1885 года). Из мещан. Православный. **Служба:** был причислен «к письменным делам в Экономической части Почтового департамента и СПб. отделения почтовых карет» (со 2 января 1848 года), смотритель Половищенской почтовой станции (Вологодская губерния) с прикомандированием к Санкт-Петербургскому отделению почтовых карет (с 24 мая 1851#го), канцелярский чиновник Почтового департамента высшего оклада (с 12 июля 1862#го), помощник начальника стола Почтового департамента (с 11 мая 1863#го), младший помощник делопроизводителя Почтового департамента (с 17 мая 1866#го), старший помощник делопроизводителя (с 18 июня 1869#го), чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте (с 11 марта 1874#го); младший цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 16 марта 1877#го). **Чины:** коллежский регистратор (со 2 января 1860 года), коллежский секретарь (со 2 января 1866#го), титулярный советник (со 2 января 1869#го), коллежский асессор (со 2 января 1873#го), надворный советник (со 2 января 1876#го), коллежский советник (со 2 января 1880#го), статский советник (со 2 января 1884#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й и 2#й степени, Св. Анны 3#й степени, Св. Владимира 4#й и 3#й степени. Был женат третьим браком на Зверевой Анне Дмитриевне. Дети: от второго брака – Мария (род. 7 июля 1861 года), от третьего – Анатолий (род. 5 ноября 1878#го), Сергей (род. 13 октября 1880#го), Евгения (род. 24 сентября 1882#го). 26 июля 1885 года повелением Александра III вдове Самусьева назначили пенсию 2300 руб. в год (с 30 июня 1885#го). Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 91. Л. 1–12.

30. **Самусьев** Евгений Константинович (11 февраля 1863 года –?). Сын коллежского секретаря (из потомственных почетных граждан). Православный. Окончил Реформатское училище в Санкт-Петербурге по коммерческому отделению (1880). **Служба:** сверх штата в Собственной Е.И.В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии (с 19 января 1881 года), был причислен к МВД и откомандирован в распоряжение санкт-петербургского почт-директора (с 13 июня 1881#го), чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте (с 1 июля 1885#го); младший (с 23 августа 1898#го), затем старший (с 17 февраля 1916#го) цензор санкт-петербургской цензуры, был уволен от службы по болезни (с 4 мая 1917#го). **Чины:** коллежский регистратор (с 19 января 1883 года), губернский секретарь (с 19 января 1885#го), коллежский секретарь (с 19 января 1888#го), титулярный советник (с 19 января 1891#го), коллежский асессор (с 19 января 1894#го), надворный советник (с 19 января 1898#го), коллежский советник (с 19 января 1900#го), статский советник (с 19 января 1904#го), действительный статский советник (со 2 апреля 1906#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й, 2#й и 1#й степени, Св. Анны 3#й и 2#й степени, Св. Владимира 3#й степени, серебряная медаль «В память коронавания императора Александра III». Жена – Саб-

лукова Мария Ивановна (с 4 сентября 1888 года). Дети: Ольга (род. 21 июня 1889 года), Георгий (род. 6 сентября 1890#го), Леонид (род. 24 февраля 1893#го). Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 4268; Почтово-телеграфный журнал. 1917. № 28–29. 22 июля. Отдел официальный. С. 272.

31. **Самусьев** Константин Минич (умер в 1875 году) – чиновник, знающий иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте; титулярный советник. Дети: два сына и дочь Нина.

Источник: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 127 об. – 128; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 226–227; Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям. СПб., 1871. С. 32.

32. **Стуарт** Федор Федорович (1804 год – 28 сентября 1856#го). Лютеранин. Сын коллежского секретаря. Барон. Родовая недвижимость: часть из двух каменных домов в городе Либава. Кроме того, доля умершей жены – 70 десятин в Бендерском уезде Бессарабии. Окончил Санкт-Петербургский университет (1827). **Служба:** с 28 сентября 1827 года в Азиатском департаменте МИДа в должности переводчика с греческого, в этом же качестве в 1828–1829 годах прикомандирован к Главной квартире 2#й армии, 10 марта 1830#го направлен в коммерческую миссию в Константинополе как переводчик Азиатского департамента, 10 марта 1840#го направлен в Одессу для производства перлюстрации, 7 ноября 1847#го – в Санкт-Петербургский почтамт сверх штата, с 20 января 1848#го – в штате Одесской почтовой конторы с прикомандированием к Санкт-Петербургскому почтамту. В 1829 и 1846 годах был в отпусках по болезни. **Чины:** коллежский советник (с 14 февраля 1844 года). **Награды:** ордена Св. Станислава 4#й степени (6 декабря 1832 года), Св. Анны 2#й степени (6 апреля 1848#го); 3 тыс. руб. по случаю женитьбы (28 мая 1835#го), 800 руб. (20 апреля 1838#го). Дети: Александра (род. в 1836 году), Дмитрий (род. в 1838#м), Александр (род. в 1843#м).

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 69–70 об.; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2171. Л. 102–107; Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 190.

33. **Тизенгаузен** Федор-Герман-Фабиан Германович (4 апреля 1859 года –?). Из дворян Лифляндской губернии, барон. Дед – капитан второго ранга Фабиан фон Тизенгаузен. Лютеранского вероисповедания. Совладелец дома в Санкт-Петербурге. Окончил частную гимназию К. Мая. Учился на юридическом (1881–1882) и физико-математическом (1882–1883) факультетах Санкт-Петербургского университета. Служба в почтовом ведомстве: старший разборщик по экспедиции приема иностранной корреспонденции Санкт-Петербургского почтамта (с 20 марта 1884 года), приемщик этой экспедиции (с 25 октября 1884#го), переводчик Почтамта (с 7 марта 1888#го), почтово-телеграфный чиновник второго разряда распорядительной экспедиции Почтамта с предоставлением права именоваться в служебных делах чиновником особых поручений (с 24 апреля 1892#го), был причислен к МВД с откомандированием в распоряжение начальника ГУПиТ (с 20 декабря 1894#го), чиновник, знающий иностранные языки, цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте (с 10 апреля 1906#го); младший цензор (с 17 февраля 1916#го). Был уволен за штат с 16 марта 1917 года. С 1 марта 1923#го по 25 октября 1924 года – контролер отдела политконтроля ОГПУ в Петрограде-Ленинграде. Был уволен по сокращению штатов. В 1929 году – сторож Геологического комитета в Ленинграде. **Чины:** коллежский регистратор (с 20 марта 1885 года), губернский секретарь (с 20 марта 1888#го), коллежский секретарь (с 20 марта 1891#го), титулярный советник (с 20 марта 1894#го), коллежский ассессор (с 20 марта 1897#го), надворный советник (с 20 марта 1901#го), коллежский советник (с 20 марта 1905#го), статский советник (с 20 марта 1909#го), действительный статский советник (с 25 марта 1912#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й и 2#й степени, Св. Анны 3#й и 2#й степени, Св. Владимира 3#й степени, медали «В память царствования императора Александра III» (серебряная) и «В память столетия Отечественной войны 1812 года» (светло-бронзовая).

Жена – Сазонова Мария Павловна. Дети: Герман (род. 26 ноября 1906 года), Мария (род. 29 мая 1904#го). В ноябре 1929 года был привлечен по делу «чернокабинетчиков» под подписку о невыезде. 28 января 1930 года «тройка» ПП ОГПУ в ЛВО осудила его на пять лет заключения в концлагерь. Один из специалистов перлюстрации.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 4389. Л. 1–42; Оп. 21. Д. 257. Л. 30; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 106–107, 245, 261; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

34. **Трефурт** Александр Федорович (17 декабря 1786#го – 18 февраля 1855 года). Из дворян. На почтовой службе состоял с 1805 года. Управляющий Виленской секретной экспедицией. Губернский почтмейстер в Вильно (в 1812–1813 годах). С 1831#го по 1842 год оказывал «важные услуги по секретному наблюдению за корреспонденцией». В отставку вышел в январе 1847 года. Член масонских лож «Западное постоянство», «Добрый пастырь» (член-основатель, пятая степень), почетный член ложи «Усердие литвина» (1818–1821). **Чины:** статский советник (с 1830 года), действительный статский советник (с 1843#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 2#й степени со звездой, Св. Анны 2#й степени с алмазами, Св. Владимира 3#й степени, прусский орден Красного Орла 2#й степени; в 1937 году – бриллиантовый перстень. 21 марта 1841 года была дана аренда 1500 десятин. **Жалованье:** 1500 руб. + 2800 руб. секретных. Семьдесят душ крестьян в Солигаличском уезде Костромской губернии, каменный дом в Вильно. Пенсия составила 1 тыс. руб. серебром (официально должна была составить 572 руб. серебром).

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 11–12 об., 71–73 об.; Д. 240. Л. 80–81 об.; Д. 243. Л. 85 об.; *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 809; Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 288.

35. **Трефурт** Константин Александрович (5 декабря 1821#го – 24 января 1856 года). Из дворян. Сын А.Ф. Трефурта. Аугсбургско-евангелического вероисповедания. С 15 ноября 1838 года состоял на военной службе (в кондукторской роте Главного инженерного училища), 24 марта 1840#го вышел в отставку. В почтовом ведомстве: старший сортировщик Виленской почтовой конторы (16 июня 1844 года), цензор (24 октября 1845#го), был командирован в Житомирскую почтовую контору (5 мая 1846#го), прикомандирован к Санкт-Петербургскому почтамту (5 сентября 1847#го). **Чины:** коллежский секретарь.

Источник: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2267. Л. 55–57 об.; Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 288.

36. **Трефурт** Людвиг Александрович (1813–?). Из дворян. Сын А.Ф. Трефурта. Аугсбургско-евангелического вероисповедания. Виленский университет (отделение литературы и изящных искусств), кандидат (1832). В службе: канцелярский служитель Литовского почтамта (21 августа 1829 года), переводчик (1832), помощник виленского губернского почтмейстера (1 февраля 1840#го), губернский почтмейстер (28 января 1842#го), экспедитор отходящих иностранных почт и одесских экстрапочт Санкт-Петербургского почтамта (14 апреля 1846#го), экспедитор приходящих иностранных почт и рестовых писем (6 ноября 1848#го), экспедитор отходящих иностранных почт и одесских экстрапочт Санкт-Петербургского почтамта (6 мая 1849#го). Жена – дочь действительного статского советника Софья Штер. Дети: Андрей, Федор, Ольга.

Источник: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2267. Л. 59.

37. **Цирлейн** Эдуард Карлович (19 августа 1786#го – 13 декабря 1844 года). Евангелически-лютеранского вероисповедания. Из «вольно вступивших немецкой нации». **Служба:** в канцелярии Капитула российских орденов (с 8 января 1798 года), коллежский регистратор (с 31 декабря 1801#го), переводчик в ведении церемониальных дел (с 30 сентября 1803#го), в китайском посольстве (с 30 сентября 1805#го), от посла, графа Головкина, был направлен курьером в Санкт-Петербург (16 декабря 1805#го). Цензор, старший цензор Санкт-Петербургского почтамта.

бургского почтамта (в 1831 году). Статский советник. Жалованье на декабрь 1825 года: 1500 руб. + 1500 руб. квартирных.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 346. Л. 28 об.; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2418. Л. 29–32; Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 444.

38. **Чиколини** Александр Осипович (1797 (?) год – 11 мая 1847#го). Сын капитана датской службы. Римско-католического вероисповедания. **Служба:** с 24 декабря 1817 года в Министерстве иностранных дел (актуариус, переводчик с 4 мая 1820#го), с 6 июля 1823 года также в Санкт-Петербургском почтамте. Цензор Санкт-Петербургского почтамта на основании почтового штата от 22 октября 1830 года. В секретной экспедиции (с 1837 года), старший цензор Санкт-Петербургского почтамта (с 28 декабря 1844#го). После смерти Э.К. Цирлейна в 1844 году Александру Осиповичу по соглашению с К.В. Нессельроде «поручен главный надзор за цензурой». Один из лучших чиновников секретной экспедиции, соединявший «в себе при отличных способностях большое образование, примерное трудолюбие и глубокую скромность». **Чины:** действительный статский советник (с 3 февраля 1844 года). Недвижимость: 1800 десятин было пожаловано 22 апреля 1840 года. **Награды:** ордена Св. Анны 3#й и 2#й степени, Св. Станислава 2#й степени, Св. Владимира 4#й степени, австрийский орден Железной Короны, прусский Красного Орла 2#й степени, Шведский Командорский крест ордена Северной Звезды. Дети: Константин, Александр (от первого брака); Николай, Владимир, Михаил, Федор, Елизавета, Вера (от второго брака). Занимался перлюстрацией. Пенсия по уставу составила бы 47 руб. 46 коп. вдове и столько же детям. Было назначено 2004 руб. серебром до поступления последнего сына на службу и замужества последней дочери. Прекращение выдачи 1 тыс. руб. в виде аренды. Указом Сената от 22 апреля 1840 года было пожаловано 1800 десятин земли «в вечное и потомственное владение». Имел жалованье: 1285 руб. (гласно) + 428 руб. 57 коп. (прибавка) + 715 руб. (секретно) + 1 тыс. руб. (аренда). Итого – 3428 руб. 57 коп.

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 239. Л. 85, 86–89; Д. 241. Л. 63–63 об.; Ф. 1289. Оп. 21. Д. 275. Л. 263–270; ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 1. Д. 2253. Л. 1–10.

39. **Шашкин** Афанасий Васильевич (19 марта 1850 года –?). Из обер-офицерских детей. Православный. **Образование:** Новороссийский университет (1873). **Служба:** цензор Одесской пограничной конторы (с 21 апреля 1877 года), принял от В.Я. Марышева дела по одесской секретной экспедиции и одесской цензуре (в июне 1906#го). **Жалованье:** 700 руб. + 300 руб. (столовые) + 210 (квартирные). На пенсию вышел с 1 декабря 1906 года. Усиленная пенсия (900 руб. в год) была пожалована с 1 января 1907#го. **Чины:** губернский секретарь (с 1 апреля 1877 года), коллежский секретарь (с 21 апреля 1880#го), титулярный советник (с 21 апреля 1883#го), коллежский асессор (с 21 апреля 1886#го), надворный советник (с 21 апреля 1890#го), коллежский советник (с 21 апреля 1894#го), статский советник (с 21 апреля 1898#го), действительный статский советник (с 28 марта 1904#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й и 2#й степени, Св. Анны 3#й и 2#й степени, Св. Владимира 4#й степени, серебряная медаль «В память царствования императора Александра III». Недвижимость: в Одессе у родителей каменный дом и участок земли около 11 десятин. Жена – Домине Клотильда Евгеньевна (род. в 1871 году), французская гражданка католического вероисповедания. С 1907 года жил в Константинополе (Пера, *rue Minaret*, № 6), в городе Канне (Франция). Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 5409. Л. 1–20 об.; Оп. 21. Д. 46. Л. 17; Д. 51. Л. 3 об. – 4, 11, 16–18, 24–34 об.

40. **Швейер** Роберт Владимирович (16 июля 1870 года –?). Сын коллежского асессора, академика архитектуры. Реформатского вероисповедания. **Образование:** шесть классов Училища при реформатских церквях в Санкт-Петербурге. **Служба:** причислен к МВД и откомандирован в распоряжение начальника ГУПиТ (с 24 сентября 1890 года), занимался

перлюстрацией при Харьковской почтовой конторе (с 1890#го), чиновник, знающий иностранные языки, Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов (с 1 марта 1903#го); младший цензор там же (с 1 декабря 1912#го), с 16 марта 1917 года был уволен за штат. С июля 1917#го – конторщик в Коммерческом банке. С 1 марта 1923 года по 4 ноября 1924#го – контролер отдела политконтроля ОГПУ. Был уволен по сокращению штата. В конце 1929 года – безработный. **Чины:** коллежский регистратор (с 1 марта 1903 года), губернский секретарь (с 1 марта 1904#го), коллежский секретарь (с 1 марта 1905#го), титулярный советник (с 1 марта 1908#го), коллежский асессор (с 1 марта 1911#го), надворный советник (с 1 марта 1912#го), коллежский советник (с 1 марта 1913#го). **Награды:** орден Св. Анны 3#й степени. Жена – Бринк Фредерика-Христина, детей не было. В ноябре 1929 года был привлечен Ленинградским управлением ОГПУ по делу «чернокабинетчиков» под подписку о невыезде. 28 января 1930 года «тройкой» ПП ОГПУ в ЛВО был приговорен к пяти годам заключения в концлагерь. Занимался перлюстрацией с 1890 года.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 5415; Оп. 21. Д. 126; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 102, 146 об., 245, 261; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

41. **Шлитгер** Альфред Фридрихович (6 апреля 1869 года –?). Из обер-офицерских детей. Евангелически-лютеранского вероисповедания. **Образование:** выбыл из третьего класса Белостокского реального училища. **Служба:** младший сортировщик по вольному найму в Белостокской почтовой конторе (с 15 июня 1886 года), переведен младшим разборщиком по экспедиции выдачи денежных и ценных пакетов Санкт-Петербургского почтамта (с 18 июня 1887#го), причислен к МВД (с 23 сентября 1887#го), чиновник, знающий иностранные языки, при Московском почтамте (с 20 сентября 1890#го); цензор киевской цензуры иностранных газет и журналов (с 13 ноября 1900#го), цензор одесской цензуры (с 1 января 1907#го), цензор варшавской цензуры (с 15 февраля 1908#го), старший цензор варшавской цензуры (с 17 ноября 1908#го), с 16 марта 1917 года был уволен за штат. **Чины:** коллежский регистратор (с 1 июля 1890 года), губернский секретарь (с 1 июля 1893#го), коллежский секретарь (с 13 ноября 1900#го), титулярный советник (с 13 ноября 1903#го), коллежский асессор (с 13 ноября 1904#го), надворный советник (с 13 ноября 1908#го), коллежский советник (с 13 ноября 1912#го), статский советник (с 13 ноября 1914#го). **Награды:** ордена Св. Анны 3#й степени, Св. Станислава 2#й степени, Св. Владимира 4#й степени. Жена – Гохман Леония, дочь дворянина, римско-католического вероисповедания. Дети: Валентин-Михаил (род. 24 августа 1897 года), Георгий-Николай (род. 24 апреля 1899#го), Анатолий-Христиан (род. 20 ноября 1900#го), Мария-Елена (род. 17 апреля 1902#го). Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 5488; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 44, 102–103 об., 145–146, 159–159 об., 245, 251; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. Отдел официальный. С. 272.

42. **Шмидт** Иван Федорович (30 апреля 1857 года –?). Из крестьян Курляндской губернии. Евангелически-лютеранского вероисповедания. **Образование:** 2#е Рижское уездное и коммерческое училище. **Служба:** телеграфист третьего разряда Рижской телеграфной станции по найму (с 1 июня 1875 года), принят на действительную государственную службу (с 11 февраля 1878#го), командирован телеграфистом в Константинополь (с 6 мая 1878#го), исполняющий должность начальника станции пятого разряда в Отделе почт и телеграфов оккупационных войск (с 5 марта 1879#го), вернулся на Рижскую телеграфную станцию (с 9 августа 1879#го), военная служба в 4#м военно-телеграфном парке (23 ноября 1879 года – 6 марта 1881#го), телеграфист второго разряда Рижского телеграфного округа по найму (с 16 марта 1881#го), переведен на действительную госслужбу (с 7 декабря 1884#го), исключен из податного сословия (с 31 января 1885#го), и.о. помощника цензора по фактурной

части Рижского комитета цензуры иностранной (с 21 января 1889#го), одновременно телеграфный чиновник (с 1 сентября 1889#го), цензор Рижской почтовой конторы (с 11 апреля 1890#го), управляющий рижской почтовой цензурой (с 9 августа 1894#го), цензор варшавской цензуры (с 17 ноября 1908#го), цензор одесской цензуры (с 16 октября 1909#го), с 1 июня 1913 года был уволен на пенсию. **Чины:** коллежский регистратор (с 24 сентября 1884 года – приказ по МВД от 5 июня 1887#го), губернский секретарь (с 24 сентября 1887#го), коллежский секретарь (с 24 сентября 1890#го), титулярный советник (с 24 сентября 1893#го), коллежский асессор (с 24 сентября 1896#го), надворный советник (с 24 сентября 1900#го), коллежский советник (с 24 сентября 1904#го), статский советник (с 24 сентября 1908#го), действительный статский советник (с 6 декабря 1911#го). **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й и 2#й степени, Св. Анны 3#й и 2#й степени, Св. Владимира 4#й степени, серебряная медаль «В память царствования императора Александра III». Жена – Лау Эмилия. Дочь – Эмилия-Ирмгард (род. 26 января 1899 года). Занимался перлюстрацией.

Источник: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 133; РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 1055; Ф. 1289. Оп. 5. Д. 5501; Оп. 21. Д. 138. Л. 2.

43. **Экк** Матвей Матвеевич, фон (1726 год – август 1789#го). Переводчик (с 1746 года), почт-директор Санкт-Петербургского почтамта (1766–1789).

Источник: Соколов Н.И. Неопубликованные записки и исследования по истории русской почты, хранящиеся в правительственных архивах и библиотеках // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1902. № 1. С. 62.

44. **Эпинус** Франц Ульрих Теодосиус (13 декабря 1724 года, Росток – 10 августа 1802#го, Дерпт). Сын профессора теологии Ростокского университета Франца Альберта Эпинуса (1673–1750). **Образование:** Йенский университет. **Служба:** профессор Прусской академии наук (1755–1757), профессор физики Санкт-Петербургской императорской академии наук (1757 год – февраль 1765#го), воспитатель великого князя Павла Петровича (с 12 февраля 1765 года), руководитель шифровальной службы в Коллегии иностранных дел (22 марта 1765 года – 31 декабря 1797#го). **Награды:** орден Св. Анны с бриллиантами (22 ноября 1782 года). **Чины:** тайный советник (1797). Пенсия – 5 тыс. руб.

Источник: Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724–1802): Краткая биографическая хроника // Вопросы естествознания и техники. 1999. № 4. С. 4–35; Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 140–149.

45. **Яблочков** Владимир Михайлович (14 июля 1846 года –?). Из дворян Калужской губернии. Православный. Учился во 2#м кадетском корпусе, но «курс наук не закончил». Военная служба: прапорщик Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка (с 12 июня 1863 года), в Окружном интендантском управлении Московского военного округа по армейской пехоте (с 4 февраля 1870#го), участие в подавлении Польского восстания (с 12 июня 1863 года по 1 мая 1864#го), отчислен от интендантского ведомства с оставлением по армейской кавалерии (с 10 января 1875#го), помощник бухгалтера (с 6 мая 1875#го), в отставке (с 12 марта по 5 мая 1876#го). В почтовом ведомстве (с 5 мая 1876 года): чиновник, знающий иностранные языки, при Московском почтамте; младший цензор цензуры иностранных газет и журналов при Московском почтамте (со 2 августа 1883 года), старший цензор Московского почтамта (с 1 февраля 1892#го), с 16 марта 1917 года был уволен за штат. **Чины:** коллежский асессор (с 5 мая 1885 года), статский советник (1895), тайный советник. **Награды:** ордена Св. Станислава 3#й (1878) и 2#й степени, Св. Анны 3#й степени (1882), Св. Владимира 3#й степени (1899), медаль в память усмирения польского мятежа 1863–1864 годов. Жена – Екатерина Львовна. Дети: Сергей (род. 8 сентября 1880 года), Николай (род. 17 мая 1882#го), Наталья (род. 11 января 1879#го).

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 98. Л. 14 об. – 15; Д. 169. Л. 5; Д. 275. Л. 324–332; Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1392. Л. 29 об. – 34; Почтово-телеграфный журнал. 1917. № 28–29. 22 июля. Отдел официальный. С. 272.

46. **Яблочков** Николай Владимирович (17 мая 1882 года–?). Из потомственных дворян. Сын В.М. Яблочкова. Православный. **Образование:** Московское императорское коммерческое училище. **Служба:** вольноопределяющийся первого разряда во 2#м резервном саперном батальоне на собственном содержании (с 29 сентября 1903 года), ефрейтор (с 31 мая 1904#го), младший унтер-офицер (с 19 июля того же года), выдержал экзамен на чин прапорщика запаса (28 августа того же года), уволен в запас (22 сентября 1904#го), прапорщик в 8#м саперном батальоне (с 9 января 1905#го), участвовал в русско-японской кампании (7 марта – 3 октября 1905#го), уволен в запас (25 декабря 1905#го), канцелярский служащий ГУПиТ с откомандированием в цензуру иностранных газет и журналов (с 28 марта 1908#го), чиновник, знающий иностранные языки, санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов (с 31 октября 1908#го), с 16 марта 1917 года был уволен за штат. **Награды:** орден Св. Станислава 3#й степени с мечами и бантом. Занимался перлюстрацией.

Источник: РГИА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 5638; Почтово-телеграфный журнал. 1917. 22 июля. № 28–29. 22 июля. Отдел официальный. С. 272.

47. **Яковенко** Игнатий Павлович. На службе состоял с 1795 года. На почтовой службе – с 1812#го. Статский советник (с 1835 года). Бухарестский заграничный почтмейстер (с 3 августа 1812#го). Производил перлюстрацию для МИДа (с 1825#го). **Жалованье:** 1500 руб. серебром + с октября 1841 года секретно 1000 руб. серебром + казенная квартира. С 1848 года тяжело болел: полное отсутствие памяти. 5 мая 1849#го был уволен с пенсией 1500 руб. серебром. (По уставу пенсия как губернскому почтмейстеру должна была составить 343 руб.) **Награды:** орден Св. Владимира 4#й степени.

Источник: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 240. Л. 54–55 об.; Д. 242. Л. 88–90.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Список служащих «черных кабинетов» на 1913 год

№	Ф.И.О.	Должность	Место службы
1	Ауз Х.Х.	Переводчик (с 15 декабря 1903 года)	Москва
2	Бергольц Н.Р.	Чиновник, знающий иностранные языки	Санкт-Петербург
3	Богданов А.И.	Чиновник, знающий иностранные языки (с 1 января 1911 года)	Санкт-Петербург
4	Богомолов И.Г.	?	Варшава
5	Вальдман Й. — Г.	Чиновник, знающий иностранные языки	Варшава
6	Вейсман О.К.	Младший цензор (с 1 декабря 1911 года)	Санкт-Петербург
7	Гамберг Л.Х.	Младший цензор (с 1 октября 1910 года)	Санкт-Петербург
8	Гартман К.Р.	Чиновник, знающий иностранные языки (с 1 сентября 1910 года)	Санкт-Петербург
9	Геркан В.И.	Младший цензор	Москва
10	Гольмболаг Ф.Б.	Старший цензор одесской почтовой цензуры (с 30 мая 1906 года)	Одесса
11	Гордак Э.Э.	Младший цензор (с 1 января 1907 года)	Киев
12	Григорьев Л.П.	Экзекутор (делопроизводитель), работа на пишущей машинке (с 1908 года)	Санкт-Петербург
13	Грот Ю.Ю., фон	Чиновник, знающий иностранные языки	Москва
14	Гузендер К.В.	Чиновник, знающий иностранные языки	Варшава
15	Зиверт К.Ф.	Цензор и управляющий секретной частью при Киевском почтамте (с 6 ноября 1896 года)	Киев
16	Зиверт Э.К.	Чиновник, знающий иностранные языки (с 15 февраля 1913 года)	Киев
17	Иванов Г.С.	Чиновник знающий иностранные языки (с 21 мая 1911 года)	Одесса
18	Карпинский В.К.	Цензор (с января 1909 года)	Тифлис
19	Козулин И.И.	Младший цензор при Санкт-Петербургском почтамте (с 16 января 1903 года)	Санкт-Петербург
20	Курганов Б.Ф.	Цензор варшавской цензуры	Варшава
21	Курганов В.Ф.	Младший цензор одесской цензуры (с 14 сентября 1909 года)	Одесса
22	Лоренсон В.Е.	Прикомандированный к МВД, цензор	Харьков
23	Мардарьев М.Г.	Старший цензор	Санкт-Петербург
24	Мошков Н.П.	Чиновник, знающий иностранные языки	Москва
25	Нейман Н.А.	?	Варшава
26	Пирогов В.И.	Чиновник, знающий иностранные языки	Санкт-Петербург
27	Самусьев Е.К.	Младший цензор	Санкт-Петербург
28	Свяцкий К.П.	Прикомандированный к МВД, цензор	Харьков
29	Стакке Ю.Р.	С 1907 года (?)	Москва
30	Стоббе Л.К.	Переводчик (с 1908 года)	Варшава
31	Тизенгаузен Ф.Г.	Чиновник, знающий иностранные языки (с 10 апреля 1906 года)	Санкт-Петербург
32	Фомин А.Д.	Старший цензор, управляющий «Особой частью» в империи	Санкт-Петербург
33	Фрейберг Е.О.	Переводчик (с 19 января 1905 года)	Москва
34	Чиж Э.Ф.	Чиновник, знающий иностранные языки (с 1 марта 1908 года)	Санкт-Петербург
35	Швейер Р.В.	Младший цензор (с 1 декабря 1912 года)	Санкт-Петербург
36	Шейман Н.А.	Прикомандированный к МВД (с 1911 года)	Одесса
37	Штегель Н.К.	Переводчик	Варшава
38	Шпиттер А.Ф.	Старший цензор (с 17 ноября 1908 года)	Варшава
39	Шмидт И.Ф.	Цензор (с 16 октября 1909 года)	Одесса
40	Шнейдер А.А.	Младший цензор	Москва
41	Щульц М.Ф.	Чиновник, знающий иностранные языки (с 1 декабря 1911 года)	Варшава
42	Яблочков В.М.	Старший цензор (с 1 февраля 1892 года), управляющий московской цензурой (с 1906 - го)	Москва
43	Яблочков Н.В.	Чиновник, знающий иностранные языки (с 31 октября 1908 года)	Санкт-Петербург
44	Ягубяни (Якубяни) П.П.	Переводчик (с 1909 года)	Тифлис

Библиография

I. Источники

I.1. Архивы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)
Архив Государственного Эрмитажа
Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Национальный архив Республики Карелия (НАРК)
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)
Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ)
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
Российский государственный исторический архив (РГИА)
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)

I.2. Опубликованные источники

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи [на 1826–1916 годы]. СПб., 1826–1916.
Адрес-календарь Российский на лето от Р.Х. [1765–1767]. СПб., 1765–1767.
Бенкендорф А.Х. Проект графа А.Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 105. № 12. С. 615–616.
Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. 3#е изд. М., 1990.
Выписки из архива канцелярии Прибалтийского генерал-губернатора. К истории первых дней царствования Екатерины II // Оснадцатый век. Исторический сборник / Издатель П. Бартнев. Кн. 1. М., 1869.
Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1908 год. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1908.
Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1909 год. Сессия 2. Ч. 2. СПб., 1909.
Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1912 год. Сессия 5. Ч. 3. СПб., 1912.
Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1913 год. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1913.
Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1914 год. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1914.
Государственная дума. Четвертый созыв: Доклады бюджетной комиссии. 1913–1914 годы. Сессия 2. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Вып. 1 (№ 1–11). СПб., 1914.
Гр-ский А. Секретный кабинет // Петроградская газета. 1917. 30 апреля. № 99. С. 3.
Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882 [репринтное издание: М., 2006].

Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). СПб., 1883 [репринтное издание: М., 2006].

За кулисами Охранного отделения / Сост. А.Б. Берлин, 1910.

Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. 1928. Т. 2 (27). С. 139–159; Т. 3 (28). С. 205–224.

Император Александр Николаевич. Черты из его жизни // Русская старина. 1891. Т. 70. № 6. С. 719–726.

Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.

Календарь, или Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р.Х. [1768–1773]. СПб., 1768–1773.

Мардефельд А. фон. Записка о важнейших персонах при Дворе Русском // Лиштенау Ф.#Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. Приложение. М.: ОГИ, 2000.

Месяцеслов, или Общий штат Российской империи на лето от Р.Х. [1797–1825]. СПб., 1797–1825.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р.Х. [1793–1796]. СПб., 1793–1796.

Министерство внутренних дел. Исторический очерк (1802–1902). Приложение 2#е. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб., 1901.

Московский некрополь. Т. 1–3. СПб., 1907.

Независимый. Еще о перлюстрации // Утро России. 1913. 24 июля. С. 2.

Независимый. Перлюстрация // Там же. 4 июля. С. 4–5.

Нечаев и нечаевцы: Сб. материалов / Сост. Б.П. Козьмин. М.; Л., 1931.

Николай II и самодержавие в 1903 г.: Из итогов перлюстрации // Былое. 1918. № 2. С. 190–222.

Новодевичье кладбище. СПб.: Белое и Черное, 2003.

Обзор деятельности русского почтового управления с 1868 по 1875 год. СПб., 1875.

Обретение мощей Серафима Саровского: Из итогов перлюстрации // Былое. 1918. № 6. С. 148–153.

Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов [на 1883–1885, 1895, 1898–1900, 1904–1916 гг.]. СПб., 1883–1916.

Отчет начальника Главного управления почт и телеграфов за 1884–1887 гг. СПб., 1888.

Отчет о действиях почтовой цензуры в Империи за 1895, 1896, 1898, 1899 гг. Цензура иностранных газет и журналов (исторический очерк). СПб., 1903.

Отчеты Почтового Департамента. СПб., 1846, 1851–1852, 1854, 1856–1862.

Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. Л., 1924–1927.

Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. Кн. 3. № 5–6. С. 245–328; 1885. Кн. 1. № 1. С. 20–42.

Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России: Сб. документов (1900–1903 гг.). Т. 1–3. М., 1969–1970.

Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями: Сб. документов. Т. 1 – 5. М., 1979–1991.

Петербургский некрополь. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.

Письмо генерал-прокурора князя А.А. Вяземского // Русский архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 397.

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.): Сб. документов. М., 2001.

Полное собрание законов Российской империи [далее – ПСЗ]. Собр. 1#е. 1649–1825. Т. 1–45. СПб., 1830.

ПСЗ. Собр. 2#е. 1825–1881. Т. 1–55. СПб., 1830–1884.

ПСЗ. Собр. 3#е. 1881–1913. Т. 1–33. СПб., 1884–1916.

Почтово-телеграфная статистика. Пг., 1909.

Почтовый департамент. Штат для почтового ведомства. СПб., 1855.

Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции/ Отв. редактор, автор предисловия В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2014.

Протокол заседаний совещания под личным Е.И.В. председательством по пересмотру Основных государственных законов. 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года. СПб., б/д.

Революционное движение в войсках во время мировой войны / Публ. В. Дзюбинского // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 418–436.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М., 1988.

Русские вольнодумцы в царствование Екатерины II: Секретно-вскрытая переписка // Русская старина. 1874. Т. 9. № 1–3.

Сборник постановлений и распоряжений по почтово-телеграфному ведомству. Ч. 1. Почтовая. СПб., 1885.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862.

Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Ч. 1–3. М., 1981–1982.

Смета МВД по Главному управлению почт и телеграфов. СПб., 1863.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. Отдел 1#й. Пг., 1915–1917.

Список лицам, служащим в местных почтово-телеграфных учреждениях. СПб., 1890.

Список лицам, служащим по ведомству Министерства внутренних дел. Ч. 1. Центральные учреждения. Ч. 2. Генерал-губернаторства, губернии, области и градоначальства. СПб.# Пг., 1829–1914.

Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям. СПб., 1844–1884.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. СПб.#Пг., 1905–1916.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1912.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1866 и 1885 гг. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М., 1988.

Царский листок // Былое [Париж]. 1908. № 7. С. 95–103.

1.3. Энциклопедическая и справочная литература

Абакумов О.Ю., Гринченко Н.А., Измозик В.С. и др. Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века: Биобиблиографический справочник. СПб.: РНБ, 2013.

Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3#е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

Серков А.И. Русское масонство 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. Т. XXIII (45). СПб., 1898. С. 328–329; XXXIIa (64). СПб., 1901. С. 490–492.

1.4. Воспоминания, дневники и письма

- А.П.* Департамент полиции в 1892–1908 гг.: Из воспоминаний чиновника // Былое. 1917. № 5–6. С. 17–24.
- Бакай М.Е.* Из воспоминаний: О черных кабинетах в России // Былое [Париж]. 1908. № 7. С. 119–133.
- Белецкий С.П.* Воспоминания // Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923. С. 5–75.
- Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.; Л., 1924.
- Варенцова О.А.* Северный рабочий союз и Северный комитет РСДРП. 1900–1905 гг. 2#е изд. М.; Иваново, 1935.
- Васильев А.Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. В 2 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 345–530.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1–3. М., 1960.
- Вяземский П.А.* Моя исповедь // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1879.
- Гейман В.Г., Кочаков Б.М.* Письма А.В. Головнина к Н.В. Ханыкову // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 342–391.
- Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1991.
- Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 141–342.
- Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1–2. М.: Изд-во им. братьев Сабашниковых, 1997.
- Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* 2#е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Независимая газета», 2000.
- Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890).* М.; Л., 1926.
- Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина.* 1873–1875. М., РОССПЭН, 2008.
- Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина.* 1876–1878. М., РОССПЭН, 2009.
- Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина.* 1879–1881. М., РОССПЭН, 2010.
- Дневник государственного секретаря А.А. Половцова:* В 2 т. Т. 1. 1883–1886 гг. Т. 2. 1887–1892 гг. М.: Наука, 1966.
- Дневник Е.А. Перетца (1880–1883).* М.; Л., 1927.
- Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел.* Т. 1. М., 1961.
- Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры. Париж, 1930.
- Заварзин П.П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924.
- Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 411–493.
- Заметки и дневники Л.В. Дубельта / Публикация М.В. Бокариус, Ф.М. Лурье, М.В. Сидоровой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв. Т. VI. М.: Тритэ, Российский архив, 1995. С. 106–335.*
- Записки ген. Новицкого // Социалист-революционер.* 1910. № 2. С. 88–89.
- Записки Д.П. Рунича // Русское обозрение.* 1890. Т. IV. № 8. С. 653–685; Т. V. № 9. С. 186–256; № 10. С. 794–809.

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб.: Нестор-История, 2005.

Зеликсон-Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). Ч. I. М., 1922.

Из записок Д.П. Рунича. Сто лет тому назад // Русская старина. 1896. Т. 88. № 11. С. 281–319.

Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русское обозрение. 1902. Кн. 3. С. 108–131, 214–231, 330–394.

Император Александр Николаевич. Черты его жизни // Русская старина. 1891. Т. 70. № 6. С. 719–726.

К чести России (Из частной переписки 1812 года) / Сост. М.А. Бойцов. М.: Современник, 1988.

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 159–180.

Крыжановский С. О перлюстрации до революции // Новый журнал [Нью-Йорк]. 1975. № 120. С. 122–126.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923.

Курлов П.Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов. М.; Пг., 1923.

Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.: Academia, 1934.

Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896 гг. М.: Международные отношения, 1991.

Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923.

Львов Л. (Л.М. Клячко). За кулисами старого режима: Воспоминания журналиста. Т. 1. Л., 1926.

Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Былое. 1918. № 7. С. 185–197.

Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора. Пг.: Былое, 1922.

Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов: Воспоминания. Stanford, 1972.

Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 29–408.

Мысли и замечания императрицы Екатерины II: Из записок А.В. Храповицкого // Атеней [М.], 1858. Ч. 3. С. 622–625.

Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов // Былое. 1917. № 5–6 (27–28). С. 90–124.

Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Прибой, 1929.

Островский К.Е. В Варшавской охранке. Киев, 1925.

«Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1–2. М.: НЛЮ, 2004.

Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. Изд. полн., с примеч. Г.Н. Геннади. М.: Университетская типография, 1862.

Памятные записки Александра Васильевича Храповицкого // Отечественные записки. 1821. № 16. С. 127–136; № 17. С. 309–327; 1822. № 21. С. 120–140; № 22. С. 304–323; № 24. С. 76–100; № 25. С. 166–193; № 26. С. 352–378; № 28. С. 194–215; № 30. С. 61–84; № 31. С. 167–178; № 32. С. 341–358; 1823. № 33. С. 59–79; № 35. С. 327–350; № 36. С. 38–60; № 41. С. 410–427; № 42. С. 73–95; № 44. С. 368–386; 1824. № 45. С. 47–65; № 49. С. 249–267; № 50. С. 394–413; № 54. С. 224–244; № 56. С. 495–506; 1825. № 57. С. 29–48; № 67. С. 179–200; № 68. С. 340–351; 1826. № 77. С. 396–411; 1827. № 89. С. 420–438; 1828. № 93. С. 146–161.

Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 1–2. М.: Центрполиграф, 2005.

Правые в 1915 – феврале 1917: по перлюстрированным Департаментом полиции письмам / Публикация Ю.И. Кирьянова // Минувшее. Т. 14. М.; СПб., 1993. С. 145–225.

Революционеры 1870#х годов: Сб. Л.: Лениздат, 1986.

Санглен Я.И. де. Записки Якова Ивановича де Санглена // Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. С. 443–498; 1883. Т. 37. № 1. С. 1–46; № 2. С. 375–394; № 3. С. 539–578.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция (1914–1917): Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004.

Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991.

Статковский П.С. Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг. // Былое. 1921. № 16. С. 108–136.

Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М.: Новости, 1991.

Храповицкий А.В. Дневник. 1782–1793. СПб., 1874.

Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997.

II. Литература на русском языке

II.1. Монографии

Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860#х гг.). Саратов: Научная книга, 2008.

Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918.

Анисимов Е.В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Антонова Л.В., Просвинова Т.А. История спецслужб России. М: Дом славянской книги, 2010.

Бабаш А.В., Шанкин Г.П. История криптографии. Ч. I. М.: Гелиос АРВ, 2002.

Балязин В.Н. Тайны «Черного кабинета»: Записки архивариуса. Кн. 1–2. М.: ОЛМА-пресс, 2000.

Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915.

Белая книга российских спецслужб. 2#е изд., перераб. М.: Обозреватель, 1996.

Бертье Ж. Промышленный шпионаж. М., 1971.

Биккенин Р.Р., Глуценко А.А., Партала М.А. Очерки о связистах Российского флота (Краткая история создания и развития службы связи ВМФ в период 1900 – 1930#х гг.). СПб.: Д. Буланин, 1998.

Боханов А.Н. Александр III. М.: Вече, 2007.

Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1893–1917). СПб., 2001.

Веретенников В.И. Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг.: Очерки. Харьков, 1915.

Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.

Вигилев А.Н. История отечественной почты. 2#е изд., перераб. и доп. М.: Радио и связь, 1990.

Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917.

Воронцов С.А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность. Ростов-на-Дону, 1998.

Галвазин С. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.

- Галкин В.В.* Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910). М.: МЮИ МВД России, 1996.
- Глазунов М.М., Митрофанов П.А., Фоменко И.П.* По законам Российской империи. М., 1976.
- Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957.
- Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П.* Криптография: страницы истории тайных операций. М.: Гелиос АРВ, 2008.
- Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
- Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.
- Гурлянд И.Я.* Приказ сыскных дел. Киев, 1903.
- Давыдов З.* Тайны царской охранки. Чернигов, 1919.
- Джанибекян В.* Провокаторы. Воспоминания, мысли и выводы. М.: Гея, 2000.
- Драбкина Е.Я.* Будни подполья. М., 1964.
- Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX века / Сост. В.С. Измозик.* СПб.; М.: Нева – ОЛМА-пресс, 2002.
- Жаров С.Н.* История оперативно-розыскной деятельности и ее правового регулирования в России (XI – начало XX в.). Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2008.
- Жаров С.Н.* Последняя попытка реформы политического розыска в Российской империи. Челябинск: ЮУрГУ, 2007.
- Желудкова Т.И.* Основные направления деятельности полиции дореволюционной России. М., 1977.
- Жилинский В.Б.* Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. Пг., 1918.
- Журналистика русского зарубежья XIX–XX вв.: Учебное пособие / Под ред. Г.В. Жиркова.* СПб.: СПб. университет, 2003.
- Жухрай В.* Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М.: Политиздат, 1991.
- Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007.
- Ирецкий В.Я.* Охранка. Пг.: Новая Россия, 1917.
- Казначеев В.А., Суденко В.Е.* История органов внутренних дел России. Пятигорск, 1998.
- Кан Д.* Взломщики кодов. М.: Центрполиграф, 2000.
- Кан Д.* Война кодов и шифров: История четырех тысячелетий криптографии / Пер. с англ. Е.С. Алексеева. М.: Рипол Классик. 2004.
- Кантор Р.М.* В погоне за Нечаевым. Пг., 1922.
- Киянская О.И.* Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820#х годов. М.: РГГУ, 2005.
- Киянская О.И.* Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб.: Нестор-История, 2009.
- Кодан С.В.* Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856 гг.). Иркутск, 1980.
- Колоколов Б.Г.* Жандарм с царем в голове. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Кошель П.А.* История сыска в России. Т. 1. Минск, 1996.
- Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. М.: РАГС, 1999.
- Куканов В.И.* У истоков грядущего. М., 1975.
- Легачева Н.В.* Политический сыск в губерниях Поволжья в 1860–1880#х гг.: На материалах Пензенской и Саратовской губерний. Пенза, 2005.

- Линдер И.Б., Чуркин С.А.* История специальных служб России X– XX веков. М.: Рипол Классик, 2004.
- Лонге Ж., Зильбер Г.* Терроризм и охранка. М.: Прометей, 1924.
- Лопухин А.А.* Из итогов служебного опыта: Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.
- Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб.: Искусство-СПб., 2003.
- Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. СПб.: Час пик, 1992.
- Майшев С.Е.* Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России: 1880–1922 гг. Пятигорск: РИА на КМВ, 2009.
- Макаревич Э.Ф.* Политический сыск: Истории, судьбы, версии. М.: Алгоритм, 2002.
- Меньщиков Л.П.* Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. Ч. 1–3. М., 1928–1932.
- Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. Пг., 1922.
- Мулукаев Р.С.* Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер. М.: Академия МВД, 1976.
- Николаевский Б.И.* История одного предателя. М., 1991.
- Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков: 1880–1904 гг. М., 2010.
- Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982.
- Осоргин М.* Охранное отделение и его секреты. Б.м., 1917.
- Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004.
- Павлов П.* Агенты, жандармы, палачи. Пг., 1922.
- Патрушева Н.Г.* Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Северная звезда, 2011.
- Пекарский П.П.* Маркиз де-ла-Шетарди в России. 1740–1742 годы. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1862.
- Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000.
- Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.
- Прелин И.* Агентурная сеть. М., 1992.
- Регент Ю.А.* Общая и политическая полиция России (1880–1917 гг.). Рязань, 2001. С. 161–164.
- Роуан Р.* Разведка и контрразведка / Сокр. пер. с англ. М., 1937.
- Роуан Р.В.* Окутанный туманом: Из истории шпионажа. М., 1993.
- Роуан Р.В.* Очерки секретной службы: Из истории разведки. М., 1946.
- Рубанов С., Усыскин Г.* Под псевдонимом Дяденька. М., 1981.
- Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993.
- Сватиков С.Г.* Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов-на-Дону, 1918.
- Севастьянов Ф.Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением: От тайного сыска – к политическому розыску. СПб.: МИЭП, 2008.
- Семевский М.* Тайный сыск Петра I. Смоленск: Русич, 2001.
- Сергеев Е.Ю.* Военная разведка России в борьбе против Японии. 1904–1905 гг. М., 2011.
- Симбирцев И.* На страже трона: Политический сыск при последних Романовых. М., 2006.
- Симбирцев И.* Третье отделение: Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. М., 2006.

Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.

Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002.

Соболева Т.А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России. XVIII – начало XX в.). М.: Международные отношения, 1994.

Сонкин М. Выстрел на Фонтанке. М., 1980.

Спиридович А. История большевизма в России от возникновения до захвата власти (1883–1903–1917). Париж, 1922.

Спичка А.М. Номер первый. Л., 1987.

Степанов В.Н. Адресовано в Москву. М.: Московский рабочий, 1987.

Сысоев Н.Г. Жандармы и чекисты: от Бенкендорфа до Ягоды. М., 2002.

Сысоев Н.Г. Тайный сыск России: От жандармов до чекистов. М.: Вече, 2005.

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Воениздат, 1992.

Тихомиров Л. Заговорщики и полиция. М.; Л., 1927.

Трофимов А.С. Пролетариат России и его борьба против царизма. 1861–1904 гг. М., 1979.

Троцкий И.М. III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990.

Троцкий Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма. 1876–1882 гг. М., 1978.

Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (Дело Огарева – Панаевой). М.; Л.: Academia, 1933.

Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919.

Членов С.Б. Охранные отделения в последние годы царствования Николая II. М., 1917.

Чудакова М.С. Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003.

Чукарев А.Г. Тайная полиция России. 1825–1855 гг. М.: Кучково поле, 2005.

Шамаев В.Г. На страже государственной безопасности: Из истории Воронежского губернского жандармского управления. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 49–50, 61–71, 73–77, 104–105, 154–155.

Шедлинг М.Ю. Очерки по истории мировой почты. Ч. 2. Русская почта с древних времен до начала XIX века. М.: Связь, 1926.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 2. СПб., 1897. С. 362–365.

Шильдер Н.К. Император Николай I. Т. 1. СПб., 1903.

Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 480.

Шинджихаишвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.

Шотман А.В. Записки старого большевика. Л., 1983.

Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.

Эренфельд Б. Тяжелый фронт: Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983.

Ярмыш А.Н. Наблюдать неотступно: Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска на Украине в конце XIX – начале XX веков. Киев, 1992.

II.2. Статьи

Абакумов О.Ю. «Око земного бога» (Корпус жандармов на рубеже 50–60#х гг.: традиции и новации) // Освободительное движение в России. Вып.18. Саратов, 2000. С. 61–78.

Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 9–19.

Абакумов О.Ю. Тайная роль актера Л. Шнейдера (Из истории заграничной агентуры III Отделения) // Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80#летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 26–27 апреля 2002 г. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2004. С.181–203.

Аверьянов К.А. Русская дипломатия и контрразведка в XVII веке // Российская дипломатия: история и современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной 450#летию создания Посольского приказа 29 октября 1989 года. М.: РОССПЭН, 2001. С. 110–120.

Анисимов К.Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 119–125.

Аракелян М.А. Перлюстрация как метод политического сыска в конце XIX – начале XX веков // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 5. С. 127–129; № 19. С. 127–130.

Бабаиш А.В., Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Шифры революционного подполья XIX века // Защита информации. Конфидент. 2004. № 4. С. 82–87.

Басенко Ю.В., Волкова О.Ю. Министерство иностранных дел России в 1802–1899 годах // Дипломатический вестник. 2001. № 4. С. 145–163.

Белобородова (Строева) А.А. Перлюстрированные письма и их значение для изучения истории цензурной политики правительства в регионах начала XX в. // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 102–114.

Брикнер А.Г. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II (перлюстрация) // Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 75–84.

Витенберг Б.М., Измозик В.С. Кто Вы, господин Кривош? // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999. С. 161–172.

Витенберг Б., Измозик В. Слуга трех господ // Секретные материалы [СПб.]. 2000. № 20. 16 октября. С. 8–9.

Воронежцев А.В. Из истории военной цензуры в период Первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2005 г.). Саратов: Архитектор-С, 2006. С. 18–29.

Ганелин Р.Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // Отечественная история. 1997. № 1. С. 150–158.

Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 20#х – 70#х годах XIX века: успехи и неудачи // Защита информации. Инсайд. 2005. № 5. С. 90–96.

Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность организаций «Земля и воля» и «Народная воля» в России в 1876–1881 гг. // Там же. № 6. С. 80–87.

Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90#е годы XIX века // Там же. 2006. № 4. С. 84–91.

Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России на рубеже веков (1898–1900 годы) // Там же. 2008. № 4. С. 89–96.

Гончарова Е.А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в.: вскрытие частной корреспонденции в государственных интересах // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96–102.

Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1898. Т. 96. № 12. С. 505–506.

Ерошкин Н.П. «Россия под надзором» // Преподавание истории в школе. 1966. № 1. С. 85–97.

Жаров С.Н. Интеллигенция и жандармы: взаимные отношения (по материалам Челябинского уезда) // Тезисы к научно-практической конференции «Интеллигент в провинции». Екатеринбург, 1997. С. 49–51.

Жаров С.Н. Мифы о перлюстрации в царской охранке // Актуальные проблемы теории и практики юридического образования на пороге XX столетия: Сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию юридического факультета Хабаровской государственной академии экономики и права. Хабаровск, 1999. С. 110–112.

Жаров С.Н. Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи // Правоведение. 2004. № 5. С. 189–200.

Жаров С.Н. О теоретических основах историко-правового исследования политического розыска в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 4. С. 245–248.

Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. Об истории возникновения и развитии контроля почтовых отправок // История государства и права. 2006. № 3. С. 22–23.

Зданович А.А., Измозик В.С. В.И. Кривош: сорок лет на секретной службе // Исторические чтения на Лубянке, 2004 год. М., 2005. С. 22–36.

Зданович А.А., Измозик В.С. Чиновник «черных кабинетов» В.И. Кривош // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. II. «Гороховая, 2»–2005. СПб., 2006. С. 28–39.

Иванов А.А. Иркутские жандармы // Клио. 2012. № 6. С. 69–77.

Измозик В.С. А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев: к истории «черных кабинетов» в России. Конец XIX – начало XX вв. // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 59–65.

Измозик В.С. Александр II и два капитана // Родина. 2012. № 3. С. 85–90.

Измозик В.С. Архивно-следственные дела 1920–1930-х гг. как исторический источник // Исторические чтения на Лубянке. 15 лет. М.: Кучково поле, 2012. С. 147–157.

Измозик В.С. Дело «чернокабинетчиков» как исторический источник // Архивы и история российской государственности. Вып. 1. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 146–151.

Измозик В.С. Денежное содержание сотрудников «черных кабинетов». Конец XIX – начало XX вв. // Политическая Россия: прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. IV. «Гороховая, 2»–2007. СПб., 2008. С. 53–62.

Измозик В.С. Из истории российской военной почтовой цензуры. 1914–1920 гг. // Гуманитарные и социально-экономические проблемы развития общества: Межвузовский сб. Вып. 4. СПб., 2005. С. 152–162.

Измозик В.С. Из истории «черных кабинетов» в России // Исторические чтения на Лубянке, 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. – 1922 год. М.; Великий Новгород, 1999. С. 42–47.

Измозик В.С. Использование перлюстрации в Российской империи в борьбе со служебными и экономическими злоупотреблениями // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. X. «Гороховая, 2»–2012. СПб., 2013. С. 53–65.

Измозик В.С. История цензурных учреждений в Виленской губернии в XIX – начале XX века // Book science. 2004. Т.43. С. 58–86.

Измозик В.С. История цензурных учреждений Прибалтийских губерний. Конец XVIII в. – 1917 г. // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Сб. научных трудов. Вып. 11. СПб., 2003. С. 121–172.

Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 160–170, 185.

Измозик В.С. Материалы для библиографического справочника «Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века» // Цензура в России: история и современность: Сб. научных трудов. Вып. 4. СПб., 2008. С. 373–471.

Измозик В.С. Н.С. Лесков и «черные кабинеты» // Русская литература. 2012. № 2. С. 142–144.

Измозик В.С. Организация перлюстрации и дешифровки дипломатической почты в Российской империи // Государство, общество, архивы в истории России: К 60#летию А.Р. Соколова. СПб.: Лики России, 2009. С. 84–99.

Измозик В.С. Перлюстрация в начале XX в. и ее роль в политической жизни России // Исторические чтения на Лубянке, 2003 год. Власть и органы государственной безопасности. М., 2004. С. 15–22.

Измозик В.С. Перлюстрация в российской армии в XIX – начале XX в. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30). С. 184–193.

Измозик В.С. Повседневные заботы чиновников «черных кабинетов» // Цензура в России: история и современность: Сб. научных трудов. Вып. 5. СПб.: РНБ, 2011. С. 194–204.

Измозик В.С. Политические ссыльные и контроль за их перепиской в 60–70#х гг. XIX в. // Из истории русской интеллигенции: Сб. материалов и статей к 100#летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб.: Д. Буланин, 2003. С. 469–483.

Измозик В.С. Почтовая цензура в России до 1917 г.: официальная и тайная // Цензура и доступ к информации: история и современность: Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2005 г. СПб., 2005. С. 28–30.

Измозик В.С. Почтовая цензура и «черные кабинеты» // Сб. научных трудов. Посвящено 75#летию Северо-Западного государственного заочного технического университета. СПб., 2005. С. 372–377.

Измозик В.С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70#летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 218–225.

Измозик В.С. Российский парламентаризм начала XX в. и «черные кабинеты» // Выборы в органы государственной власти в призме исторической и социологической наук и политической практики: Материалы научно-практических конференций. 23 ноября 2007 г. – Волхов; 26 февраля 2008 г. – Бокситогорск. СПб., 2008. С. 20–26.

Измозик В.С. Семья Вейсманов на службе в почтовом ведомстве // Из глубины времен. Вып. 13. СПб., 2005. С. 305–312.

Измозик В.С. Система перлюстрации в Российской империи в начале XX в. и попытки ее реформирования // Политическая история России XX века. К 80#летию профессора В.И. Старцева: Сб. научных трудов. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. С. 49–59.

Измозик В.С. Служба перлюстрации и вольная русская печать. Середина XIX в. – 1917 г. // Цензура в России: история и современность: Сб. научных трудов. Вып. 4. СПб., 2008. С. 117–124.

Измозик В.С. Финансовое обеспечение службы перлюстрации в России до 1917 г. // Там же. Вып. 3. СПб., 2007. С. 133–141.

Измозик В.С. Цензоры Вильно XIX и начала XX века (Материалы для библиографического справочника) // Белорусский сборник: Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. Вып. 3. СПб., 2005. С. 209–235.

Измозик В.С. Цензоры Малороссии, Новороссии и Слободской Украины в XIX – начале XX века // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: Сб. научных трудов. Вып. 13. СПб., 2006. С. 181–251.

Измозик В.С. «Черные кабинеты» в России (XVIII – начало XX в.) // Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX века / Сост. В.С. Измозик. СПб.; М.: Нева – ОЛМА-пресс, 2002. С. 333–354.

Измозик В.С. Черный кабинет. К истории перлюстрации в России // Родина. 2000. № 10. С. 48–54.

Искюль С.Н. Солдат фортуны, или Жизнь и труды сэра Роберта Вильсона // Вильсон Р.Т. Дневник и письма. 1812–1813. СПб.: Инапресс, 1995. С. 5–38.

Калмыков А.Г. К вопросу о роли «черных кабинетов» в системе политического сыска в начале XX века // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 76–83.

Калмыков В. Цензурные штемпеля и печати России // Коллекционер: Сб. статей. Вып. 30. М., 1995. С. 40–46.

Кантор Р. К истории «черных кабинетов» // Каторга и ссылка. 1927. № 8 (37). С. 90–99.

Кантор Р. Работа «черных кабинетов» // Красный командир. 1921. № 23. С. 24–25.

Кириллов В.И. Тайная канцелярия // Вопросы истории. 1967. № 12. С. 205–209.

Кобахидзе М.К. К вопросу о возникновении и развитии тайного политического сыска в России // Труды Тбилисского государственного университета. Т. 193. Право, психология, политэкономия. Тбилиси, 1977. С. 47–55.

Коваленко В.В. Основные приемы и методы работы вятских жандармов в конце XIX – начале XX веков // Из истории вятских спецслужб. Киров, 1997. С. 31–33.

Кознов А.П. Большевики против царской охранки // Факел 1989: Историко-революционный альманах. М., 1989. С. 158–169.

Кознов А.П. Заграничный политический сыск (1900 – февраль 1917 г.) // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 96–108.

Кранихфельд В.П. В.Я. Яковлев-Богучарский // Былое. 1917. № 1.

Лактин Л. Черный кабинет // Вестник Нижегородский. 1999. 23 июля.

Логачева Н.В. Перлюстрация в системе методов органов политического сыска Российской империи в борьбе с революционным движением во второй половине XIX в. // Тамбов: Грамота, 2010. № 2. С. 46–49.

Лурье Ф.М. Политическая полиция Российской империи // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 101–134.

Любичанковский С.В. Общество и власть в России начала XX века (по материалам перлюстрации) // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 65–70.

Мардарьев М.Г. Император Николай I и академик Паррот // Русская старина. 1898. Т. 96. № 11. С. 385–396.

Мелехин В.В. Кубанский народоволец Пахомий Иванович Андреюшкин // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 130–144.

Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724–1802): Краткая биографическая хроника // Вопросы истории, естествознания и техники. 1999. № 4. С. 4–35.

Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков // Отечественная история. 1993. № 3. С. 193–199.

Осинов А.В. Портрет Нижегородского охранного отделения в интерьере политической полиции Российской империи // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. III. М.: Кучково поле, 2007. С. 194–216.

Охранка и «черные кабинеты» // Революционная мысль. 1908. № 1. Апрель. С. 10–11.

Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения (Коллекция перлюстрации ЦГАОР СССР) // Исторический опыт Великого Октября: К 90-летию академика И.И. Минца. М., 1986. С. 376–389.

Перегудова З.И. Источники изучения социал-демократического движения в России: Материалы фонда Департамента полиции // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 88–100.

Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением // Факел: Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 197–205.

Подъяпольская Е.П. Шифрованная переписка в России в первой четверти XVIII века // Проблемы источниковедения. Вып. VIII. М.: АН СССР, 1959. С. 314–342.

Покровский М. Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. № 17.

Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. Кн. 2. № 7. С. 272–386.

Попруженко И.Г. Из архива Н.Н. Новосильцева. О российских фальшивых ассигнациях, выпущенными [выпущенных] французами в 1812 году в Варшаве // Русский архив. 1911. Кн. 3. № 9. С. 129–157.

Предтеченский А.В. О перлюстрации писем в начале XX в. // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 201–209.

Предтеченский А.В. О перлюстрации писем в начале XX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем) // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 17–40.

Роуан Р. Разведка и контрразведка // Правда. 1937. 9 июня. С. 2–4; 10 июня. С. 2–4; 11 июня. С. 3–5; 12 июня. С. 4–5; 13 июня. С. 4–6.

Рыбаченок И. Такие разные ключи: Шифровальная экспедиция МИД // Родина. 2003. № 9. С. 54–56.

Рыжаков О.В. Методы и приемы деятельности русской политической полиции (начало XX в.) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск, 2002. С. 63–70.

Рязанов Д.В. Российская полиция и ее методы в контексте противодействия революционному терроризму (XIX – начало XX века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2008. Т. 8. № 1. С. 38–47.

С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1895. Кн. 3. С. 89–103.

Семенов В.Н. К истории создания шифровальной службы в МИД России // Дипломатический вестник. 2001. № 4. С. 164–166.

Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России: По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: Материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб., 2003. С. 303–316.

Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции в старой и новой России // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 40–51.

Соколов Н.И. Краткий очерк истории почтового управления в России // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1893. № 4. С. 417–430.

Соколов Н.И. Неопубликованные записки и исследования по истории русской почты, хранящиеся в правительственных архивах и библиотеках // Почтово-телеграфный журнал.

Отдел неофициальный. 1901. № 10. С. 911–932; № 11. С. 1005–1021; 1902. № 1. С. 54–85; № 2. С. 139–160.

Танков А.А. Грузинская царица в Белгороде // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 3. С. 1035–1051.

Тютюник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революцией 1905–1907 гг. // Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1982. С. 108–112.

Цявловский М.А. Московская охранка в 1915 году // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 251–287.

Черкасов П. Персона нон грата, или Конец одиссеи маркиза де Ла Шетарди в России // Родина. 2009. № 8. С. 79–83.

Черняев В.Ю. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории: Сб. статей аспирантов и соискателей. Ч. I. М.; Л., 1976. С. 134–155.

Чукарев А.Г. Перлюстрация как метод осведомления в III Отделении во второй четверти XIX века // Российский исторический журнал [Балашов]. 1998. № 3 (19). С. 12–19.

Чукарев А.Г. Техника политического розыска на рубеже XIX–XX веков // Верой и правдой [Ярославль]. История государства и права. 2006. № 3.

Шедлинг М. Русская почта с древних времен до начала XIX века // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1914. № 6; 1915. № 1. С. 59–71; № 2. С. 119–131; № 3. С. 213–241; № 4. С. 310–328; № 5. С. 371–381; № 6. С. 461–485.

Щеткин С.В. Деятельность Челябинского жандармского отделения в конце XIX – начале XX вв. // История правоохранительных органов России. Челябинск, 2000. С. 66–86.

Юбилей отечественных криптографических технологий // Открытые системы. 2002. № 12.

II.3. Диссертации

Абакумов О.Ю. III Отделение в период общественного подъема конца 50#х – начала 60#х гг. XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994.

Горяинов В.М. Исторические аспекты деятельности корпуса жандармов Российской империи в XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001.

Деревнина Т.Г. Третье отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии (1881 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005.

Жаров С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи, 1880–1917: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

Майшев С.Е. Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России: 1880–1922 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополя и Кубани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.

Миролюбов А.А. Политический сыск России в 1914–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

Овченко Ю.Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (Годы реакции и нового революционного подъема): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

Попов И.В. Московское охранное отделение в борьбе с революционным терроризмом (1905–1914): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2000.

Рослякова О.Б. III Отделение в царствование Николая I: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.

Рябинцев Р.В. Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг. (на материалах Костромской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2004.

Скрипильев А.Е. Отдельный корпус жандармов в системе Министерства внутренних дел дореволюционной России (1880–1917). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.

Сучков Е.Н. Центральный аппарат и механизмы управления политическим сыском Российской империи в 1898–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2008.

Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

Федоров С.Е. Политический розыск в царской России в начале XX в.: средства и методы: Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1992.

Чудакова М.С. Политический сыск России в конце XIX – начале XX вв. (в региональном аспекте): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1997.

Ярмыш А.Н. Политическая полиция Российской империи (1870–1904): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Харьков, 1978.

III. Литература на иностранных языках

Daly W.J. Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia. 1866–1905. Northern Illinois University Press, 1998.

Daly W.J. Watchful State: Security Police and Opposition in Russia. 1906–1917. Northern Illinois University Press, 2004.

Hingley R. The Russian Secret Policy: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operations: 1565–1970. London, 1970.

Squire P.S. The Third Department: The Establishment and Practice of the Political Police in the Russia of Nicholas I. London, 1968.

Zukerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880–1917. New York, 1996.